На Юго-Западном направлении, Воспоминания командарма

Кирилл Семёнович Москаленко

SHOUT
SHARE
IT

- Москаленко Кирилл Семёнович

Москаленко Кирилл Семёнович На Юго-Западном направлении, Воспоминания командарма (Книга I)

Москаленко Кирилл Семёнович
На Юго-Западном направлении.
Воспоминания командарма. Книга I

Аннотация издательства: Воспоминания Маршала Советского Союза К.С. Москаленко посвящены событиям на Юго-Западном фронте в годы Великой Отечественной войны. Настоящая книга охватывает период с первых приграничных сражений до весны 1943 г. На основе личных воспоминаний и обширного архивного материала автор подробно освещает боевые действия соединений и объединений, которыми ему довелось командовать. С большой достоверностью и правдивостью он рассказывает об исключительной стойкости воинов в обороне, их доблести и отваге в наступлении. Значительный интерес представляет описание боевых действий, многие из которых до настоящего времени мало освещены в советской литературе. На конкретных примерах в книге показана работа представителей Ставки Верховного Главнокомандования, командования фронтов, армий и их штабов.

Содержание

Введение
Глава I. Нашествие
Глава II. Тяжёлые испытания
Глава III. На левом фланге битвы под Москвой
Глава IV. Первая военная зима на юге
Глава V. Под Харьковом в мае 1942 года
Глава VI. Опять наступает враг
Глава VII. От Оскола к Дону
Глава VIII. Сталинград: контрудар первой танковой армии
Глава IX. Атаки первой гвардейской армии
Глава X. Наступление в междуречье Дона и Волги
Глава XI. Сороковая будет наступать!
Глава XII. Острогожско-Россошанская наступательная операция
Глава XIII. Воронежско-Касторненская, Белгородско-Харьковская...
Глава XIV. Образование южного фаса Курской дуги
Примечания

Введение

О Великой Отечественной войне написано уже много книг и статей. И, по-видимому, еще будет написано немало. Ведь о наполеоновских войнах писали более ста лет. А Великая Отечественная война 1941-1945 гг. по своим грандиозным масштабам, количеству участвовавших в ней сил и средств, уровню применявшейся разнообразной военной техники неизмеримо превосходит все предшествующие войны.

Мне как одному из участников величайшей в истории человечества войны тоже есть что рассказать и читателям моего поколения, и, главное, молодежи, принимающей от нас эстафету - боевые, овеянные славой знамена Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны, чтобы гордо нести их дальше, к вершинам человеческого счастья - к коммунизму. Для них и написаны эти воспоминания о боевых действиях на Юго-Западном направлении, где мне довелось сражаться с первого дня войны.

Считаю, однако, необходимым дополнить эти личные воспоминания о войне некоторыми мыслями, касающимися предшествовавшего ей периода, ибо без ясного, правильного представления о предвоенных мероприятиях в области обороны страны трудно понять как причины наших временных неудач в начале войны, так и истоки великой Победы Советских Вооруженных Сил. Об этих сторонах дела и хотелось бы сказать во Введении, не претендуя, конечно, на исчерпывающее их освещение.

Прошло более четверти века с момента вероломного нападения гитлеровской Германии - ударной силы международного империализма на нашу социалистическую Родину. Теперь всем известны итоги этой войны, самой ожесточенной и самой кровопролитной в истории человечества. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, вышел из нее победителем. Опираясь на мощь своего экономического и государственного строя, на могущество своих Вооруженных Сил, он не только разгромил гитлеровскую Германию, отстоял свою честь, свободу и независимость, завоевания Октября, но и освободил от фашистского ярма народы Европы, многие из которых встали на путь строительства социализма, спас мировую цивилизацию от коричневой чумы.

И во всем этом особо важное значение для Советских Вооруженных Сил имел предвоенный период. Успехи пятилеток в развитии экономики, индустриализации страны, коллективизация сельского хозяйства, в росте культуры - результат большой работы Коммунистической партии по воспитанию советских

людей в духе идей марксизма-ленинизма, преданности Родине. Огромное влияние на укрепление оборонной мощи Советского государства оказали морально-политическое единство и дружба народов СССР.

Достижения того славного периода во многом предопределили нашу историческую победу в Великой Отечественной войне.

Именно в годы индустриализации, предвоенных пятилеток закладывались технические основы нашей современной армии. Партия и Советское правительство в течение всех предвоенных лет в необычно трудных условиях капиталистического окружения повседневно укрепляли военное могущество страны. Советский пародод шел на величайшее самопожертвование, отказывал себе в самом необходимом, чтобы иметь современные вооруженные силы, мощную оборону.

Социалистическая индустриализация позволила в короткие сроки создать оборонную промышленность, способную обеспечить армию всеми видами известной тогда боевой техники. Ежегодный прирост оборонной продукции за три года третьей, предвоенной пятилетки составил 39%, а остальной промышленности - в среднем не более 13%. В 1939 г. были приняты решения о строительстве большого числа новых и реконструкции старых заводов по производству военной техники и вооружения, о переводе части предприятий других отраслей на выпуск оборонной продукции.

В интересах лучшей организации производства вооружения, боевой техники, боеприпасов и т. п. в том же году были созданы четыре Наркомата: авиапромышленности, судостроения, боеприпасов и вооружения. В 1940 г. Советское правительство, учитывая возросшее значение авиации, пересмотрело ранее принятый план развития ВВС в сторону сокращения сроков его выполнения. Постановлением "О реорганизации авиационных сил Красной Армии" предусматривалось иметь к концу следующего года в строю около 18 тыс. боевых самолетов.

На основе новейших достижений науки и техники в предвоенные годы были созданы бронетанковые войска, авиация, повышена мощь противовоздушной обороны и Военно-Морского Флота. За период с 1931 по 1940 г. огневые возможности сухопутных войск увеличились более чем в 3 раза, число боевых самолетов - в 7 раз, танков - в 43 раза. В предвоенный период вступило в строй 312 боевых кораблей, в том числе 206 подводных лодок. Только в первой половине 1941 г. было произведено 2650 самолетов новых конструкций, в том числе МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3, Пе-2 и Ил-2, свыше 600 тяжелых танков КВ и

1225 лучших в мире средних танков Т-34. На вооружение были приняты новые виды артиллерии, разработаны опытные реактивные установки БМ-13. Создавались государственные резервы и мобилизационные запасы черных и цветных металлов, топлива, горюче-смазочных материалов, продовольствия.

Во главе нашей оборонной индустрии партия поставила выдающихся организаторов - Г. К. Орджоникидзе, В. А. Малышева, И. Ф. Тевосяна, Б. Л. Ванникова, Д. Ф. Устинова, М. В. Хруничева, А. И. Шахурина, вырастила талантливые кадры конструкторов военной техники, в их числе С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина, А. С. Яковлева, А. Н. Туполева, А. И. Микояна, Н. А. Кучеренко, М. И. Кошкина, А. А. Морозова, Ж. Я. Котина, В. Г. Грабина, А. Г. Костикова, Г. С. Шпагина, В. А. Дегтярева, Ф. В. Токарева и др., чьи самолеты, танки, артиллерийские орудия, стрелковое оружие помогали воинам бить врага. И мы говорим слова солдатской благодарности рабочим оборонной промышленности, ученым, инженерам, техникам - всем тем, кто в предвоенные годы ковал мощь нашей армии. Все перечисленное убедительно свидетельствует, что в предвоенный период партия и правительство быстрыми темпами создавали материально-технические основы могущества наших Вооруженных Сил.

В самой армии в тот период шло интенсивное совершенствование форм и методов ведения боевых действий и одновременно проводились значительные изменения в организационной структуре войск на базе новой техники. Вооруженные Силы СССР готовились к предстоящим боям, опираясь на самую передовую военную науку. Это был период коренных военных реформ, поисков новых способов наиболее эффективного использования боевой техники, улучшения всей системы боевой подготовки войск, выработки советской военной доктрины.

Уделялось большое внимание развитию теоретической военной мысли, подготовке квалифицированных командных и политических кадров. К началу войны их готовили 19 академий, 10 факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ, в которых находилось 37,1 тыс. слушателей. Кроме того, в 203 военных училищах обучалось до 238,9 тыс. курсантов. Партия постоянно заботилась об идейной закалке личного состава, о воспитании его в духе беззаветной преданности делу коммунизма, всемерно крепила армейские партийные организации.

В 30-х годах проводились многочисленные учения и крупные по своим масштабам маневры в Белорусском, Киевском и других военных округах, где отрабатывались вопросы массированного

применения танков, авиации и десантных войск, а также проведение наступательных операций на большую глубину.

Насколько голословны утверждения некоторых военных историков и мемуаристов о том, что государственное и политическое руководство, а также высшее военное командование якобы не видели угрозы со стороны гитлеровской Германии, а также недооценивали роль мотора, машин в будущей войне, видно, например, из документов совещания руководящих работников Наркомата обороны, Генерального штаба, военных округов и армий. Известно, что совещание завершилось оперативно-стратегическими играми на картах. После этого участники игр были приглашены на заседание Главного Военного совета, проведенное в Кремле 13 января 1941 г. На нем присутствовали также члены Политбюро ЦК партии во главе с И. В. Сталиным.

На этом заседании начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков доложил о проведенных сборах и играх. Знаменательно, что уже тогда, как он отметил, содержанием одной из основных военных игр явились планы оперативного развертывания советских войск на случай нападения фашистской Германии. Этот факт не нуждается в комментариях.

Линию Центрального Комитета Коммунистической партии в области моторизации армии отразило выступление И. В. Сталина на указанном заседании. Как пишет генерал армии М. И. Казаков, присутствовавший на этом заседании, Сталин в своем выступлении указал на необходимость ускорить оснащение войск танками и подверг резкой критике ошибочные взгляды некоторых работников, недооценивавших моторизацию. "В течение нескольких лет,- говорил он,- Центральный Комитет партии и правительство буквально "навязывали" руководству Наркомата обороны мысль о необходимости создания крупных механизированных и танковых соединений. Но Наркомат обороны проявил в этом отношении какую-то удивительную робость... Кулик (зам. наркома обороны) защищает большую восемнадцатитысячную дивизию па конной тяге, он выступает против механизации армии. Правительство проводит механизацию армии, внедряет мотор в армию, а Кулик выступает против мотора. Это же все. равно, как если бы он выступил против трактора и комбайна, защищая соху и экономическую отсталость деревни. Если бы правительство стало на точку зрения Кулика, скажем, в годы коллективизации сельского хозяйства, то мы остались бы с единоличным хозяйством и с сохой".

В том же выступлении подчеркивалось: "Современная война будет войной моторов: моторы на земле, моторы в воздухе,

моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого больше моторов и больший запас мощностей".

Партия и правительство придавали серьезное значение механизации Советских Вооруженных Сил. К сожалению, история отпустила нам слишком малый срок. недостаточный для всесторонней подготовки к предстоящей войне. Паши экономические возможности, мощности промышленности еще не могли полностью удовлетворить в тот короткий срок потребности армии и флота. Нужно было выиграть время, оттянуть нападение гитлеровской Германии. И для этого Советское правительство предпринимало различные политические и дипломатические шаги. Принимая энергичные меры по укреплению обороноспособности страны, партия и правительство требовали от руководства Наркомата обороны организации необходимой подготовки к отражению возможного нападения.

Когда гитлеровцы оккупировали почти всю Западную Европу, гроза военного нападения фашистской Германии на Советский Союз резко возросла. По указанию ЦК ВКП (б) и СНК СССР народный комиссар обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К. А. Мерецков представили 18 сентября 1940 г. "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 годы". В этом документе подчеркивалось, что наиболее вероятным противником на Западе являлась гитлеровская Германия, а на Востоке - империалистическая Япония. Полмесяца спустя этот документ рассматривался руководителями партии и правительства. Он был по их указанию переработан и вновь рассмотрен 14 октября того же года.

И в дальнейшем этот план мобилизационного развертывания корректировался и уточнялся - уже под руководством нового начальника Генерального штаба Г. К. Жукова. В плане правильно оценивалась военно-политическая обстановка, верно определялись состав и группировка немецких войск и их возможных союзников королевской Румынии, хортистской Венгрии, маннергеймовской Финляндии и фашистской Италии, направления вероятных главных ударов, группировка наших сил и средств по операционным направлениям.

В связи с угрозой войны проводилось спешное развертывание Вооруженных Сил СССР. За период с 1 января 1939 г. по 1 июня 1941 г. их штатная численность возросла почти в 2,8 раза. С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. было развернуто 125 новых стрелковых дивизий. Началось формирование 29 механизированных корпусов, 27 артиллерийских полков я 10 артиллерийских противотанковых бригад РГК, 25 авиационных

дивизий. Дополнительно создавались фронтовые и армейские управления, строились командные пункты и аэродромы. Непосредственно в войсках пограничных округов проводились мероприятия по повышению боеготовности.

В начале 1941 г. были приняты меры по реализации планов прикрытия и стратегического развертывания войск. В январе войскам особых округов было приказано перейти на повышенную готовность. Срочно подтягивались стратегические резервы из Забайкалья, с Урала, из Восточной Сибири, Туркестана. По директивам Генерального штаба от 13 мая 1941 г. на рубеж Западная Двина - Днепр перебазировались: 22-я армия из Уральского военного округа, 21-я - из Приволжского, 19-я - из Северо-Кавказского, 25-й стрелковый корпус - из Харьковского военного округа. С 22 мая началась переброска 16-й армии из Забайкальского военного округа на Правобережную Украину. Всего из глубины страны выдвигалось 28 дивизий, 9 управлений корпусов, 4 управления армий. Вновь созданные механизированные корпуса интенсивно пополнялись техникой.

Подготовка к отражению военного нападения проходила в сложной международной обстановке. На Западе 'велась "странная" война. Ни немцы, ни союзники не пытались ввести в бой свои решающие силы. Советскому государственному руководству приходилось учитывать возможность создания империалистическими странами единого антисоветского фронта.

Так обстояло дело с подготовкой Советской страны и Вооруженных Сил на случай войны.

Читатель, тем более молодой, вправе спросить: если была проведена такая обстоятельная подготовка к отражению нападения, то почему же в первый период войны наши армии были вынуждены отходить? Потому что война началась в крайне невыгодных для нас условиях. Враг имел хотя и временные, но весьма существенные преимущества. Фашистская Германия при попустительстве империалистов Запада задолго до начала агрессия перевела свою экономику на военные рельсы. Затем немецкая армия, поддержанная всей мощью своей авиации, разгромила почти все армии Европы, вышла к Ла-Маншу, Атлантике, Адриатике, к берегам Средиземного моря, наконец, к нашим западным границам. В ее распоряжении оказались производственные и военные ресурсы, мобилизационные запасы покоренных стран.

Победы на Западе обеспечили гитлеровской Германии выгодное стратегическое положение, возможность развернуть против СССР многомиллионную армию и достичь значительного превосходства в силах и средствах на основных направлениях. В

первый удар против Советского Союза был вложен весь военно-экономический потенциал не только Германии, но по существу всей покоренной Европы: до 190 дивизий, до 50 тыс. орудий и минометов, свыше 3400 танков, около 5 тыс. самолетов.

Гитлеровская армия 1941 г. была самой сильной в капиталистическом мире. Она имела большой опыт ведения боевых действий и располагала высокоподготовленным генеральским и офицерским корпусом, имела слаженные штабы и была полностью отмобилизована. Не следует забывать, что фашистская Германия вела захватническую, грабительскую войну и по коварству и жестокости превзошла все худшие примеры, известные в истории войн.

Советский Союз, как уже отмечалось, не располагал достаточным временем для всесторонней подготовки страны и Вооруженных Сил к обороне. Сыграл определенную роль и просчет в определении дня и часа нападения фашистов.

Бои развернулись на огромном фронте от Белого до Черного моря. Ни одно государство не выдержало бы такого мощного удара.

Но Советское государство выстояло. Тяжелые испытания первого периода войны не сломили боевого духа наших воинов, стойкости советского народа, не поколебали веры в победу справедливого дела. Красная Армия остановила разбойничий поход гитлеровцев, отстояла свободу и независимость Родины и, разгромив захватчиков, освободила народы многих стран Европы от фашистского ига. Советский Союз одержал всемирно-историческую победу, только ему по плечу оказалась задача разгрома фашизма.

Мне довелось пройти всю войну, с первого до последнего дня, испытать вначале горечь неудач, а затем и радость, триумф победы. Непрерывно участвуя в боях и сражениях, командуя соединениями и армиями, я видел, как смело, самоотверженно, героически сражались советские воины-богатыри, от солдата до генерала, представители всех национальностей нашей Родины.

Уже начальный период войны показал, что фашистская авантюра обречена на провал. Именно тогда были перемолоты многие кадровые дивизии гитлеровцев. Воины Красной Армии, которые сражались в те дни, их боевые командиры и комиссары достойны такой же славы, как и участники обороны Москвы, Сталинградской и Курской битв, освободители Белоруссии и Украины, герои, водрузившие знамя Победы в Берлине над рейхстагом.

Четыре года длилась титаническая борьба советского народа с фашистским зверем. Тем, что советский народ, Красная Армия

выстояли и победили, мы во многом обязаны деятельности партии и правительства, возглавивших укрепление обороны страны в предвоенные годы, вдохновивших на невиданное мужество и героизм советских воинов и на самоотверженный труд весь наш народ. Коммунистическая партия вырастила плеяду прославленных военачальников и полководцев, чьи имена еще долго со страхом будут вспоминать бывшие гитлеровские вояки и те, кто хотел бы последовать их примеру.

А сколько крупных политработников для армии, членов Военных советов выдвинула партия! Они сыграли огромную роль в укреплении, цементировании стойкости, храбрости наших войск. Миллионы коммунистов, посланных партией на фронт за годы войны, увлекали за собой всю массу воинов в жестокие и тяжелые бои во имя грядущей победы над врагом.

Мы извлекли и учитываем в практике современного военного строительства опыт и уроки прошлого. Международная обстановка, агрессивные действия империалистов требуют постоянно держать в высокой боевой готовности наши Вооруженные Силы, особенно стратегические ракетные войска и войска противовоздушной обороны, атомный подводный флот, ударную силу сухопутных войск - танковые войска. Все наши усилия направлены к повышению постоянной боевой готовности и бдительности.

Грозным предостережением агрессорам прозвучало на весь мир заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, сделанное им в отчетном докладе XXIII съезду партии: "Наша партия видит свой долг в том, чтобы поддерживать высокую бдительность советского народа в отношении происков врагов мира, и делает все, чтобы агрессоры, если они попытаются нарушить мир, никогда не застали нас врасплох, чтобы возмездие настигло их неотвратимо и без промедления".

На торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 22 февраля 1968 г., посвященном 50-летию Советских Вооруженных Сил, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко перед руководителями партии и правительства, перед участниками заседания, перед всей нашей партией и советским народом, как клятву, произнес следующие слова: "Полвека реет над Советской страной бессмертное знамя Великого Октября, знамя социализма светлый символ надежды, свободы и счастья всех народов. И полвека у этого знамени на почетном боевом посту бдительно стоят Советские Вооруженные Силы. Каждое новое поколение защитников социалистического Отечества умножает вечно живые традиции беззаветного служения народу, партии, делу коммунизма. Безопасность страны

оберегают наследники революционной и боевой славы героев штурма старого мира и исторических битв за свободу и независимость нашей Советской Родины. Тесно сплоченные вокруг Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, советские воины всегда готовы оправдать доверие своего народа, всего прогрессивного человечества".

* * *

Настоящая книга освещает некоторые события Великой Отечественной войны па юго-западе нашей страны. В пой рассказывается о боевых действиях соединений и объединений, которыми мне пришлось командовать в период минувшей войны.

Не претендуя на исчерпывающее изложение всего хода вооруженной борьбы на юго-западном направлении, я писал лишь о тех событиях, которые оставили особенно глубокий след в моей памяти. Надеюсь, что мои воспоминания дополнят ранее опубликованные описания боевых действий Юго-Западного, Сталинградского и Воронежского фронтов и будут способствовать военно-патриотическому воспитанию молодежи.

За помощь в подготовке этой книги выражаю глубокую благодарность полковнику И. Д. Фосту, полковнику С. Ф. Рыбаку, а также генералам и офицерам Военно-научного управления Генерального штаба, отдела печати Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Института военной истории и Архива Министерства обороны.

Глава I. Нашествие

I

Последнюю предвоенную весну я встретил в Молдавии. Помню, пышно цвели сады. Еще недавно спокойные реки бурлили половодьем. Ожили поля, виноградники. С восходом солнца на них закипала работа, радостная, с песней и веселой шуткой. Возвращались люди по вечерам тоже с песней. И до поздней ночи в селах не умолкала музыка, кружилась в танце молодежь.

Так хороша была та молдавская весна, что не раз становилось грустно при мысли о предстоящем отъезде.

Служба то и дело бросала меня, как, впрочем, и многих других военных, из конца в конец страны. Сначала на Украину, потом на Кавказ и в Белоруссию, оттуда в Сибирь, на Дальний Восток. Довелось мне служить и учиться в Ленинграде. Затем возвратился на Украину, но ненадолго: перевели в Молдавию. А теперь предстояло попрощаться и с этим полюбившимся мне краем.

Здесь я служил начальником артиллерии 2-го механизированного корпуса. Командовал им генерал-лейтенант

Юрий Владимирович Новосельский, старый солдат, участник трех войн - первой мировой, гражданской и с белофиннами. Он был хороший товарищ, боевой командир.

В состав корпуса входили 15-я моторизованная, 11-я и 16-я танковые дивизии. Их командирами были соответственно: генерал-майор Михаил Дмитриевич Соломатин, полковник Григорий Иванович Кузьмин и полковник Михаил Иванович Мындро, мой сослуживец по 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии, где мы в 1930-1931 гг. были начальниками штабов полков, он - механизированного, а я конно-артиллерийского.

В то время многих кавалеристов переподготавливали для службы в танковых войсках, и это было веянием времени, одним из слагаемых продолжавшегося уже несколько лет перевооружения Красной Армии. Что касается меня, то мое знакомство с танками началось еще в 1936 г. Тогда я служил на Дальнем Востоке в танковой бригаде и, конечно, изучал танки. Однажды командующий ОКДВА{1} Маршал Советского Союза В. К. Блюхер лично проверял меня по вождению и стрельбе из танков БТ-7 и Т-20. На Т-26 мне довелось ходить в атаку во время войны с белофиннами в 1940 г.

Теперь и я был аттестован на должность командира танковой дивизии и со дня на день ждал нового назначения. А пока с головой окунулся в жизнь корпуса.

Она лишь внешне была обычной. Словно в поле перед грозой: кажется, все прежнее - и небо, и земля, и люди, но нет, они настороже, они полны предчувствием неведомого. Так было, наверно, повсюду в войсках, находившихся в наших приграничных районах в ту весну. Боевая учеба, перенесенная в поле, никогда еще не была такой напряженной. Необычными были и поступления большого количества новой боевой техники, и пристрастие, с каким мы ее осваивали. Тактические занятия, стрельбы, вождение машин и многие другие виды боевой подготовки заполняли все дни, а подчас и ночи.

Первомайский праздник 1941 г. запомнился мне двумя событиями. Командир корпуса, принимавший парад воинских частей в Тирасполе, поручил мне сделать то же самое в Бендерах. Парад прошел хорошо, и настроение было по-настоящему праздничное. Второе событие было далеко не радостным. Это было прощание с матерью. Она приехала ко мне с Украины погостить, и я посвящал ей все свои свободные минуты. 2 мая она уехала домой, взяв с меня обещание приехать за ней при первой возможности.

В тот день мне подумалось: хорошо, что она будет дома, в Донбассе, вдали от границы, за которой притаился враг. Я не

знал, что война, которая скоро заполыхает, докатится и туда, не знал, что не увижу больше мать...

Три дня спустя меня вызвали в Москву, в Наркомат обороны.

...Новое назначение было не таким, как предполагалось. Приказ наркома обороны предписывал мне отправиться в Киевский особый военный округ и принять командование 1-й артиллерийской противотанковой бригадой резерва Главнокомандования (РГК). Она была не только по номеру, но и формирование начала первой из десяти таких бригад, создававшихся в то время в Красной Армии. Словом, я должен был стать не танкистом, к чему готовился последнее время, а полной противоположностью этому - истребителем танков. Но это не огорчило меня. Быть может потому, что заинтересовал сам факт создания новых формирований - артиллерийских соединений, специально предназначенных для отражения танковых ударов противника. Радовало то, что по штату вся тяга в бригаде была механическая - ни одной лошади, только моторы. А это означало подвижность, маневренность на поле боя.

Я понимал: изменение организационных форм противотанковой артиллерии, несомненно, связано с тем, что политическое и военное руководство страны видело неизбежность войны, нависавшей над нашей страной. Потому и стремилось оно достичь количественного и качественного усиления артиллерии противотанковой обороны общевойсковых соединений. Опыт войны на Западе показал, что армии буржуазных государств Европы не устояли против массированного применения танков немецко-фашистским вермахтом. Они не противопоставляли ему массирования противотанковых огневых средств, организационно рассредоточили их в общевойсковых соединениях.

Артиллерийские противотанковые бригады в нашей армии должны были явиться подвижным оперативным резервом командования армии или фронта, предназначавшимся для локализации прорыва крупных танковых масс противника на том или ином участке фронта. Бригады как раз и являлись мощными и высокоманевренными артиллерийскими соединениями, способными создать костяк противотанковой обороны на путях вторжения вражеских танков. Только моторизованные артиллерийские противотанковые соединения совместно с танками можно было противопоставить массированному применению танков врага.

Еще одно подтверждение давно уже не покидавшей меня мысли о том, что война быстро надвигалась на нашу страну, я получил в Киеве, куда, не задерживаясь в Москве, отправился, чтобы представиться командованию округа. Здесь мне предстояло

узнать, где искать свою бригаду.

Командующий войсками округа генерал-полковник М. П. Кирпонос принял меня сразу. Я знал о нем немногое: он был образованным в военном отношении человеком и проявил себя храбрым и волевым командиром во время войны с белофиннами в 1939- 1940 гг. Войдя к нему в кабинет, я увидел, что из-за стола поднялся человек выше среднего роста со звездами генерал-полковника в петлицах. Он сделал несколько шагов мне навстречу, приветливо поздоровался и, пригласив сесть, сразу приступил к делу.

Сначала М. П. Кирпонос счел необходимым пояснить, почему при назначении командира бригады выбор пал на меня. Оказывается, решающую роль сыграло то, что мне довелось служить и в коннице, и в артиллерии, и в танковых войсках, да кроме того, я получил артиллерийское образование. Действительно, 11 лет службы в 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии, около четырех лет в 1-й Особой кавалерийской дивизии, остальное время - в других родах войск и на учебе.

- Поэтому полагаю,- сказал командующий округом,- что вы справитесь с возложенной на вас задачей.- И тут же добавил: - Однако учтите: времени мало. Люди и техника для бригады находятся в пути, а часть их уже на месте. Скоро вы получите все недостающее по штатам военного времени. Сосредоточьте внимание на боевой подготовке и форсировании формирования. Поторопитесь!..

М. П. Кирпонос поставил меня в известность о том, что бригада, оставаясь резервом Главнокомандования, одновременно подчинена в оперативном отношении командующему 5-й армией, штаб которой находился в г. Лупке. Сказав, что туда мне и надлежит выехать немедленно, Михаил Петрович тепло, душевно попрощался, пожелал успеха.

Во время беседы он по телефону дал кому-то указание направить со мной поездом полученную новую легковую машину с водителем. Я понял, что он не только строгий начальник, но и заботливый человек по отношению к своим подчиненным.

Больше не довелось мне встретиться с этим храбрым, мужественным генералом. Не прошло и пяти месяцев, как он погиб в дни тяжелых испытаний, оставив по себе добрую и светлую память в сердцах тех, кто знал его близко, и многих из тех, кто, подобно мне, виделся с ним лишь однажды.

С такой же теплотой вспоминается мне член Военного совета округа корпусный комиссар Н. Н. Вашугин, с которым я познакомился в кабинете командующего. Он тут же увел меня к себе, расспросил о прежней службе, учебе. Потом спросил,

доволен ли я своим назначением. Выслушав меня и получив ответы на все вопросы, он, улыбнувшись, сказал:

- Рад видеть, что вы из комсомольца, красноармейца, получившего боевое крещение восемнадцатилетним юношей, выросли до генерала, коммуниста. Боевой опыт и хорошая теоретическая подготовка - важное и нужное дело для командира, особенно на службе в приграничном округе.

Н. Н. Вашугин дал много хороших советов относительно работы политорганов и парторганизаций бригады. Он произвел на меня впечатление человека, глубоко убежденного в непреоборимой силе нашего народа и пашей партии. Ничто в нем не давало повода думать, что он способен потерять душевное равновесие и покончить с собой, как это и случилось в самом начале войны.

Представился я тогда и начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву. О нем сейчас пишут, что он был суховат и излишне резок. Не знаю, может быть. Но меня он принял хорошо, был приветлив, рассказал об особенностях службы в округе, о новых формированиях, в том числе и о 1-й артиллерийской противотанковой бригаде.

Сдержанным и скупым на слова он стал лишь тогда, когда речь зашла о положении дел на границе. Впрочем, и того, что сказал начальник штаба округа, было, пожалуй, более чем достаточно, чтобы почувствовать его встревоженность. Порекомендовав прежде всего завершить сколачивание частей и развернуть боевую подготовку, он сказал:

- Группировка немецких войск на границе увеличивается. Их пограничники ведут себя нагло, вызывающе.

На этом мы с ним и простились. У меня не оказалось времени даже на то, чтобы повидаться с товарищами, служившими в Киеве. Я должен был спешить на запад, навстречу неизвестному.

II

С командующим 5-й армией генерал-майором танковых войск М. И. Потаповым мне раньше не приходилось встречаться. Я знал лишь, что он участвовал в боях на Халхин-Голе в 1939 г. Да еще приходилось слышать о нем, как о волевом, энергичном генерале.

Встретил он меня просто, держался по-товарищески. И мне с ним было легко. Казалось, мы давно знакомы, а не только что впервые встретились. Он ознакомил меня с дислокацией войск. Потом показал на карте железнодорожную станцию Киверцы, расположенную чуть севернее Луцка.

-Здесь начала формироваться твоя бригада,-сказал он.- Займешь вот тут, рядом, участок леса, построишь лагерь...- Улыбнулся, развел руками.- В Луцке у меня даже приличной

квартиры нет для тебя. Но мы еще построим и казармы для бригады, и квартиры. А пока бери что есть. Знаю, нелегко тебе придется с формированием и размещением частей. Приезжай почаще, будем вместе преодолевать трудности.- И в заключение повторил напутствие, которое я получил в Москве и Киеве: - Главное - без промедления заканчивай сколачивание частей и подразделений. Все внимание - боевой подготовке...

Командарм познакомил меня с членом Военного совета армии дивизионным комиссаром М. С. Никишевым, начальником политотдела бригадным комиссаром Е. А. Кальченко и начальником артиллерии генерал-майором В. И. Сотенским. Сразу же после этого я выехал в Киверцы.

Там меня уже ждали. Прибывшие к этому времени части и подразделения были построены. Докладывал старший из офицеров командир 712-го артполка полковник А. П. Еременко. Поздоровавшись, я обошел строй, с удовлетворением отметил отличную выправку и вообще хороший внешний вид личного состава.

Прежде всего нужно было позаботиться о размещении людей в лагере. Не стационарном, конечно, а полевом, устройство которого не требовало много времени. Я отвел на это три дня. Весь личный состав тотчас же приступил к оборудованию лагеря. Одновременно по моему приказанию начальник штаба майор Н. И. Крылов начал составлять план занятий для всех частей и подразделений на ближайшие несколько дней и, кроме того, на месяц. Расписание, как мы договорились, должно было предусматривать уплотненную боевую подготовку-по 8-10 часов в день, а также 2-3 ночных занятия в неделю.

С заместителем по политчасти батальонным комиссаром Н. П. Земцовым мы обсудили в общих чертах задачи партийно-политической работы на ближайшее время. Он тут же принялся разрабатывать соответствующий план. Для культурно-массовых мероприятий решили отвести субботние вечера и воскресенья. Все остальные дни, а если понадобится, то и ночи, должна была занять боевая подготовка.

При ближайшем ознакомлении личный состав произвел на меня такое же хорошее впечатление, как и при первой встрече. Бойцы и младшие командиры в основном были из рабочих крупных промышленных предприятий. Среди них было много коммунистов, комсомольцев. Большинство имело среднее или незаконченное среднее образование. Должности старшего и среднего командного состава были укомплектованы хорошо подготовленными офицерами, имевшими большой опыт командования.

Словом, бойцы, командиры, политработники, почти все шесть тысяч человек, составлявших бригаду, были как на подбор. И это почувствовалось уже в том, как выполнил личный состав первую поставленную ему задачу. Люди работали, не зная устали, не считаясь со временем, и полевой лагерь был готов к назначенному сроку. А тем временем прибывали все новые эшелоны с людьми и боевой техникой. Разгрузка шла быстро, четко. Вновь прибывшие буквально с ходу включались в напряженный ритм жизни бригады, в боевую учебу.

Успеху занятий способствовало исключительно высокое моральное состояние личного состава. Кроме того, красноармейцы и младшие командиры от подъема до отбоя видели рядом с собой своих непосредственных начальников. Командиры и политработники всех рангов учили личным примером, по очень простому, но всегда оправдывающему себя методу "делай, как я", и это тоже воодушевляло бойцов, помогало им добиваться успехов в учебе.

Занятия по огневой подготовке сменялись маршами, полевыми учениями с большим количеством вводных, отрывкой окопов, сменой огневых позиций и боевыми стрельбами. Учеба велась днем и ночью, при любой погоде. Подразделения часто поднимались по тревоге. Все было подчинено задаче выработать необходимые навыки и стойкость истребителей танков в ограниченное время.

А вечерами, после до отказа заполненного дня, бойцы занимались еще и различными хозяйственными делами, связанными с дооборудованием лагеря. Но никто не жаловался на такую значительную физическую нагрузку. Напротив, все понимали, что иначе нельзя. Так и говорили об этом во время бесед в Ленинских палатках, на партийных и комсомольских собраниях.

Да, иначе нам нельзя было. И об этом заходила речь при каждой моей встрече с командармом.

С 8 мая, дня моего прибытия в Киверцы, прошла всего лишь неделя, а мне уже пришлось побывать у него несколько раз. Этого требовали интересы быстрейшего формирования и укомплектования бригады. И вот, разрешив насущные вопросы, мы всегда как-то незаметно переходили к обмену мнениями об обстановке на границе.

Угроза со стороны гитлеровской Германии была очевидной. К тому времени, после разгрома армий стран Западной Европы, а затем балканских - Югославии и Греции, немецко-фашистское командование усилило переброску своих войск на восток, к нашим границам. В какой-то мере мы знали об этом, и с каждым

днем вопрос о намерениях фашистов становился все более тревожным.

Мы часто беседовали об этом, и постепенно положение на границе стало для нас самым насущным вопросом. Однажды Потапов выразил беспокойство по поводу того, что в механизированных корпусах было недостаточно новых танков КВ и Т-34. И тут же спросил, все ли вооружение получено бригадой. Я доложил, что прибыла вся материальная часть артиллерии. И добавил, что хотя вместо 107 мм пушек прибыли зенитные 85 мм, однако по своим тактико-техническим данным они могут быть с успехом использованы против танков. Тем более, что начальная скорость, а следовательно, и пробивная способность их снарядов выше, чем у 76 мм.

Михаил Иванович внимательно выслушал, удовлетворенно кивнул головой.

- Это очень, очень хорошо,- подчеркнуто сказал он. Помолчал, думая о чем-то. Потом заговорил снова, тихо, спокойно:

- По всему видать, Кирилл Семенович, что времени у нас с тобой немного. Обстановка очень тревожная. Сосредоточение немцами нескольких десятков дивизий перед нами на границе определенно имеет отношение к нам. Думаю, что фашистское командование готовит против нас не просто провокацию, а что-то похуже...

16 июня генерал Потапов вновь вызвал меня. Когда переговорили о текущих делах, он спросил:

- Читал сообщение ТАСС от 14 июня? Что думаешь по этому поводу?

Люди моего поколения, вероятно, хорошо помнят это сообщение, о котором впоследствии было написано много надуманного. В сообщении указывалось, что слухи о намерении Германии напасть на СССР "лишены всякой почвы". Но это был лишь дипломатический ход, имевший целью выявить реакцию вероятного противника. Правда, такой характер этого сообщения стал ясен много времени спустя. Тогда же, в середине июня 1941 г., я мог лишь ответить, что сообщение меня удивило. Было бы, мол, прекрасно, если бы на нас не собирались напасть, но что-то не верится в мирные намерения фашистской Германии. Так что полагаю, добавил я, сообщение сообщением, а нам нужно быть начеку. Михаил Иванович кивнул головой:

- Я тоже так думаю, ведь немцы действительно сосредоточивают против нас много войск. Помолчав, он сказал:

- У тебя, Кирилл Семенович, части моторизованные, подбери хороших, грамотных в военном отношении людей, и пошли к границе, пусть произведут рекогносцировку местности и

понаблюдают за немцами, их поведением. Да и для тебя это будет полезно: бригаде надо изучать местность но всему возможному фронту армии. Кто знает, что может быть в дальнейшем.

Он подошел к сейфу, достал карту и ознакомил меня с дислокацией и группировкой войск армии в полосе Влодава - Крыстынополь.

За неделю до начала Великой Отечественной войны в состав войск 5-й армии входили 15-й и 27-й стрелковые корпуса, 22-й механизированный корпус, Ковельский и Владимир-Волынский укрепленные районы, два узла обороны Струмиловского укрепленного района{2}, 939-й отдельный батальон связи, а также ряд тыловых армейских частей. Кроме того, на территории армейского оборонительного района дислоцировались некоторые соединения и части, которые находились только в оперативном подчинении армия.

Правофланговый 15-й стрелковый корпус под командованием полковника И. И. Федюнинского имел в своем составе две стрелковые дивизии, два артиллерийских полка, зенитный артиллерийский дивизион, батальон связи и саперный батальон. 45-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Г. И. Шерстюка дислоцировалась в семи населенных пунктах, удаленных от границы и рассредоточенных по фронту и в глубину на 20-60 км. 62-я стрелковая дивизия под командованием полковника М. П. Тимошенко с 20 июня 1941 г. располагалась в районе юго-западнее г. Ковель. Корпусные части и управление корпуса дислоцировались в районе города Ковель.

В состав левофлангового 27-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора П. Д. Артеменко входили три стрелковые дивизии и такие же корпусные части, как в правофланговом. 87-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ф. Ф. Алябушева находилась в 12 км от границы, и только ее артиллерийский противотанковый дивизион был расположен в 25 км от границы. 124-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Ф. Г. Сущий, дислоцировалась отдельными гарнизонами в десяти населенных пунктах в 10-12 км от границы и на глубину до 40 км. 135-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ф. Н. Смехотворова располагалась с 21 июня 1941 г. в 90 км от границы, где она заменила 62-ю стрелковую дивизию. Управление корпуса и корпусные части - в 110 км от границы.

22-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск С. М. Кондрусева в составе 19-й танковой, 215-й моторизованной дивизий и корпусных частей дислоцировался в 140 км от границы. Кроме того, в районе

Владимир-Волынского находилась его 41-я танковая дивизия.

Когда генерал М. И. Потапов ознакомил меня со всем этим, мы простились, и я уехал к себе. По пути в лагерь в голову то и дело приходила одна и та же мысль: что готовит противник? А в том, что он задумал недоброе, уже почти не оставалось сомнений. Прибыв поздно ночью в лагерь, я прошелся по передней линейке, заглянул в палатки. Все было спокойно, бойцы спали. Потом зашел в штаб, в свою комнату, просмотрел план занятий на завтрашний день, продумал, что еще нужно сделать. Однако тревога не унималась, и мысли опять возвращались к нашему разговору с Потаповым. Я испытывал желание с кем-нибудь поделиться своими мыслями. Но время было позднее, и я лог отдыхать с тревогой в душе.

В течение месяца с небольшим бригада в основном была сформирована и теперь представляла собой крепко сколоченный и хорошо управляемый войсковой организм. Продолжалась усиленная боевая подготовка. Изо дня в день росли воинское мастерство и физическая закалка бойцов и командиров. Уже были созданы во всех подразделениях и активно работали под руководством политотдела партийные и комсомольские организации, сразу же ставшие застрельщиками повышения боевой выучки, политических знаний и дисциплины.

Многое было достигнуто за этот короткий срок. Бойцы и командиры убедились в мощности своих орудий и в том, что броня современных немецких танков в случае их нападения наверняка будет пробиваться нашими снарядами. Уверенность в этом, появившаяся после того, как орудийные расчеты начали действовать слаженно, поражая без промаха цели на стрельбищах, имела исключительно важное значение. Ведь первое условие успеха в бою - вера в свои силы.

Обрели эту веру и штабы. Они хорошо справились с планированием и контролем боевой подготовки. Теперь им оставалось столь же успешно отработать технику управления моторизованными подразделениями, обладающими высокой подвижностью. Эта задача диктовалась тем, что наши штабные работники здесь, в бригаде, впервые встретились с полной заменой конной тяги моторами.

Мощное, высокоподвижное огневое противотанковое соединение-такой была наша бригада. Она имела в своем составе два пушечных артиллерийских полка, минно-саперный и автотранспортный батальоны и подразделения обслуживания. В каждом полку было по два дивизиона 76 мм пушек (24 орудия), по три дивизиона 85 мм пушек (36 орудий) и по одному зенитному дивизиону (восемь 37 мм орудий и 36 пулеметов

ДШК). Таким образом, в бригаде было 48 орудий 76 мм, 72 орудия 85 мм, 16 орудий 37 мм и 72 пулемета ДШК. Полностью были мы обеспечены снарядами, в том числе бронебойными, полученными как раз в тот день, когда командарм приказал произвести рекогносцировку в районе границы.

Пока я думал обо всем этом, мысленно проверяя боеготовность бригады, окончилась короткая июньская ночь. Начало светать.

В то утро я выслал три разведывательно-рекогносцировочные группы к границе - в районе Любомля, Устилуга, Сокаля. Благодаря этому мы к 19 июня располагали сведениями о том, что вблизи Устилуга и Владимир-Волынского замечено оживленное движение по ту сторону Западного Буга. Стало также известно, что оттуда ведется усиленное наблюдение за нашей стороной, а немецкие саперы удаляют инженерные заграждения на границе.

У меня не оставалось сомнений в том, что фашисты нападут на нас в один из ближайших дней. Так я и сказал командующему армией.

Этот наш разговор произошел 20 июня, когда Потапов вновь вызвал меня к себе в Луцк. Всегда очень корректный, Михаил Иванович на этот раз был так взволнован, что даже не пригласил сесть. Впрочем, он и сам был на ногах. Поздоровавшись и продолжая нервно вышагивать по кабинету, он как-то прямо, в упор, спросил, что я думаю о возможности войны с немцами. Услышав мой ответ, что за Бугом готовятся к нападению и столкновения нам не избежать, он перестал ходить, повернулся ко мне и резко сказал:

- Нам действительно нужно быть начеку. Похоже, что фашисты и впрямь не нынче, так завтра нападут на нас. И не одни мы с тобой так думаем.

Он взял со стола листок, протянул мне. Это было распоряжение генерал-полковника Кирпоноса, сделанное им, как я узнал впоследствии, по указанию наркома обороны. В распоряжении отмечалось, что многие командиры неоправданно увлекаются созданием красивых парков для машин и орудий, в яркие цвета раскрашивают боевую технику и при этом держат ее на открытых площадках. Далее предписывалось немедленно вывести всю боевую технику из открытых мест в леса, рассредоточить и укрыть ее от наблюдения как наземного, так и особенно с воздуха.

Все эти замечания относились и к 1-й артиллерийской противотанковой бригаде. Буквально два дня назад мы закончили оборудование точно такого парка, о каких писал командующий

округом. Расчистили дорожки и площадки, посыпали их желтым песком и даже сделали обрамление из мелких камешков. 18 июня, когда все это было готово, у нас в лагере побывал командарм. А так как у танкистов, к числу которых и он принадлежал, устройство образцовых парков боевых машин было традицией, то ему наши старания очень понравились.

Теперь же оказалось, что хвалить нас в этом отношении не за что.

Возвратившись в Киверцы, в лагерь, я собрал командный состав и сообщил о требовании командующего войсками округа. Тут же определил места рассредоточения частей и приказал немедленно вывести из парка и замаскировать в лесу всю боевую технику, а к исходу следующего дня сделать то же самое с тягачами, автомобилями и другими машинами.

Когда под вечер 21 июня в расположение бригады прибыл генерал Потапов, этот приказ был уже выполнен. Командарм ознакомился с рассредоточением и маскировкой частей, сказал, что доволен.

Наступила ночь на 22 июня. Мне нужно было попасть рано утром в штаб армии, поэтому я решил заночевать в Луцке. В лагере все уже спали, когда я уехал. Со мной были мой адъютант старший лейтенант Н. И. Губанов и шофер В. А. Кекелия. Вскоре мы были в городе, на временной квартире, предоставленной мне по распоряжению Потапова. Наскоро поужинав, легли спать.

III

Телефонный звонок поднял меня с постели. Схватив трубку, я услышал взволнованный голос Потапова: фашисты напали на нас, ведут артиллерийский обстрел войск на границе, бомбят аэродромы и города. Без промедления я позвонил в лагерь своему заместителю по политической части батальонному комиссару Н. П. Земцову и приказал объявить боевую тревогу, а сам быстро оделся и с адъютантом и водителем выскочил во двор, где стояла машина.

Было раннее тихое утро. Едва мы выехали на улицу, как тишину взорвали частые выстрелы. Мы слышали их до тех пор, пока не выехали из города. Для нас это были первые выстрелы войны.

Как вскоре выяснилось, огонь вели оуновцы, украинские и польские националисты, враждебно настроенные против нас, и засланные немецко-фашистским командованием диверсанты. Тут я, кстати, вспомнил, что только позавчера на одном хуторе, возле Луцка, в сарае со старым сеном наши чекисты засекли и оцепили нелегальное сборище 20 оуновцев, деятельность которых в последнее время оживилась. Видно, тогда их не всех выловили...

Наша машина проскочила город и выехала на шоссейную дорогу. Проезжая мимо аэродрома, мы увидели, что его бомбят около тридцати немецких бомбардировщиков. Ни один наш самолет не поднялся в воздух, часть из них горела на земле. Мы проскочили мимо аэродрома и прибыли в лагерь, к зданию, где размещался штаб. Я поднялся на второй этаж и забежал в комнату, в которой жил Н. П. Земцов. Он улыбнулся мне, спросил:

-Что, маневры начались? То-то слышу взрывы и стрельбу, но бригада в них ведь не принимает участия. Я резко ответил:

- Какие к черту маневры! Война! Немцы напали на нас. Слышишь, бомбят аэродром?

Я спустился вниз, к машине, подъехал к передней линейке у палаток.

О дальнейшем мне напомнил в 1967 г. в своем письме бывший красноармеец К. С. Бодаков. "...Я с вами встречал войну,- писал он.-Я ваш солдат тяжелого 41-го года. Служил я радистом в 1-й противотанковой бригаде... Располагались мы лагерем в лесу, недалеко от станции или местечка Киверцы.

Вспоминаю вас. 22 июня я был дневальным. Удивился, что ваша "эмка" в такой ранний час приближалась к расположению нашего дивизиона. Приготовился доложить, что, конечно, "никаких происшествий не произошло". Вы быстро вышли из машины и сказали в мою сторону: "Отставить. Где сигналист?" Я указал на палатку. Вы открыли полог и громко: "Сигналист, тревога!" И ко мне: "Дневальный, тревога!" И так началось".

Лагерь мгновенно проснулся. Палатки опустели. Личный состав частей и подразделений быстро занял свои места у орудий и машин. Начальник штаба майор Крылов и батальонный комиссар Земцов держались возле меня. Мы все прислушивались к гулу, доносившемуся с запада. Он все усиливался. Вдруг над поляной, где еще два дня назад был расположен наш ярко разукрашенный парк орудий, боевых и транспортных машин, появилось свыше сорока юнкерсов. Снизившись, они сделали круг, затем другой, но ничего не обнаружили и, не сбросив бомб, удалились в сторону Луцка.

Мы быстро пошли в штаб. Здесь я вскрыл мобилизационный пакет и узнал, что с началом военных действий бригада должна форсированным маршем направиться по маршруту Луцк, Радехов, Рава-Русская, Немиров на львовское направление в район развертывания 6-й армии. Немедленно доложил об этом по телефону генералу Потапову. Выслушав, он сказал:

- Обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась: немецкие войска форсировали реку Западный Буг в полосе

Устилуг, Сокаль и продвигаются на Владимир-Волынский. Поэтому прошу вас, наконец, требую, выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом уничтожить противника, перешедшего границу, и восстановить положение.

Я ответил:

- Бригада является резервом Главнокомандования. Выполнить ваше требование, противоречащее мобилизационному плану, не могу.

Потапов попросил подождать у телефона, пока он свяжется с Москвой или Киевом. В этом я не мог ему отказать. Тем более, что бригада еще готовилась к маршу. Минут через 15-20 командарм позвонил снова.

- Связь с Москвой и Киевом прервана,- сказал он.- Противник ведет наступление по всему фронту армии. 41-я танковая дивизия подверглась массированному удару с воздуха и артиллерийскому обстрелу и почти полностью погибла{3}. Город Владимир-Волынский с минуты на минуту будет захвачен врагом.- Голос Потапова с тал тверже, требовательнее.- Учитывая сложившуюся обстановку, приказываю: бригаде следовать, как я уже ранее сказал, на Владимир-Волынский и во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом генерал-майора Кондрусева разбить противника, перешедшего границу, восстановить положение. Границу не переходить. Всю ответственность за нарушение бригадой задачи, предусмотренной мобилизационным планом, беру на себя.

Я счел решение генерала Потапова в создавшейся обстановке правильным, поэтому повторил приказание и, собрав командиров полков я дивизионов, сообщил им о поставленной командармом задаче. Выступление бригады назначил на 10 часов.

Сборы, как говорится, были недолги, и в этом тоже сказались высокие результаты, достигнутые бригадой за несколько недель напряженной учебы. Назначенное время еще не истекло, а начальник штаба уже доложил о готовности частей к маршу.

Короткий митинг перед выступлением. В нескольких словах я сказал о вероломном нападении гитлеровской Германии, о задаче, поставленной нам командующим 5-й армией. Говорю, с волнением вглядываясь в лица бойцов и командиров. Разные они. Одни вспыхивают от внезапного гнева, другие необычайно бледны. В их глазах недоумение, боль. Но есть в каждом взгляде какое-то общее для всех чувство. Я понимаю его, ибо и сам испытываю то же самое. Это сознание, что в дом пришла беда, о которой мы думали не раз, понимая ее неизбежность и в то же время надеясь, что она, быть может, минует нас. Теперь эта

надежда качалась нам наивной. В мире, где существовал фашизм, нападение на нас было неминуемым. И вот оно свершилось...

- По машинам!

Команды выполняются четко, быстро. Выходит на марш головная колонна. За ней устремляются остальные боевые части. Тыловые подразделения догонят нас на грузовиках с боеприпасами, горючим и продовольствием. А пока они остаются на месте. Впрочем, и мы ведь еще собираемся вернуться в свой лагерь. Вернуться, восстановив положение на границе и таким образом выполнив приказ.

Такой представлялась нам предстоящая схватка с вторгшимся врагом, когда в 10 часов 22 июня 1941 г. мы двинулись ему навстречу, к границе.

IV

Первая встреча с противником состоялась в особенно неблагоприятных для бригады условиях: он напал на нас с воздуха на марше.

Авиационные удары обрушивались в тот день на войска 5-й армии с самого рассвета. Фашистские бомбардировщики в течение первых часов после нападения разрушили многие военные городки и прервали линии проводной связи. Все же к 10-11 часам дня почти все части (я имею в виду первые эшелоны войск прикрытия границ) были выведены с зимних квартир и лагерей и двигались к границе, на линию строившихся укрепленных районов, вооружение которых не было завершено. Немецкая же авиация к этому времени переключилась на непосредственную поддержку своей пехоты и танков, вторгшихся в глубь приграничной зоны. Однако часть вражеских бомбардировщиков продолжала наносить удары по двигавшимся колоннам советских войск.

Одному из таких нападений подверглись и мы. Это произошло сразу же после того, как бригада миновала Луцк и за ним мост через р. Стырь. Одна за другой налетали на нас волнами группы по 20-30 бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Оглушительно рвались бомбы, трещали пулеметы, грохотали пушки.

Густая пелена дыма и пыли окутала шоссе. Нам стало трудно двигаться по нему. Но и фашистские летчики уже не могли выбирать цели. Это несколько облегчило наше положение. Главное же, колонны безостановочно шли вперед, рассредоточившись, на высокой скорости, и именно это спасло бригаду.

На полпути между Луцком и Владимир-Волынским наш передовой отряд догнал небольшую колонну из нескольких

бронемашин с двумя танками. Оказалось, что мы встретились с командиром 22-го механизированного корпуса и оперативной группой его штаба. Сразу же познакомились. Я информировал генерал-майора С. М. Кондрусева и начальника штаба корпуса генерал-майора В. С. Тамручи относительно поставленной бригаде задачи.

Кондрусев в свою очередь подтвердил, что им получен приказ нанести удар по вторгшемуся противнику в районе Владимир-Волынского. Однако тут же выяснилось, что две из трех дивизий корпуса - 19-я танковая и 215-я моторизованная выдвигались из Ровно (140 км от государственной границы) в район Ковеля и могли прибыть туда лишь к исходу следующего дня. Относительно третьей споен дивизии-41-и танковой Кондрусев знал лишь то, что утром 22 июня она находилась в месте расквартирования - на западной окраине Владимир-Волынского. Теперь мы продолжали путь вместе. Я сел с Кондрусевым в танк.

До Владимир-Волынского было уже недалеко, когда мы услышали частые орудийные выстрелы. Они раздавались где-то впереди. Мы вышли из тапка и взобрались на небольшую высотку возле шоссе, откуда и увидели, что нам навстречу, справа и слева от шоссе, двигалось в боевых и предбоевых порядках много танков и мотопехоты. Авангард бригады, находившийся несколько впереди нас, вел по ним огонь.

- Прошу вас немедленно прекратить стрельбу,- встревоженно обратился ко мне генерал-майор Кондрусев.- Быть может, это отходит под натиском противника наша 41-я танковая...

Расстояние между нами и идущими навстречу танками составляло примерно полтора километра, и в бинокль мне были хорошо видны кресты на их бортах. Я молча передал бинокль Кондрусеву.

Нет, не отступающая 41-я танковая дивизия была перед нами. Как выяснилось впоследствии, здесь мы впервые встретились с частями немецко-фашистской 6-й армии, в дальнейшем разгромленной под Сталинградом. В то время, о котором я пишу, ею командовал генерал-фельдмаршал фон Рейхенау. Эта армия считалась одной из лучших в вермахте. Ее называли победительницей столиц. Она первой вошла в Брюссель, ее солдаты и офицеры маршировали по бульварам Парижа в июне 1940 г. Ныне они вторглись в пределы Советского Союза, не сомневаясь, что и здесь их ожидают легкие победы и еще более громкая слава.

Вместе с 6-й армией против нас действовали также части 1-й танковой группы генерал-полковника фон Клейста. Он был известен по прорыву линии Мажино у Седана в мае 1940 г. и

выходу немецких танковых дивизий к побережью Ла-Манша. Это сыграло тогда решающую роль в разгроме французской армии и английского экспедиционного корпуса. Весной 1941 г. Клейст командовал армией, участвовавшей в нападении на Югославию.

Теперь 6-я армия и 1-я танковая группа составляли основные силы группы армий "Юг" (в нее входила также 17-я немецкая армия), развернутые от Влодавы до Крыстынополя, т. е. против 5-й армии и правого фланга нашей 6-й армии. Группировка немцев состояла из пяти танковых, четырех моторизованных и двенадцати пехотных дивизий{4}. В первый день в наступление было брошено 13-14 дивизий в направлении Владимир-Волынский, Луцк, Ровно, Киев против четырех стрелковых и одной танковой дивизии первого эшелона 5-й армии. Наступление поддерживала авиация 4-го воздушного флота, которым командовал генерал Лёр.

Таким образом, противник создал здесь более чем трехкратное численное превосходство, а на направлении главного удара и того больше. Но, несмотря на абсолютное превосходство в силах, ему с трудом удалось преодолеть приграничные укрепления на левом фланге и в центре 5-й армии. К исходу дня он продвинулся на 15- 25 км в глубь советской территории.

Обо всем этом, а также о том, что непосредственно перед нами были части 13-й, 14-й танковых и 298-й пехотной дивизий, я узнал после боя, когда на наш КП доставили первых пленных. В минуту же, о которой идет речь, было ясно одно: мы стояли лицом к лицу с противником, и впереди уже горело несколько вражеских танков, подожженных артиллеристами из нашего авангарда. Не медля ни секунды, я приказал главным силам бригады развернуться на рубеже Владимировича - Подгайцы - Микуличи и встретить противника огнем прямой наводки.

Условия вступления в бой были для нас весьма и весьма неблагоприятны. Прежде всего, это был встречный бой артиллерийских частей, находившихся на марше, против превосходящих и к тому же комбинированных сил противника.

После короткой артиллерийско-авиационной подготовки гитлеровцы бросили в атаку около 200 танков, подходивших к рубежу встречи эшелонами, за которыми двигались мотопехота и артиллерия. Одновременно над полем боя появились бомбардировщики и истребители противника. Танки, ведя интенсивный огонь, на большой скорости атаковали огневые позиции нашей артиллерии, в упор расстреливали расчеты, давили орудия. Но и сами то тут, то там вспыхивали от нашего огня, замирали на месте.

Враг повторил атаку, потом снова и снова, каждый раз вводя

свежие силы. Все поле боя, длившегося почти непрерывно в течение второй половины дня, было в дыму и огне от взрывов бомб и снарядов. К вечеру бой утих. Догорали фашистские танки.

В этом первом бою артиллеристы бригады подбили и сожгли около 70 танков и бронемашин, много мотоциклов и другой техники 14-й танковой дивизии. Немалый урон был нанесен и 298-й пехотной дивизии. Наши потери тоже оказались чувствительными. Бригада потеряла четыре батареи с личным составом и материальной частью. Осколком снаряда был смертельно ранен генерал-майор С. М. Кондрусев. Недолго довелось нам воевать вместе...

Такая разновидность наступательного боя, как встречный бой, для артиллерийского соединения, имеющего на вооружении 76 мм пушки и 85 мм зенитные пушки, являлась редким исключением. До войны считалось, что артиллерия на огневых позициях без пехотного и танкового прикрытия не может успешно вести бой с танками и моторизованной пехотой, не говоря уж о встречном бое. 1-я артиллерийская противотанковая бригада встретилась с вражескими танками и пехотой внезапно, на марше. Наши расчеты вынуждены были развертывать орудия, находясь в походной колонне, занимать случайные огневые позиции и немедленно отражать атаки танков и пехоты. Казалось, бригада была обречена на гибель. Только выучка орудийных расчетов, доведенная до автоматизма, спасла бригаду от разгрома и остановила вражеские танки.

Почему же они не прошли, случайно ли мы не пропустили их? Нет, не случайно. Уже в этом бою, в первый день войны, у самой границы, враг натолкнулся на такую стойкость и мужество, какой ему не доводилось встречать ни в одной другой стране. Советские бойцы, командиры и политработники, охваченные единым порывом, единым стремлением дать отпор фашистским захватчикам, не дрогнули перед превосходящими силами противника.

Первыми вступили в бой дивизионы капитанов С. З. Глущенко и Ф. Д. Шитикова из 712-го артиллерийского полка. Это они начали дуэль с фашистскими танками и остановили их движение вдоль шоссе на Луцк. Броня отступила перед мощью наших снарядов, перед стойкостью, отвагой и мужеством советских бойцов.

V

С наблюдательного пункта, откуда мы руководили боем, было видно, как крупные силы танков и мотопехоты противника выдвигались из района Владимир-Волынский и с юга обходили позиции бригады. Прибывший к вечеру от командарма офицер

связи доложил, что туда же движется много танков, пехоты и артиллерии из района Сокаля, Горохова.

Кроме того, он информировал о положении войск 5-й армии. В частности, 15-й стрелковый корпус, которым командовал полковник И. И. Федюнинский, вынужден был под ударами превосходящих сил мотопехоты и танков противника отходить по бездорожью в глубь Полесья, а 27-й стрелковый корпус в составе 87-й и 124-й стрелковых дивизий вел бои в окружении. Таким образом, левый фланг армии оказался в тяжелом положении, не имел сплошной линии фронта.

Противник же, наращивая усилия, вводил в бой танковые соединения. Его 14-я танковая и 298-я пехотная дивизии, с частями которых мы вели бой в тот день, а также 13-я танковая дивизия стремительно продвигались на Луцк. Встретив отпор на участке шоссе, противник прорвался немного южнее и к моменту прибытия офицера связи глубоко обошел наш левый фланг. Поэтому мною было решено с наступлением темноты отвести части бригады на восток и занять огневые позиции на западной окраине Затурцы.

Поздно вечером ко мне приехали генерал-майор В. С. Тамручи, принявший командование 22-м механизированным корпусом, и командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор П. Д. Артеменко. Еще днем все мы получили приказ совместно нанести противнику 23 июня контрудар в районе Владимир-Волынский Устилуг. Но к исходу дня командование армии изменило решение. Стало ясно, что 19-я танковая и 215-я мотострелковая дивизии 22-го механизированного корпуса, совершавшие марш из района Ровно, не успеют в назначенное время сосредоточиться на исходных позициях и потому время нанесения контрудара было перенесено на сутки позднее, т. е. на утро 24 июня.

В оставшееся до этого время некоторые части 22-го механизированного и 27-го стрелкового корпусов должны были отойти к утру 23 июня на рубеж Затурцы и не допустить продвижения противника на Луцк. Поэтому договорились, что в 4 часа утра встретимся снова, по уже на опушке леса восточнее Затурцы, чтобы увязать взаимодействие.

Но ни Тамручи, ни Артеменко в назначенное время не явились. Видимо, они были там же, где их дивизии,-19-я танковая, 205-я мотострелковая и 135-я стрелковая, которые в это время продолжали двигаться к линии фронта.

Бригада же, отойдя на восток, заняла оборону в районе Затурцы, окопалась и замаскировалась. Три рубежа, последовательно расположенные один за другим, прикрывали

огнем прямой наводки шоссе на Луцк и подступы к нему на 4-5 км в обе стороны. В резерве было оставлено два дивизиона бригады, а также отдельные дивизионы и батареи других артиллерийских частей, потерявших связь со своими частями и примкнувших к бригаде.

Так и не встретившись с Тамручи и Артеменко, я понял, что бригаде предстоит самостоятельно вести бой с противником. В то же время тревожила мысль: верно ли выбран рубеж, не пойдет ли враг в обход? По условиям местности, как мне казалось, этого не могло быть. Но странно: разведка, высланная мною на рассвете и прошедшая по шоссе 10 км в западном направлении, противника не встретила. Что бы это значило?

В 5 часов утра я с адъютантом поехал в ту же сторону. Километрах в пяти от рубежа машина выскочила на один из холмов, и мы неожиданно увидели двигающиеся навстречу нам немецкие танки с закрытыми люками. Нас отделяли от них метров 200. Водитель В. А. Кекелия мгновенно дал задний ход и уже внизу, за гребнем высотки, развернул машину. На предельной скорости мы помчались на огневые позиции батарей.

Все это произошло так быстро, что танки противника не успели открыть огонь по нашей машине. Быть может, фашисты ее вообще не заметили, так как яркое солнце с востока ослепляло их приборы.

Через несколько минут я был на своем наблюдательном пункте, находившемся на крыше дома, невдалеке от дороги. По телефону и радио приказал командирам частей приготовиться к бою и бить только наверняка, для чего подпускать танки противника на 300-400 м. Кое-чему мы уже научились вчера. Да и бой теперь предстоит не встречный. Орудия закопаны в землю, орудийные расчеты в укрытиях, боеприпасы аккуратно расположены в нишах, командиры батарей и взводов наблюдают за приближающимся противником.

А он недалеко. Тишину раннего солнечного утра уже нарушил грозный гул танков. Они идут по шоссе и по обе его стороны, по полям, безжалостно подминая под себя колосящуюся рожь. Я слежу за ними, не отрываясь от бинокля.

Вот он, знаменитый танковый клин, идущий на рассечение фронта обороны. Отмечаю про себя: впереди танки T-IV, за ними и на флангах, уступом назад T-III и T-II, далее - мотоциклисты и, наконец, мотопехота с минометами и артиллерией.

Выгодность такого построения бесспорна. Танки T-IV своей броней прикрывают весь боевой порядок и, двигаясь медленно, прощупывают силу противотанковой обороны. При встрече с малокалиберной противотанковой артиллерией или при обстреле

осколочными снарядами, которые не могут нанести вреда броне, танки Т-IV, а за ними и все остальные, атакуют обороняющиеся войска на предельной скорости, стремясь прорвать оборону.

Так пытались они действовать вчера, но их остановила наша артиллерия, обрушившая на них 76 мм и 85 мм бронебойные снаряды и этим заставившая здесь изменить боевой порядок и тактику танкового клина.

Думая об этом, я продолжал внимательно следить за противником. С моего наблюдательного пункта он был виден как на ладони, Танков и мотопехоты было гораздо больше, чем вчера. Их было так много, что, казалось, вся фашистская Германия движется на нас. Признаюсь, смутная тревога овладела мной: "Выдержим ли на этот раз? Всему ли мы научили наших бойцов?"

Главные силы противника шли в предбоевых порядках и в колоннах, не подозревая, что перед ними мощный противотанковый рубеж. Расстояние быстро сокращалось. Вот остается не более тысячи метров... Восемьсот... Пятьсот... Наконец, 300-400. И тут на врага обрушился шквал огня. Выполняя приказ, расчеты, расположенные на первом рубеже, подпустили противника на кратчайшее расстояние, и это позволило им вести исключительно меткий огонь, расстреливать фашистские танки в упор.

Немцы, не ждавшие такого сильного и меткого огня, пришли п замешательство. Они открыли беспорядочную, неприцельную стрельбу из танков, артиллерии и минометов. Но так как им, вероятно, казалось, что мы ведем огонь с дальних дистанций, то их снаряды и мины рвались примерно в 1000-1500 м позади наших огневых позиций.

Продолжавшие двигаться вперед танки противника стали менять боевой порядок и при этом пытались выйти из зоны огня передовых орудий. Но если даже это и удавалось им, они все равно попадали в секторы других орудий. Те открывали огонь, и вспыхивали новые фашистские танки. Тогда немецко-фашистское командование, видимо, ошеломленное таким отпором и значительными потерями, начало отводить танки на фланги, подальше от наших огневых позиций, а на их место выдвигать мотоциклистов и пехоту, которые открыли интенсивный минометный и пулеметный огонь. Кроме того, несколько легких танков маневрировали перед фронтом и создавали впечатление, что готовятся предпринять лобовую атаку. Впрочем, держались они на приличном расстоянии.

Мы отвечали огнем артиллерии и крупнокалиберных пулеметов (ДШК).

Спустя полтора-два часа массированный удар по нашим

боевым порядкам нанесла немецкая авиация. После этого снова пошли в атаку танки, но теперь уже с пехотой. Основную тяжесть удара приняли на себя части, оборонявшие первый рубеж. Особенно успешно действовал дивизион капитана А. Н. Феоктистова. Он вел меткий огонь бронебойными снарядами по танкам и осколочными - по атакующим мотоциклистам и пехоте. И хотя танки противника шли на больших скоростях, однако это не спасло их от огня прямой наводки нашей артиллерии. Понеся большие потери, враг был вынужден прекратить и эту атаку.

На поле боя осталось около 50 сожженных и подбитых танков и бронемашин, а также много трупов гитлеровских солдат и офицеров.

Но и на этот раз передышка была недолгой. Противник вскоре открыл по нашему правому флангу огонь артиллерии, минометов и поставил дымовую завесу. Все это было похоже на артиллерийскую подготовку атаки на данном направлении. Так мне и доложили. Однако оценка оказалась ошибочной.

С наблюдательного пункта я заметил в нескольких километрах слева от шоссе большие клубы пыли, за которыми временами вырисовывались силуэты движущихся машин. Танки? Немедленно посланная в ту сторону разведка подтвердила мое предположение: немцы пытались обойти наш левый фланг и прорваться в тыл. Что же касается огневого налета артиллерии и минометов справа, демонстрации атаки танков с фронта, то они, вероятно, имели целью отвлечь наше внимание от действий второго эшелона неприятельских танков и мотопехоты на левом фланге.

Я тотчас же послал на угрожаемое направление свой резервный дивизион 76 мм пушек и два дивизиона 122 и 152 мм гаубиц из состава артиллерийских полков 27-го стрелкового и 22-го механизированного корпусов, которые присоединились к нам в ходе боя. Вовремя подоспев на левый фланг и заняв огневые позиции, они ценою тяжелых потерь отразили атаку врага, уничтожив несколько немецких танков.

Противнику так и не удалось преодолеть нашу оборону и прорваться в Луцк вдоль шоссе. К 15 часам он прекратил атаки. Тапки отошли назад, и лишь артиллерия и минометы продолжали обстреливать наши позиции.

Это был тяжелый, неравный бой, но бригада выдержала его.

VI

Да, враг был остановлен. Самым важным результатом этого являлся выигрыш времени для сосредоточения сил в районе Лупка и занятия выгодных рубежей войсками 5-й армии. Но к вечеру выяснилось, что бригада может еще и увеличить этот

выигрыш, если сумеет преградить путь врагу восточное Затурцы, в районе м. Торчин.

Еще днем я послал туда дивизион из своего резерва с целью предупредить обход слева. И вот теперь командир дивизиона сообщал по рации, что атакован пехотой с танками. Из донесения явствовало, что там завязался тяжелый бой. Одновременно разведка установила, что противник перерезал западнее Торчина шоссе на Луцк. Это означало, что он не оставил надежды захватить город стремительным движением по шоссе.

Так предположения о возможности активных действий врага на этом направлении более чем подтвердились. Район Торчина становился самым уязвимым местом. Оценив обстановку, я решил соответственно ей отвести бригаду на новые рубежи обороны. Прежде всего усилил дивизион, занимавший позиции на шоссе у западной окраины м. Торчин. Здесь теперь был первый рубеж. Второй - у населенного пункта Усичи - для главных сил бригады, третий - на западной окраине Луцка, где я еще 22 июня оставил четыре батареи 76 и 85 мм пушек.

Не раз пожалели мы, что так коротка была эта летняя ночь. Ведь дивизионам нужно было до рассвета скрытно отойти на новые рубежи, занять огневые позиции и, конечно, как всегда, окопаться и замаскироваться. Но все это было сделано вовремя.

А с первыми лучами солнца танки противника атаковали Торчин. Теперь немцы были осторожнее, не лезли вслепую. Сначала пошли вперед четыре танка и десятка полтора мотоциклистов. Это была разведка. Потеряв один танк и четыре мотоцикла, она ретировалась. В воздухе появилось до 50 самолетов, начавших ожесточенную бомбардировку и обстрел местечка. Открыли огонь также артиллерия и минометы противника.

Сочтя такую подготовку достаточной, враг бросил часть своих танков и мотопехоту в атаку с фронта и правого фланга. Главные же его силы, как выяснилось вскоре, направились к Усичам.

И вновь натиск фашистов разбился о стойкость нашей обороны. Дивизионы, занимавшие рубежи на окраине Торчина, встретили противника шквалом огня. Не выдержав, он отошел на исходные позиции, оставив на поле боя 18 разбитых и сожженных танков. Уцелевшие ушли вслед за главными силами, пытавшимися прорваться к Луцку через Усичи.

Но и там намерения врага не осуществились. Завязав бой и убедившись в прочности и этого рубежа обороны, гитлеровцы обошли его с юга и достигли окраины Луцка, где атаковали наш третий эшелон и находившиеся по соседству с ним подразделения 135-й стрелковой дивизии. Однако успеха не

имели. Меткий огонь прямой наводкой, которым встретили их артиллеристы, не позволил им даже приблизиться к мосту через р. Стырь. Впрочем, они ничего не выиграли бы, даже добравшись до него, так как саперы нашей бригады заминировали мост и могли в случае опасности мгновенно поднять его на воздух.

Потеряв еще до 20 танков и бронемашин, противник прекратил атаки. Большая часть его танков ушла на юго-восток. Тем временем в район Луцка начали прибывать с востока части 9-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора К. К. Рокоссовского, а южнее - 19-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора Н. В. Фекленко, входившие в состав второго эшелона Юго-Западного фронта. И все же обстановка складывалась не в нашу пользу.

К 14 часам 24 июня стало ясно, что, не сумев овладеть Луцком с фронта, противник явно стремился обойти город с юга. Там он пытался форсировать р. Стырь и в районе Клевань, Ровно прорваться на шоссе Луцк - Новоград-Волынский.

Угроза возникла и справа, в районе Рожище, т. е. в центре фронта армии, на стыке 15-го и 27-го стрелковых корпусов. Противник и здесь намеревался форсировать р. Стырь, чтобы овладеть Луцком, обойдя его с севера. Об этом я узнал от офицера связи. Доставленный им приказ командующего войсками 5-й армии гласил: отвести главные силы бригады в район Рожище, занять оборону и не допустить захвата противником переправ через р. Стырь севернее Луцка.

Как ни тяжело было, а приходилось снова отступать.

Тут же выяснилось, что в район Рожище разрозненно отходили части 22-го механизированного корпуса и 135-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса. Нанесенный ими контрудар на Владимир-Волынский оказался неудачным, и они понесли большие потери. Например, 19-я танковая дивизия потеряла почти все свои 45 танков Т-26 и 12 бронемашин БА-10, участвовавших в контрударе, а в ее артиллерийском полку осталось 14 орудий. Командир дивизии генерал-майор К. А. Семенченко был ранен, оба командира танковых полков убиты, начальник артиллерии дивизии пропал без вести, а командир мотострелкового полка скончался от ран{5}.

Примерно в таком же состоянии были и другие дивизии участвовавшие в нанесении контрудара. Они уже не могли остановить наступавшего за ними по пятам противника. Поэтому-то и направлялась в район Рожище 1-я артиллерийская противотанковая бригада. Ей предстояло организовать оборону и стабилизировать фронт армии по восточному берегу реки Стырь.

К 4 часам 25 июня части бригады вышли в указанный район

Подойдя к реке, чтобы переправиться на ее восточный берег мы обнаружили, что мост, предназначенный для автомобильного и гужевого транспорта, взорван. И хотя выяснилось, что это сделано по приказу командира 27-го стрелкового корпуса генерала Артеменко, легче нам от этого не стало. Тем более, что возле взорванного моста нас обстрелял противник. Бригада попала в ловушку

Пришлось поспешно занимать оборону не на восточном берегу реки как я намечал, а на западном, возле железнодорожного моста. Часть сил была выделена для оборудования переправы через Стырь по железнодорожному мосту. И все это делалось под артиллерийским и минометным огнем противника.

Не успели мы окопаться, как в 6 часов немецкая пехота численностью до полка при поддержке 40-50 танков предприняла атаку с очевидной целью отрезать нас от моста и окружить Танкам, мчавшимся на большой скорости, удалось ворваться непосредственно на огневые позиции бригады, несколько потеснить ее и уничтожить три орудия. Но этим и исчерпывался успех противника. До десяти танков мы подбили, а остальные, не выдержав ответного огня, повернули назад. После этого и вражеская пехота вынуждена была залечь.

Часа через полтора-два противник под прикрытием авиации и артиллерийско-минометного огня повторил атаку, но с еще меньшим успехом. На этот раз танки не смогли прорваться к огневым позициям артиллерии. Пехоту же отсекли и нанесли ей тяжелый Урон наши пулеметчики и действовавшие совместно с ними стрелки и" частей 27-го стрелкового корпуса. Атакующим, потерявшим еще несколько танков, пришлось опять отойти.

Огневой бой на западном берегу реки Стырь начал было затухать. гитлеровцы, не добившись успеха, приступили к перегруппировке своих сил. А мы, воспользовавшись передышкой переправили на восточный берег один дивизион и начали готовить следующий.

Но тут произошла непредвиденная задержка. На мост неожиданно бросились тыловые подразделения и артиллерия на конной тяге из состава частей 27-го стрелкового и 22-го механизированного корпусов. Поддавшись панике, несколько сот человек, мешая друг другу, пытались прорваться на тот берег. Их копи лома ни ноги между шпалами, повозки и орудия сбивались в кучу Образовалась пробка. А тут еще немцы открыли артиллерийский огонь по мосту.

Началась невообразимая суматоха. Люди распрягали лошадей, бросались обратно на берег, а то и прямо в воду. После

нескольких разрывов вражеских снарядов на мосту никого не осталось, кроме перевернутых повозок да автомашин. Для его расчистки понадобились бы долгие часы. Раздумывать было некогда, ибо речь шла о судьбе многих тысяч людей. И я послал на мост находившиеся в моем распоряжении два танка КВ из 41-й танковой дивизии. Могучие боевые машины своей тяжестью расчистили мост, и мы тут же возобновили переправу.

Гитлеровцы произвели еще три ожесточенные атаки, и, хотя им удалось значительно приблизиться к мосту, к вечеру их силы иссякли. Ночь была сравнительно спокойной, и к утру мы переправили на восточный берег реки все, что было возможно. А на рассвете железнодорожный мост по моему приказу был взорван.

Но фашисты подготовили нам новый сюрприз. Еще накануне днем они направили часть своих войск к югу от этого железнодорожного моста, построили там понтонную переправу и захватили плацдарм на восточном берегу Стыри.

Здесь мы и встретились с ними. И вновь начались тяжелые оборонительные бои, которые бригада вместе с остатками 27-го стрелкового корпуса вела в течение двух дней. 28 июня подошел один из полков 200-й стрелковой дивизии (она входила в состав прибывшего тогда в район Рожище 31-го стрелкового корпуса), которой командовал полковник И. И. Людников. Поддержанный нашей артиллерией, полк разгромил части противника и ликвидировал его плацдарм на восточном берегу реки.

VII

В непрерывных боях прошла первая неделя войны. То была пора особенно тяжких испытаний, невыразимой горечи и невосполнимых утрат. Но я вспоминаю об этих днях с гордостью за наших воинов, показавших величайший пример стойкости и самопожертвования во имя своего народа и любимой Родины, высокое воинское мастерство.

Да, и мастерство. Это нужно особенно подчеркнуть, так как речь идет о первых днях войны. Ведь до того подавляющему большинству бойцов приходилось стрелять лишь на учениях. А многие вообще только несколько месяцев назад впервые стали у орудий.

Таким был, например, красноармеец Дмитрий Никифорович Авраменко, 1920 г. рождения. Окончив неполную среднюю школу, он работал счетоводом в родном колхозе им. Тараса Шевченко Драбовского района Черкасской области. С шестнадцати лет в комсомоле. В ряды армии призван в октябре 1940 г. Через полгода был направлен в артиллерийскую противотанковую бригаду, А еще два месяца спустя, в бою под Торчином,

заряжающий Дмитрий Авраменко, будучи ранен, не ушел с поля боя, заменил убитого наводчика и метким огнем уничтожил семь фашистских танков. За это он был представлен командованием 5-й армии к награждению орденом Ленина.

Из отличившихся в том же бою мне запомнился и красноармеец Виталий Александрович (по архивным документам Алексеевич) Овечкин. Недавно я узнал, что он в настоящее время живет в Семипалатинске, работает слесарем на кожевенном заводе, ударник коммунистического труда. Вот как рассказывает о событиях того дня сам бывший наводчик: "Огневая позиция моего орудия находилась в 200 м позади небольшой рощи. Немцы, видимо, не ожидали засады и двигались колонной по шоссе на г. Луцк. Ближние к дороге орудия подпустили немецкие танки и подбили головные. Колонна остановилась, и танки начали расползаться по сторонам.

Пока моему орудию нечего было делать, я решил пристреляться. Пристрелка прошла удачно, снаряды ложились под срез рощи.

Бой все более разгорался, и вдруг кустарник ожил. На опушку леса вышел немецкий танк. Я открыл огонь, и танк (видимо, подбитый) остановился, вторым снарядом (фугасным) добил вылезавших из верхнего люка немцев. Второй танк, подошедший вплотную к первому, был подожжен. Когда разрывом вражеского снаряда был убит третий номер, а четвертый и пятый номера ранены, мы остались вдвоем с заряжающим и продолжали бой, подпуская танки, чтобы бить их наверняка, как учил нас командир батареи. В этом бою огнем из моего орудия было уничтожено пять немецких танков"{6}.

Не могу не вспомнить и о героях неравного боя, который вела бригада у местечка Затурцы. Артиллеристы показали в этот день поистине чудеса воинской доблести. И притом не в одиночку, а целыми подразделениями. Изумительный подвиг совершил личный состав батареи младшего лейтенанта А. И. Логвиненко, занимавший позицию непосредственно у шоссе. Батарея уничтожила более сорока танков. Невероятно, но это действительно так и было, что подтверждается документами, сохранившимися в Архиве Министерства обороны{7}. Командирами орудий были сержанты И. М. Панфиленок, Н. А. Москалев, Г. К. Москвин и младший сержант В. П. Лазарев.

Из документов известно, что, например, орудийный расчет сержанта Москалева не имел "впереди себя никаких своих частей"{8}, т. е. первым встретил натиск врага. Когда враг бросил в атаку большое число танков и они угрожающе надвигались на наши позиции, Москалев ни на минуту не терял

самообладания"Спокойный и хладнокровный, он командовал своим орудием и подбадривал орудийный расчет. Подпустил танки на прямой выстрел и открыл ураганный огонь. Его орудие уничтожило 12 танков противника и 3 огневые точки. Сам товарищ Москалев погиб в этом бою"{9}.

О расчетах Москалева, а также Москвина и Лазарева сержант И. М. Панфиленок, тоже командир орудия, рассказал впоследствии:

- На нас надвигалась лавина танков. Впереди были орудия Москвина, Москалева и Лазарева. Они подпустили фашистов на 300-400 метров и почти одновременно выстрелили, не сделав ни одного промаха. У ближайшего танка слетела башня, два других загорелись. Орудия выстрелили еще раз, и снова запылало три танка. Вскоре фашисты устремились на наши позиции с флангов. В бой включились и другие батареи нашего дивизиона, а также соседние дивизионы.

Сержант Панфиленок{10} и сам был одним из тех, кто отважно, самоотверженно сражался в этом бою. Подвиг, совершенный им в тот день, правдиво описала газета "Красная Звезда". Вот как это было:

"Утром пришел командир батареи младший лейтенант Логвиненко.

- Иван Михайлович, вышли на эту высотку наблюдателя. Всякое может случиться.

Впервые в жизни назвал так сержанта командир батареи. Понял Панфиленок приближается настоящее.

Послал на высотку подносчика снарядов. Стал жаловаться младшему лейтенанту - плохой обзор и обстрел.

- Только по своему орудию не суди,- возразил Логвиненко.- Слева от дороги - пушка Москалева, чуть правее ее - Москвина. Они простреливают шоссе далеко. И на правом фланге у Лазарева обзор хороший. А твое орудие в центре. Пусть высота и мешает чуть-чуть, но и тебя видно хуже. Может статься, что только ваше орудие и выручать будет.

Впереди, за высоткой - враг, жестокий, вышколенный, опьяненный победами. Остановить его можно лишь пулей, штыком, снарядом. И для артиллеристов вся жизнь, чувства, мысли вместились сейчас в этот небольшой кусочек обозреваемого пространства, в колосящуюся рожь, зеленеющий овес, высотку с кладбищем, болотце и раскинувшуюся за ним деревушку. Не было для солдат в этот миг ничего важнее, чем отстоять занятый рубеж, не позволить фашистам пройти.

Гитлеровцы полезли нахально, по дороге, без разведки, не разворачиваясь в боевые порядки. На большой скорости выскочил

танк с черно-белой свастикой.

Дружно ухнули три орудия. Башня взлетела в воздух. Третий, четвертый... шестой постигла та же участь. Казалось, идет стрельба на полигоне. Но вот у орудия Москалева взметнулся столб дыма и земли. Накренилась набок пушка сержанта Москвина, замолкла. Фонтаны взрывов окаймили и лазаревское орудие.

Расчет Панфиленка был немало удивлен тем, что только около его пушки не разорвалось ни одного снаряда. Видно, немцы его еще не обнаружили. Но вот рухнул наземь подносчик снарядов. С кладбища стал поливать огнем немецкий пулеметчик. Гречип смел его картечью.

Фашисты стали осторожнее. Их танки свернули на кладбище. Затрещал кустарник, высунулся ствол орудия, выплюнул огонь. Замертво упал на землю заместитель комбата младший лейтенант Полищук. Гречин уточнил наводку, и стальная громада застыла, объятая дымом.

Но справа и слева вынырнули еще танки: один, второй, третий... Уже ранен сержант Лазарев, а, пушка вышла из строя. Каждый выстрел Гречина достигал цели, но вдруг наводчик побелел, схватился за правое предплечье. Разорвалась мина, и на земле бездыханным остался заряжающий. Подносчики, посланные за снарядами, не возвращались. Остался сержант Панфиленок один.

Подбежали младший лейтенант-пехотинец и снайпер:

- Как дела?

- Видишь, пехота на высоте появилась, поползла.

Снайпер изготовился с колена, начал стрелять быстро-быстро и настолько метко, что было видно, как дернулся и затих один фашист, второй, третий...

И снова пошли танки. Наверное, подошли главные силы. Башня одного показалась в центре кладбища и задымилась, прошитая бронебойным снарядом. Второй появился слева - заполыхал огромным костром. Провизжавший над головой снаряд третьего был последним в его марше на восток.

Трудно сказать, сколько длился этот неравный поединок. Гитлеровцы озверели от злости. Но как достать орудие, если оно в низине и снаряды перелетают? Спуститься на склон высоты, чтобы меньшим стал угол возвышения? Гитлеровцы испробовали, но не успели произвести и выстрела, как две машины застыли навсегда.

Справа за болотцем показались два танка. Мелькнула мысль: "В обход решили". Прикинул расстояние - метров девятьсот. Послал фугасный снаряд для пристрелки - недолет. Вторым - не

попал. А танки скрылись за деревьями, и сразу вспыхнули вдали соломенные крыши.

Прошло несколько тягостных минут. И вдруг из-за клуни, на правом фланге их батареи, вышел танк. Откуда только брались силы развернуть орудие. Еще секунда - и посланный снаряд заставил танк остановиться. Но из-за него стал выдвигаться другой. Он ужо нащупал орудие. Один снаряд разорвался, не долетев, второй упал рядом. Поймал сержант в перекрестие прицела башню, нажал на спуск, но почти одновременно метрах в пяти увидел вздыбившуюся землю.

Пришел в себя - подняться не может. Гимнастерка на правом боку взмокла, шевельнулся - острая боль пронзила тело. Застонал, но вместо звука бульканье. Потрогал рукой правую щеку - сплошное месиво. Подполз к карабину, взял две гранаты - и к щели. Свалился в нее. В голове мысль: "Все кончено".

Не знал сержант, что дело обстоит не так уж плохо, что стойкость артиллеристов на этом рубеже позволила комбригу организовать более жесткую оборону в другом месте. Враг, понесший большие потери, вынужден был перегруппировать силы.

Потом заурчала на дороге машина, свернула, вылезли люди, стали подбирать раненых и убитых.

Попытался крикнуть, не вышло. Нажал на спусковой крючок. Подбежали бойцы, подхватили на руки. А он потянулся к гранатам, карабину и потерял сознание.

Пришел в себя - голоса слышатся. Машина стоит. Выглянул: генерал Москаленко с комиссаром бригады стоят, разговаривают. Комиссар увидел сержанта, подошел. Протянул ему Панфиленок гранаты и ключ установки взрывателя, невесть каким образом в руках оказавшийся. Взял их комиссар, понял бойца и ответил на немой вопрос:

- Выздоравливай. Танки не прошли"{11}.

За этот бой сержант Панфиленок был представлен к званию Героя Советского Союза.

Стойкость и мужество проявили также расчеты сержанта П. И. Тучина и младшего сержанта И. В. Васильева. Доблестно, с высоким боевым мастерством действовали наводчики орудий и их помощники И. И. Непотачев, И. И. Гайденко, Г. И. Малюта, Рахим Хасанбаев, А. И. Чмель и многие другие, в большинстве призыва 1939-1941 гг., комсомольцы или кандидаты в члены партии.

Немало прекрасных бойцов, командиров и политработников потеряли мы в том бою. Они пали, совершив подвиг, и это вынуждены были открыто признать даже фашисты.

Одним из тех, кто это сделал, был командир 14-й немецкой танковой дивизии. В своем приказе он отмечал, что в результате губительного огня советской артиллерии эта дивизия понесла большие потери в танках. О том же свидетельствовали пленные немецкие солдаты и офицеры. Наконец, командование противника, обозленное упорным сопротивлением, оказываемым нашей бригадой, начало забрасывать листовки, в которых говорилось: "Артиллеристы, вы обеспечиваете победу большевикам, не ждите пощады..." И далее подчеркивалось, что эта угроза относилась и к тем, "кто попадет в плен"{12}.

У фашистов были, конечно, причины злобствовать. Это видно хотя бы из оперативной сводки 5-й армии No 9 от 29 июня, в которой отмечалось: "1-я артиллерийская противотанковая бригада в период с 23 по 27.6 неоднократно вела бой с мотопехотой, артиллерией и танками противника. Всего за этот период уничтожено и подбито около 150 танков противника"{13}.

VIII

Задачи, которые ставились бригаде, целиком определялись общим положением на фронте 5-й армии. А оно становилось все более тяжелым. Особенно осложнилась обстановка на левом фланге армии. Противник 26 июня форсировал р. Стырь южнее Луцка, овладел Дубно и продвинулся к Острогу, глубоко вклинившись на стыке 5-й и 6-й армий и охватив их фланги.

Предпринятый командованием Юго-Западного фронта контрудар механизированными корпусами в треугольнике Луцк - Броды - Дубно успеха не имел. Одной из причин тому была нехватка танков Т-34 и КВ. Без них контрудар не смог приобрести достаточной мощи. Противник, правда, понес значительный урон, но ему удалось отразить наш контрудар. Произведя затем перегруппировку сил, он возобновил 30 июня наступление в северовосточном направлении все с той же целью выхода на шоссе Луцк - Новоград-Волынский.

Генерал Потапов, вероятно, предвидел такой ход событий. Поэтому еще 28 июня он приказал мне отвести бригаду форсированным маршем в район Цумань Клевань. Там мы должны были действовать совместно с 9-м и 22-м механизированными корпусами, не допустить продвижения противника на шоссе Луцк - Новоград-Волынекий и захвата г. Ровно.

Мы выступили в ту же ночь. Проселочные дороги после дождей размокли, тягачи с орудиями продвигались с трудом. То и дело приходилось вытаскивать машины из грязи. Измученные и голодные прибыли артиллеристы к утру 30 июня в район Цумань - Клевань. Но отдыхать не пришлось. С ходу, вместе с 9-м и 22-м

механизированными корпусами, мы вступили в бой.

Но слишком неравны были силы. Нам противостояли соединения 29-го армейского и 3-го моторизованного корпусов противника. Кроме того, мы наступали без авиационной поддержки. В итоге перевес оказался на стороне противника. В то время как мы вынуждены были с боями отойти, он ввел в сражение в районе Ровно свежие дивизии и вышел на р. Горынь. Его 13-я танковая дивизия форсировала эту реку в направлении Бугрын и южнее и, не встречая сопротивления, так как там не было наших войск, двинулась на Гоща, Корец.

Над 5-й армией нависла угроза окружения. К тому времени (начало июля) в результате ожесточенных боев и непрерывных ударов с воздуха она понесла тяжелые потери. Дожди, сделавшие непроезжими многие дороги, заставили бросить часть машин. Снабжение войск резко ухудшилось. Некоторые подразделения остались вообще без боеприпасов и продовольствия.

Оказавшись в таком исключительно опасном положении, 5-я армия стремилась прежде всего избежать окружения. С этой целью она, сокращая линию обороны, продолжала с тяжелыми боями отходить на рубеж рек Случь и Горынь, к старой государственной границе.

Мне сначала было приказано отвести бригаду еще дальше, в район Коростеня, и там занять оборону. Но тут же стало известно, что 13-я и 14-я танковые дивизии немцев с ходу форсировали р. Случь в районе южнее Новоград-Волынского и подошли к Житомиру, тем самым угрожая глубоким охватом основных сил 5-й армии с юго-востока. Поэтому командарм поставил бригаде новую задачу.

Выполняя ее, мы вели с 7 по 9 июля совместно с механизированными корпусами ожесточенные бои в районе Корец - Новоград-Волынский. Начиная с 10 июля бригада в составе ударной группировки 5-й армии (31-й стрелковый, 9, 19 и 22-й механизированные корпуса) принимала участие в контрударе, в результате которого наши войска нанесли большой урон соединениям 6-й армии и 1-й танковой группы противника и вышли на северную окраину Новоград-Волынского, а также перерезали шоссейную дорогу между этим городом и Житомиром.

Чтобы представить себе значение этого контрудара, надо сказать, что он был нанесен в дни, когда 3-й немецкий моторизованный корпус прорвался из Житомира на восток. Две его танковые дивизии (13-я и 14-я), двигавшиеся по шоссе на Киев, уже к 11 июля вышли на р. Ирпень в 20 км западнее украинской столицы и были остановлены на переднем крае

Киевского укрепленного района. Это наступление танковых и моторизованных частей, обеспеченное надежным прикрытием с воздуха и сопровождавшееся массированными бомбовыми ударами по нашим войскам, коммуникациям и глубоким тыловым объектам, создало прямую угрозу захвата Киева и переправ через Днепр.

Контрудар войск 5-й армии на новоград-волынском направлении вынудил немцев повернуть на север девять дивизий - семь пехотных и две моторизованные (25-ю и СС "Адольф Гитлер"). Сковав таким образом резервы группы армий "Юг", 5-я армия выполнила в те дни трудную задачу - отвлекла на некоторое время силы противника от Киева.

Названным же девяти фашистским дивизиям удалось расширить плацдарм в районе Новоград-Волынского, но дорогой ценой. Только 14 июля они смогли начать здесь наступление после продолжительной артиллерийской и авиационной подготовки, причем ввели в бой до 300 танков. В боях за этот плацдарм противник понес серьезные потери. Пленные солдаты и офицеры из разных частей показывали, что у них осталось менее половины личного состава.

А вот что писал об этом впоследствии, после войны, бывший генерал немецко-фашистской армии А. Филиппи: "5-я армия красных 10 июля при поддержке значительных сил артиллерии предприняла наступление, заставив перейти к обороне все те части и соединения, которые 6-й армии удалось подтянуть к фронту (имеется в виду район Новоград-Волынского.-К. М.). Противник предпринимал сильнейшие атаки крупными силами. Правда, севернее Новоград-Волынского он понес большие потери и был отброшен, но к востоку от города ему удалось временно перерезать автомагистраль.

Для обеспечения движения по автомагистрали приходилось вновь использовать танковые и моторизованные соединения: 25-ю моторизованную дивизию к северу и моторизованную дивизию СС "Адольф Гитлер" к западу от Житомира. Лишь после того, как 14 июля 29-й и 17-й армейские корпуса в составе семи дивизий создали плацдарм севернее и северо-западнее Новоград-Волынского, моторизованная дивизия СС "Адольф Гитлер" снова очистила от противника автомагистраль и 25-й моторизованной пехотной дивизии удалось отразить наступление красных на Житомир, сила русских атак иссякла.

Таким путем тактический кризис на северном крыле был, правда, преодолен, но значительные силы (моторизованные и танковые соединения 1-й танковой группы и дивизии северного крыла 6-й армии) в решающий момент пришлось отвлечь от

выполнения основной задачи, заключавшейся в овладении Киевом"{14}.

Несмотря на большие потери, понесенные врагом в боях под Новоград-Волынским, войска 5-й армии не смогли закрепиться в этом районе. Противник, продолжая наступление в районе Новоград-Волынского, подтянул три свежие дивизии в район Житомира и предпринял наступление на северо-восток, создав угрозу флангу и тылу нашей 5-й армии.

Для прикрытия этого направления генерал Потапов приказал сосредоточить 1-ю артиллерийскую противотанковую бригаду к исходу 16 июля на северном берегу реки Ирша. Заняв оборону на фронте Ягодинка - Турчинка, мы должны были не допустить прорыва противника из Житомира на Коростень.

Последующие события привели, однако, к тому, что в этом районе начали сосредоточиваться основные силы всей 5-й армии. Это произошло после того, как 18 июля было обнаружено, что крупная группировка противника в районе Житомира выдвигалась в северном и северо-восточном направлениях, явно имея целью проникнуть в стык 5-й армии с 27-м стрелковым корпусом, выведенным к тому времени из состава армии.

Учитывая такое изменение обстановки, генерал Потапов счел нецелесообразным продолжать наступление на юг левым флангом. Ему удалось убедить в этом командующего фронтом. Одновременно было принято новое решение: армию отвести в Коростеньский укрепленный район, причем главные ее силы сосредоточить на левом фланге, в районе Малина и западнее.

В ночь на 19 июля туда был направлен 15-й стрелковый корпус в составе 45, 62-й и 135-й стрелковых дивизий. К 21 июля первая из них сосредоточилась в районе Чеповичи, Устиновка, две другие - в районе Малина. В район Малина к тому же сроку подошли, оторвавшись от противника, и части 9-го и 22-го механизированных корпусов.

Сразу же подтвердилась правильность такого решения. Опираясь на укрепленный район, упорно обороняясь и контратакуя, сконцентрированные здесь войска 5-й армии отразили все попытки противника продвинуться вперед и захватить Коростень. А ввод в бой армейского резерва в составе 19-го механизированного корпуса генерал-майора Н. В. Фекленко, 195 и стрелковой дивизии и 1-й артиллерийской противотанковой бригады ликвидировал также опасность в районе ст. Турчинка.

После этого войска армии в той же группировке начали продвигаться на Черняхов с целью овладения Житомиром. Противник, однако, продолжал наращивать свои силы на этом

направлении. Введя в бой 55-й армейский корпус и две дивизии из армейского резерва, он нанес удар вдоль левого берега реки Тетерев в сторону Малина.

Таким образом, теперь против нашей 5-й армии было сосредоточено уже четыре армейских корпуса немцев.

Тогда генерал Потапов перебросил в район г. Малин 15-й стрелковый и 22-й механизированный корпуса, а также 1-ю артиллерийскую противотанковую бригаду. Затем командующий фронтом направил туда же 27-й стрелковый корпус. В результате нашим войскам удалось парировать удар и продвинуться на 30-40 км к югу. Но немецко-фашистское командование вновь ввело в бой свежие силы, и мы были вынуждены отойти на рубеж р. Ирша.

Завязались ожесточенные, кровопролитные бои за Малин. Город несколько раз переходил из рук в руки, но нам все же удалось 24 июля закрепиться на линии железной дороги, где в конце концов фронт на некоторое время стабилизировался.

IX

Бой у Малина был для бригады последним на Правобережной Украине.

Немногим более месяца назад мы вступили в ожесточенную борьбу против многократно превосходящих сил напавшего на чашу страну агрессора. То были дни непрерывных боев, в ходе которых бригада противостояла массированным танковым атакам Прага. Вместе с войсками 5-й армии ома отступила на сотни километров от границы.

За это время бригада понесла тяжелые безвозвратные потери: 1409 рядовых, свыше 150 младших командиров и 88 офицеров. Мы лишились также 55% орудий и более половины тягачей, автотранспорта и другой техники{15}. Хотя с тех пор прошли десятилетия, по-прежнему тяжело думать об утратах, понесенных тогда нашим народом.

Но они не были напрасными, и пример того - первые итоги боевых действий 1-й артиллерийской противотанковой бригады. О них говорят скупые строки документа, написанного 20 июля 1941 г., но в то время неизвестного мне. Я впервые увидел его в начале 1967 г., т. е. почти 26 лет спустя, когда изучал хранящиеся в архиве материалы 5-й армии. Вот этот документ:

"Наградной лист

на представление к правительственной награде 1-й артиллерийской противотанковой бригады 5 армии орденом Красное Знамя.

За период боевых действий с 23.6 по 19. 7. 41 г. 1-я артпротивотанковая бригада показала себя как могучее средство

противотанковой борьбы. Бойцы, командиры, политработники проявили исключительную стойкость, упорство, героизм и преданность социалистической Родине, партии... Там, где находились подразделения 1 артпротивотанковой бригады, танкам противника не удавалось прорывать огневую противотанковую оборону. По предварительным подсчетам, 1-я ПТАБ (противотанковая артиллерийская бригада.- К. М.) с 22.6 по 15.7.41 г. уничтожила более 300 тяжелых и средних вражеских танков, такое же количество автомашин и мотоциклов.

Своими героическими действиями бригада сдержала натиск противника и не дала возможности захвата немцами города Луцка к утру 25. 6. 41 г., как это значилось в приказе по 14-й бронетанковой дивизии противника. Подразделения бригады неоднократно оставались без пехоты, иногда попадали в окружение, вели борьбу не только с танками, но и с мотопехотой, минометами и автоматчиками, зачастую вынуждены были непосредственно прикрывать отход пехоты. Бригада несла потери, личный состав не щадил своей жизни, но поставленную задачу выполнял. После первых своих атак немецкие танки стали бояться артиллерии и стремились всячески ее обходить.

1-я арт. противотанковая бригада за свое геройство и отвагу достойна представления к правительственной награде орденом Красное Знамя.

Командующий войсками 5-й армии
генерал-майор танковых войск Потапов
Член Военного совета
дивизионный комиссар Никишев
20 июля 1941 года"{16}.

Я привел полностью текст наградного листа не только потому, что в нем содержатся итоги и некоторые подробности боевых действий бригады за первые недели войны. Он, кроме того, является вообще одним из очень и очень немногих документов, касающихся этой бригады и сохранившихся в архивах.

Среди них имеется и одно из донесений начальника политуправления Юго-Западного фронта Главному политическому управлению РККА от 9 августа 1941 г., в котором также дана высокая оценка действиям бригады{17}. Наконец, сохранились и наградные листы на 26 бойцов, младших командиров и офицеров бригады, представленных в первые же дни войны Военным советом 5-й армии к высоким наградам. Из них четверо представлялись к присвоению звания Героя Советского Союза, 10-к награждению орденом Ленина, 6- орденом Красного Знамени и еще 6 - орденом Красной Звезды. Ни эти 20

отважных воинов, ни бригада в целом не были, однако, награждены. Объяснить это можно поражением советских войск на Юго-Западном фронте.

Есть еще один документ, который нельзя не процитировать здесь. Это доклад политотдела бригады начальнику политотдела 5-й армии бригадному комиссару Е. А. Кальченко, датированный 2 августа 1941 г. Он особенно интересен тем, что показывает исключительно важную роль, которая принадлежала в бригаде политработникам, всем коммунистам и комсомольцам с первого дня войны. Вот что было в нем сказано по этому поводу: "Работники политотдела большую часть времени проводили в батареях и дивизионах. Такие формы партийно-политической работы, как собрание перед боем, совещание боевого актива и политработников, мы практиковали редко. Это объясняется тем, что противотанковая артиллерия стоит на открытых позициях и лишнее движение демаскирует орудия. Бой, как правило, всегда проходил днем. Вечером же, наоборот, мы имели возможность проводить короткие совещания боевого актива.

Особенно хорошо поставлена работа с боевым активом 712-го артиллерийского полка (комиссар Б. И. Дегтярев). Комиссар полка лично и инструктор по пропаганде т. Чаус, секретарь партбюро т. Сегинадзе, работники политотдела тт. Халимовский и Зуев систематически собирали и инструктировали боевой актив в дивизионах. В результате такой работы коммунисты, как правило, были в авангарде боевых действий...

За период боев партийная комиссия провела 16 заседаний, на которых принято в партию 52 человека... Заседания партийной комиссии проходили, как правило, на огневых позициях. Часто они прерывались. Немцы своим огнем мешали нормальному ходу работы парткомиссии... В партию идут лучшие люди, герои... Всего с момента боевых действий подано 140 заявлений".

Поскольку происходила "непредусмотренная" массовая подача заявлений в партию, возникла нехватка соответствующей документации. "Мы имеем,-докладывал начальник политотдела бригады батальонный комиссар Рябуха,- чистых бланков партийных билетов на членов ВКП (б) 30 комплектов и кандидатов в члены ВКП (б) 35 комплектов... Выдача (партдокументов) задерживается из-за отсутствия актов на выдачу партбилетов и книги регистрации выданных партбилетов. Мною приняты все меры к тому, чтобы эту документацию приобрести. В ближайших районах (т. е. в районных комитетах партии) я ее не мог найти. 30 июля послал представителя в Черниговский обком с просьбой выдать нам эти необходимые формы. Если и там не достанут, тогда прошу разрешения отпечатать акты в

соответствии с формой ЦК на машинке, а книгу сделать из общей тетради. В комсомол подано 195 заявлений, принято 163 человека, выписаны документы 50 комсомольцам. Чистых комсомольских бланков также не имеем".

Коммунисты и комсомольцы успешно помогали некоторым бойцам избавиться от страха перед противником. "Командир орудия комсомолец Кудряшев при появлении фашистских танков и мотоциклистов сам стал за наводчика. Первыми же снарядами вывел из строя два немецких средних танка, разогнал группу мотоциклистов и спокойно отошел на второй рубеж. Перевязав свою рану и раны своих товарищей, продолжал со второго рубежа вести бой с фашистами. Командир орудия комсомолец Шимулюк хорошо замаскировал свое орудие и ждал подхода фашистских танков, одновременно он вел наблюдение за полем боя... Метким огнем своего орудия заставил замолчать артиллерийские точки противника и показал красноармейцам, как фашистские "молодчики" удирали от огня комсомольца Шимулюка.

Эти факты были широко использованы в системе воспитательной работы..."

В том же докладе батальонный комиссар писал: "Кровью и телом мы преградили путь движению крупных механизированных сил противника. Ни один вражеский танк, мотоциклист, фашистский солдат никогда не прорывался там, где стояли части 1-й артиллерийской противотанковой бригады"{18}.

Нет, не исключением являлась наша бригада. Так сражались советские воины на всем Юго-Западном фронте. Только вульгарной фальсификацией можно назвать появляющиеся время от времени утверждения, будто войска первого эшелона прикрытия границы на этом фронте недостаточно храбро сражались. В действительности войска Юго-Западного фронта проявили тогда чудеса храбрости. И только благодаря этому они, по оценке Маршала Советского Союза А. М. Василевского, "упорной обороной на длительное время сковали главные силы немецко-фашистской группы армий под Киевом, продолжая создавать явную угрозу правому крылу группы армий "Центр", наносившей основной удар по столице"{19}.

Не на жизнь, а на смерть дрались с первых минут и часов войны бойцы, командиры и политработники всех частей и соединений. Героически сражались пограничники, уровцы, пехотинцы, артиллеристы, танкисты, летчики, саперы, связисты, воины всех родов войск. Они бились с врагом в любых, самых трудных условиях.

Помню, войска 9-го, 19-го и 22-го механизированных корпусов, потеряв в боях танки, немедленно начинали

действовать как общепоисковые соединения и при этом ни в чем не уступали стрелковым соединениям, входившим в состав 5-й армии. Танкисты, взяв в руки пулеметы и автоматы, плечом к плечу с пехотинцами отражали атаки врага или переходили в наступление, воевали славно, героически, самоотверженно.

Так было на всем Юго-Западном фронте. Как я узнал уже после войны из политдонесения фронта от 18 октября 1941 г., за первые месяцы боев были представлены к высоким правительственным наградам 3445 красноармейцев, командиров и политработников, из них 927 танкистов, 658 артиллеристов, 614 пехотинцев, 192 кавалериста. Но разве можно было тогда, в тяжелые дни отступления, учесть и зафиксировать в документах все подвиги воинов Юго-Западного фронта!

Есть и еще один свидетель доблести и героизма советских воинов. Это признания врага, из которых видно, ценою каких колоссальных потерь наступали тогда фашистские войска. Потерь, которые уже несли в себе залог их будущих поражений. Вот, например, записи первых дней войны, сделанные унтер-офицером 2-й роты 36-го танкового полка, который действовал вместе с другими танковыми частями на нашем направлении.

22 июня, после того как этот полк вторгся на советскую территорию: "Я нахожусь в головной походной заставе. Около 20 неприятельских бомбардировщиков атакуют нас. Бомба за бомбой падают на нас, мы прячемся под танками. Убит один мотоциклист нашего взвода, осколок распорол ему спину. Мы продвинулись на несколько сот метров от дороги. Бомбардировщики противника опять настигли нас. Взрывы раздаются со всех сторон. Истребители обстреливают нас. Наших истребителей не видно. Война с русскими будет тяжелой... Стрелки вынуждены сражаться за каждую пядь земли..."

Спустя три дня: "Трудно приходится нам воевать. Рота еще не подошла. Я один... Наконец, подходит часть роты. Один взвод танков полностью уничтожен. Все потери еще не выяснены. Никто из нас никогда еще не участвовал в таких боях, как здесь, в России. Поле сражения имеет ужасный вид. Такое мы еще не переживали..."{20}.

То, что писал унтер-офицер о положении в своей роте, происходило во всех частях противника, действовавших против войск нашего Юго-Западного фронта, в том числе против 5-й армии. Это подтвердил и вышеупомянутый немецкий генерал А. Филиппи. "Бои на киевском направлении,- писал он,- особенно в лесисто-болотистой Припятской области, были тяжелыми и кровопролитными... Постоянное наращивание сил противника, усиленно его сопротивления, активизация артиллерии и авиации,

переход его от обороны к контрударам и контратакам, в силу чего наши войска несли большие потери, достигавшие 200 человек в сутки на дивизию, наши части заметно были утомлены,- все это рассеяло надежды на достижение успеха в ближайшее время"{21}.

* * *

Боевые действия войск Юго-Западного фронта и, в частности, 5-й армии в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны ждут своих исследователей ученых, художников и особенно писателей. Эта тема требует многолетнего тяжелого и кропотливого труда, скажу больше, требует подвига, подобного тому, который совершил писатель С. С. Смирнов, раскрыв героическую эпопею борьбы гарнизона Брестской крепости.

И тот, кто сделает это, покажет молодому поколению поистине величественную картину стойкости, беззаветной храбрости и самопожертвования наших воинов. То были подлинные богатыри, пламенные патриоты своего Отечества, прямые наследники подвигов и славы Нарвы и Полтавы, Бородина и Шипки, Царицына и Каховки. Они до конца выполнили свой воинский долг. Многие из них сложили головы на полях сражений между границей и Киевом. По и враг смог продвинуться на восток, дорого заплатив за это.

Весь народ пашей страны но призыву Коммунистической партии и Советского правительства поднялся на защиту свободы и независимости социалистической Родины, завоеваний Октябрьской революции. Павших воинов заменяли товарищи, старшие братья и отцы, мирный труд которых был нарушен навязанной войной. Своеобразным гимном советского народа и Красной Армии стала песня на слова Лебедева-Кумача:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Глава II. Тяжелые испытания

I

В конце июля и в течение августа обстановка в полосе Юго-Западного фронта ухудшалась с каждым днем. Из информации штаба 5-й армии я знал, что на левом крыле фронта положение становилось все более угрожающим. Танковые дивизии противника после овладения Белой Церковью устремились на

юго-восток и тем самым отрезали 6-ю и 12-ю армии от фронтовых баз снабжения.

Положение этих армий было исключительно тяжелое. В тылах скопилось много раненых, вооружения и имущества. Войска двух армий перемешались. "Обстановка потрясающая",- доносил командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин в штаб Юго-Западного фронта. Он настаивал на объединении действий обеих армий. Тем временем явно определилась угроза охвата внешних флангов этих армий. Но наметившееся окружение парировать было нечем, резервы отсутствовали.

И все же боевой дух войск 6-й и 12-й армий не был сломлен, они продолжали храбро сражаться.

Действовавшие справа от них войска 26-й армии контратаками и упорной обороной нанесли противнику большой урон, однако создать перелом в обстановке не смогли. Вскоре они отошли на Ржищевский и Черкасский плацдармы, что облегчило условия для дальнейших активных действий 3-го моторизованного корпуса противника, который к исходу 7 августа продвинулся в район Кременчуга.

А кольцо вокруг остатков 6-й и 12-й армий еще 4 августа сжалось до предела. Командование окруженных войск приняло решение прорывать его своими силами. Но осуществить это решение не удалось. Последняя отчаянная попытка выбраться из котла была предпринята в ночь на 6 августа, причем окруженные теперь стремились пробиться не на восток, а на юго-запад. Но их силы при прорыве кольца окончательно иссякли, и в ту же ночь наступила катастрофа.

Многие бойцы и командиры, и среди них начальники штабов армий комбриг Н. П. Иванов и генерал-майор Б. И. Арушанян, вырвались из окружения. Но значительная часть оставшихся в живых, в большинстве раненых, попала в плен. В их числе были и оба командарма - тяжелораненый генерал-лейтенант И. Н. Музыченко и генерал-майор П. Г. Понеделин.

Если на левом крыле Юго-Западного фронта противник ценой больших потерь добился значительных успехов, то на нашем, правом, крыле бои приняли затяжной характер.

Произведя перегруппировку, 6-я немецкая армия 31 июля возобновила наступление на Коростень. Под натиском ее превосходящих сил войска 5-й армии вынуждены были с боями оставить юго-западный и южный секторы Коростеньского укрепленного района и отойти на рубеж железной дороги Коростень - Киев, где и остановили наступление противника. Наиболее напряженные бои в полосе армии происходили с 7 по

13 августа. Особенно трудно пришлось войскам 15-го стрелкового и 9-го механизированного корпусов 9-10 августа, когда противник пытался силами 98-й, 113-й и 11-й пехотных дивизий разорвать фронт 5-й армии и охватить коростеньскую группировку с востока.

Положение в эти дни настолько обострилось, что ксмандарм 5 и командующий войсками фронта обратились к главкому Юго-Западного направления Маршалу Советского Союза С. М. Буденному с просьбой разрешить отвод правого фланга и центра армии на рубеж Словечно - Гошов - Ксаверов. Разрешение было дано. Но к тому времени необходимость в нем отпала, так как удалось успешными контратаками остановить наступление немцев и сохранить прежнее положение.

Противник стремился прорваться кратчайшим путем к переправам через Днепр в полосе войск Киевского укрепленного района. Для этого, сосредоточив основные силы вдоль шоссе Васильков - Киев, он начал 3 августа после сильной артиллерийской и авиационной подготовки штурм оборонительной полосы на стыке 147-й и 175-й стрелковых дивизий. Ожесточенные бон продолжались непрерывно два дня. 4 августа немцам удалось было прорвать наш передний край в районе Вета Почтовая, Мрыги. Но к исходу того же дня их отбросили, перейдя в контратаку, части 147-й стрелковой дивизии.

Враг бешено рвался к Киеву. 6 августа он ввел в бой четыре пехотные дивизии - 44, 71, 95-ю и 299-ю. Ценою больших потерь ему удалось прорвать оборонительный рубеж на подступах к украинской столице. Грозная опасность нависла над Киевом.

В это время нам стало известно, что Гитлер отдал своим генералам приказ во что бы то ни стало овладеть Киевом 8 августа и в тот же день провести на Крещатике военный парад. Узнали об этом и киевляне. Единодушным стремлением жителей города и всех бойцов и командиров стало сорвать этот замысел. И он был сорван.

По 11 августа включительно противник при поддержке авиации и артиллерии непрерывно, днем и ночью, атаковал боевые порядки войск Киевского укрепленного района и 27-го стрелкового корпуса. Враг понес большие потери, но успеха не имел. Все его атаки были отбиты. А в самый напряженный момент, когда силы защитников города, казалось, были на исходе, командование фронта направило в Киев свои последние резервы.

И вновь героическими усилиями войск и трудящихся города противник был остановлен на рубеже Жуляны - Совкин -

Мышеловка. Потеряв тысячи солдат и офицеров и израсходовав много сил и средств, но так и не добившись успеха, гитлеровское командование вынуждено было 11 августа прекратить наступление в районе Киева.

Большую роль в организации отпора врагу сыграло обращение ЦК КП(б)У и правительства УССР к украинскому народу с призывом до конца выполнить свой священный долг перед Родиной, защитить Киев. Обращение вызвало высокий подъем патриотизма. Резко усилился приток добровольцев в ряды Красной Армии и народного ополчения. Партийные организации города и области направили в войска более 30 тыс. коммунистов. Свыше 13 тыс. киевлян встали в ряды защитников своего города, 1500 - вступили в партизанские отряды. Несколько тысяч девушек стали медицинскими сестрами на фронте.

Так уже в начале войны со всей полнотой раскрылись великая моральная сила и пламенный патриотизм советского народа.

В то время как в районе Киева положение стабилизировалось, на стыке Юго-Западного и Центрального фронтов обстановка стала резко ухудшаться. Войска 3, 13-й и 21-й армий Центрального фронта уже не имели общей линии и под натиском 2-й армии и 2-й танковой группы противника отходили разобщенно в восточном и юго-восточном направлениях.

Чем был вызван поворот на юг 2-й армии и 2-й танковой группы из состава группы армий "Центр", действовавших против правого фланга и тыла войск Юго-Западного фронта?

Прежде всего общим состоянием немецко-фашистских войск на советско-германском фронте. В результате нарастающего сопротивления Красной Армии они понесли крупные потери и резко замедлили темп продвижения.

Ударные группировки немецко-фашистских войск на ленинградском и киевском направлениях к середине августа не решили поставленных перед ними задач, и перед гитлеровским верховным командованием уже явственно вырисовывались контуры провала планов разгрома и порабощения Советского Союза. Главные силы группы армий "Север" вели ожесточенные бои на Лужской линии обороны и без усиления резервами не могли продвинуться к далекому еще Ленинграду "с целью окончательного окружения и ликвидации этого опорного пункта и обороняющих его русских сил",- как заявил Гитлер в своей записке от 22 августа{22}. К тому же правый фланг группы армий "Север" и ее стык с группой армий "Центр" были слабо прикрыты от чувствительных ударов войск Северо-Западного фронта южнее оз. Ильмень.

От группы армий "Центр" была изолирована группа армий

"Юг". Ее 6-я армия, действовавшая на главном направлении в районе Киева, не смогла своими силами сломить сопротивление войск 5-й армии Юго-Западного фронта в Коростеньском укрепленном районе и овладеть столицей Советской Украины.

В такой обстановке гитлеровское командование не решилось силами одной группы армий "Центр" начать наступление на московском стратегическом направлении. Было решено сначала повернуть часть сил группы армий "Центр" в помощь войскам группы армий "Север", а другую, 2-ю армию и 2-ю танковую группу,- на юг для окружения и разгрома войск правого крыла Юго-Западного фронта. Только по выполнении указанных задач на флангах войска группы армий "Центр" могли осуществить наступление на Москву, привлекая для этого часть сил соседних фланговых группировок. В основе этого решения от 21 августа была главным образом оперативная необходимость преодолеть трудности, вызванные героической обороной Красной Армии, особенно на киевском направлении. Это очевидное обстоятельство опровергает послевоенные измышления гитлеровских генералов, которые в своем стремлении обелить германский генеральный штаб утверждают, что решение было принято вопреки мнению генералов и преследовало не военные, а только политические и экономические цели.

Директива Гитлера от 21 августа 1941 г. гласила:

"Предложение ОКХ от 18 августа о развитии операций в направлении на Москву не соответствует моим планам. Приказываю: 1. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, индустриального и угольного района Донбасса и лишение русских доступа к кавказской нефти; на севере важнейшей целью считать блокирование Ленинграда и соединение с финнами.

2. Исключительно благоприятная оперативная обстановка, которая сложилась благодаря достижению нами линии Гомель, Почеп, должна быть использована для того, чтобы немедленно предпринять операцию, которая должна быть осуществлена смежными флангами групп армий "Юг" и "Центр". Целью этой операции должно явиться не простое вытеснение 5-й армии русских за линию Днепра только силами нашей 6-й армии, а полное уничтожение противника до того, как он достигнет линии р. Десна, Конотоп, р. Сула. Это даст возможность группе армий "Юг" занять плацдарм на восточном берегу Днепра в районе среднего течения, а своим левым флангом во взаимодействии с группой армий "Центр" развить наступление на Ростов, Харьков.

3. Группа армий "Центр" должна, не считаясь с дальнейшими планами, выделить для осуществления указанной операции столько сил, сколько потребуется для уничтожения 5-й армии русских, оставляя себе небольшие силы, необходимые для отражения атак противника на центральном участке фронта.

4. Овладеть Крымским полуостровом, который имеет первостепенное значение для беспрепятственного вывоза нами нефти из Румынии..."{23}

В соответствии с директивой Гитлера 24 августа 1941 г. командующий группой армий "Центр" фон Бок отдал следующий приказ на дальнейшее ведение операций:

"1. Задачей, поставленной верховным командованием, является уничтожение 5-й советской армии до того, как ей удастся отойти за линию Сула, Конотоп, р. Десна посредством удара смежными флангами групп армий "Центр" и "Юг". С выполнением этой задачи надлежит закрепиться в районе восточнее среднего течения р. Днепр и продолжить операцию в направлении Харькова.

2. Для выполнения этой задачи группа армий "Центр" наступает через линию Речица, Стародуб в южном направлении.

а) 2-я армия-в составе 13 и 43-го армейских корпусов и 35-го временного соединения, всего семью пехотными дивизиями и одной кавалерийской дивизией, наступает правым флангом на Чернигов.

б) 2-я танковая группа (непосредственно подчиняется

командующему группы армий) действует в составе 24 и 47-го танковых корпусов, поскольку эти корпуса будут боеспособны.

Ближайшей задачей 2-й армии и 2-й танковой группы является захват предмостных плацдармов между Черниговом и Новгород-Северским, чтобы оттуда, в зависимости от развития обстановки, наступать дальше на юг или юго-восток..."

Советское командование своевременно увидело в повороте на юг фашистских войск угрозу для Юго-Западного фронта, и Маршал Советского Союза С. М. Буденный обратился в Ставку с предложением отвести войска 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса с рубежа железной дороги Коростень - Киев на восточный берег Днепра.

Ставка согласилась. 19 августа последовал ее приказ Юго-Западному фронту: обороняясь по восточному берегу Днепра от Лоева до Переволочной, во что бы то ни стало удерживать за собой Киевский укрепленный район и прочно прикрыть направление на Чернигов, Конотоп и Харьков. Учитывая, что 2-я армия и 2-я танковая группа немцев могли повернуть на юго-восток с целью дальнейшего развития наступления в направлении Чернигов, Прилуки и нанесения ударов по флангу и тылу войск Юго-Западного фронта, Ставка Верховного Главнокомандования одновременно приказала создать из части войск 37-й{24} и 26-й армий 40-ю армию и развернуть ее на р. Десна на участке Шостка, Новые Млины.

Для осуществления этого приказа Ставки прежде всего нужно было отвести 5-ю армию и 27-й стрелковый корпус на новые рубежи как можно быстрее. Это стало очевидно сразу же после того как в соответствии с директивой фронта войска начали в ночь на 21 августа отходить на восточный берег Днепра в условиях неотступного преследования со стороны противника. Далее важно было ни при каких обстоятельствах не допустить выхода гитлеровцев на переправы. Наконец, нельзя было не считаться с обстановкой на левом крыле Центрального фронта, где 21-я армия, оставив Гомель, отступала в юго-восточном направлении.

В результате этого реальная опасность нависла над Черниговом, куда начали подходить передовые части 2-й немецкой армии. В таких условиях нашим войскам при выходе на Днепр следовало непременно загнуть свой правый фланг в районе Чернигова фронтом на север и даже на восток.

К сожалению, эти условия либо вообще не были соблюдены, либо выполнены частично.

Командующий фронтом, очевидно, не был осведомлен об обстановке в полосе Центрального фронта. Только этим можно

объяснить его приказ М. И. Потапову, гласивший, что 5-я армия должна занять и прочно оборонять левый берег Днепра, не загибая, однако, свой правый фланг севернее Чернигова. Это решение, как показал ход событий, было ошибочным. Очень скоро для поддержки войск 21-й армии, отступавших с севера к району Чернигова, пришлось срочно выдвинуть на р. Десну выгрузившуюся в районе Бахмача 135-ю стрелковую дивизию. Но и после этого положение на правом фланге 5-й армии оставалось угрожающим.

Еще более опасной оказалась обстановка на левом фланге 5-й армии, который уже на левом берегу Днепра неожиданно оказался под угрозой обхода противником. Как могло это случиться? Каким образом оказался там враг?

Вот как это произошло.

Во время отхода наших войск за Днепр в стык между 5-й армией и ее левым соседом - 27-м стрелковым корпусом прорвались 98-я, 111-я и 113-я пехотные, а также часть сил 11-й танковой дивизий немцев. 23 августа они вышли на переправу у Окунинова. И хотя она охранялась частями 27-го стрелкового корпуса, однако оборона моста через Днепр оказалась непрочной.

Это был непростительный промах командира корпуса генерала Артеменко. Непростительный и непоправимый, так как слабость обороны у моста позволила противнику с ходу овладеть им. Так мост у Окунинова стал на всем протяжении Днепра единственным, оказавшимся тогда в руках у немцев.

И они использовали его до предела. Создав здесь сильную оборону, немецко-фашистское командование в ту же ночь перебросило на предмостный плацдарм столько сил, что попытки 27-го стрелкового корпуса сбросить их в последующие дни не имели успеха. В стык между 5-й и 37-й армиями был вбит клин.

Вследствие этого 5-я армия, закончившая переправу через Днепр 25 августа, сразу же оказалась в тяжелом положении. Усиливавшаяся с каждым днем угроза обхода противником левого фланга армии в конце концов привела к выходу гитлеровских войск на тылы 31-стрелкового корпуса, оборонявшего левый берег Днепра.

С целью устранения угрозы со стороны Окунинова штаб фронта потребовал от командарма 5: "Уничтожить противника и вернуть переправу". Генерал Потппов бросил на выполнение этой задачи все, что было под рукой,- остатки 22-го механизированного корпуса, 131-ю, 228-ю, а затем 124-ю стрелковые дивизии. А пока они достигли района Окунинова, оказалось, что противник выдвинул крупные силы уже в район Остер у слияния одноименной реки с Десной.

Бои в районе Окунинова носили весьма упорный характер. Временами войскам армии удавалось потеснить гитлеровцев, но выбить их оттуда полностью так и не удалось. Напротив, создав плацдарм на левом берегу Днепра, противник пытался развить успех в направлении на г. Остер, с тем чтобы в дальнейшем выйти на фланг и в тыл войскам Киевского укрепленного района.

II

1-я артиллерийская противотанковая бригада, которой я продолжал командовать, также участвовала в обороне переправ. Еще 24 июля она была выведена из боя в районе Малина и получила задачу оборонять мосты через Припять у населенных пунктов Довляды, Янов и Чернобыль, а также через Днепр у Нов. Иолча и Лукоеды, не допустить захвата или уничтожения переправ врагом.

Выполняя эту задачу, мы создали в указанном районе прочную систему обороны мостов не только против наземного противника, но и против его авиации. Этим бригада надежно прикрыла глубокий тыл армии от возможного удара со стороны группы армий "Центр".

Дело в том, что удержание мостов в междуречье Припяти и Днепра было составной частью обороны 5-й армии в Коростеньском укрепленном районе. Оборона же эта, выросшая до оперативных масштабов, своей активностью угрожала группировке войск противника западнее Киева, с одной стороны, и правому флангу группы армий "Центр" - с другой. Поэтому немецко-фашистское командование и намеревалось, как явствует из приведенных документов, ударами 6-й полевой армии на север и соединений 2-й полевой армии из района Мозыря на юг отрезать 5-ю армию от Днепра и уничтожить.

Сначала, пока еще 5-я армия продолжала вести бои на линии железной дороги Коростень - Киев, немецкие самолеты, наносившие удары по ее тылам, пытались разбомбить и обороняемые нами мосты. Но бригада каждый раз успешно отбивала воздушные атаки.

В этом артиллеристам как нельзя лучше пригодились навыки стрельбы по самолетам, приобретенные в непрерывных боях, в которых бригада участвовала с первого дня войны. Зенитные орудия, не подводившие нас и в схватках с танками врага, естественно, не менее успешно были использованы в борьбе с его авиацией. Ни одному вражескому самолету так и не удалось сбросить бомбы на обороняемые бригадой мосты.

В середине августа атаки противника против нас приобрели иной характер. Целью их теперь являлся захват мостов, с тем чтобы отрезать 5-й армии путь к отходу и, конечно, обеспечить

наступающим немецко-фашистским войскам удобные переправы. Осуществить эти задачи фашистское командование пыталось посредством высадки воздушных десантов на берегах Припяти и Днепра, но и в этом успеха не достигло. Все сброшенные здесь диверсионные воздушно-десантные группы были уничтожены бригадой.

Так продолжалось почти целый месяц. Все это время бригада занимала огневые позиции в два эшелона. Первый из них располагался у припятских мостов возле Довляды, ст. Янов и м. Чернобыль, второй - у днепровских, вблизи населенных пунктов Нов. Иолча и Лукоеды. Штаб бригады организовал широкую систему связи и оповещения. Ежедневно на всех направлениях действовали наши разведывательные группы. Они внимательно следили за действиями противника, и благодаря этому бригада всегда была готова к отражению его атак.

Когда же в ночь на 19 августа 5-я армия начала отходить на восточный берег Днепра, то на штаб бригады были возложены контроль и обеспечение движения войск через переправы.

Мосты через Припять мы и после этого продолжали оборонять более трех суток. Только 23 августа во второй половине дня к м. Чернобыль подошел арьергард армии. Но вслед за ним появились танки и мотопехота противника. Они, судя по всему, хотели с ходу прорвать нашу оборону, но эта попытка не увенчалась успехом. Действуя вместе с арьергардом армии, мы общими усилиями отразили первые атаки. Тогда гитлеровцы начали спешно подтягивать свои силы из глубины. Этой передышкой воспользовался арьергард, который тут же отошел под прикрытием огня наших дивизионов на левый берег Припяти. Заняв там оборону, он теперь в свою очередь прикрыл бригаду, начавшую переправляться на противоположный берег реки.

Противник довольно быстро обнаружил это и попытался немедленно завладеть переправой. Расчет врага состоял в том, что мы не взорвем мост, пока не достигнем левого берега. И вот на бешеной скорости на мост ворвались два немецких танка в сопровождении нескольких мотоциклистов. За ними ринулись другие...

Признаюсь, мне очень хотелось наказать фашистов за наглость. И могу сказать с уверенностью, такое желание испытывали все наши воины, не спускавшие глаз с моста. Но ведь мы действительно могли его взорвать лишь после того, как с него сойдет последняя советская машина с людьми и вооружением. Успеем ли? Дело решали метры, отделявшие ее от переднего танка врага, секунды...

Наконец-то наших на мосту уже нет. Пора! Вслед за командой

раздается оглушительный взрыв, и через несколько секунд все, что осталось от моста и находившихся на нем фашистских танков и мотопехоты, скрылось под водой.

Такая же судьба постигла мосты у Довляд и Янова, но лишь после того, как по ним прошли партизаны. Их переправу на западный берег мы обеспечивали по ночам. Оттуда отряды народных мстителей уходили в Припятские леса, чтобы там, в тылу врага, наносить удары по ненавистным захватчикам.

Три дня отражал первый эшелон бригады яростные вражеские атаки, удерживая свои позиции на левом берегу Припяти. И только после того, как отряды немецких автоматчиков все же форсировали реку и стали обходить нас с флангов, ему было приказано отойти и совместно со вторым эшелоном занять оборону у насоленных пунктов. Нов. Иолча и Лукоеды на Днепре. Здесь - снова атаки врага, причем еще более ожесточенные. Натиск фашистов не прекращался ни днем, ни ночью. С каждым часом нарастала угроза захвата мостов войсками неприятеля.

Выполняя приказ командования, бригада еще раз, теперь уже на Днепре, проводила арьергард 5-й армии и последней ушла на восточный берег, взорвав за собой днепровские мосты.

Горько было у нас на душе. Еще бы! В первые дни после нападения фашистов мы были убеждены в том, что не сегодня-завтра отбросим их за пределы Советской страны. Потом надеялись, что дальше старой границы их не пустим. Разве приходило в голову кому-нибудь из нас, что фашисты будут угрожать Киеву!

Трудно было решиться на это. Но могли ли мы поступить иначе? Конечно, нет. Ведь мы выполняли приказ. Да и не только в этом дело. Взрывая за собой мосты, мы не просто действовали согласно приказу. Каждый наш воин понимал, что выполняет волю тех, кто, прежде чем принять решение, взвесил все за и против. И сами мы сердцем, умом понимали: главное сейчас - преградить путь врагу, задержать его во что бы то ни стало.

...Позади остался Днепр. Могучий и величавый, он, как всегда, спокойно катил свои воды. И в эту невыразимо трудную минуту вместе с тревожной мыслью о судьбе Отчизны не покидала нас вера в грядущую победу. Не потому ли, глядя на обезображенные взрывом мосты, бойцы вздыхали: вернемся - придется самим же и восстанавливать.

И единственный вопрос, который тогда задавали нам, командирам, был такой: когда кончится отступление, скоро ли начнем наступать? Что могли мы ответить, если сами знали лишь об обстановке в полосе 5-й армии и - в общих чертах - о действиях войск фронта? И все же отвечали. Ибо твердо вершит: пройдут

месяцы, и мы разгромим врага, вернемся сюда, к родному Днепру.

Вспоминая эти давно минувшие дни, я часто спрашиваю себя, случайно ли 1-я артиллерийская противотанковая бригада неизменно оказывалась тогда на самых угрожаемых направлениях. Нет, не случайно. Здесь мне прежде всего хочется еще раз отдать должное командующему 5-й армией генералу М. И. Потапову, его военному таланту. Не сомневаюсь, что он еще во время боев за г. Малин предвидел неизбежность отхода наших войск за Днепр и, не поддаваясь унынию и тем более отчаянию, спокойно и планомерно заботился о создании необходимых условий на этот случай. А так как одним из таких условий, и притом весьма важным, было обеспечение путей отхода и в особенности переправ, то их оборону он заблаговременно и поручил 1-й артиллерийской противотанковой бригаде.

Читатель помнит, конечно, что 5-я армия находилась на направлении главного удара группы армий "Юг". Если же к этому добавить, что 1-я артиллерийская противотанковая бригада, как явствует из рассказанного выше, неизменно оказывалась там, где была наибольшая угроза, то станет очевидно: кто-то усиленно заботился о том, чтобы она оказывалась в самом "пекле".

Заботился об этом командующий армией. Так было под Владимир-Волынским и Луцком, под Клеванью и Ровно, под Новоград-Волынским и Коростенем.

Генерал-майор Потапов с первого дня войны видел в противотанковых войсках грозную огневую силу. Что касается 1-й бригады, то, как он считал, эффективность ее применения состояла не только в успешной борьбе с танками. Потапов не раз говорил мне, что высоко оценивает также способность бригады становиться как бы мобилизующим центром, вокруг которого концентрируются и вновь вступают в бой вышедшие из борьбы в результате больших потерь артиллерийские части и отдельные группы. Сам он объяснял эту способность тем, что противотанковая бригада, к тому же еще и моторизованная, по своему составу, вооружению и оснащению являлась, по его мнению, одной из наиболее устойчивых форм организации артиллерии для борьбы с таким сильным противником, каким была немецко-фашистская армия.

Наконец, на первых порах в составе 5-й армии была всего лишь одна такая бригада. Этим и объяснялось то, что Потапов ни при каких обстоятельствах не дробил ее и никому не переподчинял. Он взял на себя лично заботу о ее использовании и, зорко следя за боевыми действиями бригады, никогда не забывал перебросить ее в определенный момент, часто заблаговременно, туда, где она была ему всего нужнее.

Так было и в конце августа, когда командующий армией приказал бригаде форсированным маршем выступить в направлении Чернигова. Уже на марше я получил первый приказ, которым бригаде ставилась задача занять оборону на рубеже Халявин - Гудка и совместно с 15-м стрелковым корпусом не допустить прорыва противника с севера в направлении Чернигова. Нам также предписывалось прикрыть зенитными батареями мост и переправы на р. Десне южнее города.

Положение на фронте 15-го стрелкового корпуса севернее Чернигова было чрезвычайно тяжелым. Исполняющий обязанности командира корпуса полковник М. И. Бланк, знакомя меня с обстановкой, назвал ее угрожающей. И он не преувеличивал. Противник превосходящими силами при поддержке танков оказывал большое давление с фронта. Одновременно немецкая 260-я пехотная дивизия форсировала р. Десну на правом фланге корпуса и захватила плацдарм в районе Вибли.

Рассказав обо всем этом, полковник Бланк показал мне телеграмму начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, адресованную командующему Юго-Западным фронтом. В ней говорилось: "С захватом противником Вибли создается явная угроза Чернигову и стыку фронта... Чернигов должен быть удержан за нами во что бы то ни стало".

- Как видите,- говорил полковник Бланк,- приказ прошел все инстанции осталось немногое: выполнить его. Но какими силами? В ротах всего лишь по 20-30 активных штыков, боеприпасы на исходе...- Он глубоко вздохнул, улыбнулся.- Но приказ есть приказ, выполнять его теперь нам с вами.

Это была моя последняя встреча с М. И. Бланком.

1 сентября на правом фланге корпуса с новой силой разгорелись бои, в ходе которых его части упорно пытались выбить 260-то пехотную дивизию противника с плацдарма в районе Вибли, но успеха не имели. На другой день генерал Потапов, выполняя приказ командующего войсками фронта, приказал М. И. Бланку любой ценой отбросить противника за Десну. Войска корпуса вновь вступили в схватку с врагом. Полковник Бланк лично повел в атаку до двух батальонов 62-й стрелковой дивизии. В бою близ д. Пески 2 сентября он был смертельно ранен.

Плацдарм противника у населенного пункта Вибли так и не удалось ликвидировать, несмотря на максимальные усилия, приложенные нашими войсками. Однако и фашисты, изо всех сил стремившиеся расширить плацдарм, не добились цели.

Геройски сражались части 135-й стрелковой дивизии. Только

при отражении двух атак они уничтожили около 2 тыс. солдат и офицеров противника. Большие потери понесли фашисты и на участке 497-го стрелкового полка, где они предпринимали такие же отчаянные атаки.

В ходе одной из них около 200 гитлеровцев просочились между двумя батальонами. Находившийся невдалеке старший политрук Кругляков, временно исполнявший должность комиссара полка, не растерялся. Переброшенная по его распоряжению зенитная пулеметная установка встретила атакующих огнем в упор я буквально скосила их всех до одного{25}.

Пока шли бои на плацдарме, возникла угроза и в районе Салтыкова Девица. Там противник, преследуя отступавшие части 21-й армии Центрального фронта, начал переправлять через Десну четыре пехотные дивизии, нацеленные для нанесения удара с северо-востока по тылу 5-й армии. Одновременно началось стремительное продвижение 98-й пехотной дивизии немцев с Окуниновского плацдарма на северо-восток, а 262-й пехотной дивизии - на Моровск. Этим самым противник окончательно разорвал стык 5-й и 37-й армий.

Над главными силами 5-й армии нависла угроза окружения. Необходимо было немедленно отвести их за Десну и за счет сокращения фронта и высвобождения резервов улучшить оперативное положение армии. Угроза окружения была настолько реальна, что командарм 5 вынужден был просить командующего фронтом разрешить отвод 31-го стрелкового корпуса за Десну. Но было разрешено лишь несколько выпрямить линию фронта корпуса, а такая мера не вносила существенной перемены в положение армии.

В этой обстановке генерал Потапов 3 сентября приказал мне принять командование 15-м стрелковым корпусом, а бригаду сдать командиру 712-го артиллерийского полка полковнику А. П. Еременко.

III

Разыскав штаб корпуса, я познакомился с комиссаром корпуса полковым комиссаром М. П. Быстровым, начальником штаба подполковником М. Г. Банным и офицерами оперативного отдела. Здесь мне доложили, что дивизии корпуса - 45, 62 и 135-я - совместно с остатками 9-го механизированного (без танков) и 1-го воздушно-десантного (до 300 человек) корпусов вели в этот момент бои на рубеже Вибли - Пески - Березанка - Халявин - Рябцы.

- Очень велики потери в людях, боевой технике и автотранспорте,- хмуро добавил начальник штаба корпуса.-

Поэтому трудно сказать, долго ли еще удастся сдерживать натиск противника, непрерывно вводящего в бой все новые силы.

Действительно, обстановка как в полосе 15-го стрелкового корпуса, так и на фронте армии складывалась явно не в нашу пользу. С севера из района Гомель, Клинцы наносили удар на Чернигов, Прилуки силы 2-й армии, а восточное нее действовали на юг танковые дивизии Гудериана из состава группы армий "Центр". Мы же могли противопоставить им лишь ослабленные части, обескровленные в непрерывных неравных боях.

Но и в таких невероятно трудных условиях советские воины сделали все, что было в человеческих силах.

4 и 5 сентября бои на позициях корпуса носили крайне ожесточенный характер и не прекращались ни днем, ни ночью. 135-я стрелковая дивизия с трудом отбивала атаки превосходящих сил противника в районе Горбово, Вибли, Пески. 62-я и 45-я стрелковые дивизии, остатки 9-го механизированного и 1-го воздушно-десантного корпусов под натиском фашистских танков и пехоты медленно, с боями отходили на юг, к Чернигову.

6 сентября обстановка вновь резко ухудшилась. Фашистское командование, овладевшее к тому времени плацдармом на Десне, с целью окружения войск 5-й армии нанесло удар из района Салтыкова Девица в западном направлении по тылам 15-го стрелкового корпуса.

На Десну противник вышел и на левом фланге 5-й армии. Там, развивая стремительное наступление из района Сорокошичи, Окувиново на восток, он захватил населенные пункты Смолино, Максим, Моровск. Одновременно он бросил не менее двух пехотных дивизий вдоль западного берега Десны на Чернигов. Их удар пришелся по тылам соединений 31-го и 15-го стрелковых корпусов, которые вели бои на рубеже, проходившем от разъезда Муравейка, через Подгорное, Бобровица, Коты, Жукотки, Любечь, оттуда на юг по восточному берегу Днепра до населенных пунктов Васильева Гута, Ковпита, Андреевка и далее по восточному берегу Десны.

Угроза окружения стала очевидной. Ее усиливало то обстоятельство, что в тылу наших войск была Десна, не проходимая вброд. Противнику же это облегчало выполнение задачи по окружению и уничтожению войск 15-го и 31-го стрелковых корпусов.

Следовательно, обстановка требовала немедленно, пока была хоть какая-то возможность воспользоваться переправами, отвести оба корпуса за Десну. Вместо этого командующий войсками фронта приказал предпринять еще одну отчаянную попытку отбросить врага и с этой целью нанести ряд контрударов по

наступавшему на флангах противнику.

Приказ 15-му стрелковому корпусу о переходе в наступление был получен мной в момент, когда наши войска под ударами превосходящих сил противника вынуждены были отходить. Согласно этому приказу 135-й стрелковой дивизии совместно с подразделениями 244-го стрелкового полка, насчитывавшими 100-150 человек, а также батальоном 204-й воздушно-десантной бригады и отдельным разведывательным батальоном 62-й стрелковой дивизии (до 100 человек) ставилась задача отбросить противника, восстановить прежнее положение на правом фланге 5-й армии и выйти на р. Десна.

На левом фланге армии аналогичная задача была поставлена войскам 31-го стрелкового корпуса.

В сложившейся обстановке этот приказ не был выполнен из-за отсутствия сил. Он привел лишь к задержке на сутки 15-го и 31-го стрелковых корпусов на прежних рубежах, а это поставило нас в крайне тяжелое положение.

Противник тем временем стремительно наступал с востока на Количевку, стремясь обойти Чернигов с юга. Одновременно он нанес удар на Чернигов силами пехотных дивизий, наступавших, как я уже упоминал, с Окуниновского плацдарма вдоль западного берега Десны. Во второй половине дня 8 сентября его основные силы вышли в район Количевка, а наступавшие с запада овладели населенным пунктом Шестовицы и тем самым отрезали нам пути отхода за р. Десна.

Так основная часть сил 15-го (45-я и 62-я стрелковые дивизии) и 31-го стрелковых корпусов, находившаяся в районе Чернигова и к юго-западу от него, попала в окружение. В этой обстановке было, наконец, получено разрешение отойти с наступлением темноты за Десну, Оно запоздало ровно на сутки, и теперь нам предстояло не отходить, а дорогой ценой пробиваться из окружения.

Я вкратце объяснил командирам создавшееся положение и сообщил им свое решение: 45-й и 62-й дивизиям во что бы то ни стало прорвать вражеское кольцо и форсировать Десну.

Только отчаянная смелость бойцов и командиров 15-го стрелкового корпуса спасла нас тогда от разгрома. Многие из них пали в завязавшейся вскоре неравной схватке. Был ранен командир 45-й стрелковой дивизии генерал-майор Г. И. Шерстюк. В тяжелом ночном бою обе дивизии потеряли часть своей артиллерии и транспорта, и все же небольшими группами на подручных переправочных средствах и вплавь они добрались до восточного берега Десны. Не легче было в ту ночь и 135-й стрелковой дивизии, 1-й артиллерийской противотанковой

бригаде и остаткам 1-го воздушно-десантного и 9-го механизированного корпусов, не попавшим в кольцо войск противника и находившимся к югу от Чернигова на восточном берегу Десны. Им была поставлена задача обеспечивать выход из окружения дивизий 15-го и 31-го стрелковых корпусов. И они с честью выполнили ее, приняв на себя основной удар, который наносился противником с севера и северо-востока.

Вырвавшись 10 сентября из окружения ценою больших потерь и продолжая отбиваться от наседавших превосходящих сил противника, 5-я армия отходила в юго-восточном направлении. Ее ослабленные войска не могли зацепиться на каком-либо новом рубеже еще и потому, что им все время угрожали обходом флангов и окружением две сильные вражеские группировки. Одна из них - 2-я танковая группа - наступала на правом фланге в направлении Нежина, Прилук, Пирятина, а другая - 2-я армия - на левом фланге в направлении Кобыжча, Згуровка, Яготин.

Части 15-го стрелкового корпуса 13 сентября после упорных уличных боев оставили г. Нежин. Продолжая отходить на юго-восток, мы в течение последующих дней достигли рубежа Прилуки - Толкачевка - Галица - Калшювка - Бобровица. Но и там организовать прочную оборону не смогли, так как ни у корпуса, ни у 5-й армии в целом не было необходимых для этого сил и средств.

Тем временем ход событий принял еще более угрожающий характер. 7-я стрелковая дивизия 21-й армии 17 сентября оставила г. Прилуки и тем самым позволила противнику беспрепятственно выйти во фланг и тыл 15-му стрелковому корпусу.

Я узнал об этом после того как возвратился начальник инженерных войск корпуса полковник Л. А. Развозов, ездивший по моему поручению на склад фронта за инженерным имуществом. Он доложил, что не мог пробиться через р. Сулу, так как немецкие танки захватили переправы на этой реке в районе Пирятин - Прилуки и отрезали войскам фронта пути отхода на восток.

Сначала у нас в штабе не поверили этому, слишком уж невероятным показался рассказ полковника Развозова. Тем более, что за несколько часов до того я виделся с генералом Потаповым, и он не произнес ни слова об окружении.

Все же, как подтвердилось вскоре, нас действительно вновь постигло несчастье. И масштабы его на этот раз оказались ошеломляющими. В окружение попали 5, 26, 37-я и часть сил 21-й армий, а также ряд частей фронтового подчинения вместе с управлением Юго-Западного фронта.

Причина же того, что командарм при встрече не сказал мне о свалившейся на нас беде, могла быть только одна: и он, и его штаб в это время, видимо, не знали действительной обстановки и положения войск. Впоследствии я понял, что именно этим объяснялся и незаслуженный упрек, брошенный мне тогда генералом М. И. Потаповым.

Эта встреча произошла, как я уже отмечал, 17 сентября. Командный пункт армии тогда находился в Бубновщине. Там, в саду, я и увидел склонившихся над картой, разложенной на небольшом столике, М. И. Потапова, члена Военного совета М. С. Никишева и начальника штаба Д. С. Писаревского. Выслушав мой доклад, командарм выразил свое недовольство. 15-й стрелковый корпус отступает, сказал он, а вот 31-й продолжает удерживать свои позиции.

Фактическое же положение было такое: 15-й стрелковый корпус действительно отходил под напором превосходящих сил противника, а слева от нас то же самое делал 31-й стрелковый корпус. Это обстоятельство я и имею в виду, когда говорю, что штаб 5-й армии, видимо, уже потерял тогда связь с войсками и не знал ни их положения, ни обстановки.

Вернувшись в корпус, я поставил дивизиям задачи на контрудар в направлении Рудовка, Малая Девица. Находившийся там противник не ожидал такого маневра и потому, не выдержав удара, вынужден был отступить на несколько километров. Однако наш контрудар никем не был поддержан. В это время и возвратился из неудачной поездки полковник Развозов. Вскоре о наступлении противника на флангах корпуса донесла разведка. Пришлось прекратить наступление и опять начать отвод войск.

Корпус продолжал отходить в юго-восточном направлении, отбивая непрерывные атаки противника как с фронта, так и с флангов. До сих пор у нас не было связи только с правым соседом. Мы потеряли ее при выходе из окружения в районе Чернигова. Теперь же никак не удавалось установить связь и со штабом 5-й армии.

Лишь 20 сентября, после того как противник захватил Бахмач, Прилуки, Пирятин, Лубны, корпус соединился с 164-й и 190-и: стрелковыми дивизиями 26-й армии, отходившими в том же направлении, что и мы. Восточный берег реки Сулы был уже в руках фашистов, когда мы вышли на ее западный берег. Здесь, в населенном пункте Оржица, оказались также окруженными штабы корпусов других армий.

В таком отчаянном положении я принял единственно возможное решение: собрать побольше людей из разных частей и прорываться на север и северо-восток. В этом мне оказывал

горячую помощь член Военного совета 26-й армии бригадный комиссар Д. Е. Колесниченко.

Мы собрали несколько тысяч бойцов и командиров, и я повел их в атаку. Но прорваться не смогли. Повторили попытку, и опять безуспешно. Потом еще и еще раз. Кольцо продолжало беспощадно сжиматься вокруг нас, и, казалось, не было такой силы, которая могла бы разорвать его. Однако остатки 15-го стрелкового корпуса, а также 164-й и 196-й стрелковых дивизий 26-й армии нашли в себе эту силу.

В ночь на 24 сентября, собрав всех оставшихся в живых, мы вновь ринулись в атаку. На этот раз враг не устоял перед натиском окруженных. Прорвав кольцо на фронте до километра, наша группа ушла на восток. Двигаясь группами по ночам вдали от дорог и населенных пунктов, выведенные нами части добрались до р. Псёл. Там мы, наконец, соединились со своими.

С небольшими группами бойцов и офицеров прорвались из окружения также командующий 26-й армией генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта генерал-майор И. Х. Баграмян, командиры корпусов генерал-майоры А. И. Лопатин и П. П. Корзун, комбриг Ф. Ф. Жмаченко и многие другие.

IV

Наша группа вышла из окружения 27 сентября, и этот день запомнился мне как особенный, необыкновенный. Ведь тот, кому довелось побывать во вражеском кольце и вырваться из него, как бы начинал жить заново. Так было и со мной.

Вспомнил, как в тяжких боях, которые мы вели в окружении, нет-нет, да мелькала в голове мысль: а что с другими нашими армиями, фронтами, неужели и там?.. Гнали прочь эту мысль, сердцем чуяли: нет, это не конец, навязанная нам война еще только начинается, и мы сумеем повернуть ее ход в свою пользу. В этой уверенности мы черпали силы для новых и новых схваток с врагом.

Вот почему такими торжественными и счастливыми были минуты встречи со своими, ставшими как-то по особенному близкими, родными. Мы, вырвавшиеся из вражеского кольца, вновь обрели самое святое, то, чем жили,-нашу социалистическую Родину, боевых друзей по партии и армии. Мы снова увидели готовые к бою с фашистами полки, дивизии, корпуса, армии. И крепче, чем когда-либо, поверили: нет, еще не все сказано в этой войне, еще за нами слово...

Не только радость встреч, но и горечь утрат принесли нам первые минуты, часы, дни после выхода из окружения.

Кстати, не могу не отметить, что в послевоенное время

бывшие гитлеровские генералы упорно стремятся преувеличить данные о потерях советских войск, окруженных в сентябре 1941 г. на Юго-Западном фронте. А. Филиппи, например, утверждает, что немцы тогда взяли в плен более 665 тыс. человек. Он же хвастливо заявляет: "Здесь были окончательно раздавлены попавшие под двухсторонний удар остатки храброй 5-й армии русских. Судьбе угодно было, чтобы с выходом этой армии из Припятского болотистого района ее счастливая звезда закатилась"{26}.

Во всем этом нет ни слова правды.

Во-первых, все попавшие в окружение войска еще до того, на 10 сентября, насчитывали лишь около 452 тыс. человек. Следовательно, уже по одной этой причине в плен к немцам не могло попасть почти в полтора раза большее число людей.

Во-вторых, в кровопролитных боях до окружения и в последовавшей за ним десятидневной битве мы понесли большой урон убитыми, и, таким образом, численность наших войск во вражеском кольце стала еще меньшей.

Наконец, в-третьих, значительное число советских солдат и офицеров вырвалось из окружения, а многие ушли в партизаны.

Из всего этого следует, что в плен попала сравнительно небольшая часть войск, оказавшихся в окружении. Что касается остатков 5-й армии, то и они не были "окончательно раздавлены", как уверяет А. Филиппи, а вышли из окружения в разных местах, пройдя с тяжелыми боями от Чернигова до Оржицы и далее на р. Псёл к северо-востоку от Миргорода.

Но оставим в стороне вымыслы, в которых ищут себе утешение битые гитлеровские генералы, самонадеянно начавшие войну и проигравшие ее. Если обратиться к действительным нашим потерям, то они и без всяких преувеличений были чрезвычайно тяжелыми.

В жестокой схватке с превосходящими силами врага пали тысячи и тысячи бойцов, командиров и политработников. И среди них - командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков и члены Военного совета М. А. Бурмистренко и дивизионный комиссар Е. П. Рыков.

Погибшим в бою считали тогда и командующего 5-й армией генерала Потапова. И лишь после войны я узнал, что судьба его сложилась иначе. Будучи тяжело ранен, он оказался в плену у немцев, а в 1945 г. был освобожден американскими войсками и на самолете доставлен в Москву.

Об этом мне рассказал уже в 1948 г. во Львове генерал-лейтенант В. А. Пеньковский. Оказалось, что после войны он

учился на высших академических курсах при Академии Генерального штаба вместе с Михаилом Ивановичем Потаповым, который по окончании их был направлен на службу в Дальневосточный военный округ.

Я был очень обрадован всем этим и часто думал, что хорошо было бы увидеться с ним. Такая возможность представилась лишь в 1955 г., на сборах руководящего состава военных округов. В присутствии многих маршалов и генералов я, наконец, встретился с Михаилом Ивановичем Потаповым. Мы взволнованно обнялись и расцеловались, а потом, когда освободились от дел, долго беседовали о минувшем, вспоминая каждый бой и всех, кто пал на поле брани.

Еще раз довелось мне встретиться с Михаилом Ивановичем в феврале 1965 г., когда он был уже заместителем командующего войсками Одесского военного округа. Участвуя в партийной конференции этого округа, я в своем выступлении рассказал делегатам о мужестве и героизме генерала Потапова и руководимых им в начальный период войны войск 5-й армии. Участники конференции, среди которых большинство составляли люди послевоенного поколения, устроили ему горячую овацию, показав этим, что они гордятся своими старшими боевыми товарищами. Сам Михаил Иванович Потапов очень волновался во время моего выступления, а затем горячо благодарил меня за теплые и правдивые слова, сказанные в его адрес.

Генерал-полковник М. И. Потапов безвременно скончался в марте 1966 г. Мы, знавшие его, навсегда сохраним в своих сердцах глубокое уважение к памяти храброго и одаренного генерала, чья армия в первые дни и недели войны, действуя в исключительно неблагоприятных условиях, с честью и славой противостояла многократно превосходящим силам врага.

Непоколебимая вера в то, что победу в конечном счете одержат Советские Вооруженные Силы, не покидала Михаила Ивановича не только в дни, когда он вынужден был отступать со своей армией, но даже и в плену. Я нисколько не удивился, когда оказалось, что подтверждение этому дают и немецкие источники. Так, западногерманский журнал "Кампфтруппен" в 1967 г. опубликовал статью генерала Лео Гейера фон Швеппенбурга{27}. Это бывший командир 24-го танкового корпуса, который в сентябре 1941 г. замкнул с севера кольцо окружения Киева.

И вот он пишет, что в конце сентября того же года к нему был доставлен взятый в плен раненый генерал М. И. Потапов. Поскольку тогда, после поражения на Юго-Западном фронте, советские войска оставили всю Правобережную Украину и часть Левобережной, а также Киев, немецко-фашистским генералам

мерещилось, будто Красная Армия уже не в силах им противостоять. И, естественно" фон Швеппенбург не преминул спросить Потапова, на что же в таких условиях возлагает надежды советское командование. И получил, по его собственному признанию, такой ответ, из которого явствовало, что Михаил Иванович исключал возможность победы немцев в войне против СССР{28}.

Великая, непреоборимая вера в нашу конечную победу жила в сердцах всех советских воинов в тот трудный час. Она вела на подвиг, помогала ценою невероятных усилий прорываться из окружения, чтобы снова и снова сражаться с врагом.

V

С тех пор прошли десятилетия. О Великой Отечественной войне написано много книг. Но события, о которых повествуется в этой главе, к сожалению, до сих пор очень слабо освещены либо вообще остаются "белым пятном" в нашей исторической литературе. И потому на многие вопросы, относящиеся к этим событиям, пока что не даны ответы.

Помню, иногда, в редкие минуты затишья между боями, и меня мучил один вопрос. Почему, спрашивал я себя, гитлеровцам удалось окружить значительную часть войск Юго-Западного фронта?

Сначала мне казалось, что я знаю ответ: потому, мол, что в решающий момент Ставка Верховного Главнокомандования не дала фронту своих резервов... Но несколько месяцев спустя, когда нами было сорвано наступление фашистов на Москву, я увидел, что это не так. И понял: тысячу раз была права Ставка, когда она отказала Юго-Западному фронту в выделении резервов. Она просто не располагала в то время крупными резервами, а те, которые имелись, расходовались в основном на прикрытие московского стратегического направления.

Но из всего этого вовсе не следует, что окружения войск Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. нельзя было избежать. Такой вывод был бы неправильным. Это стало мне ясно спустя десятилетия, когда я ознакомился с документами, в которых отражены те оценки обстановки, которые давались командованием фронта, Юго-Западного направления, Ставкой Верховного Главнокомандования, а также принимавшиеся ими решения.

Начну с имеющей прямое отношение к данному вопросу записи переговоров по прямому проводу 24 августа 1941 г. между Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным и командующим Брянским фронтом генералом А. И. Еременко. Она гласит:

"Сталин: У аппарата Сталин. Здравствуйте!

У меня есть к вам несколько вопросов:

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21 армию? Я спрашиваю об этом потому, что Москву не удовлетворяет работа Ефремова (речь идет о тогдашнем командующем Центральным фронтом.- К. М.).

2. Вы требуете много пополнения людьми и вооружением...

3. Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и два-три танковых батальона; очень ли они нужны вам?

4. Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко: Здравствуйте! Отвечаю:

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга надо крепко обеспечивать. А это значит - прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й армией, подчинить мне...

Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку. Они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его"{29}.

Из разговора видно, что войскам Брянского фронта была поставлена задача разбить танковую группу Гудериана и что командующий фронтом обещал выполнить эту задачу в ближайшее время. Напомню, что танковая группа Гудериана представляла в тот момент серьезную угрозу для правого фланга Юго-Западного фронта. Поэтому, надо полагать, ликвидацию этой угрозы Ставка Верховного Главнокомандования и связывала в значительной мере с предполагаемыми действиями войск Брянского фронта.

После вышеприведенных переговоров по прямому проводу прошло 16 суток, прежде чем противник глубоко проник на фланг и в тыл войскам Юго-Западного фронта. За это время командование Брянского фронта не смогло что-либо сделать для ликвидации угрозы своему левому соседу в районе Бахмача и Конотопа. Очевидно, у него не было достаточных для этого сил и возможностей. Между тем, информируя 10 сентября Военный совет Юго-Западного фронта о поставленной Брянскому фронту задаче, Б. М. Шапошников даже тогда все еще возлагал исключительные надежды на действия частей и соединений этого

фронта.

Однако на деле произошло иное. Танковая группа Гудериана, оставив в полосе Брянского фронта две дивизии, ушла главными силами на юг и наносила удар за ударом во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта. Таким образом, Юго-Западный фронт не получил обещанной помощи.

В тот же, уже упоминавшийся день, 10 сентября, танки противника, наступавшие с севера, ворвались в г. Ромны. Это резко осложнило положение на Юго-Западном фронте, в связи с чем руководство фронта обратилось в Ставку с предложением о немедленном отводе войск с целью избежать окружения. Глубокой ночью, в 1 час 15 мин. 11 сентября состоялся следующий разговор между командованием фронта и Б. М. Шапошниковым:

Кирпонос: У аппарата Кирпонос, Бурмистренко, Тупиков. Здравствуйте, товарищ маршал!

Шапошников: Здравствуйте, товарищ Кирпонос, товарищ Бурмистренко и товарищ Тупиков. Вашу телеграмму о занятии противником Ромны и поэтому о необходимости скорейшего отхода Ставка Верховного Главнокомандования получила... Нет сомнения, что занятие Ромны создаст известное гнетущее настроение, но я уверен, что Военный совет фронта далек от этого и сумеет справиться с эпизодом у Ромны.

Операция отхода всем фронтом - не простая вещь, а очень сложное и деликатное дело. Помимо того, что всякий отход понижает до некоторой степени боеспособность частей, в этой войне при отходе противник вклинивается между отходящими частями своими механизированными группами и заставляет пехотные части принимать бой в невыгодных условиях, а именно, когда артиллерия находится на колесах, а не в боевом положении. Мы это видели на примере отхода 5-й армии за Днепр и переправы противника у Окуниново и, наконец, на отходе всего Южного фронта за Днепр.

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта, так как это предусмотрено нашими уставами. Я уже вчера, 10.9, говорил с вами относительно того, что через три дня Еременко начинает операцию по закрытию прорыва к северу от Конотопа и что второй конный корпус Верховным Главнокомандующим от Днепропетровска направлен на Путивль{30}. Таким образом, необходимо вам в течение трех дней ликвидировать передовые части противника у Ромны. Для чего, я считаю, вы сможете две дивизии с противотанковой артиллерией взять от Черкасской

армии и быстро перебросить их на Лохвицу навстречу мотомехчастям противника. И, наконец, самое существенное - это громить его авиацией. Я уже отдал приказана товарищу Еременко всей массой авиации резерва Верховного Главнокомандования обрушиться на 3-ю и 4-ю танковые дивизии, оперирующие в районе Бахмач, Конотоп, Ромны. Местность здесь открытая, и противник легко уязвим для нашей авиации.

Таким образом, Ставка Верховного Главнокомандования считает что сейчас ближайшей задачей Военного совета Юго-Западного фронта будет разгром противника, пытающегося выдвинуться из района Бахмач, Конотоп на юг. У меня все.

Кирпонос:

1) Военный совет заверяет Ставку в том, что он далек от панических настроений, не болел этим никогда и не болеет.

2) Создавшееся положение на участке Юго-Западного фронта, как я уже докладывал, характеризуется не только выходом сегодня противника в район Ромны, Грайворон, но и взломом обороны в районе Чернигова, Окуниново. 5-я армия ведет тяжелые бои в окружении и как я уже докладывал вам, товарищ маршал, понимая всю важность [роли], которую играет в общем деле Юго-Западный фронт, мы все время стремимся к тому, чтобы не дать возможности противнику достигнуть здесь какого-либо успеха. Но, к сожалению, все возможности, которыми мог самостоятельно располагать Военный совет фронта, исчерпаны и оказались недостаточными в условиях сложившейся обстановки.

3) Я полагаю, что взять что-либо еще от Костенко{31} нельзя, так как он занимает 150-километровый фронт, и если сейчас взять от него ещё две дивизии, то оставшееся число дивизий будет занимать фронт обороны не менее 30 километров на каждую. Кроме того, последнее время, по данным нашей авиаразведки, установлена подача пополнения противником из глубины железнодорожными эшелонами на станцию Мироновка. Если учесть всё это и учесть состояние, вследствие непрерывных дождей, порчи дорог, то в случае форсирования противником реки Днепр в районе Ржев, Канев вряд ли Костенко сможет воспрепятствовать этому. Таким образом, в этих условиях я и Военный совет в целом полагаем, что у нас имеется единственная возможность, откуда мы могли бы ещё взять силы и средства для уничтожения группы противника, стремящейся выйти с направления Козелец на Киев и с направления Бахмач, Конотоп на глубокий тыл фронта, - является КИУР (Киевский укреплённый район. К.М.).

Вот смысл наших предложений Ставке при условии отсутствия подачи нам резервов.

Прошу ваших указаний. У меня все.

Шапошников: Вы и так в КИУРе оставляете только четыре дивизии, больше оттуда снимать нельзя. Я считаю, что с правого берега Днепра, западнее Остер, можно вывести еще одну стрелковую дивизию, 87-ю или 41-ю. Что же касается армии Костенко, то, имея в своем составе 8 стрелковых дивизий за рекой Днепр, смело можно растянуть дивизию на 25-30 километров. Затем у вас должна восстанавливаться 81-я стрелковая дивизия, в каком она виде сейчас? Иначе ваш правый фланг нам придется укреплять, и приходится на более или менее пассивных участках растягивать свои силы. Правда, в 5-й армии, у Потапова, три дивизии из окружения пробиваются с переправами через реки, если они действуют организованно, то им это вполне удастся. Лишь бы только не бросали автоматику и артиллерию (начальник Генштаба имел в виду наш 15-й стрелковый корпус, однако, по-видимому, он не знал, что мы уже прорвали кольцо окружения и, форсировав Десну, продолжали с боями отходить на юго-восток.- К. М.). Нельзя ли у противника разрушить все же переправу через Днепр, да и через Десну, и тем остановить его движение? У меня все.

Кирпонос:

1. 41-я стрелковая дивизия выведена и сегодня принимала участие в боях за Козелец.

2. Два полка 81-й стрелковой дивизии уже отправлены на кременчугское направление для усиления действующей там нашей группы войск по уничтожению противника.

Таким образом, по вашему указанию, можно рассчитывать лишь на две стрелковые дивизии из армии Костенко.

Авиации поставлена задача на уничтожение переправ противника. Однако пока это положительных результатов не дало. Если Ставка считает наши предложения не совсем правильными и приказывает выполнить только что данные вами указания, Военный совет фронта принимает это к исполнению.

Шапошников:

1. Ставка Верховного Главнокомандования считает ваше предложение пока преждевременным.

2. Что же касается средств для парирования вылазок противника на вашем правом фланге, то я предложил вам свой вариант решения. Может быть, вы найдете иной выход для укрепления вашего правого фланга.

Кирпонос: Кроме предложенного вами, если наше предложение о КИУРе отпадает, другого выхода нет. У меня все.

Шапошников: О КИУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно. Пока все. До

свидания".

VI

К тому моменту, когда происходили эти переговоры, линия Юго-Западного фронта представляла собой дугу очень опасной конфигурации. Более того, после взятия противником г. Ромны эта дуга явно приобрела тенденцию превратиться в кольцо окружения, внутри которого оказалось бы большое число наших войск.

Повернув с московского направления на тог 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу Гудериана и направив на север из района Кременчуга 17-ю полевую армию и 1-ю танковую группу Клейста, немецко-фашистское командование стремилось произвести силами обеих группировок встречные удары в район Прилуки - Пирятин - Лубны - Лохвица - Ромны, в тыл войскам нашего Юго-Западного фронта, и окружить их.

Этот замысел стал ясен в первых числах сентября. И тогда же Ставка решила принять контрмеры.

Брянскому фронту, как уже отмечалось, была поставлена задача разгромить танковую группу Гудериана с целью, согласно сообщению маршала Шапошникова, "закрытия прорыва к северу от Конотопа". Туда же, в район Путивля, предполагалось выдвинуть 2-й кавалерийский корпус. Наконец, из слов начальника Генерального штаба видно, что немалая роль в ликвидации угрозы окружения отводилась войскам самого Юго-Западного фронта.

Ставка, по-видимому, считала возможным с помощью этих мер помешать осуществлению замысла немецко-фашистского командования в отношении войск Юго-Западного фронта и потому не видела необходимости в их отводе. При таких условиях предложение Кирпоноса, изложенное в его телеграмме от 10 сентября, либо могло быть отвергнуто, либо должно было привести к пересмотру ранее принятых Ставкой решений. Как мы видели, маршал Шапошников от имени Ставки отклонил его.

Содержание этих переговоров сразу же стало известно главнокомандующему Юго-Западным направлением Маршалу Советского Союза С. М. Буденному, и он сделал следующее представление в Ставку:

"Из Полтавы 11.9.41 8.15

Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж. Нач. Генштаба КА маршал тов. Шапошников от имени Ставки Верховного Главнокомандования в ответ на это предложение дал указание вывести из 26-й армии

две стрелковые дивизии и использовать их для ликвидации прорвавшегося противника из района Бахмач, Конотоп. Одновременно тов. Шапошников указал, что Ставка Верховного Главнокомандования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным.

Со своей стороны полагаю, что к данному времени полностью обозначились замыслы противника но охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Севсрскпй и Кременчуг. Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу поиск (пропуск в копии телеграммы.-К. М.)... Юго-Западном фронте сделать не в состоянии. Если Ставка Верховного Главнокомандования в свою очередь не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим.

Мероприятие, которое должен провести Военный совет фронта в виде выдвижения двух дивизий из 26-й армии, может являться только средством обеспечения. К тому же 26-я армия становится крайне обессиленной: на 150 км фронта остаются только три стрелковые дивизии. Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества матчасти.

В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР. Эти силы и средства безусловно помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению противником".

Так предложение об отводе войск было выдвинуто вновь, на этот раз Военным советом Юго-Западного направления. Вместе с тем нельзя не заметить, что постановка этого вопроса в телеграмме маршала С. М. Буденного несколько иная, чем у генерала М. П. Кирпоноса. Командующий Юго-Западным направлением полагал, что предложение Кирпоноса должно быть принято в том случае, если Ставка Верховного Главнокомандования не имеет возможности сосредоточить в данный момент сильную группу войск для противодействия замыслу противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта.

Но ведь именно такой сильной группой Ставка и считала войска Брянского фронта. На них по-прежнему возлагались большие надежды, и это наложило отпечаток также на дальнейшие переговоры во вопросу об отводе войск Юго-Западного фронта. Впрочем, теперь они носили иной характер.

В тот же день, 11 сентября, И. В. Сталин в присутствии Б. М.

Шапошникова и находившегося тогда в Москве С. К. Тимошенко вызвал к прямому проводу М. П. Кирпоноса, М. А. Бурмистренко и В. И. Туликова. Произошел следующий разговор:

"Сталин: Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынск у вас был более серьезный рубеж - р. Днепр - и, несмотря на это, при отводе войск [вы] потеряли две армии и отвод превратился в бегство, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь, это первое.

А потом второе... В данной обстановке на восточном берегу предлагаемый вами отвод войск будет означать окружение наших войск.

...Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут создать катастрофу.

Выход может быть следующий. Немедля перегруппировать силы, хотя бы за счет КИУРа и других войск, и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко... Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псёл, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и запад и отведя 5-6 дивизий на этот рубеж... После всего этого начать эвакуацию Киева.

Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления...

Кирпонос: ...У нас мысли об отводе войск не было до получения предложения об отводе войск на восток с указанием рубежей...

Сталин: Предложение об отводе войск с Юго-Западного фронта исходит от вас и от Буденного ...Шапошников против отвода частей, а главком - за отвод, так же как Юго-Западный фронт стоял за немедленный отвод частей.

О мерах организации кулака против конотопской группы противника и подготовке оборонительной линии на известном рубеже информируйте нас систематически...

Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки..."

Непосредственным результатом приведенных переговоров по вопросу об отводе войск фронта было назначение вместо маршала С. М. Буденного нового главнокомандующего Юго-

Западным направлением - маршала С. К. Тимошенко. Одновременно Юго-Западный фронт был усилен резервами Ставки - 100-й стрелковой дивизией и двумя танковыми бригадами. Кроме того, с Южного фронта в район Зенькова перебрасывался 2-й кавалерийский корпус, из состава 26-й армии выделялись в резерв Юго-Западного фронта 7-я и 289-я стрелковые дивизии для нанесения контрудара в районе Пирятина и Прилук. Все эти меры были недостаточными и запоздалыми.

Считаю необходимым еще раз коснуться ответа П. В. Сталина М. П. Кирпоносу. Хотя и он отклонил предложение командования Юго-Западного фронта об отходе на р. Псёл, однако саму по себе идею отвода войск, как мы видели, не отверг. Наоборот, он выдвинул даже определенные условия, при соблюдении которых стала бы возможной эвакуация Киева. Последнюю же И. В. Сталин предлагал с целью противодействия окружению войск Юго-Западного фронта. Речь шла о том, чтобы осуществить такую эвакуацию после: 1) атак на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом с целью устранить непосредственную угрозу выхода танковой группы Гудериана в тыл войскам Юго-Западного фронта; 2) подготовки оборонительного рубежа на р. Псёл с заблаговременным отводом туда 5-6 дивизий и создания артиллерийской группы.

В свете приведенных документов, на мой взгляд, можно говорить, что Ставка не разрешала лишь немедленный, без подготовки, отвод войск Юго-Западного фронта. И только маршал Шапошников был против их отхода вообще. Поэтому мне представляется, что необходимо рассматривать не только решение Ставки по этому вопросу, но и отдельно позицию начальника Генерального штаба. Тем более, что его точка зрения оказала огромное влияние на отклонение Ставкой предложений генерала Кирпоноса и маршала Буденного об отводе войск.

В самом деле, при принятии такого решения Ставка располагала двумя возможными оценками обстановки, исходившими, с одной стороны, от командующего Юго-Западным фронтом и главнокомандующего Юго-Западным направлением и, с другой,- от начальника Генерального штаба. Мы уже видели, как оценивали обстановку генерал Кирпонос и маршал Буденный. Посмотрим теперь оценку маршала Шапошникова.

Во время вышеуказанных переговоров с Кирпоносом в ночь на 11 сентября начальник Генерального штаба заявил, что согласно имевшимся у него сведениям "авиационной разведкой был обнаружен в 13.25 и в 14.25 (данные за 10 сентября. - К. М.) подход двух колонн автомашин с танками и скопление танков и

автомашин у деревни Житное, к сиверу от Ромны". Далее Б. М. Шапошников заявил: "Судя по длине колонн, здесь небольшие части, примерно не более тридцати-сорока танков. По непроверенным данным, из Сумы якобы в 16.00 10.9 в Ромны высажен с восьми машин десант. Одна из этих машин якобы была уничтожена нашей авиацией. По-видимому, часть подвижных войск противника просочилась между Бахмач и Конотоп". И в заключение сделал вывод: "Все эти данные не дают еще оснований для принятия того коренного решения, о котором вы просите, а именно: об отходе всем фронтом на восток".

Но те части противника, которые начальник Генерального штаба считал "просочившимися" в район Ромны, на самом деле представляли собой авангард главных сил 2-й танковой группы, стремительно двигавшихся на юг, навстречу 1-й танковой группе. При успехе этого маневра в условиях сильного давления со стороны 2-й и 6-й немецких армий с северо-запада и запада, а 17-й армии и 1-й танковой группы со стороны Кременчуга на север войска Юго-Западного фронта неминуемо должны были оказаться в окружении.

Знал ли маршал Шапошников о наличии такой угрозы? Предположим, что в начале разговора с Кирпоносом в ночь на 11 сентября, располагая явно устаревшими сведениями об обстановке в районе Ромны и ничего еще не зная об ухудшившемся положении на левом крыле Юго-Западного фронта, начальник Генерального штаба не видел надвигавшейся катастрофы.

Но ведь командующий войсками фронта информировал его об ухудшении обстановки. Кроме того, несколько часов спустя он, несомненно, был ознакомлен с приведенной выше телеграммой маршала Буденного на имя Сталина, в которой заявлялось, что уже полностью обозначилась угроза не только со стороны Ромны, по и со стороны Кременчуга. Наконец, тогда же начальнику Генерального штаба стало известно, что если последовать его совету и взять из 26-й армии две дивизии для выдвижения их против гитлеровцев, наступавших с севера, то в этой армии на 150 км фронта останется не шесть дивизий, как он считал, а только три.

Изменилась ли после всего этого его оценка обстановки? Судя по документам, которые будут приведены ниже, не изменилась. В связи с этим остается лишь одно предположение: маршал Шапошников твердо верил в возможность предотвратить окружение путем наступления войск Брянского фронта в сочетании с контрударом части сил Юго-Западного фронта. Иначе говоря, он явно недооценивал опасность, нависшую над войсками

Юго-Западного фронта в связи с ударом 2-й полевой армии и 2-й танковой группы немцев с севера и ударом 1-й танковой группы и 17-й полевой армии с юга, а также переоценивал реальные возможности войск Брянского фронта. Это предположение подтверждается дальнейшим ходом событий

Обещание, которое генерал А. И. Еременко, как мы видели, дал И. В. Сталину, он не смог выполнить. Брянский фронт в эти дни вел наступательные бои силами ослабленных 13-й и 3-й армий. Противостоявшие им немецкие 17, 18-я танковые и 29-я моторизированная дивизии, применяя тактику "сдерживающего сопротивления", с боями отошли за Десну, где и закрепились. Отбросить их дальше на запад войска Брянского фронта не смогли, так как не располагали, очевидно, необходимыми силами.

Озабоченный положением на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, маршал Шапошников 12 сентября от имени Ставки дал генералу Еременко следующую директиву: "Самым срочным и решительным образом покончить с группировкой противника в районе Шостка, Глухов, Путивль, Конотоп и соединиться с войсками ЮЗФ, для чего разрешается приостановить наступление на рославльском направлении. Операцию начать 14 сентября. Желательно закончить эту операцию и полностью ликвидировать прорыв между Брянским и Юго-Западным фронтами не позднее 18 сентября..."

Но попытки Брянского фронта оказать содействие Юго-Западному фронту ударом во фланг повернувшей на юг 2-й танковой группе противника не увенчались успехом. Гудериан продолжал основными силами стремительно продвигаться в тыл Юго-Западному фронту. Более того, всю 17-ю танковую дивизию вместе с моторизованным полком "Великая Германия" он снял со своего растянутого левого фланга и бросил в наступление против частей 40-й армии. Из сказанного видно, что Брянский фронт был не в силах разбить сильную танковую группу Гудериана.

Между тем в способность Брянского фронта выполнить поставленную ему задачу, видимо, верил и Сталин. Это вытекает из всего сказанного выше, и в частности из его указания М. П. Кирпоносу о "взаимодействии с А. И. Еременко". Вместе с тем он требовал, как уже показано, проведения более решительных и широких мер, чем Шапошников, мер, которые, несомненно, облегчили бы положение войск Юго-Западного фронта. Но эти указания, к сожалению, не могли быть выполнены М. П. Кирпоносом.

VII

А как оценивал обстановку новый главнокомандующий Юго-

Западным направлением маршал С. К. Тимошенко? Непосредственно перед назначением на эту должность он, как уже отмечено, присутствовал при переговорах Сталина с Кирпоносом.

Видимо, он тогда считал правильным отказ Ставки разрешить отвод войск Юго-Западного фронта. Это явствует из тех решений, которые он принимал в последующие дни.

Должен сказать, что у маршала Тимошенко могли быть некоторые основания для предположения о благоприятном исходе событий на Юго-Западном фронте. Во-первых, можно было надеяться, что войска фронта продержатся до подхода резервов. Во-вторых, положение 40-й армии не вызывало опасений. Считалось сравнительно устойчивым и положение 38-й армии. Входивший в ее состав 5-й кавалерийский корпус, усиленный двумя танковыми бригадами и 81-й стрелковой дивизией, рокировался с левого фланга армии на правый для действий на р. Псёл в районе Белоцерковка - Решетиловка.

Но с каждым днем эти основания становились все более непрочными. Резервы подходили медленно, да и не являлись они такой силой, которая была способна оказать решающее влияние на ход событий. В дни, о которых идет речь, прибыли и начали разгружаться в районе Лебедина и Ахтырки лишь 100-я стрелковая дивизия и две танковые бригады (1-я и 129-я), насчитывавшие около 100 танков. 2-й кавалерийский корпус тоже был еще далеко - на подходе к Зенькову. Что касается положения 38-й армии, то и оно ухудшилось в результате прорыва авангардов немецких 9-й и 16-й танковых дивизий на р. Хорол.

Вот как оценивало обстановку к исходу 13 сентября командование Юго-Западного фронта:

"Особо важная

Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину Главкому ЮЗН маршалу тов. Тимошенко

Боевое донесение. Штаб ЮЗФ. Прилуки 13. 9 19. 30 Карта 500 000

Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами: а) Прорвавшемуся на Ромны, Лохвица и на Веселый Подол, Хорол противнику пока, кроме местных гарнизонов и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено и продвижение его идет без сопротивления. Выбрасываемые на это направление 289-я и 7-я дивизии будут только 14.9 и то лишь с оборонительными задачами воспрепятствовать обороной узлов Пирятин, Прилуки удару по неприкрытым тылам войск фронта.

б) Фронт обороны Кузнецова взломан окончательно, и армия фактически перешла к подвижной обороне. 187 сд, 219 сд, 117 сд

после боя в окружении представляют остатки.

в) Армия Потапова также не может стабилизировать фронт и ведет подвижную оборону. В стыки 37-й армии прорвался на Кобыжча противник.

г) 37-я армия сопротивляется более устойчиво, но и у нее обстановка нарастает не в ее пользу.

д) Началось перемешивание тылов 5-й и 21-й армий... е) По-прежнему считаю наиболее целесообразным выходом из сложившейся обстановки немедленный вывод войск из КИУР и за этот счет укрепление фронта Кузнецова, Потапова, переход в наступление на Бахмач, Кролевец, в последующем - общий выход. Чтобы это оказалось посильным, необходимо помочь авиацией и переходом к активным действиям на глуховоком направлении Брянского фронта. No 15640

Кирпонос, Бурмистренко, Тупиков"{32}.

Далее, 14 сентября в 3 часа 25 мин. начальник штаба фронта генерал-майор Тупиков по собственной инициативе обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба главкома Юго-Западного направления с телеграммой, в которой, охарактеризовав тяжелое положение войск Юго-Западного фронта, закончил изложение своей точки зрения следующей фразой: "Начало понятной вам катастрофы дело пары дней"{33}.

Начальник Генерального штаба реагировал на это следующим образом:

"Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН.

Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21А) и Потапова (5А) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания тов. Сталина, данные вам 11.9.

Шапошников"{34}.

15 сентября в 17 час. 40 мин. начались очередные переговоры начальника Генштаба маршала Шапошникова с маршалом Тимошенко, продолжавшиеся до 19 часов. Их содержание в значительной степени определило характер действий войск Юго-Западного фронта на ближайшие дни.

С. К. Тимошенко сказал, что "новое в обстановке - активность кременчугской группировки противника, которая развивает свои действия в северном и северо-восточном направлениях, отбрасывая ослабленные части 38-й армии". Далее он

охарактеризовал последние распоряжения командующего Юго-Западным фронтом о выдвижении двух дивизий в район Прилуки - Пирятин для занятия обороны как "недостаточно решительные и пассивные намерения". И добавил: "Из сообщений Кирпоноса не видно решительных мероприятий, выраженных в перегруппировке с задачей удара хотя бы в направлении Ромны, где противник в сравнении с южной группировкой является на сегодняшний день слабее... Кирпонос не совсем ясно представляет себе задачу уже потому, что он просится со своим командным пунктом в Киев..."

Б. М. Шапошников согласился с оценкой мероприятий Кирпоноса, данной маршалом Тимошенко. Указанное выдвижение двух дивизий, по его мнению, означало "занятие позиции пассивного сопротивления... вместо того, чтобы наносить удары ромненской или хоролской группе противника". В свою очередь он поставил под сомнение тревожную телеграмму Кирпоноса. "Считаю,- сказал начальник Генштаба,что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией".

На вопрос маршала Шапошникова о том, каковы последние указания, данные Кирпоносу, маршал Тимошенко ответил: "Удержание обороны с отходом за реку Днепр в случае такой надобности; высвобождение части сил для парирования ударов... Организовать оборону непосредственно на подступах Киева, основные силы имея на восточном берегу".

Начальник Генерального штаба далее просил главкома Юго-Западного направления еще раз подтвердить данные указания Кирпоносу. Маршал Тимошенко обещал сделать это через начальника оперативного отдела штаба фронта генерал-майора И. Х. Баграмяна, находившегося в момент переговоров в штабе Тимошенко в Ахтырке.

На этом разговор закончился. Но дальше все пошло совсем не так, как договорились Шапошников и Тимошенко. На следующий день, 16 сентября, генерал Баграмян действительно вылетел на самолете в Прилуки к Кирпоносу, но поручение, которое он получил, состояло в том, чтобы передать командующему фронтом следующее решение маршала Тимошенко: "Главными силами фронта незамедлительно начать отход на тыловой оборонительный рубеж по р. Псёл"{35}.

Что же произошло в часы между переговорами Тимошенко с Шапошниковым и вылетом Баграмяна из Ахтырки? Что привело командующего Юго-Западным направлением к такому решению? И имел ли он на то соответствующие указания Ставки?

Ответ на эти вопросы дает дальнейший ход событий. Их стремительное развитие сделало 16 сентября явным и

несомненным то, что еще накануне представлялось спорным или даже невероятным; противник был уже близок к завершению окружения основных сил Юго-Западного фронта. Видимо, об этом стало известно маршалу Тимошенко. Как он рассказал в одной из наших недавних бесед, именно в этот момент обстановка представилась ему в ее истинном свете. И он решился, не теряя времени на согласование со Ставкой, сделать единственно возможный шаг - отвести войска. Для этого главнокомандующий немедленно отправил генерал-майора Баграмяна в штаб Юго-Западного фронта, но уже с приказом об отводе войск на новый рубеж. Причем, опасаясь, чтобы этот приказ не стал известен вражескому командованию, маршал Тимошенко изложил его не письменно, а устно. Ведь самолет, на котором летел И. Х. Баграмян, мог быть сбит...

Итак, генерал Кирпонос получил приказ, которого добивался уже несколько дней. И что же он сделал после этого? Не более и не менее как усомнился в его достоверности. Решение маршала Тимошенко резко отличалось от предыдущих его указаний. Кроме того, как уже отмечено, оно было передано генерал-майором Баграмяном устно. Все это показалось Кирпоносу странным, и он запросил подтверждения у Ставки.

Это была еще одна и, пожалуй, самая трагическая ошибка генерала Кирпоноса. Решение об отводе войск и без того запоздало. Запрос же, посланный командующим фронтом в Ставку, отнял так много времени, что выполнить этот приказ стало уже невозможно. Подтверждение пришло только в ночь на 18 сентября. Было потеряно больше суток, и как раз в это время противник уплотнил фронт окружения войск Юго-Западного фронта.

Более того, между 18 и 20 сентября противник сильными группировками разрезал войска Юго-Западного фронта на отдельные очаги сопротивления. Таких очагов было пять. В двух из них - в 20-30 км к северо-востоку от Золотоноши и в 40-50 км к юго-востоку от Киева сражались до 23-24 сентября остатки 26-й армии, в двух других - в 20-30 км к юго-востоку и востоку от Пирятина остатки 5-й и 21-й армий, штаб фронта и различные фронтовые части (до 23 сентября) и еще в одном-в 10-15 км к северо-востоку от Киева-остатки 37-й армии (до 21 сентября).

Получив подтверждение Ставки, командующий фронтом отдал армиям приказ на выход из окружения. Согласно этому приказу 21-й армии предстояло наносить удар в общем направлении на Ромны навстречу удару 2-го кавалерийского корпуса, предпринимаемому с востока. 5-я армия, упорно задерживаясь на промежуточных рубежах в целях обеспечения

отхода частей 21-й армии, должна была нанести вспомогательный удар в направлении Лохвицы. 37-й армии предписывалось оставить Киевский укрепленный район и, создав ударную группировку из двух-трех дивизий, двигаться в общем направлении на Яготин, Пирятин вслед за 5-й армией, составляя второй эшелон соединений, выходящих из окружения, 26-я армия, постепенно отводя свои силы с рубежа Днепра, должна была создать ударную группировку из двух дивизий и прорвать кольцо окружения на лубенском направлении.

Но приказу этому не суждено было осуществиться. К Пирятину с востока уже подошли головные части противника. Штаб фронта оказался на линии огня, связь с армиями была потеряна, войска расчленены и, кроме частей 26-й и 37-й армий, практически уже не представляли собой реальной боевой силы.

Впоследствии я узнал, что пирятинская группа (31-й стрелковый корпус, штаб 5-й армии, часть 21-й армии, штаб фронта и фронтовые части) начала с 20 сентября распадаться на мелкие группы и отряды. Это произошло в результате ударов внезапно появившейся в районе Пирятин, Гребенковский сильной танковой группировки врага. Здесь действовали: мотодивизия "Рейх", 4-я и 3-я танковые дивизии (из состава 2-й танковой группы), 9-я и 16-я танковые дивизии и 25-я мотодивизия (из состава 1-й танковой группы).

Иначе говоря, в последних боях в тылу войск фронта принимали участие силы четырех танковых и двух моторизованных немецких дивизий.

Положение окруженных ухудшалось с каждым часом. Сгрудившиеся в районе Пирятина громоздкий аппарат штаба фронта, штабы двух армий, многочисленные тыловые учреждения, закупорившие дороги автоколонны,- словом, вся эта ничем не прикрытая от ударов противника ни с воздуха, ни с земли масса людей и техники двигалась в разных направлениях в поисках переправы через р. Удай{36}.

Командующий фронтом вызвал к себе в Пирятин командира 289-й стрелковой дивизии и поставил ему задачу прорываться в общем направлении на Лохвицу, прикрывая выход из окружения штабов фронта и 5-й армии, которые, построившись в общую колонну, должны были следовать за штабом дивизии.

Вскоре эта колонна двинулась на восток. Но почти сразу наткнулась на пробку, образовавшуюся на восточной окраине Пирятина. Кое-как удалось пробиться и переправить часть штаба фронта на восточный берег реки Удай. Оттуда пешком и на автомашинах двинулись вдоль берега реки.

Миновали Дейматовку, Куриньки, Постановку. Вблизи

следующего населенного пункта - Городища - перед р. Многа колонна была остановлена ружейно-пулеметным огнем, а затем и танками противника. Начался бой. Под натиском врага колонна штаба фронта и прикрывавших ее частей была раздроблена на мелкие группы, начавшие отходить в направлении Гадяч, Зеньков.

Но добрались туда не все. В одной из рощиц в районе Городище, Дрюковщина погиб и командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос с небольшой группой офицеров и солдат.

* * *

Несмотря на тяжелое поражение войск Юго-Западного фронта, оборона столицы Украины и всего Юго-Западного направления имела большое политическое и военное значение.

В самый тяжелый период войны в течение трех месяцев войска фронта измотали и обескровили группу армий "Юг" под командованием фельдмаршала Рундштедта и вынудили гитлеровское командование перебросить в район восточное Киева крупные силы из группы армий "Центр" - 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу, чем облегчили до некоторой степени положение советских войск, преграждавших фашистам путь на Москву. Ожесточенные бои на киевском направлении не только стоили противнику больших потерь (советские войска разгромили там свыше 10 кадровых дивизий вермахта, уничтожили более 100 тыс. вражеских солдат и офицеров), но и более чем на месяц задержали его наступление на московском направлении, сорвав оперативные расчеты немецко-фашистского командования.

Тем самым боевые действия войск Юго-Западного фронта оказали большое влияние на дальнейший ход войны. Об этом свидетельствуют и признания самих гитлеровских генералов.

Например, бывший командующий танковой группой генерал Гудериан в своих воспоминаниях заявил: "Бои за Киев несомненно означают (для вермахта.- К. М.) крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех также крупное стратегическое значение, остается под сомнением". Гальдер прямо называл сражение под Киевом "величайшей стратегической ошибкой в восточном походе" германского командования. Наконец, гитлеровский генерал Бутлар еще откровеннее писал о битве на киевском направлении: "Из-за нее немцы потеряли несколько недель для подготовки и проведения наступления на Москву, что, по-видимому, немало способствовало его провалу"{36}.

Глава III. На левом фланге битвы под Москвой

I

В штаб маршала Тимошенко были вызваны все вышедшие из окружения командиры соединений и объединений. Прибыв туда, мы узнали, что с каждым из нас будут беседовать отдельно. Сразу же подумалось: предстоит "разнос". За неудачи, за поражение фронта.

Должен сказать, что в дни, когда мы вырывались из окружения, каждый из нас представлял себе масштаб постигшей нас катастрофы. Но теперь, после встреч с другими товарищами, выбравшимися из вражеского кольца, картина гибели значительной части сил фронта стала нам окончательно ясна. Ясна до жгучей боли, которую, казалось, и утолить нечем.

Что и говорить, с тяжелым сердцем шел я на прием к С. К. Тимошенко. И не потому, что боялся "разноса". В мыслях было иное что дальше, неужели опять отступать под натиском врага?

И вот, очутившись со всей бушевавшей во мне бурей чувств в его кабинете, я внезапно услышал спокойный твердый голос Семена Константиновича, так хорошо знакомый мне еще по 1-й Конной армии со времен гражданской войны, а затем по 3-му кавалерийскому корпусу. Маршал говорил медленно, вероятно, чтобы скрыть волнение, владевшее им с того момента, когда стало очевидным крушение Юго-Западного фронта. Сейчас он видел перед собой одного из участников непрерывных боев и сражений, которые велись от самой западной границы, и хотел знать о них как можно больше.

Он спрашивал о боях в районах Владимир-Волынского, Луцка, Новоград-Волынского, Коростеня, Малина, Чернигова и южнее. Просил не опускать ни одной подробности. Интересовался деталями боевых действий советских войск, тактикой противника, особенно его танковых соединений, состоянием и вооружением немецко-фашистских дивизий. Потом спросил, что мне известно о судьбе генералов Кирпоноса и Потапова. Ничего достоверного о них я не знал. Лишь о Потапове и члене Военного совета армии дивизионном комиссаре М. С. Никишеве мне рассказывал один из офицеров 5-й армии еще в районе Оржицы. Он утверждал, что они погибли и что он сам видел, как их, тяжело раненных, расстреляли фашисты.

Маршал долго молчал, потом встал и, прощаясь, сказал:

- Будете пока в моем распоряжении. Знакомьтесь с обстановкой и нашими задачами, потом получите назначение.

У меня сложилось впечатление, что командующий собирался распорядиться мной так же, как и некоторыми другими командирами нашей группы, и оставить в штабе полевого управления фронта. Я понимал, что он делал это из лучших

побуждений, желая дать нам возможность "переменить обстановку". Но так как я не помышлял о такой службе и думал лишь о том, чтобы непосредственно в бою мстить фашистам за кровь и смерть советских людей, за разрушенные семейные очаги, за поруганную Отчизну, то я тут же и попросился в войска.

Беседа с командующим ободрила меня. Куда девались усталость, чувство неопределенности! Хотелось поскорее начать действовать.

Теперь я знал, что Юго-Западный фронт с каждым днем вновь набирает силы и что его войска опять становятся серьезной угрозой для врага. Это подтвердили дальнейшие события, участником которых мне довелось стать. Поскольку они в основном развернулись в канун и во время разгрома гитлеровцев под Москвой, то об этом периоде мне и хочется рассказать.

Однако прежде нужно напомнить, что в сентябре в распоряжении нового командующего Юго-Западным фронтом были всего лишь три армии - 40-я и крайне ослабленные в результате потерь 21-я и 38-я. По приказу командующего фронтом они заняли оборону: 40-я - на фронте Теткино, Ворожба, Олыпаны, 21-я Олыпаны, Гадяч, Шишаки, Диканька, 38-я - Гавронцы, Кочубеевка, Красноград. Против них в тот момент действовали 6-я армия Рейхенау и часть сил 2-й танковой группы. 1-я танковая группа и 17-я армия противника выдвигались для действий в направлении Донбасса, т. е. против войск Южного фронта.

В октябре, как известно, развернулось одно из крупнейших по масштабам и значению сражений второй мировой войны - Московская битва. Основные силы противника действовали в полосе Калининского, Западного и Брянского фронтов, где им удалось продвинуться вперед почти на 250 км, однако и южнее немцы значительно потеснили советские войска

Героическими усилиями защитников Москвы враг был остановлен и не смог осуществить свою цель - захват советской столицы.

К этому времени и войска Юго-Западного фронта, усиленные 6-й армией, входившей до того в состав Южного фронта, организовали оборону по рубежу р. Северный Донец. 11 ноября, после ликвидации Брянского фронта, Юго-Западному были переданы также 3-я и 13-я армии. Они оборонялись на рубеже Узловая Никитское, район западнее Ефремова, Елец, Ливны и, таким образом, во время начавшегося вскоре так называемого "второго генерального наступления" гитлеровцев на Москву оказались вместе с правым флангом 40-й армии под ударом немецкой 2-й армии.

То было тревожное время. Стояла глубокая осень 1941 г. Тяжелые тучи проносились над землей. Часто шли дожди. Дул порывистый влажный ветер. Вся окружающая местность и дороги, не имевшие твердого покрытия, превратились в сплошное месиво, и только ночью его сковывали заморозки. Прогнозы предсказывали похолодание в ближайшее время.

Обстановка на советско-германском фронте к середине ноября оставалась исключительно напряженной. Был на исходе пятый месяц Великой Отечественной войны, а положение нашей страны все еще продолжало ухудшаться. Фронт пересекал всю европейскую часть СССР от Баренцева до Черного и Азовского морей. Немецко-фашистские войска глубоко проникли на советскую территорию. Они захватили часть Карелии, Прибалтику, Белоруссию, большую часть Украины, в том числе Донбасс, Криворожье и Харьковский промышленный район, ряд северо-западных и западных областей Российской Федерации, почти весь Крым. Фашисты блокировали Ленинград и Севастополь, стояли на ближних подступах к Москве и Ростову-на-Дону. Над первым в мире социалистическим государством нависла смертельная опасность.

На всех фронтах шли ожесточенные кровопролитные бои. Наиболее угрожающая обстановка сложилась на тихвинском, московском и ростовском направлениях.

Важнейшим, определяющим было московское стратегическое направление, где немецко-фашистское командование сосредоточило свои главные силы. Не достигнув в октябре своей цели - захвата советской столицы,- оно подготовило в середине ноября так называемое генеральное наступление на Москву. Намечалось путем двустороннего глубокого охвата флангов войск Западного фронта окружить их и овладеть столицей нашей Родины. Для осуществления этого замысла севернее и южнее Москвы были созданы две мощные группировки войск. Задача по охвату Москвы с севера была возложена на 3-ю и 4-ю танковые группы.

На левом фланге Западного фронта, на тульском направлении, 2-я танковая армия под командованием генерал-полковника Гудериана изготовилась для удара главными силами по Сталиногорску (Новомосковск), Кашире и Ногинску. Там немецко-фашистское командование предполагало сомкнуть фланги своих ударных группировок в тылу Москвы.

Обеспечить правый фланг и тыл танковой армии Гудериана должна была 2-я полевая армия в составе девяти дивизий, развернувшаяся против правого крыла Юго-Западного фронта в полосе Мцепск, Обоянь. Одновременно с выполнением этой

задачи ей предстояло выйти в район Воронежа, откуда она могла нанести удар по флангу и тылу войск Юго-Западного направления, угрожать охватом главных сил Юго-Западпого и Южного фронтов.

В предыдущих боях 2-я немецкая армия понесла чувствительные потери, но теперь она получила пополнение людьми и вооружением, в том числе большое количество танков, и представляла собой грозную силу, действуя решительно и настойчиво.

В ее составе были созданы три ударные группы. Первая, в которую входили 293-я и 262-я пехотные дивизии, наносила удар в стык 3-й и 13-й армий и должна была выйти на р. Дон в районе населенного пункта Лебедянь. Вторая - в составе 134-й и 45-й пехотных дивизий - имела задачу овладеть городами Елец и Задонск. Дивизии обеих ударных групп были усилены танками, примерно по 10 на пехотный полк. Третья же, нацеленная на захват г. Касторное с дальнейшим выходом на г. Воронеж, имела в своем составе 95-ю пехотную, 16-ю моторизованную и 9-ю танковую дивизии.

Этой группировке противостояли 3-я, 13-я и правый фланг 40-й армии Юго-Западного фронта. Они были сильно ослаблены, особенно первые две, которые в октябре, будучи в составе Брянского фронта, с тяжелыми боями вышли из окружения. Только 11 ноября, как я уже отмечал, они были переданы Юго-Западному фронту. Но и после этого они не получили усиления, так как у командующего войсками фронта не было резервов в этом районе.

3-я армия имела задачу прикрыть ефремовское, а 13-я - елецкое направления, чтобы не допустить прорыва противника к путям, связывающим Москву с южными районами страны.

Первая из них под командованием генерал-майора Я. Г. Крейзера обороняла фронт протяженностью около 100 км на рубеже Узловая - Никитское - район западнее Ефремова. Она имела в своем составе четыре стрелковые, две кавалерийские дивизии и две танковые бригады. Плотность обороны достигала 17 км на одну дивизию. Оперативное построение - в один эшелон.

13-я армия, которой командовал генерал-майор А. М. Городнянский, имела 160-километровую полосу (до 15 км на дивизию). В первом эшелоне у нее были семь стрелковых дивизий, во втором - две стрелковые, две кавалерийские дивизии и мотоциклетный полк.

Дивизий в обеих армиях насчитывалось больше, чем во 2-й немецкой. Тем не менее численное и особенно огневое превосходство было на стороне противника, ибо в наших

стрелковых дивизиях оставалось тогда не более, чем по 3 тыс. человек. Командование Юго-Западного фронта направило для усиления правого фланга стрелковую дивизию, танковую бригаду, артиллерийский полк, два дивизиона гвардейских минометов и три бронепоезда, но силы по-прежнему оставались неравными. Кроме того, и подготовка оборонительных рубежей не была завершена, так как проводилась она в ограниченные сроки. Наконец, войска были утомлены тяжелыми боями в течение всего октября и начала ноября.

2-я немецкая армия перешла в наступление 21 ноября. Она сразу же захватила города Ливны и Тим, вынудив 13-ю армию начать отход. 40-я армия немедленно контратаковала своим правым флангом 9-ю танковую и 16-ю моторизованную дивизии противника и сумела остановить их движение на Касторное. Но и после этого 13-я армия под давлением превосходящих сил врага продолжала отходить на восток.

Особенно тяжело было нашей правофланговой 3-й армии. Главный удар на Богородицк, нанесенный 2-й танковой группой Гудериана, начавшей наступление еще 18 ноября, пришелся по стыку Западного и Юго-Западного фронтов. Разрыв между ними достиг 85 км. 23 ноября войска 3-й армии оставили г. Ефремов и, теснимые превосходящими силами противника, начали отходить на восток.

В этот момент я и попал в 3-ю армию. Главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал С. К. Тимошенко, срочно возвратившийся на свой командный пункт в Воронеж из-под Ростова, где он руководил боевыми действиями Южного фронта, поручил мне выяснить обстоятельства оставления Ефремова нашими войсками, а также помочь в подготовке и осуществлении контрудара с целью овладения этим городом.

Генерал-майор Я. Г. Крейзер после малоприятного разговора по прямому проводу с командующим был задумчив и искал выхода из создавшегося тяжелого положения на обоих флангах армии. Как показали дальнейшие события, он сумел мобилизовать войска, удержать занимаемые рубежи и затем нанести удар по противнику.

II

В те последние дни ноября 1941 г. мы вновь отступали под натиском противника, но теперь все было не так, как прежде. Конечно, Советскому государству серьезная опасность еще угрожала, но все же два обстоятельства, как мне кажется, уже тогда предвещали неминуемый провал немецко-фашистского наступления на Москву.

Первое из них состояло в том, что силы врага были

надломлены. Развязывая войну против Страны Советов, Гитлер сказал, что через две-три недели будет в Москве. Этим хвастливым заявлением он хотел подчеркнуть, что война с Советским Союзом будет, как и со странами Западной Европы, молниеносной и закончится победой Германии в результате одной кампании. Однако эти расчеты были перечеркнуты все возраставшим сопротивлением Красной Армии.

Захватчики несли огромные потери в людях и технике. С 22 июня по октябрь 1941 г. включительно, даже по данным генерала Гальдера, сухопутные силы вермахта потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести 665907 солдат и офицеров{37}, что составляло не менее пятой части всех германских войск, сосредоточенных на Восточном фронте.

Немецко-фашистская армия постепенно теряла те преимущества, которые она получила в результате внезапного нападения. Ей становилось все труднее развертывать крупные наступательные операции одновременно на всех трех оперативно-стратегических направлениях, как это было в первые полтора-два месяца войны. Поэтому начиная наступление на Москву гитлеровцы вынуждены были стянуть на это направление за счет фланговых группировок почти половину всех своих войск, действовавших на советско-германском фронте.

Немецко-фашистское командование, все еще ослепленное успехами своих войск в летние месяцы и считавшее, что Красная Армия разбита, а сопротивление оказывают лишь ее остатки, избежавшие окружения, полагало, что, предприняв крупными силами наступление на советскую столицу, оно осуществит стратегические цели, поставленные на 1941 г. Именно поэтому Гитлер 2 октября в обращении к войскам назвал это наступление "последней решающей битвой этого года".

Октябрьское сражение под Москвой, однако, не принесло гитлеровской Германии ожидаемого успеха. В грозный для Родины час Красная Армия и весь советский народ, руководимые Коммунистической партией, проявили героизм в борьбе за свободу и независимость. Тяжелые испытания первых месяцев войны не сломили боевого духа наших воинов, не поколебали стойкости народа. Во всей полноте проявились замечательные качества советских людей: бесстрашие, мужество, доблесть, беспредельная преданность Родине и Коммунистической партии.

В результате враг был остановлен на подступах к Москве. Стал очевиден окончательный провал плана "молниеносной войны".

Теперь о втором обстоятельстве, наложившем отпечаток на

характер боев под Москвой, в том числе и на правом крыле Юго-Западного фронта, в последние дни ноября 1941 г. Оно заключалось в том, что, упорно обороняясь, а в ряде мест и отступая под натиском бешено рвавшегося к Москве противника, Красная

Армия готовилась к контрнаступлению, и уже имела специально предназначенные для этого мощные резервы.

Разумеется, и цифры потерь немецко-фашистской армии, и сведения о силах Красной Армии не являлись тогда всеобщим достоянием. Даже тому звену советских командиров, к которому принадлежал и я, они не были известны во всей полноте. Однако о потерях вермахта, вполне понятно, весьма наглядное представление имел весь личный состав войск, участвовавших непрерывно в боях и сражениях с первых дней войны и в обороне Москвы. И то, что где-то недалеко стоят наготове силы, способные в нужный момент нанести мощный удар по противнику, знал, чувствовал умом и сердцем каждый боец, командир, политработник.

Все мы тогда особенно радовались военному параду, который состоялся 7 ноября, как обычно, на Красной площади в Москве. А накануне, как мы знали, в столице было проведено - тоже традиционное - торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октября. Здесь, в докладе председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина, прозвучала суровая правда об итогах четырех месяцев войны, о больших потерях, понесенных нами, о тяжелом положении страны. Но, говоря о военных неудачах Красной Армии, Сталин назвал их временными. И это тоже была правда, подтвержденная в дальнейшем историей.

Огромное значение для последующей борьбы с врагом имел сделанный в докладе Сталина на основе всестороннего анализа военно-политической обстановки вывод о неизбежности разгрома фашистской Германии и ее сателлитов. Призвав ответить на беспримерные зверства гитлеровцев истребительной войной, его устами Коммунистическая партия Советского Союза с величайшей убежденностью заявляла:

- Наше дело правое, победа будет за нами!

Да, все предвещало перемены в ходе ожесточенной кровопролитной борьбы, развернувшейся под Москвой.

Но вернемся к рассказу о действиях правофланговых армий Юго-Западного фронта. Должен заметить, что, являясь оборонительными, они в то же время были тесно связаны с подготовкой мощного контрнаступления советских войск, имевшего целью отбросить фашистов прочь от столицы. Задача

правого крыла Юго-Западного фронта в конце оборонительного периода битвы под Москвой в том и состояла, чтобы путем отвлечения на себя немецкой 2-й армии не допустить ее переброски непосредственно в состав группировок, наступавших на Москву, и тем самым не только ослабить силу их натиска, но содействовать успеху подготовляемого контрнаступления.

Эту задачу и выполняли 3-я и 13-я армии даже в те последние ноябрьские дни, когда противник продолжал оттеснять их к Дону.

Собственно, большую часть территории, занятой противником в тот период, например, в полосе 3-й армии, советские войска оставили еще до начала активных действий 2-й немецкой армии. Это произошло, как отмечено выше, в результате наступления группировки Гудериана, пытавшейся обойти Москву с юга. Но вот после захвата Ефремова и соответствующей перегруппировки сил 112-я, 167-я пехотные и основные силы 18-й танковой дивизии были брошены для развития прорыва на сталиногорском направлении. Теперь против частей нашей 3 и армии действовали лишь войска 2-й полевой армии. В то же время командующий фронтом усилил 3-ю армию 212-й стрелковой и 52-й кавалерийской дивизиями. Иначе говоря, противник все еще сохранял превосходство в силах и средствах, по оно несколько уменьшилось, что и сказалось сразу на ходе боевых действий.

Используя благоприятно сложившуюся обстановку, командарм генерал-майор Я. Г. Крейзер и штаб армии, возглавляемый генерал-майором А. С. Жадовым, разработали и осуществили план контрудара на правом фланге силами упомянутых 212-й стрелковой и 52-й кавалерийской дивизий. Они достигли успеха, причем 212-я стрелковая дивизия овладела населенным пунктом Михайловское. На левом фланге армии, в районе Ефремова, были введены в бой 150-я и 121-я танковые бригады. Им не удалось добиться заметного успеха, однако и они своими активными действиями затормозили наступление противника.

В результате в полосе 3-й армии в условиях 25-километрового разрыва между ней и 13-й армией, а также промежутков в 3-8км между дивизиями темп наступления врага составлял не больше 5 км в сутки. Да и те доставались ему дорогой ценой. Изматывая противника, советские войска оказывали ожесточенное сопротивление, часто переходили в контратаки, не раз выбивали гитлеровцев из захваченных ими населенных пунктов.

Иначе говоря, на правом крыле Юго-Западного фронта происходило тогда то же самое, что и во всех войсках,

оборонявших Москву.

Помню, 27 ноября мы с огромной радостью и гордостью читали передовую статью "Правды". В ней говорилось: "Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг. Они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг. Но они все же ползут! Значит, надо удесятерить стойкость защитников Москвы, не допустить слабых мест в обороне, помня завет Родины: "Ни шагу назад!""

В том, что фашисты уже ползли, не было ни малейшего преувеличения. Более того, дело шло к тому, что они вот-вот покажут нам свои спины. Но и призыв "не допустить слабых мест в обороне" тоже имел все основания, С этими двумя особенностями обстановки того времени мне непосредственно пришлось столкнуться 29 ноября.

Быть может, поэтому я так хорошо запомнил тот хмурый и холодный день. Начался он с неприятного сообщения разведки. Она доложила, что противник нацелил удар силами 262-й пехотной дивизии в разрыв между 3-й и 13-й армиями, явно намереваясь охватить левый фланг первой из них. Озабоченные этой угрозой, мы обдумывали в штабе армии возможности принятия контрмер.

И тут пришла радостная, долгожданная весть: войска Южного фронта, разгромив в районе Ростова-на-Дону 49-й горнострелковый корпус, дивизию СС "Викинг" и 16-ю танковую дивизию противника, уничтожили свыше 7 тыс. солдат и офицеров, захватили большие трофеи и продвинулись от исходных рубежей на 00 км. Это было первое в сводках Совинформбюро сообщение "В последний час", оповещавшее о победе войск Красной Армии.

Немного забегая вперед, отмечу, что через несколько дней последовало еще одно сообщение "В последний час". Вот его содержание: освобожден от немецко-фашистских захватчиков г. Ростов, разгромлена танковая группа Клейста, немецкие войска в беспорядке отступили в сторону Таганрога. Это означало, что одна из оперативно-стратегических группировок немецко-фашистских войск на советско-германском фронте - группа армий "Юг" - понесла крупные потери, потеряла свою подвижную ударную силу. Инициатива боевых действий на южном участке фронта перешла в руки частей Красной Армии.

Уже первые вести об успехе наших войск на юге были настолько обнадеживающими, что и мы, сражавшиеся на правом крыле Юго-Западного фронта, еще больше воспрянули духом. Для

гитлеровцев нанесенный им на юге удар стал первым звеном в цепи ожидавших их поражений. Это признал впоследствии, в частности, Гудериан. "Ростов,- писал он,- был началом наших бед; это был первый предостерегающий сигнал"{38}.

Не знаю, в какой мере понимал это Гудериан тогда, в конце ноября 1941 г., ибо приведенное признание сделано им после войны. Что же касается нас, советских людей, то в событиях на юге мы действительно увидели начало неминуемого разгрома фашистской армии, и это укрепило наш дух и удесятерило силы для борьбы с врагом.

Думаю, радостные вести с юга в немалой степени способствовали тому, что мы тогда стали смелее действовать во всей полосе 3-й армии.

Для прикрытия ее левого фланга была выдвинута в район населенного пункта Никольское 150-я танковая бригада. Одновременно командование армии решило предпринять активные действия и на правом фланге, откуда, как донесла разведка, противник ушел на север, оставив лишь прикрытие. И вот 1 декабря 212-я 269-я стрелковые и 52-я кавалерийская дивизии внезапно нанесли здесь контрудар и вышли на рубеж Шаховское - Софьинка - Куркино.

Теперь стало известно, что этим соединениям противостояли те же немецко-фашистские дивизии, но уже основательно поколоченные, малочисленные, выдохшиеся. Попадавшие в плен солдаты врага все чаще заявляли: "Гитлер капут". Они чувствовали себя обманутыми и разочарованными, так как не получили обещанную им легкую победу и быстрый конец войны.

III

Все явственнее становились признаки подготовки мощного контрудара по врагу. Я знал, что в конце ноября справа от 3-й армии, на стыке Юго-Западного фронта с Западным, появились крупные резервы Ставки Верховного Главнокомандования. Часть этих войск была тогда же введена в бой и контрударами остановила продвижение противника в районе Каширы. Я не сомневался, что назревали важные события и, конечно, мечтал активно участвовать в них.

Это желание осуществилось. 2 декабря в штаб 3-й армии, находившийся в с. Воскресенском, прибыла адресованная мне телеграмма. Из нее, а также из состоявшегося в тот же день разговора по телефону с маршалом С. К. Тимошенко я узнал, что назначен командующим подвижной группой войск 13-й армии и должен немедленно выехать к месту ее формирования.

Группа предназначалась для участия в подготовлявшейся уже несколько дней наступательной операции на правом крыле Юго-

Западного фронта. Цель операции разгром елецкой группировки противника и выход в район Верховье для создания угрозы флангу 2-й танковой армии Гудериана.

Как мне позднее стало известно, Ставка Верховного Главнокомандования приказала командованию Калининского и Западного фронтов подготовить наступательные операции и нанести одновременные удары на нескольких направлениях с задачей разгромить ударные группировки противника, пытавшегося двухсторонним охватом овладеть Москвой, и снять непосредственную угрозу нашей столице. С выполнением этой задачи была связана и наступательная операция, подготовлявшаяся на правом крыле Юго-Западного фронта.

Планом фронтовой операции предусматривалось нанести главный удар из района Тербуны в северном направлении на г. Ливны, по растянутому правому флангу елецкой группировки противника. Для этого из резервов Юго-Западного фронта создавалась фронтовая конно-механизированная группа войск под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. Скрытное сосредоточение ее началось в районе Тербуны 25 ноября. В состав этой группы вошли 5-й кавалерийский корпус, 1-я гвардейская стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии, 129-я танковая и 34-я мотострелковая бригады, два артиллерийских полка. Ей была оперативно подчинена и 121-я стрелковая дивизия 13-й армии.

К участию в операции привлекалась также 13-я армия. Своим правым флангом она должна была нанести удар в юго-западном направлении. В сочетании с действиями фронтовой группы это должно было привести к окружению и уничтожению елецкой группировки противника.

Для этой цели, т. е. для удара навстречу группе генерала Костенко и окружения противника, севернее Ельца на правом фланге 13-й армии создавалась конно-механизированная подвижная группа войск, командовать которой было приказано мне. В ее состав сначала вошли 307-я стрелковая, 55-я кавалерийская дивизии и 150-я танковая бригада, а позднее 132-я стрелковая дивизия и 57-я бригада войск НКВД.

Добраться до населенного пункта Колодезьские, где расположился штаб группы, удалось лишь на следующий день, причем из Воскресенского пришлось выезжать дважды. Первый раз не успели мы проехать и полпути, как нашу машину заметили фашистские летчики. Да и трудно было не увидеть ее, резко выделявшуюся на открытой местности, на фоне снежного покрова, укутавшего землю. Нас, разумеется, обстреляли из пушек и пулеметов.

Ничего не оставалось делать, как выскочить из машины и

залечь подальше от нее в снегу. Дело кончилось тем, что наша изрешеченная пулями и исковерканная снарядами машина с разбитым мотором осталась на дороге, а мы с водителем, дождавшись попутного транспорта, были вынуждены вернуться в штаб 3-й армии и оттуда, взяв другую машину, начать путешествие сначала.

В населенном пункте Колодезьские меня встретил начальник штаба группы полковник К. Н. Ильинский. Это был опытный штабист, воевавший с первых дней Великой Отечественной войны. Он участвовал в рейдах по тылам противника, дважды выходил из окружения вместе с 55-й кавалерийской дивизией, где он до этого служил начальником штаба, и был, как говорят, не из пугливого десятка.

Полковник Ильинский помог мне связаться по телефону с командующим 13-й армией генерал-майором А. М. Городнянским. Я представился ему, доложил о прибытии в Колодезьские. Он в свою очередь уточнил задачу группы. Из этого разговора мне еще яснее представилось неустойчивое положение, в котором находилась тогда 13-я армия.

Под давлением противника она продолжала отходить на восток. Противник вел бои за г. Елец и ударом на восток и юго-восток угрожая разрезать войска армии на две части. При этом он стремился прорваться к Воронежу, чтобы, нависая над флангом и тылом Юго-Западного фронта, обеспечить фланг 2-й танковой армии Гудериана, наступавшей на Москву. Эти опасные замыслы врага делали еще более значимой предстоящую наступательную операцию войск правого крыла нашего фронта.

Когда я закончил телефонный разговор с командармом, полковник Ильинский ознакомил меня с положением соединений, входивших в состав группы. В результате последних боев они отошли на рубеж восточное населенных пунктов Троена - Подхорошее - Мал. Белевец. Слева от нас находилась 148-я стрелковая дивизия. После того, как противник захватил Елец, она была оттеснена на рубеж р. Пальна и закрепилась в населенных пунктах Михайловка, Аргамачи, Сахаровка. Разрыв между этой дивизией и нашей группой достигал 6 км.

Значительно меньший промежуток отделял нас от правого соседа - 132-й стрелковой дивизии. В тот день, о котором я пишу, она отошла на рубеж Новопогорелово-Запираловка-Соловьевка, заняв оборону фронтом на северо-запад. От штаба 13-й армии эта дивизия оказалась несколько оторванной: даже связь между ними осуществлялась через штаб нашей группы. Правее 132-й стрелковой дивизии простиралась уже полоса 3-й армии.

Было бы вполне естественно включить в состав группы и 132-

ю стрелковую дивизию с самого начала. Тем более, что это соответствовало характеру намеченных боевых действий на правом фланге 13-й армии. Но командование армии не сделало этого. Ход событий, однако, потребовал вскоре включить в состав группы и эту дивизию.

Начало наступления 13-й армии и фронтовой конно-механизированной группы было намечено на 6 декабря, а наша подвижная группа получила задачу атаковать противника на два дня раньше. Утром 4 декабря с исходного рубежа Плоское Маслово - Пальна-Алексеевка мы должны были нанести удар в южном направлении на Тросну, Дерновку.

Итак, в нашем распоряжении было немногим больше суток. Скажем прямо, маловато для формирования группы и одновременной подготовки наступления.

Силы, которыми располагала группа, также были невелики. И этому не приходилось удивляться. 307-я стрелковая, 55-я кавалерийская дивизии и 150-я танковая бригада непрерывно в течение нескольких месяцев вели боевые действия, неся потери и не получая пополнения. Малочисленность личного состава дополнялась нехваткой вооружения. 150-я танковая бригада, например, имела тогда всего лишь 12 исправных танков - девять Т-26 и три Т-34, остальные нуждались в ремонте.

Говоря откровенно, я был всем этим несколько обеспокоен, так как ожидал увидеть более сильный состав группы.

Но мне уже не раз приходилось идти в бой с меньшими, чем хотелось бы, силами. Не отчаивался я и на этот раз. Попросил Ильинского вызвать в штаб группы командиров соединений, а сам начал знакомиться с документами, касавшимися предстоящего наступления.

Вскоре приехали полковники Г. С. Лазько, К. В. Фиксель и Б. С. Бахаров, командовавшие соответственно 307-й стрелковой, 55-й кавалерийской дивизиями и 150-й танковой бригадой. Пробыли они в штабе группы недолго. Ровно столько, сколько нужно было, чтобы получить боевую задачу и договориться о взаимодействии.

Наутро, в 8 час. 00 мин. группа войск начала наступление. И сразу же сказались и поспешность, с какой нам пришлось готовиться к выполнению задачи, и недостаточность наших сил. В тот день мы не достигли сколько-нибудь значительных успехов. Самым существенным из них было, пожалуй, то, что удалось выявить силы противника и систему его опорных пунктов. Мне же этот день показал, что при всей своей малочисленности соединения группы сильны воинской доблестью и высоким наступательным порывом, охватившим бойцов, командиров и политработников, когда они узнали, что участвуют в операции по

разгрому одной из группировок врата.

Следующий день принес несколько большие результаты. 307-я стрелковая дивизия начала наступление на Хмеленец в 7 часов утра. Одновременно пешая группа 55-й кавалерийской дивизии атаковала противника, имея задачу овладеть населенным пунктом Троена, а ее конная группа во взаимодействии со 150-й танковой бригадой нанесла удар в направлении Хрипуновка, Подхорошее, Хмеленец, Александровка. Один кавалерийский полк был оставлен в районе населенного пункта Соловьевка для прикрытия тыла группы в промежутке между нею и правым соседом - 132-й стрелковой дивизией.

К концу короткого зимнего дня в наших руках были Подхорошее, Малый Белевец. В боях за эти населенные пункты мы уничтожили около батальона солдат и офицеров противника.

Успех, конечно, малозначительный, если рассматривать его с точки зрения общего замысла операции. Однако он оказал весьма существенное влияние на характер и результаты дальнейших боевых действий частей подвижной группы. Прежде всего тут сыграл исключительно важную роль моральный фактор.

Тот, кому довелось сражаться с первых дней войны и познать горечь многих поражений, не забыл, вероятно, как тяжела была даже мысль о возможности дальнейшего отхода под натиском врага. Поэтому сознание того, что мы не отступаем, а идем вперед, на врага, уже само по себе необычайно окрылило весь личный состав частей группы. А когда к тому же мы добились и успеха, пусть небольшого, но реального, ощутимого, это еще выше подняло боевой дух наших воинов.

IV

Все мы с нетерпением ждали приказа продолжать наступление. И он не заставил себя ждать. Вечером 5 декабря нами был получен боевой приказ о переходе 13-й армии в наступление всеми силами. Главный удар она наносила 6 декабря на Елец. Ее войска должны были к исходу дня перерезать шоссе Ефремов Елец и выйти на рубеж Воронец - Петрово-Круги - Долгоруково. Нашей подвижной группе войск было приказано наступать в направлении Троена, Казаки. Задача: уничтожить противостоящего врага, к исходу дня выйти на рубеж р. Варгол и закрыть пути отхода противнику из г. Елец на запад{39}.

Окружение и ликвидацию елецкой группировки противника намечалось осуществить концентрическими ударами по сходящимся направлениям с северо-востока, востока, юго-востока и одновременно глубоким ударом по флангу и тылу врага в северном направлении. Этот фланговый удар, выполняемый фронтовой конно-механизированной группой, и являлся

основным элементом плана операции. Что касается нашей подвижной группы, то, как гласил приказ, нам предстояло наступать в том же направлении, где мы уже с 4 декабря вели бои и даже успели за это время несколько потеснить противника.

Выполняя приказ, мы возобновили наступление с утра 6 декабря и всю первую половину дня успешно продвигались вперед, преодолевая яростное сопротивление врага. Часть танков 150-й танковой бригады смелым броском проникла даже в центральную часть г. Елец. 307-я стрелковая дивизия достигла окраин Пищулино и завязала бой за этот населенный пункт.

Однако противник ввел свежие силы, и части подвижной группы вынуждены были оставить не только Пищулино, но и ран ˚е занятые нами Тросну, Подхорошее, Рогатово. Израсходовав горючее, отошли и прорвавшиеся было в Елец танки.

Обстановка в полосе подвижной группы войск 13-й армии быстро ухудшалась. Правда, в ночь на 7 декабря мы, перегруппировав свои силы, вновь перешли в наступление и выбили противника еще раз из населенных пунктов Троена, Пищулино, Рогатово и Телегино, уничтожив до 150 его солдат и офицеров. Но большего нам не удалось достичь. Начав утром 7 декабря наступление в направлении на Александровку, наши части опять встретили сильное сопротивление. Только на этом направлении нам противостояли свыше двух полков пехоты с артиллерией и минометами. Завязавшийся с утра ожесточенный бой длился до 19 часов.

Итак, подвижная группа наступала уже в течение трех дней, но сломить сопротивление противника не могла. Наоборот, оно возрастало с каждым днем. Сначала нас контратаковали силами отдельных пехотных батальонов, а к утру 7 декабря - уже полков. И каждый раз, конечно, при поддержке артиллерии и минометов.

В этот день мы снова вынуждены были оставить Телегино, Тросну, Подхорошее. Заняв их, противник теперь организовал здесь прочную оборону. Вблизи северной окраины Ельца была контратакована крупными силами и 307-я стрелковая дивизия.

В результате боя враг снова захватил Пищулино и Рогатово, расположенные в 7-8 км от города, и отбросил дивизию на рубеж Касимовка - Аргамачи, тем самым разорвав фронт группы. Спустя несколько часов стало ясно, что ее фланги открыты, а над 55-й кавалерийской дивизией и 150 и танковой бригадой, находившимися в районе Троена, Подхорошее, Бол. Белевец, нависла угроза окружения.

Нечего и говорить, насколько все это осложнило наше положение. В штабе группы начали высказывать сомнение в реальности поставленной нам задачи.

В то же время все мы недоумевали по поводу того, что силы противостоявшего нам врага оказались в несколько раз больше, чем предполагалось. Не менее странно было и то, что на левом фланге 13-й армии, как нам стало известно, отмечалось обратное явление. Там сопротивление противника было менее организованным, что и привело к перелому в пользу наступавших левофланговых дивизий 13-й армии. Нам же, как я отметил выше, приходилось иметь дело с крупными и непрерывно возраставшими силами фашистов.

И вдруг контратаки противника в полосе нашей группы войск прекратились. Это произошло в тот же день 7 декабря, причем прекратились они так же внезапно, как и начались. Только после этого обстановка начала проясняться.

Оказалось, что мы, нанеся еще 4 декабря удар, угрожавший овладением г. Елец, привлекли к себе внимание немецко-фашистского командования на этом участке фронта. Оно встревожилось не на шутку 5 декабря, когда наша группа повторила удар. В тот же день враг начал спешно перебрасывать сюда подкрепления из района Архангельское, Хитрово, Долгоруково.

Потому-то и сложилась благоприятная обстановка для левофланговых дивизий 13-й армии, перешедших в наступление 6 декабря. В еще большей степени это относилось к подвижной группе фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко, действовавшей левее. Ей благоприятствовало уже то, что одна из группировок 2-й немецкой армии, наступавшая в конце ноября на Касторное, была остановлена в районе г. Тим контратаками правофланговых дивизий 40-й армии. Другая важная предпосылка успеха фронтовой конно-механизированной группы состояла в том, что елецкая группировка противника, стремясь прорваться к Дону и продвигаясь восточнее и юго-восточнее Ельца, растянула свой правый фланг на 60 км.

Вдобавок ко всему этому в первые дни наступления подвижной группы 13-й армии немецкая разведка не обнаружила сосредоточения резервов Юго-Западного фронта в районе Тербуны. Вследствие этого командир 35-го армейского корпуса генерал Метц оставил на данном участке фронта слабое прикрытие, а основные силы перебросил днем бив ночь на 7 декабря в район севернее и северо-западнее Ельца, т. е. против нашей подвижной группы. Тем самым противник окончательно ослабил свой правый фланг. И когда 7 декабря здесь перешла в наступление фронтовая конномеханизированная группа, о существовании которой гитлеровцы не подозревали, это явилось для них полной неожиданностью.

В подтверждение уместно привести здесь следующий пример. В тот день, когда группа генерала Костенко начала наступление, в населенном пункте Замарайка были взяты пленные, среди них офицер штаба 95-й пехотной дивизии. При нем оказался боевой приказ от 5 декабря 1941 г. Из этого документа явствовало, что командир дивизии генерал Арним даже не подозревал о сосредоточении фронтовой конно-механизированной группы против его частей. Напротив, он писал в своем приказе: "Противник перед 95 пд только в отдельных местах имеет слабые отряды прикрытия, которые при энергичной атаке, не принимая боя, отходят на восток"{40}.

Таким образом, командование немецко-фашистской группировки, будучи убеждено, что на ее правом фланге нет советских войск, бросило крупные силы к северу от Ельца, где их сковала наша подвижная группа. Тем самым мы способствовали нанесению внезапного флангового удара силами фронтовой группы по ничего не подозревавшему противнику. После же того, как этот удар был нанесен, немецкое командование начало поспешно перебрасывать силы обратно на свой правый фланг.

Надо отдать должное генерал-лейтенанту Ф. Я. Костенко и начальнику штаба группы генерал-майору И. Х. Баграмяну за умелую организацию наступления. Конно-механизированной группе было приказано перейти в наступление 6 декабря, но ввиду того, что она не успела сосредоточиться, они добились переноса атаки на сутки позже, доказав целесообразность удара всеми силами группы одновременно. Их расчет полностью оправдался. Удар оказался мощным и неожиданным для врага.

Вот почему во второй половине дня 7 декабря противник так внезапно прекратил атаки в полосе нашей группы. Мы же немедленно воспользовались этим и сами перешли в наступление. С наступлением темноты 55-я кавалерийская дивизия вновь освободила Тросну, 155-я танковая бригада - Подхорошее, а 307-я стрелковая дивизия - Рогатово и Пищулино.

К этому времени окончательно выявилась оторванность 132-й стрелковой дивизии от остальных войск 13-й армии. Поэтому утром 8 декабря эта дивизия (командир полковник А. А. Мищенко) была включена в состав нашей подвижной группы и вместе с ней пошла вперед. Полоса наступления группы почти удвоилась, увеличившись на 14 км. Личного же состава и вооружения ввиду малочисленности 132-й стрелковой дивизии прибавилось немного.

Весь этот день в полосе нашей подвижной группы шли упорные кровопролитные бои. 55-я кавалерийская дивизия окончательно закрепила за собой населенный пункт Тросну,

который в эти дни четыре раза переходил из рук в руки. 307-я стрелковая дивизия перерезала шоссе Елец - Ефремов в 1 км юго-западнее Телегино. Своими действиями мы по-прежнему сковывали значительные силы противника и этим содействовали успешному продвижению левофланговых дивизий нашей армии и группы генерала Костенко, где враг начал отходить на запад и северо-запад. Однако самим нам в этот день не удалось прорвать оборону противника на рубеже Чинцово - Дубрачево - Плоское - Становая - Телегино - г. Елец.

9 декабря в боевых действиях наступил перелом. Мы успешно наступали. Были освобождены Телегино, Хмеленец, Сазыкино, Александровка. Войска группы устремились на Казаки, а частью сил с тыла на Елец, чем способствовали 148-й стрелковой дивизии окончательно очистить этот город от противника и перейти в преследование - тоже в направлении Казаки.

В наши руки попали богатые трофеи. Среди них было много автомашин, мотоциклов, пулеметов, патронов, мин и артиллерийских снарядов, лошадей. В плен было взято большое число солдат и несколько офицеров 445-го и 486-го пехотных полков. Они сообщили, что полки принадлежат разным дивизиям-134-й, входившей в 35-й армейский корпус, и 262-й - из состава 34-го армейского корпуса.

Так было установлено, что в районе населенных пунктов Становая, Телегино находился стык не только двух дивизий, но также двух армейских корпусов. Этим, по-видимому, в значительной мере и объяснялось яростное сопротивление, которое противник продолжал оказывать нашей группе. Против нее действовала довольно значительная часть сил двух пехотных дивизий.

Стремясь любой ценой сдержать наше продвижение, фашисты несли большие потери. Отступая после ожесточенных боев 8-9 декабря, они, по рассказам местных жителей, увезли с собой только из Телегино около 600 трупов своих солдат и офицеров. А сколько их осталось на поле боя! К этому нужно добавить тысячи раненых и обмороженных, сотни пленных...

Задача противостоявших нам вражеских частей заключалась в том, чтобы прикрыть отвод немецких войск, сосредоточенных в районе населенных пунктов Архангельское, Хитрово, Долгоруково, ибо группа генерала Костенко вышла на фланг и в тыл этих войск и теперь угрожала им окружением. Они же пытались избежать его отходом на северо-запад.

Командование 13-й армии вовремя разгадало намерения противника. Чтобы помешать их осуществлению, нашей группе войск было приказано наступать не в юго-западном, а в западном

направлении - на Измалково. Характер этого изменения можно представить наглядно, если иметь в виду, что раньше, как уже отмечалось, наша полоса наступления слева была ограничена линией Талица-Елецкая, Аргамачи, Александровка, Казаки, а теперь эта линия проходила несколько севернее - по линии Пищулино, Мульчино, Горки, Нижняя Любовша.

Одновременно на усиление группы прибыла 57-я бригада войск НКВД под командованием комбрига Соколова. Она была переброшена из-под Харькова и состояла в основном из пограничников.

V

Теперь в состав группы входили три стрелковых и два подвижных соединения. Казалось бы, она представляла собой внушительную силу по численности. Но это было далеко не так. Части группы перешли в наступление непосредственно после многодневного отхода с боями под натиском противника. Вполне понятно, что они имели большой некомплект личного состава и вооружения. И это, как мы увидим далее, очень скоро дало себя знать.

После обстрела советской артиллерией вражеских позиций в районе г. Елец

Согласно боевому приказу мною были поставлены следующие задачи соединениям группы: развивая наступление, преодолеть к исходу дня рубеж р. Варгол и овладеть населенными пунктами Злобино, Арсепьево, Тетерннка, Мягкая. 132-я стрелковая дивизия наступлением на север должна была обеспечивать фланг и тыл группы. 57-ю бригаду войск НКВД решил перебросить автомашинами и санным транспортом в образовавшийся разрыв между 132-й стрелковой и 55-й кавалерийской дивизиями. Отсюда ей предстояло наступать в направлении Слободка, Плоское, к концу дня овладеть Злобино и разъединить смежные фланги немецко-фашистских дивизий.

Бои в то время велись в основном за населенные пункты. После того как мы сломили сопротивление врага, он начал предавать огню все вокруг, угонять скот, грабить население. Поэтому в своем приказе я требовал вести наступление как можно энергичнее, отрезать пути отхода противника, срывать его попытки жечь наши села{42}. Особенно успешно выполняла эту задачу наша кавалерия.

Она оказалась незаменимой на покрытых снегом просторах Среднерусской возвышенности. Быстро передвигаясь по заснеженным полям, кавалерийские части обходили населенные пункты и блокировали пути отхода противника на запад.

Фашисты вначале не верили в прочность блокировки путей

отхода, надеясь легко прорваться на запад. Когда же несколько вражеских гарнизонов поплатились за это, противник растерял всю свою самонадеянность. Теперь стоило гитлеровцам лишь обнаружить какое-либо наше обходное движение, как они поспешно отступали на запад.

Не могу выразить словами глубину чувств, которые овладели нами, когда мы впервые после долгих месяцев неудач и отступления заставили врага повернуть назад, на запад.

Он все еще был очень силен, ненавистный враг, принесший нам столько непомерного горя и тяжелых утрат. Он был еще уверен в своей непобедимости. Да и не только он. Так считали тогда и во всей Европе, и в Америке. Там даже многие руководящие деятели сомневались в возможности нанести поражение немецкой армии. Их можно понять, ведь они принимали в расчет только армии западных государств. Что же касается Красной Армии, то они не менее самих гитлеровцев были убеждены в ее неспособности противостоять вермахту.

Но именно наша Красная Армия и явилась той силой, которая была способна развеять миф о непобедимости немецко-фашистской армии. Как раз в те дни, о которых я сейчас рассказываю, к нам пришли необыкновенно радостные вести с Западного и Калининского фронтов, где в ходе контрнаступления советских войск были уже достигнуты первые крупные успехи.

Радуясь этому вместе со всеми воинами группы, я был особенно счастлив и тем, что среди соединений и объединений, громивших врага под Москвой, оказалась и вновь сформированная 5-я армия. Да, родная Пятая, с которой связано столько воспоминаний,- невыносимо тяжких и в то же время вызывающих чувство гордости и благоговения перед беспримерным мужеством и героизмом, перед железной стойкостью и самопожертвованием ее воинов, павших и живых. И я с радостным волнением думал о том, что героическая 5-я армия, сыгравшая столь значительную роль в первые дни и месяцы войны, уже не обороняется, а наступает. Наносит мощные удары по врагу. Заставляет его откатываться на запад.

Было приятно узнать, что 5-й армией командует генерал-майор артиллерии Леонид Александрович Говоров. Когда-то мы служили в 51-й Перекопской стрелковой дивизии. Позднее встречались в Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского: он был там преподавателем, а я - слушателем. Особенно сблизились мы во время войны с белофиннами в 1939-1940 гг., когда нам довелось опять служить вместе. Помню, он уже тогда, возглавляя штаб артиллерии 7-й армии, показал себя талантливым военачальником.

Это ему принадлежала идея поставить на прямую паводку для стрельбы по дотам как можно больше орудий, в том числе и крупного калибра. Его деятельность способствовала успешному прорыву линии Маннергейма. Хотя Леонид Александрович внешне мог показаться несколько замкнутым и угрюмым, в действительности это был человек большой души, верный товарищ.

Вспомнилась и последняя встреча. Она произошла уже осенью 1941 г. в штабе Юго-Западного фронта, который тогда находился в Харькове. По упоминавшемуся выше приказанию маршала Тимошенко я в ожидании назначения в войска выполнял отдельные его задания. Обстановка у нас в то время продолжала ухудшаться: враг рвался к Харькову и Донбассу. Тогда-то и послал Верховный Главнокомандующий генерала Л. А. Говорова в Харьков для организации противотанковой обороны на широком фронте. Но было уже поздно - фашистские танки успели прорваться в Донбасс. Леониду Александровичу оставалось лишь одно - возвратиться в Москву. Однако оказалось, что к тому времени противник перерезал шоссейную дорогу, ведущую из Харькова в столицу. Говорову потребовалось выяснить маршрут, по которому еще можно было добраться до Москвы. Для этого он и зашел в штаб фронта.

Мы оба обрадовались неожиданной встрече. Леонид Александрович рассказал о цели своего приезда в Харьков, о постигшей его здесь неудаче. Спросил, известно ли что-нибудь о судьбе моих родственников. Ведь он знал, что я родом из той части Донбасса, которая была уже оккупирована немецко-фашистскими войсками и где фашисты свирепствовали вовсю...

Мы расстались, чтобы увидеться вновь лишь после войны. Но мне часто приходилось слышать об успехах войск, которыми он руководил при разгроме гитлеровцев под Москвой, а затем при обороне блокированного Ленинграда.

Первой такой весточкой и было сообщение, из которого я узнал, что он командует 5-й армией. Невольно вспомнился генерал Потапов. Я считал его погибшим и потому с грустью подумал: "Нет тебя с нами, Михаил Иванович, и не можешь ты порадоваться тому, как хорошо воюет твоя 5-я армия. И притом не отступает, а идет вперед, на запад, громя врага".

Шла вперед и группа войск 13-й армии.

10 декабря мы вели наступление по всему фронту. Никакие попытки врага остановить наше наступление успеха не имели. К исходу дня был достигнут рубеж Кабачек - Григоровка - Климентьево - Плоское - Становая. Группировку врага, отходившую на Казаки, мы обошли, разгромив ее левый фланг. То же самое произошло и с другим ее флангом. Там действовала фронтовая конно-механизированная группа генерала Костенко. Она вышла на тылы всей елецкой группировки противника и перерезала ее коммуникации, проходившие по шоссейной дороге Ливны - Елец.

Гитлеровцы вынуждены были отступать в северо-западном направлении, вдоль железной дороги Елец - Верховье.

Этими действиями войска правого крыла Юго-Западного фронта создали в своей полосе благоприятные условия для окружения и завершения разгрома врага. Таким образом, прошло всего лишь несколько дней с начала нашего наступления, а уже была поставлена в тяжелое положение ударная группировка 2-й немецкой армии, обеспечивавшая правый фланг войск, устремившихся на Москву. Выполнявшую такую же роль в отношении их левого фланга 9-ю немецкую армию постигла не лучшая судьба. Она была тогда же разгромлена войсками Калининского фронта под командованием генерала И. С. Конева, перешедшими в контрнаступление. Потерпев поражение в районе Калинина, части этой армии начали отступать в южном направлении.

То, что произошло с самой ударной группировкой, наступавшей на Москву, хорошо известно. Поэтому лишь отмечу, что войска Западного фронта под командованием генерала Г. К. Жукова, перейдя в контрнаступление против фланговых подвижных ударных клиньев врага, стремившегося обойти нашу столицу с востока, сначала остановили их движение вперед. Нанеся противнику крупный урон, соединения Западного фронта сломили его сопротивление и начали отбрасывать фашистов от подступов к Москве.

Так начался на московском стратегическом направлении разгром немецко-фашистских войск, впервые встретивших такой сокрушительный ответный удар.

Тем временем и на правом фланге Юго-Западного фронта события развивались стремительно. Командующий войсками фронта Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко поставил войскам дополнительные задачи, которые сводились к следующему: усилить темпы наступления, перейти в преследование, замкнуть кольцо окружения в районе Измалково и завершить разгром елецкой группировки противника. Это был

второй этап Елецкой наступательной операции, начавшийся 11 декабря.

VI

Частям нашей подвижной группы были поставлены задачи на решительное преследование отходящих войск противника. Я обратил особое внимание командного состава группы на увеличение темпов преследования и использование для передвижения войск всего наличного автомобильного и конно-санного транспорта, в том числе транспорта местного населения. Командиры соединений и частей обязаны были лично руководить преследованием, отрезая противнику пути отхода и не позволяя ему уйти безнаказанно.

Хочу подчеркнуть, что весь личный состав понимал, какого огромного напряжения сил требовала задача успешного окружения и разгрома отступающего врага. Поэтому красноармейцы, командиры и политработники утроили свои усилия, направленные на уничтожение ненавистных оккупантов.

И вот началось преследование врага. Все соединения и части стремились достичь высоких темпов преследования еще и потому, что фашисты, отступая, по-прежнему уничтожали все, что могли. Во многих случаях нам удавалось этому помешать, но, к сожалению, не всегда. Вот что сообщалось, например, в оперативной сводке 57-й бригады войск НКВД 12 декабря 1941 г.: "262 пд поспешно отступает во всей полосе бригады на запад и северо-запад, сжигая на своем пути села и грабя местное население. Сожжены Озерки, Каменка, Каменка-Ремера и Лаухино. Горят: Круглое, Новоселки, Колодец и др. села"{43}.

Должен, кстати, заметить, что при преследовании противника наступающие войска стремились быстрее овладеть населенными пунктами и освободить советских людей из немецко-фашистского плена, но при этом нередко в своих действиях допускали существенную ошибку: вместо обхода значительными силами (а это действительно было весьма нелегким делом в условиях глубокого снежного покрова) чаще наступали вдоль дорог и атаковали населенные пункты в лоб. Это приводило к тому, что враг, превращая села в опорные пункты, организовывал сопротивление на их окраинах, а при отступлении - все разрушал и сжигал. Там же, где крупными силами применялись глубокие обходные движения, враг уничтожался или бежал без оглядки на запад, бросая обозы, технику и вооружение. К сожалению, так действовали не все подразделения и части. Не так получилось, например, в районе Измалково в результате плохо продуманного решения командующего 13-й армией.

В боевом приказе 13-й армии от 10 декабря 1941 г., в

частности, говорилось: "... 4. Группе генерала Москаленко (132 сд, 307 сд, 55 кд, 150 тбр, 57 бригада войск НКВД) решительно и энергично преследовать противника, обходя его опорные пункты сопротивления и выходя на пути его отхода. 132 сд и 57 бригадой наносить удар в направлении Грунин Варгол, Ключики по флангу и тылу 262 пд, отбрасывая ее под удары частей 3А. 55 кд, 150 тбр и 307 сд наступать в направлении Сергеевка, Измалково и к исходу дня 11.12.41 г. овладеть рубежом Мокрые Семенки, Измалково, став на пути отхода противника"{44}.

На местности это выглядело так: первые два соединения должны были наносить удар в северо-западном направлении, а три остальные - строго в западном. Между ними образовывался разрыв, который постепенно все более расширялся. Сила ударов подвижной группы ослаблялась тем, что они наносились в расходящихся направлениях.

Мои возражения против распыления сил не были учтены при принятии этого решения. Я также высказался за то, чтобы, учитывая обозначившийся в полосе наступления группы успех, усилить ее резервами армии. Это, на мой взгляд, позволило бы ускорить темп обходного маневра, быстрее окружить и разгромить главные силы противника. Однако и данное предложение не было принято командованием армии. В то же время находившаяся в его резерве 143-я стрелковая дивизия получила приказ двигаться за 148-й стрелковой дивизией, выполнявшей задачу, которая отнюдь не содействовала общему замыслу операции. Эта дивизия наступала южнее Измалково в западном направлении и таким образом выталкивала группировку противника на запад, в то время как остальные войска 13-й армии, а также группа Костенко стремились ее окружить.

Нет необходимости доказывать, насколько целесообразно было использовать резервную дивизию на заходящем правом фланге армии, которым она вклинилась в стык двух немецко-фашистских армейских корпусов. Можно лишь с уверенностью сказать, что это способствовало бы более надежному окружению и разгрому группировки врага.

Командование армии поступило наоборот. Оно не только не усилило, по еще и ослабило подвижную группу, так как тогда же изъяло из ее подчинения 307-ю стрелковую дивизию.

Здесь я и подхожу к тому, что произошло в районе Измалково.

Выведя из состава подвижной группы 307-ю стрелковую дивизию, командование армии использовало ее для овладения Измалково. Нецелесообразность принятого решения показал

дальнейший ход событий: 307-я стрелковая дивизия и вместе с ней 150-я танковая бригада увязли в боях за Измалково. Вследствие этого ослабленная подвижная группа оказалась не в состоянии окружить в этом районе противника достаточно плотным кольцом, и он успел вывести войска из образовавшегося "мешка". Между тем следовало сначала окружить группировку врага, а затем, в ходе ее разгрома, освобождать Измалково. И это было вполне осуществимо. Для этого нужно было, чтобы командование армии оставило хотя бы 307-ю стрелковую дивизию в составе подвижной группы. Я уже не говорю об усилении группы резервной дивизией, что могло способствовать дальнейшему развитию наметившегося успеха в преследовании противника.

Но и при таких условиях враг был обречен. И то, что мы не смогли осуществить в районе Измалково, вскоре произошло к северо-западу от него. Причем теперь наряду с нашей группой в окружении и уничтожении группировки противника участвовали и более крупные силы.

В связи с успешным продвижением фронтовой конно-механизированной группы, которая к исходу 12 декабря наступала на г. Верховье, расположенный на железнодорожной линии Елец - Орел, маршал С. К. Тимошенко поставил войскам, участвовавшим в операции, ряд дополнительных задач.

Наша подвижная группа непосредственно перед этим в течение двух дней - 11 и 12 декабря продолжала преследование, обойдя Измалково с севера. За это время мы преодолели рубеж р. Варгол и достигли берега другой реки - Семенек. Теперь, согласно приказу командующего фронтом, группа должна была силами 55-й кавалерийской дивизии и 57-й бригады войск НКВД ускорить темп наступления на рубеж Хомутово - Верховье. Ей ставилась задача во взаимодействии с 5-м кавалерийским корпусом под командованием генерал-майора В. Д. Крюченкина и 1-й гвардейской стрелковой дивизией, входившими в состав фронтовой группы, участвовать в окружении и разгроме группировки врага. На войска 13-й армии возлагалась задача образовать внешний фронт окружения, внутренний же должна была создать группа генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко.

К моменту подхода 5-го кавалерийского корпуса и нашей группы к району окружения (Измалково - Успенское - Россошное) у противника оставались два пути отхода - на запад и северо-запад. Первый из них отрезал 5-й кавкорпус, занявший Шатилово, Россошное, Орево, второй - наша группа, вышедшая на рубеж Лесные Локотцы - Шараповка - Малиновка.

Таким образом, к утру 14 декабря кольцо окружения

замкнулось. Деморализованные и дезорганизованные вражеские войска заметались в огненном "мешке".

Они предпринимали отчаянные попытки вырваться из него. Одна из атак неожиданно принесла им некоторый успех. Направив свои усилия против 5-го кавалерийского корпуса, окруженные отбросили его на рубеж Верхняя Любовша Горки и овладели населенными пунктами Россошное и Шатилово.

Части кавалерийского корпуса оказались в тяжелом положении, тем более, что на их коммуникации вышли отдельные группы отступавшего противника. Несмотря на все это, кавалеристы стойко удерживали занимаемые рубежи, в конном и пешем строю отбивая контратаки фашистов.

В этот момент на помощь корпусу была направлена наша подвижная группа. Исключительно успешно действовала 55-я кавалерийская дивизия. К исходу 14 декабря она совместно с 57-й бригадой войск НКВД овладела населенным пунктом Шатилово и во взаимодействии с частями 1-й гвардейской стрелковой дивизии Россошным.

Здесь я впервые встретился с командиром этой дивизии генерал-майором И. П. Руссияновым, с которым впоследствии неоднократно сталкивался в боевой обстановке. Он произвел на меня впечатление храброго, мужественного военачальника, обаятельного человека. Это он уже в самом начале войны так умело организовал боевые действия дивизии, что она одной из первых в Красной Армии была удостоена почетного наименования гвардейской.

Что касается событий 14 и 15 декабря 1941 г. в районе окружения группировки противника, то они впоследствии завершились полным ее разгромом.

Вот как впоследствии описывал эти события бывший командир 445-го полка 134-й пехотной дивизии генерал-майор Вильгельм Кунце: "14 декабря 134 пд двинулась тремя полковыми колоннами на запад в район Россошное, где генерал Метц отдал приказ на выход из окружения в районе Верх. Любовша... 446 и 445 гш должны были прорываться в районе Верх. Любовша, а 439 пп - в 6 км севернее. В 18 часов в полной темноте при 20° мороза и снежном покрове в 40 см начался прорыв

Несмотря на двухкратную атаку, прорваться через р. Любовша не смогли, и командир 134 пд приказал прекратить бой, а на следующее утро повторить атаку... В ночь на 15 декабря в своей машине на дороге застрелился командир дивизии генерал-лейтенант фон Кохенгаузен{44}. Командир 445 пп принял временное командование дивизией и приказал тремя батальонами 446 пн начать на узком фронте атаку, чтобы

прорвать кольцо хотя бы в одном месте.

При первых проблесках зари советские пулеметы открыли огонь по немецким батальонам, предназначенным для прорыва. Моральное впечатление от разрывов мин нового оружия, "катюши" - реактивные минометы, которые также открыли огонь по голодным, замерзшим и переутомленным немецким частям,- было очень велико в результате шума, воя и сплошных попаданий...

Обрывистая, глубоко прорезанная долина р. Любовша стала роковой для многочисленных автомашин и повозок дивизии. Голодные и истощенные лошади просто не могли больше вытянуть орудия и остальную технику, которые были оставлены. Материальные потери были очень тяжелые: дивизия потеряла почти все машины, противотанковые орудия и аппаратуру связи..."{45}

Кольцо вокруг группировки противника неумолимо сжималось. Немецко-фашистское командование разбрасывало с самолетов над районом окружения листовки с призывом держаться до последнего и с обещаниями "помощи"{46}. Но действия они не возымели, так как безнадежность положения окруженных была очевидна и для них самих.

Тот же Кунце писал: "...Положение с подвозом ежедневно ухудшалось... Сбрасываемое с отдельных самолетов количество продуктов питания и бензина было незначительно. Вследствие этого 445 ни при отступлении из Измалково вынужден был бросить 10 моторизованных противотанковых орудий и большое количество грузовых машин. С каждым днем ухудшалась связь и затруднялось руководство войсками... 13 декабря моторизованная часть Советов напала на штаб 134 пд в Шатилово и разгромила продовольственную и почтовую службы дивизии"{47}.

Вдобавок ко всему командир 35-го армейского корпуса генерал Метц бросил свои войска на произвол судьбы и вылетел из района окружения на самолете. Паника охватила ряды "непобедимых" гитлеровских вояк. Они бросали машины, оружие, боеприпасы. Каждый стремился спасти свою шкуру.

Но тщетно.

В четырехдневных боях в районе Россошное, Верхняя Любовша, Зыбино были разгромлены основные силы 45-й и 134-й пехотных дивизий. Лишь небольшим группам, в общей сложности до полка, удалось прорваться в районе Верх. Любовша. В результате Елецкой операции противник потерял только убитыми 8700 солдат и офицеров. Было захвачено в плен 557 человек и освобождено более 500 населенных пунктов. В качестве трофеев нам досталось свыше 100 орудий, около 200 пулеметов, 700

автомашин, 500 лошадей, 325 повозок и много вооружения, боеприпасов и различного имущества, в том числе и награбленного фашистами у населения.

Только частями 55-й кавалерийской дивизии и 57-й бригады войск НКВД, как отмечалось в оперативной сводке штаба армии от 16 декабря, "во время боев в районе Россошное - Мартыновка уничтожено до 1000 фашистов. Захвачено 20 орудий и большое количество автомашин и обозы"{48}.

Всего же соединениями нашей подвижной группы за время наступления с 4 по 14 декабря было "убито до 2500 солдат и офицеров. Захвачено 36 орудий, 40 пулеметов, до 30 минометов, 180 автомашин, 270 повозок и другое имущество... Освобождено 170 населенных пунктов"{49}.

В целом в результате наступления на правом крыле Юго-Западного фронта было нанесено серьезное поражение 2-й немецкой армии в районе Ельца. Наши войска с 6 по 16 декабря продвинулись здесь на запад на 80-100 км, освободили от немецко-фашистских захватчиков большое число населенных пунктов, сорвали планы противника прорваться к р. Дон и отвлекли на себя часть сил 2-й танковой армии, чем способствовали выполнению общего плана контрнаступления под Москвой. Именно это имел в виду начальник генерального штаба немецких сухопутных войск Гальдер, когда он уже 12 декабря 1941 г. записал: "Командование войсками (немецко-фашистскими.- К.М.) на участке фронта между Тулой и Курском потерпело банкротство"{50}.

16 декабря была полностью завершена операция по разгрому елецкой группировки противника. Наша подвижная группа совместно с левофланговыми дивизиями 13-й армии и войсками генерала Костенко выполнила поставленную задачу и потому на следующий день была расформирована. Ее соединения влились в состав 13-й армии, которая готовилась к новой операции - на орловском направлении.

VII

Говоря об особенностях контрнаступления против 2-й немецкой армии в районе Ельца, нужно прежде всего отметить, что оно началось с тех рубежей, на которые отошли наши войска только накануне вечером в ходе оборонительных боев. Иначе говоря, началось без предварительной подготовки и сосредоточения сил, прямо с ходу: вчера оборонялись, отступали, а сегодня перешли в наступление.

Трудности при этом были не только организационные, но и, пожалуй, психологические. Мы все были твердо убеждены в том, что в конечном итоге разгромим фашистов, но каждый боец,

командир, политработник представлял себе это не так, как получилось на самом деле. Думали так: сначала остановим противника, затем подтянем необходимые силы, подготовимся и, наконец, всей силой оружия и накопленной нами жгучей ненависти обрушимся на врагов. Действительность оказалась иной, более суровой и требовательной: нам было некогда ждать прибытия свежих сил и у нас не нашлось времени для предварительной подготовки. Обстановка сложилась так, что потребовалось, фигурально выражаясь, лишь повернуться через левое плечо и разить противника, под натиском которого мы еще вчера отступали.

Уже по одному этому можно судить о величии подвига, совершенного воинами в те дни. А ведь боевые действия, о которых я рассказываю, были лишь частичкой грандиозного сражения, развернувшегося тогда под Москвой и закончившегося сокрушительным разгромом отборных немецко-фашистских армий.

Пример подвижной группы, которой мне довелось в те дни командовать, убеждает в том, что исключительно важную роль в моральной подготовке к этому контрнаступлению сыграли политработники и партийные организации войск. Как же им удалось буквально в считанные часы произвести такой глубокий перелом в сознании личного состава частей?

До сих пор отчетливо помню тот день. Я только что принял командование подвижной группой. Читатель, должно быть, помнит, что в ее составе тогда были три соединения - 307-я стрелковая, 55-я кавалерийская дивизии и 150-я танковая бригада. Все они перед тем длительное время вели оборонительные бои и прошли долгий и тяжелый путь отступлений. Сколько сел и городов были вынужденно оставлены врагу! А сколько раз казалось, что вот этот покидаемый нами населенный пункт - последний, и больше не придется отступать, что отсюда повернем обратно, на запад, и вышвырнем захватчиков с родной земли. Но проходили дни и недели, и в ходе новых боев приходилось опять отступать.

Постепенно угрюмая тень ложилась на наши лица, а в душу закрадывалось какое-то неясное чувство. В нем переплелись и тягостное недовольство собой, и нетерпеливое ожидание прихода других сил, которые смогут лучше сражаться и сделать то, чего не сумели сделать мы.

Обо всем этом я крепко задумался в тот день. Наутро предстояло наступать, и нужно было во что бы то ни стало рассеять неверие в свои силы, распространившееся среди некоторых бойцов, особенно тех, кто сражался с первых дней

войны. К такому выводу мы и пришли. Но вывод выводом, думал я, а на деле не легко будет превратить одно лишь чувство ненависти к врагу, владевшее каждым бойцом и командиром, в могучий наступательный порыв. Не так просто это я знал по себе - тому, кто сам побывал во вражеском кольце, по первому приказу пойти в наступление с целью окружения и разгрома противника. Ему нужно было прежде умом и сердцем поверить в то, что он способен выполнить такой приказ и что враг безусловно будет уничтожен именно им, а не кем-то иным, обладающим большими силами.

И в том, что он поверил в это, великая заслуга наших командиров, политработников, всех коммунистов-воинов.

В тот день комиссары и политруки частей собрали коммунистов. Долго совещаться не было возможности, так как до начала наступления оставалось несколько часов. Поэтому разговор был краткий: дальше отступать некуда, и партия приказывает во что бы то ни стало разбить и отбросить врага от Москвы.

О том же толковали затем коммунисты и комсомольцы со всем личным составом частей группы. И происходило это тоже не в порядке официальных бесед или собраний, а как-то между делом. Словом, чем бы ни были заняты в канун наступления бойцы и командиры, они при первой возможности собирались ненадолго, чтобы услышать необыкновенную новость: конец отступлению, начинаем наступать.

А наутро впереди атакующих частей и подразделений стали командиры, комиссары, политруки. Они повели войска в бой. На самых опасных участках фронта заняли места коммунисты и комсомольцы. За ними и вместе с ними пошли в наступление все.

Ничего "магического" во всем этом, конечно, не было. Произошло то, что возможно лишь в армии социалистического государства, где все - и солдаты, и офицеры - объединены единой целью, воодушевлены одними и теми же великими идеями Коммунистической партии. Сказались безграничная вера в родную партию, высокое доверие к армейским коммунистам, сила примера коммунистов и комсомольцев. Сказалась огромная и повседневная воспитательная работа, которую партия вела в народе и в армии.

Об огромной и многогранной деятельности партии на идеологическом фронте Великой Отечественной войны написано со знанием дела немало книг. Мне же хотелось бы здесь отметить лишь некоторые особенности воспитательной, политической работы партии в тот период, способствовавшие тому, что и в самые тяжелые дни войны моральное состояние войск Красной

Армии было исключительно высоким.

Это прежде всего правдивость нашей пропаганды. Партия никогда не обманывала народ и армию, со всей откровенностью говорила о грозной опасности, нависшей над страной. Но вместе с тем она спокойно и уверенно указывала путь к избавлению от смертельной угрозы, к победе над врагом. Таким образом, наряду с правдивостью отличительной чертой нашей пропаганды была ясность в отношении целей борьбы и средств для ее успешного завершения. К этому нужно добавить, что твердость и решительность, проявленные партией с первых дней войны в организации и руководстве отпором врагу, придавали особую силу каждому ее слову, обращенному к воинам Красной Армии, ко всем советским людям.

Наконец, еще одна важная особенность: благодаря Коммунистической партии, вооруженной марксистско-ленинской наукой, весь советский народ ясно видел перспективу войны с самого ее начала. Чтобы представить себе это, приведу несколько сообщений Совинформбюро, относящихся к 1941 г.

Из этих сообщений все узнавали, что ход военных действий был далеко не таким, каким он планировался гитлеровским командованием в момент нападения на СССР. Тогда Гитлер уверял, что через три недели он овладеет Москвой. Три недели войны исполнилось 12 июля, а бои шли на рубеже Псков - Витебск - Жлобин - Новоград-Волынский. Совинформбюро сообщало: "Закончилась третья неделя упорных и ожесточенных боев Красной Армии с фашистскими войсками. Итоги трех недель войны свидетельствуют о несомненном провале гитлеровского плана молниеносной войны".

Наступление немецко-фашистских войск продолжалось с неослабевающей энергией. Но и сопротивление Красной Армии возрастало. Германские войска понесли колоссальные потери людьми и вооружением, а темпы их продвижения резко снизились. "...Стремясь объяснить тяжелые потери немцев на фронте и причины длительного топтания немецко-фашистских полчищ,- отмечало Совинформбюро, сообщая шестинедельные итоги войны,- германская пропаганда пытается создать легенду о существовании "мощной укрепленной линии Сталина". При атом "линия Сталина" незамедлительно появляется на всем фронте от Финского залива до Черного моря - везде, где немецкие войска, встречая упорное сопротивление частей Красной Армии, несут особо тяжелые потери... Эта линия придумана немцами для оправдания своих огромных потерь, которые объясняются не наличием "особой линии" в обороне СССР, а тем, что Красная Армия и советский народ, защищая свою Родину с величайшим

мужеством и храбростью, превращают каждый вершок родной земли в укрепленный пункт".

Двухмесячные итоги войны с гитлеровской Германией, объявленные Совинформбюро, тоже давали исчерпывающий ответ на вопрос о характере происходивших сражений.

"Два месяца боевых действий Красной Армии против гитлеровских орд, вероломно вторгшихся в пределы нашей Родины,- говорилось в этом сообщении,свидетельствуют о крахе хвастливых планов командования германской армии. ...Не достигнув стратегических целей войны, провалившись со своими планами захвата в "месячный срок" Москвы, Ленинграда и Киева, командование германской армии сменило граммофонную пластинку и стало заявлять, что целью германской армии является не захват городов, а уничтожение живой силы и материальных средств Красной Армии. Однако два месяца войны свидетельствуют, что Красная Армия не только не уничтожена, но что с каждым днем войны ее силы и сопротивление растут".

В том же сообщении отмечалось: "Еще в первые дни войны германская пропаганда объявила уничтоженной всю советскую авиацию. Однако наши летчики рассеяли и эту легенду, ежедневно сбивая десятки фашистских самолетов, уничтожая тысячи гитлеровских солдат и систематически подвергая бомбардировке Берлин и ряд других германских городов.

Еще четыре недели назад берлинское радио объявило, что Красная Армия бросила в бой свои последние резервы. Однако огромные потери германской армии убитыми и ранеными, заполнившими все госпитали и учреждения не только Германии, но и Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии, вскрывают всю смехотворности этой хвастливой болтовни. Спрашивается: какими же силами Красная Армия продолжает наносить столь огромные потери гитлеровским полчищам?"

И в заключение: "...Таким образом, два месяца военных действии между фашистской Германией и Советским Союзом показали:

1) что гитлеровский план покончить с Красной Армией в 5-6 недель провалился. Теперь уже очевидно, что преступная война, начатая кровавым фашизмом, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма;

2) что потеря нами ряда областей и городов является серьезной, но не имеющей решающего значения для дальнейшей борьбы с противником до полного его разгрома;

3) что в то время, когда людские резервы Германии иссякают, ее международное положение изо дня в день ухудшается, силы Красной Армии неуклонно возрастают, а Советский Союз

приобретает новых могущественных союзников и друзей.

История войн свидетельствует, что побеждали всегда государства и армии, силы которых в ходе войны возрастали, а терпели поражение те государства и армии, силы которых в ходе войны иссякали и уменьшались".

Хочу особенно подчеркнуть, что дальнейший ход событий давал все новые и новые подтверждения этому.

Немецко-фашистские ударные группировки несли потери, наступательные возможности их постепенно сокращались, а темп наступления уменьшался. По мере проникновения в глубь Советской страны увеличивались разрывы между ударными группировками, которые прикрывались за счет ослабления сил на важнейших направлениях. В то же время непрерывно увеличивалась мощь Красной Армии, возрастало ее сопротивление. В результате осенью 1941 г. немецко-фашистское командование могло начать наступление в широких масштабах только на московском направлении, на флангах же, на ростовском и тихвинском направлениях, лишь на узких участках шириной в 100 км. При этом полоса наступления группы армий "Центр" в октябре достигала 600 км, а в ноябре уменьшилась до 200 км. Но и в октябре, и в ноябре это наступление разбилось о стойкость и выдержку советских воинов.

Теперь Красной Армии, стране предстояло найти в себе новые силы для ответного сокрушительного удара по врагу. И то, что такие силы имелись у нас, что они уже стояли наготове в ожидании приказа на контрнаступление,- это, как я уже отмечал, понимал каждый воин, которому довелось в те дни сражаться под Москвой.

VIII

Итак, поистине поразительный поворот в сознании наших воинов, происходивший в тот день, когда после многих месяцев отступления нам было приказано наступать, причем теми сравнительно небольшими силами, которые оставались в этих соединениях после долгих кровопролитных боев, в сущности был закономерным. Его подготовили все предшествующие события, вся воспитательная деятельность партии. Общая реакция бойцов и командиров была примерно такой: сбылось-таки то, что предсказывало сердце, что говорил разум.

Такое чувство переживал и я. Должен сказать, что перелом в сознании, о котором говорилось выше, происходил и во мне. И я не вижу в этом ничего удивительного. Ведь позади у меня, как и у тысяч и тысяч воинов Красной Армии, было пять с половиной месяцев, почти 170 дней и ночей тяжелых, кровопролитных боев, и каждый раз они заканчивались отходом еще дальше на восток.

А бывало и окружением, из которого немногие выходили живыми.

Теперь пусть читатель представит себе, что должен был я после всего этого почувствовать, вступив в командование группой войск и тотчас же обнаружив, что по своим боевым возможностям входящие в ее состав соединения не соответствуют поставленной им задаче. Затем выяснилось, что и характер начертания переднего края делал маловероятным успех наступления. На обоих флангах противник глубоко вклинился в нашу оборону и угрожал выходом на тылы подвижной группы. Больше того, наступление в южном направлении, в обход Ельца с запада, прямо подсказывало противнику решение ударить по нашим тылам и разгромить малочисленные войска группы.

Откровенно говоря, то были горькие для меня минуты. Перед глазами вновь встали сентябрьские бои в окружении восточнее Киева. И даже подумалось: не придется ли вновь испытать такое? Нет, этому не бывать! Мысленно перебрал все, что мне было известно об обстановке: противник еще очень силен, но мощь его уже надломлена, а силы Красной Армии, напротив, растут, и они теперь в состоянии нанести ему поражение. Еще раз проследил по карте направления ударов нашей группы, всей 13-й армии и, наконец, группы генерала Костенко.

И вдруг все представилось мне совсем в другом свете. Концентрические удары, которые предстояло нанести по врагу, во многом могли изменить для нашей подвижной группы условия перехода в наступление. Но, разумеется, лишь в том случае, если мы сами будем действовать решительно и смело. А следовательно,прочь всякие сомнения, за дело!

Необычайный подъем охватил тогда всех нас, готовившихся к наступлению. Мы понимали, что идем навстречу грозной опасности, но были полны решимости выполнить - и, если понадобится, ценою жизни - задачу разгрома противника под Москвой, поставленную партией.

Выше уже говорилось о силе примера. Она играла особенно важную роль в самом начале наступления. Хорошо запомнился мне, например, заместитель политрука одной из рот В. М. Овсянников. Еще 5 декабря, во время боя за д. Тросну, он смело повел за собой в атаку группу бойцов и в схватке лично уничтожил семь фашистских солдат и одного офицера. Четыре дня спустя он показал отличный пример разведчикам. Пошел вместе с ними на боевое задание в район д. Боевка и возвратился с точными сведениями об обороне противника и с взятым им в плен офицером.

Таких эпизодов было великое множество, и для рассказа о них, пожалуй, не хватило бы места в этой книге. Они оказывали

огромное воздействие на весь личный состав, множили число отважных, рождали массовый героизм и самоотверженность в боях по разгрому врага.

Так начал зарождаться наступательный порыв в частях и соединениях группы. И сила его возрастала с каждым днем. Тут уже действовали и такие факторы, как успех нашего наступления и зверства гитлеровцев, которые мы увидели в первых же освобожденных селах. Следы дикого разбоя были на каждом шагу: сожженные села, трупы расстрелянных стариков и детей, разграбленные и разрушенные города.

Многие бойцы до сих пор лишь слышали о бесчинствах фашистских варваров. Теперь же, когда они увидели это воочию, в душе каждого закипала священная жажда мести гитлеровцам за все их преступления. Так обстояло дело везде, где шла тогда ожесточенная, кровопролитная борьба с захватчиками. Фашисты оскорбили "достоинство советского народа, его историю и его культуру. Они захотели истребительной войны и должны были получить ее.

Охваченные ненавистью к врагу, бойцы рвались в бой. Отомстить фашистам стремился каждый. Особенное возмущение охватило всех нас, когда в д. Прилепы мы обнаружили зверски умерщвленных гитлеровцами мирных жителей.

Как сейчас вижу санитарного инструктора А. И. Лебединского. В тот день он, рискуя жизнью, вынес с поля боя 21 раненого красноармейца. Это был человек, который обычно не брал в руки оружия. Теперь же, потрясенный страшной картиной расстрела ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, он оглянулся, как бы ища, чем запустить в ненавистных гитлеровцев, оборонявшихся на краю села. И нашел. Заменив раненого пулеметчика, Лебединский, вряд ли когда-нибудь раньше стрелявший из такого оружия, обрушил на врага ливень огня. Да такого меткого, что при его поддержке действовавший на этом участке взвод успешно атаковал противника и, выполнив задачу, захватил трофеи - две пушки, семь автомашин и тяжелый пулемет.

Высокий наступательный порыв советских войск, громивших в те дни гитлеровцев к западу, северо-западу и юго-западу от Москвы, воплощал в себе всю ненависть советского народа и его армии к фашистским захватчикам. В то же время он, несомненно, был ярким выражением нашей окрепшей веры в свои силы, в способность Красной Армии нанести поражение "непобедимому" гитлеровскому вермахту, веры каждого советского воина в то, что успешное выполнение поставленной ему боевой задачи есть прямой вклад в грядущую победу.

Надо ли говорить, что за всем этим стояло сознание правоты нашего дела! Мы знали, что, ведя тяжелую борьбу с фашистскими захватчиками, отстаиваем свободу и независимость не только своей великой Родины, первого в мире социалистического государства, но и будущее всего человечества, чьи взоры с надеждой были устремлены на Красную Армию.

И партия вдохновила на эту священную борьбу, обратившись к советским воинам с незабываемыми словами: "Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!"{51}

Советский народ в ту суровую годину вела и вдохновляла партия Ленина. Она сумела сплотить под своим непобедимым знаменем все народы страны, не оставив места унынию и малодушию, мобилизовала на борьбу с врагом неисчерпаемые ресурсы государства.

Действительно, одного морального фактора, какой бы огромной ни являлась его роль, было бы, разумеется, недостаточно для длительной вооруженной борьбы с таким сильным врагом, как гитлеровская Германия, и тем более для достижения столь грандиозного успеха, каким стал разгром фашистов под Москвой. Для этого, вполне понятно, требовались крупные силы и средства, однако не менее необходимо было уменье использовать их с наибольшим эффектом. Я бы даже сказал, что при наличии такого уменья можно было бы воевать и сравнительно малыми силами, а без него - не помогли бы и крупные.

И в этом отношении колоссальное значение имел тот факт, что партия уделяла повседневное внимание не только созданию мощных резервов Красной Армии и организации производства самых современных видов вооружения в нужном количестве, но и заботилась о развитии военного искусства. Коммунистическая партия растила и умело расставляла нас, военачальников, на те участки, где мы могли принести больше пользы делу борьбы с врагом.

Все эти меры, на мой взгляд, весьма способствовали накоплению и творческому применению опыта современной войны. Уже в период битвы под Москвой в известной степени проявилось то высокое боевое искусство, которое в полной мере показала всему миру Красная Армия в последующие годы войны. Я имею в виду высокую подвижность, маневренность войск,

искусство широкого применения обходов, охватов и окружения группировок противника и его опорных пунктов.

Конечно, в то время мы еще только пробовали свои силы в этой области. Тем не менее успешно окружили и ликвидировали, например, елецкую группировку противника. Даже при известной нехватке сил и средств Красная Армия смогла разгромить ударные фашистские войска и отбросить их на сотни километров от столицы, и этим уже тогда продемонстрировала превосходство советского военного искусства над немецко-фашистским.

Ныне на Западе иногда пытаются проводить параллель между наступлением гитлеровцев на Москву и нашествием Наполеона. Попробуем и здесь сделать такое сравнение.

Исторические условия 1941 г. имели коренные отличия от сложившихся в 1812 г., но для немецкой армии они не стали более благоприятны. Гитлеровская армия была моторизованной и располагала несравнимо большими, чем войска Наполеона, возможностями преодоления пространства, и тем не менее оказалось, что захватчики в 1941 г. смогли продвигаться вперед значительно медленнее, чем завоеватели в 1812 г.

Это подтверждают исторические даты. Наполеоновская армия перешла границу Российской империи 24 июня 1812 г. и вступила в Москву почти через три месяца - 14 сентября. Немецко-фашистской армии повезло и того меньше. В Москву ей попасть вообще не удалось. И только на то, чтобы приблизиться к советской столице, моторизованная германская армия затратила времени вдвое больше, чем наполеоновская,- пять с половиной месяцев (с 22 июня по 5 декабря 1941 г.).

Единственное, что она делала быстрее наполеоновских войск, это откатывалась от Москвы. Решающее значение имели отнюдь не одни лишь технические средства современной армии и ее потенциальные скорости, но также и не меньшее - степень, сила и характер оказываемого ей сопротивления. А сила сопротивления Красной Армии, которую фашистское командование по существу не учло при планировании войны, как раз и свела к минимуму технические возможности моторизованных немецко-фашистских войск, привела к провалу наступления на Москву. Последовавшее затем контрнаступление завершилось разгромом "непобедимых" захватчиков.

Тем, кому посчастливилось участвовать в этой битве, одной из крупнейших во второй мировой войне, не забыть восторга первой большой победы. Не забыть и радостного волнения, охватившего каждого из нас, когда мы узнали, что контрнаступление началось не на одном лишь нашем участке, а на трех фронтах Западном, Калининском и Юго-Западном.

Особенное восхищение вызывали могучие силы, действовавшие на первом из них и наносившие контрудар по основным группировкам противника, наступавшим на Москву. Мы, конечно, не знали и ие могли знать численности и вооружения всех сил, участвовавших в контрнаступлении. Но уже первые его результаты ясно говорили, что этих сил оказалось достаточно для разгрома лучших танковых и моторизованных армий противника.

Тогда-то и избавился я окончательно от сомнений относительно использования резервов Верховного Главнокомандования. Ко всему сказанному по этому поводу добавлю, что сомнения возникали под влиянием трудностей, которые, как мне слишком хорошо было известно, испытывали 1-я артиллерийская противотанковая бригада, 15-й стрелковый корпус и в целом 5-я армия. Например, бригада и корпус, которыми я последовательно командовал, не получали в течение нескольких месяцев ни пополнения людьми, ни вооружения и боевой техники.

В те времена я сначала усомнился в правильности действий Ставки. Позднее, в период тяжелых боев в окружении, почувствовал даже обиду на Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Можно было бы и не объяснять, почему именно на него, но с тех пор выросло новое поколение, и оно далеко не все знает о роли, которую играл тогда Сталин в руководстве страной, партией, Красной Армией. Поэтому скажу: вопрос о применении стратегических резервов на том или ином участке советско-германского фронта мог, естественно, решать только Верховный Главнокомандующий.

Так вот, то, что он правильно решил этот вопрос осенью 1941 г., я и понял во время битвы под Москвой. Верховный Главнокомандующий не мог не знать, что противник стянул на московское стратегическое направление почти половину всех сил и боевой техники. Потому там и накапливались резервы Ставки, располагавшиеся в тылу Западного фронта. Они предназначались для предотвращения главной опасности - удара на Москву. Если бы их тогда распыляли, то во много раз труднее было бы отстоять сердце Родины - Москву. Все последующие события подтвердили правильность решения Ставки ВГК по сосредоточению резервов на главном направлении предполагаемого удара противника.

* * *

Война учила многому, в том числе и умению отличать главное от второстепенного, хотя и важного, ибо только при этом условии можно было отстоять Страну Советов от сильного и жестокого врага, спасти весь мир от угрозы фашизма. Советский

народ во главе с Коммунистической партией поставил перед собой именно такие цели.

Не раз еще потребовалось Красной Армии, всем советским людям это уменье. Немало еще трудностей предстояло преодолеть, немало тяжелых утрат понести, прежде чем были достигнуты эти высокие пели.

Глава IV. Первая военная зима на юге

I

Едва завершилось расформирование подвижной группы войск 13-й армии, как опять прибыла телеграмма на мое имя. "Новое назначение?", - подумал я. Необходимо было явиться в полевое управление Юго-Западного направления, которое находилось в Воронеже. Туда я и отправился той же ночью, так и не зная, для чего вызван.

Машина шла по заснеженной дороге, и по сторонам далеко были видны следы недавних боев. А вот и исходные позиции, с которых мы начали контрнаступление. Дальше потянулись места, которых война не коснулась. И каким же прекрасным казался здесь каждый лесок, каждый населенный пункт. Ведь тут не было сожженных гитлеровцами сел и полуобгорелых, покореженных снарядами деревьев. Близость фронта чувствовалась лишь на ночных дорогах, по которым на запад шли советские войска.

Радовали глаз тепло, по-зимнему одетые солдаты, в ладных полушубках, в шапках-ушанках и в валенках. С новенькими автоматами. Не оторвешь взгляда от походных колонн танковых и артиллерийских частей, двигавшихся под покровом ночи к фронту. Приглушенный шум моторов, негромкие команды - всем этим была наполнена ночная жизнь прифронтовых дорог.

Родина посылала на фронт все больше сил и средств. И словно говорила этим, что недалек тот день, когда она даст нам, своим солдатам, все необходимое для полного разгрома врага.

В Воронеже, в полевом управлении Юго-Западного направления, мое предположение о причине вызова подтвердилось. Я был принят маршалом С. К. Тимошенко. Он выразил удовлетворение успешно закончившейся Елецкой операцией{52} и тут же сообщил о моем назначении заместителем командующего 6-й армией. Семен Константинович пояснил, что командующего этой армией генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского и члена Военного совета бригадного комиссара И. И. Ларина сейчас нет на месте. Они находятся в пределах Южного фронта, где руководят боевыми действиями двух армий по отражению попыток группы Шведлера овладеть Ворошиловградом (Луганском).

- И потому,- сказал маршал,- подготовка войск 6-й армии к предстоящему наступлению теперь возложена на вас.

В связи с этим он подробно ознакомил меня с обстановкой и мероприятиями, намечаемыми Военным советом Юго-Западного направления на ближайшие полтора-два месяца.

Шла вторая половина декабря. Общая стратегическая обстановка на советско-германском фронте резко изменилась. Немецко-фашистское командование исчерпало свои преимущества внезапного нападения. Красная Армия сорвала план проведения "молниеносной войны" в течение одной кампании. Война приняла затяжной характер.

К этому времени Красная Армия нанесла противнику ряд крупных поражений. В ноябре была разгромлена в районе Ростова ударная группировка группы армий "Юг". В первой декаде декабря, получив отпор у городов Волхов и Тихвин, откатилась за р. Волхов и заняла прочную оборону группа армий "Север". Под непрекращающимися ударами Красной Армии поспешно отступала и самая мощная группировка немецко-фашистских войск - группа армий "Центр", действовавшая на московском стратегическом направлении.

Впервые немецко-фашистская армия потерпела крупное поражение, потеряла стратегическую инициативу и перестала именоваться "непобедимой". Наступление вооруженного до зубов врага, продолжавшееся непрерывно пять месяцев, было остановлено, и Красная Армия заставила его перейти к обороне.

В полосе Юго-Западного направления противник, как уже отмечено, потерпел поражение под Ростовом и Ельцом. Здесь он понес большие потери, выдохся и перешел к обороне. Наши же войска, успешно проведя первые наступательные операции, обрели уверенность в успехе и накапливали силы для нового удара по врагу. Словом, обстановка на Юго-Западном, как, впрочем, и на других важнейших направлениях, в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Москвой требовала новых решительных действий.

Как представлял себе эти действия Военный совет Юго-Западного направления? Ответ дают соображения, направленные им тогда в Ставку Верховного Главнокомандования.

Учитывая, что обстановка на флангах Юго-Западного направления по-прежнему была напряженной, предлагалось создать здесь две ударные группировки войск. Каждой из них ставилась решительная задача. Войска правого крыла, усиленные 61-й армией, должны были выйти в район Белев, Орел и занять охватывающее положение по отношению к силам противника под Москвой. Второй, донбасской группировке, которая усиливалась

57-й армией, ставилась задача разгромить армейскую группу Клейста г. составе 1-й танковой и 17-й армий, овладеть рубежом р. Днепр на участке Днепропетровск, Запорожье.

Освобождение к началу февраля 1942 г. этих двух крупных индустриальных городов с мостовыми переправами через Днепр давало нашим войскам, по мнению Военного совета Юго-Западного направления, следующие преимущества: лишало врага железнодорожных путей подвоза в Донбасс и Крым; способствовало войскам Южного фронта в освобождении Донбасса, после чего они могли занять оборону на рубеже Запорожье - Мелитополь и перебросить освободившиеся дивизии на западный берег Днепра; вынуждало противника очистить Крым и южное Заднепровье в силу трудностей в области подвоза, особенно весной, когда у него в тылу будет разлившийся Днепр; позволяло войскам Южного фронта в весенней кампании освободить районы Кировограда, Кривого Рога и Николаева, что обеспечивало дальнейшие действия на киевском и одесском направлениях; облегчало форсирование Днепра при помощи ограниченных переправочных средств, имевшихся в распоряжении войск.

В целом предлагался следующий план кампании на Юго-Западном направлении.

Войска правого крыла (61, 3, 13, 40-я армия и группа генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко) осуществляют наступательную операцию с выходом в район Брянск, Севск, Орел, Сумы. Затем, в зависимости от обстановки, они действуют в направлении Смоленска или на запад. Войска Южного и левого крыла Юго-Западного фронтов в ходе наступления в январе - феврале 1942 г. освобождают Донбасс. Разгромив находящуюся там группировку войск противника, они выходят основными силами на рубеж р. Днепр. Главный удар при этом наносится в общем направлении на Днепропетровск силами 57-й и 12-й армий. Одновременно войска левого фланга Юго-Западного фронта (21, 38-я и 6-я армии) проводят частную операцию по овладению районом Харькова.

В результате полуторамесячной кампании войска Юго-Западного направления разбивают противника на двух важнейших направлениях и к 1-15 февраля 1942 г. отбрасывают его на 300- 350 км на запад. Таковы были общие контуры плана действий фронтов{52} Юго-Западного направления, выполнением которого создавалось выгодное исходное положение для дальнейшего наступления. Для осуществления этих задач, указывал Военный совет Юго-Западного фронта, требуется пополнение людьми и доукомллектование материальной частью

артиллерии, авиации и особенно танковых войск{52}.

На первом этапе наступательной операции намечалось ударом внутренних флангов Юго-Западного и Южного фронтов прорвать оборону противника между Балаклеей и Артемовском. Далее, развивая наступление на Запорожье, войска Юго-Западного фронта должны были выйти в тыл донбасско-таганрогской группировке противника и отрезать ей пути отхода на запад. Затем им предстояло прижать ее основные силы к берегу Азовского моря и во взаимодействии с войсками левого крыла Южного фронта уничтожить. Главный удар должны были наносить 6-я армия Юго-Западного фронта и 57-я, 37-я армии Южного фронта.

Несколько забегая вперед, должен отметить, что не все эти планы были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования. Она приняла только те предложения Военного совета Юго-Западного направления, которые касались операции по разгрому группировки противника на стыке Юго-Западного и Южного фронтов.

Объяснялось это вескими причинами, однако о них я узнал позднее. Пока же, окрыленный широкими планами, о которых рассказал маршал Тимошенко, я поспешил отправиться в штаб 6-й армии, временное командование которой было возложено на меня.

В то время 6-я армия была самой сильной на Юго-Западном фронте. Как уже упоминалось, в бой с врагом она вступила 22 июня 1941 г., когда на нее, как и на 5-ю армию, обрушился первый удар главных сил немецкой группы армий "Юг". Последовали тяжелые дни приграничного сражения. Воинам 6-й армии довелось испытать всю боль и горечь отступления под натиском многократно превосходящих сил противника, а в начале августа они вместе с 12-й армией попали в окружение.

Многие погибли в бою, но часть солдат и офицеров пробилась к своим, и вскоре переформированная 6-я армия вновь противостояла врагу, теперь уже на Южном фронте. Позднее она опять вошла в состав Юго-Западного фронта. Силами этой армии, а также 40-й и восстановленных с помощью резервов Ставки Верховного Главнокомандования 21-и и 38-й удалось тогда на некоторое время приостановить наступление противника.

Во второй половине декабря, когда я прибыл в 6-ю армию, она занимала оборону на рубеже рек Мокрый Изюмец и Северный Донец - от населенного пункта Сухой Яр до Ямполя. Почти 120километровую полосу обороняли пять стрелковых и одна (34-я) кавалерийская дивизии. Кстати, командиром 34-й кавалерийской дивизии был генерал-майор А. А. Гречко. Наши

боевые пути сошлись тогда ненадолго. Через несколько дней левый фланг полосы обороны 6-й армии вместе с дивизией был передан Южному фронту, в составе которого генерал Гречко вскоре стал командиром 5-го кавалерийского корпуса. В последующем мы встретились в конце 1943 г. под Киевом, где Андрей Антонович был заместителем командующего войсками 1-го Украинского фронта, а затем командующим 1-й гвардейской армией.

Знакомясь с войсками, я успел вместе с членом Военного совета армии бригадным комиссаром А. И. Власовым до Нового года побывать во всех соединениях, на их командных пунктах и на переднем крае. Командиры дивизий доложили о положении частей, их составе и вооружении, состоянии оборонительных позиций, поведении противника и имеющихся у него оборонительных сооружениях. В целом войска армии произвели хорошее впечатление. В командирах чувствовались боевой опыт, подтянутость, в рядовом составе - дисциплинированность и подготовленность как к оборонительным, так и наступательным действиям.

Высоко оценивал боевые качества 6-й армии и ее бывший командующий генерал Р. Я. Малиновский{53}. Об этом я услышал от него самого в ночь на 1 января 1942 г. Еще 30 декабря он позвонил по телефону и сказал, что был бы рад встретить Новый год в 6-й армии, в кругу боевых друзей. Разумеется, это желание приветствовали и начальник штаба генерал-майор А. Г. Батюня, и А. И. Власов, и я, а также прибывший в тот день новый член Военного совета армии по оперативным вопросам дивизионный комиссар Е. Т. Пожидаев. Очень довольны были встречей со своим бывшим командующим и офицеры штаба, и командиры дивизий, которые также были приглашены в тот вечер.

С Родионом Яковлевичем Малиновским в дальнейшем, особенно после войны, мне довелось встречаться часто, и я всегда считал вполне заслуженным то искреннее уважение, с которым относились к нему все, кто его знал. Подчеркиваю искреннее, ибо оно было именно таким. В этом я убедился еще в ту новогоднюю ночь, которую мы провели первой военной зимой в заснеженной деревушке на левом фланге Юго-Западного фронта. И не удивительно подобное отношение к бывшему командующему, чье умелое руководство во многом определило хорошее состояние соединений 6-й армии. В свою очередь и Родион Яковлевич с таким же уважением относился к своим подчиненным, дорожил боевой дружбой. В сущности это чувство, видимо, и потянуло его в канун Нового года в 6-ю армию.

Эта встреча была для всех ее участников особенной, хотя, возможно, мало чем отличалась от многих других, состоявшихся в ту новогоднюю ночь в нашей армии и повсюду в стране. Более чем полгода шла война, и за это время, казалось, люди отвыкли от слова "праздник". Даже праздничный день 7 ноября 1941 г. был скорее смотром нашей готовности к борьбе, днем всенародной клятвы сражаться и победить. Праздник, победа - эти два понятия слились для нас в одно. И вот сегодня в войсках, у всех советских людей - радостный праздник, ибо мы одержали первую победу, разгромив немецко-фашистские армии под Москвой и тем самым окончательно опровергнув миф о непобедимости вермахта.

Все это было для нас залогом того, что будущий год, какие бы новые испытания он ни принес, будет счастливее минувшего. Таким и был первый тост, предложенный Родионом Яковлевичем и поддержанный всеми присутствующими. Не меньший успех имели и другие его тосты: за грядущую Победу, за тех, кто вел нас к ней,- руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, за Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Так встретили мы 1942 год. Он сулил нам большие надежды. Первой ласточкой в этом отношении представлялась нам полученная Военным советом армии незадолго до Нового года директива на проведение Барвенково-Лозовской наступательной операции.

II

С 5 по 12 января 6-я армия по директиве фронта произвела перегруппировку войск.

Две стрелковые и одна кавалерийская дивизии выбыли из ее состава вместе со своими участками обороны. Полоса армии после этого уменьшилась до 55 км, но занимали ее уже шесть стрелковых дивизий (из них три вновь прибывшие) - 253, 270, 337, 343, 393-я и 411-я. Командовали ими соответственно комбриг А. А. Неборак, полковники З. Ю. Кутлин, С. М. Бушев, П. П. Чувашев, Герой Советского Союза полковник И. Д. Зиновьев, полковник М. А. Песочин.

Кроме того, в состав армии вошли две танковые бригады - 7-я и 13-я. Первой из них командовал полковник И. А. Юрченко, второй - по 19 января 1942 г. подполковник А. И. Казаков, потом подполковник И. Т. Клименчук.

В полосе предстоящего наступления армии действовало свыше двух пехотных дивизий противника, усиленных артиллерией и несколькими десятками (до 30) танков. Стык между этими дивизиями находился на южной окраине населенного пункта Савинцы. Оборона врага сводилась к

устройству опорных пунктов в селах и городах. Подступы к узлам обороны прикрывались окопами полного профиля, проволочными заграждениями в 3-5 колов и дзотами. Промежутки между узлами частично прикрывались минными полями. В глубине обороны враг подготовил на правом фланге два рубежа по западному берегу реки Северный Донец и в 4-5 км к западу от него. Лед на некоторых участках этой реки был подготовлен к взрыву. Оперативных резервов в ближайшем тылу противника не было обнаружено.

В целом войска нашей армии имели некоторое превосходство над врагом в живой силе, артиллерии и танках. Это обеспечивало прорыв обороны противника. Однако в то же время он обладал троекратным превосходством по противотанковой артиллерии. Кроме того, было ясно, что немецко-фашистское командование могло в ходе операции перебрасывать сюда резервы из Харькова, Полтавы, Славянска.

Последнее собственно и предусматривалось замыслом операции, ибо 6-й армии ставилась задача не только разгромить противника на красноградском направлении, но и сковать его оперативные резервы. Это должно было обеспечить действия армий Южного фронта по освобождению Донбасса. Составной частью этой задачи являлось и содействие 38-й армии в овладении Харьковом. Глубина операции определялась в 60-70 км. Срок ее проведения - 9 дней.

Исходя из цели и задач, поставленных перед армией, а также наличия сил и средств, я решил нанести главный удар правым флангом, где и сосредоточил три стрелковые дивизии, две танковые бригады и большую часть артиллерийских средств усиления. Там же был и 6-й кавалерийский корпус фронтового подчинения. Это соответствовало и условиям местности, и расположению сил противника.

Удар правым флангом наносился в направлении Савинцы, Шевелевка, Алексеевка. Ближайшая задача - прорвать оборону противника на фронте Борщевка, Ивановка. К исходу четвертого дня наступления предполагалось выйти на рубеж Лагери - Чепель - Грушеваха и обеспечить ввод в бой 6-го кавалерийского корпуса для развития наступления на красноградском направлении. Планом предусматривалось овладеть к исходу девятого дня рубежом Первомайский Краснопавловка и выйти передовыми отрядами на р. Орель.

Две дивизии на левом фланге предназначались для ликвидации изюмской группировки противника. Одна из них должна была наступать из района Иванчуковки, Нов. Павловки в юго-западном направлении - на Норцовку, Червоный Шахтер.

Другая - из района южнее г. Изюм в западном направлении, на Донецкое, Снежковку, Заводы. Там они должны были сомкнуть смежные фланги, окружить и уничтожить вражеский гарнизон Изюма.

К началу наступления армия имела на рубеже Бригадировка - Савинцы - г. Изюм - Донецкое пять стрелковых дивизий в нервом эшелоне и одну - во втором.

Мне впервые предстояло участвовать в наступательной операции, накануне которой наши войска располагали временем для ее подготовки и организации. Такая возможность радовала, помогала преодолевать трудности. А их в подготовительный период было немало. Войска и боевая техника прибывали с опозданием, переброске их к линии фронта препятствовали снежные заносы на дорогах. Такое положение сложилось и в армиях Южного фронта, которые готовились нанести главный удар в предстоящей операции. Вследствие этого дата начала наступления, первоначально намеченная на 14 января, была перенесена на 18 января.

Войска армии тщательно готовились к наступлению. Дивизии проводили разведку и теснили противника на центральном направлении. 11 января у врага были отбиты Савинцы, Довгалевка, Морозовка. Три дня спустя, в ночь на 14 января, 411-я стрелковая дивизия внезапным налетом овладела Залиманом и лесом в 2 км от этого населенного пункта. Тем самым был создан плацдарм на западном берегу Северного Донца.

Противник подтянул резервы и контратаковал вплоть до 17 января. Но ни одним населенным пунктом не овладел. Зато понес большие потери.

Итак, к началу наступления войска армии значительно улучшили исходное положение. Некоторые дивизии вышли к Северному Донцу. Что же касается захвата плацдарма, то он открыл нам возможность заблаговременного и беспрепятственного сооружения переправ для танков.

За неделю до начала операции прибыл новый командующий армией генерал-майор А. М. Городнянский. (О нем уже шла речь в связи с наступлением в районе Ельца в начале декабря 1941 г.) Прошло меньше месяца с тех пор, как мы расстались, не подозревая, что так скоро встретимся в новой обстановке, в другой армии.

Городнянский утвердил план операции, не внеся никаких изменений. Сдав армию командующему и получив от него задачу на подготовку войск к наступлению, я уехал в дивизии проверять их готовность к наступлению, а затем координировал их действия в районе Изюма.

Всю эту наступательную операцию можно расчленить на три этапа. Первым из них был прорыв обороны гитлеровцев на всем фронте армии, разгром изюмской группировки врага. Вторым - борьба за г. Балаклею и ввод в прорыв 6-го кавалерийского корпуса. Третьим - преследование противника, освобождение г. Лозовая.

В 5 часов 18 января началась артиллерийская подготовка на всем фронте армии. Вслед за этим в наступление пошли полки пяти стрелковых дивизий первого эшелона. Противник оказал сильное сопротивление во всех опорных пунктах на переднем крае обороны. Оно было в основном сломлено, но результаты, достигнутые атакующими, были далеко не одинаковы.

Неудача постигла правофланговую 253-ю стрелковую дивизию. Противник встретил ее организованным огнем и контратаками пехоты с танками. Он отразил все попытки дивизии продвинуться вперед и удержал в своих руках Борщевку. Не принесли успеха ни повторная атака после произведенной на следующий день перегруппировки сил дивизии, ни ввод на ее участке 13-й танковой бригады из резерва армии. Понеся большие потери и не выполнив задачи по овладению Вербовкой и Балаклеей, 253-я стрелковая дивизия, согласно приказу, приостановила наступление и перешла к активной обороне.

Из трех стрелковых дивизий, наносивших главный удар на правом фланге армии, наибольшего успеха достигла 411-я, действовавшая совместно с 7-й танковой бригадой. В первый же день она, несмотря на сильное огневое сопротивление врага, расширила плацдарм на западном берегу Северного Донца. Стремительно продвигаясь вперед, дивизия в последующие дни освободила населенные пункты Чепель, Волвенково, Лозовенька. Она рассекла оборону противника и, преодолев рубеж ближайшей задачи армии, двумя полками нанесла удар в северном направлении - на Шевелевку, совхоз им. Петровского, которыми и овладела днем 22 января.

Успех 411-й стрелковой дивизии использовали ее соседи- 337-я справа и 393-я слева. Благодаря этому они наконец сломили сопротивление противника, что не удавалось им сначала, и значительно расширили прорыв в глубину и на флангах. Удаче 393-й стрелковой дивизии способствовали также хорошие результаты наступления ее левого соседа - 270-й стрелковой дивизии. Освободив благодаря этому Протопоповку, 393-я стрелковая дивизия также перешла в преследование разгромленной к тому времени изюмской группировки противника.

270-я стрелковая дивизия действовала на левом фланге

армии. Е первый день наступления ей удалось прорвать оборону противника только на стыке с 57-й армией Южного фронта, овладев при этом опорным пунктом Донецкое. Правильно оценив сложившуюся обстановку, командир дивизии принял решение наращивать силы на левом фланге. Переброска их сюда была произведена п первую же ночь. Нанося противнику сильные удары, дивизия быстро продвигалась вперед. В первые же дни наступления она овладела населенными пунктами Снежковка, Шпаковка, Червопый Шахтер, Петровское, Грушеваха и достигла рубежа Секретаревка, Стар. Семеновка.

На этом закончился первый этап операции. Оборона противника была прорвана. Враг понес большие потери и бежал, бросая тяжелое вооружение, транспорт и склады.

Второй этап продолжался с 22 по 24 января. Его цели, как указывалось в боевом приказе войскам армии от 21 января, заключались в овладении Балаклеей и разгроме сосредоточенной в этом районе группировки противника. Соответствующие задачи были поставлены 253-й и 337-й стрелковым дивизиям, 7-й и 13-й танковым бригадам. Кроме того, 411-й стрелковой дивизии было приказано участвовать в наступлении на Балаклею частью сил.

Но все усилия оказались тщетными. Овладеть Балаклеей не удалось.

Тем временем 393-я и 270-я стрелковые дивизии продолжали преследовать отступавшего врага и перерезали железную дорогу Харьков - Лозовая. То же самое сделал в районе ст. Беляевка 6-й кавалерийский корпус, который вошел в прорыв 23 января. Тогда же он нанес удар по противнику в районе Алексеевки, Мироновки.

Утром 25 января 270-я стрелковая дивизия, только что освободившая населенный пункт Краснопавловка, получила задачу на овладение г. Лозовая. С этого начался третий этап операции. В то время как правофланговые дивизии и танковые бригады во взаимодействии с левофланговыми соединениями 38-й армии безуспешно продолжали бои за Балаклею, передовые отряды 411-й и 393-й стрелковых дивизий, выполнив последующую задачу 6-й армии, вышли на рубеж р. Орель. 270-я стрелковая дивизия, которая ввиду отставания на 35-40 км частей 57-й армии была повернута в ее полосу в юго-западном направлении, 27 января овладела г. Лозовая.

На этом развитие Барвенково-Лозовской операции в глубину закончилось. Усилия наступающих войск, как и противника, переместились на фланги прорыва. Фронт 6-й армии растянулся по дуге г. Балаклея, Алексеевка, Мироновка, г. Лозовая, а ее войска как бы распались на три изолированные группы, которые

втянулись в изнурительные затяжные бои за отдельные населенные пункты.

Размах наступления уменьшился, что впоследствии привело к затуханию операции и стабилизации линии фронта. 6-й кавалерийский корпус, достигнув 23 января района Алексеевки, бездействовал там в течение четырех дней. За это время противник подтянул из Харькова резервы. В результате корпус не смог прорваться в тыл балаклеевской группировки противника и ввязался в затяжные бои за отдельные населенные пункты. Все это привело к тому, что правофланговым дивизиям 6-й армии, взаимодействовавшим с частями 38-й армии, не удалось срезать балаклеевский выступ.

Подобная обстановка сложилась и на правом фланге Южного фронта. Там 57-я и 37-я, а затем и введенная в бой 9-я армии не смогли расширить прорыв и развить его в глубину. Противнику удалось подтянуть с юга резервы и, локализовав прорыв, навязать в районе г. Славянск бои за населенные пункты.

III

Таким образом, задачи, поставленные войскам 6-й армии на период наступления, не были полностью выполнены: удалось достичь лишь некоторых территориальных успехов и разгромить только часть сил противника - две дивизии. Это в значительной степени было обусловлено медленным развитием операции в первые дни. Если средний темп наступления за 10 дней составил 8-9 км в сутки, то при прорыве обороны он не превышал 6 км.

Одна из главных причин тоги, чти операция не была завершена, на мой взгляд, заключалась в недостатках управления войсками. Были, например, случаи отрыва штабов от действующих частей. Отрицательно сказалось отсутствие специальной службы, предназначенной обеспечивать движение боевой техники и транспорта тыловых частей в условиях снежных заносов. Это приводило к отставанию артиллерии от пехоты, к продолжительным паузам в обеспечении войск продовольствием, фуражом, боеприпасами и горючим.

Если учесть, что впоследствии мы имели такую службу и что сна играла немаловажную роль в боевых действиях в условиях зимы, то может возникнуть вопрос: почему же ее не было в период Барвенково-Лозовской операции в январе 1942 г.? Отвечу: потому что в то время мы еще только накапливали опыт организации и руководства боевыми действиями войск в зимних условиях.

И пусть это никого не удивляет. Стремясь максимально использовать имевшуюся в нашем распоряжении технику того времени, мы иногда не учитывали ее недостатков. Глубокий

снежный покров, который для современной техники ни в коей мере не является препятствием, машины тех дней и, в частности, артиллерийские тягачи, нередко не в состоянии были преодолеть. Они либо застревали в снегу, либо двигались медленнее наступающих и ведущих бой стрелковых частей, что и привело к последствиям, о которых шла речь.

И тогда стало очевидно, что какими бы приверженцами новой техники мы бы ни были, следовало заранее позаботиться и использовать в нужный момент для подвоза продовольствия, боеприпасов, горючего таких видов транспорта, как обыкновенные сани и другие простейшие средства для ускорения движения артиллерии по глубокому снегу. Однако было уже поздно, и оставалось лишь, как говорят, намотать на ус этот урок и учесть его в дальнейшем.

Кстати, сани, а также лыжи были с успехом применены в, некоторых дивизиях, но для другой цели. Их использовали, например, подвижные отряды 270-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник З. Ю. Кутлин. Быстро передвигаясь на санях и лыжах, они действовали исключительно успешно. Такие отряды проникали глубоко в расположение противника, обходили его опорные пункты, отрезали пути отхода. Так, один из них в ночь на 25 января обошел Краснопавловку, где оборонялся фашистский гарнизон, и нанес ему удар с тыла. Тем самым было обеспечено быстрое освобождение этого крупного населенного пункта и железнодорожной станции частями дивизии, действовавшими с фронта.

Этот пример подтверждал необходимость более широко использовать сани и лыжи.

Нужно было учесть на будущее и многое другое. Например, ошибки, допускавшиеся командирами ряда стрелковых дивизий и использовании танковых бригад как при прорыве оборонительной полосы, так и для развития успеха в глубине обороны противника. Они были тем более недопустимы, что буквально рядом, в других дивизиях, действовали в этом отношении умело, продуманно.

Хорошо, эффективно использовал 7-ю танковую бригаду командир 411-й стрелковой дивизии полковник М. А. Песочин. Она была в полном составе введена в бой после прорыва переднего края обороны противника. Появление танков полковника И. А. Юрченко оказалось неожиданным для противника. А их тесное взаимодействие с пехотой и артиллерией, которая подавляла противотанковые средства врага, привело к быстрому прорыву всей глубины обороны и к стремительному преследованию врага.

Но вот эту танковую бригаду подчинили 337-й стрелковой дивизии, и сразу все пошло по-иному. Командир дивизии не сумел правильно использовать ее, и это привело к большим потерям танков. Разведка с целью выявления противотанковых средств врага перед наступлением здесь не проводилась. Не выделялись артиллерийские средства для их подавления в бою. Кроме того, бригада вводилась в бой по частям, что снижало ее мощь, ударную силу. Наконец, совсем не использовались маневренные возможности танков, что и позволяло противнику, ощетинившемуся противотанковыми орудиями, опустошать ряды бригады.

Столь резкое различие условий, в которых действовала 7-я танковая бригада, бесспорно, являлось результатом неодинакового подхода командиров двух стрелковых дивизий к ее использованию. Что касается полковника М. А. Песочина, то он показал себя в этом вопросе, как и в целом в руководстве 411-й стрелковой дивизией, тактически грамотным, инициативным командиром. Творчески, с глубоким пониманием природы войны действовал и командир 270-й стрелковой дивизии полковник З. Ю. Кутлин.

К сказанному об этих двух командирах нужяо добавить, что особенно заслуживали похвалы организованные ими ночные бои при прорыве промежуточных рубежей в глубине обороны противника. Пусть эти строки будут данью светлой памяти З. Ю. Кутлина и М. А. Песочина, стойко и самоотверженно сражавшихся, но не доживших до дня Победы. Оба они погибли (уже в звании генерала), первый 25 мая 1942 г., а второй - 3 мая 1945 г.

В противоположность им неудачно руководил боями 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор А. Ф. Бычковский. Командуя высокоподвижным кавалерийским объединением, он не сумел прорваться в оперативную глубину обороны противника. Вместо этого навязал трем кавалерийским дивизиям бои с пехотой противника, укрепившейся в населенных пунктах. Атакуя врага в лоб, подставил конные массы под удар авиации противника, что привело к большим потерям.

В приказе командования Юго-Западного направления от 12 февраля 1942 г. об этом говорилось следующее: "Вместо того чтобы решительно выполнять поставленную задачу, командование корпуса в течение четырех дней держало корпус на месте, ведя бой с одним пехотным батальоном в Алексеевке, одновременно забрасывая запросами Военный совет Юго-Западного направления об отсутствии в корпусе боеприпасов, продовольствия и горючего. В результате этой бездеятельности

противник сумел подтянуть к Шебелинка, Верх. Бишкин, Берека, Ефремовка резервы, что привело к длительным кровопролитным боям за них и в конечном итоге оставлении их в руках противника. Задача действовать на Красноград и в тыл балаклеевской группировке - не была выполнена, вследствие чего было затруднено выполнение задачи - уничтожение балаклеевской группировки частями 6-й и 38-й армий"{54}.

Возвращаясь к рассказу об участии 6-й армии в БарвенковоЛозовской операции, хочу подчеркнуть, что, не выполнив полностью задачи, армия все же добилась определенного успеха. Хотя наступательная операция начала в последних числах января затухать и размах ее уменьшился, боевые действия на правом фланге армии продолжались и в феврале. К этому времени она освободила 366 населенных пунктов, в том числе г. Лозовую.

Значение этого города определялось его местом в общей системе оперативных и военно-экономических мероприятий противника. Крупный железнодорожный узел Лозовая расположен на магистрали, соединявшей войска противника в Донбассе и в Харьковском промышленном районе. Вместе с тем он являлся распределительной станцией, через которую по разным направлениям шли воинские эшелоны из немецкого тыла. Там же были сосредоточены большие склады, госпитали и различные войсковые учреждения противника. Потому-то немецко-фашистское командование, стягивая туда резервы, стремилось удержать Лозовую.

В ходе наступления мы захватили крупные трофеи. Среди них было 182 орудия разных калибров, 87 минометов, 138 пулеметов, 743 легковые автомашины и 2478 грузовых, 216 мотоциклов и много различных складов. Войска 6-й армии уничтожили около 6 тыс. вражеских солдат и офицеров, но в плен взяли мало 115 человек. Наши же безвозвратные потери были почти в десять раз меньше. Сравнительно невелико было и число раненых и обмороженных. В целом потери составляли приблизительно девятую часть численного состава войск армии.

Одним из важнейших результатов Барвенково-Лозовской операции мне представляется то, что она еще больше настроила по-боевому личный состав рот, эскадронов, батарей, батальонов и дивизионов. Естественно, уже поражение гитлеровцев под Москвой и на Керченском Полуострове радостным эхом отозвалось в душе каждого красноармейца и командира. Разгром же двух немецких дивизий, осуществленный на нашем участке фронта силами 6-й армии, еще выше поднял боевой дух воинов. Он укрепил в них уверенность в успехе, окончательно развеял

созданную самими гитлеровцами легенду об их "непобедимости".

Бесчисленные анекдоты, возникавшие на основе реальных фактов, разукрашенных своеобразным солдатским юмором, свидетельствовали о том же. В них обычно фигурировал закутанный в тряпье и обутый в валенки из соломы фашистский вояка, который, дрожа от холода, требует признать его "сверхчеловеком", но в ответ получает пинок...

IV

Еще продолжались бои на правом фланге 6-й армии, а для меня настало время попрощаться с ней. Правда, предполагалось, что я уезжаю ненадолго - выявить по поручению маршала С. К. Тимошенко причины неудовлетворительных действий 6-го кавалерийского корпуса. В пути не обошлось без происшествий. Самолет По-2, на котором я летел, совершил посадку на окраине какой-то деревни. Видимо, у летчика сразу же возникли сомнения. Поэтому, хотя мы и вышли из машины, мотора он не выключил. В тот же миг мы увидели, что к нам по заснеженному полю бежит группа немецких солдат. Мы тотчас же сели в самолет и поднялись в воздух, сопровождаемые целым фейерверком трассирующих пуль. К счастью, все обошлось благополучно, и следующую посадку мы совершили уже в расположении кавалеристов.

Мое ознакомление с боевыми действиями корпуса длилось менее суток. 12 февраля, в самом начале проверки его состояния и боевых возможностей, был получен приказ Военного совета направления об отзыве генерал-майора А. Ф. Бычковского и о моем назначении командиром кавалерийского корпуса. Только тогда я понял, что вероятно для этого меня и послали сюда.

Кавалерийский корпус с 26 января, после выполнения ближайшей задачи, вел тяжелые изнурительные бои за населенные пункты Шебелинка, Верх. Бишкин, Берека, но взять их не смог, Он вел бои в пешем строю и был лишен важнейшего своего преимущества - подвижности и маневренности. Снежные заносы и оторванность от станции снабжения более чем на 100 км привели к тому, что было нарушено организованное снабжение боеприпасами, продовольствием и фуражом. Над районом боевых действий господствовала вражеская авиация. Она систематически бомбила и обстреливала боевые порядки, наносила немалые потери.

С 13 февраля корпус в составе 26-й, 28-й и 49-й кавалерийских дивизий, которыми соответственно командовали полковники А. А. Носков, Л. Н. Сакович и Т. В. Дедеоглу, был выведен в резерв в район населенного пункта Лозовенька. Необходимо было в срочном порядке укрыть корпус от воздушного нападения, хотя бы частично пополнить людьми и конским составом, организовать снабжение. Для решения этих задач мы мобилизовали штабы и весь личный состав частей. Большую помощь оказало нам местное население; они расчищали дороги, помогали подвозить грузы, укрывали лошадей. Все работы производились в темное время суток, так как днем над всем районом на низких высотах летали немецкие разведчики, искавшие "исчезнувший" корпус.

18 февраля процесс доукомплектования был прерван. Корпус получил задачу во взаимодействии с 270-й стрелковой дивизией разгромить вражескую группировку, пытавшуюся овладеть Лозовой. Немецко-фашистское командование стремилось вновь захватить этот пункт, так как Красная Армия, удерживая его в своих руках, разъединила харьковскую и донбасскую группировки врага и выходом к Днепропетровску угрожала его коммуникациям. Наступление на Лозовую велось силами двух пехотных дивизий.

Нам предстояло совершить марш в район Лозовой. Успешные действия зависели от быстрого маневра в сочетании с неожиданным нападением на врага. Решено было двигаться только в темное время при полном соблюдении маскировочных мероприятий.

С наступлением сумерек в район дневки высылались команды, которые подготавливали укрытия для личного состава, вооружения, лошадей, обозов. К рассвету все было укрыто и замаскировано в колхозных помещениях и постройках, принадлежащих колхозникам. Личный состав нередко размещали в школах и клубах. Все это делалось для того, чтобы подойти к противнику незамеченными. Зато и результат был ошеломляющий: мы обрушились на открытый правый фланг одной из вражеских пехотных дивизий. Действуя по-суворовски, наши славные кавалеристы в течение трех дней почти полностью уничтожили ее. Немногие уцелевшие фашисты бежали в сторону Павлограда. Вместе с 7-й танковой бригадой мы также помогли 270-й стрелковой дивизии нанести поражение и другой пехотной дивизии врага.

Фашистское командование всполошилось. Наши стремительные действия могли закончиться выходом кавалерийских дивизий на железную дорогу Днепропетровск-Сталино (Донецк.). Поэтому противник поспешно усилил свою группировку на этом направлении. Он выдвинул нам навстречу еще и 298-ю пехотную дивизию, пополненную после разгрома в районе Савинцы, и несколько строительных батальонов. Против нас была срочно брошена также сильная авиационная группа, которая целыми днями непрерывно бомбила и штурмовала боевые порядки корпуса, сосредоточения коноводов и штабы. У нас же не было ни необходимых зенитных средств, ни авиаподдержки. В итоге мы оказались лицом к лицу с превосходящими силами противника. Поэтому к 1 марта наше продвижение было приостановлено.

С 20 февраля по 2 марта корпус уничтожил до 3 тыс. солдат и офицеров противника, захватил 37 орудий, 31 станковый пулемет, 51 ручной, 9 минометов и другое вооружение. У фашистов была отбита охота к попыткам захватить Лозовую, но и корпус перешел к обороне на широком фронте (30-35 км).

В это время пришло сообщение, что на основании приказа Ставки я назначен командующим 38-й армией. Сразу же подумал: вероятно, армии ставится задача на наступление. За последние несколько месяцев трижды получал я новые назначения, и все они были связаны с предстоявшими наступательными операциями. Уже как-то начинал привыкать к такому порядку вещей.

Каждый раз самым трудным оказывалось прощанье с товарищами. Война, как известно, и без того была полна расставаний. Боевая обстановка необыкновенно быстро роднила всех нас, но и в одно мгновенье вражеская пуля могла оборвать жизнь любого. Сколько боевых друзей потерял я за первые месяцы

войны и сколько еще таких утрат было впереди!

Уезжая из 6-го кавалерийского корпуса, я прощался и с 6-й армией, в полосе которой он действовал. Конечно, и в голову не приходило, что ей предстоит вновь пережить трагедию окружения. И все же давило какое-то щемящее чувство так не хотелось расставаться с армией и корпусом, с которыми сроднился п дни последних боев. Я хорошо узнал все дивизии, их сильные и слабые стороны, был близко знаком со многими командирами, политработниками и бойцами. Особенно сдружился я с членом Военного совета армии бригадным комиссаром А. И. Власовым.

Была еще причина, привязывавшая к 6-й армии: ее войска действовали поблизости от моих родных мест. И в дни подготовки к Барвенково-Лозовской операции, и во время ее проведения я нет-нет да отыскивал на карте Донбасса маленький кружок - г. Красноармейское. Вблизи этого городка, в оккупированном врагом районе, подобно множеству других советских людей томились в ожидании освобождения мои близкие. С тревогой думая о них, я не раз ловил себя на мысли о том, что завидую счастливцам, чьи родные места были освобождены в ходе нашего зимнего наступления. И я был совсем близко, примерно в 100 км от поселка, в котором родился. Но так и не дошел до него. А теперь, уезжая в 38-ю армию, вновь отдалялся.

Что ж, не в этот раз, так в следующий. С этой мыслью, с ненавистью к захватчикам, принесшим на нашу землю столько горя, и с радостью по поводу предстоящего нового наступления отправился я в Сватово, на командный пункт маршала Тимошенко. Кстати, вызов был настолько спешным, что пришлось вылететь туда на самолете По-2 прямо из района боевых действий 6-го кавалерийского корпуса.

V

38-я армия, как мне было известно, в конце октября 1941 г. оставила Харьков и отошла на рубеж р. Северный Донец. В течение следующих двух месяцев она вела бои местного значения, стремясь улучшить свои позиции. Противостояла ей 6-я немецкая армия, которая, казалось, к тому времени выдохлась, хотя и владела несколькими плацдармами на восточном берегу Северного Донца.

После разгрома вражеской группировки под Ельцом и перехода инициативы в наши руки Военный совет Юго-Западного направления, как мы уже видели, сосредоточил свои усилия на реализации плана освобождения Донбасса и Харьковского промышленного района. Первую наступательную операцию

должны были провести совместно 21-я и 38-я армии. Маршал С. К. Тимошенко приказал им овладеть Белгородом в ночь на 5 января 1942 г.

Эта задача не была выполнена. Временно командовавший 38-й армией генерал-майор технических войск А. Г. Маслов запоздал с организацией наступления. В результате удобный для внезапного удара момент был упущен. Противник, разгадав наш замысел, укрепил Белгород и подготовился к отражению удара.

В наступлении войск Юго-Западного фронта, начавшемся 18 января, 38-я армия получила задачу овладеть Харьковом совместно с 6-й армией. Однако наступление с самого начала не получило необходимого развития. Части 38-й армии овладели несколькими населенными пунктами, но дальше продвинуться не смогли. Это привело к стабилизации фронта на ее правом фланге и позволило немецко-фашистскому командованию перебросить часть сил на намечаемый участок прорыва (район Балаклеи). Встретив возросшее сопротивление, левофланговые соединения 38-й армии, взаимодействовавшие с правым флангом 6-й армии, не смогли срезать балаклеевский выступ и развить удар на Харьков с юга.

Причину неуспеха следует искать не в уровне командования или в характере действий войск 38-й армии, а в том, что они не имели достаточных для разгрома противника сил и средств. Враг превосходил наступающих в артиллерии и танках; располагал инженерными сооружениями, которые оп подготовил в ноябре - декабре 1941 г. Все это вместе взятое не могло не сказаться на ходе и исходе январской наступательной операции.

Анализируя эти события, я сопоставлял условия в 38-й и 6-й армиях. В полосе последней командование Юго-Западного направления создало ударную группировку, достигнув здесь таким образом известного превосходства в силах. Ничего похожего на это не было предпринято в отношении 38-й армии в момент, когда ей была поставлена задача освободить Харьков от противника, который крупными силами упорно удерживал этот важный индустриальный центр.

Если пойти еще дальше в подобных размышлениях, то нужно было бы задать себе такой вопрос: насколько решения Военного совета Юго-Западного направления, касавшиеся наступления в январе-феврале 1942г., соответствовали сложившейся обстановке? Ведь намеченные им обширные планы, с которыми познакомил меня маршал Тимошенко в декабре 1941 г., предусматривали, как было отмечено, разгром противостоящих вражеских группировок и продвижение к 1-15 февраля 1942 г. на 300-350 км к западу. Осуществить же нам удалось весьма

немногое. Это дает основания сделать вывод, что они были нереальны, что даже та их часть, которую одобрила Ставка Верховного Главнокомандования, не учитывала действительного соотношения сил на юге советско-германского фронта, преувеличивала наши возможности и, самое, главное, недооценивала противника.

Так оно и было. Спрашивается, почему же Ставка не отклонила полностью предложения Военного совета Юго-Западного направления? Или почему, одобрив их частично, не приняла мер к созданию превосходящих сил во всей полосе наступления?

В связи с этими вопросами хотелось бы высказать одну мысль. За последние годы в нашей исторической литературе было сделано немало попыток объяснить те или иные временные неудачи войск Красной Армии ошибочными решениями военного и политического руководства страны. Согласно этой концепции, Ставка и в особенности Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин должны были все знать точно и поступать всегда безошибочно. Если же результат принятого ими решения оказывался неблагоприятным, то это, мол, была их вина.

Я уже касался этого вопроса во второй главе, когда пытался выяснить и для себя, и для читателя причины тяжелого поражения, постигшего соединения Юго-Западного фронта восточное Киева. Там, как мы видели, все могло сложиться иначе, если бы Ставка до 15 сентября дала разрешение на отвод войск. Но означает ли это, что вина за последствия целиком ложится на Ставку?

Сказать "да", на мой взгляд, все равно, что признаться в непонимании самой природы руководства.

Теоретизировать по этому поводу - не моя задача. Но об одной очень важной стороне вопроса скажу. Общеизвестно, что в основе руководства любым делом, а тем более такой грандиозной войной, какую мы вели против фашизма, и огромными войсковыми массами, действовавшими на 3-тысячекилометровом фронте от Баренцева до Черного морей, всегда лежало определенное количество информации. Последняя в сущности и определяет характер принимаемых решений. В какой-то степени тут есть сходство с современными совершеннейшими решающими устройствами: недостаточно информации - неточное решение.

Нет, я ничего не хочу упрощать. И пример с электронной машиной - это всего лишь иллюстрация, помогающая нагляднее представить суть дела.

А суть дела в том, что у Ставки Верховного Главнокомандования как для отказа разрешить отвод войск Юго-

Западного фронта в сентябре 1941 г., так и для одобрения представленного Военным советом Юго-Западного направления плана наступательной операции в январе 1942 г. имелись определенные основания. Они вытекали из тех оценок обстановки, которые формулировались в Ставке на основе представлений штабов фронта и направления.

В той же второй главе уже упоминалось о разноречивых сведениях, поступивших в Генштаб с Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. Приведу другой пример, на этот раз относящийся к началу 1942 г.

Как рассказывает Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, 5 января в разговоре с И. В. Сталиным он высказался за то, чтобы продолжать наступление на Западном направлении, "где создались более благоприятные условия". И одновременно выразил убеждение в том, что войска других направлений, в том числе Юго-Западного не смогут прорвать оборону противника "без наличия мощных артиллерийских средств"{55}.

Тут же, однако, выяснилось, что имелась и другая точка зрения. Полностью противоположная. Ее придерживался, как оказалось, Военный совет Юго-Западного направления. Он, как заметил тогда И. В. Сталин, был "за то, чтобы наступать". За этой короткой репликой стоит, несомненно, соответствующая оценка обстановки, исходившая от штаба и Военного совета Юго-Западного направления.

При таких условиях явно должны были перевесить аргументы сторонников общего наступления, во всяком случае в отношении Юго-Западного фронта. Ведь, несомненно, предполагалось, что они знают военную обстановку на юге страны лучше, чем командующий Западным фронтом. А можно ли было думать иначе? Разве поражение под Киевом в сентябре 1941 г. не являлось уроком, постоянно напоминавшим, что нельзя не считаться с простейшим правилом: "на месте виднее"?

Итак, соображения Военного совета Юго-Западного направления были приняты во внимание. И, видимо, главным образом те, которые касались оценки сил противника. Мы еще вернемся к этому обстоятельству, имевшему в дальнейшем тяжелые последствия для положения на юге страны. Пока же замечу, что Ставка, разумеется, не могла основывать свое решение только на выводе Военного совета Юго-Западного направления о том, что силы противника в его полосе значительно ослаблены в предшествующих боях. Она должна была считаться и с наличием наших собственных сил.

Все это, полагаю, и определило одобрение Ставкой лишь части планов, касающихся наступления на юге. Уже одно это

показывает, что перед принятием решения тщательно взвешивались все за и против.

Беда, однако, в том, что оценка сил противника штабом и Военным советом Юго-Западного направления оказалась не соответствующей действительности. Враг был гораздо сильнее, чем предполагали составители плана январско-февральской наступательной операции войск Юго-Западного и Южного фронтов. А наших сил оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы осуществить широкий замысел этой операции. В результате, как мы уже видели, поставленные задачи не были полностью выполнены, в том числе и 38-й армией.

И вот, 38-й армии снова предстояло наступать, причем уже не на Белгород, а на Харьков.

В Сватове мне стало известно, что еще 27 февраля 1942 г. Военный совет Юго-Западного направления утвердил оперативную директиву о проведении наступательной операции по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки противника. В общих чертах ее замысел состоял в том, чтобы, прикрывшись со стороны Харькова, нанести охватывающие удары силами 6-й и 38-й армий, окружить и разгромить вражеские войска юго-восточнее города, после чего освободить его.

38-й армии ставилась следующая задача: четырьмя правофланговыми стрелковыми дивизиями и танковой бригадой прорвать оборону противника на 22-километровом фронте Радянское, Новодоновка и наступать на Непокрытое, Рогань, а силами одной стрелковой дивизии - в направлении Печенеги, Чугуев. Самой сильной армии нашего фронта -6-й - предстояло нанести встречный удар на Лиман, Шелудьковка. Прикрыть правый фланг наступающих соединений должна была 21-я армия. Для этого ей предписывалось перерезать силами мотострелковой бригады дорогу Обоянь - Белгород.

Получив от маршала С. К. Тимошенко все необходимые указания, я немедленно отправился в Купянск, где находился штаб 38-й армии. Там произошла неожиданная встреча с генерал-майором Г. И. Шерстюком и полковником С. П. Ивановым. С каждым из них были связаны воспоминания о недавних боях.

Г. И, Шерстюк упоминается во второй главе этой книги, при описании боев в районе Чернигова в начале сентября 1941 г. Он в то время командовал 45-й стрелковой дивизией, а я - 15-м стрелковым корпусом, в состав которого она входила. Генерал Шерстюк был тогда ранен. Его эвакуировали в тыл, а когда он после излечения вернулся в строй, ему было приказано временно командовать 38-й армией.

От него я и принял ее. Генерал же Шерстюк приступил к

исполнению своих прямых обязанностей - заместителя командующего армией. Работать вместе с ним было тем более приятно, что я знал его как энергичного и рассудительного человека, не терявшегося в самых трудных условиях.

При несравненно более благоприятных обстоятельствах встречался я ранее с полковником С. П. Ивановым. В период Елецкой операции в декабре 1941 г. он возглавлял оперативный отдел и был заместителем начальника штаба 13-й армии. Мы виделись тогда не часто, тем не менее у меня осталось самое лучшее впечатление о нем. Теперь полковник Иванов был начальником штаба 38-й армии, и в дальнейшем не раз доказал, как можно наилучшим образом справиться с таким нелегким делом.

В командование 38-й армией я вступил 4 марта, т. е. за три дня до начала операции. К этому времени подготовка войск к наступлению была уже в стадии завершения. И потому мне удалось лишь ознакомиться с документацией, касавшейся предстоящего наступления. Для внесения каких бы то ни было изменений в план проведения операции времени не хватило.

Мартовская наступательная операция 38-й и 6-й армий Юго-Западного фронта не относится к числу известных, оставивших заметный след в Великой Отечественной войне. Быть может, поэтому в капитальных трудах по истории войны и в различных исследованиях не нашлось даже места для упоминания об этой операции. Там говорится лишь в целом о "боевых действиях войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении в феврале-марте 1942 г.".

В мемуарной литературе тоже до настоящего времени никто но освещал этого периода боев под Харьковом. Те, кто участвовал в операции, предпочитают писать только о своих личных переживаниях, не касаясь основных событий и своего места в них. Мне же представляется, что краткое изложение хода этих боевых действий небезынтересно для советского читателя, так как упоминаемая операция сыграла немаловажную роль в общей цепи событий в районе Харькова в первой половине 1942 г.

VI

После ознакомления с директивами фронта, определявшими оперативное построение войск, их задачи по дням, сроки захвата рубежей и т. п., у меня накопился ряд существенных замечаний. Так, я считал неоправданным то, что, согласно плану, прорыв тактической обороны противника глубиной 12-16 км осуществлялся только к исходу третьего дня операции. Такой темп наступления представлялся мне слишком медленным. Но, с другой стороны, и силы, выделяемые для прорыва вражеской

обороны, были сравнительно невелики.

Последнее обстоятельство нуждается в пояснении. В отличие от январской операции 38-й армии на этот раз в ее полосе создавалась ударная группировка войск за счет части сил 21-й армии. В боевом распоряжении командующего фронтом от 25 февраля говорилось:

"В целях выполнения новых оперативных задач приказываю:

1. Командарму 21 отправить в распоряжение командарма 38 следующие части и соединения:

стрелковые - 226, 227, 124, 81 сд и 1 гв. сд;

артиллерийские - 594 ап и 5, 7 гв. ап;

танковые - 10 тбр без танков КВ.

2. Наступление войск 21 А приостановить и перейти к обороне, выведя 169 сд в армейский резерв в район Кощеево. План обороны представить к 1.3.1942 г. Принять решительные меры для отвода Соединений и скрытности передвижения. Использовать маскировочную роту для обозначения ложного передвижения войск на север. Продолжать попытки наступления мелких частей и подразделений перед фронтом 293 и 297 сд с целью маскировки отвода соединений.

3. Направляемые в 38 А соединения направить ночными маршами"{56}.

Итак, 38-й армии дополнительно передавались пять стрелковых дивизий, три артиллерийских полка и танковая бригада. Силы, казалось бы, немалые. Но на деле все обстояло не совсем так, как должно было бы. Прежде всего, прибывавшие из 21-й армии дивизии имели большой некомплект личного состава. Пополнение они получали буквально на ходу, непосредственно перед началом операции. Например, 6 марта, в самый канун наступления, в стрелковые дивизии прибыло пополнение: в 1-ю гвардейскую - 502 человека, в 227-ю - 255, в 226-ю - 584, в том числе 300 лыжников. Однако и после этого укомплектованность дивизий не превышала 60-70%. Кроме того, большинство вновь прибывших еще не слышало свиста пуль, а уже на следующий день они должны были участвовать в прорыве. Наконец, согласно плану, на вспомогательном направлении наступало всего лишь дна стрелковых полка. Самое же главное - не было танков для поддержки пехоты. Единственная танковая бригада в прорыве обороны противника не участвовала. Она вводилась в бой только на четвертый день операции, так как опаздывала к ее началу.

Недостаточность сил учитывалась составителями плана операции. Да иначе и не могло быть. В результате были запланированы весьма незначительные темпы наступления.

Что касается подготовки к нему, то к 4 марта и в этом

отношении было сделано далеко не все. Не удалось, например, очистить от противника занятые им некоторые населенные пункты на восточном берегу Северного Донца. Попытки осуществить эту задачу предпринимались на ряде участков. Передовые отряды 300-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на 50-километровом фронте от г. Волчанска до Базалеевки, в ночь на 4 марта атаковали противника в районе Красный, Задонецкие хутора, Задонец, Петровское на восточном берегу Северного Донца. Однако успеха не имели и отошли в исходное положение.

Таким образом, не удалось захватить врасплох в этих населенных пунктах гарнизоны противника, прикрывавшие главную полосу вражеской обороны. Более того, неудавшаяся атака передовых отрядов 300-й дивизии причинила нам немало хлопот в дальнейшем, так как насторожила врага.

Передний край главной полосы обороны противника проходил на западном берегу Северного Донца по линии Огурцово, Старица, Рубежное, Верхний Салтов, Старый Салтов, Молодовая, Печенеги и далее на юг до г. Балаклея. Оборона противника была построена по принципу узлов сопротивления, состоящих из взводных опорных пунктов. Последние оборудовались в 10-12 постройках и имели свою полосу обстрела и собственные наблюдательные пункты, связанные телефоном с огневыми точками, а также с общим наблюдательным пунктом узла сопротивления.

Каждый взвод располагал в качестве средств усиления тяжелыми пулеметами и противотанковыми пушками. Дзоты для них оборудовались в жилых и хозяйственных помещениях. Бойницы для стрелков и автоматчиков проделывались в стенах построек. Убежища для личного состава оборудовались в погребах. В полосе обстрела заранее были пристреляны рубежи для ведения массированного огня. Огонь тяжелого пехотного оружия был преимущественно косоприцельный, фланговый и перекрестный.

Были здесь и впервые встреченные нами в полосе обороны противника опорные пункты, оборудованные вне населенных пунктов. Правда, их было немного, так как стояла зима, и враг предпочитал обороняться в селах. Вне их опорные пункты попадались нам на опушках лесов и в просеках. Это были окопы полного профиля, местами прикрытые проволочными заграждениями и минными полями. Огневая связь между такими опорными пунктами, в отличие от узлов сопротивления в населенных пунктах, была слабая. Иногда ее вообще не существовало.

Все эти подробности нам стали известны, конечно, во время наступления, когда войска армии прорывали оборону противника. Однако первое знакомство с ними состоялось во время действий наших передовых отрядов.

Передовые отряды дивизий первого эшелона должны были овладеть опорными пунктами врага на восточном берегу Северного Донца. Но их атаки успеха не имели. В этом сказались отчасти и последствия отмеченной выше неудачи передовых отрядов 300-й стрелковой дивизии. Насторожившийся враг подтянул силы и ожидал повторного нападения. Захваченные уже во время проведения операции пленные подтвердили, что они были предупреждены о возможном нашем наступлении. Немецко-фашистское командование, как оказалось, отчасти натолкнули на этот вывод именно налеты на опорные пункты.

Но не только они.

Соединения, входившие в состав 38-й армии, не сумели полностью скрыть от противника проводившуюся перегруппировку сил. Поэтому вражеской разведке было не трудно заметить усилившиеся передвижения войск в нашей полосе обороны. Удалось ей засечь и новые огневые позиции артиллерии, чему в сущности помогла интенсификация артиллерийских налетов с нашей стороны. По рассказам пленных, командование противника приняло дополнительные меры к отражению ожидаемого наступления. Для нас же это означало потерю одного из важнейших преимуществ внезапности.

Перечисленные недостатки плана операции и подготовки к ее проведению невозможно было устранить в самый канун наступления. Поэтому они сразу же дали себя знать.

Ближайшая задача 38-й армии заключалась в том, чтобы силами правофланговых 1-й гвардейской, 227-й, 226-й и 124-й стрелковых дивизий прорвать оборону противника в 22-километровой полосе и к исходу третьего дня операции выйти на рубеж населенных пунктов Терновая - Непокрытое - Песчаное - Большая Бабка.

Одновременно на вспомогательном направлении предстояло двумя полками 300-й стрелковой дивизии овладеть населенными пунктами Пятницкое, Печенеги.

В дальнейшем главная группировка войск армии должна была, прикрывшись справа частью сил от возможных контрударов и контратак противника с северо-запада и запада, перенацелить удар с западного на юго-западное направление. Ей предписывалось к исходу 15 марта выйти на рубеж Веселое - р. Роганка - м. Змиев. Резерв армии в составе 81-й стрелковой дивизии и 10-й танковой бригады, согласно плану операции,

стремительно выдвигался в район Каменная Яруга, Новопокровка и во взаимодействии с частями 6-й армии завершал окружение чугуевско-балаклеевской группировки противника.

И вот окончены последние приготовления к операции. Кроме основного командного пункта армии, остававшегося в Купянске, был создан вспомогательный - в Петропавловске. Кроме того, для связи с соединениями направили группу оперативных работников в Верхнюю Писаревку. Другая группа офицеров штаба под руководством заместителя командующего армией генерал-майора Г. И. Шерстюка возглавила на левом фланге армии прочную оборону, занятую 199-й и 304-й стрелковыми дивизиями. Наконец, последний раз перед началом наступления проверили телефонную связь, установленную со всеми соединениями.

Днем 6 марта под прикрытием сильной снежной пурги и в ночь на 7 марта войска заняли исходное положение для наступления. Не обошлось без неожиданностей: с опозданием вышел в район Мартово, Базалеевка один полк 300-й дивизии, который сменили в районе г. Волчанок лишь предшествующей ночью.

В 5 часов 7 марта начался прорыв оборонительной полосы противника в районе Огурцово, Рубежное, Старый Салтов, Печенеги (см. схему на стр. 143). Повсюду было встречено упорное сопротивление. Враг спешно подбрасывал сюда подкрепления. Уже к началу нашего наступления на участке прорыва 38-й армии занимали оборону 297-я, 44-я и два полка 294-й пехотной дивизии, усиленные артиллерией и танками. В ходе же операции противник спешно перебрасывал подкрепления, снимая части с соседних участков фронта.

Весь день я находился в наступающих войсках, помогал командному составу управлять ходом боевых действий и исправлять недостатки, допущенные в период планирования и подготовки операции. Таким образом, личные впечатления основательно дополнили то, что мне доложили вечером на командном пункте об итогах дня на всем фронте наступления.

Вместе с членом Военного совета бригадным комиссаром П. Г. Кудиновым мы собрали руководящий командный состав для разбора результатов боевых действий. К нашему общему огорчению пришлось констатировать, что ни одна дивизия не справилась полностью с поставленными задачами и не прорвала тактическую оборону противника.

В силу причин, о которых упомянуто выше, нам не удалось достичь полной внезапности. А это в свою очередь помешало первым рывком овладеть опорными пунктами на переднем крае. Не были использованы слабые стороны обороны врага,

заключавшиеся прежде всего в том, что она была построена, как ужо отмечено, по принципу опорных пунктов. Наличие слабо обеспеченных огнем промежутков позволяло просочиться меж очагами сопротивления и нанести удар во фланг и тыл обороняющемуся. Между тем достаточно было захватить хотя бы один опорный пункт, чтобы нарушить общую систему обороны и тем самым получить возможность успешного развития прорыва фронта противника. Это с успехом могли сделать имевшиеся в дивизиях лыжные подразделения. Однако командиры дивизий не производили обходных маневров, а стремились овладеть опорными пунктами путем лобовых атак. Это объяснялось все той же нехваткой времени для подготовки наступления, а также отсутствием достаточных данных о противнике и его обороне.

В результате уже в первые часы по всему фронту наступления разгорелись жестокие бои. Преодолевая упорное сопротивление противника, наступающие части к концу первого дня ворвались в некоторые опорные пункты, но не все из них блокировали.

Осторожность и подчас даже нерешительность, сквозившие в действиях некоторых командиров при прорыве обороны противника, были, пожалуй, довольно распространенным явлением в наших войсках в тот период. Они были продиктованы опасениями относительно возможного окружения противником.

Однако нельзя успешно сражаться с одной лишь мыслью о том, как бы не попасть в окружение. И это прекрасно понимали все наши командиры. Но в момент, о котором сейчас идет речь, еще не окончательно развеялось сильное впечатление от тяжелых неудач начального периода войны. И хотя все уже видели серьезные перемены в обстановке и чувствовали, что время работает на нас, однако не могли не знать, что враг еще очень силен и по-прежнему коварен. Поэтому, понимая умом необходимость действовать смелее, многие командиры пока не. решались на обходные маневры.

Так было и в данном случае. Осторожность командиров дивизии еще более усилилась после того, как в самом начале наступления выяснилось, что нам противостоят немалые силы противника и что он подготовился к упорному сопротивлению.

Серьезным недостатком первого дня было и то, что атака переднего края обороны противника началась не одновременно. Так, 226-я стрелковая дивизия наступала только одним полком, а два других в это время еще находились на марше. Кстати, подход, развертывание и переход в наступление названные два полка совершали на глазах у противника в дневное время. Вполне понятно, успеха от таких действий дивизии нельзя было и ожидать.

Подобная картина наблюдалась и в других дивизиях. Во многих случаях, как уже отмечалось, это являлось следствием того, что штабы армии и фронта плохо знали оборону противника. Только после начала наступления выяснилось, что линия ее переднего края вовсе не соответствовала по конфигурации руслу р. Северный Донец, как предполагалось. Напротив, гитлеровцы преднамеренно оборудовали передний край на различном удалении от реки.

Это было сделано отчасти с целью огневого фланкирования подступов и создания огневых "мешков". Главный же замысел противника состоял в том, чтобы затруднить для нас определение линии его переднего края, сбить с толку. И, надо признать, это ему в известной степени удалось. Наш исходный рубеж был на линии, проходившей примерно на одинаковом удалении от реки и, таким образом, находившейся на различном расстоянии от переднего края обороны врага.

Естественно, что на преодоление "ничейного" пространства наступающие части затрачивали больше времени, чем те соединения, которые находились в непосредственной близости от вражеской линии. В итоге - неодновременные атаки. Оборонявшимся это позволяло концентрировать огонь артиллерии и минометов то на одном, то на другом участке, что увеличивало силу сопротивления.

VII

Несмотря на значительные недостатки, все же некоторые результаты первого дня радовали. Особенно важно было то, что удалось в нескольких местах форсировать Северный Донец и захватить плацдармы на его западном берегу.

Наибольшего успеха достигли 1-я гвардейская и 227-я стрелковые дивизии, действовавшие на правом фланге армии. Первая из них захватила контроль над крупным лесным массивом и овладела южной окраиной населенного пункта Старица. Два полка этой дивизии завязали бои за Избицкое и Варваровку, где были расположены опорные пункты противника. Один полк 227-й стрелковой дивизии вел бой за Рубежное, а два других переправлялись на западный берег Северного Донца. Захваченные этими дивизиями участки образовали единый плацдарм глубиной и по фронту до 7 км.

На левом фланге 300-я дивизия, преодолев лесной массив, вышла на подступы населенных пунктов Большая Бабка и Печенеги. Был создан второй плацдарм - на северной окраине Верхний Салтов. Принимались меры для его расширения и соединения с плацдармом, захваченным двумя правофланговыми дивизиями.

Хуже складывалась обстановка в центре, где не удалось ликвидировать опорные пункты врага на восточном берегу Северного Донца. Тут вели бои 226-я и 124-я стрелковые дивизии. Ими командовали соответственно генерал-майор А. В. Горбатов и полковник А. К. Берестов. Лишь одному батальону первой из них удалось достичь западного берега реки. Противник продолжал подбрасывать подкрепления с неатакованных участков, бросал в бой даже наспех сколоченные группы из учебных команд и тыловых подразделений для усиления гарнизонов передовых опорных пунктов. Словом, оказывал поистине бешеное сопротивление.

Анализ сложившейся здесь обстановки ясно показывал все те недостатки в планировании и подготовке операции, о которых уже упоминалось выше.

Мы попытались хоть отчасти поправить дело и послали на центральный участок офицеров штаба для оказания помощи в организации дальнейшего наступления. Было дано также разрешение ввести в бой один из полков дивизий второго эшелона. Но, к сожалению, и это не помогло. 226-я и 124-я стрелковые дивизии продолжали по существу топтаться на месте. Только к исходу 9 марта дивизия генерала Горбатова начала наращивать темпы наступления и впоследствии добилась хороших результатов.

Противник же тем временем усилил гарнизоны в населенных пунктах Рубежное, Верхний Салтов, Старый Салтов. Он также начал контратаковать на тех участках, где нам удалось овладеть опорными пунктами. Наряду с этим активизировалась и авиация противника, что еще более затруднило наше наступление.

Накал боевых действий нарастал изо дня в день.

К концу четвертого дня операции оборона противника наконец была прорвана, и войска армии овладели рубежом р. Большая Бабка. Для развития успеха нужны были свежие силы. Но мы их не имели. Дивизии понесли потери, второй эшелон армии был введен в бой, а фронтовые резервы еще не подошли. Противник же усиленно подбрасывал подкрепления, стремясь оттес1нить наши войска за Северный Донец. Однако успеха не достиг. Впрочем, и наши дивизии не смогли развить наступление даже после того, как начали подходить фронтовые резервы.

Бои шли с переменным успехом до первых чисел апреля. Затем фронт стабилизировался. К началу весенней распутицы 38-я армия владела плацдармом за р. Северный Донец, простиравшимся к западу до р. Большая Бабка.

Наступление 6-й армии в районе Балаклеи тоже не получило должного развития. Там войска противника были лишь оттеснены

на северный берег реки Северный Донец, где и закрепились. Задача по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки врага с последующим овладением Харьковским промышленным районом не была выполнена.

Основная причина невыполнения этого плана общеизвестна: недостаток сил и средств, который испытывали тогда войска 38-й армии на юге. Этим я вовсе не хочу сказать, что на других участках советско-германского фронта Красная Армия в то время уже имела все необходимое. К сожалению, и там нам еще многого не хватало.

Не следует забывать общего положения страны и состояния экономики в ту первую военную зиму. Эвакуированные на восток предприятия не развернули еще производство вооружения и боеприпасов в необходимых масштабах. Промышленность пока не полностью удовлетворяла потребности фронта. Не хватало самолетов и танков, орудий и минометов, пулеметов и автоматов, даже самых обыкновенных трехлинейных винтовок. Наконец, мы не имели достаточного количества боеприпасов. Шла война моторов, а у нас подчас не было машин для переброски войск И доставки самого необходимого на поле боя.

В таких сложных, тяжелых условиях сражались в ту зиму наши бойцы, командиры и политработники на всем советско-германском фронте, в том числе в грандиозной битве за Москву. И при всех этих невероятных трудностях они сначала остановили, а затем нанесли крупное поражение немецко-фашистской армии, считавшейся лучшей в мире и кичившейся своей мощью. Она действительно была прекрасно вооружена и обеспечена всем необходимым для военных действий, обладала богатым опытом ведения современной войны. Тем не менее Советские Вооруженные Силы разгромили ее под Москвой, отобрали у нее стратегическую инициативу и в течение всей зимы наносили ей удар за ударом.

Но даже в сражении под Москвой, где советские войска нанесли врагу крупнейшее поражение, они не имели численного превосходства над ним. И тем более не было в их составе и необходимого количества танковых и механизированных соединений, без которых невозможно осуществлять стремительный обход флангов противника, окружение и уничтожение его группировок. Иначе говоря, еще не произошло тех изменений в соотношении сил и средств, которые характеризовали последующие этапы войны.

Это обстоятельство очень серьезно давало себя знать на юге. Более того, здесь оно сказывалось, несомненно, в большей степени, чем на других участках советско-германского фронта.

Ведь в описываемый период противник уже начал сосредоточение сил для подготавливаемого им крупного летнего наступления, нацеленного на Сталинград и Кавказ, и потому предпринимал все возможное для сохранения занимаемых позиций. Немецко-фашистское командование при этом, во-первых, не считалось ни с какими потерями и, во-вторых, использовало свое превосходство в авиации и танках.

Некоторое представление об этом дает, например, дневник командира одного из батальонов 294-й пехотной дивизии, захваченный нами позднее, во время майских боев на харьковском направлении. К сожалению, не удалось установить фамилию автора дневника. Из записей явствует, что до весны 1942 г. он служил в каком-то гарнизоне на Западе, ведя, как говорится, безоблачное существование. Но в апреле его срочно произвели в капитаны и в числе других отправили под Харьков. Там он и услышал рассказы "об ужасных боях, которые вынесла 294 пд в последних числах марта, когда русские могли при несколько большем порыве легко вновь захватить Харьков. Однако еще раз это было предотвращено, позиции были удержаны при больших собственных потерях". Далее в дневнике упоминается с. Песчаное, где в марте вели бои части 38-й армии. Здесь-то и предстояло теперь служить новоиспеченному капитану.

"Я принимал батальон, - записал он, - который... выделялся особо хорошим моральным состоянием. Сначала он был вместе со всеми выброшен русскими со своих позиций. Оставление позиций нашими людьми было подобно бегству... Затем первоначально была отвоевана обратно часть села, 9 апреля с помощью пикирующих бомбардировщиков и танков все село вновь перешло в германские руки. Таковы были бои за Песчаное на Бабке..."{57}

Как видим, и тут фигурируют те же два момента: большие потери, понесенные фашистскими войсками в мартовских боях, и решающая роль авиации и танков.

Мы же имели слишком слабую защиту от массированных бомбовых ударов противника. Наша авиация была малочисленна И не могла надежно прикрыть действия войск или задержать подход резервов врага. Зенитная артиллерия действовала малоэффективно и за первую половину операции не сбила ни одного немецкого самолета.

Выше отмечалась неукомплектованность дивизий личным составом и вооружением к началу операции. В ходе наступления боеспособность войск резко понизилась. Об этом можно судить, например, по состоянию 81-й стрелковой дивизии на 21 марта 1942 г., т. е. в разгар наступательной операции.

Предшествующие два с половиной месяца дивизия почти непрерывно сражалась. Ее солдаты и офицеры до последней капли крови бились с врагом в обороне и смело, не страшась смерти, шли вперед в наступление. Дивизии сопутствовал боевой успех, но и потери она понесла немалые. К описываемому времени некомплект рядового состава достиг 62%, младшего командного состава - 71%.

В целом укомплектованность стрелковых дивизий, как уже отмечалось, была низкой. Разумеется, прибывало пополнение, но слабо обученное. В условиях продолжавшегося наступления оно немедленно распределялось между частями и подразделениями и без всякой предварительной подготовки вводилось в бой.

Недостаточная обученность личного состава имела и другие отрицательные последствия. Например, располагая и без того сравнительно небольшим выбором средств борьбы с врагом, мы не смогли полностью использовать даже те из них, которые у нас имелись. Почему? Пожалуй, ответом на этот вопрос может служить сохранившийся в архиве приказ войскам 38-й армии, изданный 16 марта 1942 г.

Вот его содержание:

"В процессе боевых действий выявлено, что в частях некоторых дивизий (81, 124, 227 сд и 1 гв. сд) почти совершенно не используются противотанковые ружья, а некоторые даже не имеют патронов к ним. Происходит это потому, что бойцы, вооруженные этими ружьями, не умеют их использовать, не знают устройства, не умеют стрелять и т. д. Командиры и бойцы, знающие эти ружья, не обучают невладеющих ПТР.

Таким образом, совершенно не используется такое грозное оружие против танков. И не случайно, что, несмотря на применение противником танков почти на всех участках действий дивизий, мы не уничтожили из ПТР ни одного танка. Благодаря неиспользованию ПТР имеет место неуверенность в силу этих ружей и даже вредная болтовня, что все равно танк из него, мол, не пробьешь. Есть случаи бесцельной и неразумной стрельбы из ПТР по дзотам (777 сп 227 сд).

Во многих частях или совсем не применяют, или слабо применяют минометы, особенно ротные 50 мм. Причина в основном та же, что и с ружьями, т. е. незнание и неумение стрелять. Другая причина неиспользования минометов - это боязнь обнаружить себя. В 124 сд из 94 минометов больше половины не используется.

Приказываю:

1. Немедленно устранить указанные недочеты и поставить ПТР на службу делу, на уничтожение танков, а минометы - на

подавление огневой системы и живой силы противника.

2. Используя всякую возможность, изучить в кратчайшее время ПТР и минометы, не выдавать их бойцам, не изучившим это оружие. Для изучения, помимо командиров, знающих ПТР и минометы, использовать бойцов, владеющих этим оружием, в качестве инструкторов.

3. Внедрить в сознание бойца и командира, что ПТР - это грозное оружие против танков, а миномет - против огневых средств и живой силы противника.

4. Артиллерийским начальникам по линии снабжения принять все меры к своевременному обеспечению минами и патронами.

5. Категорически запретить стрельбу из ПТР по живой силе и по дзотам, а вести только стрельбу по танкам.

Исполнение командирам дивизий донести к 20.3.42 г."{58}

VIII

К сказанному можно добавить, что, например, противотанковые ружья поступили на вооружение в период наступательной операции, и только к 12 марта в стрелковых полках были сформированы роты ПТР. Однако это обстоятельство не могло служить оправданием плохого использования нового противотанкового средства в бою. Приходилось исправлять этот недостаток на ходу. А время шло, и противник не ждал.

Кстати, острота обстановки сказалась во время нашего наступления и в том, что подходившие резервы не сосредоточивались для создания мощного ударного кулака, а немедленно бросались в бой на различные участки фронта. Конечно, этого можно было избежать, если бы резервы прибывали быстро. Но, к сожалению, получилось иначе. В результате на участке 38-й армии 34-я мотострелковая бригада была введена в бой 44 марта, 169-я стрелковая дивизия - 16 марта, 6-я гвардейская танковая бригада - 17 марта, 3-й гвардейский кавалерийский корпус - 25 марта.

Главная же беда 38-й армии заключалась в отсутствии танков и недостаточном артиллерийском обеспечении наступающих войск. И то, и другое оказало резко отрицательное влияние на ход операции, так как возросшая огневая мощь стрелкового оружия сделала оборону непреодолимой без подавления ее артиллерийским огнем и сопровождения пехоты танками. Однако тогда мы еще не имели таких возможностей, чем и воспользовался противник.

В ходе операции он непрерывно перебрасывал подкрепления с неатакованных участков. Сначала это были два пехотных батальона 79-й пехотной дивизии из района Белгорода. Вслед за

ними прибыл 429-й пехотный полк 168-й пехотной дивизии из Обояни. Далее появились отдельные части 299-й и 62-й пехотных дивизий с танками. Все они действовали при поддержке авиации.

А 24 марта противник на узком участке фронта бросил в бой 3-ю танковую дивизию. Она нанесла контрудар в направлении населенного пункта Рубежное и потеснила наши части.

Чтобы ликвидировать последствия контрудара, поредевшие стрелковые части 38-й армии в течение четырех суток вели непрерывные бои с превосходящими силами 3-й танковой дивизии и пехотой врага. Немецко-фашистское командование применило массированные атаки танков с пехотой при поддержке огня артиллерии, бомбардировочной и штурмовой авиации. Каждый населенный пункт противник оборонял большим количеством танков, артиллерии и минометов.

Он изо всех сил стремился не допустить расширения захваченного нами плацдарма на западном берегу реки Северный Донец. Атаки силами 18-20 танков с пехотой предпринимались до 8 раз в день. От 12 до 18 налетов ежедневно совершала вражеская авиация. И каждый раз по 15-20 самолетов обрушивали бомбовые удары на боевые порядки армии, тылы и мосты через реку. А 26 марта фашистские воздушные пираты применили поливку самовоспламеняющимся фосфором позиций наших войск у населенного пункта Байрак.

Силами подошедших резервов мы отразили контрудар противника и восстановили положение. Но, надо признать, с большим трудом.

Мартовские бои 38-й армии свидетельствовали, что мы подчас намечали очень хорошие планы, но с исполнением их в тот период зачастую опаздывали. Противник опережал нас, так как обладал большей маневренностью, подвижностью. Его войска перебрасывались в основном на машинах. У нас же почти все передвижения совершались пешком. Это и порождало хроническое отставание от намеченных сроков, а нередко и невыполнение боевых задач.

Так, в упоминавшейся выше 81-й стрелковой дивизии единственным средством передвижения были кони. Но и их не хватало. Вместо 626 артиллерийских лошадей имелось только 144. Мало было и строевых, и обозных лошадей.

А вот еще более разительный пример того, к чему приводило такое положение. В решающий момент у 38-й армии не оказалось танков, а также транспорта для своевременной переброски частей 169-й стрелковой дивизии на направление наметившегося успеха. Вследствие этого противник успел сосредоточить резервы и свести на нет то, что было нами достигнуто.

После окончания мартовской операции больше, чем когда-либо раньше, стала ясна необходимость создания высокоподвижных сил в составе Красной Армии. Эта задача представлялась мне настолько неотложной, что я высказал тогда же свои соображения по атому поводу представителю Генерального штаба.

Сущность предложений сводилась к следующему: "Для развития успеха армии, а также для ликвидации прорыва противника подвижными силами паша общевойсковая армия должна иметь свою маневренную дивизию, имеющую в своем составе два мотострелковых полка, танковую бригаду, артиллерийский полк, дивизионы противотанковой и противовоздушной обороны. Имея такую дивизию и транспортные средства для быстрой переброски стрелковых дивизий из резерва в нужном направлении для решения задач, возникающих в бою, армия повысит свою маневренность, свою боевую мощь и, следовательно, успех будет налицо"{59}.

О многом заставил задуматься опыт оборонительных и наступательных операций, проведенных зимой 1942 г. Стало ясно, что структура управления войсками (армия-дивизия) имеет существенные недочеты, отражающиеся на состоянии частей и соединений, на организации и ведении боя. Имея в своем непосредственном подчинении множество стрелковых и кавалерийских дивизий, танковых бригад, командующий армией и ее штаб физически не могли охватить своим влиянием все эти соединения. Поэтому они были вынуждены создавать оперативные группы, которые в силу временного существования не всегда себя оправдывали.

38-я армия в период наступательной операции в марте 1942 г. занимала фронт 110 км и имела в своем составе восемь стрелковых дивизий, одну мотострелковую и две танковые бригады, кавалерийский корпус. И это не считая армейских специальных частей. В начале операции у командующего армией был один заместитель - генерал-майор Г. И. Шерстюк. Ему я поручил руководить двумя дивизиями, оборонявшими участок фронта от Базалеевки до г. Балаклея. Остальные десять вышеперечисленных соединений, действовавших на направлении главного удара, непосредственно подчинялись мне.

Признаюсь, я оказался в весьма затруднительном положении, так как в ходе операции должен был контролировать и направлять одновременно действия каждого из этих соединений, всесторонне оценивать достигнутые ими положительные результаты или постигшие их неудачи, тут же ставить дальнейшие задачи. При таких условиях оценка обстановки и

постановка последующих задач носила подчас недостаточно продуманный характер, не основывалась на глубоком анализе возможностей того или иного соединения, на учете сил противника.

20 марта для руководства боевыми действиями войск армии были созданы две оперативные группы. Ими командовали генерал-майор Г. И. Шерстюк и генерал-майор Л. В. Бобкин. Помощь в руководстве войсками оказывал также генерал-майор Ф. А. Пархоменко. Это были боевые, храбрые командиры, участники гражданской войны. Однако опыт показал нецелесообразность создания таких временных оперативных групп. Для организации взаимодействия родов войск и руководства боем требовалось иметь постоянную организацию - корпусное звено. Увеличение количества заместителей до трех не решало проблему.

Я нисколько не удивился, когда узнал, что идеи создания такого звена, а также высокомобильных соединений возникли не только у меня. Более того, оказалось, что некоторые проблемы уже претворяются в жизнь. Правда, что касается задачи организации мощных механизированных соединений, то она решалась в несколько ином виде, чем представлялось мне.

Об этом рассказал при встрече маршал С. К. Тимошенко. Прежде всего выяснилось, что мои соображения по данному вопросу стали ему известны через работника оперативного отдела штаба фронта А. Н. Шиманского. Затем Семен Константинович сказал, что создание высокоподвижпых соединений уже началось. Это будут, добавил он, не дивизии, а корпуса, состоящие из танковых и мотострелковых соединений. Их отличительная черта - высокая маневренность и огромная ударная мощь. Такие танковые корпуса будут действовать в составе войск фронта.

Новости о формировании танковых корпусов радовали. Они были подтверждением того, что силы Красной Армии росли и крепли с каждым днем. Думая о будущих могучих танковых корпусах и армиях, я вновь и вновь испытывал чувство величайшего преклонения перед непреоборимой мощью советского народа, руководимого Коммунистической партией. И в который раз с радостью убеждался, как и все на фронте, что у нас надежный тыл, обладающий неиссякаемым источником сил и средств, что партия твердой рукой направляет их во все возрастающем количестве на борьбу с врагом. И крепче, чем когда-либо, верилось, что приближается день, когда удары Красной Армии по противнику обретут еще большую силу. Залогом тому было не только увеличение боевых ресурсов, но и опыт организации и ведения военных действий, накопленный

зимой 1941/42 г.

Что касается событий, о которых рассказано в этой главе, то они, как и все наступательные операции советских войск на Юго-Западном направлении зимой 1942 г., не завершились полным разгромом противостоящих вражеских группировок. Более того, нерешительные действия по прорыву обороны противника в течение четырех дней дали немецко-фашистскому командованию возможность снять часть сил с пассивного участка фронта (от Белгорода до Орла), перебросить их на промежуточный оборонительный рубеж в полосе наступления наших войск и посредством нанесения контрударов и контратак затормозить их продвижение, а затем и остановить.

К такому итогу операции привел недостаток сил и средств, испытываемый войсками Юго-Западного фронта и, в частности, 38-й и 6-й армиями. И тем не менее глубоко ошибочным было бы считать наступление безуспешным.

Наступая в показанных выше исключительно тяжелых условиях (к ним нужно добавить морозы, пургу, снежные заносы), мы добились известных положительных результатов. В частности, 38-я армия очистила от противника населенные пункты на восточном берегу Северного Донца, форсировала реку и захватила большой плацдарм оперативного масштаба между ней и другой рекой - Большой Бабкой. Мы освободили много населенных пунктов, в том числе и такие довольно крупные, как Рубежное, Верхний Салтов, Старый Салтов, Молодовая (с мостами через Северный Донец).

Группировка врага при этом понесла тяжелые потери в живой силе, вооружении и материальных средствах. К концу операции она представляла собой смесь полков и батальонов из различных дивизий, переброшенных под Харьков с других участков фронта и теперь потерявших не менее половины личного состава. Потери врага в полосе наступления 38-й армии составляли 7735 убитых солдат и офицеров, 456 пленных. Были уничтожены 61 фашистский танк, 52 орудия разных калибров, 38 минометов, 82 пулемета, сбито 23 самолета. Кроме того, мы взяли трофеи: 58 орудий, 51 миномет, 134 пулемета, 737 винтовок. Число раненых, контуженных и обмороженных солдат и офицеров противника мы, конечно, не могли определить, но, по-видимому, оно не менее чем в три раза превышало число убитых.

Важный итог операции 38-й и 6-й армий в марте 1942 г. состоял в том, что было нарушено оперативное построение войск противника от Орла до Харькова. Враг вынужден был не только израсходовать все оперативные резервы, в том числе и шестнадцать дивизий, прибывших на усиление группы армий

"Юг", но и раздергать соединения первой линии обороны на отдельные батальоны для локализации наших ударов. Немецко-фашистские войска пришли в такое состояние, что лишь в середине мая оказались способны предпринять активные действия с решительными целями, да и то благодаря притоку крупных стратегических резервов и значительному пополнению людьми и - материальными ресурсами.

Размышления над итогами мартовской наступательной операции приводят к выводу, что мы внесли немалый вклад в зимнюю кампанию 1942 г., оказавшую большое влияние на весь дальнейший ход войны. Немецко-фашистскому командованию эта кампания ясно показала, что окончательно развеяны его надежды на молниеносный успех в вооруженной борьбе на Восточном фронте.

Для нас же она была окрыляющим наглядным подтверждением того, что мы в состоянии нанести врагу поражение и в конечном счете одержать победу. В этом смысле и хочется отдать должное мартовской наступательной операции войск Юго-Западного фронта, как составной части успешной зимней кампании Красной Армии. Не могу, однако, снова не подчеркнуть, что и эта операция, подобно январско-февральской, осталась незавершенной. И в обоих случаях это произошло в сущности по одной и той же причине: их замысел основывался на неверной оценке сил противника и переоценке мощи собственных сил на юге.

Дважды в течение зимы командование Юго-Западного направления предпринимало попытки осуществить в районе Харьковского промышленного района свои обширные наступательные планы. Оба раза они не достигали намеченных целей: в сложившихся условиях эти планы были нереальны. Но поскольку частичный успех это тоже успех, можно было бы считать оправданными наши мероприятия в районе Харькова в первую военную зиму, если бы, однако, они не повлекли за собой третью попытку разгромить харьковскую группировку противника, предпринятую в мае 1942 г. в еще более неблагоприятной обстановке.

Глава V. Под Харьковом в мае 1942 года

I

Сложившаяся в результате зимней кампании 1942 г. конфигурация фронта в районе Харькова, казалось, подсказывала необходимость проведения новой наступательной операции с целью освобождения города и прилегающего к нему промышленного района. К югу от Харькова образовался так

называемый изюмский выступ глубиной до 90-100 км, а к северо-востоку, в районе г. Волчанок, советские войска владели плацдармом на западном берегу реки Северный Донец. Это значило, что для войск Юго-Западного фронта появились предпосылки к тому, чтобы посредством двухстороннего охвата освободить важный индустриальный центр. Таким образом, обстановка требовала проведения наступательной операции крупными силами.

События, развернувшиеся на этом участке фронта в мае 1942 г., так и именуются - Харьковская наступательная операция. Операция привела к крупному неуспеху Красной Армии. Поэтому во всей военно-исторической литературе на нее указывают как на характерный пример неудачной наступательной операции.

Я - один из ее участников. Помню, как она готовилась и осуществлялась. Более того, мне хорошо знакомы обстоятельства, при которых возникла идея операции. Вспоминая сейчас обо всем этом, тешу себя надеждой, что мой рассказ дополнит существующее представление о боевых действиях в районе Харькова в мае 1942 г.

Идея освобождения Харьковского промышленного района зародилась, как уже отмечалось, еще в декабре 1941 г. Тогда она была лишь одним из элементов плана зимней кампании, разработанного Военным советом Юго-Западного направления. Именно эту часть плана одобрила Ставка Верховного Главнокомандования, после чего и были подготовлены и осуществлены одна за другой в январе и марте 1942 г. две описанные выше наступательные операции советских войск на юге.

Читатель уже знает, что ни первая, ни вторая не привели к желаемому результату. Они показали, что на этом участке фронта сложилось неблагоприятное для нас соотношение сил и средств, в особенности таких решающих, как танки, артиллерия, авиация. Изменить его в нашу пользу - вот что было необходимо для освобождения Харьковского промышленного района. Другим, не менее существенным, являлось устранение недостатков в организации и управлении боевыми действиями, отрицательно сказавшихся на ходе и исходе наших зимних наступательных операций.

Имелась ли у командования Юго-Западного направления и фронта реальная возможность выполнить эти два условия при подготовке и осуществлении Харьковской наступательной операции?

Расскажу о том, какого мнения на этот счет придерживался Военный совет направления. Представление об этом я получил,

присутствуя вместе с бригадным комиссаром Н. Г. Кудиновым на заседании Военного совета в двадцатых числах марта 1942 г. Ныли здесь командующие и члены Военных советов и других армий Юго-Западного фронта.

Открывая заседание, маршал С. К. Тимошенко подчеркнул, что в результате поражений, нанесенных немецко-фашистским войскам в ходе зимней кампании, инициатива боевых действий захвачена Красной Армией. Далее он обратился к ситуации на юге и охарактеризовал ее как выгодную для Красной Армии. В течение зимы, говорил он, главное командование Юго-Западного направления навязывало свою волю противнику, выбирало место и время нанесения ударов. Главнокомандующий отметил, что хотя наступление на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в январе-феврале и в марте не достигло поставленных целей, так как проводилось ограниченными силами, тем не менее врагу нанесен чувствительный урон. Кроме того, эти операции способствовали занятию выгодных исходных рубежей для ликвидации харьковской группировки противника. Затем маршал Тимошенко сказал, что уже в ближайшее время мы сможем привлечь для разгрома врага значительные силы, и в связи с этим предложил подвести итоги зимней кампании и наметить план боевых действий на весенне-летний период 1942 г.

Начальник штаба генерал И. Х. Баграмян посвятил свой доклад анализу сложившейся обстановки.

Прежде чем коснуться содержания доклада, должен сказать, что вполне согласен со следующими строками из воспоминаний маршала А. М. Василевского: "Одной из причин крупного поражения наших войск на юге весной 1942 г. был просчет Ставки и Генштаба в определении замысла противника и основных направлений его действий летом 1942 г."{60}.

Следует лишь добавить, что определенную роль в этом сыграли и доклады Военного совета Юго-Западного направления Ставке Верховного Главнокомандования об обстановке на юге страны.

Так, в одном из них сообщалось, что противник сосредоточивает восточное Гомеля и в районах Кременчуга, Кировограда, Днепропетровска крупные резервы со значительным количеством танков. Основная часть личного состава немецких танковых дивизий, как отмечалось далее, находилась в тылах в ожидании получения новых боевых машин. В докладе было сказано, что, в частности, в Полтаве сосредоточено до 3500 танкистов, т. е. экипажи на 1000-1200 боевых машин. Считалось также вероятным, что вражеское командование перебросит на советско-германский фронт с Запада до 45 пехотных дивизий, из

которых примерно 15 будут направлены на юг, кроме того, ожидалось прибытие туда же до двадцати румынских, венгерских и итальянских дивизий.

Эти данные наводили на мысль, что противник готовился нанести сильный удар и на южном крыле советско-германского фронта. Там благоприятствовали такому замыслу и условия погоды, и характер местности, предоставлявший широкий простор для массового применения всех родов войск и всех видов боевой техники. Более того, как рассказывал мне уже после войны маршал И. Х, Баграмян, весной 1942 г. ему как начальнику штаба Юго-Западного направления было доверительно сообщено, что, по оценке разведывательного управления Генерального штаба, сделанной на основе поступавших разведывательных данных, немецко-фашистские войска намеревались наносить удар летом 1942 г. не на московском, а на юго-западном направлении.

Факты показывают, что командование и штаб Юго-Западного направления, как и Ставка, не согласились с выводом разведывательного управления, хотя он подтверждался разведывательными данными, имевшимися в их распоряжении. 22 марта 1942 г. Военный совет направления в докладе Верховному Главнокомандующему о перспективах боевых действий на юге в весенне-летний период доносил следующее: "... Мы считаем, что враг, несмотря на крупную неудачу осеннего наступления на Москву, весной будет вновь стремиться к захвату нашей столицы.

С этой целью его главная группировка упорно стремится сохранить свое положение на московском направлении, а его резервы сосредоточиваются против левого крыла Западного фронта (восточное Гомель и в районе Брянск)...

На юге следует ожидать наступления крупных сил противника между течением р. Сев. Донец и Таганрогским заливом с целью овладения нижним течением р. Дон и последующего устремления на Кавказ к источникам нефти..."{61}

Таким образом, предполагалось, что немецко-фашистские войска нанесут два удара. И хотя отмечалось, что на южном участке фронта противник сосредоточивал крупные силы, но почему-то главным направлением считалось московское.

Подобный характер носил и доклад И. Х. Баграмяна на вышеупомянутом заседании Военного совета Юго-Западного направления в конце марта 1942 г.

На фронте от Белгорода до Лозовой, гласил доклад, оперативное построение войск 6-й немецкой армии в ходе наших активных действий приведено в сильное расстройство. Нет ни одной пехотной или танковой дивизии, которая бы компактно

занимала оборону на определенном участке фронта. Израсходованы оперативные резервы. В ходе боевых действий в районе Харькова противник вынужден перебрасывать на это направление отдельные полки, батальоны и даже роты с менее активных участков фронта, формировать из них боевые группы и затыкать ими образовавшиеся бреши в линии фронта.

Докладчик привел ряд примеров. Так, сказал он, части и отдельные подразделения 158-й пехотной дивизии действовали на курском, белгородском и харьковском направлениях, а части 79-й пехотной дивизии - на белгородском, харьковском и красноградском. Отдельные части и подразделения указанных дивизий вошли в две дивизионные боевые группы, из которых одна обороняла южные подступы к Харькову, а другая - красноградское направление. Из десяти пехотных дивизий, противостоящих войскам Юго-Западного фронта, восемь раздерганы по полкам и батальонам. Это настолько затруднило управление и снабжение всей группировки противника в целом, что ее командование даже при непродолжительном затишье, вероятно, предпримет меры для устранения перемешивания частей.

Вывод из всего этого был следующий: харьковская группировка противника не могла начать активных боевых действий до прибытия значительного пополнения личным составом и материальной частью, восстановления оперативного построения войск и подхода крупных оперативных резервов.

Далее генерал Баграмян детализировал высказанное перед этим маршалом Тимошенко убеждение в том, что лишь с наступлением тепла противник начнет активные действия. Начальник штаба сообщил, что, по данным, поступившим из различных источников, противник начал сосредоточение резервов, в том числе значительного числа танков. Речь шла об уже упоминавшихся районах восточное Гомеля, а также Кременчуга, Кировограда и Днепропетровска. Это со всей очевидностью раскрывало его намеренно предпринять весной решительные наступательные действия. Тот факт, что враг готовил наступление с решительными целями, явствовал также из показаний пленных, причем последние держались теперь, в отличие от зимнего периода, так же нагло и самоуверенно, как в начале войны, когда им обещали "блицкриг".

Замечу, что в те последние дни марта, когда происходило описываемое заседание Военного совета Юго-Западного направления, немецко-фашистское командование уже разработало оперативно-стратегические планы летней кампании. Они были окончательно одобрены Гитлером в подписанной им

несколько дней спустя, 5 апреля, директиве No 41. В ней говорилось: "...Мы должны снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику, как только это позволят условия погоды и местности...."{62}.

Правильно предугадывая наступательный характер планов немецко-фашистского командования на лето, штаб Юго-Западного направления менее успешно определил направление и масштабы ближайших действий врага. Предполагалось, что противник будет наступать на двух важнейших стратегических направлениях.

Первым из них, как и прежде, считалось московское. Там, как ожидалось, немецко-фашистское командование, несмотря на поражение своих войск зимой 1941/42 г., могло нанести новый удар с целью захвата столицы нашей Родины. Наряду с фронтальными ударами по войскам Западного фронта ожидались обходные маневры крупных танковых и механизированных сил с юга и юго-востока для выхода на Волгу в районе Горького с целью изоляции Центрального промышленного района от Среднего Поволжья и Урала.

Вторым направлением, согласно тем же предположениям, должно было стать южное. Здесь намерения противника определялись так: овладение низовьями Дона с последующим ударом на Кавказ, к источникам нефти. На этом направлении считались вероятными вспомогательные удары на Сталинград и из Крыма на Кавказское побережье Черного моря. Предусматривалась и возможность появления третьего вспомогательного направления - из Курска на Воронеж. Цель перерезать железнодорожные магистрали, связывающие центр страны с югом.

Изложив все это, генерал Баграмян сделал вывод, что вражеское командование может начать активные действия в середине мая. Затем он охарактеризовал противостоящие друг другу силы на юге советско-германского фронта, их состояние и возможное усиление в ближайшее время. В заключение докладчик сказал, что наши войска располагают большими преимуществами и поэтому должны упредить намерения противостоящего врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения реки Днепр{63}.

Основываясь на опыте наступления 6-й армии в январе и 38-й армии в марте, я высказал сомнение в возможности осуществления таких широких планов, напомнил о неукомплектованности дивизий личным составом и вооружением, слабой обученности прибывшего пополнения, отсутствии подвижных ударных соединений. О том же говорили другие

командармы. Отмечались также недостаточная подготовка командного состава низшего и среднего звена, отсутствие необходимого количества танков непосредственной поддержки пехоты, слабость вторых эшелонов и резервов в проводимых наступательных операциях.

Члены Военного совета, настроенные оптимистически, постарались рассеять сомнения командармов. Они заверили, что операций на намечаемую большую глубину будут планироваться последовательно, дивизии получат недостающее пополнение и вооружение, для обучения личного состава отводится необходимое время. Нам обещали, что танков будет достаточно не только для непосредственной поддержки пехоты, но и для создания подвижных ударных групп с целью развития успеха наступления. Наконец, член Военного совета Н. С. Хрущев заявил, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу и что уже одно это является гарантией успеха.

Должен сказать, что это сообщение, впоследствии, впрочем, не подтвердившееся, прозвучало тогда весьма обнадеживающе. Мы сочли, что возложенная на нас задача связана с широкими планами Ставки и, возможно, имеет особо важное значение для всей предстоящей весенне-летней кампании Красной Армии. В этом случае, как мы понимали. Ставка должна была позаботиться о необходимом усилении армий, выделенных для участия в наступательной операции в районе Харькова.

II

Успокоенные относительно предстоящих операций, мы с Н. Г. Кудиновым сразу же после заседания поспешили возвратиться на командный пункт армии.

Там нас ждал бурный водоворот событий. Ведь в те дни 38-я армия продолжала вести напряженные бои, не дававшие, к нашей величайшей досаде, ожидаемого результата. Дивизии наступали, но осуществить прорыв не могли. Более того, вновь подтвердилась истина, что выталкивание противника никогда не приводит к решительной победе, а чаще всего таит в себе неприятные сюрпризы. Горькую пилюлю пришлось проглотить и нам. Я имею в виду уже упоминавшийся контрудар, который фашистские войска нанесли по правому флангу 38-й армии, поставив под угрозу все территориальные успехи, которых мы добились в ходе наступления. Ликвидация последствий этого контрудара потребовала немалых усилий и заставила ввести в бой резервы.

На этом, собственно, и окончилась наступательная операция, начатая в марте. Однако бои местного значения продолжались и

впоследствии, вплоть до 9 апреля, когда противнику удалось оттеснить наши войска за р. Большая Бабка и закрепиться в населенном пункте Песчаное, который до этого несколько раз переходил из рук в руки.

Бои местного значения доставляли нам серьезные неприятности. Противник, подтянувший на наш участок фронта часть сил пяти пехотных и одной танковой дивизий, не хотел примириться с захватом плацдарма на западном берегу Северного Донца. Враг прилагал максимум усилий, чтобы сбросить нас с этого клочка земли. Днем и ночью предпринимались контратаки пехоты при поддержке танков, причем в самых неожиданных направлениях. Мы их успешно отражали, причиняли врагу серьезный урон, но и сами несли немалые потери.

Так обстояло дело на нашем участке фронта. На других же царило затишье, прерываемое отдельными огневыми налетами. Поэтому там можно было заниматься обучением красноармейцев и командиров, их подготовкой к предстоявшей новой наступательной операции. Нам же вместо этого приходилось держать войска на переднем крае.

Тем не менее мы тоже делали все возможное. И вдруг выяснилось, что 38-й армии ставилась задача на оборону.

10 апреля, на следующий же день после того как утихли бои на правом фланге армии, была издана директива войскам Юго-Западного фронта. Она, в частности, предписывала армии передать вновь сформированному полевому управлению 28-й армии четыре стрелковые дивизии с их полосами обороны, мотострелковую бригаду, кавалерийский корпус и почти все имевшиеся у нас средства усиления. Это значило, что мы лишались как раз того участка фронта, расположенного между населенными пунктами Огурцово и Печенеги, где наша армия в марте наступала и, преодолев упорное сопротивление противника, овладела так называемым Старосалтовским плацдармом в междуречье Северного Донца и Большой Бабки.

Взамен этого 38-й армии передавались из 6-й армии две стрелковые дивизии с их полосами обороны (Бригадировка, Щуровка, Меловая, Нижний Бишкин) и ставились следующие задачи: "Прочно оборонять занимаемый рубеж и особенно направление Чугуев - Купянск и Балаклея - Изюм. С начала наступления 28-й и 6-й армий активизировать оборону с целью сковывания противостоящих сил противника"{64}.

Я был в полнейшем недоумении. Ведь командование и штаб 38-й армии за месяц наступательных боев не только хорошо узнали сильные и слабые стороны своих войск, но и изучили противостоящего врага и его систему обороны. Мы приобрели некоторый опыт организации наступательных действий на этом участке фронта, блокировки опорных пунктов противника. Ни одним из этих преимуществ не обладал штаб 28-й армии. Между тем именно ему предстояло руководить нанесением главного удара в этой полосе и осуществлением прорыва вражеской обороны на широком фронте. На мой взгляд, это не облегчало, а затрудняло выполнение общей задачи. Представлялось целесообразным использовать 38-ю армию не только для сковывания войск противника на Чугуевском плацдарме, но и для нанесения удара частью сил в тыл чугуевско-балаклеевской группировки противника. Свои соображения я изложил в донесении штабу фронта.

Тем временем согласно той же директиве от 10 апреля в полосе фронта начались перегруппировка и сосредоточение сил для предстоящей наступательной операции. 38-я же армия, передав 28-й значительную часть своих войск с их участками, приступила к основательному переоборудованию переднего края и созданию промежуточного рубежа обороны. Первое необходимо было для того, чтобы к моменту, когда растает снег и спадет талая вода, войска на переднем крае не остались бы по существу на открытой необорудованной местности, второе - для придания

обороне должной глубины. На переднем крае войска спешно зарывались в землю, укрепляли позиции. Усилиями 81-й дивизии, находившейся в резерве армии на рубеже Нов. Бурлук - Юрченково - Лелюковно, не по дням, а по часам вырастала промежуточная позиция для прикрытия важнейшего в обороне армии направления Чугуев, Купянск.

Неоценимую помощь в строительстве оборонительных рубежей оказало нам местное население. Женщины, старики, подростки выходили на окопные работы целыми селами и трудились от зари до зари. Мы поддерживали тесную связь с местными органами власти и в свою очередь оказывали им всевозможную помощь, например в полевых работах, а затем в эвакуации на восток населения, промышленного оборудования, колхозного скота и другого имущества.

В Купянске тогда находились харьковские обком партии и облисполком. Помню, они расположились рядом с командным пунктом армии. Здесь я вновь встретился с первым секретарем обкома партии А. А. Епишевым, с которым познакомился еще в марте 1942 г. Мне было известно, что в свое время он состоял в кадрах Красной Армии и окончил Бронетанковую академию. Будучи направлен на Харьковский тракторный завод, он работал там парторгом ЦК партии, а затем был избран секретарем обкома. На этом посту его и застала война.

Осенью 1941 г. он руководил эвакуацией крупнейших заводов, учреждений и материальных ценностей Харькова и области. Одновременно возглавил народное ополчение, участвовавшее в обороне города, создал подпольные обком и райкомы партии для развертывания партизанского движения в тылу врага. Они вели активную борьбу с оккупантами, о чем свидетельствовали сводки Совинформбюро, часто сообщавшие о действиях партизан Харьковщины.

То обстоятельство, что секретарем обкома был не только весьма деятельный, но и разносторонне подготовленный, растущий руководитель, в немалой степени помогло в налаживании наших контактов с местными органами власти в Купянске. Забегая вперед, отмечу также, что работники обкома и облисполкома оставались на своем посту до последнего момента и отходили на восток с последними частями Красной Армии. Председатель облисполкома П. Г. Свинаренко погиб в Купянске во время налета вражеской авиации.

Штаб армии в эти дни работал с не меньшим напряжением, чем в период наступления. Он руководил оборонительными мероприятиями, обучением войск, изучал и обобщал опыт проведенной операции. Надо отдать должное организаторским

способностям начальника штаба полковника С. П. Иванова, его неиссякаемой энергии и умению проникать в существо происходящих событий и явлений, находить главное звено и видеть перспективу развития. Изо дня в день сколачиваемый им штаб постепенно становился действенным органом управления, руководившим всей многогранной жизнью и деятельностью войск.

Мы уже почти смирились с переходом армии к обороне, как все вновь переменилось.

Началось с того, что к нам прибыл Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Считалось, что цель его приезда - проверка состояния обороны на участке армии и ознакомление с поведением противника. Но вот мы с ним проехали вдоль переднего края от Базалеевки до Балаклеи. Позади остался и осмотр промежуточного рубежа. Уже Семен Константинович одобрил проделанную войсками армии оборонительную работу, а все казалось, что главное, из-за чего он приехал, еще не сказано.

Так оно и было. Это выяснилось перед самым его отъездом.

- Не надоело сидеть в обороне? - улыбаясь, спросил он, когда мы вернулись на командный пункт армии. И, не дав мне ответить, продолжал: - Знаю, надоело, и не одному тебе. Все мы предпочитаем наступление...

Я полагал, что Семен Константинович собирается объяснить значение поставленной 38-й армии задачи на оборону, и уже приготовился сказать, что оно мне вполне понятно. Но маршал Тимошенко предостерегающе поднял руку:

- Помолчи. Не перебивай, слушай внимательно. - Откинувшись на спинку стула, он говорил медленно, как бы взвешивая каждое слово.- Все время думаю о предстоящем наступлении. Беспокоит меня ударная группировка на Старосалтовском плацдарме, руководимая штабом 28-й армии. Ударная группировка должна стремиться только вперед, не оглядываясь на свои фланги. Сможет ли? Справа ее действия прикроет Гордов. Фронт у 28-й армии широкий, штаб молодой, не сколочен, не имеет опыта руководства войсками в наступлении. Кто-то другой должен обеспечивать ее слева. Он же должен нанести удар в южном направлении и отрезать Чугуевскую группу врага от Харькова.

По мере того, как он говорил, становилось все яснее, что речь идет о привлечении 38-й армии к участию в наступательной операции. Мелькнула догадка: произведенная только что главнокомандующим проверка, вероятно, и имела целью выявить состояние армии и возможность использования ее в предстоящем наступлении.

- Кто же будет слева? - продолжал маршал С. К. Тимошенко,- Ясно, 38-я армия. Решено, принимай у 28-й армии часть полосы наступления и подготавливай войска. Участок фронта от Балаклеи на запад передай Городнянскому.

Как бы сбросив тяжкий груз с плеч, главнокомандующий повеселел. Почти сразу же после этого он уехал на свой командный пункт. На следующий день, 28 апреля, я получил оперативную директиву, согласно которой нам передавалась половина Старосалтовского плацдарма. 38-я армия получила три стрелковые дивизии с полосами обороны, три танковые бригады и артиллерийские полки РГК на усиление.

Работа в штабе армии закипела. Оставалось мало дней, а забот было много. Оперативное управление фронта оказывало повседневную помощь.

Директива фронта от 28 апреля содержала уточненный план операции. Прорыв обороны противника намечался, как и раньше, на двух участках. Но северная ударная группировка, наступавшая в районе Волчанск, Большая Бабка, была расширена. В ее состав теперь входили не только вновь сформированная 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева и часть сил 21-й армии, но и соединения 38-й армии.

В районе Верхний Бишкин, Мироновка должна была наступать южная ударная группировка. Она включала 6-ю армию под командованием генерал-лейтенанта А. М. Городнянского и выделенную из ее состава армейскую группу. Последнюю возглавил генерал-майор Л. В. Бобкин, который, как я отмечал, командовал оперативной группой 38-й армии в мартовском наступлении.

III

Насколько реальным, осуществимым был на этот раз план наступательной операции войск Юго-Западного фронта? Позволю себе подробнее коснуться этого вопроса.

Известно, что все члены Ставки Верховного Главнокомандования придерживались единого взгляда относительно действий Красной Армии весной и в начале лета 1942 г. Это должна была быть активная стратегическая оборона, вытекающая из острой нехватки подготовленных резервов войск и материально-технических средств. Однако в отношении методов осуществления стратегической обороны имелось несколько мнений. С одной стороны, предлагалось ограничиться обороной, измотать и обескровить врага, а затем, после накопления резервов, перейти в наступление. Другая точка зрения сводилась к тому, что наряду с обороной следует провести ряд частных наступательных операций под Ленинградом, у Демянска, на

смоленском и льговско-курском направлениях, а также под Харьковом и в Крыму.

В то же время в Военном совете Юго-Западного фронта рассматривался план действий войск весной и летом 1942 г. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев, генерал И. Х. Баграмян считали, что наши войска на юге в состоянии разгромить противостоящую группировку врага, освободить Харьков и этим создать условия для изгнания захватчиков из Донбасса. После совещания, о котором уже шла речь, мы, командармы, тоже прониклись таким же убеждением.

Несколько забегая вперед, перечислю силы, которые участвовали в Харьковской наступательной операции.

Для прорыва обороны противника на участках, общая протяженность которых составляла 91 км, предназначались 22 стрелковые дивизии, поддерживаемые 2860 орудиями и минометами, 560 танками. Это значило, что на стрелковую дивизию приходилось примерно 4 км участка прорыва и что на каждый километр мы имели 31 орудие и миномет, а также 6 танков непосредственной поддержки пехоты.

Кроме того, в прорыв должны были вводиться два танковых корпуса, три кавалерийские дивизии и мотострелковая бригада. Наконец, еще две стрелковые дивизии - 277-я и 343-я, а также 2-й кавалерийский корпус и три отдельных танковых батальона (в каждом 32 танка) оставались в резерве командующего Юго-Западным фронтом.

Южному фронту не ставились задачи на активные действия. Он должен был организовать прочную оборону и обеспечить наступательные действия Юго-Западного фронта, а также выделить из своего состава на усиление последнего три стрелковые дивизий, пять танковых бригад, четырнадцать артиллерийских полков РГК и 233 самолета.

Задача наступающих войск состояла в нанесении противнику двустороннего удара по сходящимся направлениям из районов севернее и южнее Харькова с последующим соединением ударных группировок западнее города. Предусматривалось, что на первом, трехдневном этапе мы прорвем оборону врага на глубину 20- 30 км, разгромим ближайшие резервы и обеспечим ввод в прорыв подвижных групп. На втором этапе, продолжительность которого не должна была превышать трех-четырех, суток, требовалось разгромить оперативные резервы и завершить окружение группировки противника. Одновременно часть этой группировки в районе городов Чугуев, Балаклея намечалось отсечь и уничтожить силами 38-й армии и правого фланга 6-й армии.

Главный удар наносила 6-я армия на 26-километровом

фронте. Восемь стрелковых дивизий и четыре танковые бригады при поддержке 14 артиллерийских полков РГК должны были прорвать оборону и обеспечить ввод в прорыв двух танковых корпусов, составлявших подвижную группу. В дальнейшем армия во взаимодействии с подвижной группой должна была развить удар на Харьков с юга навстречу войскам 28-й армии для окружения всей группировки врага (см. схему на стр. 143).

Слева от 6-й армии находилась полоса наступления армейской группы генерала Бобкина, состоявшей из двух стрелковых дивизий и одной танковой бригады. На эту группу возлагалась задача прорвать оборону и обеспечить ввод в прорыв 6-го кавалерийского корпуса. Последний же к исходу пятого дня операции должен был овладеть Красноградом и обеспечить войска 6-й армии от контрударов с запада.

Второй удар наносила на 15-километровом фронте 28-я армия силами шести стрелковых дивизий и четырех танковых бригад при поддержке девяти артиллерийских полков РГК. Ей надлежало прорвать оборону противника и к исходу третьего дня обеспечить ввод в прорыв 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и мотострелковой бригады. Этим двум соединениям в свою очередь предстояло обойти Харьков с севера и соединиться западнее города с танковыми корпусами 6-й армии.

Наступление 28-й армии от возможных контрударов противника обеспечивали с севера и северо-запада-21-я армия, с юга и юго-запада - 38-я. Первой из них была поставлена задача прорвать оборону противника на 14-километровом участке. К исходу третьего дня наступления войска обеих армий должны были закрепиться на достигнутых рубежах и надежно обеспечить маневр соединений, окружающих Харьков.

38-я армия тогда имела в своем составе 81, 124, 199, 226, 300-ю я 304-ю стрелковые дивизии, 13, 36-ю и 133-ю танковые бригады. Она была усилена шестью артиллерийскими полками РГК и шестью инженерными батальонами. В прорыве обороны противника участвовали четыре стрелковые дивизии и все три танковые бригады. Нам предстояло нанести удар на 26-километровом участке Драгуновка, Большая Бабка. К исходу третьего дня нужно было овладеть рубежом Лебединка Зарожное - Пятницкое. В дальнейшем, при развитии наступления на Рогань, Терновая и с выходом ударной группировки в район Введенка, Чугуев войскам 38-й армии вместе с тремя усиленными полками 6-й армии надлежало завершить окружение, разгромить чугуевскую группировку противника и подготовиться к наступлению на Харьков с востока.

Ознакомившись с этими данными о составе сил и средств,

Привлекаемых к наступлению, я испытал чувство огромной радости. Впервые с начала Великой Отечественной войны мне предстояло участвовать в наступательной операции, в которой мы превосходили противника по численности в живой силе, по количеству артиллерии и танков, не уступали ему в авиации. Например, никогда раньше не было на нашем фронте такого количества танков непосредственной поддержки пехоты. 560 - шутка ли? И мы имели не только это, но еще и во втором эшелоне два танковых корпуса (269 танков), предназначенных для развития наступления после прорыва тактической зоны обороны противника. Да в резерве фронта - около сотни одних лишь танков.

Словом, в руках Военного совета Юго-Западного фронта действительно была сосредоточена большая сила. Об этом говорят данные, приведенные выше. Но достаточно ли наличия таких сил, чтобы считать обоснованной точку зрения Военного совета фронта по вопросу о плане военных действий на юге?

Напомню о силах, которые там противостояли нашим войскам, о намерениях противника.

То был период, когда немецко-фашистское командование в широких масштабах и с весьма решительными целями подготовляло летнее наступление. Отсутствие второго фронта на Западе позволило военному руководству фашистской Германии перебросить весной 1942 г. на Восточный фронт крупное пополнение. Оно не только восполнило огромные потери, понесенные здесь германской армией в минувшую зиму, но и значительно увеличило ее силы.

Даже при наличии этих новых сил гитлеровское командование было уже не в состоянии организовать наступление на всем советско-германском фронте, а потому и планировало провести его лишь на юге и с этой целью концентрировало там большое количество сил и средств.

План подготовки летнего наступления фашистских войск предусматривал и проведение ряда частных наступательных операций, которым придавалось большое значение. В своих воспоминаниях, опубликованных после войны, бывший гитлеровский генерал З. Вестфаль перечислил три такие операции, считавшиеся германским командованием "наиболее важными... в это время", т. е. весной 1942 г. Среди них была и "ликвидация выступа русских войск в направлении Изюма (южнее Харькова)"{65}.

Речь шла о том самом барвенковском выступе или плацдарме, который образовался в ходе январского наступления войск Юго-Западного и Южного фронтов, когда мы продвинулись

на 80- 90 км на участке Балаклея, Красный Лиман. Теперь противник стремился ликвидировать этот выступ и захватить выгодные позиции для летнего наступления.

Такова и была цель подготовлявшейся операции, получившей кодовое название "Фридерикус I". Враг предполагал осуществить ее наступлением двух группировок в общем направлении на г. Изюм- из района Славянска на север и из района Балаклеи на юг. Ф. Паулюс писал: "Эта операция должна была в первую очередь устранить непосредственную опасность коммуникациям немецкого южного фланга в районе Днепропетровска (имелась в виду железная дорога Днепропетровск Сталине, по которой доставлялось снабжение 1-й танковой и 17-й немецким армиям.- К. М.) и обеспечить удержание Харькова с разместившимися там большими складами и лазаретами 6-й армии. Далее, необходимо было овладеть местностью западнее реки Сев. Донец юго-восточнее Харькова для последующего наступления через эту реку на восток. Для этого нужно было концентрическими ударами с юга и севера уничтожить продвинувшиеся через Донец в направлении Барвенково советские войска"{66}.

Штаб фронта, да и мы, командармы, не знали планов противника, и в этом была наша слабость. Но не только в этом.

Перегруппировка войск фронта, начавшаяся в конце марта, была связана с большими трудностями. Многие соединения и части находились на большом удалении от отведенных им участков прорыва, поэтому приходилось перемещать их вдоль фронта. Одновременно нужно было формировать 28-ю армию и размещать соединения, прибывавшие из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Все это осложнялось весенней распутицей и связанным с ней плохим состоянием дорог, разливом рек и отсутствием достаточного количества переправ, особенно через Северный Донец.

Ограниченное время на подготовку операции и переброска сил и средств на большие расстояния требовали от войск высокого физического и морального напряжения, от штабов - не менее напряженной работы по организации и непрерывному контролю за ходом перегруппировки и сосредоточения. Но штаб фронта, а вслед за ним и мы, командующие и штабы армий, не взяли это дело в свои руки. Мы не составили единого плана перегруппировки, не дали четких указаний о порядке и очередности переправ по мостам и движения по маршрутам, об организации ПВО на марше И в районах сосредоточения, наконец, о соблюдении маскировки.

Одним из следствий всего этого были медленные темпы перегруппировки войск. В подавляющем большинстве случаев не

удалось обеспечить своевременный выход частей и соединений в назначенные им районы. Кроме того, чрезмерная затрата времени на перегруппировку привела к тому, что значительная часть мероприятий по боевой подготовке войск и штабов к наступлению осталась невыполненной.

Еще хуже было то, что передвижение больших войсковых масс к намеченным участкам прорыва происходило без должной организованности и скрытности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что немецко-фашистское командование разгадало наши замыслы. А разгадав их, спешно провело мероприятия по укреплению обороны на угрожаемых направлениях.

К 11 мая плотность гитлеровских войск в полосе обороны на участках ударных группировок Юго-Западного фронта и в полосах 57-й и 9-й армий Южного фронта резко увеличилась. Боевые группы и смешанные части противника были организационно объединены в пехотные и легкопехотные дивизии. В оперативной глубине враг разместил сильные резервы.

Итак, подготовляемое наступление не являлось неожиданным, внезапным для противника. Уже одно это не могло гарантировать успешного исхода операции.

IV

Большой вред делу нанесла также недооценка сил врага. Эта особенность в деятельности военных советов Юго-Западного направления и фронта, наложившая еще зимой заметный отпечаток на принимаемые ими решения, теперь проявилась еще резче. Мне довелось с ней столкнуться незадолго до начала наступления.

В этот день я приехал на командный пункт фронта, чтобы доложить о замеченных признаках уплотнения боевых порядков врага и значительном укреплении переднего края его обороны.

Дело в том, что, принимая обратно часть плацдарма за Северным Донцом, я увидел там большие перемены на переднем крае противника. Две недели назад, когда мы передавали 21-й армии этот участок, враг располагал здесь лишь опорными пунктами в селах. Теперь же, кроме ранее существовавших, появилось много новых, причем оборудованы они были не только в населенных пунктах, но и вне их, на тактически выгодных рубежах.

Эти наблюдения дополнили данные разведки. Из них явствовало, что, например, на участок 294-й пехотной дивизии, оборонявшейся в полосе предстоящего наступления 38-й армии, был выдвинут еще один пехотный полк. Он принадлежал к 71-й пехотной дивизии, основные силы которой совместно с 3-й и 23-й

танковыми дивизиями сосредоточились к тому времени в Харькове.

С одной из этих танковых дивизий - 3-й - части 38-й армии уже сталкивались во время мартовских боев за расширение Старосалтовского плацдарма на западном берегу Северного Донца. Тогда она нанесла нам неожиданный и чрезвычайно опасный удар. Как уже отмечалось, для ликвидации его последствий нам пришлось приложить немало усилий. И теперь - у меня не было сомнений в этом - не спроста сосредоточилась 3-я танковая да еще вместе с 23-й танковой и 71-й пехотной дивизиями в Харькове, в непосредственной близости от арены боев, на направлении предстоящего удара 38-й армии.

В свете всех этих выводов и предположений поутихли мои недавние восторги по поводу нашего превосходства. Оно представилось мне незначительным в полосе наступления в целом и явно сомнительным на ряде участков. Если подтвердятся, полагал я, мои наблюдения относительно значительного укрепления обороны противника и предназначения 3-й и 23-й танковых дивизий, то, например, в полосе 38-й армии перевес сил мог оказаться не на нашей стороне.

Такое опасение основывалось на том, что мы имели сил и средств значительно меньше, чем другие объединения Юго-Западного фронта, предназначенные для прорыва обороны противника. Это подтверждают ставшие мне позднее известными следующие данные о том, как распределил штаб фронта силы и средства к началу мая 1942 г.{67}

Таблица

Армия Число сд,

предназначенных

для прорыва Участок прорыва, км Число орудий и минометов Число танков непосредственной поддержки пехоты Всего на одну сд всего на 1 км фронта прорыва всего на 1 км фронта прорыва 21-я 3 14 4,7 331 23,6 43 3,5 28-я 6* 15 2,5 893 59,5 181 12 38-я 4 26 6,5 485 18,7 125 5 6-я 7 26 3,7 832 32,0 166** 6,4 Армейская группа 2 10 5 319 31,9 40 4

*Кроме того, в полосе 28-й армия намечалось ввести в прорыв три кавалерийские дивизии и мотострелковую бригаду.

**Во втором эшелоне 6-й армии находились также 21-й и 23-й танковые корпуса, имевшие 269 танков.

Из таблицы видно, что 38-я армия находилась в самых невыгодных условиях. Каждая дивизия армии имела наибольший участок прорыва и наименьшую артиллерийскую плотность, а также всего лишь пять танков на 1 км. Количество противотанковых и противовоздушных средств, которыми

располагала армия (один артиллерийский полк противотанковой обороны и два зенитных артиллерийских дивизиона), было ниже всяких норм. Наконец, не было накоплено достаточных материальных средств. Например, боеприпасов было в среднем только 1,5 боекомплекта, а горючего - 2,6 заправки.

Таким образом, армия имела минимальные возможности для успешного прорыва обороны противника. Между тем после выполнения этой ближайшей задачи она должна была по существу одними лишь собственными силами окружить и уничтожить чугуевско-балаклеевскую группировку противника и одновременно частью сил наступать на Харьков с востока. Было очевидно, что необходимыми для этого силами и средствами армия не располагала. Такой вывод подсказывался опытом мартовской операции, воспоминания о которой были еще свежи. Тогда армия имела значительно большие силы и средства, но так и не смогла добиться решительного успеха. Та же задача была ей поставлена по плану предстоящей операции, однако выполнять ее надо было меньшими силами и в более сложной обстановке.

Изложив командующему фронтом все перечисленные аргументы, я предложил усилить армию. Но просьба моя была отклонена.

Дух оптимизма, к сожалению, оказавшегося неоправданным, витал на командном пункте фронта. Как это ни странно, Военный совет фронта уже не считал противника опасным. Мое сообщение о мероприятиях командования неприятеля в полосе предстоящего наступления 38-й армии не привлекло внимания. Напротив, меня усиленно уверяли, что противостоящий враг слаб и что мы имеем все необходимое для его разгрома.

Военный совет Юго-Западного направления был убежден в непогрешимости своей оценки сил противостоящего врага. Настолько убежден, что упорно отстаивал ее и в конце концов отстоял на вышеупомянутом заседании Ставки Верховного Главнокомандования, на котором присутствовали Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и генерал И. Х. Баграмян.

Ставка Верховного Главнокомандования согласилась с тем, что Военный совет Юго-Западного направления разгромит имевшимися в его распоряжении силами и средствами харьковскую группировку противника и освободит весь промышленный район. Поскольку, по мнению Военного совета направления, противник там был слаб, то и вопрос о значительном усилении наших войск на юге не обсуждался.

Правильная оценка Военным советом Юго-Западного направления обстановки на юге к началу мая 1942 г., на мой взгляд, вообще могла бы решающим образом изменить

дальнейший ход событий. И не только потому, что в таком случае летнее наступление врага с самого начала встретило бы несравнимо более сильный отпор. Я имею в виду еще и сильное влияние оценки Военного совета Юго-Западного направления на оперативно-стратегические взгляды Верховного Главнокомандования, согласно которым главным оставалось московское направление.

Доклады Военного совета Юго-Западного направления об обстановке на юге весной 1942 г. играли существенную роль в формировании указанных взглядов. Большое значение при этом, как уже отмечалось, придавалось принципу "на месте виднее". Полагаю, что не меньший вес имели высокий авторитет маршала Тимощенко и доверие, оказываемое военно-политическим руководством страны члену Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущеву.

Однако более реалистическая оценка обстановки могла бы привести к тому, что Ставка иначе бы распределила ресурсы и упреждающий удар, задуманный в форме Харьковской наступательной операции, мог быть осуществлен в более широких масштабах и с привлечением значительно больших сил, а возможно и с постановкой активных задач войскам не только Юго-Западного, но также Южного и Брянского фронтов.

Конечно, в то время Красная Армия еще не располагала достаточным количеством сил и средств для полного разгрома врага. Кстати, должен заметить, что на войне их всегда не хватает. Что же касается рассматриваемого периода, то на 12 мая 1942 г. общее соотношение в живой силе, танках, артиллерии и даже авиации было в пользу войск Юго-Западного направления. Следовательно, наступательная операция на южном крыле советскогерманского фронта более крупными силами и с более решительными целями, чем Харьковская, была не так уж неосуществима. И она могла по крайней мере расстроить и истощить силы врага, предназначавшиеся для наступления на Сталинград и Кавказ.

Все это вовсе не означает, что решающим для исхода Харьковской наступательной операции был недостаток сил и средств. Он дал себя знать в известной степени и на некоторых участках. Еще больше сказались на этой операции и связанных с ней событиях серьезные недостатки в руководстве ее подготовкой и ведением со стороны Военного совета Юго-Западного направления, фронта и командующих армиями.

Таким образом, в поисках ответа на вопрос о реальности замысла Харьковской наступательной операции в мае 1942 г. я нахожу две группы фактов. Это, с одной стороны, соотношение

сил и средств на участках прорыва, сложившееся в целом в пользу войск фронта, и высокий наступательный дух, царивший в наших войсках. Нечего и говорить, насколько существенными были эти факторы. Именно благодаря им, в особенности героизму и отваге советских воинов, в первые дни наступления возникла чрезвычайно опасная для врага ситуация, грозившая сорвать его планы. Вышеупомянутый З. Вестфаль по существу признал это, заявив относительно боев под Харьковом в те дни: "...Победа досталась нам только после серьезных усилий"{68}.

К сожалению, факторы, делавшие реальным осуществление целей операции, сводились к нулю отмеченными выше недостатками в руководстве организацией и ведением операции. Наиболее пагубной оказалась недооценка сил противостоящего врага в целом и отдельных его группировок в частности. Короче говоря, резко дало себя знать то, что в советской военно-исторической литературе справедливо называют отсутствием у нас тогда должного опыта организации и ведения больших наступательных операций.

Это стало очевидным с первого дня наступления.

V

Наступление северной ударной группировки началось 12 мая в 6 час. 30 мин. артиллерийской подготовкой. Она продолжалась ровно час. В 7 час. 30 мин. пошла в атаку пехота с танками непосредственной поддержки. В это же время авиация начала длившийся 15-20 минут налет по районам артиллерийских позиций и опорным пунктам противника в его главной полосе обороны.

Значительное число огневых точек подавить не удалось. Кроме того, их оказалось намного больше, чем предполагалось, и это была первая неожиданность для наших войск. В результате стрелковые подразделения и танки первых эшелонов 21, 28-й и 38-й армий были встречены плотным огнем. За этим последовали контратаки тактических резервов противника. В первой половине дня атакующие части смогли продвинуться на глубину от 1 до 3 км.

Второй неожиданностью было то, что, вопреки надеждам, меньше всех продвинулась 28-я армия. Она имела, как показано выше, сил и средств больше, чем 21-я и 38-я армии. Однако в ходе боев выяснилось, что и враг создал в полосе наступления 28-й армии большую тактическую плотность обороны. Это в свою очередь показало, что немецко-фашистское командование знало о нашем наступлении. Внезапность как важнейший элемент всякого боя была потеряна нашими войсками. Предстояло вести тяжелые, кровопролитные бои.

К концу первого дня наступления лучших результатов в бою добились 21-я и 38-я армии. Войска этих армий, имея плотность артиллерии и танков на 1 км фронта меньшую, чем 28-я армия, достигли больших успехов.

Я уже говорил здесь о наступательном духе, царившем в войсках фронта. В 38-й армии, в частности, его проявления можно было увидеть во всем. Бывая почти каждый день в ротах, батареях, батальонах и дивизионах и беседуя с бойцами и командирами, я убеждался в том, что вся армия живет ожиданием приказа о наступлении, стремлением обрушить на врага уничтожающий удар. И когда наконец в частях и подразделениях было зачитано обращение Военного совета фронта о переходе в наступление, оно было встречено с восторгом и воодушевлением.

Результаты огромного духовного подъема войск сказались уже в первый день операции.

Лучше всех действовала 226-я стрелковая дивизия генерал-майора А. В. Горбатова, усиленная 36-й танковой бригадой (командир полковник Т. И. Танасчишин). Она в короткий срок прорвала тактическую глубину обороны гитлеровцев и перешла затем к преследованию разбитых подразделений 294-й и 211-го полка 71-й пехотных дивизий. После короткого, стремительного боя 226-я стрелковая дивизия овладела важным узлом сопротивления противника в населенном пункте Непокрытое, продвинувшись за день на 10 км.

Успех сопутствовал и 124-й стрелковой дивизии полковника А. К. Берестова, совместно с которой действовала 13-я танковая бригада (командир подполковник И. Т. Клименчук). Эта дивизия форсировала р. Большая Бабка и двумя ударами - с востока и (используя успех соседа справа) с севера - овладела уже знакомым читателю селом Песчаное, где противник создал крупный опорный пункт на своем переднем крае.

В это время и попал в наши руки упоминавшийся выше дневник командира оборонявшегося в Песчаном батальона 294-й пехотной дивизии. Последние записи в этом любопытном документе подтверждают, что немецко-фашистское командование заранее знало о предстоящем наступлении и в связи с этим бросило крупные резервы на усиление обороны. Даже автор дневника выражал удивление по поводу того, что его батальон в течение нескольких дней получил пополнение и был усилен стрелковой ротой, тяжелой минометной группой, инженерным взводом и взводом ПТО. Кроме того, его теперь поддерживала артиллерия. Далее отмечалось, что в ожидании наступления советских войск батальон перенес свои оборонительные позиции подальше от села, основательно укрепил их и зарылся в землю.

Наконец, командир батальона писал, что сумел внушить своим офицерам "чувство уверенности в неприступность позиции, основанное на условиях местности, наличии оружия и моральном состоянии части". Он подчеркивал: "Мы уверенно ждем приближающееся наступление русских"{69}.

Эта уверенность не спасла автора дневника от гибели. 124-я стрелковая дивизия наступала стремительно, и Песчаное вновь было освобождено, по и на этот раз ненадолго.

Еще большими силами оборонялся противник в населенных пунктах Большая Бабка и Пятницкое. Оба они были памятны нам по мартовской операции. 300-й стрелковой дивизии тогда так и не удалось овладеть Большой Бабкой. Теперь она столь же безрезультатно вела бой за Пятницкое, а Большую Бабку атаковал один из полков 81-й стрелковой дивизии. Он форсировал одноименную реку и завязал бой на северо-восточной окраине села. Но одному ему оказалось не под силу сломить сопротивление крупного фашистского гарнизона.

Внимательно глядя с наблюдательного пункта 124-й стрелковой дивизии за ходом боевых действий, я решил ввести в бой резерв армии - два других полка 81-й стрелковой дивизии - для овладения Большой Бабкой. Это решило судьбу названного населенного пункта. Во второй половине дня он был освобожден.

Итак, резерв армии был введен в бой в первый же день операции. Это был вынужденный шаг, вызванный потерей внезапности наступления. Компенсировать этот недостаток можно было только решительным, стремительным движением с целью быстрейшего прорыва тактической глубины обороны противника.

Немецко-фашистское командование, направлявшее основные усилия войск на удержание главной оборонительной полосы, надеялось использовать для контратак лишь дивизионные резервы, с тем чтобы приберечь корпусные для обороны ближних подступов к Харькову. Прорыв соединений 38-й армии нарушил эти планы. Сложившееся для врага напряженное положение вынудило его усилить противодействие нашим наступающим войскам путем переброски и ввода в бой не только корпусных, но и армейских резервов.

К началу советского наступления, как уже отмечалось, на участок против 38-й армии был переброшен один полк 71-й пехотной дивизии. Сюда же в самом начале боя прибыл и полк 297-й пехотной дивизии. Он входил в состав резерва 51-го армейского корпуса, оборонявшего Чугуевский плацдарм.

Командование 6-й немецкой армии было встревожено. Оно полагало, что здесь, а не к югу от Харькова, наносился главный

удар. Это направление было признано угрожающим, поэтому сюда были переброшены еще два полка - из 71-й и 44-й пехотных дивизий. Кроме того, к исходу дня в полосе наступления армии начали сосредоточение 3-я и 23-я танковые дивизии, находившиеся в армейском резерве и предназначенные, как мы очень скоро убедились, для выполнения активных задач.

Итоги первого дня наступления в целом не оправдали надежд командования фронта. Я считал необходимым для достижения успеха перенести направление главного удара в полосу нашей армии. То обстоятельство, что 226-я стрелковая дивизия прорвала тактическую глубину обороны противника, должно было значительно облегчить разгром 3-й и 23-й танковых дивизий, а затем окружение и ликвидацию всей харьковской группировки противника.

Эти соображения были доложены командующему фронтом. Однако он не согласился с ними, заявив, что на прежнем направлении успех будет значительнее, так ник там оба фланга надежно прикрыты. Опасения же относительно сосредоточения противником крупных сил танков командующий счел недостаточно обоснованными. Эту угрозу, по его мнению, должен был ликвидировать успех войск на направлении главного удара, т. е. на участке нашей 6-й армии. \194 - фотография; 195\

Военный совет фронта пришел к выводу, что операцию и в дальнейшем необходимо продолжать согласно ранее принятому решению и в прежней группировке. Он считал, что решительным наступлением 28-й армии будет обеспечен разгром противостоящих войск врага к утру следующего дня. Когда же сопротивление противника таким образом будет сломлено, полагали в штабе фронта, наши войска устремятся на запад и окружат вражескую группировку. Что касается двух танковых дивизий, сосредоточенных в полосе наступления 38-й армии, то не были предусмотрены меры по их разгрому или хотя бы парированию возможных контрударов. Мне было лишь приказано вывести танковые бригады из боя и сосредоточить их к утру следующего дня для прикрытия старосалтовского направления, что нельзя было считать достаточно эффективной мерой. Тем более, что в этом же районе противник заканчивал сосредоточение трех свежих пехотных полков, о которых мы узнали лишь на следующий день.

На рассвете 13 мая наши войска возобновили наступление на прежних направлениях при поддержке авиации, господствовавшей в воздухе. На этот раз и 21-я армия достигла успеха на своем левом фланге. 28-й же армии на правом фланге удалось в первой половине дня лишь окружить крупный опорный

пункт в деревне Терновая. Тогда командующий 28-й армией принял решение развить наступление силами двух стрелковых дивизий и двух танковых бригад на своем левом фланге, используя успех нашей армии.

Дивизии 38-й армии продолжали наступать на своем участке. К 13 часам они продвинулись на правом фланге и в центре на 6 км. К этому времени ими были освобождены населенные пункты Михайловка 1-я, Ново-Александровка и др. Там же войска армии завязали бои за Червону Роганку, а левее вышли к дороге, ведущей от этого населенного пункта к Бол. Бабке. На этот рубеж выдвинулись также 13-я и 133-я танковые бригады.

Во второй половине дня обстановка резко изменилась.

Противник закончил сосредоточение двух ударных групп. Одну из них составляли 3-я танковая и два полка 71-й пехотной дивизий, расположившиеся в районе Приволье; Во вторую - в районе Зарожное - вошли 23-я танковая и один полк 44-й пехотной дивизии. Этими силами враг одновременно нанес контрудар в направлении Старого Салтова. Сильный удар 370 танков с пехотой и при поддержке авиации пришелся по войскам правого фланга армии. Они вынуждены были отойти на восточный берег реки Большая Бабка, открыв левый фланг 28-й армии.

Командующий фронтом, оценив обстановку, приказал мне занять оборону на восточном берегу реки Большая Бабка. Он поставил задачу не допустить прорыва танков врага на Старый Салтов, грозившего окружением всей северной ударной группировки и ликвидацией плацдарма за р. Северный Донец. Соответственно этому армия была усилена 162-й стрелковой дивизией (командир полковник М. И. Матвеев) и 6-й гвардейской танковой бригадой (командир подполковник М. К. Скуба), выведенными из резерва 28-й армии.

Танковые бригады немедленно вступили в единоборство с танками врага. Подбили до 40 из них и подожгли 35. Но и сами понесли большие потери.

14 мая обстановка в полоса наступления северной группировки еще больше осложнилась. Противник в течение всего дня пытался развить удар танковой группой в стык 28-й и 38-й армий, а в районе Песчаное форсировать р. Большая Бабка. Однако стык был укреплен, и это обеспечило успех оборонительных боев.

Командующий войсками фронта в свою очередь переключил авиацию 6-й армии для поддержки северной ударной группировки. В результате 28-я армия в течение дня продвинулась на 6-8 км. Она вышла к тыловому рубежу врага на

правом берегу реки Харьков, но ввести в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус и 38-ю стрелковую дивизию не смогла: они лишь в ночь на 15 мая закончили сосредоточение северо-восточнее Терновая.

Войска 38-й армии продолжали отражать многочисленные атаки пехоты и танков. К концу дня мы прочно закрепились на восточном берегу реки Большая Бабка.

В полосе наступления южной ударной группировки, наносившей главный удар, события поначалу развивались более спокойно. Войска 6-й армии и группы генерала Бобкина начали атаку одновременно с соединениями северной группировки. Наступлению предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка. Последовали трехдневные бои, в ходе которых оборона противника была прорвана до 55 км по фронту и на 25-40 км в глубину.

И здесь наибольший успех был достигнут на вспомогательном направлении. Это произошло благодаря вводу в прорыв в первый день операции второго эшелона. Он не дал противнику возможности задержаться на промежуточных оборонительных рубежах. Меньше продвинулась в глубину 6-я армия на направлении главного удара. Что касается ввода в бой 21-го и 23-го танковых корпусов, то он был перенесен на более поздний срок в связи с тем, что авиация, поддерживавшая нашу 6-ю армию, как уже отмечено, переключилась по приказу командующего фронтом на поддержку северной группировки.

15 и 16 мая 1942 г. войска последней вели упорные бои с резервами противника. Продвижения не имели, так как враг непрерывно подбрасывал подкрепления с белгородского, обоянского и курского направлений. Войска южной группировки в эти дни медленно продвигались вперед и готовились к вводу в прорыв танковых корпусов.

В итоге пятидневных наступательных боев обе ударные группировки продвинулись в глубину обороны противника на 20-35 км и вели бои на рубежах, достижение которых планировалось на третий день операции. Подвижные войска находились в прифронтовой полосе. На севере они втягивались в оборонительные бои, а на юге готовились к вводу в прорыв.

На этом закончился первый этап операции. Он показал, что штаб Юго-Западного фронта и командующие армиями к началу операции допустили крупную ошибку в оценке сил противника. Мы считали, что к 11 мая вражеское командование располагало двенадцатью пехотными и одной танковой дивизией. В действительности же в полосе фронта в районе Харькова находилось пятнадцать пехотных и две танковые дивизии. Кроме

того, прибыла и начала выгружаться еще одна пехотная дивизия, а две другие были на подходе.

Затянувшиеся бои по прорыву главной полосы обороны позволили противнику выиграть время. Он подтянул резервы из глубины, а также с неатакованных участков фронта, уплотнил боевые порядки. В итоге это дало ему возможность изменить в свою пользу первоначальное соотношение сил.

Недооценивая противостоящие силы, их подвижность, маневренность, считая, что враг чуть ли не на грани истощения, штаб фронта наряду с этим переоценивал возможности наших войск. Он полагал, что соединения первых эшелонов легко разгромят противостоящие дивизии врага. Отсюда вытекали и ошибочные установки при планировании наступательной операции, о которых уже шла речь.

Ошибочные оценки не были изменены в ходе боевых действий даже тогда, когда наши войска по существу потеряли инициативу. В полосе наступления северной ударной группировки уже на второй день вражеское командование фактически начало навязывать нам свою волю. В результате последовательность действий войск была нарушена, и вместо решительного наступления мы вели борьбу с танковой группировкой противника.

Подобная ситуация сложилась и в южной ударной группировке войск. Там уже в пределах тактической зоны обороны противника завязались упорные бои с оперативными резервами врага. И лишь на шестой день наступления были созданы условия для ввода в прорыв подвижной танковой группы.

Действительно, в течение всех первых пяти дней операции по существу шла борьба за захват инициативы. Кульминационным пунктом этой борьбы явились события 17 мая. Чаша весов склонилась в сторону противника. Инициатива вновь перешла в его руки. Характерно, что в войсках сразу почувствовали эту перемену.

- Ожил проклятый фашист, перезимовал,- говорили бойцы.

И это была, пожалуй, самая точная оценка противника. Она. как бы подчеркивала, что удары по врагу в ходе зимней кампании нанесли ему тяжелый урон, но не сокрушили, что в результате. этих ударов он лишь "обмер", а вот теперь снова "ожил". И, следовательно, нужно бить основательнее, крепче, чтобы окончательно разбить противника.

Да, враг был еще очень силен. Несколько дней назад мы узнали о неблагоприятном ходе боев за Керчь. А теперь и из наших рук ускользал, казалось, уже почти достигнутый успех.

К сожалению, штаб фронта недостаточно реагировал на

изменение обстановки. А она заключалась не только в усилившемся сопротивлении нашим наступающим соединениям, но и в появлении угрозы со стороны сильной группировки войск противника, сосредоточившейся к тому времени в районе Славянска, Краматорска.

Линия фронта на Юго-Западном направлении к началу наступления проходила восточное Орла, Курска, Белгорода, Харькова и далее по рекам Северный Донец и Миус, с плацдармом в районе Лозовой и Барвенково. С этого плацдарма, известного под названием барвенковского выступа, и наносили удар 6-я армия и группа генерала Бобкина.

У северного фаса выступа был расположен плацдарм противника в районе г. Чугуева, занятый 44-й и 297-й пехотными дивизиями. Им противостояли 199-я и 304-я стрелковые дивизии 38-й армии. Еще севернее наступали основные силы 38-й, а также 28-я и 21-я армии. На южном фасе Барвенковского плацдарма занимали оборону 57-я и 9-я армии Южного фронта.

Таким образом, план операции, имевшей целью охват флангов и последующее окружение харьковской группировки противника, учитывал в основном лишь силы самой этой группировки. Да и то, как мы видели, преуменьшал их. Что касается действовавшей против Южного фронта армейской группы Клейста (17-я полевая и 1-я танковая армии), то она при планировании Харьковской наступательной операции по существу не принималась во внимание. С ее стороны, по мнению командования 57-й и 9-й армий{70}, разделяемому штабом фронта и направления, нельзя было ожидать активных действий в ближайшее время, тем более в направлении на север.

Это была ошибка, за которую пришлось дорого заплатить. Уже 13 мая, буквально на следующий день после начала наступления, крупные силы из состава армейской группы Клейста начали перегруппировку в полосу обороны 9-й армии для нанесения удара в северном направлении.

Выше говорилось о том, как важна не только умелая организация наступления, но и способность видеть в ходе проведения операции те или иные тенденции ее развития, распознавать первые же признаки возникающей угрозы и вовремя предотвращать ее. К сожалению, в описываемый период войны мы еще далеко не всегда обладали таким уменьем и еще только накапливали тот драгоценный опыт, который впоследствии сыграл огромную роль в разгроме врага.

Недешево достался нам этот опыт. И одним из уроков, полученных Красной Армией в первый период войны, были события, связанные с Харьковской наступательной операцией.

Четыре дня длилось сосредоточение войск армейской группы Клейста в названном районе. Нашими войсками были замечены, передвижения у противника, но сведения поступали отрывочные и в высшие штабы не передавались. Им просто не придавалось должного значения, как и показаниям пленных или данным авиаразведки. Командование Юго-Западного направления не знало о готовящемся ударе Клейста, но и узнав, не предприняло сразу мер по ликвидации угрозы.

Вот что пишет об этом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: "В середине мая я присутствовал при разговоре Сталина и Тимошенко и хорошо запомнил, что Сталин высказал серьезное опасение в отношении краматорской группировки противника.

Тимошенко доложил, что Военный совет считает опасность со стороны краматорской группы преувеличенной и не находит оснований для прекращения операции. Вечером того же дня у И. В. Сталина состоялся разговор на эту тему с членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым, который высказал те же соображения, что и командующий"{71}.

Считаю нужным со своей стороны рассказать о последствиях такой оценки обстановки.

VI

К 17 мая в полосе обороны 9-й армии Южного фронта противник сосредоточил для наступления: 3-й моторизованный корпус (14-я танковая дивизия и боевая группа Барбо, 60-я моторизованная, 1-я горнострелковая, 100-я легкопехотная и 20-я румынская пехотная дивизии); 44-й армейский корпус (16-я танковая, 68, 389, 384-я пехотные и 97-я легкопехотная дивизии); 52-й армейский корпус (101-я легкопехотная, два полка 257-й пехотной дивизии и 500-й штрафной батальон).

Всего, таким образом, здесь сосредоточилось около 11 дивизий. Они были полностью укомплектованы личным составом и вооружением, в том числе танками. На участке прорыва они имели следующее превосходство: но числу батальонов-1 :1,7, по орудиям-1:7,4, в том числе противотанковым-1:4,7, по минометам -1: 2,1, танкам -1 : 6,5.

Располагая такими крупными силами перед южным фасом Барвенковского плацдарма, немецко-фашистское командование предназначило их для нанесения двух ударов - на Барвенково и в направлении Долгенькая, где разместился вспомогательный пункт управления 9-й армии. Противник намеревался рассечь оборону этой армии, окружить и уничтожить ее части восточное Барвенково. В дальнейшем он рассчитывал выйти на р. Северный Донец в районе Изюм Петровская, форсировать ее и нанести удар в направлении Балаклеи. Там наступающие должны были

соединиться с войсками 6-й немецкой армии, оборонявшими Чугуевский плацдарм, и завершить окружение всей группировки советских: войск внутри барвенковского выступа.

В 5 час. 30 мин. 17 мая после артиллерийской и авиационной подготовки пехота и танки противника перешли в атаку. С воздуха наступление поддерживали силы авиации. Обходя наши опорные пункты и заграждения, подвижные группы врага уже к 8 часам прорвали оборону 9-й армии на обоих направлениях и продвинулись на север до 10 км. Авиация к тому времени разрушила вспомогательный пункт управления и узел связи армии в Долгенькой. Командующий и штаб, начальник которого был ранен, переехали на командный пункт в Каменке, а оттуда на левый берег реки Северный Донец, потеряв управление войсками. Поскольку через Долгенькую проходила линия связи Южного фронта не только с 9-й армией, но и с 57-й, то и сообщение по ней с потерей этого населенного пункта полностью прекратилось.

В таких условиях командиры соединений и частей вели бои изолированно, без увязки своих действий с соседями и резервами. Штаб же Южного фронта, которым командовал генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, узнал о начавшемся наступлении только во второй половине дня, когда враг уже завершал прорыв тактической зоны обороны. А к исходу дня, когда о случившемся был информирован штаб Юго-Западного направления, противник прорвался уже в оперативную глубину и вступил в бой с резервами армии и фронта.

Наступление вражеских войск являлось самой большой угрозой; какую только можно было представить. Удар был нацелен в глубокий тыл южной ударной группировки Юго-Западного фронта и 57-й армии Южного фронта. В случае удачи немецко-фашистские войска не только сводили на нет все успехи, достигнутые войсками Юго-Западного направления в течение зимней кампании и срывали операцию по овладению Харьковским промышленным районом, но и угрожали окружением крупной группировки наших войск, в том числе и 6-й армии - самой сильной и боеспособной в составе Юго-Западного фронта.

Видели ли эту опасность Военные советы направления, Юго-Западного и Южного фронтов? Судя по всему, нет. Не следует забывать, что командование 9-й и 57-й армий, в полосах которых противник нанес удар, расценивало действия противостоящих вражеских сил как оборонительные и исключало возможность перехода их в ближайшее время в наступление на южном фасе барвенковского выступа. Из этого и следует, что и штаб Южного фронта, а тем более Юго-Западного направления не видели ни

угрозы, ни ее масштабов. Иначе они не ограничились бы явно недостаточными для локализации прорыва мерами.

Командующий войсками Южного фронта, узнав о прорыве, передал 5-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора И. А. Плиева из своего резерва в подчинение 9-й армии. Одновременно он приказал перебросить из района Лисичанска и также подчинить ей же стрелковую дивизию и танковую бригаду. В свою очередь главнокомандующий Юго-Западным направлением передал Южному фронту 2-й кавалерийский корпус из своего резерва. При этом он потребовал организовать разгром прорвавшейся группировки противника и восстановить прежнее положение силами 2-го и 5-го кавалерийских корпусов, а также 14-й гвардейской стрелковой дивизии из резерва 57-й армии.

Из этого видно, что к исходу дня 17 мая штаб Юго-Западного направления не имел представления о силах противника, наступавшего в полосе 9-й армии. Неясным оставались для него и цели наступления.

Все это может показаться странным, особенно если знаешь, что Ставка, как уже говорилось, не раз обращала внимание Военного совета Юго-Западного направления на славянско-краматорскую группировку противника. Невольно напрашивается вопрос: почему же командование Юго-Западного направления сначала вообще не прислушалось к этим сигналам, а после удара врага в полосе 9-й армии не предприняло действенных мер против названной группировки?

Причина была все в той же недооценке сил противника. Мы еще вернемся к этому вопросу. Пока же скажу, что именно в результате такой недооценки наступающей с юга группировке врага были противопоставлены сравнительно малочисленные войска, причем это была кавалерия, которая должна была действовать против танков. Основные же силы Юго-Западного фронта продолжали наступательную операцию, стремясь на запад.

На рассвете того же 17 мая наша южная ударная группировка начала вводить в прорыв 21-й и 23-й танковые корпуса. Ломая сопротивление врага, они продвинулись в северо-западном направлении на 15 км. На 6-10 км продвинулись в тот день все соединения 6-й армии. Группа генерал-майора Л. В. Бобкина вела бои за Красноград. Иначе говоря, наши войска сами лезли в мешок, в пасть врагу.

Согласно плану и боевому приказу, должна была наступать и 28-я армия. Но не успела. На полтора часа упредил ее противник. Главный удар он нанес на Веселое и Муром, вспомогательный -

также на Муром, но с северо-запада. В составе вражеской группировки на этом участке были две танковые и одна пехотная дивизии.

Их удар оказался настолько сильным и неожиданным, что одна из стрелковых дивизий 28-й армии, изготовившаяся для наступления, вынуждена была начать отход, открыв тыл своего правого соседа. Все же наступление врага было остановлено, и он понес большие потери. Но для этого пришлось использовать всю артиллерию и одну из кавалерийских дивизий подвижной группы, предназначенной для действий в оперативной глубине. Она должна была соединиться западнее Харькова с танковыми корпусами 6-й армий. Однако обстановка потребовала гораздо раньше ввести в бой часть сил этой группы, и она закрыла образовавшийся разрыв.

В тот день и дивизиям правого фланга 38-й армии было приказано упорной обороной не допустить прорыва врага на Стар. Салтов. Противник неоднократно стремился преодолеть рубеж р. Большая Бабка в районе Непокрытая и Песчаное. Но все его попытки были отражены.

А !вечером в разведывательный отдел армии были доставлены захваченные у противника секретные документы. Из них явствовало, что немецко-фашистское командование еще 11 мая, накануне начала наступления, приступило к подготовке удара силами 3-й и 23-й танковых и 71-й пехотной дивизий. Они должны были наступать в юго-восточном направлении на населенный пункт Савинцы и далее на Изюм. Иначе говоря, враг намеревался нанести удар по тылам 6-й армии и группы генерала Бобкина, захватить мосты на р. Северный Донец и таким образом перерезать коммуникации наших войск на Изюмском плацдарме. Приступить к осуществлению этого плана намечалось в период между 15 и 20 мая.

Командование 38-й армии ещё ничего не знало об ударе противника в полосе 9-й армии, поэтому мы посчитали правильным, что упредили врага. Действительно, выходило, что 38-я армия отвлекла на себя силы вражеской группировки: сначала решительным наступлением, а теперь, после контрудара по правофланговым дивизиям армии, сковыванием этой группировки. И то, и другое отвлекало последнюю от выполнения запланированного для нее удара по тылам наступающей 6-й армии.

Обменявшись мнениями по этому поводу с членом Военного совета Н. Г. Кудиновым и начальником штаба С. П. Ивановым, я решил активизировать действия войск армии с целью дальнейшего сковывания группировки противника. А поскольку

боевой приказ на 18 мая был уже отдан, то приказал разработать дополнительные мероприятия и соответствующие распоряжения всем дивизиям.

Иванов тотчас же приступил к этому делу, а я связался по прямому проводу с командным пунктом фронта. Меня соединили с командующим, но вместо него к аппарату подошел начальник штаба; Он сказал, что командующий занят и не может сейчас вести: переговоры. Когда же я кратко сообщил содержание захваченных документов врага, начальник штаба попросил срочно доставить их на командный пункт фронта.

Из дальнейших его слов я и узнал наконец о событиях, происходивших в тот день в полосе Южного фронта. Он сказал, что там противник еще утром перешел в наступление крупными танковыми массами и уже успел добиться серьезного успеха на изюмском и барвенковском направлениях. Начальник штаба фронта выразил предположение, что захваченные нами документы раскрывают еще одно звено в общей цепи событий этого дня.

В самом деле, не трудно было догадаться, что мы имели дело с намерением гитлеровского командования нанести двухсторонний удар под основание барвенковского выступа. Стало очевидным и то, что цель противника состояла не только в срыве наступления армий Юго-Западного фронта, но и в ликвидации плацдарма вместе с находящимися на нем войсками. Позже с гало известно, что это и была тщательно подготовленная наступательная операция под кодовым наименованием "Фридерикус I".

Штабу Юго-Западного направления не удалось своевременно разгадать замысел врага. Он имел в своем распоряжении сведения о концентрации танковых соединений противника к северу от барвенковского выступа и еще более крупных сил - к югу. Но не придавал, как показано выше, большого значения ни одной из этих группировок в отдельности. И тем более не видел опасной взаимосвязи между ними.

К вечеру 17 мая все, казалось, прояснилось. Резко осложнилась обстановка в полосе 9-й армии, а это таило в себе угрозу не только для 57-й, но и для 6-й армий. К тому же окончательно выявились намерения противника нанести встречный удар с севера.

Предпринятое в тот день усиление 9-й армии ближайшими резерв вами оказалось явно недостаточной мерой против широкого замысла врага.. Нужны были иные, более действенные решения.

Главнокомандующий Юго-Западного направления в ночь на

19 мая приказал: 6-й армии вывести из боя 23-й танковый корпус, перебросить его на рубеж р. Берека и подчинить командующему 57-й армии; 38-й армии срочно подготовить прочную оборону на левом фланге, в районе Савинцы; 343-й стрелковой дивизии, 92-му танковому. батальону и батальону противотанковых ружей, располагавшимся в резерве за левым флангом 38-й армии севернее Изюма, сосредоточиться за р. Северный Донец и занять оборону на южных подступах к г. Изюм. Кроме того, Ставка Верховного Главнокомандования выделила из своего резерва стрелковую дивизию и две танковые бригады. Она также разрешила усилить правое крыло Южного фронта переброской одной дивизии с ворошиловградского направления.

С утра 18 мая противник возобновил наступление на правом крыле Южного фронта. Из районов Барвенково и Долгенькая он наносил удар на север. Главные силы танковых дивизий врага наступали на Изюм. 343-я стрелковая дивизия не успела сосредоточиться в указанном ей районе. 5-й же кавалерийский корпус уступал врагу в оснащении боевой техникой. В итоге войска противника прорвали оборону кавалеристов и к 10 часам овладели южной частью г. Изюм. Наши части отошли. В течение всего дня они вели оборонительные бои, отразив попытки врага прорваться на левый берег реки Северный Донец. Не сумев с ходу осуществить это намерение, немецкие танковые дивизии повернули на запад.

Там, на рубеже р. Берека, им должен был преградить путь 23-й танковый корпус. Это вытекало из вышеизложенного приказа, изданного главнокомандующим Юго-Западным направлением в ночь на 18 мая. Но 6-я армия с большим опозданием получила распоряжение о выводе из боя 23-го танкового корпуса. Поэтому он до полудня наступал в боевых порядках армии. А когда командир корпуса начал выводить из боя свои бригады, они уже не могли вовремя сосредоточиться на рубеже Береки и воспрепятствовать танковому корпусу противника форсировать эту реку.

Тем не менее наступление южной группировки Юго-Западного фронта не было приостановлено. 6-я армия должна была продолжать продвижение на г. Мерефа, а группа генерала Бобкина- овладеть Красноградом. Наступательные задачи были поставлены и войскам северной ударной группировки.

Было ясно, что немецко-фашистское командование попытается ускорить окончание операции против нашей северной группировки с целью высвобождения и переброски на изюмское направление 3-й и 23-й танковых дивизий. Поэтому командующий фронтом приказал разгромить вражеские танковые

дивизии наступлением 28-й армии в юго-западном направлении, а силами правого фланга 38-й армии овладеть опорными пунктами врага в Непокрытой, Песчаном, Большой Бабке.

Получив приказ, я принял решение уменьшить полосу наступления армии. Это позволило передвинуть к левому флангу 28-й армии 226, 124-ю и 81-ю стрелковые дивизии и уплотнить их боевые порядки. Им предстояло во взаимодействии с танковыми бригадами наступать в направлении населенного пункта Червона Роганка. Одновременно было решено сковать силы противника на левом фланге, где на 60-километровом фронте оборонялись 199-я и 304-я стрелковые дивизии. Каждая из них получила задачу нанести удар двумя усиленными полками и не допустить переброски сил противника на активные участки фронта. Одна дивизия наносила удар на Чугуев, другая - на Балаклею.

План этот мы пытались осуществить в течение 18 мая, однако успеха не имели. Наши войска несколько раз переходили в наступление, продвигались на 1,5-2 км вперед, но подвергались массированным атакам танков и авиации и вынуждены были отходить в исходное положение.

Наступление на Чугуевском плацдарме также не достигло цели. Оно было отражено 44-й и 297-й пехотными дивизиями. Немецко-фашистское командование стремилось любой ценой удержать этот плацдарм, намереваясь, как показали дальнейшие события, воспользоваться выгодными позициями для подготовлявшегося летнего наступления.

Что касается 38-й армии, то среди причин ее неуспеха в первую очередь надо отметить допущенные нами ошибки и просчеты. Решение наступать в 26-километровой полосе было недостаточно обоснованным. Хотя мы располагали некоторыми сведениями о противнике на переднем крае и в ближайшем тылу, все же должного вывода из факта усиления вражеской обороны не сделали. Не учли те силы и средства, которые мог подбросить противник в район прорыва из глубины и с неатакованных участков фронта. Участок прорыва фронта противника не обеспечили необходимым количеством сил и средств, не создали решительного превосходства на важнейшем направлении,

Ко всему этому оперативное построение армии было неглубоким, одноэшелонным при слабом резерве и наличии всего лишь около 19 орудий и 5 танков на километр фронта наступления. При таких условиях вряд ли можно было рассчитывать, что мы сумеем не только прорвать вражескую оборону, но и осуществить глубокую операцию. Мы же, веря в успех наступления, вероятно, при планировании операции самообольщались, желаемое принимали за действительность. И

хотя прорыв войск в первые дни наступления был высокий, нам удалось прорвать лишь тактическую зону обороны. Разгромить же подходившие резервы врага было нечем. Сказалось и то, что вражеские пехотные части были усилены большими группами танков, особенно активно действовала фашистская авиация. В течение светлого времени дня противник наносил один за другим удары с воздуха силами по 20-35 самолетов. Наша же авиация почти не появлялась над полем боя.

Из сказанного видно, что наступательные возможности дивизий 38-й армии были подорваны. Несмотря на это, было решено и 19 мая продолжать наступление силами северной ударной группировки. Это объяснялось тем, что обстановка требовала облегчить положение наших войск на барвенковском выступе.

Дело в том, что оно продолжало ухудшаться. В течение 18 мая войска 9-й армии, ведя тяжелые оборонительные бой, отходили на восточный берег реки Северный Донец. Противник стремительно наступал в северном направлении. Становилась явной угроза коммуникациям наших войск на плацдарме. В связи с этим главнокомандующий Юго-Западного направления тогда же приказал вывести из состава 6-й армии в свой резерв также 21-й танковый корпус и одну стрелковую дивизию, сосредоточив их к исходу 19 мая в центре плацдарма.

Таким образом, основные подвижные силы южной ударной группировки были нацелены на ликвидацию прорыва противника в полосе 9-й армии и восстановление положения. Для выполнения этой задачи привлекались и резервы, прибывшие в район г. Изюм, и часть сил 57-й армии.

Положение войск на плацдарме, однако, становилось все хуже. При этом 6-я армия лишилась большей части оперативных резервов и не могла обеспечить решительного наступления на Мерефу. Группа генерала Бобкина не овладела Красноградом. Поэтому после тщательной оценки обстановки главнокомандующий и принял решение, изложенное в приказе от 19 мая.

Этим приказом соединениям 28-й, левого фланга 21-й и правого фланга 38-й армий ставилась задача разгромить танковую группировку в составе 3-й и 23-й танковых дивизий и других танковых частей противника. Согласно замыслу, эту группировку предполагалось окончательно вывести из игры, тем самым исключив в дальнейшем всякую угрозу для наших войск с ее стороны. В частности, считалось, что после удара она уже не сможет наступать из района Балаклеи в южном направлении и тем самым угрожать коммуникациям 6-й армии.

Оперативная группа в составе левофланговых дивизий 38-й армии под командованием генерала Шерстюка и одна дивизия из созданной тогда же фронтовой группы во главе с генерал-лейтенантом Ф. Я. Костенко (в состав последней вошли группа генерала Бобкина и часть сил 6-й армии - от ее левого фланга до Змиева включительно) должны были встречными ударами нанести поражение группировке врага на Чугуевском плацдарме. Это позволило бы им сомкнуть свои фланги и тем самым высвободить две дивизии 6-й армии, оборонявшие западный берег реки Северный Донец между Балаклеей и Змиевым. Главным силам той же группы генерала Костенко, состоявшим из четырех стрелковых дивизий, усиленных двумя танковыми бригадами, и правофланговым соединениям 57-й армии предстояло обороняться на фронте Змиев - Караван - Красноград - Сахновщина - Благодатное - Верх. Самара.

Наконец, приказ требовал разгромить танковую группу Клейста. Эта задача ставилась группировке войск в составе трех стрелковых дивизий и 2-го кавалерийского корпуса 57-й армии, трех стрелковых дивизий, 21-го и 23-го танковых корпусов 6-й армии и соединений 9-й армии. Войска последней должны были нанести удар с востока, остальные соединения - с запада и севера.

Из содержания приказа видно, что Военный совет Юго-Западного направления стремился: концентрическими ударами возглавляемых им войск нанести поражение вражеской группировке и восстановить положение на южном фасе Барвенковского плацдарма; разгромить 3-ю и 23-ю танковые дивизии силами северной ударной группировки; очистить от чугуевской группы врага занятый ею плацдарм на р. Северный Донец, а заодно срезать балаклеевский выступ и расширить фланг изюмского выступа. Одновременно Военный совет не намеревался прекращать наступательную операцию по разгрому харьковской группировки противника.

Ничего не скажешь, замысел был смелый, и представлялся он авторам простым и реальным. На деле все обстояло далеко не так просто. Прежде всего необходимо было в ограниченное время произвести перегруппировку больших масс войск, разбросанных на обширном пространстве. А мы, как я уже рассказывал, тогда еще не умели делать это должным образом. Кроме того, в предшествующие восемь дней наступательных и оборонительных боев войска понесли большие потери, были сильно измотаны. Наконец, главной группировке угрожало окружение.

Таким образом, в приказе не были учтены реальные условия, в которых проходила борьба с противником. Силы врага, увы, по-прежнему преуменьшались, а наши собственные

преувеличивались. Противостоявшие нам гитлеровские войска располагали крупными силами танков и авиации и обладали высокой мобильностью, маневренностью. Они бешено рвались вперед. А мы словно рассчитывали, что они останутся на уже занятых ими позициях на период перегруппировки наших войск.

Судьба этого боевого приказа сложилась соответственно его содержанию: не был осуществлен ни один пункт. Противник оказался в выигрыше. Войска Юго-Западного фронта потерпели в майских боях крупное поражение. Его последствия тяжело сказывались в течение всей летне-осенней кампании 1942 г.

Вот краткая хроника событий тех дней.

19 и 20 мая. Северная ударная группировка пытается продолжать наступление, но безуспешно, так. как враг сильнее, чем предполагалось. Зато танковая группа противника наносит контрудар, в результате которого наши войска со значительными потерями вынуждены отойти в исходное положение - почти на те самые рубежи, с которых мы начали наступление 12 мая.

В эти же два дня не менее стремительно развиваются события на Барвенковском плацдарме. Недостаточная оперативность в работе штабов и нечеткая постановка задач приводят к тому, что войска 6-й армии опаздывают сосредоточиться на рубеже Большая Андреевка - Петровское. Тем временем немецко-фашистское командование, усмотрев в активных действиях 2-го кавалерийского корпуса угрозу своему флангу южнее Барвенково, перебрасывает туда ночью танковую дивизию. Последняя, прорвав оборону кавалерийского корпуса, овладевает Большой Андреевной до сосредоточения там частей 6-й армии. Что касается Петровское, то противник захватывает, а затем расширяет плацдарм у этого населенного пункта прежде, чем 23-й танковый корпус успевает прочно закрепиться на левом берегу реки Берека. После этого и войска 9-й армии отходят на восточный берег реки Северный Донец, перейдя к активной обороне.

21 мая. Противник начинает выводить из боя 3-ю и 23-ю танковые дивизии для переброски их на северный фас Барвенковского плацдарма. Наша же северная ударная группировка, понесшая довольно значительные потери, не располагает достаточными силами, чтобы воспрепятствовать этому. В то время как немецко-фашистское командование перебрасывает две названные дивизии в район западнее Балаклеи, группа Клейста прорывается на север. Ее танковые дивизии завязывают бои за населенный пункт Протопоповка.

Командование Юго-Западного фронта констатирует дальнейшее ухудшение обстановки. В связи с этим принимается

решение отвести группу генерала Костенко, тем самым сократив линию фронта и одновременно создав крупные резервы.

22 мая. Танковая группа Клейста овладевает населенными пунктами Чепель, Волобуевка, Гусаровка. Устремившись ей навстречу, во второй половине дня форсируют р. Северный Донец, захватывают плацдармы и начинают движение к югу 3-я и 23-я танковые дивизии. Коммуникации наших войск на Барвенковском плацдарме перерезаны.

В поисках путей к восстановлению коммуникаций командование Юго-Западного фронта решает перенацелить главные силы 38-й армии. Ранее они предназначались для наступления из района Волохов Яр на Андреевку, Змиев. Приказом от 21 мая Военный совет фронта приказывает разгромить этими силами рвущуюся в район Савинцы танковую группировку врага.

Хотя этот приказ вскоре был отменен, он касался целиком предполагаемых действий войск 38-й, и потому мне представляется целесообразным привести его текст.

"1. Противник, удерживая фронт Печенеги, Балаклея, продолжает угрожать коммуникациям 6 А. Особое значение приобрел этот участок фронта в связи с наступлением противника в изюмском направлении.

2. Справа 28 А продолжает выполнять прежнюю задачу. Разгранлиния с ней прежняя. Слева 6 А ведет упорные бои на всем фронте с наступающим противником, стремящимся перерезать ее коммуникации.

3. С целью высвобождения 6 А из полуокружения и обеспечения беспрепятственного питания, 38 А своим левым флангом в составе 199, 304, 242, 277 и 278 сд; 114 и 156тбр; 22 тк (13, 36 и 168 тбр, 51 мотоцикл, батальон) с утра 24.5.42 г. перейти в наступление на фронте Печенеги, Балаклея и, нанося главный удар на участке Василецково, Семеновка, иметь задачу: прорвать оборону противника и стремительным ударом 199, 277 и 278 сд, 156 тбр, 22 тк и другими частями усиления в направлении Граково к исходу первого дня выйти на рубеж 133,8, 129,2, Граково, 148,8,150,3, 149,8, Вербовка.

В дальнейшем, развивая наступление на запад и юго-запад, к исходу третьего дня правым флангом ударной группы выйти на р. Сев. Донец на фронте Анновка, Чугуев, Мохначи. Левофланговыми дивизиями (304, 242 сд, 114 тбр) во взаимодействии с 337 и 47 сд 6 А окружить и уничтожить противника на северном берегу р. Сев. Донец.

4. 22 танковому корпусу (13, 36 и 168 тбр, 51 мотоцикл, батальоном и батальоном мотопехоты) к исходу 23.5.42 г. занять исходное положение в районе Гетмановка, Сумское, Шевченково с задачей: с выходом атакующей пехоты на рубеж х. Николаевка, 162,0, 163,6 войти в прорыв на участке х. Николаевка, Михайловка. Одним броском овладеть Малиновка и разрушить переправы на р. Сев. Донец у Чугуев. В дальнейшем, повернув на юг, смять боевые порядки сопротивляющегося противника в районе Лиман, Андреевка, Волчий Яр и разрушить переправы на р. Сев. Донец восточное Змиев.

5. Штарм на период операции расположить в Волосская Балаклея.

6. 242 сд и 114 тбр оставить в резерве в занимаемых районах в готовности к удару на запад и без разрешения главкома в бой не вводить.

С. Тимошенко

Н. Хрущев

И. Баграмян"{72}

Уже после издания приказа в штабе фронта пришли к выводу, что войска 38-й армии не успеют выйти в назначенные районы. По этой причине он и был отменен. Приказ и его история представляют определенный интерес для исследователя, так как помогут ему лучше понять остроту и сложность обстановки в период описываемых событий.

Вернемся к хронике этих событий.

22 мая. Кольцо окружения вокруг войск 6-й и 57-й армий и армейской группы замкнулось. Окруженные войска были объединены в группу "Юг" ("Южная группа") под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко, а приказ, о котором шла речь выше, отменен. Тем не менее командование 38-й армии решает предпринять попытку оказать помощь окруженным.

В середине дня вместе с членом Военного совета армии бригадным комиссаром В. М. Лайоком приезжаю в штаб группы генерала Шерстюка. В нее входят 242-я стрелковая дивизия, 114-я танковая бригада и другие части. Ставлю группе задачу: переправиться через Северный Донец у населенного пункта Савинцы и, во взаимодействии с резервами фронта, разгромив танковую группировку врага в районе Чепеля, восстановить перерезанные ею коммуникации 6-й и 57-й армий.

Генерал-майор Г. И. Шерстюк немедленно приступает к выполнению задачи. Группа успешно переправляется через реку в указанном месте. На противоположном берегу вбирает в себя остатки 64-й танковой бригады 23-го танкового корпуса и другие части. Стремительной атакой овладевает Чепелем.

Начало хорошее. Но дальше все идет из рук вон плохо. Резервы фронта (3-я и 15-я танковые бригады) не выходят к назначенному времени в район Савинцы. Сравнительно слабой по составу группе генерала Шерстюка не удается одними лишь собственными силами преодолеть сопротивление двух вражеских дивизий - 14-й танковой и 384-й пехотной. Эти дивизии были повернуты фронтом на восток с целью ликвидировать плацдарм наших войск в районе Шуровка, Чепель и отбросить группу генерала Шерстюка за Северный Донец. Их атаки были отражены, но и наступление деблокирующей группы 38-й армии успеха не имело.

В результате задача по разгрому танковой группировки противника и восстановлению коммуникаций наших войск не выполнена. Не имея возможности развить удачно начатое наступление, группа генерала Шерстюка занимает оборону поперек излучины Северного Донца.

Все последующие действия войск 38-й армии в районе Савинцы и Чепель, как и оказавшихся во вражеском кольце частей 6-й и 57-й армий, были нацелены на прорыв фронта окружения. В течение четырех дней ни одна такая попытка не увенчалась успехом. Окруженным не давали возможности сосредоточить силы и осуществить прорыв непрекращающееся воздействие наземных войск противника и в еще большей степени массированные налеты авиации.

По-прежнему не удавалось и оперативной группе нашей 38-й армии прорваться на запад из района Чепель. Здесь ожесточенные атаки и контратаки вражеских танков также сопровождались непрекращающимися ударами авиации. Группы самолетов противника, сменяя в воздухе одна другую, бомбили боевые порядки наших войск.

Удары авиации были буквально непрерывными. Об этом можно судить по эпизоду, рассказанному мне маршалом С. К. Тимошенко. 25 мая он с группой офицеров ехал на мой наблюдательный пункт в полосе группы Шерстюка. В районе Савинцы, у моста через Северный Донец, они попали под бомбежку. Пришлось оставить машины и перейти в укрытие, чтобы дождаться окончания налета авиации. Но так и не дождались. Весь день без перерыва фашистские самолеты бомбили и обстреливали мост, переправу, подступы к ним и войска. Только в сумерки машины штаба фронта смогли уйти, так и не добравшись до наблюдательного пункта 38-й армии.

Противник силами пехоты, танков и авиации бешено сопротивлялся малейшим попыткам изнутри или снаружи прорвать окружение. В этих боях погибла значительная часть

попавших во вражеское кольцо. Из "мешка" выходили лишь отдельные группы. И хотя постепенно их число росло, все же многие еще оставались в окружении. Они упорно, героически сражались с врагом, стремясь выйти к своим.

С такой же настойчивостью, изо дня в день, части 38-й армии пытались извне прорвать кольцо окружения. От успеха наших усилий зависело очень многое, так как противник создал и внутренний и внешний фронты окружения. Первый из них удавалось прорвать отдельным группам войск 6-й и 57-й армий. Но для того чтобы выбраться из кольца, им нужно было после этого преодолеть еще и 25-километровый путь под воздействием наземных и воздушных сил врага. А на это у окруженных не хватало сил. Вот почему так важно было снаружи прорвать хотя бы внешний фронт окружения.

Многие воины 38-й армии отдали жизнь, стремясь выполнить эту задачу. Но сил оказалось недостаточно. Враг по-прежнему имел превосходство в танках и еще большее в авиации. Это и решало исход каждого боя.

Более удачным для нас был день 28 мая. На этот раз наш удар извне совпал с одновременным организованным натиском изнутри вражеского кольца.

Произошло это так.

Накануне, 27 мая, в районе западнее Лозовеньки сосредоточились наиболее боеспособные части окруженных войск. Они и составили ядро ударной группы, которая в ночь на 27 мая прорвала внутренний фронт окружения и к утру вышла в район Волвенково и Волобуевки. Вместе с ними сюда добрались многочисленные другие части и подразделения, присоединившиеся к ним во время боя.

Как я уже отмечал, такие группы делали и до этого попытки прорваться, но безуспешно. Если даже они преодолевали внутренний фронт окружения, то внешний оказывался им не под силу. Возможно, такая же судьба ждала и ту группу, которая к утру 28 мая достигла района Волвенково и Волобуевки. Но именно в это время войска 38-й армии сделали во внешнем фронте окружения как бы прокол шириной в километр. И как раз в направлении Волобуевки. Враг оказал ожесточенное сопротивление. Стягивая к месту прорыва войска, он поливал узкий коридор шквальным огнем из всех видов оружия с земли, а его авиация непрерывно наносила удары с воздуха. Гитлеровское командование приложило большие усилия к тому, чтобы ликвидировать прорыв и не выпустить окруженных из смертельного кольца. Но не добилось успеха. 38-я армия нанесла удар снаружи в условиях, когда окруженные делали то же самое

изнутри. Благодаря этому нам удалось вывести из окружения около 22 тыс. красноармейцев, командиров, политработников.

Помню, первыми подошли шесть танков Т-34. Из одного вышел член Военного совета Юго-Западного фронта дивизионный комиссар К. А. Гуров. За танками волнами шли тысячи советских воинов во главе с генерал-майором А. Г. Батюня. На их лицах сквозь тяжкую боль и усталость светилась непомерная радость возвращения к своим.

Общее число выбравшихся из окружения было вместе с этой группой довольно значительным. Но еще больше бойцов, командиров и политработников погибло во вражеском кольце. Среди них были заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, командующий и член Военного совета 6-й армии генерал-лейтенант А. М. Городнянский и бригадный комиссар И. А. Власов, командующий, член Военного совета и начальник штаба 57-й армии генерал-лейтенант К. П. Подлас, бригадный комиссар А. И. Попенко и генерал-майор А. Ф. Анисов, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин и многие другие.

Большинство из них я хорошо знал и глубоко уважал. Они были в расцвете сил и могли бы еще принести много пользы делу борьбы с врагом. И потому особенно горько было сознавать, что их уже нет с нами.

Думая о павших товарищах, я то и дело возвращался мысленно к одному из них - Леониду Васильевичу Бобкину. Мы очень сблизились в то короткое время, когда он был моим заместителем. Человек больших способностей и чуткой души, он обладал и величайшей энергией. Как-то не верилось, что больше не встречусь с ним, не увижу его умной и доброй улыбки.

Вместе с Леонидом Васильевичем трагически погиб и его сын. Мальчику было лет 12-13, и он не разлучался с отцом. Когда Л. В. Бобкин был назначен командующим армейской группой и ему предстояло выехать к месту ее расположения на Барвенковский плацдарм, он задумался: как быть с сыном. Я настойчиво советовал ему оставить мальчика на попечение Военного совета 38-й армии. Но Леонид Васильевич решил по-иному: он не пожелал расставаться с сыном, да и тот усиленно просил взять его с собой.

Вместе они и погибли.

В рядах 6-й армии и 6-го кавалерийского корпуса героически сражались и пали многие из моих друзей и боевых товарищей по Лозовской наступательной операции, которую мы провели в январе 1942 г.

Так трагически закончилась в последних числах мая 1942 г. Харьковская наступательная операция. Эта неудача была очень чувствительной для войск Юго-Западного направления. Потеря большого числа людей, техники и вооружения была тяжелым ударом накануне событий, развернувшихся летом 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта.

Не приходится сомневаться и в том, что Ставка допустила ошибку, согласившись на проведение этой операции. Но, как я уже отмечал, она это сделала по настоянию Военного совета Юго-Западного направления.

Каковы же были принципиальные соображения, которыми руководствовался Военный совет Юго-Западного направления, так настойчиво добиваясь утверждения своих широких наступательных планов на апрель-май 1942 г.? В поисках ответа на этот вопрос пришлось перебрать в памяти все, что мне довелось в тот период услышать от членов Военного совета направления и фронта об их оценке обстановки. Эти же мысли встретились мне в ряде документов того времени. Чтобы не повторяться, ограничусь приведением одного из них.

С наступлением весны все мы тогда задумывались над перспективами дальнейшей борьбы против вторгшегося на советскую землю врага. В войсках и в штабах горячо обсуждался этот вопрос. Военные советы организовали чтение специальных докладов на партийных собраниях, с тем чтобы довести до всех командиров свою оценку обстановки и перспектив ее развития.

Состоялось такое собрание и в штабе Юго-Западного фронта. На нем заместитель начальника штаба фронта полковник И. Н. Рухле выступил с докладом "Задачи партийной организации штаба в обеспечении действий войск фронта на весенний период". Доклад, бесспорно, отражал точку зрения военного и политического руководства фронта, а также направления. По этой причине представляют немалый интерес его тезисы, которые удалось найти в архиве.

Вот как в них оценивалась общая обстановка на советско-германском фронте: "...Зимний период знаменателен тем, что инициатива действий была вырвана у немцев и перешла в руки Красной Армии. Красная Армия от обороны перешла к наступлению, сняла непосредственную опасность Москве и отбросила противника далеко на запад.

Следовательно, с началом зимы война вступила в новый этап своей динамики со всеми преимуществами Красной Армии как наступающей стороны".

Затем ставился вопрос: "Что дала нам зимняя кампания?" Ответ гласил: "Разгром немцев под Москвой и отход их на ряде

участков других фронтов, а также переход противника к обороне на всем театре войны". И далее: "Это значит, что германская армия была вынуждена отказаться от наступления, понесла большие потери от контрударов, потеряла былую веру в успех ведущейся войны... К началу зимней кампании германская армия достигла предела напряжения сил (нуждалась в оборонительной передышке). Контрнаступление Красной Армии сломило материальные силы и моральную устойчивость врага и тем положило начало разложению германской военной машины".

Из всего этого в докладе был сделан следующий вывод: "Фашистская Германия до конца израсходовала свое преимущество стратегической внезапности (привходящий фактор). Превосходство материальных и моральных сил Красной Армии (постоянно действующие факторы) обеспечило нам успех в течение зимы. Все же к весенней кампании мы имеем еще перед собой большую (армию), технически оснащенную, но с надломленной верой в победу, потерявшую лучшие свои кадры и массу техники, что восстановить в былых размерах в ходе войны фашистской армии не удастся"{73}.

Признаюсь, с глубоким волнением читал я эти строки теперь, более четверти века спустя. Ведь они отражают нашу великую веру в руководство Коммунистической партии и Советского правительства, глубокую убежденность в конечной победе над врагом.

Но, вчитываясь в содержание цитируемого документа, нельзя не заметить налета преувеличения во всем, что касалось трудностей, испытываемых противником, а также имевшихся у нас преимуществ. Естественно, что это больше всего отразилось на той части тезисов, которые касались перспектив весенней кампании.

Так, вполне обоснованно заявлялось, что "с наступлением теплого периода, позволяющего оживить мобильность всех родов войск", между воюющими сторонами развернется "борьба за инициативу" и "подготовка плацдарма развертывания новых сил для развития решительных операций". А далее утверждалось, что одной из особенностей приближающегося нового этапа войны явятся "наступательные операции (на решающих направлениях) обеих сторон". Более того, был сделан вывод, что "с наступлением весны следует ожидать активности операций с обеих сторон на всем фронте борьбы"{74}.

Дальнейший ход событий показал, что именно этот вывод не соответствовал обстановке. Что касается противника, то он развернул наступление не на всем советско-германском фронте, а лишь на юге, причем сосредоточил там свои главные силы. С

другой стороны, Советские Вооруженные Силы еще не были обеспечены резервами и вооружением в том огромном количестве, которое требовалось для ведения активных операций по всему фронту.

После всего сказанного, надо полагать, нет необходимости доказывать, что отказ от Харьковской наступательной операции был бы наиболее целесообразным в обстановке весны 1942 г. Переход к прочной обороне на хорошо подготовленных позициях позволил бы избежать крупного поражения, нанести врагу после начала его наступления более значительный урон, сорвать в какой-то мере его планы летнего наступления и приблизить час развертывания активных боевых действий Красной Армии.

Если же Харьковская наступательная операция, вопреки здравому смыслу, началась, то проводить ее надо было решительнее, с предельным напряжением сил и стремительностью. К сожалению, отсутствие этих важнейших элементов всякой наступательной операции и явилось одной из первостепенных причин постигшего нас поражения. Операция планировалась без полной гарантии на благоприятный исход, проводилась как-то неуверенно и нерешительно, в особенности после получения сведений о прорыве группы Клейста.

Когда противник нанес удар в полосе 9-й армии, у основания барвенковского выступа, т. е. в глубокий тыл 6-й армии, то следовало прежде всего определить масштабы угрозы. Сделав это, командование, несомненно, пришло бы к выводу: приостановить наступление 6-й армии и группы генерала Бобкина, повернуть их главные силы на восток и во взаимодействии с 9-й и 57-й армиями Южного фронта разгромить прорвавшуюся группу Клейста. Иначе говоря, следовало прежде всего предотвратить возникшую опасность с юга.

Этого не произошло. Командование и штаб Юго-Западного направления вначале недооценили угрозу и не решились сразу приостановить наступление на Мерефу и Красноград. Приказы о переброске танковых корпусов против прорвавшейся группировки противника были отданы с опозданием и неодновременно. К тому же и вывод их из боя затянулся на 10-12 часов.

Кстати, и поныне продолжаются разговоры по поводу ввода в прорыв этих танковых корпусов утром 17 мая. Целесообразен ли он был? Ответ на этот вопрос неразрывно связан с оценкой неудачного замысла Харьковской операции в целом. Как уже отмечалось, командование Юго-Западного направления допустило ошибку в оценке сил и возможностей противника, преуменьшив их. И это наложило отпечаток на все его решения. Так, не сомневаясь в благоприятном исходе операции, оно

запланировало нанесение главного удара 6-й армией из оперативного "мешка", при этом операция в целом была начата при наличии явно недостаточных сил и средств, без обеспечения глубоких флангов южной ударной группировки.

Наряду с такими ошибками в планировании и организации наступления был допущен и ряд других, касавшихся ее проведения. Одной из них и являлся ввод танковых корпусов в прорыв 17 мая. Это было основной причиной разгрома войск на Барвенковском плацдарме.

Была ли другая возможность использовать эту внушительную силу, свыше двух с половиной сотен танков? Да, была. Речь идет об имевшейся возможности ввести 21-й и 23-й танковые корпуса в прорыв значительно раньше, чем это было осуществлено. Ввод в бой второго эшелона и эшелона развития успеха в полосе 6-й армии 14 мая, как это было предусмотрено планом, несомненно, мог дать операции иное развитие.

Отказ от их использования тогда был связан с тем, что успешные действия северной ударной группировки фронта создали у противника представление, будто она наносила главный удар. Это привело к переброске против нее вражеских резервов, в том числе 3-й и 23-й танковых дивизий. В результате резко за тормозилось наступление нашей северной группировки. Командующий фронтом отсрочил ввод в прорыв танковых корпусов, а авиацию, поддерживающую наступление южной ударной группировки, перенацелил для отражения контрудара гитлеровских танковых дивизий в полосе северной ударной группировки. Тем самым противник в полосе 6-й армии получил возможность осуществить частичную перегруппировку сил и организовать сопротивление на промежуточных рубежах.

В той обстановке ввод в сражение 14 мая двух танковых корпусов в полосе южной ударной группировки являлся наиболее эффективной помощью войскам северной ударной группировки. Он также лишая противника выигрыша времени для организации обороны против нашей 6-й армии. Как стало известно после войны, положение именно здесь вызывало особое беспокойство командующего группой армий "Юг" фельдмаршала фон Бока. 14 мая он звонил в штаб сухопутных войск и предложил перебросить 3-4 дивизии из группы Клейста для ликвидации бреши южнее Харькова. Возможно, что ввод в сражение 21-го и 23-го танковых корпусов в тот день и их успешное продвижение вперед могли заставить немецко-фашистское верховное командование принять иное решение, а это влекло за собой ослабление группы Клейста и, следовательно, силы ее контрудара.

Думается, что строгое выполнение командованием Юго-

Западного направления намеченного плана могло повернуть ход событий в нашу пользу. Нерешительность и колебания привели к тому, что танковые корпуса были введены в бой только на шестой день операции. Это сыграло отрицательную роль. Своевременные и стремительные действия корпусов могли вывести наши войска на глубокие тылы харьковской группировки противника, т. е. поставить вражеские войска в такое положение, в каком оказались мы в результате контрудара группы Клейста.

В подтверждение приведу два примера, относящиеся к этой же операции. Один из них относится к действиям группы генерал-майора Л. В. Бобкина. 12 мая ее командующий с целью более стремительного прорыва обороны противника ввел в бой свой второй эшелон в составе 6-го кавалерийского корпуса и 7-й танковой бригады. Решительное наращивание сил в первый день операции сорвало попытки противника задержаться на промежуточных оборонительных рубежах и обеспечило выход войск группы к Красноградy.

Другим примером, полагаю, может служить показанный выше ввод в бой второго эшелона 38-й армии через несколько часов после начала наступления. В данном случае это позволило прорвать тактическую зону вражеской обороны в первый же день операции.

Как видим, оба приведенных примера относятся к вспомогательным направлениям. На участках прорыва, где действовали войска, наносившие главный удар, не были приняты меры для ускорения темпов наступления. Между тем ввод танковых корпусов в прорыв на третий день операции в полосе наступления 6-й армии, где противник не имел танковых частей, позволял развить стремительные темпы. Неприятеля это должно было лишить возможности держаться за каждый промежуточный рубеж с целью выигрыша времени для подтягивания резервов.

Напомним еще раз, что группа Клейста 13 мая, т. е. на второй день наступления Юго-Западного фронта, начала сосредоточение своих сил в полосе 9-й армии. Вот почему ввод в прорыв 21-го и 23-го танковых корпусов согласно плану мог создать ситуацию, при которой план противника (операция "Фридерикус I") мог стать невыполнимым.

Следовательно, если вообще существовала возможность успешного проведения Харьковской наступательной операции, то она заключалась в решительности и стремительности действий. К сожалению, стремительность действий командование и штаб фронта почему-то отождествляли с неоправданным риском. Это и привело к тому, что мы почти повсюду запаздывали.

А ведь был момент, когда мы стояли уже на пути к успеху.

Этого не могут скрыть в своих воспоминаниях и немецкие участники боев, происходивших в мае 1942 г. Например, один из них, Вильгельм Адам, в книге "Трудное решение" признал: "Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова... В боях за Харьков 6-я армия (немецкая.-К. М.) понесла весьма ощутительный урон, потеряв 20 тыс. человек убитыми и ранеными"{75}.

* * *

Боевые действия в районе Харькова характеризовали острую борьбу за инициативу в развертывании крупных наступательных операций и улучшение оперативного положения войск воюющими сторонами. Потерпев поражение в мае, советские войска потеряли важный оперативный плацдарм и вынуждены были перейти к обороне в невыгодных условиях.

Это послужило суровым уроком. И главный из них состоял и том, что мы отрешились от преувеличенного представления о своих успехах в накоплении опыта ведения современной войны. Слов пет, к тому времени советские войска, штабы и командование всех степеней многому научились за год войны. Но далеко не всему тому, что должны были знать и уметь. Понимание этого, сознание необходимости еще многому учиться, доставшееся нам дорогой ценой в мае 1942 г., я и считаю одним из главных уроков Харьковской наступательной операции.

Глава VI. Опять наступает враг

I

В результате неудачной Харьковской наступательной операции ослабленные войска Юго-Западного фронта перешли к обороне. Линия фронта проходила по руслу р. Северный Донец. Только в трех местах она не совпадала с течением реки. В районе юго-западнее Волчанска и южнее Балаклеи у населенного пункта Савинцы войска 38-й армии занимали плацдарм на правом берегу реки Северный Донец. Восточное Чугуева, от населенного пункта Печенеги до г. Балаклея, на левом берегу реки был обширный плацдарм у противника.

В последней декаде мая здесь было отмечено резкое оживление в расположении противника. Данные разведки и показания пленных подтвердили сосредоточение вражеских войск на Чугуевском плацдарме. Очевидно, враг придавал важное значение удержанию плацдарма и поэтому зимой и весной 1942 г. ценой огромных потерь упорно цеплялся за свои позиции. Для их защиты он бросал в бой не только тыловые части, но и учебные

команды, в том числе и танковые в пешем строю.

Ожесточенность майских боев на Старосалтовском и Барвенково-Лозовском плацдармах не оставляла сомнений в намерениях врага. Вероятно, он стремился вытеснить советские войска с плацдармов на правом берегу реки Северный Донец и занять выгодные позиции для развертывания дальнейших активных действий.

Опасаясь удара в направлении г. Купянск, главнокомандующий Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко приказал участок фронта на Старосалтовском плацдарме передать 28-й армии. Усилия 38-й армии должны были быть сосредоточены на обороне 60-километрового участка фронта против Чугуевского плацдарма противника. Оборона 199-й и 304-й стрелковых дивизий на этом участке фронта уплотнялась частями 277-й и 278-й стрелковых дивизий. По обе стороны железной дороги и шоссе Харьков - Купянск создавались оборонительные рубежи, промежуточные и отсечные позиции.

Местность, которая лежала перед 38-й армией, представляла собой широкие степные просторы, где можно было применить в больших масштабах все роды войск с их многочисленной техникой, особенно танки и авиацию. И не вызывало сомнения, что враг постарается использовать эти преимущества для осуществления своих планов. Такое предположение о намерениях вражеского командования подкреплялось данными разведки.

Командование фронта на основании данных разведки о сосредоточении вражеских войск и показаний пленных пришло к аналогичному выводу. Поэтому решение об укреплении обороны не было неожиданным для меня. Все явственнее вырисовывалось и то, что противник готовился нанести удар в направлении Купянска, т. е. опять-таки в полосах 28-й и 38-й армий. Прибытие под Харьков свежих соединений из Западной Европы, подтягивание из глубины пополненных танковых дивизий, сосредоточение и активизация авиации, а также создание громадных запасов материальных средств - все это говорило само за себя. Потому-то командующий фронтом и отдал приказ об усилении войск на самом угрожаемом участке.

Это решение командующего являлось существенной частью мероприятий, намеченных в то время Военным советом Юго-Западного направления. Они вытекали из новой оценки обстановки, сложившейся на юге Советской страны к 29 мая 1942 г.

Согласно имевшимся данным, войска противника были сосредоточены в следующих полосах: от Обояни до Харькова -

семь пехотных дивизий; восточнее Харькова от населенного пункта Печенеги до р. Изюм - четырнадцать пехотных, шесть танковых и одна-две моторизованные дивизии; от Изюма до Лисичанска семь пехотных дивизий; от Лисичанска до Таганрога - шестнадцать пехотных дивизий. Сюда же намечалось перебросить из Крыма пять-шесть пехотных и две танковые дивизии.

Соотношение сил в трех из этих полос не было угрожающим, и советские армии находящимися в обороне дивизиями могли предотвратить прорыв немецко-фашистских войск на восток. В четвертой же, на фронте Печенеги - Изюм, было явное превосходство на стороне противника, особенно в танках. Даже фронтовые резервы не вносили существенных коррективов. Это и была полоса 38-й армии.

Исходя из группировки вражеских войск, соотношения сил и стремления противника прорваться на Кавказ и завладеть источниками нефти, командование Юго-Западного направления пришло к выводу, что немецко-фашистские войска могут предпринять наступление в ближайшие 5-10 дней. Наиболее вероятным считался главный удар с Чугуевского плацдарма на Купянск и вспомогательный из района Изюм на Старобельск. В случае успешного исхода крупная группировка противника выходила на правое крыло и в тыл Южного фронта. Непосредственная угроза возникла также на левом крыле Юго-Западного фронта.

Для противодействия намерениям вражеского командования было решено организовать за счет внутренней перегруппировки прочную оборону на стыке двух фронтов в полосах 38, 9-й и 37-й армий. В то же время Военный совет направления считал, что имеющихся сил было недостаточно для успешного отражения главного удара противника. Поэтому оп просил Ставку усилить войска не менее чем тремя стрелковыми дивизиями, танковым корпусом, артиллерией п иметь на этом важнейшем направлении свои резервы.

Из сказанного видно, что участок фронта, обороняемый 38-й армией, считался одним из наиболее угрожаемых на юго-западном направлении. Предполагалось также, что он находится на направлении предстоящего главного удара противника. Ход событий подтвердил это.

Вообще оценка обстановки Военным советом Юго-Западного направления, сделанная в конце мая 1942 г., и выводы по ней{76} выгодно отличались от ряда предшествующих подобных оценок и выводов своей реалистичностью. И все же эта оценка касалась лишь ближайшего будущего. Она не распространялась на всю летнюю кампанию. Произошло же это потому, что командование

и штаб Юго-Западного направления и фронта продолжали придерживаться прежней точки зрения относительно немецко-фашистских планов на лето. Вследствие этого, указав на сосредоточение крупных сил противника на юге, они не сделали вывода о том, что именно здесь, а не на московском направлении, развернется летнее наступление врага.

Такой вывод в сущности и должен был исходить прежде всего от Военного совета Юго-Западного направления. К сожалению, он не был им сделан ни до неудачной Харьковской наступательной операции, ни после нее. Иначе говоря, по-прежнему ожидались два удара главных сил немецко-фашистских войск: один - в обход Москвы с юго-востока с целью выхода на Волгу в районе Горького и изоляции столицы от важнейших промышленных и экономических центров Поволжья и Урала; второй - на Кавказ, к источникам нефти.

Оценка обстановки, сделанная к 29 мая, фактически соответствовала точке зрения о том, что противник готовится нанести на юге не главный, а вспомогательный удар и что наступать основными силами оп намеревается на московском направлении.

Таким образом, сложившаяся на юге к концу мая 1942 г. неблагоприятная для нас обстановка усугублялась тем, что войска здесь не готовились к отражению наступления главных сил противника. Вместо этого Военный совет Юго-Западного направления проводил меры, направленные на парирование предполагаемого вспомогательного удара. Это и оказало глубоко отрицательное влияние на весь ход событий лета 1942 г.

II

Начались эти события, впрочем, примерно так, как предполагалось в оценке обстановки Военным советом Юго-Западного направления от 29 мая. Я имею в виду удар противника в направлении Купянска и Старобельска.

Нанесенный противником в мае удар на барвенковском выступе не исчерпал задач операции "Фридерикус I". Теперь известно, что одна из ее целей, в частности, заключалась в том, чтобы полностью овладеть правым берегом Северного Донца. Но именно этого противнику и не удалось добиться. В руках 38-й армии, как уже отмечено, оставались два плацдарма на правом берегу реки Старосалтовский и в районе населенного пункта Савинцьг.

Такая конфигурация фронта не устраивала командование группы армий "Юг". Кроме того, на очереди у него была следующая операция, получившая кодовое название "Вильгельм". Цели ее, как говорил впоследствии Ф. Паулюс, состояли в том,

чтобы "1) заблаговременно, еще до начала главного наступления, форсировать р. Донец; 2) занять выгодную позицию, с которой можно было бы нанести удар по южному флангу русских войск, находящихся в холмистой местности восточное Белгород; 3) достичь на южном фланге р. Бурлук, тем самым обеспечить защиту фланга 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии, который через Купянск должен был повернуть на юго-восток"{77}.

Таким образом, это была лишь еще одна частная операция, осуществлявшаяся в интересах подготовки "главного наступления". Главный удар, нацеленный на Купянск, должны были отразить прежде всего 28-я и 38-я армии.

Здесь, на фронте от Волчанска до Изюма, противник обладал большим превосходством в силах и средствах, особенно в танках. Он имел 14 пехотных, шесть танковых и одну-две моторизованные дивизии. Им противостояли войска 28, 38-й, правого фланга 9-й{78} армий и фронтовые резервы - всего 10 стрелковых, шесть кавалерийских дивизий, танковый корпус и семь отдельных танковых бригад. Все они имели неполный состав. Особенно ослаблены были три стрелковые и три кавалерийские дивизии, а также пять танковых бригад.

В описываемое время в целом на советско-германском фронте превосходство в силах и особенно в технических средствах ведения вооруженной борьбы было на стороне противника. И Красной Армии предстояло выдержать еще немало суровых испытаний, прежде чем Советский Союз превзошел врага в этом отношении и окончательно повернул в свою пользу ход войны.

Но вернемся к обстановке, которая сложилась к тому времени. Уже в конце мая и особенно в самом начале июня появились все признаки подготовки врага к наступлению. На всем фронте нашей армии сосредоточивались его пехота и танки. Артиллерия производила пристрелку целей, авиация непрерывно дежурила в воздухе. Из глубокого тыла противника прибывали крупные подкрепления и резервы.

Убедившись в том, что на участке 38-й армии враг будет наступать крупными силами, мы стремились всесторонне подготовиться к отражению его удара. Однако в нашем распоряжении оказалось всего лишь несколько дней.

Как уже отмечалось, и декабре 1941 г; в связи с переходом от обороны к наступлению все командиры и красноармейцы внутренне перестроились, воодушевились. И теперь, после нескольких месяцев наступательных действий, было еще труднее видеть, что советские войска вновь вынуждены обороняться. Ведь зимой, да и весной, казалось, что инициатива окончательно перешла в руки Красной Армии. Хотя можно было ожидать новых

попыток врага опять захватить ее, однако верили, что ему это не удастся.

Более того, многие из нас полагали, что Красная Армия уже в состоянии немедленно выбросить захватчиков с советской земли. Проявлением этого и являлись, в частности, планы наступательных действий, разработанные Военным советом Юго-Западного направления. Предусматриваемая ими серия ударов по врагу с целью оттеснить его до Днепра была, несомненно, задумана как начало изгнания оккупантов с территории нашей Родины.

Между тем противнику удалось тогда нанести Красный Армии тяжелые поражения на Керченском полуострове и на барвенковском выступе. В те дни враг крупными силами перешел в наступление на Севастополь. А теперь и на берегах Северного Донца советские войска стояли лицом к лицу с превосходящими силами врага, изготовившимися для нанесения нового удара. Иными словами, обстановка резко изменилась и предстояла длительная, упорная оборона.

Я уже говорил, что соединения 38-й армии в основном выполняли наступательные задачи всю зиму, всю весну и даже в дни, когда противник окружил на Барвенковском выступе часть войск Юго-Западного и Южного фронтов. Тогда каждый воин армии жил одной мыслью: вперед!

Иной стала задача теперь. Враг готовился к наступлению, и надо было в короткие сроки создать прочную, глубоко эшелонированную оборону. Настолько прочную, чтобы она стала непреодолимой и для пехоты, и для танков противника. Требовалось укрыть личный состав от поражения артиллерийско-минометным огнем и особенно авиации. Штаб армии должен был предусмотреть различные варианты действий противника, спланировать эффективные мероприятия своих войск по каждому из них и организовать взаимодействие родов войск на различных этапах предстоящих боев.

Одна из важнейших задач в те дни состояла в том, чтобы подготовить бойцов к упорной обороне.

Принцип обороны прост: стоять насмерть. Так должен был стоять стрелок, пулеметчик, минометчик, каждый воин. За его спиной Родина, семья, дети. Погибли его товарищи, убит командир, но он должен по-прежнему сделать все, чтобы уничтожить врага. Он не должен отступать ни на шаг. Таков приказ. Он может отступить только по приказу своего командира.

Да, нам предстояло стоять насмерть. Необходимо было не только подготовить личный состав к пониманию изменившейся обстановки, но и разъяснить, что успех ныне зависит

исключительно от стойкости в обороне. Оборудованная местность всегда была верным союзником воинов в бою, поэтому требовалось создать глубоко эшелонированную оборону.

Бойцы зарылись в землю. Даже танкисты приданного армии 22-го танкового корпуса (командир генерал-майор А. А. Шамшин) закопали в землю танки по башни. Корпус входил во второй эшелон армии, который был сосредоточен, как и все ее главные силы, на правом фланге - у шоссе и железной дороги Харьков - Купянск. Враг пытался ввести нас в заблуждение относительно направления своего главного удара, но мы разгадали смысл ложного маневра в районе Балаклеи, где противник имитировал сосредоточение войск, и резервов туда не перебросили.

Полностью осуществить все намеченные мероприятия 38-я армия не успела. Не хватило времени. Это обстоятельство, а главное - значительное превосходство сил противника и предопределило исход вскоре начавшихся боев.

III

10 июня в 4 часа утра после 45-минутной артиллерийской подготовки танки и мотопехота противника, поддержанные мощной авиацией, перешли в наступление. Они атаковали наши позиции на многих участках фронта армии, в том числе из района Балаклеи в направлении Савинцы (см. схему на стр. 258).

Но к 11 часам дня окончательно определилось, что и там, и у населенных пунктов Волохов Яр, Яковенково вражеское наступление носило чисто демонстративный характер. Как мы и ожидали, главный удар наносился вдоль дорог на Купянск. Он пришелся на стыке правофланговой 277-й и 278-й стрелковых дивизий.

Еще в 6 час. 30 мин. пехота и танки врага нанесли удар по правому флангу 852-го стрелкового полка 277-й стрелковой дивизии. Вытеснив его из Худоярово и из рощи восточное Николаевки, противник спустя еще час овладел населенным пунктом Малые Крынки. К 10 часам он занял и Гетмановку.

278-я стрелковая дивизия в то утро отбила все атаки. Но после того как противник захватил Малые Крынки, он смог оттуда ударить во фланг этой дивизии на Ново-Степановку и овладеть ею. Дальнейшее его наступление на восток было остановлено огнем танков 22-го танкового корпуса на рубеже Мостовое Татьяновка - Богодаровка.

В этот момент мне (я находился на наблюдательном пункте) доложили: вызывает для переговоров по прямому проводу заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Я поспешил к аппарату Бодо, на ходу обдумывая краткий доклад. Но докладывать пришлось не заместителю

начальника Генерального штаба.

- С вами сейчас будет говорить товарищ Сталин,- сказал Н. Ф. Ватутин после обмена приветствиями.

Верховный Главнокомандующий, поздоровавшись, попросил доложить обстановку. Отвечая, я начал прямо с того, что противник потеснил войска армии, нанеся превосходящими силами удар по ее правому флангу. Далее доложил, что главные усилия врага сосредоточены на купянском направлении, однако там ему пока удалось продвинуться лишь на 3-4 км. Выслушав, И. В. Сталин заметил:

- Немецко-фашистские войска на советско-германском фронте проявляют в настоящее время активность только в районе Волчанска и восточное Чугуева, т. е. против вас. Это облегчает отражение ударов противника.

Далее он спросил, какие меры принимаются для того, чтобы не допустить прорыва вражеских войск к Купянску.

В момент, когда происходил этот разговор, войска армии сдерживали наступление врага ценою больших усилий. Противник продолжал осуществлять массированные атаки танков. Его артиллерия и минометы вели ураганный огонь. В воздушных налетах участвовало 150-200 фашистских самолетов. Они действовали группами по 12-15 машин, непрерывно наносивших бомбовые удары по нашим боевым порядкам.

Но ничто не могло сломить сопротивление обороняющихся войск. Противник потерял до 60 танков, но так и не смог пробиться вдоль шоссе на Купянск.

Обо всем этом я и доложил Верховному Главнокомандующему. Рассказал о закопанных в землю танках 22-го танкового корпуса, преградивших своим огнем путь врагу. Доложил о подготовляемом контрударе, который мы намечали нанести на рассвете следующего дня. Наконец, сказал, что войска армии приложат все силы для отражения удара и срыва наступления врага. Выполнили ли мы это обещание? Не сумев сломить сопротивление войск 38-й армии вдоль шоссе на Кунянск, противник во второй половине дня 10 июня повернул на северо-восток. Там, на участке 277-й стрелковой дивизии в районе населенного пункта Отрадное, расположенного на северном берегу р. Большой Бурлук, к 17 часам действовало до 150 вражеских танков. Превосходящие силы противника продолжали теснить 277-ю стрелковую дивизию. Понеся большие потери в личном составе и вооружении, она к исходу дня вынуждена была начать отход. В течение ночи части дивизии отошли в район населенных пунктов Орошимовка, Крейдянка, расположенных на той же реке, только в ее верхнем течении, на

западном берегу.

После этого почти весь район, ограниченный с запада Северным Донцом, а с юга и востока Большим Бурлуком, оказался в руках у противника. Исключение составили лишь его восточная часть, на которую отошла 277-я стрелковая дивизия, а также северная.

Той же ночью в образовавшийся прорыв в междуречье Северного Донца и Большого Бурлука вошли две вражеские дивизии - пехотная и танковая. В то время как части 277-й стрелковой дивизии отступали к востоку, колонны войск противника двинулись к северу, в направлении населенного пункта Великие Хутора. Что влекло их туда? Можно было предположить, что эта группировка имела задачу продвинуться еще дальше к северу. Там она могла ударом в направлении г. Белый Колодезь соединиться с другой активизировавшейся группировкой немецко-фашистских войск - волчанской. Одновременно это грозило окружением 28-й армии. Но было вполне вероятно, что продвигавшиеся к северу две дивизии противника имели и другую цель - обойти правый фланг 38-й армии и с северо-запада прорваться к Купянску.

Сорвать любое из этих намерений и должен был подготовляемый нами контрудар. Намечалось нанести его 11 июня в 3 часа утра в направлении Шевченково, Худоярово. Цель - уничтожить прорвавшуюся вражескую группировку и восстановить положение на правом фланге 38-й армии. Для нанесения контрудара были выделены 22-й танковый корпус, 162-я и 278-я стрелковые дивизии, 3-я и 156-я танковые бригады. Командование танковой группой было возложено на генерал-майора Н. А. Новикова, бывшего командира 3-й танковой бригады, а с 7 июня - моего заместителя по бронетанковым войскам.

Ночью, когда соединения контратакующей группы готовились к нанесению контрудара, потел сильный дождь. Ливень сразу сделал непроезжими все грунтовые дороги. В результате горючее и боезапас для танков были доставлены с опозданием. Это в свою очередь привело к тому, что, например, части 22-го танкового корпуса начали атаку не одновременно. А на участке 162-й стрелковой дивизии по той же причине пехота наступала без танков непосредственной поддержки. Что касается 133-й танковой бригады (командир полковник Н. М. Бубнов), то она пошла в наступление только в 11 часов. Произошло это потому, что бригада до 4 часов утра вела бой с танками противника, прорвавшимися, как уже говорилось, на участке 277-й стрелковой дивизии.

Кстати, танкисты полковника Бубнова нанесли большой урон противнику, но и сами лишились значительной части своих боевых машин. В строю осталось только 12 танков. В той или иной море были ослаблены в недавних боях и другие соединения, участвовавшие в нанесении контрудара.

Во много раз усложнили задачу 38-й армии и действия вновь активизировавшейся авиации противника. Она, как и накануне, безраздельно господствовала в воздухе. Фашистские летчики наблюдали за передвижениями советских войск, и это помогало вражескому командованию раскрывать наши намерения. Тесно взаимодействуя с тапками, авиация врага наносила непрерывные удары по огневым позициям артиллерии и скоплениям войск. Только против танков, участвовавших в контрударе 38-й армии, она совершила около 1200 самолето-вылетов.

Наконец, контратакующая группа генерала Н. А. Новикова сразу же натолкнулась на сильное противотанковое прикрытие противника.

Конечно, никто не. ожидал легкого успеха. Было ясно, что противник не мог не учитывать возможности контрудара, а следовательно, и принял соответствующие меры. В этих условиях успех зависел от стремительности действий контратакующей группы, от одновременности ее удара всеми силами, собранными в кулак. К сожалению, такого удара не получилось.

Когда наконец все входившие в группу соединения пошли в атаку, то оказалось что в это же время враг возобновил наступление силами 62-й и 297-й пехотных, 14-й и 23-й танковых дивизий.

В результате всего этого 22-й танковый корпус не смог выполнить поставленную задачу. Но в то же время своим ударом он остановил дальнейшее продвижение противника на восток. Тем самым была сорвана попытка врага форсировать р. Большой Бурлук и наступать на Купянск. Одновременно танкисты 36-й и 168-й танковых бригад (командиры полковник Т. И. Танасчишин и подполковник В. Г. Королев), входивших в состав 22-го танкового корпуса, обеспечили занятие 242-й и 9-й гвардейской стрелковыми дивизиями рубежа Крейдянка - Аркадьевка - Огурцовка. Эти две дивизии были переданы нам из фронтового резерва, и командование армии усилило ими оборону на направлении главного удара противника.

Большего успеха добились 3-я (командир подполковник В. И. Красноголовый) и 156-я (командир полковник Г. И. Соколов) танковые бригады. Во взаимодействии с правофланговыми частями 278-й стрелковой дивизии они завязали бои за Ново-Степановку и Новый Лиман. Вскоре первый из этих населенных

пунктов был ими освобожден.

Враг же одновременно с отражением нашего контрудара предпринял наступление в районе Средний Бурлук, Красноармейское, Орошимовка. Здесь в полдень 9-я гвардейская стрелковая дивизия отразила натиск пехоты и 45 танков. Пять часов спустя противник бросил в атаку до 100 танков. Часть из них прорвалась в северном направлении - на Ново-Александровку. Это дорого обошлось врагу: было подбито и сожжено 42 фашистских танка.

Но и такой ценой противник не достиг своей цели - прорыва на Купянск.

Не сумев добиться этого ударом с запада, немецко-фашистское командование решило взять город обходным маневром. Для этого удар из района Средний Бурлук был нацелен на ст. Гусинка. Таким путем предполагалось перерезать железную дорогу Волчанок - Купянск. Далее намечалось наступлением с северо-запада, обходя главные силы 38-й армии, овладеть Купянском. Вероятно, гитлеровскому командованию этот замысел казался весьма удачным.

Удары противника нарастали. Обстановка все время осложнялась. Обменявшись мнениями с членами Военного совета бригадными комиссарами Н. Г. Кудиновым и В. М. Лайоком и начальником штаба полковником С. П. Ивановым, мы пришли к выводу, что вышеупомянутыми действиями вражеские войска у Базалеевки подставляют под удар свое самое чувствительное место - фланг и тыл. Мы считали, что, повторив контрудар в направлении этого населенного пункта, могли бы выйти к Северному Донцу и сомкнуть свой правый фланг с войсками 28-й армии. В случае успеха коммуникации прорвавшихся вражеских дивизий в полосе 38-й армии оказались бы перерезаны.

Этому намерению не суждено было осуществиться. В связи с тем, что волчанская группировка противника продвигалась в юго-восточном направлении, командование фронта приняло решение, более соответствующее обстановке в полосе фронта. Нам было приказано перейти к обороне у шоссе Харьков -Купянск, передислоцировать 22-й танковый корпус в район ст. Гусинка и, отразив наступление противника, ударом в направлении Новый Бурлук, Юрченково, Василенково разгромить его.

Впрочем, и это решение не было реализовано. Мы отразили наступление противника, но войска 38-й армии к тому времени понесли большие потери и для перехода в наступление нуждались в пополнении людьми и вооружением.

Не в лучшем положении находился противник. Его потери были весьма значительны, особенно в танках. Поэтому в течение

последующих двух дней он смог действовать небольшими силами на отдельных участках. И при этом потерял еще 31 танк, после чего начал переходить к обороне, закреплять достигнутые рубежи. Только его авиация продолжала действовать активно.

IV

Кончался первый год Великой Отечественной войны. Он был самым долгим и трудным в жизни советского народа, всей страны. Сколько тяжких утрат принес нам каждый его день. Начиная с первого, полыхавшего на границе огнем сражения против вероломно вторгшегося врага и кончая этими днями, когда мы еще ожесточеннее бились с противником, но теперь уже в глубине страны.

Там, к западу от линии фронта, на советской земле хозяйничали захватчики. Они не только не выдохлись, как казалось зимой и весной многим из нас, но по-прежнему обладали превосходством в силах и средствах, по крайней мере на юге.

Правда, не это определяло главный итог первого года войны. Он состоял в том, что расчеты гитлеровского командования потерпели крах. "Блицкрига" не получилось. Разбить Красную Армию в полтора-два месяца не удалось. Война вместо "молниеносной" оказалась длительной, затяжной.

Внезапное и вероломное нападение на Советский Союз дало фашистской Германии временные преимущества. Заранее готовясь к войне, она перевела свое хозяйство на производство продукции для фронта, создала количественное превосходство в танках и авиации. Одновременно была полностью отмобилизована ее армия, имевшая к тому же опыт ведения современной войны с использованием крупных масс танков, авиации и автоматического оружия. Поэтому Красная Армия в первые месяцы войны вынуждена была отступать. Но, отступая, она наносила врагу невосполнимый урон.

Временные неудачи не деморализовали Красную Армию, не сломили ее тыл. Наоборот, они сплотили весь советский народ, поднявшийся на борьбу с оккупантами. Рабочие, колхозники и интеллигенция и в мыслях не допускали возможности жить под немецко-фашистским игом. Каждый советский человек был убежден, что неуспехи на фронтах имели временный характер, знал, что война завершится поражением врага.

Промышленные предприятия эвакуировались в восточные районы страны и постепенно развертывали военное производство. Командиры, политработники и красноармейцы закалялись в жестоких боях, приобретали опыт и вырабатывали приемы борьбы с вооруженной до зубов немецко-фашистской армией. Первые

результаты этих перемен сказались в битве под Москвой. Измотав и обескровив врага, Красная Армия остановила его на подступах к столице и в начале декабря перешла в контрнаступление. Разгромив десятки гитлеровских дивизий, она отбросила захватчиков далеко на запад. Это явилось поворотным событием в ходе войны. И не только в военном, но в политическом и дипломатическом отношении.

Правители гитлеровской Германии, напав на Советский Союз, рассчитывали сколотить против него коалицию всех капиталистических стран, включая Великобританию и США. Эти планы рухнули, так как свободолюбивые народы мира не позволили своим буржуазным парламентам и правительствам вступить в сделку с фашизмом. Вероломная гитлеровская политика бить поодиночке свободолюбивые народы провалилась.

В битве под Москвой народы мира увидели луч надежды, предвестник неминуемого разгрома гитлеровской Германии.

И хотя к лету 1942 г. перед Красной Армией стояли вновь рвущиеся на восток немецко-фашистские войска, они были уже иными, чем в начале войны. Они уже были не в состоянии проводить наступательные операции в масштабах, подобных прошлогодним. Кадровые части гитлеровской армии в основном были перебиты Красной Армией. Это подтверждают и немецкие документы того времени. Не могу не привести один из них, имеющий прямое отношение к описываемым событиям на юге советско-германского фронта.

Этот документ-справка штаба оперативного руководства (ОКВ) от 6 июня 1942 г. В ней указывалось, что на 1 мая 1942 г. сухопутные войска на советско-германском фронте имели некомплект в 625 тыс. человек, хотя с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1942 г. они получили 1 млн. человек пополнения. В соединениях группы армий "Юг" было около 50%, а групп армий "Центр" и "Север" - около 35% первоначальной боевой численности пехоты. К началу летней кампании предполагалось довести пехотные соединения группы армий "Юг" до штатной боевой численности, а в группах армий "Центр" и "Север" лишь до 55% их первоначального боевого состава.

Далее в справке отмечалось:

"Танковые дивизии групп армий "Центр" и "Север" будут иметь только по одному танковому батальону (т. е. примерно по 40-50 танков). В августе следует ожидать трудностей в снабжении боеприпасами, что может отразиться на ведении боевых действий. Придется выходить из положения за счет запасов командования Западного фронта. Маневренность войск значительно снизилась из-за высоких потерь в автомашинах и лошадях, которые не могут

быть восполнены. В связи с этим не обойтись без изъятия подвижных средств из штатов частей. В настоящее время в Германии нет больше резервов этих средств. ВВС: количество боеготовых самолетов снизилось в среднем на 50-60% от уровня, существовавшего на 1 мая 1941 г. В зенитной артиллерии сильно возросла материальная часть, но недостает людей". Вывод гласил: "Боеспособность вооруженных сил в целом ниже, чем весной 1941 г., что обусловлено невозможностью в полной мере, обеспечить их пополнение людьми и материальными средствами"{79}.

Советскому командованию этот документ стал известен после войны. Но суть его не составляла для нас секрета и летом 1942 г. Помню, в войсках с большим вниманием перечитывали сообщение Совинформбюро от 21 июня 1942 г., содержавшее общую оценку состояния немецко-фашистских вооруженных сил. Она лишь отсутствием ряда деталей отличалась от вышеприведенного документа.

Но знали мы и другое, а именно, что немецко-фашистское командование еще в состоянии сосредоточивать значительные войска с танками и авиацией на ограниченных участках фронта и добиваться там известных успехов. Именно так было в мае под Харьковом и на Керченском полуострове. Но такие успехи ни в какой мере не решали судьбу войны. Они были временны и преходящи.

То же самое происходило и сейчас, в июне. Затишье продолжалось на всем огромном советско-германском фронте, кроме небольшого участка на юге. Здесь, в полосе Юго-Западного фронта, противник вновь наступал.

Впрочем, 14 июня немецко-фашистское командование приостановило активные действия против правого фланга 38-й армии. На этом собственно и закончилась операция "Вильгельм". Цели ее не были достигнуты. Противнику удалось лишь оттеснить правофланговые соединения армии к р. Большой Бурлук. На остальном фронте, проходившем по линии Нов. Лиман - Волохов Яр - Яковенково - Шуровка Чепель, все атаки врага были отбиты. Оборонявшиеся здесь 199, 304, 81-я стрелковые дивизии и к 14 июня занимали свои прежние рубежи.

Но мы хорошо понимали, что командование 6-й немецкой армии, не добившись цели, приостановило наступление лишь для того, чтобы пополнить дивизии личным составом, доукомплектовать их техникой, особенно танками, и, перегруппировав войска, возобновить его. Так и было. Более того, на этот раз готовились наступать войска не только 6-й полевой армии, но и 1-й танковой.

Как теперь известно, им предстояло осуществить последнюю

из трех частных операций на юге, предшествовавших, согласно планам немецко-фашистского командования, летнему наступлению. Новой операции было присвоено кодовое наименование "Фридерикус II". Ее замысел состоял в том, чтобы прежде всего ударами по сходящимся направлениям расчленить войска 38-й и 9-й армий Юго-Западного фронта и уничтожить их на западном берегу реки Оскол. Затем предполагалось форсировать эту реку, захватить плацдармы на ее восточном берегу. Этим противник хотел занять исходные позиции для запланированного большого наступления на южном крыле советско-германского фронта.

Главный удар, согласно плану операции, наносился по правому флангу и центру 38-й армии. Здесь, на купянском направлении, должна была наступать группировка в составе трех пехотных, трех танковых и моторизованной дивизий. Все эти силы уже к 21 июня были сосредоточены восточное Чугуева, в треугольнике Вел. Хутора, Худояров, Юрченково.

Вторая вражеская группировка насчитывала три пехотные дивизии с танками. Она изготовилась в районе Балаклеи. Отсюда ей предстояло нанести вспомогательный удар в направлении Савинцы, Кунье, т.е. также в полосе 38-й армии.

Для действий против 9-й армии предназначалась третья группировка. В нее входили три пехотные дивизии. К началу наступления они были сосредоточены южнее Изюма.

В дни, предшествовавшие этому удару врага, мы знали, что готовится новое наступление. Об этом свидетельствовали данные разведки, в особенности авиационной, и показания пленных. На основе этих сведений мы установили и направление главного удара, подготовляемого врагом.

Немецко-фашистское командование вновь пыталось ввести нас в заблуждение. Для этого усиленно демонстрировалось сосредоточение сил в районе Балаклеи. Но довольно скоро стало ясно, что здесь может быть нанесен лишь вспомогательный удар. Ведь уже было известно, что противник проявляет наибольший интерес к купянскому направлению. И именно на этом направлении, по данным разведки, концентрировалась крупнейшая из трех вражеских группировок.

Войска армии продолжали укреплять оборону. Ее фронт в это время проходил от населенного пункта Средний Бурлук на севере до Чепеля на юге. Иными словами, он тянулся сначала по правому берегу реки Большой Бурлук, потом уходил от него к Савинцам, пересекал Северный Донец и здесь заканчивался. Нами был создан и промежуточный рубеж обороны, расположенный на линии населенных пунктов Нижний Бурлук, Ново-Николаевка,

Михайловка, Шевченково, Ново-Степановка. Несколько восточное находился купянский обвод, непосредственно прикрывавший город и переправы через р. Оскол. Начинался он севернее ст. Гусинка на железнодорожной линии Волчанок - Купянск. Далее обвод тянулся к югу, проходя в районе Самборовки, Комиссаровки, Березовки, Барановки.

Войска строили оборонительные рубежи, зарывались в землю, готовясь оказать упорное сопротивление врагу. Но надо сказать, что это лишь отчасти облегчало положение 38-й армии, резко ухудшившееся за последние дни.

Полоса армии увеличилась на 30-35 км, а состав войск уменьшился на две стрелковые дивизии: 277-я была выведена в резерв фронта, а 81-я передана 9-й армии. Кроме того, не были восполнены большие потери, которые армия понесла в боях 10-14 июня.

V

При столь неблагоприятных для армии условиях противник 22 июня 1942 г. в 4 часа 10 мин. снова перешел в наступление. Так начался второй год войны, мой 366-й день на фронте.

Стремясь разгромить наши войска, противник и на этот раз нанес удар с двух направлений: из района севернее железной дороги Купянск - Чугуев на юго-восток и из района г. Изюм на северо-восток и восток. Он планировал прорвать оборону, окружить и разгромить войска 38-й и 9-й армий между реками Северный Донец и Оскол (см. схему на стр. 258).

После часовой артиллерийской подготовки и мощных авиационных ударов главная группировка врага начала наступление в полосе 9-й гвардейской, 162-й стрелковых дивизий и 22-й мотострелковой бригады. На позиции этих трех соединений ринулась лавина пьяных, дико орущих гитлеровцев. Вместе с пехотой в атаку и большом числе шли танки. В воздух одна за другой поднимались группы фашистских самолетов. Они непрерывно бомбили боевые порядки, штабы и тылы 38-й армии.

Правофланговые соединения стойко отражали яростный натиск многократно превосходящих сил врага. В этих боях особенно отличились воины 9-й гвардейской стрелковой дивизии.

Эта дивизия, преобразованная из 78-й стрелковой дивизии и руководимая генерал-майором А. П. Белобородовым, начала свой славный боевой путь на полях Подмосковья. Ее воины громили фашистские полчища у стен нашей столицы, а затем гнали их по заснеженным полям на запад. Немалая заслуга в высоких боевых качествах соединения принадлежала ее командиру. Коммунист, высокообразованный генерал, он уже в то время был примером личной дисциплинированности, собранности. Эти замечательные

качества позволили ему сколотить многотысячный коллектив в первоклассный воинский организм, отвечающий всем требованиям современной войны. Дивизия доказала это осенью и зимой 1941 г. под Москвой и теперь, 22 июня 1942 г., вновь проявила себя с самой лучшей стороны.

Гвардейцев атаковали до двух пехотных дивизий с сотней танков. Наступление поддерживали массированные удары авиации. Однако врагу не удалось с ходу прорвать оборону. Встретив упорное сопротивление и стремясь сломить его, противник предпринимал многочисленные ожесточенные атаки. Ценою тяжелых потерь, буквально устилая свой путь трупами и подбитыми танками, наступающие к полудню смогли форсировать р. Большой Бурлук.

Это произошло в районе населенных пунктов Средний Бурлук, Денинка, Аркадьевка. Продолжая нести большие потери, противник рвался вперед. Но на восточном берегу реки ему удалось продвинуться не более чем на 1-4 км.

В этих боях гвардейцы показали пример беззаветного мужества. Весь день части дивизии стойко отражали натиск противника. Теснимые его превосходящими силами, они дрались за каждую пядь родной земли. Гвардейцы не раз предпринимали контратаки, нередко переходившие в рукопашные схватки. Наиболее успешно была проведена контратака на правом фланге дивизии. Командир соседнего (справа) 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор В. Д. Крюченкин направил сюда 6-ю гвардейскую танковую бригаду подполковника М. К. Скубы. Совместно с этой бригадой правофланговый 22-й гвардейский стрелковый полк и осуществил контратаку в направлении Ивановки, Шевченко и Анновки.

Она имела полный успех. Гвардейцы отбросили за реку части двух полков 297-й пехотной дивизии, нанесли им большой урон, взяли пленных. В результате положение на правом фланге 9-й гвардейской дивизии было восстановлено.

Храбро сражались также воины 162-й стрелковой дивизии и 22-й мотострелковой бригады. Первая из них вместе с 168-й танковой бригадой почти семь часов самоотверженно сдерживала натиск врага. Она отражала одну за другой атаки фашистов, нанося им большой урон в живой силе и боевой технике. Не менее упорно держала на своем участке оборону соседняя 22-я мотострелковая бригада. Под воздействием массированных танковых атак, поддержанных беспрерывно налетавшей авиацией противника, она, как и сражавшаяся на этом участке фронта 156-я танковая бригада, начала отходить на следующий рубеж обороны. За этим последовал прорыв противника на стыке 162-й

стрелковой дивизии и 168-й танковой бригады. Под его воздействием и они вынуждены были начать отход.

В результате ухудшилось положение и на участке 9-й гвардейской дивизии. Будучи к тому же крайне ослабленной в предыдущих боях, она не смогла удержать свои позиции; Кроме того, ее частям совместно с 13-й танковой бригадой подполковника И. Т. Клименчука не удалось контратакой отбросить противника в районе с. Ленинка. В целом все это вынудило генерал-майора Белобородова начать отвод дивизии. Гвардейцы отходили, ведя тяжелые сдерживающие бои с бешено рвущимся вперед противником.

Отмечу, что значительное превосходство в живой силе (в полтора раза) и еще большее в танках (в три-четыре раза) враг имел на всех этих направлениях. Наибольшим оно было, разумеется, на направлении главного удара - на правом фланге 38-й армии. Здесь против ослабленных двух стрелковых дивизий, одной мотострелковой и трех танковых бригад действовало семь дивизий врага - три пехотные, моторизованная и три танковые.

До заката солнца не утихали ожесточенные бои. Ценою тяжелых потерь враг к исходу дня оттеснил к востоку все правофланговые соединения армии.

Тяжелая обстановка сложилась в центре и на левом фланге армии. Здесь силы сторон также были неравны, противник обладал превосходством и в личном составе, и в вооружении. Тем не менее он встретил решительный отпор.

Показательны в этом отношении действия 278-й стрелковой дивизии. Ею командовал генерал-майор Д. П. Монахов. "Части дивизии, уничтожая живую силу противника и вынуждая его вводить в бой все новые и новые резервы, в течение всего дня оказывали упорное сопротивление, выдерживали чрезвычайно сильное воздействие авиации и танков, местами вели бои в окружении (был окружен 1-й батальон 851-го стрелкового полка и 2-й батальон 853-го стрелкового полка) и причинили противнику значительный урон, уничтожив 57 танков, 23 автомашины, 4 минометные батареи и отдельно 56 минометов, 18 орудий, истребив около 5000 солдат и офицеров. Даже с наступлением темноты, под проливным дождем на участке 855-го стрелкового полка продолжался бой. Первый батальон, перейдя в контратаку, штыками переколол свыше 500 человек вражеской пехоты и удержал свои позиции"{80}.

К исходу дня, однако, стало очевидно, что своим наступлением на Купянск и к переправам через р. Оскол противник угрожал перерезать пути отхода 278-й, левофланговым 199-й и 304-й стрелковым дивизиям. Поэтому командующий

фронтом после моего доклада разрешил отвести их на промежуточный рубеж обороны.

Еще более трудным был для нас следующий день.

Ранним утром 23 июня противник возобновил наступление, нанося удары на Купянск, Староверовку и Волосскую Балаклею. На левом фланге 9-й гвардейской стрелковой дивизии, которая с боями отходила в северо-восточном направлении, он прорвался к ст. Гусинка и овладел ею. В обороне армии образовалась брешь: был оголен правый фланг 1-й истребительной дивизии, оборонявшейся на купянском обводе.

Одновременно враг силами до трех пехотных полков с танками начал обходить с севера и юга с. Самборовку, куда отошла 22-я мотострелковая бригада. А она к этому времени понесла большие потери и не могла сдержать натиск превосходящих сил противника. Поэтому бригада получила распоряжение на отход за р. Оскол. Вечером было приказано отойти туда же 162-й и 242-й стрелковым дивизиям. Перед этим первая из них частью сил вела весь день 23 июня ожесточенный бой с противником в районе Новониколаевки. На вторую же, оборонявшуюся на рубеже Староверовка, разъезд Щенячье, высота 187, обрушили удар до двух пехотных дивизий противника с большим количеством танков. Наступление и здесь поддерживалось массированными воздушными бомбардировками.

В условиях, когда вражеские войска обошли оба фланга 242-й стрелковой дивизии (командир полковник А. М. Кашкин), ее воины не отступили ни на шаг. В этом многочасовом бою они стояли насмерть. И только по моему приказу отошли за р. Оскол.

Что касается 199, 278-й и 304-й стрелковых дивизий, то приказ об отходе на промежуточный рубеж они получили с большим опозданием - в ночь на 23 июня. Поэтому отход был начат лишь утром и, конечно, проходил под воздействием авиации и авангардных частей противника. Задержка привела к тому, что три дивизии только к 16 часам достигли предусмотренного рубежа Березовка Барановка - Сподобовка - Безмятежное - Чизвин - Александровна.

Но уже три часа спустя враг 80-100 танками занял Бугаевку. Другая его группа, наступавшая из районов Савинцы и Изюм, одновременно вышла к населенному пункту Чистоводовка. Этим была создана угроза окружения 278, 199-й и 304-й дивизий. Избежать ее можно было только отходом на восточный берег реки Оскол. Такой приказ и получили все три дивизии.

Таким образом, к исходу дня 23 июня распоряжение на отход за р. Оскол не получила лишь 1-я истребительная дивизия,

входившая в состав армии. Ей, а также вновь переданной в 38-ю армию из фронтового резерва 277-й стрелковой дивизии была поставлена задача обеспечить отвод войск.

Обе дивизии с честью выполнили приказ. Сдерживая яростный натиск врага на купянском оборонительном обводе, они обеспечили отвод войск правого фланга армии за реку, но удержать Купянск в своих руках не смогли. Наступая многократно превосходящими силами, причем в воздухе все время висела его авиация, противник утром 24 июня прорвался в город. Весь день шли ожесточенные уличные бод. Однако к 18 часам обе дивизии вынуждены были оставить город и переправиться на левый берег реки Оскол.

К этому времени туда добрались и левофланговые дивизии. На их долю выпали наибольшие трудности при переправе через реку. Части этих дивизий в условиях угрозы окружения отходили разрозненно. Лишь некоторые из них затемно успели переправиться беспрепятственно. Остальные же достигли реки, когда уже рассвело. Они застали разрушенные бомбежкой переправы. Попытались их восстановить. Но это оказалось невозможно, так как вражеская авиация тут же уничтожала наведенные переправы. Оставалось одно: под непрерывными ударами с воздуха вплавь и на подручных средствах добираться на левый берег. Вполне понятно, что при этом все три дивизии потеряли значительную часть тяжелого вооружения.

Переправившись через р. Оскол, войска армии заняли оборону. Последовавшие за этим попытки противника захватить плацдармы на восточном берегу не имели успеха. Наши части успешно отбивали все атаки. Получив отпор, немецко-фашистское командование к 26 июня прекратило активные действия в полосе 38-й армии.

VI

Перебирая в памяти ход боев, происходивших 22-26 июня 1942 г. западнее р. Оскол, я попробовал сопоставить свои воспоминания с документами и свидетельствами противника. Это дало очень интересный результат, о котором мне хотелось бы здесь рассказать. Тем более, что он опровергает измышления некоторых западных историков и мемуаристов, утверждающих ныне, будто в период, о котором здесь идет речь, развитие военных действий шло по планам немецко-фашистского командования.

Факты показывают, что это было не так.

Напомню, что фактор времени являлся тогда чрезвычайно важным для гитлеровского командования, подготовлявшего летнее наступление на юге. Оно должно было начаться, согласно директиве No 41, как только "позволят условия погоды и местности". А так как речь идет о южной части Советского Союза, то можно считать, что условия погоды и местности не препятствовали началу наступления даже в мае.

Но ни в мае, ни в течение большей части июня враг не смог начать свое летнее наступление. Ибо, помимо наличия перечисленных условий, а также готовности войск, нужны были и хорошие исходные позиции.

Первое крупное мероприятие по улучшению исходного положения было осуществлено немецко-фашистским командованием в мае. Имеется в виду операция "Фридерикус I", о которой говорилось в предыдущей главе. В ходе ее противнику удалось достичь определенных тактических успехов, нанести большой урон войскам Юго-Западного направления и ликвидировать барвенковский выступ. Но в части улучшения исходных позиций для главного наступления эта операция не оправдала всех возлагавшихся на нее надежд.

Тогда была подготовлена и осуществлена 6-й немецкой армией операция "Вильгельм". Когда же и ее итоги оказались незначительными, немецко-фашистское командование вынуждено было провести третью частную операцию - "Фридерикус II", причем уже силами 6-й и 1-й танковой армий. Но и теперь конечная цель операции не была достигнута.

Какова была эта цель? Ф. Паулюс охарактеризовал ее следующим образом:

"... г) Наступление 1-й танковой армии и 6-й армии на Купянск - операция "Фридерикус II" с 22 по 26 июня.

Цель этого наступления заключалась в том, чтобы, достигнув р. Оскол и захватив плацдарм на ее восточном берегу, улучшить исходное положение для наступления:

1) На северном фланге 6-й армии-для наступления 40-го танкового корпуса на северо-восток в направлении южнее Воронежа (совместно с 4-й танковой армией, наступающей с северо-запада на Воронеж);

2) Для предстоящего наступления 1-й танковой армии из района Купянск на восток и юго-восток..."{81}

Сопоставление этих намерений с ходом событий, описанным выше, показывает, что основная цель операции "Фридерикус II" - захват плацдармов на восточном берегу реки Оскол - не была достигнута. И помешала тому стойкость советских войск в

обороне, перечеркнувшая расчеты немецко-фашистского командования.

Надо сказать и о другой недостигнутой цели операции "Фридерикус II", как, впрочем, и предшествующей ("Вильгельм"). Она состояла, по словам того же Паулюса, в том, чтобы в ходе этих операций "уничтожить как можно больше русских войск". Выполнить эту задачу врагу не удалось. Конечно, 38-я армия понесла немалые потери в боях 10-14 и особенно 22-26 июня. Но, несмотря на ожесточенный характер боев, происходивших между Северным Донцом и Осколом, она сохранила свои основные силы, которые и заняли оборону на новых рубежах.

Эхо описываемых упорных боев долетело до начальника штаба сухопутных сил гитлеровской Германии генерал-полковника Гальдера. В своем дневнике он записал: "Второй год войны против Советского Союза. 22. 6. 42 г. ...Наступательная операция "Фридерикус II" (Изюм, Купянск) благодаря внезапности вначале развивалась успешно, но впоследствии замедлилась из-за ожесточенного сопротивления к западу от Купянска"{82}.

Как уже отмечено, в операции "Фридерикус II" участвовали 6-я полевая и 1-я танковая армии. Располагая огромным превосходством в силах и средствах, фашисты упорно стремились окружить и уничтожить наши войска. Тем не менее ни одно соединение 38-й армии не попало во вражеское кольцо. Это следует отнести за счет возросшего воинского мастерства наших бойцов, командиров и политработников.

Однако необходимо констатировать не только срыв основных замыслов каждой из трех упомянутых операций в деле улучшения исходных позиций. Есть и другое немаловажное обстоятельство. Оно заключается в том, что на подготовку и проведение этих частных операций на сравнительно небольшом участке фронта немецко-фашистское командование вынуждено было потратить в общей сложности почти полтора месяца - с 13 мая (начало подготовки к операции "Фридерикус I") по 26 июня (окончание операции "Фридерикус II").

Интересно, что из этих 45 дней на проведение операций ушло 22 дня, а на их подготовку - 23. Мы не случайно отмечаем этот факт. Дело в том, что в боях на барвенковском выступе 6-я немецкая армия и танковая группа Клейста понесли такие крупные потери, что им потребовалось 12 дней на пополнение и довооружение, прежде чем они смогли начать операцию "Вильгельм".

Это еще одно свидетельство мужества и героизма бойцов, командиров и политработников войск Юго-Западного направления: они и в окружении наносили врагу мощные удары.

Операция "Вильгельм" также дорого обошлась противнику. Только через 7 дней после ее окончания 6-я немецкая армия смогла вместе с 1-й танковой армией вновь начать наступление. Еще большие потери понес противник в операции "Фридерикус II". С 22 по 26 июня только воины 38-й армии уничтожили тысячи фашистских солдат и офицеров, 218 вражеских танков, большое число орудий, пулеметов и минометов и сбили пять самолетов.

Таким образом, в частных операциях противник нес чувствительные потери в живой силе, технике и, как уже отмечено, во времени. Последнее и привело к тому, что начало основной операции фашистских войск в 1942 г. было оттянуто до конца июня. А это, надо сказать, был предельный срок для развертывания боевых действий в широких масштабах соответственно замыслам немецко-фашистского командования.

Нет смысла гадать о том, что выиграл бы противник, начав свое летнее наступление, скажем, на месяц раньше. Но есть все основания сказать, что каждый потерянный им день очень многое значил для 38-й армии, для всей Красной Армии, неустанно накапливавшей новые силы для борьбы с врагом, для ее тыла, где весь советский народ ни на минуту не прекращал ковать оружие для победы.

Таково, на мой взгляд, значение боев, которые велись войсками Юго-Западного фронта в период, предшествовавший летнему наступлению противника.

Это, разумеется, не меняет того факта, что в самом начале указанного периода были допущены ошибки, приведшие к тяжелым потерям на барвенковском выступе в мае. Более того, следствием этих ошибок явилось и июньское отступление за р. Оскол. Ибо ослабленные в майских боях войска фронта смогли только отчасти сдерживать натиск превосходящих сил врага в ходе проводимых им частных операций и этим вынуждать его лишь к отсрочке осуществления основных наступательных планов.

Превосходство в силах и средствах, принадлежавшее противнику, явилось главным фактором, определившим исход июньских боев. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую эту мысль примерами из боевого опыта 38-й армии.

Этот опыт показывает, что противник только там прорывал оборону войск армии, где он применял массированные атаки танков в тесном взаимодействии с авиацией и пехотой. Следовательно, нужны были средства отражения таких атак. Самыми эффективными средствами являлись противотанковая артиллерия, авиация и танки, особенно когда они закапывались в землю. Но их у нас было недостаточно: в танках и авиации

противник имел двух-четырехкратное превосходство.

Танки и авиация являлись ударной силой наступавшего противника. Авиация концентрировалась на узких участках фронта и применялась массированно, подвергая одновременной бомбежке боевые порядки пехоты и танков, огневые позиции артиллерии, штабы, узлы и линии связи, дороги, мосты, переправы. Ему удавалось при помощи бомбежки расчищать путь для танков, подавлять на отдельных участках оборону 38-й армии и нарушать связь. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Потери нашего вооружения от ее действий составляли 50% общих потерь, а потери боеприпасов от бомбежки в несколько раз превосходили потери от действий артиллерии противника.

38-я армия имела лишь один авиаполк, а слабая 8-я воздушная армия не в силах была изменить обстановки в воздухе. Имеющаяся же зенитная артиллерия не могла надежно прикрыть действия наземных войск от воздушного противника. Эта проблема была наиболее острой в то время.

Что касается противотанковых средств, то, например, батальоны стрелковых полков, т. е. собственно пехота, имели только гранаты и бутылки с горючей смесью. В лучшем случае они могли получить из полка еще не более 9 противотанковых ружей (их было у нас очень мало - по 27 на стрелковый полк). Но применяя эти средства, батальон выходил победителем в борьбе лишь с несколькими танками. Против большого их количества он был бессилен.

При всей храбрости и самоотверженности воинов стрелковых дивизий в боях с превосходящими силами врага в июне 1942 г. основную тяжесть борьбы с танками противника вынесли на себе артиллерия и особенно танки. Как уже отмечалось, закопанные в землю танки отразили 10 июня вражеское наступление на купянском направлении. Это сделали 22-й танковый корпус, 133-я, 156-я и 168-я танковые бригады. Действуя под непрерывными ударами авиации противника, они с величайшей стойкостью отбили все атаки с фронта, не допустили обхода с флангов. С их помощью отразили натиск врага и правофланговые части 278-й стрелковой дивизии.

Хочется отметить и умелое руководство действиями этих бригад со стороны их командиров. Особенно хорошо проявили себя командиры 156-й и 133-й танковых бригад полковники Г. И. Соколов и Н. М. Бубнов. Полковник Соколов пал смертью храбрых в бою за Ново-Степановку.

Немало героических подвигов совершили танкисты в июньских боях к западу от р. Оскол. Чтобы дать представление о них, приведу несколько примеров, которые запомнились мне

больше других.

Командир 2-го батальона 156-й танковой бригады старший лейтенант И. Ф. Селедцов не только руководил боем батальона, но и возглавил экипаж танка в составе старших сержантов А. П. Ивченко (механик-водитель), П. И. Смирягина (командир орудия) и Н. В. Шарого (радист-пулеметчик). В бою они подбили восемь танков и два орудия ПТО. Ими было уничтожено до роты солдат и офицеров противника.

Отважно действовал экипаж танка КВ во главе с командиром роты лейтенантом Бороздиным в составе лейтенанта Н. Ф. Федорова, старшего механика-водителя старшины В. Е. Никулина, командира орудия старшины П. И. Шахова, младшего механика-водителя сержанта К. С. Пыжьянова. Экипаж уничтожил в боях четыре танка, два полевых орудия, две бронемашины, четыре пулеметные точки, три орудия ПТО и до взвода солдат и офицеров. Только когда заклинило башню, экипаж вывел машину из боя, сам отремонтировал ее.

11 июня во время наступления на Ново-Степановку механик-водитель 1-го батальона 3-й танковой бригады старший сержант С. Ф. Галузин на своем танке первым ворвался в эту деревню. Здесь он сначала раздавил вражеское противотанковое орудие с прислугой и 10 пехотинцами. Затем в непродолжительном бою экипаж танка пушечным и пулеметным огнем уничтожил минометную батарею, два противотанковых орудия и до 35 солдат противника. В ходе боя снарядом противника был пробит левый борт танка. Галузин получил тяжелые ранения в голову, руки и левую ногу. Лицо его было обожжено. И все же он вывел танк в безопасное место.

Наши танкисты совершали поистине чудеса храбрости в боях с врагом. Но, к сожалению, все шесть танковых бригад насчитывали всего лишь 194 танка, из них КВ - 34, а Т-34 еще меньше -26. Остальные - легкие, не отвечавшие требованиям боя. Они имели слабые броню и вооружение. У противника же было 450-500 танков, или в два - два с половиной раза больше, чем у нас.

Армия не имела и достаточного количества противотанковой артиллерии. Мы располагали лишь тремя приданными артиллерийскими противотанковыми полками. Иначе говоря - 60 орудиями.

Несколько большие возможности появились у нас во время боев на купянском оборонительном обводе. Здесь удар танков приняла на себя приданная армии 1-я истребительная дивизия. Ее личный состав показал образцы стойкой обороны. Обеспечивая отход правофланговых дивизий армии за р. Оскол, он нанес

противнику большой урон, хотя остановить наступление вражеской танковой группировки на смог.

В те дни невольно вспоминалась 1-я артиллерийская противотанковая бригада, которой я командовал в первые месяцы войны. И, как это ни странно, сравнение противотанковых средств, которыми она тогда располагала, с имевшимися теперь у 1-й истребительной дивизии, оказалось не в пользу последней. У дивизии было 96 артиллерийских орудий, в том числе 12 зенитных, а у 1-й артиллерийской противотанковой бригады - соответственно 120 и 16. Причем вместо 48 пушек 85 мм и 24 пушек 107 мм, имевшихся на вооружении бригады, дивизия располагала лишь 36 пушками 45 мм.

Год войны подтвердил, что противотанковые средства должны обладать большой огневой мощью, подвижностью и маневренностью. Только при таком условии они были в состоянии выполнить свою задачу - преграждать путь танкам и уничтожать их. Противотанковая бригада 1941 г. обладала такими качествами.

Артиллерийская противотанковая бригада являлась в руках высшего командования сильным оперативным средством борьбы с вражескими танками, она не только имела более мощные огневые артиллерийские средства, но и была механизированным и потому высокоподвижным соединением, огневым щитом, которым можно было надежно прикрывать наиболее угрожаемые направления. Истребительная же дивизия 1942 г. имела слабую огневую мощь и была малоподвижна.

Таким образом, формирование истребительных дивизий вместо противотанковых бригад было шагом назад в общем развитии оперативных средств борьбы с танками противника. Конечно, шагом вынужденным, связанным, с одной стороны, с огромными потребностями войны, а с другой,- с состоянием промышленности, еще не развернувшей к середине 1942 г. всех производственных мощностей заводов, перебазированных на восток.

А в те дни, о которых здесь рассказывается, нужно было сражаться имеющимися средствами. И мы сражались. Но далеко не с теми результатами, каких хотели. Много лишений предстояло еще перенести, прежде чем достигли желаемых результатов.

Итак, при недостаточном количестве противотанковых средств в полосе обороны 38-й армии не могло не быть слабо прикрытых участков. Нащупав хотя бы один из них, противник вводил в бой крупные массы танков и авиации, которые являлись его ударной силой. Как правило, возникала угроза охвата

флангов. Чтобы не попасть в окружение, наши части были вынуждены отступать.

Хочу еще раз подчеркнуть, что это было прежде всего результатом принадлежавшего противнику огромного превосходства в силах и средствах. Но существовало еще одно обстоятельство, дававшее себя знать в тактическом отношении. Это - недостатки в ведении оборонительных боев частями, соединениями и армией в целом. Я уже упоминал о них, да и в дальнейшем не раз придется к ним возвращаться, ибо только таким путем, представляется мне, можно показать, как постепенно уменьшалось число таких недостатков. Процесс этот происходил по мере роста боевого опыта командиров, повышения их уменья правильно оценивать обстановку и не только намечать хорошие планы, но и искусно осуществлять их.

В этом отношении были поучительны и уроки июньских боев. О них тем более нужно рассказать, что в советской литературе о войне по существу нет описания действий 38-й армии, как и в целом войск Юго-Западного фронта в мае-июне 1942 г.

Одним из таких уроков был безуспешный контрудар 38-й армии 11 июня. Исход его, как я уже говорил, в значительной мере был предопределен недостаточностью участвовавших в нем сил и неблагоприятно сложившимися условиями. Но следует признать и то, что при подготовке контрудара были использованы не все имевшиеся возможности. Так, слабо было увязано взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и тех небольших сил авиации, которые нас тогда поддерживали. Танковые бригады нанесли свой удар по противнику в лоб. Между тем были вполне возможны и обходные маневры, которые, несомненно, дали бы лучший результат. Но они не были нами заранее спланированы.

В сущности тем же в значительной мере объяснялась и неодновременность наступления танковых бригад. Надо сказать, что они находились не в глубине обороны, откуда по идеальному варианту, предусмотренному уставом, должны были нанести удар во фланг определившейся ударной группировке врага, а в боевых порядках пехоты. Такое решение было принято для увеличения стойкости обороны. И эта цель была достигнута. Использование бригад в боевых порядках пехоты оправдало себя. Благодаря ему оборона выдержала мощный удар врага. Но в таком случае нужно было заранее спланировать и порядок вывода танков из боя и сосредоточения для нанесения контрудара и подготовку исходных позиций в инженерном отношении. А этого мы и не сделали. В результате к невыгодному для нас соотношению сил и неблагоприятным условиям добавилась еще и неудовлетворительная подготовка контрудара.

Все это стало ясно еще в ходе боев и, естественно, явилось предметом серьезных размышлений для всех, кто имел причастность к организации и руководству танковыми соединениями армии. Как и следовало ожидать, хорошо усвоил урок боев 10-14 июня заместитель командующего армией по бронетанковым войскам генерал-майор Н. А. Новиков. В дальнейшем он стал самым горячим сторонником заблаговременного и детального планирования всех действий танковых бригад.

Да, многому научились мы в ходе майско-июньских боев в 1942 г. Стали глубже видеть и предугадывать замыслы противника, лучше планировать и управлять боевыми действиями, особенно организацией взаимодействия родов войск.

Вражеские войска быстро ощутили это на себе. 10 июня они нанесли удар по самому сильному участку обороны 38-й армии, понесли большие потери в живой силе и танках, но преодолеть ее не смогли. 22 июня они применили танки также массированно - по 20-30, 60 и даже 100 машин, выбрав слабый участок нашей обороны и на местности, малопригодной для действия танков.

Но и на этот раз противник потерял много танков. Причина заключалась в том, что в обоих случаях мы разгадали вражеские замыслы и изготовились для отражения наступления. Хотя Гальдер и писал, что операции "Вильгельм" и "Фридерикус II" начались внезапно и явились неожиданными для советского командования, в действительности все было наоборот. Командование, штаб и войска 38-й армии заранее знали время и место, откуда последуют атаки. Забегая вперед, скажу, что начало следующей операции, "Блау", воины армии встретили во всеоружии. Высокий процент потерь танков и организованный отпор вынудили немецко-фашистское командование отказаться от действий напролом и изменить тактику использования танков.

Там, где фашистские танки встречали сокрушительный отпор наших противотанковых средств, они останавливались и отходили в укрытия. Вражеская пехота выдвигалась вперед и нащупывала слабые места в обороне армии. Только после установления пехотой отсутствия или слабости противотанковых средств противник снова пропускал вперед танки.

Итак, теперь они действовали осторожно, осмотрительно, и это замедляло темпы прорыва нашей обороны, приводило к увеличению потерь в пехоте и давало нам выигрыш времени для маневра средствами НТО.

По-видимому, большие потери танков и пехоты в июньских боях явились одной из причин изменения тактики использования авиации противником. Отличие от 1941 г. заключалось в том, что

центр тяжести применения авиации переместился на поле боя для непосредственного взаимодействия с наземными войсками. Удельный вес использования авиации для бомбежки глубоких тылов, железных дорог и городов уменьшился.

В боях мы росли, мужали. По крупицам пополнялся боевой опыт советских, воинов. Это был опыт оборонительных боев, который очень скоро понадобился вновь.

Глава VII. От Оскола к Дону

I

К 26 июня на восточный берег Оскола переправились все соединения и части 38-й армии. По приказу командующего фронтом мы заняли оборону на левом берегу реки Оскол в полосе Двуречная - Купянск - Боровая. Армия получила задачу не допустить дальнейшего продвижения противника на восток.

Выполнение этой задачи началось с того, что войска армии, едва переправившись через Оскол, отразили попытку врага с ходу форсировать реку. И сделали это сравнительно легко. Дело в том, что сложились довольно благоприятные условия для обороны левого берега.

Там был уже почти готовый тыловой рубеж армии. Его создали хорошо поработавшие на левом берегу инженерно-саперные батальоны. Заблаговременно начав оборудование этого тылового рубежа, они за месяц построили опорные пункты с дзотами, окопами и ходами сообщения. Некоторые опорные пункты обороняли шесть пулеметно-артиллерийских батальонов 52-го укрепленного района, остальные заняли наши отошедшие с боями дивизии.

Не захватив плацдармов на восточном берегу Оскола и получив отпор, противник после 26 июня прекратил попытки форсировать реку на участке 38-й армии. Часть его войск, как установила разведка, перебрасывалась в северном направлении. Но в то же время мы знали, что правому флангу нашей армии по-прежнему противостоял 51-й армейский корпус 6-й армии, а левее находились дивизии 1-й танковой армии противника.

Их действия не были пассивными. Наблюдением и разведкой мы фиксировали то появление на вражеской стороне рекогносцировочных офицерских групп, то сосредоточение местных переправочных средств. На отдельных участках было отмечено скопление войск противника. Там шла интенсивная подготовка к наступлению.

В частях и соединениях армии также не прекращалась ни днем, ни ночью работа по укреплению обороны, созданию эффективной системы огня. Промежутки между огневыми

точками и опорными пунктами минировались. На переднем крае устанавливались фугасы из приспособленных для этой цели артиллерийских снарядов. С целью усиления первой линии закапывались в землю легкие танки, а средние и тяжелые располагались в глубине обороны, где они изготовились для контратак.

Таким образом была создана в полном смысле слова прочная оборона. Она продолжала уплотняться по мере прибытия оторвавшихся во время отхода отдельных частей и подразделений. Буквально в течение нескольких дней берег реки ощетинился всеми видами вооружения, какими располагала тогда 38-я армия. Каждый ее воин знал, что близится грозный час, когда фашисты вновь попытаются осуществить свои планы порабощения нашей Родины, нашего народа. Части и соединения готовы были встретить огнем наступающего врага и сразиться с ним.

Но развитие событий пошло иным путем.

В последних числах июня 1942 г. от Орла до Таганрога, почти на 800-километровом фронте, стояла готовая к наступлению группа армий "Юг" и ждала сигнала. В нее входили немецкие 17-я, 1-я танковая, 6-я, 4-я танковая, 2-я, а также 2-я венгерская и 8-я итальянская армии.

Армейская группа Вейхса в составе 2-й полевой и 4-й танковой немецких армий, а также 2-й венгерской армии во взаимодействии с 6-й армией были нацелены на осуществление операции "Блау" ("Синяя"). Ее замысел сводился к нанесению двух ударов по сходящимся направлениям на Воронеж: одного из района Курска и другого из района Волчанска на Острогожск. Этим противник рассчитывал окружить и разгромить советские войска западнее г. Старый Оскол. В дальнейшем, после выхода на р. Дон, 6-й и 4-й танковой армиям предстояло повернуть на юг, в тыл главным силам Юго-Западного фронта.

В то же время вторая ударная группировка из района Славянска должна была прорвать фронт и ударом на Миллерово завершить окружение войск Юго-Западного и части сил Южного фронтов (операция "Клаузевиц"). В дальнейшем планировалось быстрое развитие наступления на Сталинград и Кавказ.

Все содержание этого плана мы узнали после окончания войны, но частично он стал нам известен уже в описываемый период. Вот как это произошло.

19 июня 1942 г. воины одного из подразделений 76-й стрелковой дивизии 21-й армии подбили в районе населенного пункта Белянка фашистский самолет "Фюзеляр-шторх". У одного из погибших членов экипажа, оказавшегося начальником

оперативного отдела 23-й танковой дивизии майором Рейхелем{83}, были изъяты документы относительно разработанной фашистским командованием операции "Блау". Из них советское командование узнало о подготовке, замысле и оперативных целях немецко-фашистского командования. Выяснилось, что один из ударов будет произведен в полосе 21-й армии силами 6-й немецкой армии и 40-го танкового корпуса, а другой - севернее, в полосе 40-й армии Брянского фронта силами 4-й танковой армии. Цель наступления - окружение советских войск западнее г. Старый Оскол. У советского командования возникло подозрение: не фальшивка ли это? Но достоверность документов подтверждалась авиа- и радиоразведкой. И хотя дата начала вражеской операции осталась неизвестной, было ясно, что его можно ожидать в ближайшие дни. Об этом тогда же были предупреждены штабы наших войск.

Удар противника лишился таким образом внезапности. Он не застал советские войска врасплох. Однако на стороне противника оставалось громадное превосходство сил и средств. Только армейская группа Вейхса и 6-я армия имели в своем составе 41 дивизию (из них четыре моторизованные и шесть танковых) и одну пехотную бригаду. Таким образом у неприятеля было превосходство в полтора - два раза.

В такой обстановке 28 июня началось летнее наступление немецко-фашистских войск. В тот день группа Вейхса нанесла удар в стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта. Используя свое преимущество, немецко-фашистское командование на 45-километровом участке фронта против трех стрелковых дивизий 40-й армии только в первом эшелоне бросило семь дивизий: три пехотные, три танковые и моторизованную.

Прорвав оборону, враг к исходу дня продвинулся на этом участке на 8-15 км. На следующий день он углубил прорыв до 35-40 км. Упоминаемые три стрелковые дивизии 40-й армии понесли большие потери, были обойдены противником справа, но боеспособности не утратили.

События развертывались все более неблагоприятно для советских войск. 30 июня перешли в наступление 6-я немецкая армия и 40-й танковый корпус противника. Вражеская ударная группировка прорвала оборону южнее, на стыке 21-й и 28-й армий Юго-Западного фронта, еще не успевших восстановить свои силы после недавних неудачных боев на р. Северный Донец. Продолжая наступление, 6-я немецкая армия своим левым флангом соединилась 3 июля в районе г. Старый Оскол с прорвавшимися туда накануне войсками группы Вейхса. Часть соединений 40-й и 21-й армий оказалась в окружении. После

этого главные силы группы Вейхса устремились на Воронеж, а 6-й армии - на Острогожск. 6 июля подвижные соединения противника форсировали Дон и завязали бои в районе Воронежа. Между Брянским и Воронежским фронтами образовалась брешь. Это резко осложнило обстановку на обоих фронтах.

Четыре месяца спустя после описываемых событий, когда я стал командующим 40-й армии, мне подробно рассказали о тех событиях заместитель командарма генерал-майор Ф. Ф. Жмаченко и член Военного совета бригадный комиссар И.-С. Грушецкий. Попав в окружение, они организовали прорыв вражеского кольца и во главе сохранивших крепкое боевое ядро дивизий отошли за Дон. Оба они критически оценивали действия тогдашнего командующего 40-й армией генерал-лейтенанта артиллерии М. А. Парсегова. Это меня удивило. Я знал его еще по войне с белофиннами в 1939-1940 гг. Тогда он, будучи командующим артиллерией 6-й армии, прекрасно справился со своими обязанностями. Смелый, энергичный, решительный, прекрасно знавший и любивший артиллерийское дело, он быстро схватывал и внедрял все новое, прогрессивное. Не удивительно, что и по службе он продвигался быстро. В начале Великой Отечественной войны он был уже командующим артиллерией Юго-Западного фронта и положительно зарекомендовал себя во всех оборонительных и наступательных операциях того периода. В должности же командующего общевойсковой армией в 1942 г. его сразу постигла неудача.

Вскоре после описанных событий положение войск правого крыла Юго-Западного фронта еще больше ухудшилось. Наступавшие на северо-восток левофланговые корпуса 6-й немецкой армии повернули на юг. Они преодолели тыловой оборонительный рубеж и двигались теперь по обе стороны железной дороги Свобода - Миллерово на Россошь. Таким образом, удар наносился во фланг и тыл 28-й армии и всему Юго-Западному фронту.

В целом ход боевых действий тех дней достаточно широко освещен в советской мемуарной и исследовательской литературе. Поэтому здесь я кратко коснусь лишь той стороны этих событий, с которой непосредственно связаны мои воспоминания о действиях 38-й армии в июле 1942 г.

Итак, противник нанес удар во фланг и в тыл 28-й армии, которая была нашим правым соседом. Чтобы предотвратить угрозу главным силам фронта, маршал С. К. Тимошенко решил преградить путь противнику на р. Тихая Сосна. Для обороны этой реки была выделена часть сил фронта, в том числе взятые из состава 38-й армии следующие соединения: 22-й танковый

корпус, 1-я истребительная дивизия, части 52-го укрепленного района, 13-я и 156-я танковые бригады.

Легко представить, насколько понизилась прочность обороны 38-й армии, после того как она лишилась перечисленных выше соединений. Но мы понимали неизбежность принятого командующим фронтом решения и стремились к тому, чтобы оставшимися силами выполнить свою задачу.

Сосредоточив в районе Двуречная свои войска, противник нанес здесь удар 5 июля. Ему удалось форсировать Оскол и захватить на восточном берегу два небольших плацдарма. Каждый из них он удерживал силами одного пехотного батальона, усиленного артиллерией и небольшим числом танков. Хотя серьезной угрозы для армии со стороны этих плацдармов в ближайшие дни нельзя было ожидать, мы все же начали их ликвидацию, чтобы отбросить противника за реку. Однако осуществить это не удалось, так как на следующий день, 6 июля, действовавшие севернее нашей полосы два немецких корпуса - 17-й армейский и 40-й танковый - форсировали р. Тихая Сосна. Войска фронта, выделенные для обороны рубежа этой реки, не успели туда выйти. Что касается 28-й армий, то она к тому времени отошла уже за р. Черная Калитва.

Теперь 38-ю армию легко могли обойти справа наступавшие с севера вражеские корпуса. Видимо, поэтому командующий фронтом в ночь на 7 июля приказал начать отвод войск нашей армии на тыловой оборонительный рубеж фронта Нагольная Ровеньки - Курячевка - Белокуракино, оставив на р. Оскол прикрытие от каждой дивизии. Указанный рубеж находился в 35-40 км восточное р. Оскол и был занят батальонами 118-го укрепленного района. Дивизиям 38-й армии предстояло уплотнить их оборону.

Сутки спустя после получения приказа об отходе войск 38-й армии она была отведена на этот рубеж. Но к этому времени обстановка вновь изменилась, и опять к худшему.

II

7 июля противник начал наступательную операцию "Клаузевиц". В ней участвовали 6-я и 4-я танковая армии, наступавшие вдоль правого берега Дона на юг, а также 1-я танковая армия, наносившая удар из района Артемовск, Славянок в направлении Миллерово. Обе группировки, согласно плану, должны были окружить и уничтожить войска Юго-Западного и часть войск Южного фронтов.

Во второй половине того же дня 8-й армейский и 40-й танковый корпуса противника заняли г. Россошь. Утром следующего дня они захватили населенный пункт Ольховатку и

овладели плацдармами на южном берегу реки Черная Калитва. Это создало угрозу выхода в тыл левого крыла Юго-Западного фронта. По данным авиаразведки, в район Россоши двигалось до 100 танков и колонна мотопехоты противника. В середине дня они начали развивать наступление в тыл 38-й армии.

28-я армия и отступившая туда же группа войск под командованием генерал-майора танковых войск Е. Г. Пушкина не успели организовать оборону на южном берегу реки Черная Калитва и вынуждены были продолжать отход в юго-восточном направлении. В результате разрыв между 28-й армией и 38-й, занявшей оборону на рубеже Нагольная - Белокуракино, увеличивался.

Воспользовавшись этим, противник двинул свои подвижные части дальше на юг. К 15 часам 8 июля вражеские танки с автоматчиками появились в районе Мартынцы, Еремовка, в непосредственной близости от правого фланга 38-й армии. Основные же силы наступавшей группировки, имевшей до 300 танков, двигались двумя колоннами из района Россоши на Кантемировку и из района Ольховатки в направлении Каменки. Первая из них к исходу 8 июля приближалась к Митрофановке, вторая достигла Екатериновки.

Таким образом, противник уже на следующий день мог оказаться в тылу у 38-й армии. В этих условиях наиболее целесообразно было бы отвести ее войска еще на 15 км к востоку, на линию р. Айдар и там обороняться частью сил фронтом на запад, одновременно выставив заслон с севера на рубеже Ровеньки Кантемировка.

Командующий фронтом, к которому я обратился за разрешением произвести отвод, одобрил лишь предложение о создании заслона фронтом на север. На отвод войск с рубежа 118-го укрепленного района не было дано согласия. Это осложнило дело.

Для создания заслона с севера были выделены сравнительно ограниченные силы. Их составили ослабленные в предшествующих тяжелых боях 304-я, 9-я гвардейская, 199-я стрелковые дивизии и 3-я танковая бригада. В тяжелом положении оказались и оставленные для обороны рубежа Нагольная-Белокуракино 300, 162, 242-я стрелковые дивизии и части 118-го укрепленного района. Их позиции были обращены на запад, а враг крупными силами приближался с севера к Кантемировке, которая находилась в тылу армии в 90 км от ее рубежа обороны.

Недоумевая по поводу столь странного решения фронтового командования, я попытался добиться его отмены. Донесение по

этому вопросу было передано в штаб фронта в 2 часа 9 июля. Адресуя его маршалу Тимошенко и начальнику Генерального штаба генерал-полковнику Василевскому, я вновь просил разрешения отвести войска на 15 км с целью создания более эффективной обороны.

В ответ было получено распоряжение, в категорической форме подтверждавшее прежнее решение. Оно гласило:

"1. Не допустить скольжения по фронту с целью обеспечения направления, угрожаемого со стороны 28 А.

2. Создать прочную оборону занимаемого рубежа по приказу.

3. Создать группировку на своем правом фланге и не допустить прорыва противника как на своем правом фланге, так и в стыке с 28 А.

4. Никакого отхода быть не может.

5. За оборону рубежа по приказу будет отвечать лично Москаленко"{84}.

Позже мне стало известно, что начальника Генерального штаба встревожила моя телеграмма. Он связался со штабом фронта и вел переговоры по прямому проводу с начальником оперативного отдела штаба фронта полковником И. Н. Рухле. Но тот не знал действительной обстановки в полосе фронта и не мог раскрыть причин, побудивших меня настаивать на отводе войск армии с тылового оборонительного рубежа фронта на р. Айдар.

Подтверждением этому является следующее донесение, переданное полковником Рухле генерал-полковнику Василевскому во время переговоров 9 июля: "Группа генерал-майора Пушкина... занимает оборону на южном берегу р. Черная Калитва на участке Морозовка, Россошь, Ольховатка с задачей не допустить противника в южном направлении на фланг и тылы 28, 38 и 9 армий. Слабостью этого участка является отсутствие в данный момент пехоты на переднем крае и в глубине обороны. Противнику с полудня 7.7 удалось передовыми частями занять Россошь и затем с утра 8.7 и Ольховатка (30 км северо-западнее Россоши). На всем участке группы Пушкина сейчас противник ведет разведку боем. По данным авиации фронта, противник подводит в район Россошь до 100 танков и мотопехоту, его окончательные намерения еще точно не определились. Однако участок р. Черная Калитва от устья реки вверх до Ольховатка остается наиболее опасным для всего Юго-Западного фронта"{85}.

Эти данные не соответствовали действительности. Они отставали от развития событий. Выше отмечалось, что еще в середине дня 8 июля 28-я армия и группа генерала Пушкина, не успев закрепиться на южном берегу реки Черная Калитва, под

давлением танков и мотопехоты противника отошли на юго-восток. Штаб фронта не знал этого. Оставив Россошь еще 7 июля, он перебазировался в Калач (Воронежской области) и не успел организовать связь с отходящими войсками. Командующий фронтом находился на вспомогательном пункте управления в населенном пункте Гороховка в 10 км восточное г. Новая Калитва и также не имел связи ни с 28-й армией, ни с группой генерала Пушкина. С перебоями работала связь между командующим и штабом, поддерживаемая только по радио и офицерами связи.

Не удивительно поэтому, что точного представления о положении войск у них не было. Более того, командующий, информируя утром 9 июля штаб об отданных войскам распоряжениях, сообщил: "Данных о прорыве противника в район Митрофановки не поступало, если это данные авиации, то они явно ложные... До 12 часов 9.7 постараюсь получить все данные о положении Пушкина, Крюченкина{86} и мероприятия по перестройке растерявшегося Москаленко, после чего выеду в Калач..."{87}.

При таком представлении об обстановке мое предложение об отводе армии за р. Айдар действительно выглядело абсурдным. И командующий отклонил его, полагая, что я "растерялся".

Однако это было не так, и обстановка была иная. Я поддерживал постоянную связь с 28-й армией и знал, что она поспешно отходит вместе с группой генерала Пушкина и что противник уже к 12 часам 9 июля захватил Митрофановку и широким фронтом от населенного пункта Писаревка до Ровеньки наступал в юго-восточном и южном направлениях. Командующий 9-й армией генерал-лейтенант А. И. Лопатин тогда же информировал меня, что 14-й танковый корпус из состава Южного фронта еще не начал выдвижение в район Кантемировки.

Таким образом, обстановка в полосе 38-й армии с каждым часом ухудшалась. Противник силами 51-го армейского корпуса начал атаки рубежа обороны армии с запада. К счастью, они были отражены. Но главная опасность нарастала в глубоком тылу армии, в районе Кантемировки. Оттуда надвигалась угроза окружения армии, а решения фронта по ее предотвращению опаздывали.

III

9 июля в 16 часов в штаб фронта было послано следующее донесение:

"Начальнику штаба ЮЗФ.

Вам и командующему непрерывно доносится положение войск противника и наших. Еще раз дополнительно доносим, что части 28 армии и группа Пушкина ушли на юго-восток.

Противник зашел глубоко в тыл армии и продвигается стремительно на юго-восток, восток и на юг. К 13.00 вышел - Писаревка, Титаревка, Смаглеевка (где никаких наших войск нет), далее- Талы, Михайловка, Ново-Белая, Ровеньки.

Наступление идет также с фронта, где войска армии атаки отбивают. Противник вышел в глубокий тыл армии, во фланг и тыл УР. 14 танковый корпус, по данным Лопатина, еще на месте. Создалась угроза обхода армии с тыла.

Поэтому мы настоятельно просим разрешения отвести армию на рубеж Колесниковка, Кантемировка, Марковка, так как уже сейчас противник в ближайшем тылу 300, 162 стрелковых дивизий, УР и в глубоком тылу армии, что грозит последствием беспорядочного отхода частей армии.

Командующий 38 армией
генерал-майор Москаленко
Члены Военного совета
бригадный комиссар Кудинов,
бригадный комиссар Лайок
Начальник штаба армии
полковник Иванов"{88}.

Теперь, когда противник наступал на юг широким фронтом от г. Ровеньки до Писаревки, а мы не располагали необходимым для отпора силами, приходилось отходить дальше, чем мы предполагали всего лишь несколько часов назад. Ответа на эту нашу просьбу мы не получили, так как связь с штабом фронта надолго прервалась. Обстановка же была настолько критической, что даже при незначительной задержке на занимаемом рубеже армия неминуемо попала бы в окружение. К такому выводу мы пришли на заседании Военного совета.

Поэтому я принял решение на отвод войск, который и начался в 20 часов 9 июля.

Весь этот долгий, знойный июльский день войска армии вела тяжелы(R), кровопролитные бои с противником. Дивизии, прикрывавшие северное направление, сражались самоотверженно, героически против врага, обладавшего абсолютным превосходством в танках. В этот день мы сорвали все попытки окружить 38-ю армию. Атаки противника с запада также были успешно отражены.

Фашистским танкам не удалось прорваться на юг потому, что на каждом шагу они встречали жестокое огневое сопротивление войск 38-й армии и, главное, взорванные мосты, минные поля, заминированные дороги и броды. Взрывные препятствия, установленные находившимися в составе армии четырьмя инженерно-саперными батальонами и двумя саперными

бригадами, сыграли решающую роль в сковывании маневра танков и мотопехоты противника.

К исходу дня бой утих, и войска армии начали организованно отходить на юго-восток из-под нависающего удара с севера.

10 июля было сравнительно спокойно. Противнику приходилось прокладывать путь через минированные участки, восстанавливать мосты и дороги, поэтому он медленно продвигался вперед и только к концу дня достиг переднего края нашей поспешно занятой обороны. Да и то потому, что его авиация действовала почти беспрепятственно, нанеся нам тяжелый урон.

В этот день была восстановлена связь со штабом фронта. Вероятно, командующий фронтом разобрался в обстановке. Он одобрил решение на отвод войск армии и указал два промежуточных рубежа до выхода на железную дорогу Россошь Миллерово, на первый из которых войска армии отошли ночью, и третий рубеж вдоль железной дороги. Командующий поторапливал нас. Главное, говорил он, вывести войска из-под угрозы наметившегося окружения.

Вторые эшелоны и тылы начали отход еще засветло, а с наступлением сумерек двинулись и остальные войска. После изнурительного ночного марша к утру 11 июля мы достигли последнего промежуточного рубежа Первомайский Ново-Стрельцовка и перекрыли железную дорогу севернее районного центра Чертково.

Правый фланг 38-й армии по-прежнему был открыт, угроза обхода его не уменьшилась. 4-я танковая армия противника наносила удар на юг, глубоко обходя армию с тыла. Наиболее угрожающим был участок в центре обороны, там, где проходила железнодорожная линия на Миллерово. Здесь и обрушился на армию удар противника. Разгорелся жестокий бой. К 12 часам вражеским танкам удалось прорвать оборону армии на нескольких участках. Оценив обстановку, я отдал приказ на отход войск армии за р. Калитва в направлении Дегтево, Кашары.

Следует пояснить, что в районе Чертково действовали основные силы 4-й танковой армии и 51-й корпус 6-й армии, которые повернули на юг и наступали в направлении Миллерово. Нечего и говорить о том, каким громадным превосходством сил и средств обладала обходившая нас вражеская группировка. Кроме того, именно в этом районе, согласно плану немецко-фашистского командования, предполагалось окружить войска Юго-Западного и часть сил Южного фронтов. Данному намерению не суждено было осуществиться. Основные силы Юго-Западного фронта отходили на восток, а Южного - на юг, к Ростову, в том

числе и 9-я армия Юго-Западного фронта.

На пути у наступавшего противника в районе Чертково оказалась лишь 38-я армия. Но и ее не удалось окружить. Здесь опять отлично поработали инженерные и саперные части армии: противник, стремившийся отрезать нам пути отхода, повсюду натыкался на всевозможные "сюрпризы".

Был даже случай, когда они избавили от серьезной опасности штаб армии.

Это произошло вблизи населенного пункта Дегтево, расположенного у р. Калитва. К нему вели две параллельные дороги, тянувшиеся по обе стороны реки. И вот по. одной из них двигались штабные машины, направлявшиеся через Дегтево в Кашары, по другой - колонна войск противника. Она спешила достичь Дегтево, чтобы встретить нас у моста. Мы же рассчитывали добраться туда первыми.

Так и получилось. Но лишь потому, что колонна противника вскоре наскочила на заминированный нашими саперами участок и отстала. Мы свободно переехали мост.

К вечеру 11 июля штаб армии прибыл в Кашары. Сюда же широким фронтом отходили ее войска. Дивизии в результате почти непрерывных четырехнедельных боев были крайне ослаблены. Кроме того, теперь уже оба фланга армии были открыты: слева, на стыке с 9-й армией, глубоко вклинилась танковая группировка противника, действовавшая вдоль дороги на Миллерово.

Ко всему этому вновь была потеряна связь со штабом Юго-Западного фронта. Мы непрерывно посылали в эфир свои позывные, но ответа не получали. Наконец, 12 июня мы приняли по радио приказ о том, что по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования 38-я армия передается в состав Южного фронта. Многочисленные попытки связаться по радио со штабом Южного \258 - схема; 259\ фронта были безрезультатны. Связь с Юго-Западным фронтом также была потеряна окончательно.

Армия попала в тяжелое положение. Оба фланга открыты. Соседей нет. Связи нет. Войска растянулись на десятки километров. Пришлось самостоятельно искать выход. Отводить войска армии в полосу Южного фронта было нецелесообразно, так как к югу, в сторону Чертково и Миллерово прорвались большие массы танков и мотопехоты неприятеля. При любых условиях армия обязана была оборонять свою полосу, у левой разграничительной линии которой она находилась. Исходя из этого, я решил отводить войска армии на восток, в направлении Боковской, обойти с юга этот населенный пункт, занятый противником, войти в свою полосу и попытаться восстановить

связь с 28-й армией, которая до прорыва фронта обороны была правым соседом.

Но для этого нужно было прежде всего уйти из-под ударов группировки противника. 6-я немецкая армия в то время стремилась охватить правый фланг 38-й армии или рассечь ее фронт. И, несмотря на беспримерную отвагу и самоотверженность воинов армии, отразить вражеские удары удалось не сразу. В течение нескольких дней армия с боями отходила на восток, двигаясь по самому краю своей полосы и даже несколько южнее. На северо-восток мы повернули только тогда, когда убедились, что войскам больше не грозит окружение. То были трудные дни. И они особенно ярко показали величие духа советских воинов, их готовность к самопожертвованию во имя Родины.

Считается, что в войсках, находившихся продолжительное время в обороне, постепенно падает дисциплина. Казалось бы, именно так должно было обстоять дело и в 38-й армии в описываемое время. Ведь непрерывные жестокие бои с превосходящими силами врага, массированные атаки танков и автоматчиков, вой фашистских самолетов, целыми днями бомбивших наши колонны, постоянная угроза окружения не могли не сказаться на физических и моральных силах командиров, политработников и красноармейцев. Однако должен сказать, что, несмотря на все это, не помню ни одного случая невыполнения приказания, замешательства, паники или бегства с поля боя под каким-либо благовидным предлогом. Весь личный состав армии сражался самоотверженно, самозабвенно и с таким накалом злости, что враг не отваживался вести ближний бой без танков.

IV

Считаю необходимым подчеркнуть два обстоятельства, связанные с действиями 28-й и 38-й армий в первой половине июля 1942 г.

Одно из них заключается в том, что именно в полосе этих армии немецко-фашистские войска вышли в большую излучину Дона. Нет, я не оговорился. Ведь известно, что большая излучина Дона простирается к востоку от условной линии г. Новая Калитва - р. Калитва - устье Северного Донца.

Когда сюда прорвался противник, стало ясно, что, продолжая двигаться на восток, ему некуда было идти, кроме как на Сталинград. Уже по одной этой причине выходит, что западная часть большой излучины - не что иное, как дальние подступы к этому городу. Есть и другое веское подтверждение тому: 12 июля, т. е. как только наступающие войска противника пересекли названную условную линию, Ставка Верховного

Главнокомандования вместо Юго-Западного фронта создала Сталинградский фронт. В связи с этим целесообразно считать, что Сталинградская битва началась с указанного выше рубежа. На наш взгляд, следует пересмотреть и дату начала Сталинградской битвы. В советской военной литературе принято относить ее к 17 июля, когда на р. Чир передовые отряды 62-й армии вошли в соприкосновение с наступавшим противником. Такая точка зрения представляется необоснованной. И не только в силу вышеприведенных причин, хотя и они достаточно убедительны. Существует еще одна немаловажная сторона дела. Во многих книгах об этом периоде войны упоминаются две даты - 12 и 17 июля, первая-в связи с образованием Сталинградского фронта, вторая - как начало Сталинградской битвы.

Но, спрашивается, что же происходило на сталинградском направлении между 12 и 17 июля? Неужто на всем пространстве от упомянутой условной линии до р. Чир не было войск Красной Армии и противник двигался здесь беспрепятственно, не встречая никакого сопротивления?

В том-то и дело, что это было совсем не так. В частности, 38-я армия, которой я тогда командовал, отступая в глубь излучины, все эти дни вела ожесточенные бои с 6-й немецкой армией, устремившейся к Сталинграду. Наша армия не имела сплошного фронта, соседей, резервов, но сражалась с врагом. О ее исключительно упорном сопротивлении можно судить по тому, что вражеским войскам при всем их натиске потребовалось целых пять дней, чтобы преодолеть расстояние от Калитвы до Чира.

Значение боев в западной части большой излучины Дона состоит также и в том, что в ходе их противнику был нанесен чувствительный урон. Кроме того, ему не удалось осуществить одну из наиболее существенных частей своего плана летней кампании - окружение и уничтожение советских армий "между Донцом и Доном". Бывший первый адъютант штаба 6-й немецкой армии полковник Адам, ведавший вопросами потерь и пополнения, писал:

"Если бы мы одержали победу, то на таком огромном фронте это выразилось бы в сотнях тысяч пленных, поля сражений были бы усеяны убитыми и ранеными, мы имели бы горы трофейного оружия и разного военного снаряжения. В действительности же картина была совсем иная... На поле боя мы обнаружили мало убитых и раненых бойцов Красной Армии. А тяжелое оружие и транспорт советские войска увели с собой..." И далее - о боях в большой излучине Дона, от 23 июля: "...Некоторые роты потеряли треть своего боевого состава... Боевая численность пехоты резко снизилась. В среднем рота насчитывала 60 человек... Армия

выбилась из сил, измотана и очень ослаблена потерями"{89}.

Интересно и свидетельство бывшего гитлеровского генерала Г. Дёрра о боях этого периода. "Потери русской армии с 28 июня по 25 июля,- писал он,- были, пожалуй, меньшими в сравнении с потерями наших сил... Управление войсками на русской стороне, как это мы могли наблюдать с начала летней кампании, свидетельствовало о том, что противник стремится сохранить свои силы. Можно было предположить, что они будут использованы тогда, когда германская армия распылит свои силы в русских просторах и окажется в тяжелом положении в отношении снабжения"{90}.

Возвращаясь к рассказу о 38-й армии, следует отметить, что наш отход не был стихийным, неорганизованным. Отходили не группы воинов, а батальоны, полки, дивизии, т. е. армия, управляемая командирами и штабами, поддерживавшими между собой связь. Армия вышла из многодневных неравных боев в большой излучине Дона в составе всех своих восьми стрелковых дивизий и других частей, ослабленных в результате значительных потерь, но сохранивших боеспособность и готовых выполнять боевые задачи, поставленные командованием Сталинградского фронта, в состав которого армия вошла 16 июля.

В тот день, продолжая отходить на северо-восток, мы подошли к Дону в районе г. Серафимович. Здесь впервые связались со штабом Сталинградского фронта. По его приказанию армия была отведена на левый берег Дона... Многим из нас с болью подумалось тогда: "Почти год назад мы уходили за Днепр, неся в сердцах жгучую ненависть к врагу и горячую веру в то, что скоро вернемся... И ведь, казалось, начинала сбываться надежда. Это было зимой и весной, когда мы наступали. Увы, мы вновь отступаем, теперь уже за Дон..."

Думы жгли душу. Но чувства бессилия или обреченности не было и в помине. Жила, как и прежде, твердая, непоколебимая вера в разгром врага, в нашу победу. Ведь уже в битве под Москвой Красная Армия не только похоронила планы "блицкрига", но и развеяла миф о непобедимости немецко-фашистского вермахта. И не было сомнений, что наступит, не может не наступить день, когда враг испытает на себе еще более сокрушительные удары.

...С небольшой высотки хорошо видны переправы, по которым уходят за Дон войска 38-й армии. В памяти оживают жаркие схватки с врагом, почти не прекращавшиеся тяжелые бои. Вспоминается каждая высотка и рощица, каждый речной бережок, за которы0 бились, оказывая фашистам ожесточенное сопротивление.

В конце концов противник, обладавший многократным превосходством, вынуждал нас отступать все дальше на восток - широкими донскими степями, полями с налитой золотом пшеницей, которую некому было убрать, опустевшими, покинутыми станицами.

Немало советских воинов полегло в боях на просторах донской степи, отдав жизнь за Родину, во имя грядущей победы над врагом. Их подвиг довершат оставшиеся в строю. Вот они идут, запыленные, с почерневшими от усталости лицами. Идут не на отдых, а на новый боевой рубеж...

38-й армии была поставлена задача занять оборону по левому берегу Дона в полосе устье р. Медведица - станица Новогригорьевская.

Справа оборонялась - тоже по левому берегу Дона - 63-я армия генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова. От Клетской тянулся к югу рубеж 62-й армии, которой тогда командовал генерал-майор В. Я. Колпакчи, а дальше, до Верхне-Курмоярской - 64-й армии генерал-майора М. С. Шумилова.

Вскоре на просторах донских и приволжских степей и развернулось одно из величайших сражений в истории войн - Сталинградская битва.

Глава VIII. Сталинград: контрудар первой танковой армии

I

В Сталинградской битве мне довелось участвовать уже не с 38-й армией. В оборонительный период этого грандиозного многомесячного сражения я командовал 1-й танковой, затем 1-й гвардейской армиями. Обе они сыграли существенную роль на разных этапах ожесточенной борьбы за Сталинград, но их боевые действия, к сожалению, должным образом не освещены. Поэтому представляется целесообразным рассказать здесь хотя бы то, что запомнилось.

Прошло шесть дней с тех пор, как 38-я армия в ходе тяжелых оборонительных боев с превосходящими силами противника отошла к Дону в районе Серафимович, Клетская. Переправившись на левый берег, войска армии начали приводить себя в порядок, строили оборону, а также создавали предмостные укрепления на удерживаемых небольших плацдармах на правом берегу.

Штаб армии расположился в населенном пункте Клетско-Почтовском. Я там бывал редко, почти все время проводил в частях и соединениях, помогая их командованию в организации обороны.

22 июля меня неожиданно вызвали в штаб Сталинградского фронта. В тот же день я отправился в Сталинград. Вместе со мною

поехал член Военного совета 38-й армии бригадный комиссар В. М. Лайок. В пути мы, разумеется, строили всевозможные догадки о причинах вызова. В конце концов решили, что предстоит совещание, на котором нужно будет присутствовать, а возможно и докладывать об обстановке на нашем участке обороны.

Прибыв в Сталинград, мы первым долгом отправились в домик командующего фронтом. И тут начались неожиданности. Прежде всего оказалось, что в домике новый хозяин-генерал-лейтенант В. Н. Гордов. До этого он командовал 21-й армией, а теперь был назначен командующим Сталинградским фронтом вместо маршала С, К. Тимошенко. Замена не казалась мне равноценной. В. Н. Гордов не обладал тогда опытом крупного военачальника. К сожалению, это представление подтвердилось в дальнейшем. Ведь обстановка на сталинградском направлении начала усложняться с каждым днем и даже с каждым часом. И именно в тот чрезвычайно острый и напряженный период командование фронта оказалось ослабленным, что не могло не отразиться на руководстве боевыми действиями, в особенности в условиях многократного превосходства сил противника. Генерал-лейтенант Гордов, конечно, старался сделать все, что мог. Но задача была ему не по силам.

Штабу фронта и тем более командованию и штабам армий неизвестна была причина ухода маршала С. К. Тимошенко с поста командующего. Все мы хорошо знали и глубоко уважали Семена Константиновича. Он был участником гражданской войны и активным организатором Красной Армии в мирное время: командовал 3-м кавалерийским корпусом и войсками Киевского Особого военного округа. Большой вклад был внесен им в дело разгрома белофиннов в 1939-1940 гг. Став народным комиссаром обороны, он в короткий срок, до нападения фашистской Германии на Советский Союз, добился резкого повышения дисциплины в войсках, устранил ошибки в подготовке личного состава, что способствовало быстрому росту боевой мощи Красной Армии. Несмотря на тяжелые неудачи войск Юго-Западного направления в 1941 г. и в первой половине 1942 г., приведшие к отходу войск за р. Дон, мы верили в способность Семена Константиновича успешно руководить фронтовым объединением.

Перемены в командовании фронта были не единственной неожиданностью для меня. Второй - о ней сообщил мне генерал-лейтенант Гордов - был приказ Ставки Верховного Главнокомандования о моем назначении командующим 1-й танковой армией. Далее выяснилось, что этой армии пока еще не существовало. Ее предстояло сформировать на западном берегу

Дона в районе Качалин, Рычковский, Калач. И задача эта возлагалась на управление 38-й армии, которое преобразовывалось в управление 1-й танковой армии и должно было немедленно передислоцироваться из Клетско-Почтовского в район Калача. Войска же 38-й армии было приказано передать в состав 21-й армии.

Кстати отмечу, что 21-я армия собственно и должна была занять оборону в полосе устья р. Медведицы - станица Новогригорьевская. Так гласила директива Ставки Верховного Главнокомандования от 12 июля. Но в ходе отступления остатки этой армии отошли не на левый фланг 63-й армии, а на ее правый фланг, в район, находившийся в 250 км к западу от отведенной им полосы. Вот почему 16 июля эту полосу было приказано занять вышедшим к ней войскам 38-й армии. Теперь же они передавались в состав 21-й армии, и ее полевое управление должно было занять наше место в Клетско-Почтовском.

Итак, эта сторона дела была ясна. Я тотчас же связался по телефону с Клетско-Почтовским и отдал необходимые распоряжения: своему заместителю генерал-майору Г. И. Шерстюку приказал возглавить комиссию по передаче войск с их участками обороны, а штабу под начальством полковника С. П. Иванова прибыть в район Калача.

Теперь можно было приступить к выполнению задач, связанных с формированием 1-й танковой армии.

Приказ Ставки требовал сформировать армию к 24 часам 28 июля. В связи с ухудшением обстановки к западу от Дона командующий фронтом сократил этот срок на двое суток. Таким образом, армии предстояло быть готовой к ведению боевых действий не позднее 24 часов 26 июля. Иначе говоря, в нашем распоряжении для формирования и сколачивания 4-й танковой армии оставалось всего четверо суток. Но и это было не все.

В состав армии должны были войти два танковых корпуса, три стрелковые дивизии, четыре артиллерийских (два противотанковых и два ПВО) и один гвардейский минометный полки. Фактически к началу формирования ей были переданы 13-й и 28-й танковые корпуса, 131-я стрелковая дивизия, два артиллерийских полка противовоздушной обороны и один противотанковый. Вместо недостающих двух стрелковых дивизий, артиллерийского и гвардейского минометного полков армии была придана 158-я тяжелая танковая бригада.

II

К утру 23 июля мы с В. М. Лайоком были уже в районе Калача. Начали с поисков места для устройства командного пункта армии. Нашли его на берегу Дона, к северу от Калача. На

другой день прибыл и полковник С. П. Иванов со штабом бывшей 38-й армии, а теперь уже 1-й танковой армии. Не теряя ни минуты, мы приступили к формированию последней.

К тому времени обстановка на фронте резко обострилась.

Напомню, что еще к середине июля противник, разорвав фронт советских войск и оттеснив их в ходе боев в большой излучине Дона частью к северу и частью к югу, достиг линии р. Чир. Здесь 17 июня он встретил сильное сопротивление передовых отрядов 62-й армии. Действуя при активной поддержке авиации, передовые отряды в труднейших условиях в течение шести дней сдерживали натиск превосходящих сил врага.

К исходу 22 июля вражеским войскам удалось выйти к переднему краю главной полосы обороны 62-й армии, простиравшейся, как упоминалось, от Клетской до Суровикино. Несколько часов спустя враг нанес удар на ее правом фланге в районе Клетской.

Наступавшая на Сталинград 6-я немецкая армия имела тогда в своем составе восемнадцать дивизий, в том числе три танковые и две моторизованные. Она насчитывала почти четверть миллиона солдат и офицеров, имела до 7,5 тыс. орудий и минометов, около 740 танков, располагала мощной поддержкой с воздуха (до 1200 боевых самолетов).

Противостоявшие им советские войска 62-й и правого фланга 64-й армий на фронте Клетская - Суворовский имели восемь стрелковых дивизий, танковую бригаду, семь отдельных танковых батальонов и два батальона пехотных училищ. Соотношение в людях было 1,5:1, в артиллерии-2,6:1, в танках-2:1, в самолетах-3,6:1 в пользу врага. На направлении главного удара-к югу от Клетской - немецко-фашистское командование создало еще большее превосходство сил. Оборонявшиеся там правофланговые соединения 62-й армии - 192-я, 184-я и 33-я гвардейская стрелковые дивизии - уступали сосредоточенным против них войскам неприятеля как в численности личного состава (в 4-5 раз), так и в количестве орудий и минометов (в 9-10 раз). Противник здесь имел и абсолютное превосходство в танках и авиации.

С утра 23 июля правофланговый полк 33-й гвардейской стрелковой дивизии был атакован 113-й пехотной и 16-й танковой дивизиями врага. Несколько позднее противник нанес удар и на правом фланге 192-й стрелковой дивизии. Используя многократное превосходство в силах и средствах, в особенности в авиации, вражеские войска прорвали главную полосу обороны 62-й армии К исходу дня они продвинулись в глубину до 20 км.

С утра 24 июля гитлеровцы на этом направлении

дополнительно ввели в сражение свежую моторизованную дивизию. Совместно с 60-й моторизованной дивизией они прорвались в район Верхне-Бузиновка, где разгромили штабы 192-й и 184-й стрелковых дивизий.

Контрудар, предпринятый силами 62-й армии, успеха не имел. Задержать продвижение противника не удалось.

К исходу дня обе группировки врага прорвались к р. Дон в район Каменский. Оказались окруженными части 184-й и 192-й стрелковых дивизий, 40-я танковая бригада и отдельный танковый батальон.

В штабе фронта, куда к этому времени прибыл начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский, по его инициативе было принято решение нанести контрудар с целью разгрома вражеской группировки, прорвавшейся к Дону, и восстановления положения в полосе 62-й армии. Осуществить контрудар должны были 1-я и одновременно с ней начавшая формирование 4-я танковые армии.

К утру 24 июля соединения и части формирующейся 1-й танковой армии были еще разбросаны на значительном пространстве. 13-й танковый корпус под командованием полковника Т. И. Танасчишина, не успевший завершить укомплектование своих бригад, вел бои на западном берегу Дона в районе Манойлина. Три его бригады -163, 166-я и 169-я - имели всего 123 танка, в том числе Т-34-74, Т-70-49.

У 28-го танкового корпуса полковника Г. С. Родина танков имелось больше-178 (88-Т-34, 60 - Т-70 и 30-Т-60). Но получены они были буквально накануне выдвижения в район Калача. Тогда же прибыл и личный состав. Словом, корпус только-только начал формироваться.

Далее, 158-я тяжелая танковая бригада (командир полковник А. В. Егоров) еще не была полностью оснащена боевыми машинами. Она получала их на ст. Кривомузгинская, куда прибыл эшелон с танками КВ. Что касается 131-й стрелковой дивизии, то она в это время вела оборонительные работы на восточном берегу Дона севернее Калача.

Ко всему этому надо добавить, что к утру 25 июля противник оказался в непосредственной близости к району формирования 1-й танковой армии. Ее войска сосредоточивались на восточном берегу Дона, севернее Калача, а к западному берегу подошли вражеские дивизии. Они приблизились к переправе и обрушили на нее артиллерийский и минометный огонь.

Я привожу здесь данные об обстановке, сложившейся к утру 25 июля, по очень простой причине: именно в это утро, согласно приказу командования фронта, наносился контрудар, в котором

1-й танковой армии отводилась главная роль. Ей предписывалось переправиться через Дон в районе Калача и наступать в направлении населенного пункта Майоровского. Ближайшая задача - уничтожить противостоящего врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхне-Бузиновка Манойлин. В последующем мы должны были развивать наступление в направлении Перелазовского и там соединиться с 4-й танковой армией. Ее войска не успевали сосредоточиться на исходных позициях к 25 июля, поэтому им предписывалось начать боевые действия 27 июля, наступая из района Трехостровской в направлении Перелазовского.

Сказанное означает, что контрудар наносился неодновременно, причем силами двух танковых армий, еще не закончивших формирование и не получивших всех предназначенных для них средств усиления. Насколько оправданным было такое решение представителя Ставки? Этот вопрос фигурирует в целом ряде военно-исторических исследований и воспоминаний. Ответы на него даются разные. Некоторые авторы считают, что это решение было ошибочным. Полагаю, что мне как бывшему командующему 1-й танковой армией, выполнявшей главную роль в нанесении контрудара, также следует ответить на этот вопрос.

Прежде всего замечу, что авторы, которые исходят из того, что 1-я и 4-я танковые армии не были готовы к контрудару, поскольку еще только формировались, высказывают мнение, что ввиду этого следовало подождать с контрударом.

Сторонникам подобной точки зрения уже ответил Маршал Советского Союза А. М. Василевский. В статье, опубликованной несколько лет назад, он писал: "Будучи одним из наиболее ответственных инициаторов этого события, лицом, которое вело все переговоры с Верховным Главнокомандующим по этому вопросу, а также непосредственным очевидцем всей серьезности создавшейся обстановки, я считал и считаю, что решение на проведение контрудара даже далеко не полностью готовой к боевым действиям 1-й танковой армии в тех условиях было единственно правильным и что оно, как показал дальнейший ход событий, с учетом контрудара столь же неготовой 4-й танковой армии, в значительной степени себя оправдало.

Необходимость контрудара наличными силами 1-й танковой армии вызывалась тем, что противник, прорвав оборону правофланговых дивизий 62-й армии и окружив здесь две наши стрелковые дивизии и танковую бригаду, выходом крупных сил в район Верхне-Бузиновка, Сухановский создал непосредственную и серьезную угрозу не только переправам через Дон, но и всем

войскам 62-й и левого фланга 64-й армий, оборонявшимся в большой излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности, нависшей над войсками 62-й армии, требовались немедленные контрмеры. Других войск, кроме 1-й и 4-й танковых армий, не было... Поэтому пришлось пойти на немедленный, хотя и не на одновременный контрудар танковыми армиями... Последующие события показали, что благодаря активным действиям и упорному сопротивлению войск Сталинградского фронта в целом главная группировка войск немецкой армии, вместо захвата Сталинграда с ходу, вынуждена была втянуться в затяжные бои на восточном берегу Дона. В связи с этой задержкой в наступлении 6-й немецкой армии немецко-фашистскому командованию пришлось повернуть свою 4-ю танковую армию с кавказского на сталинградское направление"{91}.

В одной из своих статей я уже говорил, что полностью согласен с этим высказыванием А. М. Василевского. Добавлю, что именно контрудары силами танковых армий, пусть еще неготовых, помешали противнику с ходу захватить Сталинград. Таким образом, на мой взгляд, не может быть и речи об ошибочности принятого в то время решения. Тем же, кто видит лишь неготовность к контрудару, хотелось бы напомнить, что эта сторона дела была хорошо известна и принимавшим решение, и выполнявшим его. Вот об этом и пойдет речь.

III

В то время все мы радовались появлению у нас танковых армий - мощной ударной силы в руках фронтового командования. Что касается меня, то я давно мечтал о создании таких объединений. И то, что мне было доверено возглавить одну из первых танковых армий, вызывало чувство ответственности и стремление использовать эту ударную силу наиболее эффективным образом.

Уже 22 июля, во время разговора с командующим фронтом, я понял, что осуществить это намерение будет нелегко. Слишком малым был срок, отведенный для формирования и сколачивания 1-й танковой армии. Однако ее командование и штаб, прибыв в район Калача, приложили все силы к обеспечению боевой готовности частей и соединений в назначенный срок - к 24 часам 26 июля.

Но и этот срок, урезанный на двое суток по сравнению с указанным в приказе Ставки, был вновь сокращен почти наполовину. 23 июля, когда мы еще только начали формирование армии, последовал вышеупомянутый приказ командования фронта о нанесении контрудара утром 25 июля, т. е. менее, чем через двое суток.

Получив приказ, я сразу же собрал офицеров штаба армии. Ознакомив их с полученной задачей и приняв предварительное решение, приказал немедленно отправиться на железнодорожные станции, встретить прибывающие части и вывести их в исходные районы для наступления. Начальник штаба с группой офицеров приступил к разработке плана наступательной операции, а я с начальниками родов войск уехал для рекогносцировки местности и выбора наблюдательных пунктов.

Весь этот и следующий дни были чрезвычайно напряженными. Офицеры штаба армии, не зная отдыха, занимались обеспечением своевременного сосредоточения войск в указанные районы.

24 июля мною было отдано боевое распоряжение, в котором ставились задачи войскам армии.

28-му танковому корпусу было приказано перейти с утра 25 июля в решительное наступление, разгромить противника в районе Малонабатовской, Осиновский, Ложки и затем преследовать его до Ново-Григорьевской, Логовского. После этого сосредоточить свои главные силы в районе Ближняя Перекопка, Сиротинская. 13-му танковому корпусу предписывалось наступать в направлении Евсеевский, Верхне-Бузиновка, Клетская, нанести поражение вражеским войскам в районе Муховин, Майоровский, Евсеевский и затем преследовать их до рубежа р. Дон.

131-я стрелковая дивизия участвовала силами одного полка в нанесении контрудара. Два остальных обороняли восточный берег Дона от Голубинского до Калача. 158-я тяжелая танковая бригада, которая вместе с батальоном 131-й стрелковой дивизии составила резерв армии, должна была двигаться вслед за 28-м танковым корпусом.

Боевое распоряжение требовало в течение ночи на 25 июля довести задачи до исполнителей, заправить танки горючим и боеприпасами, вывести их в исходное положение для атаки.

Добавлю, что согласно директиве штаба фронта слева во взаимодействии с 13-м танковым корпусом должна была нанести удар частью сил 62-я армия. Из района Серафимовича в южном направлении, в тыл группировке противника, предстояло наступать трем дивизиям 21-й армии.

Вечером, накануне нанесения контрудара, к нам на командный пункт приехали генерал-полковник А. М. Василевский и генерал-лейтенант В. Н. Гордов. Ознакомившись с состоянием армии и ходом подготовки к нанесению контрудара, А. М. Василевский разъяснил порядок выполнения поставленной задачи. Он также подчеркнул ответственность, возложенную на войска 1-й танковой армии, сказал, что за действиями армии

наблюдает Верховное Главнокомандование. Попрощавшись и пожелав нам успеха, представитель Ставки и командующий войсками фронта уехали в Сталинград.

Проводив их, я занялся организацией переправы войск через Дон. Обстановка была сложная. Армия должна была вступить в бой в крайне невыгодных условиях. Ее главным силам, находившимся на восточном берегу, предстояло переправляться через Дон под непрерывным воздействием авиации врага, а на западном берегу с ходу вступить в бой.

IV

То, что этой ночью представлялось нелегким делом, еще более усложнилось утром. Первым начал переправляться 482-й стрелковый полк 131-й стрелковой дивизии, а за ним 56, 55, 39-я танковые и 32-я мотострелковая бригады. 1-й батальон 482-го стрелкового полка занял свой рубеж, обеспечивающий переправу, и его выдвижение осталось незамеченным вражескими наблюдателями. Следовавший за ним 3-й батальон на западном берегу в 2,5 км от переправы подвергся на марше нападению 15 танков противника и мотопехоты на семи машинах.

Батальон быстро развернулся и вступил в бой. Но он не имел противотанковых средств и нес потери.

Выручили его из беды передовые подразделения 56-й танковой бригады полковника В. В. Лебедева, входившей в состав 28-го танкового корпуса. Они тоже только что переправились на западный берег и двигались к своему исходному рубежу. Встретив врага, наши танкисты с ходу атаковали его. Танки противника были сначала остановлены, а затем отброшены от переправы.

Так начали войска 1-й танковой армии сосредоточение в исходном районе для наступления.

В связи с вышесказанным не могу не заметить, что в ряде послевоенных исследований подчас встречаются существенные неточности в описании событий тех дней. Так, авторы второго тома "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941- 1945" утверждают, что противник, атаковав 23 июля правый фланг 62-й армии, якобы "через три дня" сумел "прорвать оборону на этом участке"; после чего его "подвижные части вышли к Дону в районе Каменского..."{92} Выходит, что этот прорыв неприятельских поиск был осуществлен лишь 26 июля.

В действительности он произошел уже 24 июля. Именно тогда гитлеровские танковые соединения, глубоко обойдя основные силы 62-й армии, прорвались к Дону в районе Каменского.

Обстановка на сталинградском направлении стала крайне сложной.

Выход 14-го танкового корпуса и других соединений 6-й немецкой армии к Калачу мог поставить под угрозу окружения 62-ю армию и часть сил 64-й. Главная же опасность заключалась в том, что противник силами этой своей группировки стремился форсировать Дон у Калача и, наступая дальше на восток, с ходу захватить Сталинград. Его передовые части у Голубинского и Березова вели обстрел противоположного берега Дона. Утром 25 июля они находились уже в 2,5-3 км от Калача, и мост у этого города обстреливали огнем артиллерии и минометов.

Вот почему 1-я танковая армия начала наступление силами 28-го танкового корпуса не в районе Каменского, как, по-видимому, полагают авторы вышеупомянутого труда, а непосредственно у Калача. Это произошло утром 25 июля, и наш контрудар совпал с возобновлением противником наступления по овладению переправами.

Все это подтверждает и Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Его свидетельство особенно ценно потому, что в то время он был представителем Ставки на Сталинградском фронте и являлся одним из главных инициаторов контрудара 1-й танковой армии. а также участвовал в определении времени и места начала этой наступательной операции. И вот что он засвидетельствовал: "Сосредоточенные в ночь на 25 июля на западном берегу Дона войска 1-й танковой армии с рассветом приступили к нанесению контрудара по противнику, который тоже возобновил наступление с целью захватить переправы у Калача"{93}.

Добавлю, что, возобновив наступление, враг к утру 25 июля почти уже достиг своей ближайшей цели - переправы у Калача. Неприятелю оставалось преодолеть последние два-три километра. Но ему это не удалось, так как именно в этот момент по наступающему противнику нанесла контрудар 1-я танковая армия. Завязалось встречное сражение с танками и мотопехотой. Оно проходило в крайне невыгодных для нас условиях. К уже упомянутым причинам нужно добавить превосходство наземных сил противника и полное господство его авиации в воздухе. В первый день боя она совершила более 1000 самолето-вылетов на боевые порядки 1-й танковой армии. Вражеская авиация действовала группами по два-три десятка самолетов, появлявшихся над нами через каждые 20-25 минут. Им, к сожалению, ничего не противопоставила наша 8-я воздушная армия, занятая, видимо, на других направлениях.

Несмотря на все свои преимущества, враг не сумел добиться успеха. Напротив, в упорных боях, продолжавшихся в течение всего дня, войска 28-го танкового корпуса, ломая сопротивление

неприятеля, отбросили его на 6-8 км от Калача.

К исходу дня бои прекратились на всем фронте. Обе стороны понесли большие потери. Что касается противника, то он вынужден был отказаться от наступления и перешел к жесткой обороне, используя для борьбы с нашими танками даже средства ПВО. Мы же произвели перегруппировку и пополнили боеприпасы.

Оставив на своем наблюдательном пункте заместителя по бронетанковым и механизированным войскам Н. А. Новикова и члена Военного совета В.М. Лайока, я прибыл к Г. С. Родину в 28-й танковый корпус. С утра 26 июля его войска возобновили наступление. Атака началась на рассвете, в 3 часа, до появления авиации противника. Мы рассчитывали, что удар будет не только стремительным, но и внезапным.

Однако оказалось, что к его отражению вражеские войска готовились всю ночь. Они заняли выгодные рубежи, зарыли в землю танки, подтянули противотанковую артиллерию. Применили против наших танков 88 мм зенитные пушки. Атака, проведенная на рассвете частями 28-го танкового корпуса, успеха не имела. Мы смогли лишь сбить боевое охранение и передовые части противника. Сломить сопротивление его главных сил, оборонявшихся в районе населенного пункта Ложки и совхоза "10 лет Октября", не удалось.

Вторая атака, предпринятая в 15 часов, также была отражена противником. И только третий удар, нанесенный в 19 часов, принес успех. Тараном из 36 танков была пробита брешь на левом фланге вражеской обороны. Это позволило продвинуться вперед силами всего 28-го танкового корпуса, разгромить врага и захватить его опорные пункты в населенном пункте Ложки и в совхозе "10 лет Октября".

Все это произошло в течение короткой паузы между бомбовыми ударами авиации противника, представлявшей для нас главную угрозу.

Но вот пауза окончилась. Налетевшие вражеские самолеты вынудили приостановить дальнейшее продвижение на север. В результате нам не удалось преследовать противника, который поспешно отступал, оставив на поле боя сотни трупов солдат и офицеров, 12 орудий крупного калибра, 10 противотанковых пушек и несколько бронетранспортеров. Среди трофеев оказался склад боеприпасов, устроенный гитлеровцами в Ложках.

В этот день войска 28-го танкового корпуса, действовавшие на правом фланге наступающей 1-й танковой армии, продвинулись на 9-10 км, отбросив противника к северу.

На левом фланге армии наступал 13-й танковый корпус. Вы

полняя поставленную задачу, его войска нанесли удар из района Добринка в северном направлении. Овладев населенным пунктом Евсеевский и преследуя отступающего врага, они вышли на подступы к Манойлину.

Несколько продвинулась вперед и 196-я стрелковая дивизия 62-й армии, взаимодействовавшая с войсками 1-й танковой армии.

Командующий 62-й армией генерал-майор В. Я. Колпакчи еще 24 июля рассказал мне о надеждах, которые он возлагал на эту дивизию. Я встретился с ним на командном пункте армии, куда мы с командиром 28-го танкового корпуса Г. С. Родиным приехали ознакомиться с обстановкой и договориться о взаимодействии. В. Я. Колпакчи подтвердил, что 14-й танковый корпус противника рвется к Калачу, и это создало угрозу окружения главных сил 62-й армии, захвата переправ через Дон вражескими войсками с целью прорыва на Сталинград. В то же время враг начал сжимать кольцо окружения в районе Верхне-Бузиновки, в котором, как отмечено выше, оказалась тогда часть сил 62-й армии. В такой обстановке генерал Колпакчи счел возможным участвовать в контрударе силами одной лишь 196-й стрелковой дивизии.

- Вот здесь, на левом фланге армии,- говорил он, показывая на карте район южнее Суровикино,- 196-я стрелковая дивизия передаст свою полосу обороны 229-й стрелковой дивизии 64-й армии. Сама же сосредоточится в районе совхоза "Победа Октября". Оттуда она с приданным ей танковым батальоном нанесет удар на Скворин, Сухановский, Верхне-Бузиновку. Ей ставится задача взаимодействовать с вашим 13-м танковым корпусом с целью деблокировать окруженную группировку 62-й армии.

Таким образом, 196-я стрелковая дивизия наступала между 13-м и 28-м танковыми корпусами. Она как бы разобщила их. Несомненно, это тоже ослабило силу контрудара 1-й танковой армии. Возможно, что целесообразнее было бы передать 196-ю стрелковую дивизию в состав нашей армии.

V

То обстоятельство, что 13-й танковый корпус находился как бы "на отшибе", отрицательно сказалось на его первоначальных действиях. Наступление он начал силами двух, а не трех танковых бригад. Впоследствии выяснилось, что одна из них - 163-я - оказалась в это время в резерве... 62-й армии в районе населенного пункта Остров, расположенного к юго-востоку от Добринки. Далее после овладения Евсеевским, командир корпуса направил сначала 166-ю танковую бригаду, а на следующий день

и 169-ю в район Манойлина. Между тем боевой приказ войскам армии требовал, чтобы 13-й танковый корпус наступал на Верхне-Бузиновку и далее на Клетскую.

Невыполнение этой задачи привело к тому, что в целом контрудар наносился по расходящимся направлениям вопреки замыслу операции, имевшей целью разгром всей вражеской группировки, прорвавшейся на правом фланге 62-й армии.

Положение было исправлено после принятия мер командованием фронта и 1-й танковой армии. В район Манойлина прибыл генерал-майор танковых войск Е. Г. Пушкин, который и стал с 28 июля руководить действиями 13-го танкового корпуса. В состав последнего была возвращена 163-я танковая бригада, а две другие, сражавшиеся под Манойлином фронтом на северо-запад и запад, выведены из боя. Проведя разведку, войска корпуса на рассвете 28 июля атаковали противника в районе Майоровского и установили тесную связь с 184, 192-й стрелковыми дивизиями и 40-й танковой бригадой.

К этому времени получили развитие боевые действия 1-й танковой армии и на других участках фронта.

Еще 26 июля вечером на наблюдательном пункте армии, расположенном на западном берегу Дона, вновь побывал генерал-полковник А. М. Василевский. После моего доклада мы вместе проехали по местам, где в течение последних двух дней шли ожесточенные бои. Постояли на высотке, молча глядя на расстилавшийся вокруг клочок донской степи, отбитый у противника.

Дорого заплатил враг за попытку с ходу прорваться через Калач на Сталинград. Земля, на которой 1-я танковая армия нанесла свои первые удары по гитлеровцам, была устлана трупами вражеских солдат и офицеров, их поверженной техникой - разбитыми орудиями и еще дымящимися танками.

Думали ли мы тогда, что этой уже опаленной огнем земле суждено еще раз стать полем сражения, что враг вновь проникнет сюда и дальше на восток, к Сталинграду?

Такую возможность нельзя было не учитывать. Более того, по указанию Ставки было уже предпринято многое на случай прорыва врага в район Сталинграда. Но и предстояло еще немало сделать. Поэтому исключительно важное и, как показал ход событий, решающее значение имел фактор времени. Иначе говоря, наша задача состояла в том, чтобы втянуть в затяжные бои противника, рвущегося к Сталинграду, задержать его на решающих направлениях и тем самым выиграть время для изменения соотношения сил в свою пользу. Эта идея, собственно, и лежала в основе решения на нанесение контрудара силами двух

танковых армий, принадлежавшая А. М. Василевскому.

Ознакомившись с результатами первых наступательных боев, представитель Ставки Верховного Главнокомандования уточнил последующую задачу. 27 июля, разъяснил он, должны нанести удары 1-я и 4-я танковые армии, одна в северном, другая в западном направлении на Верхне-Бузиновку и далее на Клетскую и Перелазовский, разгромив вражескую группировку, прорвавшуюся на правом фланге 62-й армии.

Проводив А. М. Василевского, уехавшего в тот же вечер в штаб фронта, мы приступили к подготовке войск к завтрашним боям. Были определены исходные рубежи и поставлены задачи всем соединениям и частям. В то время как танковым корпусам предстояло с двух сторон наступать на Верхне-Бузинкову, 131-й стрелковой дивизии и 158-й тяжелой танковой бригаде было приказано очистить от противника высоты западного берега Дона.

Когда штаб армии закончил работу, уже светало. Наступило 27 июля. На этот день мы возлагали большие надежды.

До сих пор удар наносился в основном силами 1-й танковой армии. Ведь, например, 62-я армия смогла выделить для совместных с нами действий лишь одну стрелковую дивизию. Что же касается 21-й армии, то ее участие было еще меньшим. Ей надлежало силами трех-четырех дивизий нанести удар в направлении Клетской, Евстратовского, разгромить вклинившегося противника и отрезать ему пути отхода. Выполнение этой задачи должно было сыграть заметную роль в осуществлении замысла всей фронтовой наступательной операции. Однако 21-я армия сумела выделить только один стрелковый полк, который действовал в указанном направлении в качестве передового отряда. Конечно, он не мог оказать существенного влияния на ход борьбы.

Воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых дней наступления сражалась по существу одна, противник сосредоточил против нее большую часть огневой мощи своей артиллерии, а также крупные силы мотопехоты, танков, авиации. Выше уже приводилась цифра - 1000 самолето-вылетов противника в первый день наступления 1-й танковой армии. Без преувеличения можно сказать, что примерно такое же число вражеских самолетов и в дальнейшем ежедневно сбрасывало бомбовый груз на боевые порядки 1-й танковой армии.

Легко представить себе, с каким нетерпением ждали у нас в штабе начала наступления 4-й танковой армии, назначенного на 27 июля. Совместные действия должны были дать, наконец, тот перевес сил, который необходим был для того, чтобы сломить сопротивление врага.

Наши ожидания не оправдались. К сожалению, даже к 16 часам 27 июля из состава 4-й танковой армии на западный берег Дона переправились только 17 танков одной из бригад 22-го танкового корпуса.

Жаль, что 4-й танковой армии не удалось начать наступление одновременно с нами еще 25 июля. Но еще досаднее то, что она не могла выступить даже 27 июля, в срок, указанный директивой фронта.

VI

Итак, 4-я танковая армия запаздывала с началом наступления, а наш 13-й танковый корпус по-прежнему вел бои в районе Манойлина. Поэтому удар в направлении Верхне-Бузиновки 1-я танковая армия наносила лишь силами 28-го танкового корпуса. Кроме того, по приказу командования армии 131-я стрелковая дивизия наступала на север вдоль правого берега Дона.

При слабой артиллерийской и авиационной поддержке мы медленно продвигались вперед. В течение дня нам удалось отбросить на север части прикрытия противника. 28-й танковый корпус достиг рубежа населенных пунктов Липолебедевский, Липологовский. Части 131-й стрелковой дивизии овладели окраиной Голубинского. Но, не имея перевеса ни в живой силе, ни в технике и огневой мощи, мы не смогли прорвать оборону главных сил врага, а только продвинулись на 6-7 км.

Тем временем немецко-фашистское командование спешило принять меры для отражения удара 1-й танковой армии. Чтобы остановить наступление ее правофланговых войск, оно ввело в бой еще одну пехотную дивизию 8-го армейского корпуса - 376-ю. Понимая, что контрудар имел целью восстановить положение на правом фланге 62-й армии, противник еще 25 июля активизировал свои действия слева от нее, южнее Суровикино. Там оборонялись две стрелковые дивизии 64-й армии - 229-я и 214-я. Последняя только прибыла в указанный район. 229-я же едва успела сменить 196-ю стрелковую дивизию 62-й армии. Таким образом сложилась выгодная для противника обстановка. К тому же он обладал значительным превосходством в силах и средствах.

И вот, несмотря на упорное сопротивление, оказанное обеими правофланговыми дивизиями 64-й армии, противнику удалось оттеснить их. Форсировав р. Чир на участке разъезд Дмитриевка, Рычковский, две пехотные и танковая дивизии врага разорвали смежные фланги 62-й и 64-й армий и создали угрозу удара на Калач с юго-запада. Ценою тяжелых потерь противник захватил 27 июля Нижне-Чирскую, Новомаксимовский и

Ближнеосиновский и также создал угрозу удара на Сталинград с юго-запада.

Намерения противника стали очевидны. Он стремился ударом с юго-запада отрезать 1-ю танковую и 62-ю армии от переправ через Дон.

Дальнейшие планы врага, как мы теперь знаем, были связаны с тем, что в результате контрудара 1-й танковой армии неприятелю не удалось с ходу прорваться на Сталинград через Калач. Следующей попыткой и должно было стать наступление в том же направлении, но с юго-запада, из района Нижне-Чирской.

На это обстоятельство обратила внимание Ставка Верховного Главнокомандования. Руководству Сталинградского фронта было приказано переключить главные усилия на юго-западное направление, становившееся наиболее угрожающим. "В связи с отходом 214 сд 64 армии южнее устья р. Чир за Дон,гласила директива Ставки Сталинградскому фронту от 28 июля,- и выходом здесь противника на западный берег реки Дон, направление Нижне-Чирская - Сталинград в данный момент является для фронта наиболее опасным, а следовательно, и основным. Опасность эта состоит в том, что противник, переправившись через реку Дон, может обойти Сталинград с юга и выйти в тыл Сталинградскому фронту"{94}.

Ставка приказывала: "1) Продолжая действия по полному уничтожению противника в районе Верхне-Бузиновка, основной задачей фронта в ближайшие дни иметь: активными действиями 64 армии с использованием подошедших в район Калач и южнее 204 и 321 сд и 23 танкового корпуса во что бы то ни стало не позднее 30.7 разбить противника, вышедшего южнее Нижне-Чир екая на западный берег Дона, и полностью восстановить здесь оборону по сталинградскому рубежу"{95}.

К моменту получения этой директивы командованием фронта уже были приняты меры, в основном совпадавшие с указанием Ставки. Главная роль в их осуществлении, однако, была отведена не 64-й армии, как предлагалось в вышеприведенной директиве, а 1-й танковой армии. Командование фронта приказало немедленно повернуть часть ее сил на юго-запад и разгромить вражескую группировку, которая оттуда угрожала выходом на кратчайшее направление к Сталинграду.

В целях усиления армии в ее состав передавались 23-й танковый корпус, 204-я стрелковая дивизия, 397-й и 398-й легкие артиллерийские полки. Но эти соединения я части находились либо на подходе к Калачу, либо еще дальше. Поэтому до их прибытия в район Суровикино я направил туда 163-ю танковую бригаду, которой была поставлена задача совместно с 229-й

стрелковой дивизией 64-й армии задержать врага.

23-й танковый корпус и 204-я стрелковая дивизия вскоре прибыли и были также направлены в намеченный район и введены в бой на стыке 62-й и 64-й армий. Они сыграли решающую роль в отражении удара противника с юго-запада. Вражеские дивизии понесли большие потери и были отброшены из района Новомаксимовского за р. Чир{96}.

В эти последние июльские дни 1-я танковая армия, таким образом, действовала на двух противоположных направлениях - северо- и юго-западном, причем последнее потребовало и соответственного внимания со стороны командования и штаба армии. Теперь мы имели два наблюдательных пункта, и мне приходилось быть то на одном, то на другом, чтобы руководить действиями войск на обоих направлениях. Естественно, что юго-западное поглощало и все подкрепления, прибывавшие в армию, и, кроме того, отвлекало часть сил от главного направления. В результате не произошло наращивания ее усилий в северном направлении. Там мы действовали ослабленными силами, к тому же измотанными в жестоких боях последних дней.

Севернее Калача бои не утихали теперь ни днем, ни ночью. Они становились все ожесточеннее. Противник оказывал яростное сопротивление нашим атаковавшим войскам. Он пытался в свою очередь перейти в наступление, прорваться к Калачу. А убедившись в тщетности этих усилий, поставил своей целью удержать хотя бы рубеж Липолебедевский - Липологовский - Скворин. Это ему удалось сделать, после того как он оборудовал здесь прочную оборону, закопал в землю танки и подтянул полевую и противотанковую артиллерию.

Сил и средств, которыми располагала 1-я танковая армия на своем правом фланге, оказалось недостаточно, чтобы сломить сопротивление сильного врага. Однако мы прочно сковали его на этом участке. Это означало, что 28 июля, когда 4-я танковая армия начала наконец наступление на запад, возникла реальная возможность окружить всю вражескую группировку, прорвавшуюся в тыл 62-й армии. Благоприятствовали тому и успешные действия, предпринятые 1-й танковой армией силами 13-го танкового корпуса в районе Верхне-Бузиновки. Танкисты под командованием генерал-майора Е. Г. Пушкина 29 июля нанесли удар на Верхне-Бузиновку с юга и освободили ее совместно с группой полковника К. А. Журавлева.

При таких условиях можно было сломить сопротивление вражеской группировки, рвавшейся к Калачу, нанеся ей удар одновременно с фронта и с тыла. Эта задача и была поставлена перед войсками 1-й танковой армии. В частности, 13-му

танковому корпусу было приказано освободить населенный пункт Оськинский и, установив связь с наступавшими со стороны Трехостровской ,войсками 4-й танковой армии, совместно с ними нанести удар в тыл липологовской группировке противника.

Нечего и говорить, что судьба последней фактически зависела от силы этого удара, в сочетании, конечно, с наступлением 28-го танкового корпуса в районе Липолебедевский, Липологовский и активными действиями части сил 62-й и 21-й армий. К сожалению, у всех нас тогда не хватило нужных для этого сил и средств.

39-31 июля боевые действия против липологовской группировки противника достигли наивысшего напряжения.

Переправившиеся в тот день через Дон войска 4-й танковой армии, как оказалось, насчитывали пока что не более 100 танков. То были две из четырех танковых бригад 22-го танкового корпуса. Они смогли продвинуться лишь до рубежа Верхне-Голубая - Евлампиовский - Малонабатовский, где были остановлены упорно сопротивлявшимся противником. 21-я армия по-прежнему участвовала в контрударе силами сравнительно небольшого передового отряда.

Что касается 13-го танкового корпуса 1-й танковой армии, то легко догадаться, что его силы в то время были невелики. Ведь позади у него были долгие изнурительные бои, в которых успех был добыт ценою значительных потерь. Достаточно сказать, что уже Верхне-Бузиновкой он овладел, имея в строю всего 27 танков.

VII

В результате полностью осуществить наш замысел не удалось. И все же удары, нанесенные противнику, были весьма чувствительными.

В 4 часа утра 30 июля, прочно сковав липологовскую группировку с фронта, правофланговые соединения 1-й танковой армии - 28-й танковый корпус, 131-я стрелковая дивизия и 158-я тяжелая танковая бригада начали наступление. Нанося удар левым флангом и стремясь обойти противника с запада, они медленно продвигались вперед.

Нам удалось теперь достичь и наращивания сил армии, действовавших против липологовской группировки противника с юга.

Как только 23-й танковый корпус выполнил поставленную задачу по разгрому врага в районе устья р. Чир, командование армии перенацелило его для действий в северном направлении. В это же время 13-й танковый корпус, переданный в состав 4-й танковой армии, совместно с частями 22-го танкового корпуса начал наступление на Осиновский, в тыл главным силам

липологовской группировки.

Теснимой со всех сторон, ей угрожало полное окружение и уничтожение. Но командованию 6-й немецкой армии удалось оказать ей помощь. Оно ввело в бой свежие силы, которые прорвали внешний фронт 62-й армии и, выйдя в район Добринки, установили контакт с окружаемым нами 14-м танковым корпусом.

С этого момента бои приняли еще более ожесточенный характер. Наши танки, ломая сопротивление врага и нанося ему значительный урон, продолжали двигаться вперед. 189-я танковая бригада 23-го танкового корпуса, например, в самом начале атаки овладела западной окраиной Липологовского, уничтожив при этом 12 противотанковых орудий, 2 батареи тяжелой артиллерии и 8 танков противника. Этот успех необходимо было развить, так как населенный пункт Липологовский, где враг спешно построил дзоты и, закопав в землю танки, создал систему плотного противотанкового огня, оставался главным участком сопротивления.

Вскоре к оборонявшимся в районе Липологовского и Липолебедевского начали прибывать подкрепления. Это был первый результат вышеупомянутого прорыва фронта 62-й армии. Из района Добринки на помощь сражавшимся против нас двум моторизованным дивизиям подходили 50 танков и до 600 автомашин с пехотой и артиллерией. Кроме того, к Сухановскоаду двигался батальон пехоты с 30 танками, а в район Майоровского, Сухановского - 20 танков.

Но не эта помощь извне спасла врага от полного разгрома. Окружить и уничтожить его помешала авиация противника, которая и на этот раз господствовала в воздухе. Она появилась над боевыми порядками 1-й танковой армии уже в 5 часов, спустя всего лишь час после начала нашей атаки. Только на западную часть Липологовского, куда прорвалась 189-я танковая бригада, вражеские самолеты до 13 часов совершили 28 групповых налетов. Бригада потеряла 20 танков, но свои позиции удержала.

Кровопролитные бои на всем фронте наступления армии продолжались и 31 июля. На отдельных направлениях противник переходил в контратаки, но, получив отпор, с большими потерями откатывался назад.

В последующие пять дней 1-я танковая армия вновь и вновь наносила удары по липологовской группировке врага. В течение 12 дней армия непрерывно атаковала немецко-фашистскую группировку. Мы стремились уничтожить ее, но не смогли. К ней непрерывно поступали подкрепления, а силы 1-й танковой армии, не получавшей пополнения, день ото дня таяли. Более того, часть

сил, в том числе единственную вновь прибывшую 254-ю танковую бригаду и три гвардейских минометных полка, мы по приказу штаба фронта передали в состав 64-й армии.

И на то была причина: центр тяжести боев под Сталинградом переместился на котельниковское направление.

Теперь, когда я бегло, в общих чертах рассказал о боевых действиях 1-й танковой армии в конце июля и начале августа 1942 г., сам собой напрашивается ответ на вопросы, поставленные в начале этой главы. Да, контрудар, в котором эта армия выполняла главную задачу, был полностью оправдан теми результатами, которые без него не могли быть достигнуты.

Главным результатом контрудара 1-й танковой армии было то, что враг, намеревавшийся без задержки переправиться через Дон и с ходу овладеть Сталинградом, не достиг этой цели. Был сорван также план окружения и уничтожения 62-й и 1-й танковой армий. Немецко-фашистскому командованию не удалось осуществить подобный замысел даже в отношении окруженной в районе Верхне-Бузиновки части сил 62-й армии. В результате успешных действий 13-го танкового корпуса 1-й танковой армии, поддержанных усилиями окруженных, вражеское кольцо было разорвано и из него вырвались несколько тысяч советских солдат и офицеров.

Прорыв к Сталинграду не удался, несмотря на то, что командующий 6-й немецкой армией генерал-полковник Паулюс к 30 июля вынужден был ввести в бой 12 из имевшихся в его распоряжении дивизий. Вместо наступления немецко-фашистским войскам пришлось перейти к обороне. Более того, их коммуникации были перерезаны, а сами они, понеся огромные потери, оказались перед угрозой окружения. Правда, противнику ударом на Манойлин, Евсеевский, Сухановский вскоре удалось восстановить свои коммуникации. Но было очевидно, что 6-я армия, не преодолев все возраставшего сопротивления советских войск, завязла в оборонительных боях.

Контрудар, в котором 1-я и 4-я танковые армии выполняли главную задачу, поставил под угрозу основные стратегические планы германского командования. Поэтому не удивительно, что эхо этого удара тревожно прозвучало в ставке Гитлера. Там начались лихорадочные поиски выхода из тупика, в который зашло наступление 6-й армии. "На докладе фюреру генерал Иодль авторитетно заявил,гласит запись от 30 июля 1942 г. в дневнике начальника германского генштаба Гальдера, опубликованном после войны,- что судьба Кавказа решается под Сталинградом. Поэтому необходимо передать войска из группы армий "А" в группу армий "Б", при этом по возможности южнее

Дона"{97}.

Это можно понять только так: не смогла 6-я армия прорваться через Дон к Волге, не смогут это сделать и две армии, а посему нужно силами 4-й танковой армии наступать на Сталинград с юго-запада. Таким образом, контрудар танковых армий западнее Дона заставил немецко-фашистское командование наступать ни Сталинград с другого направления и с привлечением дополнительных сил, ранее предназначавшихся для осуществления иных целей. Это также имело немаловажное значение в срыве общего стратегического плана противника на 1942 г.

VIII

Из сказанного видно, что нет никаких оснований сомневаться в целесообразности ввода в сражение незакончивших формирование 1-й и 4-й танковых армий. Эти армии воспрепятствовали врагу окружить 62-ю армию, сковали за Доном на три недели 6-ю немецкую армию, нанесли ей тяжелый урон и выиграли время для подхода резервов Ставки и организации обороны в междуречье.

Почему же мы не разгромили вражескую группировку, рвавшуюся к Калачу?

Главным образом потому, что 6-я немецкая армия располагала большими силами и средствами, чем советские войска, наносившие контрудар. Без тесного взаимодействия с пехотой и артиллерией, а также без надежного авиационного прикрытия танки не могли прорвать оборону противника. Между тем 1-я и 4-я танковые армии, к сожалению, не располагали артиллерией, которая подавляла бы и уничтожала противотанковые средства врага; они имели только по одной стрелковой дивизии. Первостепенное значение имело абсолютное господство в воздухе вражеской авиации, которая в светлое время суток почти беспрерывно бомбила наши войска, нанося им чувствительный урон.

Не менее важное значение имело и то обстоятельство, что события назревали и развивались стремительно, обстановка менялась быстро, и командование Сталинградского фронта не успевало сосредоточить резервы. По этой причине и контрудар танковых армий начался неодновременно. Хуже того, изменения в обстановке вынуждали каждую из двух танковых армий начать контрудары не всеми силами, а лишь той частью, которая имелась в наличии. Короче говоря, одновременного, концентрического контрудара всеми силами не получилось ни в масштабах фронта, ни в масштабах армий. Кроме того, танковые корпуса действовали изолированно друг от друга. Наконец, в

связи с угрозой удара по Калачу с юго-запада пришлось отвлечь в сторону Суровикино часть сил 1-й танковой армии.

В ходе боевых действий все время давали себя знать и пробелы в обучении войск. И мы принимали меры к тому, чтобы наверстать упущенное в период формирования, оказавшийся таким кратким.

В 1-й танковой армии, например. в самый разгар боев дважды были проведены ночные сборы механиков-водителей танков. Они во многом помогли устранить недостатки, связанные с тем, что значительная часть механиков не имела еще боевого опыта. После сборов механики-водители становились более инициативными и решительными. Свои боевые машины они водили в атаку теперь на предельных скоростях, следовательно, меньше находились под воздействием артиллерийского огня противника, успешнее громили врага.

Главным, что помогало командованию армии быстрее восполнять пробелы в подготовке войск, был царивший в них высокий, поистине невиданный морально-политический дух. Каждый боец и командир хорошо понимал, что наша общая задача - защитить Сталинград и что для этого нужно разгромить противостоящего врага{98}.

Очень большую роль в этом отношении для всех защитников Сталинграда сыграл приказ народного комиссара обороны No 227, пришедший к нам в войска 29 июля. В тот же день он был размножен типографским способом и зачитан во всех штабах и подразделениях армии. Это был по существу не приказ, а обращение ко всем командирам, красноармейцам и политработникам, в котором была сказана суровая правда тех дней.

В нем говорилось о смертельной угрозе, вновь нависшей над нашей Родиной, но в то же время указывались пути ликвидации этой опасности, разгрома врага". Противник, отмечалось в приказе, не так силен, как это кое-кому кажется, он напрягает свои последние силы, и выдержать его удар в ближайшие месяцы значит обеспечить за нами победу. Подчеркивая, что работа фабрик и заводов обеспечивала рост выпуска самолетов, танков, артиллерии, минометов, автоматов и гарантировала снабжение фронта всем необходимым, приказ требовал прекратить отступление советских войск.

Этот документ произвел на всех командиров, красноармейцев и политработников огромное впечатление ясностью изложенных в нем перспектив и задач. Отныне для каждого защитника Сталинграда железным законом стал лозунг: "Ни шагу назад!"

Груз отмеченных в приказе недостатков несли на себе и

соединения 1-й танковой армии. Я имею в виду прежде всего 28-й и 13-й танковые корпуса, познавшие горечь неудач - первый в мае на Керченском полуострове, второй - в начале июля на воронежском направлении. И скажу прямо: наряду с героизмом и самоотверженностью их воинов во время контрудара в восточной части большой излучины Дона имелись факты недисциплинированности и недостаточной организованности в руководстве боевыми действиями этих соединений. В особенности это относится к 13-му танковому корпусу, которым командовал полковник Т. И. Танасчишин. Выше я уже говорил об этом. Добавлю, что ни 26, ни 27 июля корпус не смог перейти в наступление на Верхне-Бузнновку, и это в значительной мере помешало 1-й танковой армии подвергнуть группировку противника концентрическому удару и нанести ей более существенные потери.

Другой пример. На этот раз речь идет о медлительности в дело выполнения боевого приказа. После переправы через Дон основным силам 56-й танковой бригады 28-го танкового корпуса (командир бригады полковник В. В. Лебедев) следовало стремительно наступать. Они же простояли некоторое время на одном место и этим подставили себя под удар авиации противника. Бригада и на следующий день проявила подобную медлительность. Кроме того, ее командование и штаб не организовали разведки противостоящего врага, не выявили слабых мест в его позиции. В силу утих причин бригада понесла существенные потери, а боевой задачи не выполнила{99}.

Аналогичные недостатки наблюдались и в других бригадах армии. Вероятно, они имели место на многих фронтах. Для усиления стойкости войск Красной Армии большую роль сыграл приказ No 227 от 28 июля 1942 г. В этом приказе с суровой прямотой охарактеризовано опасное положение, создавшееся на южном крыло советско-германского фронта и вызвавшее большую тревогу у партии и всего советского народа. В приказе подчеркивалась необходимость решительно усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение.

"Ни шагу назад! - говорилось в приказе.- Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности".

Приказ в категорической форме требовал от командного и политического состава перестроить партийно-политическую работу в войсках в соответствии с создавшейся угрожающей

обстановкой и мобилизовать все силы и средства на отпор врагу. Его читали и изучали в штабах, во всех ротах и батареях. Армейская газета посвятила содержанию приказа передовую статью.

Все понимали, что от выполнения задачи, поставленной в приказе No 227, зависит дальнейший ход, а может быть и исход войны. Сознание смертельной опасности, которая опять нависла над Родиной, придало нашим воинам новые силы и укрепило их боевую стойкость. Их девизом стал лозунг партии "Ни шагу назад!"

Военный совет 1-й танковой армии со всей анергией принялся за проведение в жизнь приказа наркома. Весь командный и политический состав, партийные п комсомольские организации были нацелены на ликвидацию выявленных недостатков.

Приказ No 227 еще больше воодушевил войска армии на самоотверженную борьбу с врагом. Экипажи танков, расчеты орудий, минометов и пулеметов, стрелки, автоматчики и снайперы, санитары и подносчики патронов, водители машин и ездовые - все воины армии брали на себя определенные обязательства но истреблению фашистских захватчиков.

И они с честью выполнили клятву. В течение последующих дней в конце июля и начале августа 1942 г. войска армии в исключительно трудных условиях почти непрерывно наступали против ударной группировки 6-й немецкой армии. С беззаветной храбростью сражались они против сильного и коварного врага. В ходе ожесточённых боёв, длившихся но 17-18 часов в сутки, 1-я танковая армия во взаимодействии с 62-й и 4-й танковой армиями вынудила противника перейти более чем на две недели к обороне на этом направлении.

А выиграть две-три недели тогда означало обеспечить Ставке Верховного Главнокомандования и Сталинградскому фронту возможность подтянуть резервы, укрепить оборону между Доном и Волгой, а также эвакуировать в тыл население и часть промышленных предприятий Сталинграда.

Немало подтверждений тому находим мы и в вынужденных послевоенных свидетельствах бывших гитлеровских генералов, участвовавших в наступлении немецко-фашистских войск на Сталинград. Среди них есть и такие, кто на себе лично испытал наш контрудар к западу от Дона.

Вот, к примеру, бывший командир 3-й немецкой моторизованной дивизии генерал-лейтенант Шлемер. По его словам, во время наступления из района Клетской на Калач он "совершенно изменил свое мнение" о состоянии и боевых

возможностях Красной Армии. Как пишет Шлемер, он предполагал, что сравнительно легко достигнет Калача и захватит мост через Дон, так как верил в утверждения гитлеровского генштаба и министерства пропаганды о "подрыве мощи Красной Армии и ее неспособности оказать серьезное сопротивление"{100}.

Реальная действительность отрезвила самонадеянного генерала. Он вынужден был признать, что, вопреки ожиданиям легкой победы, его дивизия вблизи моста через Дон у Калача испытала на себе контрудар. "Атаки русских,- вспоминал Шлемер,- были настолько сильны, что 3-я моторизованная дивизия должна была отступить на линию 146,0-169,8-174,9-Дон"{101}. Не помогло и прибытие в район Липологовский частей 60-й моторизованной дивизии, также поступивших под командование генерала Шлемера. Не в силах сдержать непрекращавшиеся атаки 1-й танковой армии эти дивизии пятились назад.

Любопытное высказывание, свидетельствующее о том, что контрудар наших войск навеял мрачные мысли на гитлеровских солдат, привел бывший полковник германской армии Адам. Он писал: "Сидевший за моей спиной ефрейтор, еще находясь под свежим впечатлением пережитых боев (происходило это, судя по изложению, примерно в первых числах августа 1942 г. где-то западнее Дона.-К. М.), рассказывал;

- В таком пекле даже здесь, на Востоке, мне еще не приходилось бывать. Задал нам Иван жару, у нас только искры из глаз сыпались... Еще три недели назад наш ротный рассказывал нам, будто Красная Армия окончательно разбита и мы, дескать, скоро отдохнем в Сталинграде. А оно вроде бы не совсем так. 31 июля они нам изрядно всыпали. Нашей артиллерии и противотанковой обороне еле-еле удалось остановить контрнаступление русских..."{102}.

Наконец, тот факт, что наш контрудар дал выигрыш времени для организации обороны между Доном и Волгой, с досадой отметил в своих воспоминаниях генерал-майор бывшей немецко-фашистской армии Дёрр. Прежде всего он признал: "25 июля 14-й танковый корпус, наступая через Клетская и Сиротинская, при приближении к Калачу в районе юго-западнее Каменской, натолкнулся на крупные силы противника, сопротивление которых он не смог сломить..." Далее Дёрр заявил, что бой в районе Калача "дал советскому командованию выигрыш во времени, примерно в две недели. Что тогда означали две недели для эвакуации промышленных предприятий из Сталинграда и для его обороны, говорить но приходится. Затем из двух недель стало

три, так как лишь 21 августа 6-я армия смогла начать свое наступление через Дон".

Ударная группировка 6-й немецкой армии потерпела поражение и была вынуждена перейти к обороне. На Сталинград теперь наступала 4-я танковая армия противника, наносившая удар с юга. Туда и переместился эпицентр сражения. А так как командование Сталинградского фронта не располагало достаточными резервами для ведения активных действий на двух направлениях, то 5 августа 1-я танковая армия получила приказ на оборону. Но мне уже не суждено было участвовать в выполнении этого приказа. Несколько дней спустя я был назначен командующим 1-й гвардейской армией. Впереди вновь были наступательные действия.

Глава IX. Атаки первой гвардейской армии

I

Мое назначение в 1-ю гвардейскую армию было связано с происходившими тогда переменами в организации обороны Сталинграда. Начались они почти сразу же после того, как командующий фронтом приказал 1-й танковой армии перейти к обороне.

В этот самый день, 5 августа, в Москве в Ставке Верховного Главнокомандования, было решено разделить Сталинградский фронт на два. Ставка исходила из того, что к указанному времени в сражении под Сталинградом ясно обозначились два операционных направления - из района западнее Калача и со стороны Котельниково. Для удобства управления войсками восьми армий, имевшихся в составе Сталинградского фронта, 64, 57, 51-я общевойсковые и 8-я воздушная армии, а также 13-й танковый корпус передавались новому, Юго-Восточному фронту. В его состав включалась и 1-я гвардейская армия, перебрасываемая в район Сталинграда из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко. Фронтовое управление Ставка приказала сформировать на базе управления 1-й танковой армии, а ее войска передать в состав 62-й армии, которой с 3 августа командовал генерал-лейтенант А. И. Лопатин, имевший опыт разгрома немецко-фашистской группировки в ноябре 1941 г. под Ростовом.

Получив соответствующий приказ в ночь на 6 августа, командование 1-й танковой армии уже 7 августа выполнило его. В тот день, завершив передачу войск, Военный совет и штаб армии прибыли в Сталинград в распоряжение командующего

Юго-Восточным фронтом.

Генерал-полковник А. И. Еременко тотчас же принял меня и сообщил, что до нового назначения я останусь его заместителем. Он подробно информировал о мотивах, которыми руководствовалась Ставка при разделении Сталинградского фронта, ознакомил с ее директивой от 5 августа.

Из содержания этого документа я понял, что своими мероприятиями Верховное Главнокомандование хотело улучшить руководство войсками на обоих направлениях. Что касается Юго-Восточного фронта, то на его командование возлагалась задача приостановить дальнейшее продвижение вражеских войск к южному сектору внешнего оборонительного обвода, не допустить прорыва противника к Волге южнее Сталинграда. В дальнейшем войска фронта должны были нанести поражение врагу, наступавшему со стороны Котельниково.

Командующий фронтом произвел на меня впечатление очень волевого, решительного генерала. Через несколько дней он возглавил руководство боевыми действиями войск двух фронтов - Сталинградского и Юго-Восточного.

После краткого ознакомления с обстановкой в полосе фронта командующий приказал мне выехать в войска 64-й армии. Там готовился контрудар по вклинившейся накануне, 6 августа, группировке противника. Я тотчас же туда отправился.

В Верхне-Царицынском, где расположился штаб 64-й армии, мне рассказали подробности вчерашней вражеской атаки. Противник крупными силами танков с пехотой, поддержанный авиацией, нанес удар на левом фланге армии. После ожесточенного боя, длившегося около 5 часов, атакующие прорвали оборону на стыке между 126-й и 38-й стрелковыми дивизиями. Будучи отброшен контратакой и понеся большие потери, враг, однако, во второй половине дня предпринял наступление еще более крупными силами. Оттеснив части 38-й стрелковой дивизии, он занял разъезд 74-й километр и угрожал ст. Тингута.

Я приехал в 64-ю армию вскоре после того, как она, приостановив наступление противника, приступила по приказу командующего фронтом к подготовке контрудара. Оставалось лишь немедленно подключиться к этой работе.

7-8 августа войска армии вели сдерживающие бои в районе Абганерово, Тингута, а тем временем мы завершили подготовку контрудара. К нанесению удара были привлечены 38, 157, 204-я стрелковые дивизии и 13-й танковый корпус, действовавший в то время в составе 64-й армии.

Ширина полосы готовящегося контрудара составляла 9 км.

Нам удалось создать здесь высокую плотность войск. На каждые три километра фронта мы имели стрелковую дивизию, на каждый километр - в среднем 7,5 танков, до 40 орудий и минометов. Это означало, что контрудар наносился в условиях, когда мы обладали превосходством в людях и артиллерии, а танков имели не меньше, чем противник.

Оценивая эти данные, невольно подумалось: вот так бы на всем фронте! Но мне было хорошо известно, что общее соотношение сил под Сталинградом пока еще было далеко не в нашу пользу. Даже несколько дней спустя, когда советские войска были усилены непрерывно прибывавшими резервами Ставки Верховного Главнокомандования, враг все еще имел танков в четыре раза, орудий и минометов - в два с лишним, самолетов - в два раза больше. На направлениях же главных ударов соотношение сил в его пользу было еще выше, причем это относилось не только к танкам, артиллерии и авиации, но и к численности войск{103}.

Да, пока еще дело обстояло именно так. Но каждый советский воин под Сталинградом знал, что день ото дня все больше вооружения кует Родина, все больше полков, дивизий, армий готовит она для разгрома врага, и верил, что недалек час, когда эта грозная мощь обрушится на противника.

Знал и верил в это всей душой и я. И потому в некотором превосходстве 64-й армии на участке контрудара видел как бы прообраз будущего изменения соотношения сил в нашу пользу на всем фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Много тяжелых испытаний еще ожидало нас на пути к такому повороту в ходе войны, но мы не ошибались: он был уже не за горами.

9 августа войска 64-й армии нанесли удар по захватчикам в направлении Тингута, Абганерово. Его успеху способствовало не только некоторое превосходство сил, но и внезапность. Этот наш контрудар оказался неожиданным для противника, который в ходе двухдневных боев был отброшен за передний край внешнего оборонительного обвода. 64-я армия восстановила положение и даже получила возможность укрепить свои позиции, ибо вражеские войска, понесшие в боях 9-10 августа огромные потери, были вынуждены перейти к обороне и в течение следующих 10 дней не предпринимали активных действий.

II

Об этих результатах удара 64-й армии я узнал, будучи уже на другом участке фронта. Еще 9 августа, в первый день контрудара ее войск, мне пришлось расстаться с ними и выехать в Сталинград по вызову командующего фронтом.

Позади были две ночи без сна, впереди тоже не предвиделось отдыха. Правда, можно было в машине подремать до Сталинграда. Но, как говорится, сна не было ни в одном глазу. Сопоставляя все, что мне было известно о положении на фронте, пытался представить себе общую картину.

Картина получалась тревожная.

Возобновились ожесточенные бои в малой излучине Дона. 7 августа противник силами 10 дивизий, имевших около 400 танков, нанес удары по обоим флангам 62-й армии, стремясь окружить и уничтожить ее войска. Ценою больших потерь ему удалось сломить сопротивление и уже к исходу дня прорваться к Володинскому. Находившийся там штаб 62-й армии успел перебраться в Калач, но при этом потерял управление войсками. Противник же продолжал наступление. Действуя там, где еще недавно наступала наша 1-я танковая армия, он вышел 8 августа с севера и юга к Калачу и здесь замкнул кольцо окружения, в котором оказались шесть стрелковых дивизий и части усиления 62-й армии{104}.

В результате этого наступления ударная группировка 6-й немецкой армии достигла внешнего оборонительного обвода Сталинграда на участке Большенабатовский, Верхне-Чирский. Одновременно к тому же обводу вышла в районе Абганерово действовавшая с юга 4-я танковая армия противника.

Враг рвался к Сталинграду с двух сторон и нужно было задержать его во что бы то ни стало. В стойкости и организованности нашей обороны был залог сохранения целостности стратегического фронта. А это в свою очередь являлось одним из условий подготовки разгрома врага. Пусть никого не удивляет, что такие мысли владели нами в то время, когда под Сталинградом инициатива целиком принадлежала противнику. Их происхождение вполне естественно: они логически вытекали из убежденности в неминуемом разгроме врага. То было не ожидание "чуда", а ясное представление о непреодолимой мощи нашей Родины, непобедимости ленинского знамени и, наконец, правоте нашего дела. Эту великую веру не поколебали ни тяжкие неудачи, ни великие жертвы. Именно тогда под Сталинградом родился лозунг "Стоять насмерть!". Потому и потребовались противнику три недели, чтобы преодолеть 70 км от р. Чир до Дона. Под Сталинградом не было, пожалуй, ни одного советского солдата, офицера, генерала, который не понимал бы, что от каждого из нас и от всех, взятых вместе, требовалось измотать и обескровить противника в оборонительных боях, чтобы тем самым выиграть время, накопить резервы и создать условия для последующего разгрома врага.

Итак, 9 августа я возвратился в Сталинград. Едва командующий фронтом выслушал мой доклад о поездке в 64-ю армию, как его позвали к аппарату Бодо. Из Москвы звонил по прямому проводу начальник Генерального штаба А, М. Василевский. Поскольку эти переговоры имели отношение и ко мне, то приведу их полностью по сохранившейся в архиве записи:

"Василевский: Товарищ Сталин поручил мне переговорить с вами и получить ваше мнение по следующим вопросам:

Первое. Товарищ Сталин считает целесообразным и своевременным объединить вопросы обороны Сталинграда в одних руках, а для этой цели подчинить вам Сталинградский фронт, оставив вас по совместительству в то же время и командующим Юго-Восточным фронтом. Заместителем к вам по Юго-Восточному фронту назначить генерал-лейтенанта Голикова. Вместо тов. Голикова командующим 1-й гвардейской армией назначить генерал-майора Москаленко.

Второе. Товарищ Сталин считает также целесообразным назначить начальником гарнизона города Сталинграда от НКВД тов. Сараева, которому подчинена и находящаяся в Сталинграде дивизия НКВД. Каковы будут ваши соображения?

Еременко: Я отвечаю. Мудрее товарища Сталина не скажешь и считаю: совершенно правильно и своевременно.

Василевский: Какие будут соображения по кандидатурам Голикова, Москаленко и Сараева?

Еременко: Я считаю, что все кандидатуры подойдут. Достойные кандидатуры"{104}.

Да, события на сталинградском направлении развивались так быстро и обстановка менялась столь стремительно, что решение, принятое несколько дней назад и тогда казавшееся верным, теперь требовало внесения корректив. Я имею в виду состоявшееся незадолго до того разделение Сталинградского фронта на два фронта. Как явствовало из вышеприведенных переговоров, Ставка решила вновь объединить их под единым командованием.

К описываемому времени немецко-фашистские войска, не сумев захватить Сталинград с ходу, были вынуждены втянуться в затяжные бои за Доном с резко повысившими активность армиями Сталинградского фронта. Противнику пришлось, с одной стороны, направить для действий против Сталинграда и те дивизии 6-й немецкой армии, которые ранее располагались на участке фронта Павловск Вешенская, и, с другой,- повернуть свою 4-ю танковую армию с кавказского направления для удара по городу вдоль железнодорожной линии Котельниково Сталинград. Таким образом, вражеские группировки угрожающе

увеличивались и были направлены для выполнения одной цели - овладения Сталинградом.

Это определило и общность задачи войск двух наших фронтов - удержания Сталинграда, и необходимость вновь объединить их под единым командованием, что должно было содействовать укреплению обороны. Ведь один командующий, естественно, мог значительно лучше использовать усилия двух фронтов, направленные к единой цели...

Закончив переговоры по прямому проводу, А. И. Еременко поздравил меня и прибывшего к тому времени в штаб фронта Ф. И. Голикова с новым назначением. По этому случаю у гостеприимного хозяина нашлась даже бутылка шампанского невероятная редкость по тому времени,- и мы распили ее, произнеся тосты за разгром врага, за освобождение родной земли, за нашу Победу.

Должен признаться, я был доволен новым назначением. Оно возвращало меня к самостоятельной деятельности, к ответственности за выполнение боевых задач. А это всегда привлекало меня гораздо больше, чем поездки на различные участки фронта в качестве "пожарного".

В тот же вечер генерал-полковник А. И. Еременко сообщил мне, что приказ Ставки о новом назначении уже подписан, и приказал немедленно выехать для вступления в командование прибывающими войсками 1-й гвардейской армии.

III

Была уже ночь, когда я попрощался с А. И. Еременко и Ф. И. Голиковым, а на рассвете машина умчала меня в район ст. Фролове. Где-то там разместился штаб 1-й гвардейской армии. Невдалеке от этой станции, а также соседней Иловли, как мне было известно, выгружались и войска армии, прибывавшие железнодорожными эшелонами. Невольно подумалось: опять предстоит принять командование и повести в бой армию, которая еще только формируется. Это предчувствие более чем оправдалось. Что я имею в виду под словом "более", покажет нижеследующее изложение хода событий.

В состав 1-й гвардейской армии в соответствии с директивой Ставки включались пять гвардейских стрелковых дивизий - 37, 38, 39, 40, 41-я, прибывавшие из-под Москвы. К середине дня 10 августа, когда я приехал в штаб армии, две из них едва начали выгрузку на станциях Фролове и Иловля, две другие находились в пути, а одна - 41-я гвардейская,- как было известно, еще только грузилась в эшелоны на подмосковной станции Люберцы.

В этих условиях была, пожалуй, нереальной поставленная еще 8 августа командующим Юго-Восточным фронтом задача в

кратчайший срок сосредоточить армию на рубеже р. Червленая в районе Скляров, Гавриловка, Ивановка, совхоз "Горная Поляна"{106}. Это решение было принято с целью уплотнения обороны юго-западных подступов к Сталинграду в связи с прорывом войск 4-й танковой армии противника в районе ст. Тингута. Приказ был отменен, так как там восстановила положение 64-я армия, а в излучине Дона возникла угроза наступления противника в район севернее Сталинграда.

Но и после этого командующий Юго-Восточным фронтом лишь отчасти изменил свое решение. Так, утром 11 августа он подтвердил приказ о сосредоточении 1-й гвардейской армии на ближних подступах к Сталинграду, но теперь уже на рубеже рек Россошка и Червленая в районе Западновка, Бореславский, Гумрак, т. е. фронтом не на юго-запад, а на запад.

Иное решение было принято в тот день Ставкой Верховного Главнокомандования. Ее директива гласила{107}, что войска 1-й гвардейской армии должны сосредоточиться на широком фронте в районе ст. Иловля. Далее указывалось, что ни одна дивизия этой армии не может вводиться в бой без разрешения Ставки.

Обстановка в то время становилась все более напряженной. Поскольку разрозненные во времени удары 6-й полевой и 4-й танковой армий не привели к захвату Сталинграда, немецко-фашистское командование спешно готовило операцию, в которой эти армии должны были действовать с двух направлений одновременно. 6-й армии, которой отводилась основная роль, была поставлена задача наступать на Сталинград с запада, 4-й танковой армии - с юго-запада, вдоль железной дороги Котельниково - Сталинград.

Было очевидно, что главные силы врага сосредоточены западнее Сталинграда и что прежде всего оттуда исходила угроза. О многом говорил тот факт, что противник начал перегруппировку и сосредоточение своих сил против советских войск, оборонявших плацдарм в малой излучине Дона. С этого направления враг после овладения плацдармом мог угрожать железной дороге Поворино - Сталинград, а оттуда левому крылу Сталинградского фронта и всему Юго-Восточному фронту. Наконец, нельзя было не видеть, что противник попытается отрезать от сообщения с севером всю нашу сталинградскую группировку.

Плацдарм на рубеже Клетская - Большенабатовский обороняла частью сил наша 4-я танковая армия. Одновременно она закреплялась на левом берегу Дона. Справа от нее действовали 21-я и 63-я, слева - 62-я армии. Последняя также оборонялась на левобережье Дона, куда она была оттеснена

противником. На правом берегу, западнее Калача, оставались шесть ее дивизий, которые продолжали вести бой в окружении.

Все это, несомненно, учитывала Ставка, принимая дополнительные меры для парирования ожидаемого удара противника с запада. В этом отношении характерны указания Верховного Главнокомандующего, переданные генерал-полковником А. М. Василевским командующему Юго-Восточным фронтом. И. В. Сталин требовал, чтобы войска этого фронта не увлекались наступлением на юг. Им надлежало там лишь восстановить оборону и усилить ее созданием предполья, для чего отбросить противника на 10- 20 км. За счет же отказа от наступления войскам Юго-Восточного фронта было приказано выделить часть сил для укрепления обороны западных и северо-западных подступов к Сталинграду, для того чтобы не допустить продвижения противника с этих направлений{108}.

С этой целью Ставка приняла решение сосредоточить 1-ю гвардейскую армию вдоль железной дороги в районе ст. Иловля и севернее. Таким образом, войска этой армии с момента прибытия оказались на одном ив наиболее угрожаемых направлений.

Действительно, уже 13 августа 6-я немецкая армия начала наступление на правом фланге нашей 4-й танковой армии.

Оборонявшаяся там 321-я стрелковая дивизия понесла большие потери в предшествующих боях и была крайне ослабленной и малочисленной. Не сдержав натиска 376-й и 100-й легкой пехотных дивизий, поддержанных танками и авиацией, она начала медленно, с боями отходить на северо-восток. Для усиления обороны этой дивизии командующий 4-й танковой армией в тот же день перебросил с центрального участка армейской полосы истребительную бригаду и истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В свою очередь командующий войсками Сталинградского и Юго-Восточного фронтов распорядился усилить это направление стрелковыми и артиллерийскими частями 21-й армии. Он также передал из своего резерва в распоряжение командующего 4-й танковой армией 22-ю истребительно-противотанковую бригаду.

В ходе двухдневных боев в полосу 321-й стрелковой дивизии была, таким образом, оттянута немалая часть резервов командования фронта и 4-й танковой армии. А именно этого и добивался противник, предпринимая здесь наступление. Его удар в направлении Перекопки был всего лишь отвлекающим.

В решительное наступление враг перешел ранним утром 15 августа. После двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки 6-я немецкая армия одновременно нанесла два удара: главный - на Сиротинскую (силами пяти дивизий) и

вспомогательный (тремя дивизиями) - на Трехостровскую. С первых же минут боя резко сказалось превосходство наземных сил противника и господство его авиации в воздухе. В результате, несмотря на упорное сопротивление, врагу удалось за день боя продвинуться по всему фронту наступления на 12-20 км. Его танки прорвались к командному пункту 4-й танковой армии. Это привело к потере управления оборонявшимися войсками.

Оценив сложившуюся обстановку, командующий фронтом решил утром 16 августа ввести в бой войска 1-й гвардейской армии.

IV

У нас к тому времени дело обстояло так. К исходу 13 августа выгрузились 39-я и 40-я гвардейские дивизии под командованием генерал-майоров С. С. Гурьева и А. И. Пастревича. В тот же день командующий фронтом распорядился сосредоточить первую из них в районе Трехостровской, а вторую - западнее Сиротинской. Одновременно он приказал остальные дивизии по мере их прибытия направить: одну в Перекопскую, другую - в Ново-Григорьевскую, третью - на участок Зимовский, Хлебный.

Это противоречило указанию Ставки и, более того, вело к растаскиванию дивизий. Поэтому пришлось просить командующего фронтом пересмотреть решение, чтобы иметь возможность компактно и, следовательно, наиболее эффективно использовать 1-ю гвардейскую армию. Не получив его согласия, я вынужден был обратиться непосредственно в Ставку Верховного Главнокомандования.

Мои возражения основывались лишь на желании не допустить растаскивания дивизий и дать им время для деформирования и сколачивания. Аргументы же генерала Еременко, надеявшегося вводом в бой гвардейских соединений остановить наступление врага, вероятно, прозвучали более убедительно. Его решение не было отменено, и две наши дивизии были направлены в указанные районы.

К 14 августа мы приняли еще 15 эшелонов. Это начали прибывать 37-я и 38-я гвардейские стрелковые дивизии.

Подобно двум первым дивизиям, они по существу не закончили формирования. К моменту передислокации ими не были получены артиллерия, спецподразделения, кони, амуниция, обозы, автотранспорт и другие виды вооружения и имущества. Все это поступило в дивизии или непосредственно при погрузке в эшелоны, или в пути следования. Легко догадаться, что гвардейцы-артиллеристы даже не опробовали свои орудия, не сделали еще ни одного выстрела из них. То же самое относилось к расчетам минометов а станковых пулеметов.

Отмечу еще одну деталь. Прибывавшие гвардейские стрелковые дивизии формировались на базе воздушно-десантных корпусов. Их личный состав как на подбор состоял из мужественных солдат, прошедших отличную боевую подготовку, но, к сожалению, не знавших материальной части минометов и станковых пулеметов. И не удивительно, ведь ни тех, ни других не было на вооружении авиадесантных частей{109}.

Нужны были хотя бы несколько дней для восполнения этих пробелов, сколачивания дивизий, О предоставлении им по прибытии на место такого минимального времени и договаривались при отъезде из Москвы мой предшественник на посту командующего 1-й гвардейской армией генерал-лейтенант Ф. И. Голиков и член Военного совета дивизионный комиссар Н. В. Абрамов.

На деле получилось иначе. Суровая, грозная обстановка на подступах к Сталинграду вынуждала командующего фронтом использовать все имевшиеся силы. Другой вопрос - насколько умело они использовались. Тут, как говорится, всякое бывало. Что касается дивизий 1-й гвардейской армии, то ответ на этот вопрос был дан дальнейшим ходом событий.

Решение командующего фронтом предусматривало ввести в бой утром 16 августа 39-ю, 40-ю гвардейские стрелковые дивизии, а позднее выгрузившуюся 37-ю гвардейскую под командованием генерал-майора В. Г. Жолудева с целью остановить наступление противника и удержать в наших руках плацдарм в малой излучине Дона. В северную часть этой излучины - в район Шохин, Дубовый было приказано выдвинуть 40-ю, а в южную, на участок Хлебный, Трехостровская - 37-ю и 39-ю гвардейские дивизии. При этом две последние включались в состав 4-й танковой армии. Потерявшие же с ней связь остатки правофланговых 321-й, 205-й и 343-й стрелковых дивизий передавались в 1-ю гвардейскую армию.

К утру 16 августа, когда 1-я гвардейская армия получила задачу удержать плацдарм в северной части малой излучины Дона, там находились лишь 40-я гвардейская, а также крайне ослабленные, насчитывавшие всего по 700-800 человек, 321, 205-я и 343-я стрелковые дивизии. 38-я гвардейская стрелковая дивизия только что выдвинулась на участок Ново-Григорьевская, устье р. Иловля, где она должна была оборонять левый берег Дона. Что касается 41-й, то она была еще на марше.

Как это подчас бывало в таких случаях, у вновь прибывшей армии оказалось немало трудностей со снабжением. В особенности беспокоили выявившиеся сразу же неувязки в обеспечении боеприпасами. Сохранилась, например, такая телеграмма, посланная мной в те дни генерал-полковнику А. И. Еременко: "Артобеспечение Юго-Восточного и Сталинградского фронтов не отпускает для 1-й гвардейской армии огнеприпасов. Части вступили и вступают в бой, не имея огнеприпасов. Прошу приказать заместителю командующего по артиллерии Сталинградского фронта обеспечить нас всеми видами боеприпасов по нашим заявкам"{110}.

Словом, пришлось одновременно принимать прибывающие войска, буквально на ходу сколачивать их и тут же выводить на позиции, всеми силами противиться растаскиванию дивизий и, так сказать, выяснять отношения с различными фронтовыми службами обеспечения. Сложный и нелегкий получился комплекс. Но уйти от него было некуда, ведь с ним непосредственно связывалось выполнение поставленной армии задачи.

Чуть забегая вперед, отмечу, что командование и штаб армии не зря трудились над "развязыванием" неувязок. Наши обращения к Верховному Главнокомандующему и в штаб фронта были не безрезультатными. Взамен двух соединений, переданных 4-й танковой армии, несколько дней спустя в состав 1-й гвардейской армии прибыли 4-я гвардейская и 23-я стрелковые дивизии. Правда, они были не полностью укомплектованы личным составом и материальной частью. И все же с их прибытием наши силы возросли.

Но это было позднее. 16 августа приходилось думать о том, как силами по существу одной лишь 40-й гвардейской стрелковой дивизии до сосредоточения двух других - 38-й и 41-й удержать северо-восточную часть плацдарма на правом берегу Дона. С целью выполнения этой задачи я принял решение занять оборону на фронте Перекопская - Перекопка - Сиротинская.

Положение было напряженное, и оборону приходилось занимать в спешном порядке. К этому нужно добавить все, что уже было сказано о незаконченном формировании. Однако 40-я

гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. И. Пастревича сразу же проявила себя с самой лучшей стороны.

Гвардейцы, вчерашние авиадесантники, давно и с нетерпением ожидали возможности встретиться лицом к лицу и сразиться с врагом. Охваченные высоким чувством любви к Родине и ненавистью к захватчикам, солдаты и офицеры дивизии рвались в бой. И в первых же схватках с противником они проявили величайшее самопожертвование и подлинный героизм.

V

До сих пор с глубоким волнением вспоминаю беспримерный подвиг 16 воинов гвардейцев из дивизии генерала Пастревича.

Это произошло вблизи населенного пункта Дубовый, в 5 км к северо-западу от станицы Сиротинской. Здесь на высоте 180,9 занимали оборону 15 бойцов. Шестнадцатый - командир, младший лейтенант В. Д. Кочетков. Им было приказано удерживать высоту до подхода подкреплений.

А в это время враг возобновил наступление. Небольшой передовой отряд противника вознамерился овладеть высотой. Встретив отпор и неся потери, он отступил. Но после этого против горстки бойцов была брошена уже рота. Она понесла еще большие потери, но также не смогла взять высоту.

Разъяренные сопротивлением гитлеровцы до наступления темноты вновь и вновь атаковали, но по-прежнему безрезультатно. И хотя защитников высоты поубавилось, младший лейтенант Кочетков и его бойцы продолжали ее удерживать. Тогда, дождавшись рассвета, враг атаковал их силами пехоты с 12 танками.

Дорого заплатил противник за эту высоту. Все ее склоны были усеяны трупами солдат и офицеров, прежде чем танки после многочасового неравного боя приблизились к вершине. К тому времени оставалось в живых лишь четверо героев. Они уже подожгли два фашистских танка. Патроны кончились, но ведь были еще ручные гранаты. И бесстрашные гвардейцы ценою своих жизней подорвали еще четыре вражеских танка...

Подоспевшее подкрепление отбросило противника с высоты 180,9. Вновь прибывшие воины увидели здесь шесть горящих танков и большое количество убитых гитлеровцев. Подробности боя и гибели своих товарищей рассказал умиравший от ран младший лейтенант В. Д. Кочетков.

Командование армии высоко оценило доблесть и мужество воинов-гвардейцев В. Д. Кочеткова, П. И. Бурдова, И. И. Гущина, Н. В. Докучаева, В. А. Чиркова, М. А. Шуктомова, П. А. Бурдина, А. С. Двоеглазова, И. И. Касьянова, В. А. Меркурьева, А. И.

Пуховкина, М. И. Степаненко, Г. А. Унжакова, И. Н. Федосимова, И М. Федотовского, Г. Ф. Штефана. Все они были представлены к высоким наградам. Указом Верховного Совета СССР первые шесть из них были посмертно награждены орденом Ленина, остальные десять - орденом Красного Знамени.

17 августа, в день, когда совершили свой подвиг 16 гвардейцев, противник возобновил наступление силами 376-й и 100-й легкой пехотных дивизий при поддержке до 100 танков. Главный удар наносился в направлении Ново-Григорьевской. К 14 часам враг овладел высотой 238 и населенными пунктами Яблонский и Шохин. Возникла угроза переправам у Ново-Григорьевской.

Но к этому времени наших сил на правом берегу прибавилось. Сюда успела переправиться 38-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника А. А. Онуфриева. Она с ходу вступила в бой. Теперь уже силами двух гвардейских стрелковых дивизий мы нанесли контрудар. Противник пытался удержаться в захваченных пунктах, но в ожесточенном бою был выбит из них, потеряв за день до 1400 солдат и офицеров, 8 танков.

В последующие дни противник непрерывно атаковал наши позиции по всему переднему краю. Однако успеха нигде не имел. Не помогла ему на этот раз и поддержка авиации, которая ожесточенно бомбила боевые порядки обороняющихся и переправы через Дон.

Хотя теперь снабжение боеприпасами улучшилось, мы по-прежнему испытывали в них нужду. Справедливости ради следует отметить, что это лишь отчасти объяснялось недостатками в работе фронтовых служб обеспечения. Не в меньшей степени нехватка боеприпасов была следствием интенсивности боев, требовавшей огромного расхода снарядов и патронов.

Особенно это дало себя знать во время оборонительных боев 17-19 августа, когда враг атаковал на узких участках фронта силами до полка пехоты с 50 танками. Помню, 19 августа я даже вынужден был послать командующему фронтом такую телеграмму: "Снарядов нет. Патронов нет. Части дерутся штыками"{111}. После этого дело снабжения намного улучшилось.

Гвардейцы же действительно при отражении атак врага нередко подпускали его цепи на близкую дистанцию и уничтожали в рукопашных схватках. И теперь уже можно признаться, что они это делали и при нехватке, и при изобилии боеприпасов. Так что суть дела была, разумеется, в том, что гвардейцы хорошо знали силу своего штыкового удара, которого

враг не мог выдержать.

VI

Начиная с 19 августа атаки противника стали ослабевать. Теперь он реже пытался наступать, причем силами не более батальона, и уже только с 10-15 танками. Причины этого были нам известны.

Одна из них состояла в том, что противостоящий враг был обескровлен в боях последних дней. Это подтвердили пленные, захваченные частями 38-й и 40-й гвардейских стрелковых дивизий в ходе контратак. От них мы узнали, что потери противника столь велики, что он уже не в состоянии наступать на этом участке и переходит к обороне. Пленные солдаты и офицеры из 673-го пехотного полка 376-й пехотной дивизии заявили, что их часть, переброшенная в июне из Франции, к настоящему времени потеряла до половины личного состава. В частности, в саперном батальоне, использовавшемся в боях как пехотная часть, оставалось менее 200 человек.

Другая причина заключалась, вероятно, в том, что немецко-фашистское командование, видя безрезультатность попыток форсировать Дон в полосе 1-й гвардейской армии, переключило свое внимание на участок, расположенный южнее. Там после ожесточенных боев противнику силами 389-й и 384-й пехотных дивизий удалось оттеснить малочисленные части 4-й танковой армии. Форсировав Дон, он овладел плацдармом на левом берегу, в районе Песковатки, Вертячего.

Было ясно: противник готовит следующий удар с целью выхода к Сталинграду.

Оценив обстановку, командующий фронтом решил при отражении удара не ограничиваться упорной обороной. Он счел необходимым одновременно предпринять наступательные действия на флангах ударной группировки 6-й немецкой армии для отвлечения части ее сил. К выполнению этой задачи привлекались 63, 21, 1-я гвардейская и 62-я армии.

Две первые должны были каждая двумя дивизиями наступать в юго-восточном направлении и в случае успеха продвинуться к Манойлину. 62-й армии было приказано форсировать Дон на участке Вертячий, Песковатка силами двух стрелковых дивизий и двух танковых бригад, выйти на рубеж р. Большая Голубая и там закрепиться. 1-й гвардейской армии ставилась задача: тремя дивизиями во взаимодействии с 21-й и 62-й армиями разгромить противостоящие вражеские войска, обеспечивавшие левый фланг ударной группировки 6-й немецкой армии. Далее армия должна была достичь рубежа Логовский - Венцы - Верхне-Голубая. Частью сил армии было приказано оборонять левый берег Дона на

участке Стародонской, устье р. Иловля.

Таким образом, непосредственно против флангов вражеской ударной группировки, рвавшейся к Сталинграду с запада и имевшей в своем составе десять дивизий, должны были действовать пять дивизий 1-й гвардейской и 62-й армий. Уже одно наличие у противника почти двойного превосходства сил показывает, что командующий фронтом поставил нереальную задачу. С учетом же развития событий в тот момент намеченные цели наших наступательных действий являлись еще менее достижимыми.

События развивались так. Еще 16 августа противнику удалось форсировать Дон частью сил в полосе 4-й танковой армии, вблизи населенного пункта Нижний Акатов. В последующие дни, по 20 августа, враг, тесня обороняющихся, расширил плацдарм к северу до устья р. Паншинка и к югу до Нижне-Гниловского.

62-я армия совместно с 4-й танковой армией направила свои усилия на то, чтобы восстановить положение на этом участке. Это ей не удалось. Однако и перейти в наступление ни в ночь на 19 августа, как того требовал вышеизложенный приказ командования фронта, ни в последующие дни она не смогла.

63-я и 21-я армии нанесли удар в назначенный срок-20 августа. Но их наступление в связи с необходимостью в самом его начале форсировать Дон шло медленнее, чем намечалось планом операции. Они овладели плацдармом на правом берегу Дона, нанесли противнику немалые потери. Однако выделенных для наступления сил даже после ввода в сражение 3-го гвардейского кавалерийского корпуса было недостаточно для достижения намеченных целей.

В ходе боевых действий с 20 по 27 августа они смогли выполнить лишь задачу первых двух дней наступления, да и то не полностью.

Эти обстоятельства не укрылись от внимания современных исследователей оборонительного периода Сталинградской битвы. В частности, в труде "Великая победа на Волге" отмечается, что неучастие 62-й армии в нанесении намеченного удара и неполный успех 63-й и 21-й армий привели к тому, что наступление 1-й гвардейской армии оказалось изолированным{112}.

Так оно и было. Ведь замысел наступления, намеченного штабом фронта, как раз в том и состоял, чтобы нанести удары по обоим флангам наступавшей на Сталинград группировки 6-й немецкой армии. Следовательно, наступательные действия 62-й армии были весьма важной составной частью плана. Неучастие этой армии в наступлении привело к тому, что главная идея

плана - удар по сходящимся направлениям - не могла быть осуществлена. Значительная роль отводилась также 63-й и 21-й армиям. Их наступление должно было отвлечь часть вражеских сил, противостоявших 1-й гвардейской армии. И эта цель не была достигнута.

Оказавшись действительно изолированным, наступление 1-й гвардейской армии, кроме того, велось без средств усиления. Обещанные фронтом танки, а также реактивные установки - 12 дивизионов М-8 и три полка М-13 - не прибыли.

При таких условиях 1-я гвардейская армия в 6 часов 22 августа перешла в наступление, 38-я гвардейская стрелковая дивизия наносила удар в направлении Ближней Перекопки. Справа от неё действовала прибывшая несколько дней назад 41-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Н. П. Иванова. Она наступала на Перекопку. Слева от 38-й наносила удар на Сиротинскую 40-я гвардейская стрелковая дивизия. 4-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Г. П. Лиленкова прочно обороняла левый берег Дона от станицы Стародонской до устья р. Иловля. Наконец, прибывшая накануне 23-я стрелковая дивизия (командир полковник П. П. Вахрамеев) составила резерв армии. Ей было приказано расположиться в районе Ново-Григорьевской и быть в готовности к наступлению вслед за 38-й и 40-й гвардейскими стрелковыми дивизиями.

Противник по всему фронту оказал ожесточенное сопротивление. Но гвардейцы стремительным напором в сочетании со шквальным ружейно-пулеметным огнем при поддержке артиллерии взламывали вражескую оборону. В первые же часы боя все дивизии сравнительно быстро прорвали ее передний край. К середине дня они продвинулись на 2-3 км.

Наибольшее сопротивление врага мы встретили в районе Сиротинской, где в боях, помимо войск 11-го немецкого армейского корпуса, участвовали и части 22-й танковой дивизии. Впрочем, танки были брошены и против 38-й гвардейской дивизии. Здесь противник предпринимал одну за другой контратаки. Одна из них, например, была проведена силами до батальона пехоты с 15 танками. Как и другие контратаки, она была отбита огнем артиллерии и минометов с большими потерями для врага.

Однако противотанковых средств у нас не хватало. Танков мы имели тоже меньше, чем противник. Все это облегчало его положение. Маневрируя танками, он мог снова л снова контратаковать то на одном, то на другом участке, что также замедляло темпы нашего продвижения вперед.

В боях под Сиротинской это сказалось в наибольшей степени. Немецко-фашистское командование перебросило туда крупные подкрепления с большим числом танков. Боевые порядки наступающих непрерывно бомбила вражеская авиация. В результате 40-я гвардейская стрелковая дивизия, атаковавшая станицу с севера и запада, не смогла овладеть ею.

25 августа мы предприняли попытку выбить из нее противника одновременным ударом с запада и юга. К участию в этой попытке привлекли и 4-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Два ее усиленных батальона должны были форсировать Дон южнее Сиротинской и оттуда наступать на станицу. Имелось в виду, что после овладения ею на правый берег переправится и вся эта дивизия.

Но и таким путем не удалось достичь цели.

Не смогла взять Сиротинскую также и 38-я гвардейская стрелковая дивизия, нанесшая 28 августа удар с запада. Правда, она достигла большего успеха, чем другие, и завязала в тот день бои за населенные пункты Зимовский и Хмелевский.

VII

28 августа закончилась наступательная операция 1-й гвардейской армии. Одними лишь своими силами мы, естественно, не могли развить наступление дальше, в тыл ударной группировки 6-й немецкой армии. Однако, несмотря на неблагоприятные условия, войска армии добились определенного успеха.

В результате их действий была очищена от противника вся северная часть малой излучины Дона. Продвинувшись на 20-30 км, войска армии достигли рубежа Логовский - Осинки - Сиротинская. Боевые действия гвардейских дивизий воспрепятствовали переброске войск для усиления ударной группировки 6-й немецкой армии. Больше того, наступление в северной части малой излучины Дона отвлекло часть сил противника от переправ в полосе 4-й танковой армии. То были части не только 22-й танковой, о которой уже упоминалось, но и 60-й моторизованной дивизии врага. Вместе с ними оказались скованными здесь 376-я и 100-я легкая пехотные дивизии.

Исключительно большое влияние оказало наступление 1-й гвардейской армии на политико-моральное состояние войск, защищавших Сталинград. Ведь она наступала и успешно громила врага в тяжелейшие дни, когда войска Юго-Восточного и левого крыла Сталинградского фронтов отходили, а бои шли уже не только на среднем и внутреннем оборонительных обводах, но и на северной окраине города.

В свою очередь гвардейцев, теснивших гитлеровцев в

северной части малой излучины Дона, вдохновляла мысль о том, что своими ударами по врагу они в какой-то мере помогали тем, кто противостоял главным силам противника. Еще больше воодушевила личный состав всех соединений и частей армии полученная в дни наступления телеграмма Военного совета Сталинградского фронта. В ней, в частности, говорилось: "Войска 1-й гвардейской армии героически дерутся. Военный совет гордится гвардейцами..."{113}

Гвардейцы шли в бой с чувством безграничной преданности Родине и Коммунистической партии. Только в те несколько дней августа, о которых здесь рассказывается, в одной лишь 40-й гвардейской стрелковой дивизии было подано 400 заявлений о приеме в партию. Такие заявления ежедневно поступали в каждой дивизии, каждом полку, батальоне. Желание тысяч и тысяч воинов армии стать коммунистом, комсомольцем в этот грозный для социалистической Родины час было отражением их твердой, непоколебимой веры в победу над врагом, в его разгром под Сталинградом.

И они, несомненно, внесли значительный вклад в осуществление этой цели, изматывая и обескровливая противостоящие фашистские войска. Только 40-й гвардейской стрелковой дивизией за шесть дней боев было уничтожено до 6 тыс. солдат и офицеров противника, 42 танка, несколько артиллерийских батарей, 15 минометов, сбито четыре самолета. Отважно сражались и воины 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Список потерь, нанесенных ими врагу за 22-26 августа, включал до 1,5 тыс. солдат и офицеров, 50 танков. Среди захваченных ими трофеев были 34 артиллерийских орудия, 30 пулеметов, восемь автомашин, много винтовок в автоматов{114}.

Крупные потери вновь понес противник в районе высоты 180,9, где за несколько дней до этого совершили свой подвиг 16 гвардейцев. На этот раз в бою за высоту участвовали более значительные силы - 119-й гвардейский стрелковый полк противостоял не менее чем полку вражеской пехоты, поддерживаемому танками. Гитлеровцы непрерывно атаковали. Вероятно, немецко-фашистскому командованию хотелось во что бы то ни стало овладеть господствующей над местностью высотой, и оно посылало в бой батальон за батальоном. Но успеха не добилось. Зато потеряло в этом бою только убитыми более тысячи своих солдат и офицеров. Гвардейцы уничтожили здесь также 28 фашистских танков. Важно отметить, что наши потери составили 28 человек{115}.

Небезынтересны и свидетельства врага, касающиеся наступления 1-й гвардейской армии в северной части малой

излучины Дона. Я имею в виду признания генерал-полковника Штреккера, Он командовал тогда 11-м немецким армейским корпусом, войска которого испытали на себе удар гвардейцев. Впоследствии, в Сталинграде, Штреккер даже после капитуляции генерал-фельдмаршала Паулюса требовал от подчиненных сопротивляться "до последнего". И не приходится удивляться, что этот матерый гитлеровец был далек от мысли отдать должное героизму советских солдат и искусству их командиров.

Тем более знаменательно, что его воспоминания о наступлении 1-й гвардейской армии пестрят такими фразами: "положение немецких войск значительно ухудшилось", "большие потери, понесенные немецкими войсками" и т. п.

Штреккер попытался объяснить свою неудачу "превосходством сил" 1-й гвардейской армии. Но сам же невольно и опроверг этот вымысел, заявив, что 11-й армейский корпус имел в своем составе 376-ю (с приданным танковым полком) и 100-ю легкую пехотные, а также 60-ю моторизованную (ее сменила в конце августа 44-я пехотная) дивизии. Далее он подчеркнул, что эти дивизии не испытывали никаких затруднений в снабжении. Наконец, по его словам, они имели полный состав, а следовательно, не уступали нашим трем дивизиям в численности солдат и офицеров. В отношении же танков и авиации даже Штреккер не пытался отрицать, что тут превосходство принадлежало немецко-фашистским войскам.

И все же они были биты дивизиями 1-й гвардейской армии. Вот как рассказывал об этом тот же генерал-полковник Штреккер.

Он говорил, что "после немецкого наступления противник перешел в контрнаступление с севера через р. Дон. Немцы вынуждены были отойти и закрепиться на высотах севернее дороги Ново-Григорьевская, Перекопка. Ключом этой позиции являлась высота с отметкой 238 в 7 км западнее Ново-Григорьевской. На ней немцам задержаться не удалось".

Высотой овладели войска 1-й гвардейской армии, в результате чего между 100-й легкой пехотной и 376-й пехотной дивизиями образовалась "брешь, которую не удалось сразу закрыть". После этого 376-я дивизия "ввиду больших потерь" отступила, но советские войска снова прорвали фронт обороны и устремились на юг. Свое описание Штреккер закончил утверждением, что бои "велись обеими сторонами с большой энергией". Он также признал, что ему пришлось трижды отводить свои войска, так как в действиях советских войск "обнаружилось стремление прорвать на этом участке фронт или по крайней мере овладеть важными высотами, необходимыми для дальнейшего наступления"{116}.

VIII

Как не хватало нам тогда на плацдарме 37-й и 39-й гвардейских стрелковых дивизий! Останься они в составе 1-й гвардейской армии, и она представляла бы собой мощную силу, способную по взаимодействии с другими армиями фронта предотвратить прорыв к Сталинграду с запада.

Могут сказать, что 4-я танковая армия срочно нуждалась в подкреплениях, и потому командующий фронтом не мог не передать ей 37-ю и 39-ю гвардейские стрелковые дивизии. Ответ на это уже дан многими советскими военными историками. И я с ними полностью согласен в том, что более эффективной помощью 4-и танковой армии была бы передача ей из резерва Сталинградского фронта 87-й и 98-й стрелковых дивизий, тем более, что они как раз в это время совершали в ее полосе марш на левый фланг 62-й армии. Невдалеке находились также 214, 196-я и 33-я гвардейская стрелковые дивизии, состоявшие в резерве Юго-Восточного фронта. Усиление этими дивизиями обороны 4-й танковой армии могло предотвратить прорыв ее фронта в короткий срок, между тем как 37-я и 39-я гвардейские дивизии находились далеко от нее и потому не успели вовремя прибыть к ней на усиление.

Таким образом, решение командующего фронтом о переподчинении этих дивизий резко ослабило 1-ю гвардейскую армию, не усилив в то же время 4-ю танковую. Боюсь, что командование фронта намеревалось и дальше продолжать растаскивание гвардейских дивизий. Этому помешала Ставка Верховного Главнокомандования после ряда настойчивых ходатайств, представленных Военным советом армии.

В одном из таких обращений мы писали, что после того как у 1-й гвардейской армии отобрали две дивизии, под угрозой оказались те надежды, которые возлагала на нее Ставка. В связи с этим, говорилось далее, целесообразно ее пополнить такими же соединениями, какие у нас отобрали, и средствами усиления, в первую очередь танками и средствами ПВО. В донесении содержалась также просьба восполнить потери "бойцами и командирами из авиадесантных частей". В заключение мы подчеркнули, что просим об этом с одной лишь целью - иметь "возможность выполнить боевые задачи, которые будут поставлены нам, и, с другой стороны, оправдать то высокое звание гвардейцев, которое вы нам присвоили"{117}.

Действительно, предотвратив дальнейшее растаскивание армии, мы смогли выполнить немаловажную в тот момент задачу - удержать и расширить плацдарм в малой излучине Дона. 11-му немецкому армейскому корпусу было нанесено такое поражение,

что он вынужден был перейти к обороне и уже больше не смог активизировать свои действия в этом районе. Линия фронта на участке 1-й гвардейской армии так и не менялась вплоть до перехода советских войск в контрнаступление в ноябре 1942 г.

Известно, что удары с севера по наступавшей 6-й немецкой армии наносились советскими войсками в течение всего оборонительного периода Сталинградской битвы. Они сыграли чрезвычайно важную роль в срыве вражеского плана захвата Сталинграда. И если в определенной степени это относится к нашему наступлению на плацдарме в малой излучине Дона в августе, то в еще большей - к ударам по левому флангу 6-й немецкой армии в сентябре.

Среди тех, кто наносил эти удары, вновь была 1-я гвардейская армия.

Наше наступление в северной части малой излучины Дона закончилось 28 августа. На следующий день по приказу фронта мы заняли оборону на достигнутых рубежах. Противник, понесший большие потери, также не предпринимал активных действий. Наступило то затишье на фронте, о котором никогда нельзя было сказать, сколько оно продлится - неделю или час.

Тишина эта не по душе пришлась гвардейцам. Они ведь с ходу, сразу же по прибытии из-под Москвы, пошли в наступление. И за эти несколько дней успели как бы привыкнуть к нему, выработать в себе постоянную готовность к атаке. Поэтому переход к обороне был воспринят воинами армии как нечто весьма кратковременное.

Они не ошиблись. Пробыв всего сутки в обороне, 1-я гвардейская армия получила приказ на перегруппировку в междуречье Дона и Волги, куда теперь переместился центр боев.

Еще 23 августа противник с плацдарма на левом берегу Дона вновь перешел в наступление. Фронт обороны на стыке 4-й танковой и 62-й армий был прорван. К 16 часам того же дня до 100 танков врага с мотопехотой вышли к Волге в районе Акатовка, Рынок. Оборона Сталинградского фронта была рассечена. Угроза захвата города усугублялась еще тем, что 4-я немецкая танковая армия к тому времени вновь вклинилась в нашу оборону, на этот раз на стыке 64-й и 57-й армий, и вышла в район ст. Тингута.

Ставка Верховного Главнокомандования потребовала принять немедленные меры для предотвращения захвата города врагом. "Противник,- говорилось в радиограмме от 23 августа за подписью И. В. Сталина, адресованной руководству фронта,- прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося

противника..."{118}

За два дня до того в район северо-западнее Сталинграда начали прибывать войска из резервов Ставки. Их сосредоточение велось с целью создания ударной группировки. Но 23 августа оно еще не было закончено. Поэтому командующий фронтом создал для ликвидации прорвавшегося противника две ударные группы. В одну из них, возглавляемую генерал-майором К. А. Коваленко, были включены три стрелковые дивизии, танковый корпус и танковая бригада, в другую (под руководством генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева) -два танковых корпуса.

Этих сил, однако, оказалось недостаточно для выполнения поставленной задачи. Успех не был достигнут и после включения в группу генерал-майора Коваленко прибывших из резерва Ставки 4-го и 16-го танковых корпусов, 24-й, 84-й и 315-й стрелковых дивизий.

Одной из причин того с полным основанием считалась слабость управления войсками внутри групп, вызванная отсутствием в них специальных органов и служб. Да и в целом был сделан вывод, что опыт создания подобных временных войсковых формирований не оправдал себя. Мне этот вывод представляется вполне обоснованным: до сих пор помню неимоверные трудности, с которыми пришлось столкнуться в период руководства подвижной группой под Ельцом в 1941 г. У нас тогда тоже остро не хватало средств связи, плохо обстояло дело с материальным обеспечением.

И вот теперь Ставка решила нанести севернее Сталинграда удар силами 1-й гвардейской армии. Для этого было приказано прежде всего перегруппировать часть ее сил (38-ю и 41-ю гвардейские стрелковые дивизии) в район Лозное. Там надлежало включить в состав армии 39-ю гвардейскую, 24, 64, 84, 116-ю и 315-ю стрелковые дивизии, 4, 7-й и 16-й танковые корпуса. После сосредоточения 1-я гвардейская армия должна была наступать в направлении совхоз Котлубань, Самофаловка, Гумрак с целью соединиться с частями 62-й армии.

Получив приказ, тотчас же связались с 21-й армией. После того как началась передача ей нашей полосы с частью сил, я выехал в район Лозного. Туда же должен был вскоре передислоцироваться наш штаб, предварительно сосредоточив 38-ю и 41-ю гвардейские дивизии в районе ст. Котлубань.

IX

Ночь на 1 сентября застала меня в землянке, вырытой в одной из балок, которыми изрезана вся местность к северу от Сталинграда. Это был новый командный пункт армии. Место для него мы выбрали с таким расчетом, чтобы отсюда можно было

управлять боевыми действиями всех соединений армии. К этому времени прибыл и штаб армии.

Едва успели обосноваться на новом месте, как к нам приехал генерал-лейтенант В. Н. Гордов. Почти сразу же из штаба фронта позвонил генерал армии Г. К. Жуков. Он незадолго до этого прилетел из Москвы и теперь собирался вместе с генерал-полковником А. М. Василевским приехать на командный пункт 1-й гвардейской армии.

Малая Ивановка, где находился штаб фронта, была недалеко, и менее чем через час Г. К. Жуков и А. М. Василевский уже входили в землянку.

Георгия Константиновича я знал по совместной службе в 3-м кавалерийском корпусе, которым тогда, в конце 20-х годов, командовал комкор С. К. Тимошенко. Г. К. Жуков в то время был командиром кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, стоявшей гарнизоном в Минске, а я - начальником штаба конно-артиллерийского полка 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии, дислоцировавшейся в Гомеле. Мы встречались главным образом на корпусных сборах, занятиях и учениях, и там я узнал его как командира недюжинных способностей, чьи решения отличались оригинальностью и смелостью.

Вскоре наши пути разошлись. Я уехал служить на Дальний Восток, а Г. К. Жуков принял 4-ю Ленинградскую кавалерийскую дивизию. Его имя получило известность после событий на Халхин-Голе, где под его руководством в 1939 г. была разгромлена группировка японской Квантунской армии. После этого он командовал войсками Киевского особого военного округа, в начальный период войны возглавлял Генеральный штаб, а затем командовал войсками Западного фронта, разгромившими врага под Москвой.

И вот спустя примерно полтора десятка лет мы встретились снова. Нет, не забылись далекие годы. Но и воспоминаниями заняться не было возможности. Мысли были заполнены не прошлым, а настоящим и, пожалуй, будущим. А настоящее и будущее для нас, как и для всего советского народа, слилось тогда в одной думе, одной цели: отстоять Родину, разгромить врага. Это было тогда повседневным нашим делом, и именно ради него на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Георгий Константинович был только что назначен заместителем Верховного Главнокомандующего. По поручению И. В. Сталина он прибыл в Сталинград для координации боевых действий фронтов и прежде всего - организации контрудара с

целью предотвратить угрозу немедленного захвата города противником.

Как сообщил ном Г. К. Жуков, удар нужно было нанести на широком фронте между Доном и Волгой. К участию в наступлении привлекались 4-я танковая, 24-я, 1-я гвардейская и 66-я армии. Они должны были мощным фланговым ударом ликвидировать разрыв между Сталинградским и Юго-Восточным фронтами, уничтожить группировку противника, прорвавшуюся к Волге. Но войска 24-й и 66-й армий под командованием генерал-майора Д. Т. Козлова и генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, прибывшие из резерва Ставки, по всем данным, могли сосредоточиться в исходном районе для наступления не раньше 5 сентября. Поэтому намечалось, не ожидая сосредоточения всех сил, ввести 2 сентября в сражение 1-ю гвардейскую армию, укомплектование и сосредоточение которой должно было к тому времени закончиться.

Я говорю "должно было", потому, что, к сожалению, на деле получилось иначе.

Решение Ставки о вводе 1-й гвардейской армии в сражение 2 сентября было принято заблаговременно. Видимо, это произошло не позднее 27 августа, так как уже в тот вечер, по словам Г. К. Жукова, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин говорил ему: "1-я гвардейская армия генерала Москаленко перебрасывается в район Лозное. С утра 2 сентября она должна нанести контрудар по прорвавшейся группировке противника к Волге и соединиться с 62-й армией. Под прикрытием армии Москаленко направьте в исходные районы 24-ю и 66-ю армии и немедля введите их в бой, иначе можем потерять Сталинград..."{119}

К тому времени в район севернее Сталинграда прибыла довольно значительная часть сил, включенных в состав 1-й гвардейской армии, в частности 24, 64, 84, 315-я стрелковые дивизии, 4-й и 16-й танковые корпуса, действовавшие пока в составе группы генерала Коваленко, и др. Со дня на день ожидался подход остальных соединений. Все это делало вполне обоснованным принятое тогда Ставкой решение о вводе 1-й гвардейской армии в сражение 2 сентября. Тем более, что оставалось еще 5 суток, и за это время можно было провести необходимую подготовку.

А как обстояло дело в тот момент, когда Г. К. Жуков, А. М. Василевский, В. Н. Гордов и я обсуждали на командном пункте план наступления? Из упомянутых пяти суток прошло уже почти четверо. Между тем только 30 августа был получен приказ фронта о передислокации штаба 1-й гвардейской армии в район Лозное.

Когда же на следующий день мы, передав 21-й армии весь плацдарм вместе с частью стрелковых дивизий, занимавших его, прибыли в междуречье и приступили к приему включенных в состав нашей армии войск, оказалось, что оставшегося до начала наступления времени слишком мало.

И вот почему.

Стрелковые дивизии и танковые корпуса, до этого действовавшие в составе группы генерала Коваленко, в результате сильного контрудара противника были отброшены к северу. Понеся большие потери, в особенности от ударов вражеской авиации, они 31 августа отошли на рубеж севернее разъезда 564-й километр, населенного пункта Кузьмичи, высоты 139,7, русла Сухой Мечетки. Там и началось расформирование группы генерала Коваленко и передача ее войск прибывшему к тому времени штабу 1-й гвардейской армии.

Войска эти за несколько дней непрерывных тяжелых боев оказались серьезно ослабленными. Так, 4-й и 16-й танковые корпуса к моменту передачи в состав 1-й гвардейской армии имели так мало боевых машин, что их пришлось сосредоточить в двух сводных танковых бригадах. Большие потери понесли и стрелковые дивизии, входившие в группу Коваленко.

Кроме того, в соединениях было очень мало артиллерии. Например, в 39-й гвардейской стрелковой дивизии насчитывалось всего лишь 19 орудий, в 24-й стрелковой - 42, в 315-й -54, причем в первых двух 45 мм орудия составляли треть всего их артиллерийского парка, а в последней - больше половины. Частей усиления, приданных армии, было, как говорится, раз-два и обчелся, а именно: 671-й артиллерийский полк, имевший 18 орудий, и дивизион 1158-го артиллерийского полка (шесть орудий).

В то же время 38-я и 41-я гвардейские стрелковые дивизии еще совершали марш из северной части малой излучины Дона. Остальные войска, включенные в состав пашей армии, прибыли не полностью. Например, 7-й танковый корпус, начавший 30 августа 200-километровый марш своим ходом со ст. Серебряково, мог лишь к исходу 2 сентября прибыть в район сосредоточения.

Все это были факты, с которыми следовало считаться. У меня сложилось впечатление, что так думал и Г. К. Жуков. Но вместе с тем, при всех своих высоких полномочиях, он не мог отменить намеченный Ставкой контрудар с севера по прорвавшемуся к Волге противнику. Этот удар нужно было нанести во что бы то ни стало, и чем скорее, тем лучше, ибо он являлся в те дни жизненной необходимостью, без которой стало бы неминуемым падение Сталинграда. Следовательно, нужно было нанести его

хотя бы теми силами, которые имелись под рукой.

А под рукой была лишь часть войск 1-й гвардейской армии. И этими силами предстояло наступать на широком фронте от левого фланга 4-й танковой армии до Волги, т. е. там, где по плану должны были действовать три полностью укомплектованные армии - 1-я гвардейская, 24-я и 66-я.

Естественно, пришлось задуматься над тем, сможем ли мы при таких условиях осуществить наступление точно в срок, назначенный Ставкой для 1-й гвардейской армии,- утром 2 сентября. Ведь ко всему прочему в нашем распоряжении на подготовку контрудара оставалось всего лишь сутки. Этот вопрос, однако, остался пока открытым. Я считал необходимым еще раз лично ознакомиться с ходом сосредоточения войск армии и уже потом назвать срок, минимально необходимый для подготовки к наступлению.

X

Г. К. Жуков, А. М. Василевский и В. Н. Гордов уехали в штаб фронта. Я же отправился в противоположную сторону - к рубежу разъезд 564-й километр, Кузьмичи, высота 139,7, русло Сухой Мечетки, где находилась часть войск армии.

Машина шла на юг, в сторону пылавшего Сталинграда. С болью смотрел я на зарево, вот уже много дней стоявшее над ним. Город подвергался ожесточенным бомбовым ударам с воздуха и артиллерийским обстрелам. Враг проник на его северную окраину, там шли тяжелые кровопролитные бои. Туда тянулся и 8километровый коридор, проложенный вражескими войсками в результате их выхода к Волге 23 августа. На север от него были оттеснены тогда левофланговые соединения нашей 4-й танковой, на юг - правофланговые соединения 62-й армий.

Я знал, с каким нетерпением там, в Сталинграде, ждали нашего удара с севера, и эта мысль сверлила голову весь день. Но, увы, объезжая войска, с каждым часом все больше понимал: наступление не может начаться в назначенный срок.

Штаб армии под руководством неутомимого С. П. Иванова и штабы соединений работали с предельным напряжением. Но ни в этот день, ни в ночь на 2 сентября не удалось сосредоточить войска в исходных районах для атаки. А тут еще выявились и дополнительные задержки, вызванные опозданиями с доставкой горючего...

В ночь на 2 сентября прибыло боевое распоряжение штаба фронта. Из него следовало, что начало наступления 1-й гвардейской армии, ранее назначенное на 5 часов 2 сентября 18, переносится на 10 час. 30 мин. того же дня{120}. Но что могли дать в данном случае лишние пять с половиной часов? К

сожалению, они ничего не меняли.

Так размышлял я в ту ночь. В голову приходили мысли одна другой противоречивее. Конечно, в сложившихся условиях можно было доказать необходимость отсрочки наступления на несколько дней. А там успели бы сосредоточиться также 24-я и 66-я армии, наступление которых было назначено на 5 сентября{121}.

Но против такой продолжительной отсрочки говорил другой, более сильный довод: происходившее тогда дальнейшее ухудшение обстановки под Сталинградом. 1 сентября противник вышел в район разъезда Басаргине, создав тем самым угрозу тылу 62-й армии. В тот же день левофланговые соединения этой армии и соседние части 64-й армии начали отходить на внутренний оборонительный обвод. Борьба с врагом, по-прежнему обладавшим огромным превосходством в силах и средствах, переместилась непосредственно к стенам Сталинграда.

Вот почему, не имея возможности начать наступление немедленно и в то же время понимая, что ждать подхода 24-й и 66-й армий нельзя, я послал Военному совету фронта телеграмму следующего содержания: "Части, входящие в состав 1 гвардейской армии, из-за отсутствия горючего и растяжки в исходное положение к утру 2.9 не вышли. 7 танковый корпус и гвардейские минометные части М-30 также стоят без горючего. Отдел снабжения горючим фронта и армии бездействуют. Намеченную атаку в 10.30 провести не могу. Принимаю все меры к быстрой подаче горючего для вывода частей в исходное положение, с тем чтобы во второй половине дня перейти в наступление, но не уверен в готовности частей. Если позволит обстановка, прошу перенести атаку на утро 3.9.42 г."{122}.

Все убеждает меня и теперь, что в сложившихся условиях отсрочка на сутки была действительно неизбежна. Более того, Г. К. Жуков, ознакомившийся на месте с положением дел, вероятно, раньше меня пришел к мысли о необходимости хоть ненадолго отложить наступление. Этому, полагаю, мы были обязаны и вышеупомянутой отсрочкой на пять с половиной часов. Наконец, когда Г. К. Жукову в штабе фронта показали мою телеграмму с просьбой перенести атаку на утро 3 сентября, он тут же написал на ней: "Я с Москаленко согласен".

Спустя несколько часов оп в своем донесении Верховному Главнокомандующему писал: "1-я гвардейская армия начинает свои действия только с 5 часов утра 3.9.42 г. Сегодня, 2 сентября, армия перейти в наступлениие не смогла, так как части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и чтобы не понести от этого

напрасных потерь, после личной проверки на месте перенес наступление на о часов 3 сентября"{124}.

Кстати, в том же донесении Г. К. Жуков сообщал в Ставку: "Имеем данные, что противник перебрасывает к району переправ дополнительно четыре пехотные дивизии, из них две из прежнего района действий 1-й гвардейской армии..."{125}

Мне тоже было известно о переброске упоминаемых двух немецких дивизий. Это действительно были те самые войска, которые отступали в августе под натиском нашей армии в северной части малой излучины Дона. Следовательно, нам удалось сковать их в том районе примерно на 10 дней. Срок, конечно, немалый в условиях, когда наступавшая на Сталинград группировка обладала и без того огромным превосходством сил и средств. Но, думается, он мог стать большим в случае продолжения активных действий на плацдарме после его передачи войскам 21-й армии.

Как бы там ни было, теперь приходилось считаться с фактом: немецко-фашистское командование дополнительно вводило несколько дивизий в сражение на ближних подступах к Сталинграду. Это с еще большей остротой требовало от нас сделать все возможное, чтобы облегчить положение войск, оборонявшихся на внутреннем обводе.

Глава X. Наступление в междуречье Дона и Волги

I

Весь день 2 сентября штабы завершали подготовку наступления. Отсрочка позволила закончить сосредоточение главных сил армии, предоставить войскам краткий отдых перед атакой. Радовало прибытие 7-го танкового корпуса под командованием генерал-майора танковых войск П. А. Ротмистрова. После изнурительного марша корпус к исходу 2 сентября сосредоточился в балке Родниковская. Это и был его исходный район для наступления. Отсюда танкистам генерала Ротмистрова предстояло уже на следующее утро пойти в атаку.

К сожалению, и в этот день не были получены артиллерийские средства усиления. В результате в армии не было, например, ни одного зенитного орудия. Легко представить, что это означало, если вспомнить о господстве противника в воздухе и широком применении им авиации как для поддержки своих наступающих войск, так и для отражения наших контрударов.

Многократное численное превосходство вражеской авиации дало себя знать уже в дни подготовки к наступлению. Так как необходимо было спешить и был дорог каждый час, то и

сосредоточение войск в исходные районы для наступления частично проводилось в светлое время суток. В условиях совершенно открытой местности для фашистских летчиков не составило большого труда обнаружить выдвижение войск 1-й гвардейской армии.

Так немецко-фашистское командование узнало состав сил 1-й гвардейской армии и легко разгадало наши намерения, в том числе направление подготовляемого главного удара. Противник изготовился к отражению наступления, что само собой исключало внезапность наших действий, и в то же время многократными ударами с воздуха стремился помешать организованному и быстрому сосредоточению войск армии.

Силу подготовляемого нами удара, несомненно, ослабляли и те изменения, которые незадолго до наступления произошли в полосе соседней 4-й танковой армии. Ее левофланговые дивизии, которые должны были наступать одновременно с нами для обеспечения безопасности правого фланга 1-й гвардейской армии, предприняли активные действия 2 сентября. Будучи контратакованы противником и понеся значительные потери, они отступили.

В результате стык с 4-й танковой армией оказался необеспеченным. Следовательно, и переходить в наступление там мы не могли. Пришлось поставить двум правофланговым дивизиям задачи не на активные действия, как предусматривалось боевым приказом фронта, а на оборону участка фронта от стыка с 4-й танковой армией до железнодорожной линии. Дивизии должны были с места отразить возможное наступление противника в северном направлении. Это решение было утверждено заместителем Верховного Главнокомандующего генералом армии Г. К. Жуковым.

Так волею обстоятельств ударная группировка армии уменьшилась на две дивизии. Кроме того, одной дивизии и танковой бригаде было приказано прочно оборонять рубеж на левом фланге, с тем чтобы не допустить активных действий врага вдоль Волги на Камышин.

3 сентября в 7 час. 30 мин. 1-я гвардейская армия перешла в наступление на фронте Кузьмичи - высота 139,7 с задачей прорвать оборону противостоящих войск, уничтожить их и соединиться с частями 62-й армии.

Наступлению предшествовала получасовая артиллерийская подготовка. Она была слабой и не дала необходимого эффекта. поэтому сразу же завязались упорные кровопролитные бои. Преодолевая ожесточенное сопротивление, наши части сбили боевое охранение врага, затем уничтожили его передовые части и

группы автоматчиков, окопавшихся под танками, подбитыми в предыдущих боях. Только после этого войска 1-й гвардейской армии смогли начать продвижение к главной полосе вражеской обороны.

Противостоявший враг создал мощную огневую систему и действовал с большим упорством. Так как немецко-фашистскому командованию в силу вышеизложенных причин стали известны силы атакующих и места нанесения ударов, то на соответствующих направлениях оно заблаговременно создало опорные пункты. Туда же были нацелены действия всей вражеской авиации, подтянуты резервы пехоты, танков, артиллерии, минометов.

Перед началом атаки войск 1-й гвардейской армии противник провел по всему фронту артиллерийскую и минометную контрподготовку, он с переходом наших частей в наступление бросил против них авиацию. Она действовала группами по 20-30 самолетов непосредственно против наступавших подразделений пехоты и танков, а также огневых позиций артиллерии. К атакованным участкам начали выдвигаться вражеские танки и мотопехота.

Обстановка, таким образом, далеко не благоприятствовала атакующим. В первые же часы боя на действиях наступавших войск сказалось огромное превосходство противника в силах и средствах.

В результате к исходу 3 сентября 24-я стрелковая дивизия полковника Ф. А. Прохорова и сводная бригада 16-го танкового корпуса (командир корпуса генерал-майор танковых войск М. И. Павелкин) смогли достичь лишь северо-западной и северо-восточной окраин Кузьмичей. Ни овладеть полностью этим селом, превращенным противником в крупный опорный пункт, ни продвинуться дальше на юг им не удалось.

Примерно такими же были в тот день итоги боевых действий 116-й стрелковой дивизии полковника И. М. Макарова и 7-го танкового корпуса генерал-майора танковых войск П. Л. Ротмистрова. Совместно наступая в направлении высоты 139,7, на гребне которой враг также оборудовал мощный опорный пункт, они продвинулись только на ее северные и северо-восточные скаты.

Все же к концу дня первые результаты наступления выглядели обнадеживающе. Преодолевая ожесточенное сопротивление и медленно продвигаясь в южном направлении, соединения 1-й гвардейской армии постепенно сужали коридор, занятый войсками противника и отделявший нас от частей 62-й армии. До начала наступления ширина этого коридора

составляла не менее 8 км, а к исходу 3 сентября, например, между Кузьмичами и высотой 143,6, удерживаемой частями 62-й армии, - 5,5 км, и еще меньше между высотами 139,7 и 145,1 (последняя также была занята войсками 62-й армии) - около 3 км.

Казалось, еще одно усилие, и мы соединимся с С2-й армией, отсечем вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге севернее Сталинграда. Однако все попытки добиться этого были безрезультатны.

Здесь уместно отметить, что немецко-фашистское командование придавало очень большое, можно сказать - огромное значение факту выхода своих войск к Волге. Он широко использовался фашистской пропагандой. Более того, как ни мал был захваченный гитлеровцами клочок волжского берега, они тешили себя мыслью, что, овладев им, будто бы приблизились к осуществлению главной стратегической цели своей летней кампании 1942 г.

Известно, что и позднее, когда под Сталинградом угроза гибели нависла над 6-й немецкой армией, Гитлер в своей ставке истерически кричал: "Я но оставлю Волгу, я не уйду с Волги"{126}. Даже в тот период командование 6-й немецкой армии по приказу Гитлера пыталось "удержать оборону вдоль Волги"{127}. Вполне попятно, что оно с еще большим рвением делало это и начале сентября. Ведь тогда фашистские войска продолжали наступать на Сталинград и имели огромное превосходство в силах и средствах.

II

Именно невыгодным соотношением сил, особенно господством противника в воздухе, можно объяснить результаты наступления 1-й гвардейской армии 3 сентября. Мы нанесли противнику чувствительный удар и продвинулись на несколько километров, но соединиться с 62-й армией не смогли.

Враг был еще очень силен. Он оказался в состоянии надежно прикрыться от удара из района севернее Сталинграда и одновременно крупными силами вновь перейти в наступление против 62-й и 64-й армий, непосредственно оборонявших город. Только против первой из них он сосредоточил восемь дивизий с 400 танками. При поддержке крупных сил авиации эта группировка наступала в полосе Культстан, Елхи в двух направлениях - на Городище, Александровку и на Воропоново, Купоросное. Южнее возобновила активные действия против 64-й армии 4-я танковая армия противника.

Новый яростный натиск танковых и моторизованных войск врага, поддерживаемых массированными ударами авиации, привел к ухудшению положения 62-й и 64-й армий. Развитие

событий вновь и вновь настойчиво требовало нанесения новых ударов из района севернее Сталинграда, с тем чтобы по крайней мере отвлечь от города часть сил противника. Для этого, однако, нужны были более значительные силы, чем те, которыми располагала 1-я гвардейская армия. Несомненно, именно такой оценкой обстановки под Сталинградом руководствовался Верховный Главнокомандующий, когда потребовал ускорить ввод в сражение 24-й и 66-й армий.

Дело в том, что еще в ночь на 3 сентября генерал армии Г. К. Жуков в донесении, посланном с командного пункта 1-й гвардейской армии, сообщил Верховному Главнокомандующему следующее: "... Наступление 24 и 66-й армий назначаю на 5-6 сентября, сейчас идет детальная отработка всем командным составом, вовсю заняты материальным обеспечением операции. Начинаем наносить удар с севера на юг во фланг и тыл противника четырьмя армиями с тем, чтобы смять фланги противника перед сталинградским обводом и выйти на рубеж р. р. Россошка, Червленая. Дальнейшие действия в зависимости от обстановки..."{128}

В тот момент в Ставке, по-видимому, не вызвали возражений сроки ввода в сражение 24-й и 66-й армий, названные Г. К. Жуковым. Но в течение дня 3 сентября обстановка в полосе 62-й и 64-й армий вновь обострилась, и поздним вечером на имя генерала армии Г. К. Жукова была получена следующая телеграмма из Москвы:

"Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в 3-х верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи.

Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало.

Получение и принятые меры сообщите незамедлительно.

3.9.1942 г.

22 часа 30 минут.

И. Сталин"{129}.

1-я гвардейская армия уже вела наступление; речь, следовательно, шла о том, чтобы ускорить нанесение удара силами 24-й и 66-й армий. К сожалению, это оказалось невозможно. Получив подтверждение того, что войска названных двух армий могли сосредоточиться в исходных районах для

наступления не раньше 5 сентября, Верховный Главнокомандующий в разговоре по телефону с Г. К. Жуковым в ночь на 4 сентября приказал: "Если противник начнет общее наступление на город, немедля атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск"{130}.

Так как переговоры по данному вопросу со Ставкой велись ее представителями в основном с командного пункта 4-й гвардейской армии, то их содержание в общих чертах было мне известно. И я понимал, что в сложившихся условиях 1-й гвардейской армии неизбежно придется и завтра, 4 сентября, атаковать в одиночку ослабленными в предшествующих боях войсками.

Выполняя приказ Ставки и командования фронта, войска 1-й гвардейской армии в течение ночи на 4 сентября готовились продолжать наступление. Им были поставлены те же задачи, что и накануне. Кроме того, было решено ввести в бой на левом фланге, в районе русла Сухой Мечетки, находившиеся во втором эшелоне 38-ю гвардейскую стрелковую дивизию полковника А. А. Онуфриева совместно со сводной бригадой 4-го танкового корпуса (командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск В. А. Мишулин) и в центре - 84-ю стрелковую дивизию генерал-майора П. И. Фоменко. Начало наступления - 6 час. 30 мин., перед наступлением получасовой артналет на вражеские позиции.

Но ровно в 6 часов одновременно с артиллерийской подготовкой армии заговорила артиллерия противника. Полтора часа, до 7 час. 30 мин., продолжалась его артиллерийская контрподготовка, имевшая целью расстроить боевые порядки советских войск и помешать их переходу в наступление. Одновременно вражеская авиация произвела массированный налет, в котором участвовало около 300 самолетов.

Нечего и говорить, дивизии первого эшелона понесли за эти полтора часа немалые потери. Но врагу удалось лишь ненадолго задержать начало наступления.

В 8 час. 30 мин. войска 1-й гвардейской армии пошли в атаку. Их встретила сплошная завеса огня, созданная вражеской артиллерией с земли и авиацией, действовавшей группами по 100 самолетов, с воздуха.

Некоторое представление о характере боев, происходивших в тот день в полосе наступления 1-й гвардейской армии, дает запись переговоров по прямому проводу, состоявшихся 4 сентября 1942 г. в 14 час. 50 мин. между начальником штаба Юго-Восточного фронта генерал-майором Г. Ф. Захаровым и работником Генерального штаба полковником И. И. Бойко. Она гласит:

Захаров: Товарищ Бойко, прошу вас информировать меня хотя бы коротко, что происходит у Москаленко?

Бойко: Кратко информирую о Москаленко на 14.00. Москаленко с 6.30 (неточность, фактически с 8 час. 30 мин.- К.М.} возобновил атаку своими частями с прежними задачами. Авиация противника крупными группами, до сотни самолетов одновременно, беспрерывно воздействует по боевым порядкам 24, 116 и 84 сд и не дает пехоте подняться. В связи с этим к 14.00 части имели очень незначительное продвижение, в частности, в районе Кузьмичи. Командование армии при участии тов. Жукова принимает меры к более надежному прикрытию с воздуха боевых порядков наступающих частей и усилению воздействия против авиации противника с целью обеспечения продвижения пехоты и танков..."{131}

К сожалению, принятые меры все же не обеспечивали надежного прикрытия с воздуха. Это объяснялось тем, что в пашем распоряжении было мало самолетов/ и авиация неприятеля обладала многократным численным превосходством. Гак обстояло дело и в отношении артиллерии. Противник выдвинул сильный противотанковый заслон. В то же время он непрерывно подбрасывал большие группы танков с мотопехотой и неоднократно переходил в контратаки. Такой характер боев в полосе наступления 1-й гвардейской армии отметили и наблюдатели одной из частей 62-й армии, находившиеся на высотах 145,1 и 143,6.

"По данным наблюдателей из этого района,- сообщил в тот день генерал Г. Ф. Захаров во время переговоров по прямому проводу с Генеральным штабом,противник весь день штурмует район высоты 139,7, Кузьмичи и севернее. По-видимому, по нашим частям, которые наступают с севера. Я приказал Шумилову выслать роту танков с автоматчиками на север, любой ценой пробиться к своим частям, связаться с ними и провести их на юг"{132}.

Ожесточенные бои на этом участке продолжались весь день 4 сентября. Противнику, пытавшемуся контратаками отбросить войска 1-й гвардейской армии на север, не удалось этого добиться. Но и мы не смогли продвинуться на юг, так как вражеское командование противопоставило нашим войскам крупные силы, которые оно начало перебрасывать из-под Сталинграда.

Последнее обстоятельство и являлось важнейшим результатом наступательных действий 1-й гвардейской армии в течение 3 и 4 сентября. Враг почувствовал реальную угрозу с севера и был вынужден направлять сюда одну за другой

пехотные, танковые и артиллерийские части, ранее предназначавшиеся для наступления против 62-й и 64-й армий. Так началось осуществление указания Ставки Верховного Главнокомандования об отвлечении от города части сил противника.

Уже одно это делает полностью оправданным ввод 1-й гвардейской армии в сражение к северу от Сталинграда до подхода 24-й и 66-й армий. И можно с очень большой долей вероятности предположить, что при ином решении Ставки или в случаи отсутствия возможности нанести удар с севера в течение 3-4 сентября противник мог уже тогда овладеть Сталинградом. Конечно, это в еще большей степени относится ко всему периоду наступательных действий советских войск из района севернее Сталинграда. Но, несомненно, в указанные два дня было положено начало тому отвлечению вражеских сил от города, которое, как мы увидим далее, основательно спутало карты командования 6-й немецкой армии.

III

4 сентября наконец начали подходить войска 24-й и 66-й армий. Первая из них сосредоточивалась справа от 1-й гвардейской армии, вторая - слева.

В тот день на командном пункте армии побывал командующий 66-й армией генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Встреча была совсем не похожа на предыдущую, состоявшуюся в ночь под Новый, 1942 год. Тогда, под Харьковом, за праздничным столом мы поднимали тосты за полный разгром врага в наступающем году. Многое произошло с тех пор, и было понятно: противник сильнее и опаснее, чем представлялось раньше, для его разгрома потребуется еще много сил и жертв.

Родион Яковлевич прибыл, чтобы ознакомиться с обстановкой на фронте, в частности на том участке, который передавался 66-й армии. В свою очередь он информировал меня о сосредоточении ее войск, выразив сожаление но поводу того, что оно проходило недостаточно быстро.

- Опаздываем,- озабоченно говорил мне Р. Я. Малиновский.- Завтра в наступление, а дивизии растянулись на марше. Жаль, не сможет 66-я армия завтрашний совместный с вами удар нанести всеми своими силами. Придется вводить их в бой но частям, по мере сосредоточения.

Вскоре выяснилось, что так обстояло дело и в 24 и армии. Причем там опоздание оказалось еще большим, и поэтому некоторые стрелковые дивизии этой армии на следующий день вступали в бой сразу же после продолжительного марша.

Короче говоря, в назначенный срок -5 сентября в 6 час. 30

мин.-1-я гвардейская армия перешла в наступление вновь в одиночку. Перед этим, в течение ночи, мы подтянули огневые средства и провели несколько частных атак с целью улучшить позиции, но успеха не имели. Тогда же разведкой было установлено, что противник продолжал усиливать оборону, перебрасывая резервы. На удары он отвечал мощным огнем и сильными контратаками, вынуждая отходить на исходные позиции. Еще более упорное сопротивление встретили мы, перейдя в наступление утром. Теперь на атакующих обрушилась еще и авиация противника.

Слева от 1-й гвардейской армии в 9 часов начали наступать соединения 66-й, а справа в 15 часов - войска 4-й танковой и 24-й армий...

И в этот и в последующие дни противник оказывал исключительно упорное сопротивление. Оно явно возросло по сравнению с предыдущими двумя днями, когда удар наносила одна лишь 1-я гвардейская армия. Это было результатом продолжавшейся переброски вражеских сил с целью уплотнения войск, противостоящих нашему наступлению.

Воины 1-й гвардейской армии, в том числе приданных частей и соединений, проявляя чудеса беззаветной храбрости и самопожертвования во имя разгрома врага, буквально прогрызали вражескую оборону. "За семь дней ожесточенных боев (все происходило неподалеку от совхоза Котлубань), - вспоминает главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, командовавший тогда 7-м танковым корпусом, который входил в состав 1-й гвардейской армии, - части корпуса продвинулись всего на четыре километра. Эти немногие километры и для нас и для врага были поистине полем смерти.

В боях весь личный состав корпуса сражался самоотверженно, не щадя себя. Например, командир 1-й мотострелковой роты 62-й танковой бригады капитан Бондаренко первым с группой бойцов ворвался на передний край вражеской обороны. В короткой рукопашной схватке они истребили расчет противотанкового орудия, затем захваченное орудие повернули в сторону противника и открыли огонь по контратакующим немцам. В течение часа рота вела неравный бой. В этом сражении капитан Бондаренко погиб"{133}.

Мы продвигались вперед медленно, неся большие потери от огня артиллерии, минометов врага и главным образом от налетов его авиации, по-прежнему господствовавшей в воздухе. Но и удары Красной Армии причинили противнику серьезный урон. Так, в 7-м танковом корпусе за дни боев с 3 по 10 сентября насчитывалось около 400 убитых и раненых. Фашисты же в

полосе наступления этого корпуса оставили на поле боя почти тысячу одних лишь убитых солдат и офицеров. Корпус уничтожил 50 вражеских танков, 69 артиллерийских орудий и минометов, свыше 100 автомашин и т. д.{134}

Так геройски, самоотверженно сражались воины и остальных соединений 1-й гвардейской, а также других армий левого крыла Сталинградского фронта.

Каков же был общий итог этого наступления? Прежде чем ответить, нужно хотя бы вкратце коснуться стоявших перед войсками фронта задач. Это тем более необходимо, что в различных послевоенных советских публикациях данный вопрос освещается по-разному.

В некоторых из них он изложен в соответствии с решением командующего фронтом. Согласно этому решению ставились следующие задачи армиям: 4-й танковой - наступать левым флангом в направлении Вертячего, отбросить противника за Дон и выйти на рубеж оз. Песчаное-Мариновка; 24-й-нанести удар в направлении Карповка и, разгромив противостоящего врага, достичь рубежа Мариновка - Новый путь; 1-й гвардейской во взаимодействии с 24-й - наступать на разъезд Басаргине, в дальнейшем выйти на рубеж Новый путь Верхне-Царипынский; 66-й - ударом в направлении Орловки отсечь прорвавшуюся к Волге группировку противника и уничтожить ее.

Взглянув на карту, можно увидеть, что в целом выполнение этих задач привело бы к выходу 4-й танковой, 24-й и 1-й гвардейской армий на линию оз. Песчаное - Мариновка - Новый путь - Верхне-Царицынский. А так как это было возможно лишь при условии разгрома главных сил наступавшей на Сталинград вражеской ударной группировки, то невольно возникает вопрос: была ли такая задача реальна при сложившемся тогда соотношении сил на этом участке фронта? Полагаю, что не может быть двух мнений. Противнику принадлежало огромное превосходство в силах и средствах, в особенности в артиллерии, танках и авиации{135}. В таких условиях измотанным в предыдущих боях и понесшим большие потери 4-й танковой и 1-й гвардейской армиям, а также не успевшей полностью сосредоточиться 24-й армии эта задача была не по плечу.

И все же приказом фронта армиям левого крыла ставилась именно такая задача. Приказ разрабатывался за несколько дней до назначенного срока наступления четырех армий из района севернее Сталинграда и носил на себе отпечаток явной переоценки их сил и возможностей. Такой грех издавна водился за штабом Сталинградского, ранее Юго-Западного, фронта. Сказался он и при постановке армиям левого крыла фронта задач

на наступление.

В нескольких словах о работе штаба фронта в описываемый период можно сказать, что он руководил боевой деятельностью войск без учета реальной, быстро менявшейся обстановки. Разрабатываемые им документы, предварительно не согласованные с командующими армиями, подчас не имели прочной основы. Не став гибким и высокоавторитетным органом, штаб фронта оказался не в состоянии обеспечить твердое руководство войсками.

Этот крупнейший недостаток был подмечен генералом армии Г. К. Жуковым сразу после прибытия в район Сталинграда. Как заместитель Верховного Главнокомандующего он потребовал укрепить руководство штаба фронта. И это, бесспорно, оказало в дальнейшем положительное влияние на ход боевых действий советских войск к северу от Сталинграда.

Однако вернемся к реальным условиям наступления четырех армий и к его действительной цели. К сказанному об обстановке тех дней в междуречье Дона и Волги к северу от Сталинграда и о состоянии 1-й гвардейской и левофланговых частей 4-й танковой армии добавлю, что 24-я и 66-я армии не успели не только полностью сосредоточить силы и средства в своих полосах наступления, но и должным образом сориентироваться на незнакомой местности, организовать взаимодействие и управление, изучить противостоящие вражеские войска и их систему обороны.

Скажем прямо, все это называется неготовностью. Но была ли возможность отложить наступление до сосредоточения всех подходивших войск, с тем чтобы изготовиться лучше и нанести удар всеми силами одновременно? Нет. Враг вновь усилил натиск на город, и помощь его непосредственным защитникам - 62-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова - нужна была сейчас, а не через несколько дней.

Между тем было ясно, что от исхода сражения за этот город, где враг на узком участке сосредоточил свои главные усилия, будет зависеть дальнейший ход борьбы на советско-германском фронте. История полностью подтвердила такую оценку значения битвы за Сталинград. Она также показала, что для разгрома мощной сталинградской группировки противника нужны были совместные действия войск нескольких фронтов, осуществляемые в невиданных ранее масштабах. Но в дни, о которых идет речь, идея крупной наступательной операции в районе Сталинграда, способной стать поворотным пунктом в войне, еще только зарождалась в Ставке и Генеральном штабе. Должно было пройти некоторое время, прежде чем эта идея сначала стала четким,

детально разработанным планом, который затем был осуществлен и вошел в историю войн как одна из самых блестящих ее страниц.

IV

А пока жестокая действительность диктовала, как и не раз прежде, неизбежную необходимость идти на врага теми силами, какие имелись в данный момент, ибо самым важным тогда было не допустить падения Сталинграда, отвлечь от него силы врага. Именно так оценивала положение Ставка. Вот почему при переговорах с генералом армии Г. К. Жуковым по прямому проводу Верховный Главнокомандующий, как отмечено выше, потребовал атаковать противника из района севернее Сталинграда, не дожидаясь окончательной готовности сосредоточиваемых там войск. При этом И. В. Сталин подчеркнул: "Ваша главная задача: отвлечь силы немцев от Сталинграда и, если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты"{136}.

Следовательно, на мой взгляд, о задачах, которые ставились в начале сентября армиям левого крыла Сталинградского фронта, нельзя судить только по решению командующего фронтом. Нужно учитывать и изменения в обстановке, происшедшие в период между принятием этого решения и началом наступления. Необходимо также считаться с тем, что вследствие резкого обострения обстановки Ставка потребовала - и не могла не потребовать! - ввода в бой неполностью готовых войск и в связи с этим фактически изменила самую идею наступательной операции, ограничив ее в основном задачей отвлечения сил противника от города.

Эти важные обстоятельства, к сожалению, ускользнули от внимания авторов ряда исследований, посвященных битве под Сталинградом. В результате осталась по существу нераскрытой одна из блестящих страниц эпопеи города на Волге удар левого крыла Сталинградского фронта в первой половине сентября 1942 г. Более того, в некоторых публикациях бросается в глаза стремление оценить результаты этого удара, исходя из вышеупомянутой идеи выхода 4-й танковой, 24-й и 1-й гвардейской армий на рубеж оз. Песчаное - Мариновка - Новый путь Верхне-Царицынский. Так поступили, например, составители уже упоминавшейся книги "Великая победа на Волге". Как и следовало ожидать, это привело их к глубоко ошибочному заключению о том, что наступление названных армий "успеха не имело"{137}.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, позволю себе обратиться к документу, на который я уже указывал в одной из своих статей.

Это - донесение Верховному Главнокомандующему, написанное генералом армии Г. К. Жуковым, лично следившим за ходом боевых действий севернее Сталинграда. Вот его полный текст:

"Москва, тов. Сталину.

1. Ваши обе директивы об ускорении продвижения северной группы получили.

2. Начатое наступление 1, 24 и 66 армий мы не прекращаем и проводим его настойчиво. В проводимом наступлении, как об этом мы вам доносили, участвуют все наличные силы и средства.

Соединение со сталинградцами не удалось осуществить потому, что мы оказались слабее противника в артиллерийском отношении и в отношении авиации. Наша первая гв. армия, начавшая наступление первой, не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка ПТО, ни ПВО.

Обстановка под Сталинградом заставила нас ввести в дело 24 и 66 армии 5.9, не ожидая их полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Стрелковые дивизии вступали в бой прямо с пятидесятикилометрового марша.

Такое вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником (подчеркнуто мной.- К. М.).

3. Никаких других и не известных Ставке задач мы перед собой не ставим.

Новую операцию мы имеем в виду готовить на 17.9, с чем вам должен был доложить топ. Василевский. Эта операция и сроки ее проведения связаны с подходом новых дивизий, приведением в порядок танковых частей, усилением артиллерией и подвозом боеприпасов.

4. Сегодняшний день наши наступающие части, так же как и в предыдущие дни, продвинулись незначительно и имеют большие потери от огня и авиации противника, но мы не считаем возможным останавливать наступление, так как это развяжет руки противнику для действия против Сталинграда.

Мы считаем обязательным для себя даже в тяжелых условиях продолжать наступление, перемалывать противника, который не меньше нас несет потери, и одновременно будем готовить более организованный и сильный удар.

15. Боем установлено, что против северной группы в первой линии действуют шесть дивизий: три пехотные, две мотодивизии и одна танковая.

Во второй линии против северной группы сосредоточено в резерве не менее двух пехотных дивизий и до 150-200 танков.

Жуков

Маленков

12.9.1942 г."{138}

Как участник боев, о которых идет речь, считаю себя обязанным полностью подтвердить оценку хода и результатов наступления, данную в приведенном донесении.

Войскам левого крыла Сталинградского фронта действительно не удалось прорвать оборону противника и соединиться с 62-й армией. Но они смогли осуществить главную задачу наступления - отвлечь на себя крупные силы противника: восемь отборных дивизий, значительную часть артиллерии, танков и авиации. Тем самым была резко ослаблена его ударная группировка, нацеленная на овладение Сталинградом.

Таким образом, срыв фашистских планов захвата Сталинграда - результат общих усилий советских войск - и непосредственно оборонявших город, и наносивших удары с севера по врагу. Этим и определялся успех наступления армий левого крыла Сталинградского фронта, в том числе и 1-й гвардейской. Он достался дорогой ценой: за него отдали жизнь тысячи героев. Пусть же и над ними сияет в веках слава победителей в Сталинградской битве!

Наступление войск левого крыла Сталинградского фронта, начавшееся 3 сентября, прекратилось 11 сентября, и почти сразу же противник усилил натиск на позиции соединений Юго-Восточного фронта, непосредственно оборонявших город. Здесь нельзя не увидеть взаимосвязи. Войска противника, прибывшие с других направлений под Сталинград, теперь целиком направлялись для усиления ударной группировки, наступавшей на город, в то время как в предшествовавшие дни часть их немецко-фашистскому командованию приходилось выделять для парирования наших ударов с севера.

Видимо, относительная слабость и непродолжительность этих ударов привела фашистское командование к заключению о том, что у Красной Армии больше нет сил для проведения операций стратегического масштаба. Гитлер так и заявил 12 сентября на совещании в своей ставке в Виннице. Он добавил, что советские войска на грани истощения и что их сопротивление под Сталинградом имеет лишь "местное значение".

По странному совпадению в тот же самый день в Москве в Ставке Верховного Главнокомандования родилась идея и вскоре началась разработка плана будущей грандиозной Сталинградской наступательной операции, которой предстояло стать поворотным

пунктом всей второй мировой войны. Так история заранее обрекла на провал прогнозы и планы фашистского командования.

Позволю себе коснуться вкратце истории рождения идеи наступательной операции крупного масштаба в районе Сталинграда, так как показанные выше действия левого крыла Сталинградского фронта по крайней мере косвенно были связаны с обороной города. Впрочем, уместнее привести рассказ Г. К. Жукова, одного из участников разработки плана операции "Уран".

12 сентября он и А. М. Василевский были вызваны для доклада к Верховному Главнокомандующему. "Я повторил,- вспоминает Георгий Константинович,- то же, о чем докладывал по телефону, и, кроме того, сказал, что 24-я, 1-я гвардейская и 66-я армии, участвовавшие в наступлении 5-11 сентября, показали себя боеспособными объединениями. Основная их слабость - отсутствие в армиях качественных средств усиления, мало гаубичной артиллерии и танковых частей, необходимых для непосредственной поддержки пехоты. Местность на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнее артиллерийское наблюдение и возможность во всех направлениях маневрировать огнем. Кроме того, у противника есть возможности вести дальний артиллерийский огонь и из района Кузьмичи Акатовка - совхоз "Опытное поле". При этих условиях 24-я, 1-я гвардейская и 66-я армии Сталинградского фронта прорвать фронт обороны противника не могут.

- Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом? - спросил Сталин.

- Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 стволов гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

А. М. Василевский полностью поддержал мои расчеты. Сталин достал свою карту с расположением резервов Ставки и долго ее рассматривал. Мы отошли с Александром Михайловичем подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

- А какое "иное" решение? - вдруг подняв голову, спросил Сталин.

Я никогда не думал, что у Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

- Вот что,- продолжал он,- поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда, откуда и какие войска можно перебросить для усиления Сталинградской группировки. А заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера соберемся здесь"{139}.

Так началась работа над планом мощного контрнаступления в районе Сталинграда.

С этой грандиозной наступательной операцией трех фронтов, начатой в ноябре, нельзя даже сравнивать наспех подготовленные сентябрьские удары левого крыла Сталинградского фронта. Но все сказанное означает, что идея осуществления такой операции возникла как раз под влиянием итогов нашего наступления в начале сентября. Они показали, что сравнительно небольшими силами, имевшимися у нас тогда к северу от Сталинграда, можно было лишь отвлечь часть вражеских войск от города, тем самым не допустив его немедленного падения. А для достижения решительной цели - разгрома сталинградской группировки противника и, следовательно, срыва всего стратегического замысла немецко-фашистского командования на 1942 г.- требовалось значительно больше сил и средств.

Грубейший просчет Гитлера в том и заключался, что, вопреки его оценке, Советское Верховное Главнокомандование было полно решимости достичь именно такой цели и располагало необходимыми для этого резервами. "Иное" решение, о котором 12 сентября шла речь в Ставке, вскоре было воплощено в плане операции "Уран". В нем предусматривалось осуществление уже не таких в сущности частных задач, как ликвидация разрыва между Сталинградским и Юго-Восточным фронтами или даже оттеснение врага подальше от Сталинграда. Теперь намечалось неизмеримо большее - окружение и ликвидация всей сталинградской группировки противника с целью решительно повернуть в пользу Советского Союза ход военных действий на юге.

Подготовка сил и средств, привлекавшихся к операции, требовала нескольких недель. Одновременно в течение всего этого времени нужно было не допустить захвата Сталинграда вражескими войсками, активной обороной измотать их. Таким образом, главная задача армий левого крыла Сталинградского фронта оставалась прежней. Мы должны были ударами по северному флангу наступавшей группировки противника ослаблять ее натиск на позиции 62-й и 64-й армий.

V

Читатель уже знает из приведенного донесения Верховному Главнокомандующему от 10 сентября, что в те дни командование

Сталинградского фронта готовило новый контрудар. На этот раз намечалось нанести его на другом участке фронта южнее ст. Котлубань. Там в описываемый момент находился стык 4-й танковой и 24-й армий, удар же было приказано нанести силами последней и 1-й гвардейской.

Для осуществления этого решения, само собой разумеется, потребовалось перегруппировать силы. Штабу 1-й гвардейской армии предписывалось передать дивизии с их полосами в состав 24-й и 66-й армий, а самому передислоцироваться в район ст. Котлубань. Там нам предстояло принять другие соединения и занять полосу шириной 12 км. После этого 24-я армия становилась уже не правым, а левым нашим соседом. Так возникала возможность совместно, смежными флангами 1-й гвардейской и 24-й армий, нанести удар по врагу в упомянутом районе.

Задача была все та же - прорвать оборону противника и соединиться с 62-й армией. Однако по сравнению с предыдущей операцией новое наступление предстояло осуществить меньшими силами. К участию в нем привлекались уже не четыре, а только две армии.

Другая особенность заключалась в том, что в процессе подготовки к наступлению состав 1-й гвардейской армии почти полностью обновлялся. В нее включались 173, 207, 221, 258, 260, 292, 308, 316-я стрелковые дивизии и ряд артиллерийских частей усиления. Из прежнего состава остались лишь танковые корпуса - 4, 7-й и 16-й, частично пополнившие к тому времени материальную часть.

Иными словами, 1-ю гвардейскую армию нужно было формировать заново, в третий раз за последний месяц. Впервые это было сделано в августе на плацдарме за Доном, затем в начале сентября в восточной части междуречья и, наконец, теперь - в центральной его части. И каждый раз, еще не закончив формирования, армия вводилась в сражение. Этого требовала обстановка, не оставляя даже необходимого минимума времени на укомплектование. Враг рвался вперед, и нужно было бить его теми силами, какие имелись. Вот почему соединениям и частям приходилось с ходу вступать в бой. Иного решения в тот грозный час не существовало.

На этот раз на формирование армии было отведено пять суток. Боевой приказ фронта требовал, чтобы она уже 17 сентября нанесла удар по врагу.

Армия укомплектовывалась в основном ослабленными соединениями. Всего лишь две стрелковые дивизии - 258-я и 260-я - были новыми. Они только что прибыли из резерва Ставки и

были полностью укомплектованы личным составом. Не хватало у них некоторых видов вооружения-минометов и пулеметов, а также частично транспортных средств. Остальные шесть стрелковых дивизий с 5 сентября участвовали в боях в составе 24-й и 66-й армий, понесли большие потери в личном составе и вооружении.

Танковые корпуса имели старые боевые машины, побывавшие в среднем или капитальном ремонте. Кроме того, их было мало. Например, 7-й танковый корпус, по свидетельству П. А. Ротмистрова, имел перед началом этого наступления всего 87 танков{140}.

Обстановка за последние дни изменилась не в нашу пользу. В результате усилившегося с 13 сентября натиска вражеских войск героические защитники Сталинграда к 17 сентября были оттеснены к центральной части города, где завязались ожесточенные уличные бои. Это значило, что расстояние, отделявшее нас от частей 62-й армии, несколько увеличилось, при этом врагу по-прежнему принадлежало господство в воздухе и численное превосходство в наземных силах.

Наконец, немецко-фашистские войска, противостоявшие Красной Армии южнее ст. Котлубань, располагали чрезвычайно удобными для обороны позициями и к тому же успели их сильно укрепить. Передний край вражеской обороны проходил по гребням господствующих высот. Ими прикрывались огневые позиции артиллерии и все передвижения в глубине обороны. Окружающая местность на многие километры прекрасно просматривалась с этих высот. Такими преимуществами в особенности обладал важнейший узел обороны противника - опорный пункт, оборудованный на вершине высоты 154,2, находившейся на стыке 76-й пехотной и 3-й моторизованной дивизий.

Штаб армии, возглавляемый полковником С. П. Ивановым, успешно справился с трудностями подготовки и организации наступления. Буквально в течение двух дней - 14 и 15 сентября - были приняты дивизии, включенные в состав армии, произведена смена войск на переднем крае, поставлены задачи и нарезаны полосы наступления, распределены средства усиления дивизий, составлены и доведены до войск планы артиллерийского наступления, инженерного обеспечения, материально-технического снабжения, противотанковой и противовоздушной обороны. Были составлены и согласованы плановая таблица боя, план работы штаба и контроля за выполнением боевого приказа. Короче, проделана вся та сумма мероприятий, которая в иных условиях требует значительно большей затраты времени.

Позаботились и о разведке противостоящего врага, определении его группировки и системы огня. Важное место, как всегда, занимала организация взаимодействия, политическое обеспечение операции.

Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации провели большую работу по разъяснению задач, стоявших перед войсками армии. Разнообразными формами партийно-политической работы они укрепляли воинскую дисциплину и организованность, воспитывали личный состав в духе славных боевых традиций Красной Армии, горячей любви к Родине, безграничной преданности великому делу Коммунистической партии.

Вечером 15 сентября был подписан и разослан боевой приказ. Одновременно Военный совет армии обратился ко всему личному составу со специальным обращением. В нем говорилось:

"Товарищи бойцы, командиры и политработники 1-й гвардейской армии! Над нашей Родиной нависла грозная опасность. Не считаясь с огромнейшими потерями в живой силе и технике, враг продолжает бросать в бой все новые и новые силы, рвется в глубь нашей страны. Немецкие фашисты стремятся захватить Сталинград, сердце Волжского бассейна, ворота к Каспию, отрезать страну от богатых хлебом и нефтью районов, утвердиться на Волге...

В борьбе за Сталинград решается судьба нашей Родины, нашей чести и свободы, независимости и самого существования народов СССР. С именем Сталинграда - Царицына связана одна из самых блестящих и героических страниц гражданской войны. В грозные дни Царицынской обороны наши отцы и братья отстояли Царицын, не дали наш народ на поругание, развеяли в прах все посягательства врагов. Как 24 года назад, над Сталинградом вновь нависла смертельная опасность... Враг рвется к Сталинграду, его необходимо остановить и разгромить. Он не так силен, как кажется. Это показали наши доблестные воины под Ленинградом, Москвой, Севастополем, Тихвином, на Калининском и Западном фронтах.

Товарищи бойцы, командиры и политработники! Вспомним славные дела защитников Царицына, кровью отстоявших величие, свободу и неприкосновенность нашей страны. Выполним приказ нашей Родины, приказ Сталина, наказ наших матерей, жен и детей - уничтожим немецкую гадину! Будем драться, как дрались наши отцы. Умножим славу красноармейского оружия!.. Разобьем и уничтожим врага... Больше стойкости и упорства в бою. Ни шагу назад! Только вперед. Враг будет уничтожен! Победа будет за нами!"{141}

Во всех дивизиях, танковых бригадах, полках и батальонах были проведены партийные и комсомольские собрания, красноармейские митинги, инструктажи агитаторов и редакторов боевых листков. На митингах выступали командиры, политработники и значительное число красноармейцев. Бывалые воины делились опытом, призывали к стойкости, решительности, стремительности в бою.

Мысли и чувства воинов армии прекрасно выразил сержант Фролов из 1980-го стрелкового полка 260-й стрелковой дивизии.

- Нам,-сказал он, выступая на митинге,- выпало большое счастье быть защитниками Сталинграда, этого исторического города, не склонившего свою голову в 1918 г. перед белогвардейцами. Не склонит головы и не станет на колени Сталинград и сейчас перед гитлеровцами. Отстоим его во что бы то ни стало!..{142}

На партийных и комсомольских собраниях были обсуждены вопросы о расстановке коммунистов и комсомольцев во время боев. Принятые решения можно было, как всегда, охарактеризовать тремя словами: "Коммунисты, комсомольцы-вперед!" В соединениях и частях развернулось соревнование на лучшее выполнение боевых приказов. Были проведены также конференции снайперов, истребителей танков, пулеметчиков, минометчиков, артиллеристов.

VI

Утром 16 сентября командиры стрелковых дивизий, танковых корпусов и частей усиления собрались у меня. На столе лежала карта района предстоящих боевых действий. Рядом стоял ящик с песком, на котором офицеры штаба изобразили все то, что нам было известно об обороне противника. С помощью этого несложного сооружения я в присутствии представителя Ставки генерала армии Г. К. Жукова провел инструктивное занятие. Мы уточнили задачи соединений и частей, увязали взаимодействие в бою.

Здесь же был вскрыт ряд недоделок в подготовке наступления. Особенно это относилось к организации взаимодействия в звеньях дивизия - полк - батальон, пехота - танки - сопровождающая артиллерия. Были выявлены и недостатки в материальном обеспечении войск. Во всем этом дала себя знать спешка, к которой вынуждала ускоренная подготовка наступления.

Меня огорчило и то, что при всех невыгодных для нас условиях, о которых уже говорилось, мы снова готовились нанести удар по противнику в лоб. Глядя на карту, я думал: не лучше ли скрытно сосредоточить войска на плацдарме в малой

излучине Дона и ударить вдоль Дона на Калач по тылам 6-й немецкой армии? Мне представлялось, что в этом случае конфигурация линии фронта и уязвимость вражеских коммуникаций должны были поставить группировку противника в тяжелое положение и вынудить ее отвести войска от Сталинграда. Обо всем этом я и доложил Г. К. Жукову после окончания занятия.

Конечно, мне тогда не было известно о другом, уже разрабатываемом, плане наступления, превосходившем по масштабам во много раз все то, что изложил я в беседе с Георгием Константиновичем. Последний же никого не мог посвятить в содержание этого плана, так как в то время о нем знали лишь три человека - И. В. Сталин, А. М. Василевский и он. Поэтому Г. К. Жуков, внимательно выслушав меня, ответил кратко:

- Перспективы, открывающиеся после нанесения ударов с плацдармов в южном и юго-восточном направлениях, заманчивы и заслуживают тщательного изучения, но у тебя для этого мало сил и средств. В свое время это будет сделано. Теперь же Верховный Главнокомандующий требует направить все силы на помощь сталинградцам.

Так представитель Ставки еще раз указал на главную задачу армии в предстоявшем наступлении. Тогда же он в интересах исправления выявленных на занятии недостатков перенес начало контрудара на утро 18 сентября.

К сожалению, многого так и не удалось устранить. Кроме того, существовали такие недостатки, и весьма серьезные, которые даже при желании не могли быть исправлены нами в то время. Но об этом позже.

Главная задача войск левого крыла Сталинградского фронта заключалась в отвлечении вражеской ударной группировки от города, в оказании непосредственной помощи героической армии генерала Чуйкова.

В течение последних двух дней перед наступлением командиры дивизий, танковых корпусов, полков, бригад и отдельных частей производили рекогносцировку на местности, увязывали взаимодействие. Пополнялись запасы горючего, боеприпасов. В эти же дни командный пункт армии перебрался ближе к войскам - в район южнее совхоза Котлубань.

Наступил день 18 сентября. Светало. Оставалось уже немного времени до начала нашей артиллерийской подготовки, назначенной на 5 час. 30 мин. Но вновь, как и во время наступления в начале сентября, первой заговорила вражеская артиллерия. Она вела огонь по местам сосредоточения наших

войск, которые были хорошо видны гитлеровским наблюдателям на высотах.

Орудия противника умолкли после того, как мы начали артиллерийскую подготовку, длившуюся полтора часа. Но они не были подавлены и, когда в 7 часов наша пехота пошла в атаку, встретили ее сильным огнем из-за высот.

Вот как развивались события на левом фланге армии, где наносился главный удар.

Части 316-й стрелковой дивизии полковника И. Е. Зубарева с 87-й танковой бригадой 7-го танкового корпуса (командир бригады полковник И. В. Шабаров) в 7 час. 30 мин. ворвались на разъезд 564-й километр. Дружной атакой выбив оттуда противника, они двинулись вдоль железной дороги в направлении возвышенности под названием "Большой гребень", господствовавшей над окружающей местностью и тянувшейся примерно на 5 км к западу от железной дороги.

Правее в том же направлении успешно наступали 308-я стрелковая дивизия полковника Л. Н. Гуртьева с 62-й танковой бригадой того же 7-го танкового корпуса (командир бригады подполковник Д. К. Гуменюк). Достигнув северных скатов высоты 154,2, части 308-й и 316-й стрелковых дивизий к 11 часам разгромили оборонявшегося там противника.

А за час до того 87-я танковая бригада, преодолевая упорное сопротивление врага, вышла на гребень в районе отметки 154.2. После этого вместе с двигавшимися вслед за ней частями 316-й стрелковой дивизии она начала наступление на высоту 145,5. В это же время 12-я танковая бригада (командир полковник В. М. Баданов), действовавшая совместно с 292-й стрелковой дивизией генерал-майора С. В. Лишенкова, шестью танками прорвалась на хутор Бородкин.

Таким образом, уже в течение первой половины дня оборона противника была прорвана. Несмотря на это, положение было неопределенным. По всему фронту наступления шли ожесточенные бои, и нельзя было с уверенностью предсказать их исход.

Дело в том, что важной составной частью нашей наступательной операции должен был стать удар части сил 62-й армии из района Мамаева Кургана в юго-западном направлении. Цель этого удара состояла в том, чтобы затруднить противнику переброску его резервов на север, против наступающих 1-й гвардейской и 24-й армий. Однако она не была достигнута. Сил, наносивших удар со стороны города, оказалось недостаточно.

В результате ничто не мешало фашистскому командованию непрерывно подбрасывать танки с мотопехотой из района

Большая Россошка к атакованному участку в районе высот 154,2, 145,5 и хутора Бородкин. С самого начала нашего наступления над полем боя все время висела вражеская авиация. Группы по 15-20 самолетов одна за другой методично бомбили боевые порядки атакующих.

С 12 часов фашисты начали из района хутора Бородкин серию контратак пехоты и танков. Во второй половине дня, кроме того, резко повысилась активность авиации противника. И хотя, несмотря на это, атакующие соединения приблизились к хутору и овладели расположенной вблизи него высотой 145,5, наступление явно ослабевало.

В 14 часов я принял решение ввести в прорыв войска второго эшелона армии 4-й танковый корпус генерал-майора танковых войск А. Г. Кравченко, 221-ю и 207-ю стрелковые дивизии (командиры соответственно полковник П. И. Буняшин и полковник С. С. Гузенко). Однако, получив приказ, они проявили медлительность и запоздали с выходом на "Большой гребень".

А там в 18 часов противник предпринял контратаку крупными силами пехоты с 50 танками и вновь овладел высотой 154,2.

Поредевшие части 308-й и 316-й стрелковых дивизий, не закрепившиеся на "Большом гребне" и к тому же лишившиеся поддержки танков и артиллерии (танки к этому времени были подбиты огнем противника, а орудия сопровождения отстали еще утром), не сдержали натиска врага. Штабы обеих дивизий потеряли управление частями. Последние с наступлением темноты начали мелкими группами отходить от хутора Бородкин и со скатов высоты 145,5 к разъезду 564-й километр.

Во всем этом сказалось и недостаточное количество сил, выделенных для наступления. Соединения и части армии были недоукомплектованы личным составом. Мы располагали малым количеством технических средств борьбы. Не хватало полевой, зенитной и противотанковой артиллерии. Большую часть танков составляли машины Т-60 и Т-70, имевшие слабое вооружение и слабую броню. Нехватка автомашин резко снижала подвижность и маневренность нашей пехоты и артиллерии. Снабжение же войск осуществлялось конным транспортом, что в условиях господства авиации противника приводило к большим потерям лошадей и частым перебоям в подвозе материальных ресурсов.

Неужели, спросит молодой читатель, нельзя было сосредоточить на левом крыле Сталинградского фронта больше сил, полностью снабдив их всем необходимым? Безусловно, можно было. В стране тогда значительно увеличилось производство вооружения и боевой техники. Благодаря этому

мощь общевойсковых армий значительно возросла за счет автоматического вооружения, более крупных калибров противотанковых, зенитных орудий, реактивной артиллерии, более мощных танков. Словом, осень 1942 г. ознаменовалась важными переменами в вооружении и оснащении войск Красной Армии.

Но перемены эти, естественно, произошли не в один день и даже не в один месяц. И тем более не сразу сказались их результаты. Наконец, не следует забывать, что именно в то время, о котором идет речь, формировались и вооружались новейшей техникой крупные резервы, предназначавшиеся для наступательных операций стратегического масштаба.

Советскому Верховному Главнокомандованию удалось не распылить их, сохранить для решающих сражений. Это сыграло, как показал дальнейший ход событий, огромную роль в разгроме врага.

VII

В течение следующих четырех дней дивизии почти беспрерывно штурмовали господствующие высоты. Но противник стянул туда столько огневых средств и живой силы, что снова овладеть гребнем не удалось. Кроме того, командование 6-й немецкой армии нацелило в полосу 1-й гвардейской армии всю авиацию. Она и в первый день наступления нанесла нашим войскам чувствительные потери, совершив до 2 тыс. самолето-вылетов. Теперь же в светлое время суток в воздухе все время находилось 120-150 вражеских самолетов, которые не давали пехоте подняться с земли.

С 23 сентября армия перенесла свои усилия на правый фланг. Но и там прорыв обороны противника не был осуществлен.

Тем не менее общепризнанным является тот факт, что войска 1-й гвардейской и 24-й армий своим наступлением во второй половине сентября оказали огромную помощь 62-й и 64-й армиям в удержании Сталинграда. Мы сковали тогда силы всей северной части немецко-фашистской группировки, лишив ее возможности перебрасывать подкрепления в центр города, где именно тогда борьба достигла критической стадии. Другим важным результатом наступления в районе севернее Сталинграда были поистине колоссальные потери, понесенные противником. "...Части нашего корпуса,- свидетельствует в своих воспоминаниях бывший гитлеровский офицер И. Видер,- понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены, в ротах оставалось, как правило, по 30-40 человек"{143}.

А офицер штаба 3-й моторизованной дивизии полковник германского генерального штаба Г. Р. Динглер о боях в междуречье севернее Сталинграда писал следующее: "Я не преувеличиваю, утверждая, что во время этих атак мы не раз оказывались в безнадежном положении. Тех пополнений в живой силе и технике, которые мы получали из Германии, было совершенно недостаточно"{144}.

Воины 1-й гвардейской армии в этих боях проявили массовый героизм. Не счесть примеров беззаветной храбрости и самопожертвования во имя разгрома врага. Приведу некоторые из них.

Во время боя танковый десант проник в тыл противника, оседлал дорогу, по которой двигались подкрепления, и смело атаковал вражескую автоколонну. При этом рядовой В. В. Крушенко уничтожил один грузовик с фашистскими солдатами, а три других вывел из строя. Метким огнем он также скосил несколько мотоциклистов и автоматчиков. При отходе группы, в которой находился отважный боец, были ранены его товарищ-автоматчик и политрук роты. В. В. Крушенко обоих вынес с поля боя.

Танк лейтенанта В. А. Грибанова из 483-го танкового батальона 12-й танковой бригады во время атаки прорвался в тыл противника. Там он уничтожил три противотанковых орудия, автомашину с боеприпасами и расстрелял до 50 вражеских солдат и офицеров. Будучи атакован тремя фашистскими танками, он вступил в бой с ними и подбил один из них. Когда врагам удалось поджечь советский танк, Грибанов вытащил из горящей машины двух раненых членов экипажа и помог им добраться до своих.

Самоотверженно действовал старший сержант С. Я. Четвериков из 342-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 258-й стрелковой дивизии. Когда от огня прорвавшихся четырех фашистских танков погиб расчет, которым Четвериков командовал, он не растерялся. Отважный артиллерист вступил в единоборство с четырьмя вражескими танками. Два из них он подбил, а остальные повернули назад.

Лейтенант В. Ф. Пешков во главе танкового взвода первым прорвался к окопам противника в Вороньей балке. Экипаж его танка уничтожил три противотанковых орудия, два дзота и несколько пулеметов. Врагу удалось подбить боевую машину Пешкова. К тому же заклинило люк башни. Танкисты во главе с лейтенантом Пешковым до последнего продолжали вести огонь. Они пали смертью героев.

Эти скупые строки взяты из сохранившихся в архиве пожелтевших от времени наградных листов, подписанных мной в

дни наступления. Только представленных к высоким правительственным наградам за выдающиеся боевые подвиги в сентябрьских наступательных боях 1-й гвардейской армии было 433. А сколько еще славных боевых дел было совершено тогда! Их не счесть. Скажу одно: геройски сражались и пехотинцы, и артиллеристы, и танкисты, отвагу и мужество проявили красноармейцы и командиры всех родов войск, с одинаковым пылом бились с фашистами воины и старшего и младшего поколений, в едином порыве шли на врага служившие в 1-й гвардейской армии представители всех национальностей страны.

Нас цементировала и направляла на великие подвиги славная Коммунистическая партия. Выдающаяся роль во всех сражениях принадлежала коммунистам и комсомольцам, которые в любых условиях находились в авангарде борьбы, призывали, воодушевляли на подвиги и сами являлись примером самоотверженности и бесстрашия.

Коммунисты, комсомольцы шли в первых рядах атакующих. Они показывали пример в бою, по ним равнялись все воины армии. За время наступления во второй половине сентября, как всегда в такие дни, усилился приток заявлений в партию и в комсомол. В 258-й стрелковой дивизии, например, за несколько дней было подано свыше 400 таких заявлений, а в 260-й стрелковой дивизии только в одном 1026-м стрелковом полку - 180.

Тогда же, во второй половине сентября, свыше тысячи человек было принято в ряды комсомольских организаций соединений и частей армии. Подвиги комсомольцев составили одну из лучших страниц истории этого наступления 1-й гвардейской. Тысячи убитых гитлеровских солдат и офицеров, 67 танков, 40 противотанковых орудий, 50 автомашин, 12 минометных батарей и, кроме того, свыше 30 минометов, в том числе девять шестиствольных,- таков далеко не полный перечень нанесенного в те дни урона врагу только комсомольцами армии.

С окончанием сентябрьских наступательных боев севернее Сталинграда 1-я гвардейская армия была расформирована. С первых дней своего пребывания на сталинградском направлении ее войска почти непрерывно атаковали противника, сначала на Задонском плацдарме, потом в междуречье. Именно в этих местах должно было в недалеком будущем начаться несравнимо более мощное наступление советских войск.

Случилось так, что со всеми этими переменами совпало еще одно событие: Юго-Западный фронт, преобразованный летом в Сталинградский, создавался вновь, и это было еще одним добрым предзнаменованием. Управление фронта было приказано

сформировать на базе штаба 1-й гвардейской армии, а ее войска передать в состав 24-й армии. Так, в начале октября 1-я гвардейская армия прекратила свое существование подобно тому, как это произошло два месяца назад с 1-й танковой армией.

В действиях этих двух армий было много общего. Характерная для них особенность состояла в том, что они участвовали в Сталинградской битве в оборонительный период, а действия вели наступательные. Заслуга 1-й танковой армии в том, что этими действиями она вместе с 62-й и 4-й танковой армиями задержала на несколько недель наступление 6-й немецкой армии. 1-я же гвардейская армия совместно с другими войсками Сталинградского фронта отвлекла на себя значительную часть сил противника, без чего было бы невозможно удержать город. Таким образом обе армии внесли весомый вклад в оборону твердыни на Волге, в создание условий для перехода советских войск в контрнаступление, в разгром немецко-фашистской группировки под Сталинградом.

В особенности мне хочется отметить успешные действия танковых корпусов Е. Г. Пушкина, А. Г. Кравченко, П. А. Ротмистрова, Г. С. Родина, А. М. Хасина, стрелковых дивизий А. А. Онуфриева, С. С. Гурьева, А. И. Пастревича, Н. П. Иванова, М. Л. Песочина, В. Д. Хохлова, Л. Н. Гуртьева, Н. Е. Зубарева. Названные командиры, как и многие командиры бригад, полков, батальонов, дивизионов, рот, батарей и взводов, показали образцы руководства боевыми действиями, примеры личного героизма.

Важную роль в координации действий фронтов и армий, в организации частных наступательных операций, о которых шла речь, играли представители Ставки, в первую очередь заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский. Они часто бывали не только на командных и наблюдательных пунктах, но и в войсках, на передовых позициях, под минометным и ружейно-пулеметным огнем противника, помогали словом и делом.

* * *

После окончания наступательных действий войск 1-й гвардейской армии я получил неожиданное приказание выехать в Москву, в Ставку.

Не раз пришлось мне на Сталинградском фронте испытывать горечь расставанья с боевыми друзьями. Так было в июле, когда прощался с 38-й армией, в августе с 1-й танковой. Дважды обновлялся состав войск в 1-й гвардейской, и каждый раз прощание было нелегким. Как-то особенно сближаешься,

роднишься с людьми, с которыми делишь все превратности войны, как говориться, ешь из одного котелка. Но еще труднее оказалось прощанье со Сталинградом, вернее, с той пядью земли вблизи города, на которой довелось за него сражаться.

Уезжая, я думал о тех, кто в жестоких схватках с врагом в опаленных зноем задонских и приволжских степях сложил головы за свободу и независимость Родины. Нет, недаром пролилась их кровь, врагу так и не удалось осуществить свои замыслы, несмотря на непрерывное увеличение численности действовавших здесь войск противника. Если к 23 июля германское командование сосредоточило на сталинградском направлении 18 дивизий, то к 30 июля их было уже 23, к 15 августа - 39, а к 13 сентября - 47.

Но ведь и Красная Армия день ото дня становилась сильнее: прибывали направляемые Ставкой под Сталинград новые дивизии, да и ненависть к фашистским захватчикам удесятеряла силы. Войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, в том числе и 1-я гвардейская армия, поклялись отстоять город на Волге и свято выполняли свою клятву. Они сражались, не зная ни сна, ни отдыха, не щадя своей крови и самой жизни. И все очевиднее становилось, что вражеский стратегический план на 1942 г. сорван, а отборные, самые боеспособные дивизии противника перемалывались советскими войсками под Сталинградом.

В конечном счете это неизбежно должно было подготовить почву для изменения в пользу Советского Союза стратегической обстановки на юге страны, а значит и на всем советско-германском фронте. Предстояла еще упорная, жестокая борьба: враг продолжал наступать на позиции защитников Сталинграда. Но силы его явно слабели, и в этом уже заметно сказывались непрерывно нараставшее сопротивление и ответные удары Красной Армии...

Обо всем это неотступно думалось в часы, когда самолет уносил меня в Москву. Думалось, конечно, и о причине вызова в Ставку. Быть может, я как командующий 1-й гвардейской армией не сделал все, что мог, и вот теперь мне укажут на это? Или речь идет о новом назначении? И не означает ли это в любом случае, что сюда, в Сталинград, я больше не вернусь?

Глава XI. Сороковая будет наступать!

I

Самолет прибыл в Москву ночью. А утром в Архангельское, где мне отвели небольшую комнатку, позвонил А. М. Василевский.

- Приезжай ко мне,- сказал он. - Отсюда отправимся к Верховному Главнокомандующему.

Я был наготове, и потому немедленно выехал. Александр Михайлович тоже не заставил себя ждать, и вскоре мы уже были в приемной Верховного Главнокомандующего. Здесь начальник Генерального штаба предложил мне подождать, а сам ушел в кабинет И. В. Сталина.

В приемной было тихо. Время от времени приглушенно звонили телефоны. Бесшумно открывались и закрывались двери, пропуская все новых и новых посетителей. Приемная заполнилась людьми. Многие беседовали между собой в ожидании вызова, иные просматривали какие-то бумаги, видимо, продолжая готовиться к докладу.

Готовился и я. Правда, безо всяких бумаг. Просто мысленно перебирал события последних недель к северу от Сталинграда, полагая, что, быть может, нужно будет рассказать о них. В общем готовился, как говорят, на всякий случай: ведь я все еще не знал причины вызова.

Через несколько минут после ухода А. М. Василевского в приемной появился Г. К. Жуков. Увидев меня, он удивился. Ответил на приветствие, потом спросил:

- Зачем вызван? - И узнав, что мне это неизвестно, сказал:- Ладно, сейчас выясним.

После этого Георгий Константинович тоже ушел в кабинет И. В. Сталина. Минут через 15 он возвратился и сообщил:

- Вопрос о тебе, оказывается, решен. Верховный Главнокомандующий назначил тебя командующим 40-й армией Воронежского фронта. Армия осталась без командующего. Генерал М. М. Попов находится в Москве и получит новое назначение. Отправляйся немедленно. На аэродром уже подана команда.

Так оправдалось мое предчувствие. Признаюсь, я был изрядно разочарован. Ведь в Сталинградской битве мне довелось участвовать с первых ее дней. Теперь же предстояло ехать за сотни километров от города на Волге. Мелькнула утешительная мысль: возможно, 40-ю армию готовят к активным действиям? Но было бы неуместно задавать подобные вопросы...

В тот же день я вылетел под Воронеж, так и не разглядев как следует Москву осени 1942 г. и не встретившись с Верховным Главнокомандующим.

Запомнилось лишь одно: Москва была совсем не такой, какой я увидел ее в свой последний приезд перед войной - в мае 1941 г. Тогда она была, как всегда, радостной, смеющейся. Залитая весенним солнцем, она купалась в его лучах и сама словно

излучала счастливое сияние. Теперь это был город-воин, посуровевший в боях. Москва непреклонно ощетинилась стволами зенитных орудий, ее небо заполнил грозный гул патрульных истребителей.

В то же время она осталась городом-тружеником. Только еще гуще, энергичней дымили бесчисленные трубы заводов, переключившихся на изготовление оружия для фронта. И еще: отчетливее, чем когда-либо, ощущалось то главное, чем была тогда Москва для всех нас, советских людей,- боевым командным пунктом громадного фронта борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. И в Генеральном штабе, и в Ставке, где мне довелось побывать, да и во всей столице царила атмосфера твердости и уверенности в победе над врагом.

Было радостно сознавать, что сердце Родины работает размеренно и четко, наполняя живительной силой всю страну. И странно, за одни только сутки в Москве с меня, казалось, как рукой сняло свинцово-тяжелую усталость, копившуюся почти 500 дней и ночей, проведенных на фронте в непрерывных боях.

Почти 500 дней... Сначала приграничное сражение. Отступление и ожесточенные бои на северо-западных подступах к Киеву, на Днепре, в районе Чернигова, изнурительные бои в окружении. Потом наконец наши удары то на левом фланге войск в битве под Москвой, то в районе Харькова. И опять отход с тяжелыми, изнурительными боями - от Северного Донца к Осколу, оттуда в излучину Дона. А дальше контрудары 1-й танковой и 1-й гвардейской армий. Потом сентябрьское наступление в междуречье, к северу от Сталинграда. И все это непрерывной чередой, в веренице заполненных до краев дней и ночей.

После Сталинграда Воронежский фронт показался мне тихим, спокойным. И, увы, никаких активных действий в ближайшее время здесь не предвиделось. Зато вое определеннее вырисовывались перспективы готовившегося наступления в районе Сталинграда. Оно обещало стать грандиозным по масштабам.

Хочу оговориться: подготовка Сталинградской наступательной операции Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов велась настолько скрытно - и это явилось одной из предпосылок ее успеха,- что знал о ней только узкий круг людей, непосредственно участвовавший в ее организации. Да и они получали лишь устные распоряжения, так как Ставка запретила вести даже шифрованную переписку по вопросам, относившимся к предстоявшему наступлению.

В то время о планах и масштабах подготовляемых операций у

нас на Воронежском фронте не было никаких сведений. Однако я не мог не знать тогда о необычайно интенсивных перевозках в ближайшем тылу, особенно по железнодорожной ветке Таловая - Калач (Воронежской области). Начиная с октября сюда непрерывно перебрасывались большие массы войск и боевой техники. Они выгружались на конечной станции и следовали дальше, к Среднему Дону, на вновь созданный Юго-Западный фронт. Это были многочисленные стрелковые, танковые соединения и части усиления, несомненно предназначавшиеся для создания ударной группировки. Другим признаком являлось откомандирование из состава наших войск большого числа командного состава, имеющего опыт боевых действий, для доукомплектования дивизий, сформированных в глубоком тылу.

Что касается меня, то, будучи "сталинградцом", я особенно чутко воспринимал все, что так или иначе было связано с мероприятиями, направленными против сталинградской группировки противника. И о многом догадывался, не представляя, впрочем, масштабов подготовляемого наступления.

Так, мне было известно, что Юго-Западный фронт развернулся в прежних границах двух правофланговых армий Донского (бывшего Сталинградского) фронта 63-й и 21-й. Не зная, что помимо этих армий в его состав была передана 5-я танковая армия из резерва Ставки, я, однако, не сомневался, что вновь прибывавшие соединения сосредоточивались тоже где-то там, на участке от Верхнего Мамона до Клетской, и полагал, что создание мощной ударной группировки в этом районе означало подготовку к тому самому наступлению вдоль Дона в тыл 6-й немецкой армии, о котором говорили мы с Г. К. Жуковым в сентябре на моем наблюдательном пункте.

Действительность превзошла все ожидания. Грандиозные масштабы Сталинградской наступательной операции поразили весь мир.

Они не только привели к уничтожению 6-й немецкой армии, но и открыли возможности для последующих ударов советских войск, в том числе и на Воронежском фронте.

Но все это было еще впереди. Пока же Воронежский фронт оставался пассивным. Когда я приехал, им командовал генерал-лейтенант Н. ф. Ватутин, членом Военного совета был генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов, начальником штаба - генерал-майор М. И. Казаков. В состав фронта входили 38, 60, 40-я и 6-я армии. Им противостояли семь немецких дивизий - шесть пехотных и одна танковая, а также 2-я венгерская армия в составе восьми пехотных дивизий. Кроме того, в непосредственной близости от Воронежа, в полосе левого крыла Брянского фронта, противник имел еще

девять пехотных дивизий.

В течение июля, августа и сентября 1942 г. в районе Воронежа советские войска вели напряженные бои. Это были небольшие по масштабам частные наступательные операции. Успех они имели незначительный. Однако общий оперативный результат оказался весьма положительным: противник был вынужден полностью сохранять свою группировку в районе Воронежа и к северо-западу от него, лишился возможности перебрасывать войска отсюда под Сталинград и на Кавказ.

Одну из таких частных наступательных операций провела во второй половине сентября 40-я армия. За первые два дня боев она овладела южной частью Воронежа я пригородом Чижовка. Но продвинуться дальше не смогла и с трудом отразила контрудар противника, понеся немалые потери. Все это объяснялось тем, что четыре стрелковые дивизии, предназначавшиеся для развития наступления армии, были переброшены в район Сталинграда, а своих сил для создания необходимого превосходства у нее не хватило. В конце сентября армия получила задачу оборонять восточную часть Воронежа по левому берегу реки Воронеж до ее устья и далее восточный берег Дона до населенного пункта Духовское.

Здесь 18 октября я и принял ее от генерал-майора Ф. Ф. Жмаченко, который в связи с этим возвратился к исполнению своих прямых обязанностей заместителя командующего армией.

В 40-ю армию входили четыре стрелковые дивизии - 100, 159, 206, 141-я, одна танковая бригада (14-я), две истребительные бригады и ряд артиллерийских и минометных полков усиления. При таком составе армии ее оборона на 60-километровом фронте, естественно, была вытянута в одну линию, не имела глубины. Поэтому особую важность приобретали оборонительные работы на переднем крае. Указание фронта об их проведении было получено армией, в конце сентября. Но в то время, когда я вступил в командование армией, они еще не были закончены. Многие оборонительные сооружения и укрытия оказались недостроенными, рытье окопов и ходов сообщения не было доведено до конца.

Правда, работы эти начались не так уж давно, в конце сентября, и с тех пор прошло меньше месяца. Кроме того, велись они на широком фронте явно недостаточными силами. Так что сделанное можно было счесть немалым достижением. Пожалуй, так и оценивались бы они несколько месяцев назад, до Сталинградской битвы. Но теперь в нашу боевую жизнь вошло нечто такое, что я назвал бы сталинградской меркой, и она не позволяла довольствоваться привычными рамками, ибо то,

казалось бы, невозможное, что свершили героические защитники Сталинграда, не отдав город многократно превосходящим вражеским силам, становилось теперь для каждого советского воина единственным критерием, мерилом содеянного им. Сталинградской мерке еще предстояло сыграть огромную роль в будущих наступательных операциях Красной Армии на всем советско-германском фронте. В октябре же и первой половине ноября она стала определяющей в организации обороны.

II

Начали мы с того, что в каждой дивизии был разработан план и установлены сроки завершения оборонительных работ, устранения недостатков в оборудовании опорных пунктов и узлов обороны. Всем этим, а также организацией и совершенствованием системы огня, пристрелкой промежутков между опорными пунктами, минированием местности, активизацией обороны в целом теперь руководили лично командиры дивизий и бригад.

Результаты сказались очень скоро. Уже в начале ноября оборонительные работы в основном были закончены.

К тому времени в положении армии произошли некоторые перемены. По приказанию нового командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова (он сменил Н. Ф. Ватутина на этом посту 22 октября) участок фронта от северо-восточной окраины Воронежа до населенного пункта Кременчуг мы передали соседу справа - 60-й армии вместе с оборонявшими этот участок войсками -100, 159-й и 206-й стрелковыми дивизиями. Нам же слева была прирезана часть полосы 6-й армии, в том числе и так называемый Сторожевский плацдарм, который сыграл впоследствии очень важную роль при нанесении главного удара в Острогожско-Россошанской операции.

Сторожевский плацдарм находился на западном берегу Дона в 25 км севернее г. Коротояк и представлял собою территорию размером 13 км по фронту и 8 км в глубину. Здесь были расположены населенные пункты Титчиха, Селявное, восточная часть села Сторожевое 1-е и Урыво-Покровское. Их освободили при захвате плацдарма еще в конце июля 25-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П. М. Шафаренко и другие войска 6-й армии. С передачей нам Сторожевского и южнее - Урывского плацдармов в 40-ю армию вошли и оборонявшие его войска, в том числе и гвардейцы генерала Шафаренко, а также 107-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. М. Бежко.

Отмечу, что в полосе обороны 40-й армии имелись и другие плацдармы, например в районе Александровки, Архангельского, хутора Чернецкого. Но они были незначительны по площади и

давали нам лишь небольшое позиционное преимущество. Сторожевский же плацдарм, находясь в наших руках, представлял для противника оперативно-тактическую угрозу. Поэтому после многократных бесплодных попыток ликвидировать его вражеское командование вынуждено было держать здесь в обороне более двух пехотных дивизий.

Однако пока что перспектив на нанесение удара по противнику со Сторожевского плацдарма, как и в целом со стороны 40-й армии, не предвиделось. Наши силы были настолько невелики, что на каждую стрелковую рогу, за исключением, разумеется, частей, оборонявших Сторожевский плацдарм, приходился район в 2-3 км по фронту, при этом между ними имелись не занятые войсками участки шириной до полкилометра каждый.

Противник, осведомленный о существовании таких промежутков, пытался ими воспользоваться для дезорганизации нашей обороны. Сначала он то и дело пробовал засылать мелкие группы разведчиков в глубину нашей обороны. Потребовалась неослабная бдительность, чтобы воспрепятствовать этому. Решающую роль сыграло то, что промежутки между опорными пунктами мы прикрыли хорошо организованным пулеметным огнем. Благодаря этому несколько специально подготовленных разведывательных групп противника были полностью уничтожены. Получая такой отпор, враг нее реже и реже повторял свои попытки.

При организации обороны внимание командного состава было обращено и на подготовку снайперов. Дело это сложное, и для того чтобы достичь хороших результатов в его развитии, нужно им заниматься не от случая к случаю, а повседневно. Поддерживая и поощряя снайперов, мы добились значительного повышения их численности и мастерства.

Подготовка снайперов с практической стрельбой на переднем крае теперь велась в каждом полку. Командиры частей и подразделений разбили на секторы участок обороны противника, находившийся вблизи их переднего края, распределили эти секторы между снайперскими парами с таким расчетом, чтобы не оставалось ненаблюдаемых мест. Снайперы подготавливали себе три-четыре огневые позиции и, меняя их в зависимости от обстановки, уничтожали все живые цели в своем секторе. Наиболее опытным снайперам разрешалось самостоятельно выбирать сектор наблюдения и обстрела.

Действенность огня снайперов проверялась показаниями пленных, захваченных специально засылаемыми во вражеский тыл разведывательными группами.

Принятые меры привели к тому, что снайперское движение в армии стало массовым. Во второй половине октября в полосе обороны армии действовало 202 снайпера, в ноябре - 288, а в декабре - 387. Без преувеличения можно сказать, что они нанесли противнику тяжелые потери. Менее чем за три месяца ими было уничтожено свыше пяти с половиной тысяч вражеских солдат и офицеров.

Изменение боевых порядков частей и подразделений в соответствии с приказом наркома обороны, оборудование переднего края и глубины обороны в инженерном отношении, улучшение системы огня, массовость в снайперском движении и другие мероприятия способствовали укреплению обороны. Все это дало о себе знать уже в первой половине ноября, когда армия по распоряжению фронта выполняла план дезинформации противника.

Надо было имитировать строительство переправ через р. Воронеж, перегруппировку войск, сосредоточение пехоты и артиллерии, а также танкового корпуса на правом фланге армии. Все это, понятно, должно было убедить вражеское командование в подготовке наступления на нашем участке фронта. Мне же стало ясно:

наступление скоро начнется где-то неподалеку от нас. Но где?

Ответ на этот вопрос, как уже отмечалось, был дан начавшимся 19 ноября наступлением крупных сил Юго-Западного и Донского фронтов с целью окружения и уничтожения сталинградской группировки противника. А на следующий день успешно громили врага уже войска не двух, а трех фронтов - Юго-Западного, Донского и Сталинградского.

Трудно передать чувства, которые овладели мной при известии об этом. В них слились радость и гордость за великую Родину, за нашу могучую Красную Армию. И - что греха таить! - в то же время было как-то не по себе от сознания, что меня нет среди тех, кто громит врага под Сталинградом.

Вероятно, я просто завидовал им. Ведь с 6-й немецкой армией, которой фашистское командование отвело роль "острия немецкого клина", предназначив ее для "решающей операции всей войны", мне пришлось иметь дело буквально с первых боев на границе. Начиная с Харькова и кончая Сталинградом против нее геройски сражались в числе других и войска 38-й, 1-й танковой и 1-й гвардейской армий, которыми мне довелось командовать.

Тогда 6-я армия врага обладала громадным превосходством сил. Его в немалой степени поубавили наши контрудары, в особенности на Дону и в междуречье. Большой урон противнику в

оборонительных боях нанесли 62-я и 64-я армии. Все же в течение всего оборонительного периода Сталинградской битвы превосходство как в численном составе войск, так и в их техническом оснащении оставалось на стороне врага, непрерывно получавшего крупные пополнения. Поэтому для того чтобы нанести сталинградской группировке гитлеровцев решающее поражение, нужно было прежде всего изменить соотношение сил в свою пользу.

И вот свершилось! Противник, так и не сломив сопротивления защитников Сталинграда, израсходовал все оперативные резервы и исчерпал свои наступательные возможности. Именно в это время и вступили в действие крупные стратегические резервы советского командования.

Настал и на нашей улице праздник!...

Первую весть о начале наступления советских войск передали мне, как, вероятно, и другим командармам, из штаба фронта уже вечером 19 ноября. Таким путем информация поступала в дальнейшем ежедневно, дополняя некоторыми подробностями краткие сообщения Совинформбюро, передававшиеся по радио.

В курсе событий были также члены Военного совета армии дивизионный комиссар К. В. Крайнюков, прибывший к нам 18 ноября, и бригадный комиссар И. С. Грушецкий. После очередного сообщения Совинформбюро оба приходили ко мне поделиться общей радостью, а кроме того, у них всегда была наготове куча вопросов. Ведь я был "сталинградцом" и мог многое рассказать о тех участках фронта, на которых развертывалась грандиозная наступательная операция.

Мы подходили к карте, и передо мной оживали знакомые места.

Калач-на-Дону... Отсюда в конце июля нанесла контрудар 1-я танковая армия. В августе здесь оборонялась 62-я армия. Оттеснив ее, противник овладел г. Калачом, и именно тогда угроза нависла непосредственно над Сталинградом. Почти месяц понадобился превосходящим вражеским силам, чтобы ценою огромных потерь преодолеть несколько десятков километров от р. Чир до г. Калача.

А теперь, в ноябре, войскам Юго-Западного фронта хватило четырех суток, чтобы освободить этот город. Ударом из района Верхие-Фомихинского (южнее г. Серафимович) они прорвали оборону врага, разгромили его противостоящие части и стремительным броском овладели г. Калач. Сделала это ударная группировка Юго-Западного фронта. Она форсировала Дон в районе Березовский, овладела на левом берегу Назмищенским и Камышами и установила 23 ноября связь с соединениями

Сталинградского фронта, успешно наступавшими с юго-востока. Вражеская группировка, насчитывавшая, как потом выяснилось, 22 дивизии и 160 отдельных частей, была отрезана от остальной части группы армий "Б".

Операция трех фронтов поражала не только невиданными масштабами, но и исключительным по широте и смелости замыслом. Сталинградская группировка противника, как известно, представляла собой нечто вроде треугольника, уткнувшегося своим острием в Сталинград. Теперь этот треугольник был подожжен и пылал со всех сторон и на всю оперативную глубину вражеской обороны. Это означало, что сражение развернулось на огромной территории, охватывающей значительную часть большой излучины Дона и междуречья Дона и Волги.

Главное же заключалось в том, что сталинградская группировка противника теперь была окружена. Ее ликвидация становилась вопросом времени.

Придя к такому выводу, мы не могли не обратить внимания на то, что события в районе Сталинграда существенно меняют задачи и нашего, Воронежского фронта. Он уже не мог оставаться пассивным. Правда, я знал, что началась подготовка наступательной операции на его левом фланге, в полосе 6-й армии, однако считал, что этого недостаточно. Необходимо было вслед за ней нанести удар и силами 40-й армии.

III

По моим предположениям, войска Юго-Западного и левого фланга Воронежского фронта должны были в самое ближайшее время продвинуться вперед и выйти в глубь большой излучины Дона. Отсюда следовало, что они окажутся еще дальше от железных дорог, чем теперь, и при наступлении в сторону Донбасса возникнут серьезные трудности в материальном снабжении войск. Для предотвращения таких перебоев целесообразно иметь в своих руках рокадную железную дорогу Воронеж Ростов. А так как ее участок от ст. Свобода и южнее находился у противника, то нужно было освободить его ударом на Острогожск, Россошь, Кантемировку, т. е. навстречу наступавшим войскам Юго-Западного фронта. Это могла сделать только 40-я армия.

Когда у меня созрел план операции, я поделился своими соображениями с членами Военного совета и сказал:

- Ясно, что 40 и армии следует наступать в юго-западном и южном направлениях для очищения от врага участка этой железной дороги от ст. Свобода до ст. Миллерово.

Крайнюков и Грушецкий были того же мнения.

- Вот ты и доложи Верховному Главнокомандующему,- убеждали меня они.Позвони по ВЧ и попроси активную операцию для нашей армии...

Я задумался. В самом деле, почему бы и не позвонить, ведь ясно, что такая наступательная операция в скором времени станет необходимой, так не лучше ли заранее подготовиться к ней. Командующий войсками Воронежского фронта генерал-лейтенант Ф. И. Голиков находился в то время на левом фланге в полосе 6-й армии, которая готовилась к наступлению на Среднем Дону совместно с войсками Юго-Западного фронта.

Обдумав все, я подошел к аппарату ВЧ и попросил соединить с Верховным Главнокомандующим. Вместе со мной подошли Крайнюков и Грушецкий. Я ожидал, что сначала ответит кто-нибудь из его приемной. Придется доказывать необходимость этого разговора, а тем временем можно будет окончательно собраться с мыслями для доклада. Но в трубке вдруг послышалось:

- У аппарата Васильев.

Мне было известно, что "Васильев" - это псевдоним Верховного Главнокомандующего. Кроме того, разговаривать со Сталиным по телефону мне уже приходилось, да и узнать его спокойный глуховатый голос с характерными интонациями было не трудно. Волнуясь, я назвал себя, поздоровался. Сталин ответил на приветствие, сказал:

- Слушаю вас, товарищ Москаленко.

Крайнюков и Грушецкий, тоже взволнованные, быстро положили передо мной оперативную карту обстановки на Воронежском фронте. Она была мне хорошо знакома, и я тут же кратко изложил необходимость активных действий 40-й армии с целью разгрома вражеской группировки и освобождения участка железной дороги, так необходимого для снабжения войск при наступлении Воронежского и Юго-Западного фронтов на Харьков и Донбасс.

Сталин слушал, не перебивая, не задавая вопросов. Потом произнес:

- Ваше предложение понял. Ответа ждите через два часа.

И, не прощаясь, положил трубку.

В ожидании ответа мы втроем еще раз тщательно обсудили обстановку и окончательно пришли к выводу, что предложение об активизации в ближайшем будущем действий 40-й армии является вполне обоснованным. Это подтверждалось уже тем вниманием, с каким отнесся к нему Верховный Главнокомандующий. Однако, какое он примет решение,- этого мы, естественно, не знали. Одно было ясно: сейчас, в эти минуты,

предложение всесторонне взвешивается в Ставке, и нужно терпеливо ждать ответа.

Ровно через два часа - звонок из Москвы. Бору трубку;

- У аппарата Москаленко. Слышу тот же голос:

- Говорит Васильев. Вашу инициативу одобряю и поддерживаю. Проведение операции разрешается. Для осуществления операции Ставка усиливает 40-ю армию тремя стрелковыми дивизиями, двумя стрелковыми бригадами, одной артиллерийской дивизией, одной зенитной артиллерийской дивизией, тремя танковыми бригадами, двумя-тремя гвардейскими минометными полками, а позднее получите танковый корпус. Достаточно вам этих сил для успешного проведения операции?

- Выделяемых сил хватит, товарищ Верховный Главнокомандующий,- отвечаю я.Благодарю за усиление армии столь значительным количеством войск. Ваше доверие оправдаем.

- Желаю успеха,- говорит на прощанье Сталин. Кладу трубку и, повернувшись к Крайнюкову и Грушецкому, определяю по их радостно возбужденному виду, что они поняли главное: предложение одобрено Ставкой. Подтверждаю это и сообщаю им все, что услышал от Верховного Главнокомандующего. Добавляю:

- Скоро и 40-я армия от обороны четырьмя ослабленными стрелковыми дивизиями и одной стрелковой бригадой перейдет к активным действиям в усиленном составе.

Новость производит на всех нас большое впечатление. Крайнюков и Грушецкий встречают ее восторженно. И мне становится еще радостнее от мысли, что этот необычайный день так тесно сблизил нас троих.

Ивана Самойловича Грушецкого я знал уже больше месяца, с того дня, когда вступил в командование 40-й армией. С ним я побывал в полосах обороны всех дивизий, так что уже успел высоко оценить и личные качества второго члена Военного совета армии, и его неутомимую деятельность. Теперь ко всему этому мне довелось убедиться, что и он стремился к активным действиям войск нашей армии.

Еще приятнее было видеть, что к активным действиям стремился и первый член Военного совета, Константин Васильевич Крайнюков. Возможно, что это вызывало во мне особое чувство удовлетворения по той причине, что тогда я еще мало знал этого прекрасного человека, настоящего боевого комиссара. Он, как и я, прошел суровый путь тяжелых боев лета и осени 1942 г. Сюда, в 40-ю армию, К. В. Крайнюков прибыл из 9-й, подвергшейся тяжелым испытаниям во время немецко-фашистского наступления на юге.

Отойдя с боями от Изюма на Северном Донце до Моздока, Малгобека и Орджоникидзе на Тереке, она обороняла важнейшее направление на Кавказе. В яростных, кровопролитных схватках армия сдержала натиск захватчиков, стремившихся овладеть нефтяными источниками Грозного и Баку. Вер ухищрения врага разбились о непреодолимую оборону 9-й армии. После всего этого нелегко было Крайнюкову - и в этом также у нас с ним было много общего - привыкать к пассивному участку 40-й армии.

Так военная судьба свела на этом участке трех человек, во многом похожих друг на друга. И я имел все основания радоваться тому, что нам привелось вместе руководить армией, готовить ее к наступательной операции, которую предстояло начать, казалось, в самое ближайшее время.

На деле же это произошло далеко не так скоро. Два важных обстоятельства повлияли на определение сроков проведения наступательной операции, получившей позднее название Острогожско-Россошанской.

Первое из них состояло в том, что эта операция, замысел которой значительно разросся по сравнению с первоначальным моим предложением, вошла в план зимней кампании советских войск в качестве его существенной составной части. А так как этот план осуществлялся в строгой последовательности, то и Острогожско-Россошанской операции было отведено совершенно определенное место и время. Кстати, уже в этом сказалось влияние решительного изменения стратегической обстановки в районе Сталинграда. Вскоре оно привело к коренному перелому в ходе всей войны, к переходу инициативы в руки Советского Союза, к тому, что борьба на советско-германском фронте теперь стала вестись целиком по планам командования Красной Армии.

Второе обстоятельство тоже являлось знамением времени. Вспомним наши прежние наступательные операции, предшествовавшие Сталинградской. Большинство из них осуществлялось в спешном порядке и без всесторонней подготовки. Да и как могло быть иначе в то время, когда противник обладал превосходством в силах и средствах. Он бешено рвался вперед, и нам приходилось наносить ему контрудары, имевшие целью хотя бы сдержать его натиск. В тех же случаях, когда у нас было достаточно времени для подготовки наступления, часто не хватало сил или опыта, а то и того, и другого.

Сталинградская наступательная операция знаменовала собой перелом и в этом отношении. Удары советских войск теперь, во-первых, заранее подготовлялись и, во-вторых, имели решительные цели. Такой была и сама Сталинградская

наступательная операция, и последовавшие за ней мощные удары войск Воронежского и Юго-Западного фронтов сначала на Среднем Дону, а затем и в районе Острогожска и Россоши.

Но не будем забегать вперед. Изложенные выше переговоры по ВЧ с Верховным Главнокомандующим происходили 23 ноября. А несколько дней спустя по его поручению на командный пункт 40-й армии прибыл генерал армии Г. К. Жуков. Для меня это было подтверждением того, что Ставка не только заинтересовалась возможностями проведения наступательной операции на нашем участке фронта, но и придавала ей важное значение.

К моему удивлению, Георгий Константинович был настроен несколько скептически. Не возражая против самой идеи проектируемого наступления, он, однако, считал, что при его осуществлении встретятся чрезвычайно большие трудности.

- Далась тебе эта наступательная операция,- говорил он, хмуро глядя на карту, разложенную перед ним.- Не знаешь разве, что перед тобой крупные силы противника, глубоко эшелонированная оборона с развитой системой инженерных сооружений и заграждений?

-Трудности, конечно, встретятся немалые,-отвечал я,-но все же вражескую оборону прорвем, противника разобьем.

Моя уверенность основывалась прежде всего на том, что, как я полагал, для проведения наступательной операции будут выделены необходимые силы. Но имелись и другие немаловажные факторы. Мы досконально изучили вражескую оборону на всю глубину ее главной полосы и, следовательно, были в состоянии подавить огневые точки первой линии уже в период артподготовки. Кроме того, в случае успеха наступления, подготовляемого в полосе левого соседа - советской 6-й армии, должно было резко ухудшиться и положение противостоявших нам войск. Наконец, большую часть последних составляла 2-я венгерская армия, а в ее рядах было много солдат и офицеров, не желавших воевать за интересы гитлеровской Германии, и это в известной мере облегчало решение задачи.

Здесь нужно напомнить, что к тому времени Венгрия, втянутая своими фашистскими правителями в войну на стороне гитлеровской Германии, уже понесла тяжелые потери на советско-германском фронте. Работая над настоящей книгой, я узнал из архивных документов, что только в период с октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. были почти полностью уничтожены 102, 108-я и 109-я венгерские пехотные дивизии, а четыре другие - 6, 7, 9-я и 20-я потеряли около половины личного состава{145}.

В сентябре хортистские войска, противостоявшие 40-й армии, получили крупное пополнение. Но, несмотря на затишье,

продолжавшееся здесь всю осень и часть зимы, они продолжали нести большие потери, в особенности от наших снайперов. Это усиливало деморализацию венгерских солдат, их гнетущее настроение. В дневнике, найденном на Сторожевском плацдарме у одного из убитых в бою венгерских солдат, были такие записи: "Не дождемся улучшения положения. Хорошо бьют русские снайперы. Стоит только показаться, как они тебя продырявят. Обычно смертельно... Подсчитываем потери роты: 20 убитых, 94 раненых... Вижу нашу судьбу: мало шансов на возвращение домой. Поскорее бы окончилась война, иначе мы псе погибнем. Половина уже погибла..."{146}.

Венгерские солдаты начинали искать выхода из того гибельного положения, в котором они оказались по вине гитлеровцев и их хортистских подручных. "Каждый наш венгерский солдат,- рассказывал сдавшийся в плен командир,- ненавидит проклятых немецких фашистов. Никто не хочет воевать. На войну нас гонят... Позади нас стоят немецкие войска, которые расстреливают каждого, кто осмелится отступить"{147}.

Действительно, как мы знали, противостоявшие нам войска располагались так: в первом эшелоне - венгерские, во втором - немецкие, причем последние находились там не столько для совместных действий и оказания помощи союзнику, сколько для устрашения венгерских солдат, не желавших воевать против Советского Союза.

Но и это не помогало. Дезертирство в венгерской армии принимало все большие размеры. Нередки были случаи, когда в плен сдавались отдельные группы солдат и даже целые подразделения. И делали они это не столько из страха храбрость венгерских солдат известна! - сколько потому, что не видели причин продолжать войну. "Зачем нам стрелять в русских? Они нам ничего не сделали",так заявил ефрейтор одного из отделений, придя в расположение наших войск во главе своих солдат, единодушно решивших сдаться в плен{148}.

...Вероятно, мне не удалось рассеять сомнения генерала армии Г. К. Жукова. Выслушав, он поднялся.

- Поедем в войска, на передний край. А там посмотрим...

Георгий Константинович Жуков, видный советский военачальник, в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. одним из первых среди военных руководителей в Советской стране применил на практике наиболее действенные методы подготовки, организации и ведения боевых действий. Одним из принципов, которых он, а также А. М. Василевский неизменно придерживались перед постановкой задачи на наступление, было личное ознакомление с обороной противника.

Этим я вовсе не хочу сказать, что так поступали только генералы Жуков и Василевский. Все дело в том, что такой подход к делу со стороны многих других генералов не выходил за рамки армии или даже дивизии, которыми они командовали, между тем как Г. К. Жуков и А. М. Василевский в качестве представителей Ставки обычно координировали и направляли действия нескольких фронтов. Поэтому и командующие этими фронтами, а также входившими в их состав армиями, командиры корпусов, дивизий и т. д. сначала ползали по переднему краю вместе с представителями Ставки, а затем, обнаружив все преимущества такой системы изучения обороны противника, сделали ее неотъемлемой составной частью своей деятельности по руководству войсками.

И, как правило, она давала хорошие результаты. Впрочем, могут сказать, что доказывать, насколько важно для командира лично знать сильные и слабые стороны обороны противника - значит ломиться в открытую дверь. Возможно. Однако понимать - это одно дело, а действовать соответственно - другое. К сожалению, не всегда все это сочеталось. И не только потому, что на переднем крае было небезопасно. Часто сведения, доставляемые разведкой, пленными, считались достаточными, а посему командиру и в голову не приходило самому присмотреться к вражеской обороне.

Вот почему пример старшего начальника играл в этом такую важную роль. Что же касается примера представителей Ставки, то его значение было особенно велико в силу того, что этот метод руководства боевыми действиями войск быстро распространился во всех звеньях действующей армии.

Итак, Георгий Константинович и на этот раз был верен себе: вы, мол, изучили, ну, что ж, очень хорошо, а теперь и я посмотрю. Начали мы со Сторожевского плацдарма, откуда, по моему предположению, следовало нанести главный удар. Здесь к нам присоединился генерал-майор П. М. Шафаренко, командир занимавшей часть плацдарма 25-й гвардейской стрелковой дивизии. По ходу сообщения вышли на передний край.

Было тихо. Лишь изредка застрочит пулемет или прогремит артиллерийский выстрел...

Прошли по траншеям по всему переднему краю на плацдарме. Отсюда до укреплений противника было 150-200 м. Кое-где мы подползали и поближе. Лежа за бугорком или кустиком в 80- 100 м от неприятеля, присматривались к заграждениям, изучали подходы к переднему краю и систему огня.

Пояснения давал генерал Шафаренко, хорошо знавший не

только секторы обстрела огневых точек, но и пункты отдыха личного состава, места ночных и круглосуточных постов, расположение складов противника. На обратном пути Г. К. Жуков обстоятельно беседовал с солдатами и офицерами. Расспрашивал о мельчайших подробностях в поведении неприятельских войск режиме огня, времени приема пищи, смены часовых...

Такое же обследование произвел Георгий Константинович и несколько левее в полосе соседней 107-й стрелковой дивизии полковника П. М. Бежко. Затем переправились обратно на левый берег Дона и побывали в правофланговой 141-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник П. И. Шпилев.

Противостоявшие нам войска вышли на западный берег Дона в начале июля и с тех пор, в течение более пяти месяцев, создавали и совершенствовали оборону. Ее передний край проходил по правому берегу Дона, который почти на сотню метров возвышается над левым. Это позволяло противнику просматривать расположение наших войск на большую глубину и создать систему фланкирующего огня вдоль русла реки и на скатах крутого берега.

На переднем крае вражеское командование сосредоточило основную массу автоматического оружия. Для пулеметов была построена система дзотов, соединенных между собой траншеями со стрелковыми ячейками. От траншей в глубину обороны ответвлялись ходы сообщения. Интервалы между дзотами, как и расстояние от них до находившихся позади блиндажей пулеметных расчетов, не превышали 75-100 м. Все это дополнялось устроенными перед передним краем проволочными заграждениями в три ряда, а на отдельных участках - спиралями Бруно и ежами.

Все это мы смогли показать Г. К. Жукову в течение дня. Когда же стемнело, он увидел, как к проволочным заграждениям были выставлены группы охранения из 5-6 человек с ручным или станковым пулеметом. Между ними передвигались патрули в составе 2-4 человек. И те, и другие были довольно хорошо видны, так как вражеские наблюдатели, снабженные сигнальными пистолетами и ракетами, каждые 1-2 минуты освещали подступы к своему переднему краю.

Замечу, что. хотя построенные здесь укрепления могли быть легко разрушены нашей артиллерией - и это вскоре полностью подтвердилось,- вражеское командование считало их несокрушимыми. В соответствии с этим оно самонадеянно сосредоточило основную массу огневых средств в первой траншее.

Генерала Жукова интересовала также вторая линия обороны

противника. По данным нашей разведки, она представляла собой систему опорных пунктов, расположенных на высотах, в населенных пунктах и отдельных рощах. В каждом из них, в зависимости от его размера и тактической значимости, имелся гарнизон в составе взвода, роты или батальона. Местность в глубине обороны врага была пересечена оврагами, руслами малых рек и перелесками. Эти естественные препятствия были использованы для укрепления обороны.

Наиболее прочные опорные пункты были оборудованы в селениях Сторожевое 1-е и Урыво-Покровское, а также в так называемой Ореховой роще. На них, в особенности на последний, я и обратил внимание Георгия Константиновича.

Ореховая роща была расположена на высоте 185 недалеко от вражеского переднего края. Созданный там опорный пункт был узловым, и его захват подорвал бы всю оборону противостоявших нам на Сторожевском плацдарме войск. Существенным являлось и то обстоятельство, что в Ореховой роще и в Урыво-Покровском оборонялись части одного армейского корпуса, а в соседнем Сторожевом 1-м - другого. Именно Ореховая роща, таким образом, находилась на стыке двух корпусов, что до некоторой степени облегчало прорыв их обороны.

Понаблюдав за высотой 185, генерал армии Г. К. Жуков согласился, что расположенный на ней опорный пункт является ключевой позицией.

- Да, конечно, им надо овладеть в первую очередь,- заметил он, выслушав наши предложения,- иначе возрастут трудности прорыва обороны в целом.

В штаб армии мы вернулись поздно ночью. Здесь уже собрались вызванные к этому времени командиры дивизий, начальники родов войск и служб. Представитель Ставки прежде всего выслушал доклад начальника разведки армии полковника С. И. Черных о состоянии обороны противника, его намерениях и силах. Данные разведки существенно дополнили впечатление, сложившееся у Георгия Константиновича после поездки в войска.

Вслед за этим генерал армии Г. К. Жуков предложил командирам дивизий изложить свое мнение о намечаемой наступательной операции. Все они решительно высказались за ее проведение.

Тут же разгорелся спор между генералом Шафаренко и полковником Бежко. Каждый из них считал, что именно в полосе его дивизии целесообразно нанести главный удар. П. М. Бежко был особенно настойчив. Он заявлял, что ему легче прорвать вражескую оборону, так как от него до противника ближе, чем в полосе 25-й гвардейской стрелковой дивизии, местность удобнее,

вражеские укрепления слабее. Шафаренко, напротив, отстаивал преимущества своего участка.

Полемика между двумя командирами дивизий приняла довольно бурный характер. При всем том она лучше всего показывала, что каждый из них не только хорошо знал условия, в которых предстояло действовать его соединению, но и оспаривал право взять на себя наибольшую тяжесть в выполнении задач будущего наступления.

Жуков терпеливо и внимательно слушал. Он явно был настроен теперь совсем не так, как в момент своего приезда. Видимо, огромный опыт помог ему на месте правильно оценить обстановку и отказаться от скептического отношения к идее наступательной операции в полосе 40-й армии. Заинтересовавшись спором двух командиров дивизий, он как бы мысленно взвешивал доводы каждого из них.

Кто же из них был прав? Лично я все больше склонялся к тому, чтобы главный удар нанести силами обеих дивизий. Георгий Константинович пришел к такому же заключению. Обратившись ко мне за некоторыми уточнениями по этому вопросу, он в конце совещания объявил, что направление главного удара будет немного смещено влево и захватит часть полосы 107-й стрелковой дивизии.

-Так что готовьтесь,-сказал Георгий Константинович обрадованным командирам дивизий,- предусмотрите все до мелочей. Времени на подготовку будет у вас достаточно. - И обращаясь ко всем присутствующим в заключение заявил: - Обо всем увиденном и услышанном во время пребывания в 40-й армии доложу Верховному Главнокомандующему. Предложение о проведении наступительной операции поддержу. Желаю вам успеха в предстоящих боях, товарищи!

IV

Проводив представителя Ставки в штаб фронта, откуда он намеревался вылететь в Москву, мы с жаром принялись за подготовку к наступлению. Впрочем, о спешке не могло быть и речи, так как из разговора с Г. К. Жуковым перед его отъездом я понял, что в нашем распоряжении будет не меньше месяца. Этот срок диктовался как в целом обстановкой на южном крыле советско-германского фронта, так и предстоящими мероприятиями по усилению 40-й армии.

Уже 23 ноября 1942 г. советские войска под Сталинградом завершили окружение основной группировки противника. 22 вражеские дивизии с многочисленными приданными частями были зажаты в кольце на простреливаемой во всех направлениях местности. Немецко-фашистская армия окапалась на пороге

катастрофы. Стремясь предотвратить ее п в то же время удержать в своих руках район Сталинграда, гитлеровское командование пыталось извне прорвать кольцо окружения. С этой целью оно создавало од повременно дне крупные ударные группировки. Одну в районе Котельниково, другую - Тормосина. Котельниковская группировка перешла в наступление 12 декабря и была разгромлена войсками Юго-Восточного фронта в конце месяца. Сосредоточение тормосинской группировки задерживалось и разгромить ее было приказано войскам Юго-Западного фронта. Верховное Главнокомандование поставило им задачу: "боковско-морозовскую группу противника взять в клещи, пройтись по ее тылам и ликвидировать одновременным ударом" 5-й танковой и 3-й гвардейской армий с востока, а также 1-й гвардейской,- с северо-запада{149}.

Таким образом, войскам Юго-Западного фронта предстояло наступать на юго-восток, а не на юго-запад, как намечалось ранее. Разгром деблокирующих группировок противника отсрочил осуществление плана наступления 40-й армии. Его можно было начать только после очищения от врага большой излучины Дона и поэтому после отъезда Г. К. Жукова долго еще не было и речи о сроке ее начала. Его указала Ставка в своей директиве от 21 декабря, назначив наступление на 12 января 1943 г.

Однако, поскольку наступление 40-й армии было делом решенным, мы еще в самом начале декабря начали подготовку к нему. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось больше месяца. Правда, первые две-три недели состав армии оставался прежним, но и имевшимися тогда силами удалось сделать немало.

Должен еще раз подчеркнуть, что подготовка к наступлению проходила в новых условиях, сложившихся к концу 1942 г. и знаменовавших начало коренного перелома в ходе войны. Поворот этот был подготовлен не только наступлением советских войск в районе Сталинграда и окружением действовавшей там вражеской группировки, ибо и эти грандиозные по своему значению события сами являлись следствием и отражением происходивших в то время глубоких изменений в соотношении сил сторон на советско-германском фронте.

Любознательный читатель найдет немало книг, специально посвященных анализу этих изменений. Здесь же нужно лить напомнить, что наша социалистическая Родина оказалась в состоянии в ходе боевых действий не только восполнять понесенные потери, но и непрерывно, в более широких масштабах, чем гитлеровская Германия, количественно и качественно наращивать свои Вооруженные Силы. В то же время

война обогатила нас новым опытом, способствовала дальнейшему развитию советского военного искусства. Этот необратимый процесс вел к окончательной утрате противником таких временных преимуществ, использованных им в первый период войны, как превосходство в силах и технических средствах борьбы, а также опыт ведения боевых действий с массированным примененном современной военной техники.

Общие коренные перемены обусловили в декабре 1942 г. и начале января 1943 г. также характер подготовки 40-й армии к наступлению. Он весьма поучителен, особенно в сравнении с предшествующими наступательными операциями, в которых мне довелось участвовать. Оставляя историку почетную обязанность подробно осветить этот вопрос, коснусь лишь нескольких сторон нашей подготовки. Так, мы хорошо изучили противостоящие войска и были далеки от той недооценки их сил, которая столь пагубно отразилась на действиях войск Юго-Западного фронта под Харьковом в мае 1942 г. Далее, в отличие от условий, в которых действовали, например, 1-я танковая и 1-я гвардейская армии под Сталинградом в июле сентябре, мы имели достаточно времени на подготовку операций.

Наконец, сама подготовка велась нами на совершенно иной основе, которая определялась возросшим боевым опытом Красной Армии, новыми крупными достижениями советского военного искусства. В то время, в конце 1942 г., они нашли отражение в ряде указаний Ставки Верховного Главнокомандования, которыми в соответствии с накопленным опытом были определены принципы организации и ведения наступательного боя.

Мне было хорошо известно, какой дорогой ценой достался нам этот опыт. Задача совершенствования наступательного боя советских войск встала перед нами в самом начале войны. Уже тогда на практике выявились недостатки в управлении войсками, ошибочность равномерного распределения сил по фронту, слабое артиллерийское и авиационное обеспечение наступления. Многое изменилось уже в период контрнаступления под Москвой. Уменьшились полосы наступления, увеличились тактические плотности. Основные усилия теперь были сосредоточены на направлениях главного удара. Это содействовало достижению определенных успехов. Однако мы все еще не могли обеспечить нанесение мощного первоначального удара и осуществление решительных целей наступления.

Когда в октябре, уже на Воронежском фронте, я ознакомился с упомянутыми указаниями Ставки, перед глазами словно ожила картина недавних наступательных боев 1-й танковой и 1-й

гвардейской армий. Они сыграли значительную роль в оборонительный период Сталинградской битвы. Но в то же время их действия окончательно подтвердили необходимость дальнейших перемен в построении боевых порядков в наступательных операциях наших войск.

Вспомнилось наступление 1-й гвардейской армии 18 сентября,

В ее составе было восемь стрелковых дивизий. Правда, большинство из них имело неполный состав. Но сейчас речь не о том. В первом эшелоне у нас было пять дивизий, во втором - три, Однако боевые порядки и тех и других в свою очередь густо эшелонировались в глубину. Каждая дивизия имела два полка в первом эшелоне и один - во втором. Это построение повторялось в каждом стрелковом полку и далее - в батальоне, роте, взводе. В результате дивизия в целом из 27 рот имела в первой линии всего лишь восемь, т. е. около трети. Остальные ее стрелковые части и подразделения эшелонировались в глубину примерно до 2 км, покрывая поле сплошными боевыми порядками. Таким образом, в первоначальном ударе дивизии большая часть огневых средств стрелковых подразделений участия не принимала.

Это было бы оправдано в том случае, если бы наступающие советские войска обладали тогда большей огневой мощью и подвижностью. Но ведь в то время у нас не хватало артиллерии, танков, авиации. В результате при показанном выше боевом порядке частей и соединений Красной Армии атаки часто захлебывались, так как мы не использовали даже той огневой мощи (всего стрелкового оружия), какой располагали. Кроме того, многочисленные подразделения вторых эшелонов при таких условиях еще до вступления в бой несли большие и, главное, неоправданные потери от огня артиллерии, минометов и самолетов противника.

Такое построение боевых порядков, сохранившееся у нас еще с довоенных времен, и было отменено приказом наркома обороны в октябре 1942 г. С целью максимального и одновременного участия пехоты и ее огневых средств в бою стрелковая рота, батальон, полк, дивизии должны были строиться в один эшелон и иметь в резерве соответственно отделение, взвод, роту, батальон. Атакующим стрелковым отделениям и взводам надлежало развертываться в цепь, которая в дальнейшем стала основой построения боевых порядков стрелковых подразделений.

Важным нововведением было и определение места командира взвода и роты. Он должен был находиться за боевым порядком своего подразделения. Это позволило ему лучше видеть ход боя и руководить им.

Огромное влияние на организацию и ведение наступательных действий советских войск оказал приказ наркома обороны относительно боевого использования танковых и механизированных частей и соединений, разработанный на основе опыта проведенных ранее операций. Основные требования приказа сводились к следующему. Отдельные танковые бригады и полки в наступлении предназначались для усиления пехоты. Их боевые машины действовали как танки непосредственной поддержки пехоты (НПП). Отдельные механизированные бригады являлись средством армейского командования. Они должны были использоваться им как подвижный резерв. Танковым и механизированным корпусам надлежало действовать в полном составе на главном направлении фронта и армии в качестве эшелонов развития успеха. Приказ подробно касался вопросов организации и проведения танковых атак, использования танковых и механизированных соединений в различных условиях обстановки, их взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией.

Значение всех этих изменений, содержавших основы советской теории боевого применения всех родов войск и их взаимодействия в современной войне, было исключительно велико. Они в огромной мере обусловили в дальнейшем крупные успехи Советских Вооруженных Сил в тяжелой борьбе с сильным и опытным противником.

Под знаком этих важных нововведений проходила вся подготовка 40-й армии к наступлению. Приказы были прежде всего тщательно изучены командирами, вплоть до отделенных.

Благодаря этому обучение личного состава велось в строгом соответствии с новыми положениями, вошедшими вскоре в наши боевые уставы. Позднее, уже в ходе наступления, полностью подтвердился высокий уровень боевой подготовки, которую прошли перед его началом войска армии, причем не только соединения и части ее прежнего состава, но и новые, прибывшие из глубокого тыла.

Но сомневаюсь, что тут в немалой степени сказалось еще одно существенное обстоятельство, тоже показывающее, насколько усовершенствовались по сравнению с первым периодом войны методы передачи боевого опыта новым войсковым формированиям. Я имею в виду получившую к концу 1942 г. широкое распространение практику укомплектования их офицерами с боевым опытом, направляемыми той армией, в состав которой они передавались.

Мы тоже позаботились таким путем о формировавшихся соединениях, предназначенных для передачи в состав 40-й армии

А их, как отмечалось выше, было немало. По распоряжению фронта мы направили на укомплектование этих соединений довольно значительную часть своего офицерского состава, в том числе общевойсковых командиров, танкистов, артиллеристов и представителей всех других родов войск. Они и руководили как обучением личного состава прибывших из тыла частей в соответствии с новыми принципами организации и ведения наступательного боя, так и их действиями в ходе операции.

Части усиления, обещанные Верховным Главнокомандующим, начали прибывать уже в декабре. Одновременно были пополнены имеющиеся дивизии. Тысячи людей и большое количество боевой техники надо было принять, разместить, замаскировать, особенно от воздушного противника.

По мере прибытия пополнения развертывалось и его обучение. Занятия, на которые ежедневно отводилось 6-8 часов, проводились в лесах и вблизи населенных пунктов. В тылу армии был создан специальный полигон, на котором мы воспроизвели инженерные заграждения и укрепления, имевшиеся у противника на переднем крае. На полигоне изо дня в день происходили в полном смысле слова репетиции штурма вражеской линии обороны. Кроме того, в штабе армии мы проводили занятия с командирами соединений. На картах, на ящике с песком и затем на местности детально отрабатывались предстоявшие наступательные действия. Главное внимание обращалось на управление и организацию взаимодействия родов войск, все усилия которых направлялись на решение общей задачи.

Важно отметить, что времени на подготовку операции в нашем распоряжении оказалось значительно больше, чем мы могли надеяться.

Дело в том, что Верховный Главнокомандующий, одобрив в конце ноября предложение о проведении наступления силами 40-й армии, вскоре решил отсрочить его. Это было вызвано тем, что в начале декабря усилия Ставки были сосредоточены на организации разгрома вражеских войск, пытавшихся деблокировать группировку, окруженную под Сталинградом. Вскоре они были разбиты. При этом войска Юго-Западного фронта, в том числе и переданная в его состав 6-я армия, вышли на рубеж Новая Калитва - Кантемировка - Чертково, что создавало благоприятные условия для развертывания общего наступления Красной Армии в западном направлении и нанесения глубокого охватывающего удара во фланг и тыл вражеской группировке, оборонявшейся на Дону, южнее Воронежа.

V

Вследствие этого и наметки наступления 40-й армии

разрослись в план операции всего левого крыла Воронежского фронта. Он предусматривал разгром всей неприятельской острогожско-россошанской группировки, имевшей в своем составе более двадцати одной дивизии - шесть немецких, десять венгерских и пять итальянских. Они насчитывали не менее 260 тыс. солдат и офицеров и имели свыше 300 танков, 900 орудий, около 8400 пулеметов и более 800 минометов.

Было очевидно, что если начать наступление силами одной лишь 40-й армии, то трудно рассчитывать на успех, так как против нее будет брошена большая часть перечисленных неприятельских войск. Учитывая это, Ставка и Генеральный штаб сочли необходимым, чтобы наряду с 40-й армией в наступлении участвовали и другие силы, в том числе 3-я танковая армия под командованием генерал-майора П. С. Рыбалко, передаваемая в состав фронта из резерва Верховного Главнокомандования.

Замысел Ставки на наступательную операцию Воронежского фронта предусматривал нанесение главных ударов по обоим флангам и центру вражеской группировки на 250-километровом фронте. 40-й армии, 18-му стрелковому корпусу генерал-майора П. М. Зыкова и 3-й танковой армии соответственно ставились задачи на прорыв обороны противника на трех участках - в районах населенных пунктов Сторожевое 1-е, Щучье, северо-западнее Каитемировки. Далее, развивая наступление по сходящимся направлениям на Алексеевку, Острогожск и Карпенково, они должны были окружить и уничтожить острогожско-россошанскую группировку противника. Выходом части сил на р. Оскол по обе стороны Валуек имелось в виду прочно прикрыть освобожденный в ходе наступления участок железной дороги, одновременно лишив врага возможности использовать линию Касторное Ворошиловград.

Замысел фронтовой операции в целом был очень решительный: фланговыми группировками захлестнуть и окружить главные силы врага в районе Острогожск, Алексеевка, Россошь и одновременно нанести рассекающий удар силами 18-го стрелкового корпуса с целью дробления и уничтожения по частям окружаемой группировки.

Этот план представлял собой новый шаг вперед в развитии советского военного искусства. Он учитывал опыт окружения противника под Сталинградом, где Красной Армии не удалось сразу рассечь вражескую группировку на части. И это, как известно, в конечном счете затянуло на продолжительное время ликвидацию сталинградской группировки противника.

На 40-ю армию в осуществлении этого замысла ложилась большая ответственность, ибо она, в отличие от 3-й танковой

армии, предназначавшейся лишь для окружения группировки противника, и 18-го отдельного стрелкового корпуса, нацеленного только на нанесение рассекающего удара, участвовала в выполнении и той и другой задачи.

40-я армия в составе пяти стрелковых дивизий, одной стрелковой, трех танковых и двух истребительных бригад, артиллерийской и минометной дивизий представляла собой северную ударную группировку фронта. Ей предстояло нанести удар главными силами со Сторожевского плацдарма в направлении Болдыревка, Красный, Алексеевка. Там мы должны были соединиться с южной ударной группировкой фронта - 3-й танковой армией и совместно с ней завершить окружение войск противника.

Одновременно намечалось частью сил 40-й армии нанести удар в южном направлении - на Острогожск и там встретиться с правофланговыми соединениями 18-го отдельного стрелкового корпуса, наступавшего с Щучьенского плацдарма. Действия главных сил 40-й армии намечалось обеспечить наступлением 4-го танкового корпуса справа в направлении Болдыревка, Репьевка и 7-го кавалерийского корпуса слева. Последний должен был овладеть г. Валуйки.

Директива Ставки, содержавшая такое решение, была получена 21 декабря. Но в общих чертах об этом замысле рассказал мне за несколько дней до того прибывший на командный пункт армии генерал-полковник А, М. Василевский.

Сразу же после моего доклада о ходе подготовки к наступлению начальник Генерального штаба пожелал отправиться на передний край. Ему, как и Г. К. Жукову, хотелось получить представление о характере обороны, созданной противником почти за полгода пребывания на этих позициях. Интерес к ной был вполне понятен.

К зиме 1942/43 г. оборона противника, вынужденного иметь дело с нарастающими и все более мощными ударами советских войск, стала сильнее и глубже, чем прежде. Как раз с такой обороной, рассчитанной на срыв наших наступательных действий, впервые предстояло встретиться и 40-й армии. Естественно, что Ставка хотела еще раз удостовериться в подобном характере вражеской обороны и в правильности избранного направления главного удара.

И вот мы - А. М. Василевский, сопровождавший его командующий Воронежским фронтом Ф. И. Голиков и я - на переднем крае Сторожевского плацдарма, Александр Михайлович всматривается в оборонительные сооружения противника, задает множество вопросов, внимательно слушает объяснения.

Разумеется, его особенно интересует Ореховая роща, которая фигурировала в изложенных мною соображениях к замыслу операции, а также, вероятно, была упомянута Г. К. Жуковым в его докладе в Ставке. Я показываю Александру Михайловичу направление, на котором находится эта роща, рассказываю, опять волнуясь: сумею ли убедить? И очень рад, когда начальник Генштаба, подобно Г. К. Жукову, подтверждает правильность выбора.

Думаю, что А. М. Василевский стремился заодно выяснить, достаточно ли мы сами изучили противостоящие войска и их оборону. Очевидно, он составил определенное мнение на сей счет, ибо перед отъездом, побывав во всех соединениях армии, сказал нам:

- Вижу, противника знаете хорошо. Значит, при прорыве его обороны не встретите особых неожиданностей.

Эту похвалу в основном заслужили наши отважные разведчики, доставлявшие точные данные о противнике. Возвращаясь из очередной вылазки во вражеский тыл, они неизменно приводили пленных, служивших также важным источником информации. Приведу два примера, достаточно ярко показывающих, как самоотверженно и умело действовали разведчики 40-й армии в период подготовки к наступлению.

Получив приказ доставить "языка", группа разведчиков 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии прежде всего установила наблюдение за двумя неприятельскими дзотами. Они были расположены в 50-70 м один от другого. На таком же расстоянии позади них находился блиндаж. Было замечено, что по ночам в дзотах оставались по два солдата. Остальные уходили в блиндаж отдыхать. Зато одновременно в траншее, соединявшей две огневые точки, выставлялся часовой. Его и решили захватить разведчики. Но их отделяло от него расстояние в 150 м, на котором было три опасных препятствия: два минных поля наше и вражеское, а также проволочное заграждение противника.

Глухой декабрьской ночью разведчики бесшумно проделали проходы в минных полях и в проволочном заграждении. Семь человек были оставлены для прикрытия действий группы захвата, в которую входили остальные пятеро. Последние подползли к траншее, захватили в плен одного из часовых и, подорвав противотанковыми гранатами оба дзота, с "языком" и без потерь вернулись в свое расположение под прикрытием огня группы обеспечения.

Другой пример - действия семи разведчиков из 253-й стрелковой бригады. Проникнув на западный берег Дона, они

вскоре были обнаружены противником и обстреляны. Можно было уйти на свою сторону, но как возвращаться с пустыми руками. Разведчики залегли. Тогда противник решил окружить их и захватить в плен. Но не тут-то было. Подпустив врага на близкое расстояние, разведчики организованным огнем уничтожили 20 неприятельских солдат, а возглавлявшего их унтер-офицера взяли в длен и в полном составе вернулись в свою часть{150}.

Разведка артиллерийская, инженерная, авиационная и средствами связи также была направлена на изучение противника. Их данные, собираемые ежедневно, тщательно анализировались, чтобы с меньшими потерями и минимальной затратой сил и средств разгромить врага.

Вместе с разведчиками изучали противника артиллеристы, танкисты, инженеры. Офицеры и генералы пристально следили за всеми изменениями на вражеском переднем крае. Наблюдение, поиск, бой, аэрофотографирование, захват пленных и документов открывали нам сильные и слабые стороны обороны противника, и это явилось одним из важнейших условий успеха предстоявшей операции.

Глава XII. Острогожско-Россошанская наступательная операция

I

Итак, благодаря постоянному наблюдению за противником, мы в основном довольно ясно представляли себе все то, с чем нам предстояло встретиться при прорыве обороны, и соответственно этому вели подготовку. Она включала огромное количество малых и больших дел, из которых состоят обычно приготовления армии к крупной наступательной операции. И поскольку в мою задачу не входит подробное их освещение, ограничусь лишь краткими дополнениями к тому, что уже было сказано о некоторых из них, наиболее важных.

Самым могучим нашим оружием был высокий боевой дух войск армии. Советский воин видел свое величайшее призвание в том, чтобы очистить родную землю от захватчиков, разгромить врага. И подобно всему нашему народу, каждый солдат и офицер Красной Армии понимал, что после окружения противника под Сталинградом настал наконец долгожданный поворот в ходе войны.

Приходили вести одна лучше другой: отбиты попытки деблокировать окруженных под Сталинградом, фашисты разгромлены на Среднем Дону и бегут с Кавказа... Значит, думал каждый, наступил и наш черед ударить по врагу. Я весь личный

состав армии, ожидая наступления, как самой большой награды, отдавал все силы подготовке к нему. Огромная радость переплеталась с неудержимым стремлением ускорить час окончательной победы.

Такова была атмосфера, царившая в войсках 40-й армии в период, предшествовавший Острогожско-Россошанской операции. Большую работу в частях и подразделениях проводили политработники, партийные и комсомольские организации. Коммунисты были примером для каждого воина во время подготовки к предстоявшим боям.

Всех нас радовало, что в войска армии непрерывно поступали боевая техника, много автоматического оружия, целый поток боеприпасов.

Правда, танков у нас оказалось меньше, чем намечалось по плану. Это было связано с тем, что 4-й танковый корпус не смог своевременно прибыть в полосу 40-й армии и не принимал участия в Острогожско-Россошанской операции. В нашем распоряжении оказались лишь три отдельные танковые бригады. Они имели 133 боевые машины, которые использовались для непосредственной поддержки пехоты.

Если учесть, что наш участок прорыва имел по фронту 10 км, то из этого следует, что у нас было всего лишь 13,3 танка в среднем на километр. Да и то при условии, что все три танковые бригады будут приданы дивизиям первого эшелона. Кроме того, из-за опоздания 4-го танкового корпуса у нас оказалось танков ненамного больше, чем у противника, имевшего во втором эшелоне, северо-западнее Сторожевского плацдарма, 700-ю танковую бригаду, которая насчитывала около 100 танков и самоходных орудий.

Но, во-первых, качество наших танков, резко улучшившееся за последнее время, было значительно выше, чем у врага. Во всех трех танковых бригадах доля тяжелых и средних боевых машин составляла две трети общего числа. Танкисты прекрасно овладели замечательной боевой техникой. Они научились метко стрелять при движении танка со скоростью 15-20 км в час, что делало атаку наземных войск более стремительной и в конечном итоге обеспечивало высокие темпы наступления.

Во-вторых, мы лучше, чем когда-либо раньше, подготовились к борьбе с танками противника. В ходе обучения войск была проведена целая серия занятий, имитировавших на местности отражение танковой атаки врага. Весь личный состав стрелковых частей к началу операции был снабжен противотанковыми гранатами и обучен их применению в бою.

Войсковая артиллерия занимала позиции, как правило, на

танкоопасных направлениях, и каждый орудийный расчет умел вести огонь по тапкам. Саперные подразделения хорошо напрактиковались ставить противотанковые минные поля на путях движения атакующих танков противника. В целом все это сделало пашу пехоту малоуязвимой для вражеских танков. Тем более, что в составе армии были также две истребительные бригады и два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, имевших отличное вооружение и хорошо обученный личный состав.

Об артиллерии, приданной 40-й армии, нужно сказать особо. При этом следует иметь в виду, что на нашем участке прорыва оборона противника была наиболее плотной и насыщенной огневыми средствами. Кроме того, пришлось наступать без 4-го танкового корпуса, что соответственно ослабляло силу ударной группировки, в частности, ее правый фланг. Все это еще больше повысило и без того ведущую роль артиллерии. Она должна была обеспечить прорыв вражеской обороны на всю ее тактическую глубину, не допустить контратак и контрударов противника по флангам, в особенности правому, содействовать разгрому резервов, рассечению и уничтожению неприятельской группировки.

Для выполнения столь широких задач, безусловно, требовались крупные и, разумеется, превосходящие силы артиллерии. Это обстоятельство тревожило меня еще в то время, когда мы с Крайнюковым и Грушецким напряженно ждали ответного звонка Верховного Главнокомандующего.

Еще свежи были в памяти сентябрьские события под Сталинградом, когда мы считали, что если сможем во время наступления 1-й гвардейской армии сосредоточить по 58 орудий на 1 км фронта прорыва, то это будет немалой удачей. К сожалению. и этого количества у нас тогда не оказалось, так как к началу наступления прибыли не все выделенные артиллерийские части, да и боеприпасов было меньше, чем требовалось.

Вспоминая об этом в конце ноября, я понимал, что к тому времени положение изменилось к лучшему. Завершилось формирование крупных стратегических резервов. Родина снабжала свою Красную Армию все большим количеством прекрасной боевой техники и вооружения, в том числе артиллерийского. Но ведь сколько сил потребовалось для осуществления грандиозного наступления под Сталинградом! Сможет ли Ставка в этих условиях, тревожно думалось мне, выделить и нам достаточное артиллерийское усиление?

Какова же была моя радость, когда из ответа И. В. Сталина я узнал, что 40-я армия получит две артиллерийские дивизии и

два-три гвардейских минометных полка, не считая стрелковых и танковых соединений! Это обещание вскоре было выполнено с лихвой: Ставка придала армии 10-ю артиллерийскую дивизию прорыва, имевшую восемь артиллерийских полков, 4-ю дивизию реактивной артиллерии, состоявшую из двух бригад, и зенитную артиллерийскую дивизию.

Благодаря этому, а также сосредоточению войсковой артиллерии мы смогли накануне Острогожско-Россошанской наступательной операции осуществить массированно артиллерийских средств на участке прорыва. Здесь мы имели по 108 орудий и минометов на 1 км фронта, причем армейская артиллерийская группа дальнего действия состояла из одиннадцати дивизионов, имевших по шесть орудий калибра 122 мм и выше. Кроме вышеупомянутой дивизии реактивной артиллерии, в нашем распоряжении имелись также четыре отдельных полка и один отдельный дивизион реактивной артиллерии.

Легко представить себе то чувство глубокого удовлетворения, какое вызывал во всех нас этот знаменательный факт. Ведь, например, те наступательные операции, в которых мне раньше пришлось участвовать, никогда не имели такого мощного артиллерийского обеспечения.

Планирование наступательной операции в штабе армии велось на основе поставленных задач и с учетом данных разведки, вскрывшей группировку артиллерии противника, систему его инженерных сооружений и наиболее укрепленные узлы сопротивления. Это позволило правильно распределить артиллерийские средства для обеспечения прорыва вражеской обороны на 10-километровом фронте на всю ее глубину. Правда, при этом на остальном фронте армии протяжением в 75 км осталось только 57 орудий и минометов, т. е. менее одного ствола на 1 км фронта. Но такое решение, как мы увидим, вполне себя оправдало.

Сосредоточение почти всей артиллерии на участке прорыва позволило в ходе подготовки в стрелковых полках создать артиллерийские группы поддержки пехоты. В их состав, кроме артиллерии стрелковых полков, привлекались для стрельбы прямой наводкой пушечные батареи дивизионной артиллерии и отдельные противотанковые дивизионы. Всего на прямую наводку было поставлено по 25 орудий на 1 км фронта прорыва, в том число часть 122 мм и 152 мм.

Большую пользу в период подготовки Острогожско-Россошанской операции принес нашим артиллеристам разбор организации прорыва на примере начавшегося 16 декабря

наступления 6-й армии. Такой разбор состоялся на совещании, проведенном фронтовым штабом артиллерии. Главное внимание было обращено на взаимодействие артиллерии с пехотой и танками и на наиболее рациональное использование артиллерийских средств. На конкретных примерах можно было увидеть причины отставания артиллерии, недостаточно энергичного использования истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Благодаря этому мы смогли заблаговременно принять меры к недопущению подобных недостатков, уточнить намеченный план развития артиллерийского наступления на всех этапах боя.

Важное значение имели мероприятия по инженерному обеспечению наступательной операции. Прежде всего потребовалось очистить исходный район от огромного количества мин, оставшихся от оборонительных боев на Дону летом 1942 г. Так, на Сторожевском плацдарме их было обнаружено до 34 тыс.

К началу наступления саперы проделали проходы в 150 минных полях, а также в своих и вражеских проволочных заграждениях. Они завершили также большую работу по подготовке исходного рубежа, позаботились о дорогах, увеличили количество переправ через Дон. Чтобы обеспечить беспрепятственное движение пехоты в ходе наступления, саперы отрыли множество ходов сообщения к переднему краю и "усов" для сближения с противником, соорудили дополнительные окопы и укрытия для личного состава, запасные позиции для артиллерии и минометов, построили большое количество огневых точек, блиндажей, командных и наблюдательных пунктов.

В большой и многообразной подготовительной работе, которая проводилась в 40-й армии перед Острогожско-Россошанской операцией, не было мелких или маловажных деталей. Все имело первостепенное значение. И - добавлю - во всем находил отражение доставшийся нам дорогой ценой боевой опыт. Особенно это чувствовалось в мероприятиях, о которых рассказано выше, а также связанных с обеспечением внезапности наступления.

II

Чтобы достичь внезапности, мы должны были прежде всего ничем не обнаружить свои приготовления к наступлению или по крайней мере сбить противника с толку относительно характера проводимых мероприятий и избранного направления главного удара. В прошлом это удавалось нам далеко не всегда. Мне, например, под Сталинградом в сентябре пришлось пережить немало огорчений из-за того, что условия обстановки тогда не позволяли скрытно сосредоточить войска. Но те времена прошли,

чему доказательством было мощное контрнаступление в районе Сталинграда, явившееся полнейшей неожиданностью для противника. Оно знаменовало собой не только переход советского оперативного искусства в целом на новую, высшую ступень, но и, в частности, совершенствование методов, обеспечивающих внезапность.

Эти методы в какой-то мере были применены и в период подготовки Острогожско-Россошанской наступательной операции.

Напомню, что еще до того мы усиленно проводили мероприятия по дезинформации противника. Сначала в ноябре в интересах контрнаступления под Сталинградом, о чем уже упоминалось, потом в декабре с целью отвлечь внимание вражеского командования от подготовляемого войсками Юго-Западного фронта удара на Среднем Дону.

О декабрьских мероприятиях подобного рода расскажу подробнее. По распоряжению штаба Воронежского фронта{151} 40-я армия должна была с целью дезинформации противника в период с 7 по 20 декабря демонстрировать сосредоточение войск и подготовку к переходу в наступление со Сторожевского плацдарма в направлении Коротояка и из района железнодорожной станции Свобода. Конкретно от нас требовалось создать видимость проделывания проходов в проволочных заграждениях, разминирования полосы ложного прорыва, накапливания крупных сил для наступления, выполнения рекогносцировочных работ командным составом, усиленной подготовки дорог и т. п.

Если в ноябре командование армии спокойно проводило мероприятия по дезинформации противника, то в декабре такая задача сначала удивила и огорчила нас. В то время мы уже начали подготовку наступательной операции, в которой именно со Сторожевского плацдарма предстояло нанести главный удар. При таких условиях наши ложные мероприятия, весьма полезные для армий Юго-Западного фронта, могли оказаться крайне нежелательными для самой 40-й армии, так как привлекли бы внимание вражеского командования к Сторожевскому плацдарму.

Но так казалось лишь на первый взгляд. Если же приглядеться, то выходило, что мы можем помочь и соседнему фронту, и... себе.

Каким образом? Очень просто. Наряду с ложными работами мы можем широко проводить и настоящие, соответственно плану подготовки к наступлению 40-й армии. Узнав о них (не без нашей помощи, разумеется), вражеское командование, несомненно, усилит внимание к Сторожевскому плацдарму вместо того, чтобы перебросить резервы в полосу Юго-Западного фронта. Когда же

удар советских войск будет нанесен именно там, на Среднем Дону, оно придет к заключению, что, мероприятия на Сторожевском плацдарме носили чисто демонстративный характер. Между тем значительная их часть пригодится нам в дальнейшем. Кроме того, следовало ожидать, что немецко-фашистское командование в связи с наступлением войск Юго-Западного фронта ослабит внимание к нашему участку.

Последующие события показали, что противник действительно был введен в заблуждение. Когда мы инсценировали подготовку к наступлению, он бурно реагировал на действия наших войск и, нервничая, весьма часто открывал огонь артиллерии и минометов.

Но вот вскоре после успешно завершившейся операции войск Юго-Западного фронта (она началась 16 декабря 1942 г.) скрытно сосредоточилась и перешла 12 января 1943 г. в наступление наша 40-я армия. И это оказалось совершенно неожиданным для врага.

Однако для достижения внезапности пришлось немало поработать и после 16 декабря. Ведь нужно было вторично обмануть противника, внушить ему теперь уверенность в том, что мы намереваемся наступать не со Сторожевского плацдарма, а в районе Воронежа. Враг же, обозленный тем, что уже был введен в заблуждение и что его резервы оказались скованными на нашем участке фронта, проявлял крайнюю подозрительность.

К тому же по целому ряду признаков можно было догадаться, что он еще не окончательно уверился в отсутствии у нас намерения наступать со Сторожевского плацдарма. Вражеское командование возлагало большие надежды на укрепления, которыми оно отгородилось от войск 40-й армии. Однако его не могло не настораживать то, что мы неуклонно приближались к ним при помощи наших чрезвычайно быстро выраставших "усов". В результате противник продолжал держать здесь крупные силы, составлявшие теперь уже почти три дивизии. Он также усилил охрану проволочных заграждений и минных полей. Словом, Сторожевский плацдарм стал как бы бельмом у него на глазу, и враг был все время начеку.

Заметьте, происходило это уже во второй половине декабря, когда 40-я армия вовсю готовилась к наступлению. Благодаря тому, что подготовка велась в высшей степени скрытно, противник так и не узнал, что одновременно с отрывкой "усов" мы делали еще очень многое. Как уже отмечалось, в лесах и в отдаленных от фронта степных районах, главным образом в темное время суток, велось обучение войск, предназначенных для участия в операции.

К этому нужно добавить, что декабрьская ночная мгла

скрывала также движение транспорта к фронту и все другие работы, связанные с подготовкой наступления.

Днем на плацдарме царила тишина.

Но то, что мы делали здесь в первой половине декабря с целью сбить с толку противника, теперь происходило севернее, поближе к Воронежу. Там мы демонстрировали оживленное движение войск, особенно ночью. Время от времени мелькали зажженные фары автомобиля, слышался шум мощного мотора танка, взрывался крупный снаряд, что должно было означать пристрелку тяжелой артиллерии. По утрам к фронту двигались колонны войск. Повсюду видны были многочисленные дымки, как бывает при приготовлении пищи для воинских частей. Строились дополнительные ледовые переправы на Дону. Проводились и другие мероприятия, подобные тем, что осуществлялись нами в первой половине декабря на Сторожевском плацдарме.

В выполнении плана дезинформации, специально составленного штабом армии, участвовали запасной полк, вторые эшелоны дивизий и армейские резервы. Много раз пришлось им маршировать днем к фронту, а ночью обратно, демонстрируя сосредоточение крупных сил. Немало поработали они и на расчистке от снега нескольких дорог, которые вели от железнодорожных выгрузочных станций к пассивным участкам фронта.

- Ну и глуп же был противник, если он вторично попался на ту же удочку,быть может, скажет читатель.

Нет, враг, с которым мы тогда сражались, был хитер и коварен. Но именно данные его свойства и принимались нами в расчет при составлении и осуществлении вышеупомянутого плана дезинформации. Противник, предполагали мы, решит: русский не станут применять два раза подряд один и тот же прием дезинформации, не считают же они нас круглыми идиотами; прошлый раз подготовка к наступлению демонстрировалась на одном участке фронта, а удар был нанесен на другом, значит теперь будет наоборот, и нам нужно усилить внимание к району Воронежа.

И противник поверил в намерение советских войск взять Воронеж. Надо сказать, что в этом не было ничего удивительного. Ставка Верховного Главнокомандования, действительно, планировала освободить этот город в самое ближайшее время. Но было решено сначала разгромить врага на Дону. Взятый позднее в плен один из офицеров 3-го венгерского армейского корпуса подтвердил, что фашистское командование ничего не знало о готовившейся нами операции. По его словам, оно видело увеличение войск на Сторожевском плацдарме, но оценивало их в

две стрелковые дивизии, одну стрелковую и одну танковую бригады, т. е. почти в три раза меньше, чем было на самом деле{152}. Он также заявил, что, не ожидая главного удара на этом направлении, фашистское командование усиливало оборону в районе Воронежа и на других участках фронта.

Так нам удалось скрыть от противника замысел операции, направление главного удара и действительную группировку сил и средств, привлеченных к прорыву. Этим была достигнута оперативная внезапность, ставшая одним из решающих условий блестящего успеха операции.

В ходе подготовки возникла еще одна важная задача. Как известно, с самого начала войны для нас большую остроту приобрела проблема повышения подвижности войск. Что касается наступательных операций под Харьковом и в районе Сталинграда (в оборонительный период), в которых я участвовал, то именно малая подвижность советских войск была одним из их крупнейших недостатков. И потому мы, имея вполне разумные и своевременно принятые решения, подчас запаздывали с их осуществлением. Так как в условиях превосходства противника в силах и средствах наши войска в первый период войны уступали ему и в подвижности, то он сплошь и рядом упреждал нас, вынуждал вести боевые действия в выгодных ему и невыгодных нам условиях.

К тому времени, о котором идет речь, уже произошли большие перемены к лучшему и в этом отношении. В войсках стало больше техники, и она все чаще оказывалась качественно выше вражеской. Так было к началу января 1943 г. и в соединениях 40-й армии. Тем не менее техники все же имелось не вполне достаточное количество, да к тому же нужно было позаботиться о том, чтобы она безотказно действовала в условиях многоснежной зимы.

Кстати, не могу в связи с этим не коснуться некоторых послевоенных воспоминаний бывших гитлеровских генералов. Стремясь оправдаться перед историей, они пытаются взвалить на "русскую зиму" вину за понесенные ими тяжелые поражения под Москвой и спустя год на южном крыле советско-германского фронта. Однако всем им, несомненно, известно, что суровые природные условия в одинаковой мере распространялись на обе воюющие стороны. Но признать это значит заявить во всеуслышание, что советские войска имели более высокую тактическую подготовку и неизмеримо более высокие морально-политические качества, дававшие им силу для успешных действий в самых трудных условиях. Разумеется, такого признания трудно ждать от бывших гитлеровских генералов.

Тем не менее советские войска действительно были на высоте и в этом отношении. Примером могут служить, в частности, и наступательные действия 40-й армии зимой 1942/43 г. Подробнее о них еще будет рассказано. Здесь же следует отметить, что успех этих действий был в значительной мере обусловлен как раз тем, что мы заранее предусмотрели особенности зимних условий.

Морозы не могли послужить помехой советскому солдату, которого Родина снабдила отличным теплым обмундированием. Оставалось позаботиться о том, чтобы не помешал и снег, обильно покрывший землю, чтобы он, напротив, помог нам повысить подвижность войск.

Для этого у нас нашлись отличные средства - лыжи и сани. Лыжами обеспечили весь личный состав стрелковых частей. Саней заготовили по 400-500 штук на каждую стрелковую дивизию, чтобы в нужный момент посадить на них как можно больше солдат с пулеметами и минометами. Кроме того, для саней и артиллерийских конных упряжек изготовили деревянные лопаты, которыми быстро расчищали снег. Что касается автомашин, то они были снабжены двумя комплектами цепей на каждое колесо.

Теперь мы знали, что наступление будет стремительным и даже снежные заносы не остановят атакующие войска.

Попробую подытожить все то, что здесь довольно бегло рассказано о мероприятиях 40-й армии в период подготовки Острогожско-Россошанской операции. Это нужно потому, что они в известной мере отражали достигнутый к тому времени, после контрнаступления под Сталинградом, уровень нашего оперативного искусства, несомненно более высокий, чем прежде. Так, если говорить об основных особенностях нашей подготовки к наступлению, то они состояли в решительности целей операции, правильном выборе направления главного удара, значительном массировании сил и средств на этом направлении и, наконец, в обеспечении внезапности.

Эти черты, ставшие после Сталинграда характерными для всех наступательных операций Красной Армии, как нельзя лучше отвечали классическому требованию воевать не числом, а умением, Кстати, и 40-я армия не имела на всем своем фронте численного превосходства над противником ни в силах, ни в средствах. Однако на Сторожевском плацдарме соотношение числа батальонов составляло 2,7 : 1, орудий и минометов - 5:1, танков - 1,3 : 1 в нашу пользу. Это и был результат решительного массирования основных сил и средств на участке прорыва.

III

С 25 декабря штаб армии начал в дивизиях проверку

исполнения указаний о подготовке наступательной операции. Начальник штаба фронта генерал-майор М. И. Казаков тоже прислал к нам проверяющих. С 3 января 1943 г. подготовку операции взяли под свой контроль прибывшие на Воронежский фронт представители Ставки Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Работали они очень напряженно. Побывав в войсках 3-й танковой армии и 18-го стрелкового корпуса, приезжали к нам, отсюда отправлялись в штаб фронта, потом - снова на участки прорыва. Во всех трех ударных группировках они отрабатывали каждую деталь предстоящего наступления, увязывали взаимодействие с войсками Юго-Западного фронта,

Далеко не все шло должным образом. Об этом, а также о некоторых не затронутых мной подробностях подготовки фронтовой операции, можно судить по сохранившимся в архиве документам, в первую очередь донесениям Г. К. Жукова и А. М. Василевского Верховному Главнокомандующему. Приведу одно из них, в котором между прочим дана высокая оценка подготовке наступления 40-й армии. В этом интереснейшем документе и поныне отчетливо слышатся отзвуки широких оперативных замыслов, а также тревог тех незабываемых дней. Вот его текст:

"Москва. Лично товарищу Васильеву{153}. 7 января 1943 г. 23. 50.

1. Сегодня закончили по всем направлениям отработку с командармами, командирами корпусов, дивизий и бригад всех оперативно-тактических решений и плана действий. Лучше других и наиболее грамотно оказались отработанными решения и план действий у товарища Москаленко. В худшую сторону выделяется щучьенское направление - корпус Зыкова. По действиям армии Рыбалко - пришлось направление гл[авного] удара сместить западнее жд Кантемировка - Россошь, чтобы не преодолевать танками полотна жд и избежать здесь подготовленных отсечных позиций противника, подготовленных вдоль жд.

Действия Рыбалко увязаны с действиями Харитонова и корпуса Зыкова. По увязке действий с Харитоновым договорились с тов. Ватутиным, что Харитонов начнет одновременно с Рыбалко действия, нанося гл[авный] удар правым флангом армии с ближайшей задачей выйти на р. Айдар; в дальнейшем тов. Харитонов обязан действовать левее 7 кк выдвинуться и обеспечить за собой жд Уразово Старобельск. 7 кк с лыжными бригадами поставлена задача захватить Валуйки и Уразово и обеспечить за собой эти жд узлы.

Гл[авные силы] 3 та обязаны захватить Алексеевну, отрезать пути отхода противнику и обеспечить себя с запада,

соединившись в районе Алексеевка, Острогожск с подвижными войсками 40 А и тем завершить окружение войск противника в известном Вам районе.

Подробный план действий армий Филиппова, изображенный на карте, будет передан Вам через Бокова 9.1.

2. Сосредоточение войск, несмотря на заверения тов. Хрулева, идет исключительно плохо - от 4 минометной дивизии до сих нор не прибыло ни одного эшелона, от 3 та в пути все еще находится 15 эшелонов, от 7 кк сегодня все еще не прибыло 10 эшелонов, из трех стр. дивизий, данных фронту на усиление, прибыло всего лишь 5 эшелонов. Подача снабженческих транспортов (боеприпасы, горючее) идет и еще хуже.

Учитывая срыв жд перевозок мы вынуждены были к известному Вам сроку прибавить плюс два.

Просим Вашего воздействия на тов. Хрулева.

Константинов

Михайлов"{154}.

Что касается характеристики, которую представители Ставки дали подготовке 40-й армии к наступлению, то она была вполне заслужена всем личным составом армии, командирами и штабами соединений, входивших в ее состав. В связи с этим похвальное слово надо сказать в адрес штаба армии.

Штаб напряженно работал в течение всего подготовительного периода. И не только потому, что подготовка операции всегда требует тщательного и согласованного решения превеликого множества самых разнообразных вопросов. Трудности возникали еще в связи с тем, что штаб 40-й армии впервые готовил наступательную операцию такого большого масштаба и с такими решительными целями. Сказывалось отсутствие достаточного опыта. В еще большей степени это относилось к командованию и штабам многих соединений, входивших в состав армии. Поэтому штабу армии приходилось одновременно и самому учиться, и других учить. С этой задачей он полностью справился, чему в немалой степени способствовали энергия его начальника генерал-майора З. З. Рогозного.

Возвращаясь к приведенному документу, следует пояснить, что означали слова "плюс два" в конце текста. Речь шла о том, что начало операции, ранее назначенное на 12 января, пришлось ввиду некоторой задержки с подвозом войск и материального снабжения отсрочить на два дня, т. е. перенести на 14 января. Но так как высказанная в донесении тревога, видимо, оказала немедленное воздействие, то железнодорожные перевозки в последующие несколько дней резко улучшились. Что касается 40-й армии, то у нас уже 10 января все было готово к началу

наступления, и ждать еще четыре дня представлялось нецелесообразным. Более того, в условиях, когда противник со дня на день мог разгадать наши намерения и, следовательно, принять меры к отражению удара, отсрочка наступления была особенно нежелательна.

К сожалению, и этим дело не ограничилось. Надо сказать, что еще в начале декабря Верховный Главнокомандующий в распоряжении, касавшемся подготовки наступательных операций Юго-Западного и Воронежского фронтов, указывал: "...Так как немцы знают о наших "М-30" (реактивных установках высокой мощности.-К. М.), взрывающих весь передний край обороны, они усвоили поэтому тактику следующую: оставляют на переднем крае только охранение, а сам передний край обороны относят в глубину на 4-5 км. Этой тактике немцев мы должны противопоставить свою контртактику, а она заключается в том, что нам нужно раньше, чем перейти в наступление, делать боевую разведку с целью вскрытия переднего края обороны, и надо во что бы то ни стало добраться до переднего края обороны противника. Провести ряд активных разведок, взять пленных и через них все узнать, с тем чтобы напрасно не израсходовать боеприпасы. Разведку провести боем, отдельными батальонами за два дня до начала операции"{155}.

Мне было известно содержание этого распоряжения, и я вполне понимал его обоснованность. В то же время было ясно, что оно касается тех участков, где передний край обороны противника не вскрыт, следовательно, это распоряжение не могло распространяться на полосу предстоящего прорыва 40-й армии, так как здесь передний край вражеской обороны был нами тщательно изучен. Мы знали организационную структуру каждой пехотной дивизии, ее вооружение, боевой и численный состав, места расположения командных и наблюдательных пунктов дивизий, полков и батальонов, расположение огневых позиций артиллерии и минометов. Нам были известны даже фамилии командиров частей и соединений.

Но сколько я ни доказывал это командующему фронтом генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову и его штабу, ничего не помогло. Разговор был короткий:

- Выполняйте распоряжение.

Пришлось, разумеется, выполнять. Но я решил сделать это так, чтобы враг, если даже он разгадает наши планы, не успел подтянуть резервы.

Поскольку наступление главных сил намечалось на 14 января, значит разведку боем силами передовых батальонов нужно было провести 12-го. И вот, не посвящая командующего и

штаб фронта в свои намерения, я распорядился - конечно, устно: к 12 января произвести смену войск на плацдарме, с тем чтобы дивизии первого эшелона заняли исходные районы для наступления; главным силам быть готовыми в случае успешного продвижения передовых батальонов немедленно перейти в наступление.

Решение несколько рискованное, согласен. Ведь противник мог случайно обнаружить появление у нас на переднем крае новых дивизий. Однако этот риск не шел ни в какое сравнение с серьезной угрозой, которая могла возникнуть, если бы мы, проведя разведку боем, предоставили затем врагу двое суток для организации отпора нашему наступлению. Кроме того, риск, на который я решился, намного уменьшала готовность главных сил армии к началу операции.

Соответственно этому намерению ставилась и задача передовым батальонам, выделенным всеми четырьмя стрелковыми дивизиями первого эшелона - 141-й, 25-й гвардейской, 340-й и 107-й. Им было приказано наряду с выявлением действительного начертания вражеского переднего края захватить наиболее важные опорные пункты противника. Речь шла в первую очередь об уже знакомых читателю Ореховой роще, высоте 185, а также населенных пунктах Урыво-Покровском и Голдаевке.

IV

Атаке передовых батальонов 12 января предшествовала часовая артиллерийская подготовка. Она началась в 11 часов. На передний край противника обрушился огненный шквал. Он завершился мощным залпом двух дивизионов реактивной артиллерии М-13. В течение этого часа вражеские позиции обрабатывали бомбардировщики 291-й штурмовой авиационной дивизии.

Ровно в 12 часов раздались оглушительные взрывы. Это взлетели на воздух проволочные заграждения противника, под которые наши саперы предшествующей ночью заложили 33 длинных фугаса.

И сразу вслед за этим выступили передовые батальоны 107-й стрелковой дивизии совместно с частями 86-й танковой бригады подполковника В. Г. Засеева. Сбылась мечта полковника П. М. Бежко - его стрелковые части пошли в атаку на направлении главного удара. Они быстро преодолели расстояние до первых траншей ошеломленного противника. Завязался короткий бой за Голдаевку и находящуюся в полукилометре к западу от нее господствующую высоту. Схватка окончилась взятием населенного пункта и высоты.

Сопротивление оказывалось лишь местами. Что касается венгерских солдат, об антигитлеровских настроениях которых мы уже упоминали, то они предпочитали целыми подразделениями складывать оружие. Спустя два часа после начала атаки двум передовым батальонам 107-й стрелковой дивизии сдались в плен больше тысячи солдат и 32 офицера. Среди захваченных трофеев были 20 артиллерийских орудий, 75 пулеметов, свыше тысячи винтовок и автоматов. Наши потери здесь составили пятеро убитых и 42 раненых{156}.

Успешной была и атака двух передовых батальонов 25-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора П. М. Шафаренко. При поддержке артиллерийского и минометного огня они совместно со 116-й танковой бригадой подполковника А. Ю. Новака после двухчасового боя овладели Ореховой рощей, разгромив опорный пункт противника.

В этот день разведка боем была также проведена в полосах наступления 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии. Но так как там передовым батальонам ставились только задачи выявить истинный передний край обороны и вскрыть огневую систему противника, то, достигнув этой цели, они отошли на свои исходные позиции.

Перед Сторожевским же плацдармом, в полосе наступления 40-й армии, сложилась иная обстановка. В результате действий передовых батальонов неприятельская оборона была основательно дезорганизована. Правда, обеспокоенный противник срочно перебросил сюда из Острогожска свою 700-ю танковую бригаду. Тем не менее наши войска, вклинившиеся на 6 км по фронту и более чем на 3 км в глубину, прочно закрепились на достигнутых рубежах. Более того, атака пехоты с танками в сочетании с предшествовавшим им огневым ударом артиллерии и минометов привела к такому развитию событий, которого мы и сами не ожидали, а именно: неприятельская пехотная дивизия, к которой на выручку поспешила 700-я танковая бригада, несмотря на это, не выдержала натиска и уже к исходу дня 12 января начала откатываться на запад.

Таким образом, риск оказался более чем оправданным, и я тогда же принял решение использовать сложившуюся ситуацию для быстрейшего ввода в бой главных сил первого эшелона армии. В течение ночи войска были подтянуты вперед, на новые исходные позиции. Одновременно мы внесли поправки в план артиллерийского наступления: так как опорные пункты на переднем крае были уже захвачены нашими войсками, артиллерия получила новые цели, находившиеся в глубине вражеской обороны.

Поздно вечером я доложил командующему фронтом обстановку в полосе армии. Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков одобрил решение начать наступление главными силами на следующее утро.

На рассвете 13 января мы провели артиллерийскую подготовку - еще более мощную, чем накануне.

Важную роль в ее успехе сыграло распределение задач и целей между артиллерийскими группами. Например, армейская артиллерийская группа, которую возглавлял командир 10-й артиллерийской дивизии полковник В. Б. Хусид, сначала наносила огневые удары по штабам и узлам связи. Нарушив таким образом управление вражескими войсками, она перенесла огонь на позиции артиллерии и минометов противника. Основная масса огневых средств врага не имела возможности отвечать, так как перестала получать данные наводки для стрельбы. Фигурально выражаясь, большая часть артиллерии противника как бы ослепла, оглохла и онемела.

Артиллеристы нашли возможности еще больше усилить мощь огневого удара по врагу путем применения различных новшеств.

Так, 120 мм минометы, которых у нас было 50, обычно действовали отдельными дивизионами (по 12-18 минометов в каждом). В этот же день все они были объединены в одну группу. Ее огонь производил ошеломляющее впечатление. Он сметал проволочные заграждения вместе с кольями, взрывал целиком минные поля, разрушал перекрытия землянок, блиндажей, траншей, буквально выметая из них противника.

Невольно вспомнилось описание батареи Раевского на Бородинском поле в 1812 г., только та опустошала ряды атакующего неприятеля, а эта расчищала путь своей пехоте и танкам. Один из пленных рассказал о гибели двух третей своей роты в течение 2-3 минут, пока она находилась под огнем советских минометов. Необычайный эффект произвели также 40 орудий, которые вели стрельбу прямой наводкой на полукилометровом фронте в полосе наступления 107-й стрелковой дивизии.

Результаты артподготовки, выявленные после прорыва обороны противника, подтвердили ее высокую эффективность. На переднем крае и в глубине было разрушено множество дзотов, блиндажей, наблюдательных пунктов, узлов связи, стыков траншей и ходов сообщения, огневых позиций минометов и артиллерии.

О меткости артиллеристов и минометчиков можно судить по тому, что они достигли таких высоких результатов и при этом полностью уложились в установленную норму расхода

боеприпасов. Хотя, кстати сказать, снарядами и минами нас обеспечили так хорошо, что мы могли позволить себе в случае необходимости и перерасходовать их. Наконец, о результатах артиллерийской подготовки на рассвете 13 января многое говорит тот факт, что после ее окончания наша пехота смогла пойти в атаку во весь рост.

Войска первого эшелона армии перешли в наступление с рубежей, достигнутых передовыми батальонами. Это позволило идти в атаку по ровному месту, а не из низины, где раньше находились исходные районы для наступления. Кроме того, вступив в сражение с нового рубежа, наши части избежали необходимости с боем преодолевать глубокий овраг севернее Урыво-Покровского.

Таким образом, хорошие результаты действий передовых батальонов и высокоэффективная артиллерийская подготовка в немалой степени способствовали успеху наступления главных сил.

Здесь необходимо сказать о задачах, которые им ставились.

В соответствии с директивами Ставки и фронта было принято решение построить боевые порядки армии в два эшелона. В состав первого из них вошли 141-я, 25-я гвардейская, 340-я и 107-я стрелковые дивизии, 116-я, 150-я и 86-я танковые бригады. Им было приказано прорвать оборону противника на 10-километровом фронте н к исходу первого дня наступления выйти на рубеж населенных пунктов Сторожевое 1-е - Болдыровка - Девица.

Второй эшелон - 305-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада должны были войти в сражение на утро второго дня операции. Первой из них предписывалось наступать в направлении селений Красное, Алексеевка, второй на северо-запад с целью обеспечения правого фланга ударной группировки армии.

Проблема обеспечения правого фланга приобрела первостепенное значение. Дело в том, что справа от полосы прорыва, на 47-километровом пассивном участке, мы удерживали занимаемый рубеж силами всего лишь одного стрелкового полка, учебного и пулеметного батальонов. А противостоял им армейский корпус противника. Кроме того, севернее и северо-западнее, в районе Воронежа и Касторное, располагалась 2-я немецкая армия. Указанные выше стрелковый полк и два батальона продолжали демонстрацию сосредоточения войск для перехода в наступление. Но противник мог принимать это на веру до поры до времени, и следовало ожидать, что именно там он попытается действовать в ответ на удар со Сторожевского плацдарма.

Угроза с этой стороны была тем более реальной, что мы начинали наступательную операцию без 4-го танкового корпуса, который по плану должен был наносить удар как раз на правом фланге 40-й армии. Поэтому мы вынуждены были оставить одну из двух истребительных бригад, усиленную армейским батальоном противотанковых ружей и учебным батальоном стрелковой дивизии, в обороне восточное села Сторожевое 1-е, к югу от которого находился участок прорыва. Кроме того, на правом фланге армии наступала сильная ударная группа в составе 141-й, 25-й гвардейской стрелковых дивизий, 253-й стрелковой и 116-й танковой бригад. Причем достигнутый ими в ходе операции рубеж должна была закрепить вторая истребительная бригада.

Наконец, сверх всего этого командующий фронтом по моей просьбе направил в район восточное Сторожевского плацдарма из своего резерва 322-ю стрелковую дивизию, с тем чтобы она

участвовала в парировании возможного контрудара справа.

Угрозу левому флангу, где на 28-километровом фронте остались только несколько боевых подразделений и два учебных батальона, предупредили действиями 107-й стрелковой дивизии и 86-й танковой бригады. После прорыва обороны они должны были, прикрывшись заслоном со стороны Коротояка, нанести удар на юг, на Острогожск. Этот город им предстояло освободить и тем самым рассечь окружаемую группировку врага уже во взаимодействии с наступавшими левее частями 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии.

Как видим, командование и штаб армии уделили очень большое внимание обеспечению флангов ударной группировки. На то у нас были веские основания. Излюбленным приемом немецко-фашистских войск в борьбе против наступающей группировки был удар, часто двусторонний, крупными силами под основание прорыва. Этот метод противник неоднократно применял на ряде фронтов. Мне ли было не помнить, как он в мае 1942 г. успешно осуществил именно такой двусторонний удар, приведший сначала к срыву Харьковской наступательной операции Юго-Западного фронта, а затем и к крупному поражению советских войск на юге.

Таким образом, забота об обеспечении флангов, проявленная в 40-й армии, тоже была отражением приобретенного в ходе войны опыта.

Он сказывался во всем. В заблаговременном накоплении достаточного количества боеприпасов, продовольствия и горючего. В хорошо налаженном управлении войсками путем широкого применения современных средств связи, в том числе радиосвязи. В согласованных действиях пехоты, танков, артиллерии, авиации. В принятых при подготовке операции мерах, которые позволили в ходе наступления не только парализовать действия вражеских танков и артиллерии, но и успешно уничтожать их.

Ранее уже говорилось о намеченных мерах по рассечению вражеской острогожско-россошанской группировки, в осуществлении которых принимали участие наши 107-я стрелковая дивизия и 86-я танковая бригада. Одновременно наступавшие справа от них войска армии должны были к исходу четвертого-пятого, дня выйти на рубеж Сторожевое 1-е - Касьянов - Новая Солдатка - Прудки Иловское. Там, у г. Алексеевка, им предстояло соединиться с 15-м танковым корпусом 3-й танковой армии и тем самым замкнуть кольцо окружения вокруг острогожско-россошанской группировки противника.

Таковы были задачи войск 40-й армии в операции по

окружению и рассечению этой группировки. Осуществление их, как уже показано, началось успешно. Однако поскольку 13 января R наступление перешла только 40-я армия, то против нее и направил противник свои контрмеры.

Кроме 700-й танковой бригады, он в тот же день перебросил сюда два пехотных полка немецкой 168-й пехотной дивизии из полосы 18-го стрелкового корпуса. Это облегчило последнему начатые им на следующий день, 14 января, наступательные действия со Щучьенского плацдарма. На нашем же участке прибытие подкреплений противника несколько замедлило темп прорыва обороны.

V

В первые часы боя резко обозначился успех наступления в центре и на левом фланге. Там действовали соответственно 340-я стрелковая дивизия генерал-майора С. С. Мартиросяна совместно со 150-й танковой бригадой подполковника И. В. Сафронова и 107-я стрелковая дивизия полковника П. М. Бежко с 86-й танковой бригадой подполковника В. Г. Засеева. При мощной поддержке артиллерии, непрерывным огнем обеспечивавшей атаку пехоты и танков, наступающие быстро продвигались вперед.

Еще несколько слов об артиллерии, действовавшей прямо-таки синхронно с пехотой и танками в глубине обороны противника. Примерно треть артиллерии, находясь в боевых порядках позади пехотных цепей, сопровождала атаку пехоты и танков. Она уничтожала противотанковые средства противника и огневые точки, мешавшие продвижению пехоты. Другая треть огнем с закрытых позиций расчищала дальнейший путь пехоте и танкам, а последняя, меняя огневые позиции, приближалась к атакующим.

Управление артиллерией мы централизовали, сосредоточив его в руках командующего артиллерией армии. В его распоряжении была хорошо налаженная связь - проволочная и радио. Благодаря этому имелась возможность в нужный момент организовать массированный огонь по местам сосредоточения противника как на переднем крае, так и в глубине обороны. Создавая таким образом перевес мощных огневых средств, мы могли влиять на исход боя, обеспечивать войскам армии непрерывное продвижение вперед.

Части 340-й стрелковой дивизии, овладев Урыво-Покровским, наступали на Болдыревку. В этом районе 150-я танковая бригада столкнулась с контратакующими частями немецкой 700-й танковой бригады. Завязался ожесточенный бой. Потеряв 14 танков и около 200 пленных, противник оставил Болдыревку.

Среди пленных оказался один из офицеров танковой бригады, чей танк таранила наша "тридцатьчетверка". Он сообщил, что его бригада имела 60 танков и 40 штурмовых орудий. От него мы также узнали, что в этом бою участвовал первый эшелон в составе 30 танков, имевший задачу восстановить положение в районе Сторожевского плацдарма. Из этого следовало, что вражеское командование все еще не составило себе ясного представления о масштабах нашего наступления. Далее из показаний пленного явствовало, что нашим частям предстоит еще иметь дело со вторым эшелоном танковой бригады противника, находившимся в 5 км к западу от Болдыревки{157}. Освобождение этого населенного пункта и расположенной невдалеке высоты 177 означало, кроме всего прочего, что рокадная дорога Воронеж - Острогожск перерезана и тем самым стеснен маневр вражеских войск вдоль фронта.

107-я стрелковая дивизия к этому времени овладела опорным пунктом противника в с. Девица. Здесь было захвачено около 200 пленных.

Части 25-й гвардейской стрелковой дивизии начали продвигаться вперед лишь во второй половине дня. Используя успешное наступление 340-й стрелковой дивизии, они обошли правый фланг противостоявшей дивизии и завязали бой за Довгалевку. Там они и встретились с одним из двух пехотных полков 168-й немецкой пехотной дивизии, прибывших в качестве подкрепления. Ожесточенное сопротивление врага удалось сломить лишь к утру 14 января.

В целом войска армии в течение 13 января достигли значительного успеха. Наша ударная группировка прорвала главную полосу обороны противника на 10 км по фронту и в глубину, освободила населенные пункты Довгалевка, Болдыревка, Девица. Задача первого дня операции была почти полностью выполнена. В этот день 40-я армия положила хорошее начало мощному наступлению советских войск, закончившемуся лишь два месяца спустя далеко на западе.

Воодушевленные ее первым успехом, 18-й стрелковый корпус и 3-я танковая армия 14 января также начали прорыв обороны противника. 40-я же армия в этот день продолжала наступление. Дальнейшая наша задача состояла в том, чтобы углубить прорыв и овладеть второй полосой вражеской обороны, на которую накануне мы вышли на отдельных направлениях. Тем самым мы должны были помешать противнику закрепиться на ней своими отступающими войсками и перебрасываемыми сюда резервами, довершить разгром противостоящей нам группировки. Эта задача осложнялась тем, что 14 января некоторые участки второй полосы

вражеской обороны уже оказались занятыми частями трех немецких пехотных дивизий упоминавшейся 168-й, а также 68-й и 88-й, успевшими подтянуться к фронту прорыва.

Из всего этого следовало, что необходимо усилить натиск п увеличить темпы нашего наступления. Вот почему с утра 14 января были введены в бой 305-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада из второго эшелона.

253-я стрелковая бригада, которой командовал подполковник М. Н. Красин, была укомплектована курсантами военных училищ. Она являлась одним из лучших соединений в составе 40-й армии и блестяще оправдала возлагаемые на нее надежды. Бригада была введена в бой в стыке между 141-й и 25-й гвардейской стрелковыми дивизиями, составлявшими как бы группу, в которую входила также 116-я танковая бригада. Два батальона последней тесно взаимодействовали со 141-й, а два других - с 25-й гвардейской стрелковыми дивизиями.

Эта группа действовала 14 января весьма успешно. Части 141-й стрелковой дивизии, обойдя главные силы противостоявшей вражеской дивизии, нанесли ей с запада удар во фланг и в тыл. Нанеся поражение противнику, они к исходу дня овладели сильным узлом сопротивления в Сторожевом 1-м и завязали бой за Архангельское. Наступавшая левее 253-я стрелковая бригада, ломая сопротивление врага, с боями продвинулась на 8 км. В результате успешных действий этих двух соединений прорыв был расширен вправо, а действия главных сил армии надежно обеспечены с севера.

Тем временем и 25-я гвардейская стрелковая дивизия продвинулась в западном направлении на 5 км, овладев населенным пунктом Мастюгино.

Между действовавшими левее 340-й и 107-й стрелковыми дивизиями, которые наступали в юго-западном направлении, иступила в бой 305-я под командованием полковника И. А. Даниловича. Она оказалась, таким образом, на направлении главного удара армии, где обозначился наибольший успех. Части этой дивизии действовали умело и способствовали его дальнейшему развитию. К исходу дня они продвинулись на 5 км и вышли ко второй полосе обороны противника в районе Прилеп. 107-я стрелковая дивизия к югу от этого района овладела населенными пунктами Солдатское, Песковатка, Калинин, а также господствующим берегом р. Потудань.

Итак, за два дня наступления армия расширила прорыв до 50 км по фронту и углубила его до 17 км, выйдя ко второй полосе обороны противника. Так как мы не захватили ее с ходу, дальнейшие атаки были перенесены на следующее утро.

15 января наиболее успешно действовали 141-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада. Они продвинулись еще на 10 км, достигли рубежа Маслов Лог - Яблочное и создали реальную угрозу выхода на тылы 2-й немецкой армии в районе Воронежа.

В результате этого противник спешно начал снимать свои дивизии, располагавшиеся вдоль Дона, намереваясь бросить их против наступающих войск 40-й армии.

25-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии прорвали вторую полосу обороны противника в направлении Репьевка, Красное, продвинулись на 20 км и овладели рубежом Скорицкое - Фабрицкое - Комсомолец - Свистовка - Богословка. Противник в беспорядке отступал, бросая вооружение и технику. Только одной 25-й гвардейской стрелковой дивизии в этот день сдалось в плен 620 солдат и офицеров венгерских частей. Она также захватила 75 орудий разного калибра, 120 тракторов, 37 автомашин, 49 пулеметов, 37 минометов, 1123 винтовки, 120 повозок, 54 противотанковых ружья и три склада{158}.

В этот день самое сильное сопротивление противник оказывал на участке 107-й стрелковой дивизии. Вследствие этого она продвигалась медленнее, чем в предшествующие дни. Для усиления натиска в юго-западном направлении мы перебросили сюда и 340-ю стрелковую дивизию, оставив прикрытие на ее прежнем участке. К концу дня части этой дивизии освободили населенный пункт Терновая. По-прежнему действовавшая совместно с ними 150-я танковая бригада одновременно прорвалась через боевые порядки противника и овладела деревней Лесное Уколово.

К исходу 15 января войсками армии была прорвана оборона противника на всю тактическую глубину. На правом фланге мы продвинулись вперед на 20 км, на левом - на 16, в центре - на 35. Тем самым были созданы условия для развития наступления на окружение и расчленение вражеской группировки во взаимодействии с 18-м стрелковым корпусом и 3-й танковой армией.

Эти задачи были выполнены в последующие три дня. 17 января 107-я стрелковая дивизия вышла к г. Острогожску, где соединилась с частями 18-го стрелкового корпуса. Этим была отрезана от основных сил противника часть войск, оборонявшаяся между Сторожевским и Щучьенским плацдармами. На следующий день главные силы 40-й армии вышли в район Иловское и совместно с 15-м танковым корпусом 3-й танковой армии, достигшим Алексеевки с юга, завершили окружение всей острогожско-россошанской группировки.

Одновременно был образован и внешний фронт окружения.

Он начал создаваться параллельно развитию наступления с целью окружения. 40-я армия силами двух стрелковых дивизий и стрелковой бригады образовала внешний фронт, удаленный на 40- 55 км от окруженной группировки врага, который проходил на рубеже Костенки - Россошка - Истобное - Караешник - Крестьянский - Хмелевое. Юго-западнее, на фронт Валуйки - Уразово, вышел 7-й кавалерийский корпус.

Таким образом, стремительное развитие Острогожско-Россошанской операции привело 18 января 1943 г. к окружению группировки противника, противостоявшей центру и левому крылу Воронежского фронта. Ход событий оказался здесь настолько неожиданным для вражеского командования, что оно ничего не успело предпринять не только для предотвращения глубокого прорыва своей обороны, но даже для спасения попавших в окружение войск.

С 19 января кольцо вокруг окруженных вражеских дивизий начало сжиматься. К 27 января расчлененная на части острогожско-россошанская группировка противника была ликвидирована. Так в ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции войска нашего фронта впервые при разгроме крупных сил врага сократили до минимума разрыв во времени между прорывом обороны и окружением, расчленением и уничтожением группировки противника.

Вскоре после начала операции мне на передовой командный пункт позвонил А. М. Василевский. Он сразу же сообщил, что звонит по поручению И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий поздравлял войска 40-й армии и объявлял им благодарность за успешные действия по окружению и разгрому противника в ходе Острогожско-Россошанской операции.

В тот же день об этом узнали все воины 40-й армии. Поздравление Верховного Главнокомандующего было для каждого из нас радостным, окрыляющим событием, звавшим к новым ударам по противнику, к быстрейшему освобождению Родины от захватчиков.

Нам еще придется вернуться к событиям, относящимся к Острогожско-Россошанской операции левого крыла Воронежского фронта. Здесь же следует подвести некоторые ее итоги. Продолжалась она 15 дней. За это время наши войска окружили и уничтожили вражескую группировку войск на Дону между Воронежем и Кантемировкой. Участок железной дороги Лиски - Кантемировка был освобожден от противника, и мы вышли на рубеж р. Оскол, продвинувшись на запад на 140 км. Войска фронта полностью разгромили 14 вражеских пехотных дивизий,

немецкую дивизионную группу "Фогеляйн" и 700-ю танковую бригаду. Кроме того, шести пехотным и одной танковой дивизиям противника было нанесено тяжелое поражение.

Число пленных составило более 71 тысячи человек. Около 52 тыс. фашистских солдат и офицеров было убито. Вот перечень взятых трофеев: 1400 артиллерийских орудий, 1270 минометов, 2650 пулеметов, около 30 тыс. винтовок, 294 противотанковых ружья, 18 огнеметов, 92 танка, 32 самолета, 6,2 тыс. автомашин, около 300 тягачей и тракторов, 250 мотоциклов, 2,5 тыс. велосипедов и столько же лошадей, 136 радиостанций, 700 км телефонного кабеля и огромное количество боеприпасов, в том числе 21,5 млн. патронов, около 2,2 млн. снарядов, 255 тыс. мин. Кроме того, были захвачены громадные запасы продовольствия, фуража и технического имущества, содержавшегося в 277 складах{159}.

Мы не располагаем полными сведениями о всех потерях острогожско-россошанской группировки противника с 12 по 27 января 1943 г. Однако показательно сопоставление безвозвратных потерь обеих сторон. У противника они составляли в целом свыше 123 тыс. человек, а потери наших войск - 4527, или в 27 с лишним раз меньше{160}. Эти цифры говорят сами за себя.

Любопытная деталь: пленных было так много, что мы оказались не в состоянии конвоировать их. Поэтому были созданы так называемые сборные пункты. Наши солдаты ограничивались тем, что объясняли пленным, куда идти. Те отправлялись в указанном направлении, спрашивая у всех встречных, где сборный пункт.

Вереницы пленных брели на восток, а советские войска, и среди них 40-я армия, спешили на запад. Воодушевление было огромное, грудь распирала радость: наступил долгожданный час! Мы били фашистов, освобождали родную землю и изнывавших в неволе отцов, матерей, сестер, братьев, детей. В славном, незабываемом январе 1943-го у всех нас словно выросли крылья, чтобы быстрее гнать врага на запад.

Кстати, о крыльях в буквальном смысле слова, о нашей авиации. Я не раз упоминал о господстве противника в воздухе во время многих больших сражений, в которых мне пришлось участвовать. Быть может, гораздо чаще, чем хотелось бы, упоминаются на страницах этой книги непрерывные удары вражеских военно-воздушных сил, не раз прижимавших к земле атакующие войска Красной Армии. Увы, так было в мае 1942 г. под Харьковом, в июле и августе того же года - на Дону, в сентябре - к северу от Сталинграда.

И вот словно свершилось чудо, и все стало по-иному. Начало

сказываться то, что в битве под Сталинградом вражеской авиации были нанесены невосполнимые потери в материальной части и истреблены ее лучшие летные кадры.

Следует подчеркнуть, что в период Острогожско-Россошанской наступательной операции мы еще не овладели господством в воздухе. Напротив, на стороне противника было полуторное превосходство в авиации. Но ведь это всего только полуторное, а не трех- и пятикратное, как было до сих пор! Причем, если раньше у врага было намного большие и истребителей и бомбардировщиков, то теперь он сохранял преимущество лишь в численности последних. Советская истребительная авиация оказалась уже в состоянии помешать попыткам бомбардировать с воздуха наступающие войска Красной Армии. В воздушной битве, развернувшейся во время Острогожско-Россошанской операции, победу одержала наша авиация. Она была представлена 2-й воздушной армией, которой командовал генерал-майор авиации К. Н. Смирнов.

Эта армия имела ограниченный боевой состав, но ее задачи были тесно согласованы с действиями наземных войск. Начиная с третьего дня операции, в строгом соответствии с планом, она выполняла заявки и штаба 40-й армии. Благодаря такому четкому взаимодействию на поле боя вражеская авиация оказалась не в силах помешать нашему наступлению и в конечном счете потерпела поражение.

Острогожско-Россошанская наступательная операция явилась важным звеном в системе наступательных операций зимней кампании 1942/43 г. Она проводилась в выгодных для советских войск условиях: в тот же период войска Донского фронта осуществляли операцию по ликвидации окруженной сталинградской группировки противника; армии Юго-Западного фронта успешно продвигались на ворошиловградском направлении; тогда же начался разгром и северо-кавказской группировки противника и, наконец, войска Ленинградского и Волховского фронтов приступили к прорыву блокады Ленинграда.

Во всех этих операциях, составляющих блестящие страницы истории Великой Отечественной войны, нашли свое выражение могучие силы нашей великой социалистической Родины, поставленные Коммунистической партией, Советским правительством и всем народом целиком на службу делу разгрома врага. Ленинская партия, ее Центральный Комитет явились той силой, единственной и неповторимой, которая смогла организовать отпор фашистским захватчикам и в грозный для Отчизны час подготовить и осуществить перелом в войне, повернуть ее ход в пользу Советского Союза и тем самым создать

предпосылки для изгнания врага с территории нашей страны и последующего его полного разгрома.

Говоря об Острогожско-Россошанской наступательной операции, нужно подчеркнуть, что она дала богатый опыт организации и проведения прорыва обороны противника.

Буквально в течение нескольких дней эта операция привела к резкому изменению соотношения сил в полосе Воронежского фронта в пользу советских войск. Это позволило Ставке Верховного Главнокомандования осуществить силами фронта подготовку Воронежско-Касторненской и Белгородско-Харьковской наступательных операций.

Глава XIII. Воронежско-Касторненская, Белгородско-Харьковская...

I

Резкое изменение обстановки, произошедшее в результате решительных действий советских войск в середине и в конце января 1943 г., не было неожиданным ни для командного состава 40-й армии, ни для ее воинов. Бесспорно, многое было ново для нас в складывавшейся тогда ситуации. Ведь уже через несколько дней после начала операции враг повсюду бежал, и боевые действия все больше сводились к перехвату его путей отхода, дроблению окружаемых войск и затем их пленению или уничтожению. Но разве не ждал каждый из нас этой минуты, разве не знали мы с первого дня войны и в самые тяжелые недели и месяцы отступления, что не сегодня, так завтра наступит, неотвратимо придет час возмездия!

Никогда не забыть ни этого чувства, ни радостной волны, захлестнувшей сердце после ноябрьско-декабрьских событий в районе Сталинграда и потом снова в дни нашего январского наступления. Пришел долгожданный час! Об этом свидетельствовало все: и то, что советские войска теперь наступали на широком фронте, и то, что они наносили удары с нарастающей силой, и особенно то, что это были искусные удары - не на выталкивание противника, а на его окружение и уничтожение.

В развертывавшихся событиях не трудно было увидеть четкую последовательность. Становилось очевидно, что они порождены единым замыслом, грандиозным по масштабам и целям, и что руководство его реализацией осуществляется из единого центра, по хорошо продуманному плану и с невиданной широтой и искусством, Сначала - окружение противника в районе Сталинграда. Потом - разгром врага на Среднем Дону. Теперь - ликвидация острогожско-россошанской группировки захватчиков.

И было ясно: на очереди новые удары по врагу.

Первым из них на нашем участке фронта стал удар по 2-й немецкой армии, оборонявшейся в районе Касторное, Воронеж. Надо сказать, что ее положение намного ухудшилось в результате Острогожско-Россошанской операции, которая привела к серьезным изменениям в начертании линии фронта. До 12 января 1943 г. она проходила юго-восточнее г. Ливны, где оборонялись 13-я армия Брянского и 38-я армия Воронежского фронтов, затем, в полосе 60-й армии, резко поворачивала на юг, к Воронежу, дальше, на участке 40-й армии, она тянулась в том же направлении. В ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции правофланговые соединения 40-й армии вышли за Доном на линию Костенки Семидесятское - Городище и этим внесли резкий корректив в конфигурацию фронта. В треугольнике Ливны - Старый Оскол - Воронеж образовалась вытянутая на восток дуга, в которой и оказалась 2-я немецкая армия, левофланговая из группы армий "Б". С севера над ней нависали 13-я и 38-я, с востока и юга ей угрожали 60-я и 40-я армии.

Положение 2-й немецкой армии напомнило мне другую дугу, образовавшуюся в сентябре 1941 г. в районе Киева. Она была вытянута не на восток, как эта, а на запад, и оборонялись внутри нее не вражеские войска, а наши. Причем именно 2-я немецкая армия совместно с танковой группой Гудериана наносила тогда с севера охватывающий удар по правому крылу войск Юго-Западного фронта.

Как шумно ликовал в то время враг. Он объявлял на весь мир - в который раз! - об уничтожении Красной Армии, о близком окончании "восточного похода". С тех пор прошло больше года, но выигрыш войны стал еще менее достижим для противника. Пожалуй, теперь немецко-фашистское командование могло с большим основанием говорить о приближении конца "восточной кампании". Но конца бесславного, позорного. Он нес с собой поражение гитлеровской Германии, уничтожение фашизма.

Да, ситуация изменилась. Для нас настало время расквитаться с врагом.

Ставка Верховного Главнокомандования внимательно следила за успешными действиями нашего фронта. Ее представитель генерал армии А. М. Василевский безотлучно находился у нас в войсках. Еще в ходе Острогожско-Россошанской операции он предложил воспользоваться резким ухудшением положения 2-й немецкой армии в районе Воронежа и разгромить ее. Верховное Главнокомандование приняло это предложение.

20 января Ставка приказала войскам Брянского и Воронежского фронтов провести совместную наступательную

операцию с целью освобождения важных узлов дорог Воронежа и Касторное, создания условий для наступления Красной Армии на курском и харьковском направлениях. Для этого они должны были ударами с севера и юга - по сходящимся направлениям на дальних флангах дуги окружить и уничтожить находящиеся внутри неё главные силы 2-й немецкой армии.

Их окружение предстояло осуществить нашей 40-й армии совместно с 13-й армией Брянского фронта под командованием генерал-майора Н. П. Пухова, которой для этого было предписано наступать своим левым флангом на Касторное. Одновременно согласно замыслу Ставки силами 38-й и 60-й армий (ими соответственно командовали генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов и генерал-майор И. Д. Черняховский) наносился вспомогательный удар с целью расчленения на части окружаемой группировки противника. Начало наступления было намечено на 24-26 января.

20 января, когда была получена эта директива Ставки, 40-я армия продолжала наступление. В тот день наши левофланговые части после упорных боев освободили г. Острогожск. В центре, северо-восточнее Алексеевки, мы совместно с 15-м танковым корпусом приступили к ликвидации окруженных неприятельских войск. На правом фланге, сломив сопротивление войск противника, переброшенных из Воронежа немецко-фашистским командованием, 25-я гвардейская стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада продвинулись еще на 8-15 км. Именно в тот день они закрепились на рубеже Семидесятское - Городище, ставшем затем нашим исходным районом в Воронежско-Касторненской операции.

В соответствии с замыслом Ставки командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков решил осуществить прорыв на трех участках.

Главный удар фронта наносила наша 40-я армия из района Роговатое в направлении Горшечное, Касторное. Там ей и предстояло соединиться с 13-й армией, тем самым замкнуть кольцо вокруг вражеской группировки войск. Кроме того, нам было приказано частью сил наступать на Старый Оскол, Ястребовку с целью создания внешнего фронта окружения и обеспечения с запада левого крыла фронтовой ударной группировки.

38-я армия должна была нанести отсекающий удар на Нижнюю Ведугу. Навстречу ей предстояло наступать 60-й армии. Ее задача состояла в том, чтобы частью сил сковать вражеские войска в районе Воронежа. Для активных действий она получила от 40-й армии 22-километровый участок фронта на правом берегу Дона от Костенки до населенного пункта Семидесятское. Вместе с

ним в состав 60-й армии мы передали и находившиеся на этом рубеже несколько наших соединений. Это были блестяще проявившие себя в боях 141-я стрелковая и 10-я артиллерийская дивизии, 253-я стрелковая, 86-я и 150-я танковые бригады и переданная из резерва фронта 322-я стрелковая дивизия. Жаль было расставаться, но - что поделаешь! - этого требовали интересы операции.

В свою очередь состав 40-й армии был пополнен переданными нам 183-й, 309-й стрелковыми дивизиями и 129-й стрелковой бригадой. Кроме того, прибыл наконец 4-й танковый корпус генерал-майора А. Г. Кравченко, поступивший в оперативное подчинение 40-й армии.

Андрея Григорьевича Кравченко я знал еще с довоенных времен, когда мы вместе служили по 2-м механизированном корпусе. Он был тогда начальником штаба 16-й танковой дивизии и уже в то время проявил себя с самой лучшей стороны. Во время войны мы впервые встретились под Сталинградом, где его 4-й танковый корпус действовал некоторое время в составе 1-й гвардейской армии. Там я узнал его ближе, уже в боевых условиях, в которых генерал Кравченко действовал вдумчиво и смело.

Уже под Воронежем до меня дошли вести об успешных действиях 4-го танкового корпуса во время прорыва обороны и окружения 6-п немецкой армии. Я искренне порадовался тогда за Андрея Григорьевича. О нем я вспомнил и после разговора по телефону с Верховным Главнокомандующим, когда узнал, что 40-я армия будет усилена танковым корпусом. Хорошо бы, подумалось, получить Кравченко с его отважными танкистами.

И хотя чудес, как известно, не бывает, но именно 4-й танковый корпус и был придан 40-й армии. Немного он запоздал, не успел принять участия в Острогожско-Россошанской операции. Но зато к Воронежско-Касторненской прибыл как раз вовремя. И это было как нельзя кстати.

К 24 января перегруппировка была полностью завершена. Войска армии на 50-километровом фронте Семидесятское-Городище заняли исходное положение для наступления. В ходе перегруппировки, которая проходила одновременно с действиями по ликвидации окруженных вражеских войск в районе Алексеевки, дивизии должны были развернуться на 90 и более градусов, т. е. с западного и юго-западного направления на северное и северо-западное. Этот маневр был успешно осуществлен, несмотря на продолжавшиеся контратаки войск противника, перебрасываемых из Воронежа в состав так называемой корпусной группы "Зиберт".

В выполнении поставленной задачи нам благоприятствовало то, что мы находились у только что образовавшегося южного фаса воронежского выступа. Немецко-фашистское командование не располагало там ни достаточным количеством войск, ни заранее подготовленной обороной.

Правда, оно спешно перебрасывало в этот район войска, и их численность к началу нашего наступления превысила три дивизии, которые и составили вышеназванную корпусную группу "Зиберт". Кроме того, местность, по которой предстояло наступать 40-й армии, была сильно пересеченной и, главное, понижалась в сторону наших войск, что давало определенное преимущество обороняющемуся противнику.

И все же на стороне советских войск были более важные факторы: и крайне невыгодное оперативное положение противника, и резкий упадок духа в его войсках, вызванный поражениями под Сталинградом, на Кавказе, у нас на Дону, а также под Ленинградом, и возвышенное настроение советских войск, окрыленных начавшимся освобождением родной земли и рвавшихся в бой во имя полного разгрома врага. Наконец, наши соединения и части не только имели хорошую боевую технику, но и были тепло одеты и обуты, так что ни метели, ни морозы, которые иногда доходили до 28°, не могли остановить их наступление.

Одновременно с окончанием перегруппировки были осуществлены все подготовительные мероприятия. Штаб армии, по-прежнему возглавляемый генерал-майором З. З. Рогозным, и на этот раз отлично справился с организацией наступления, несмотря на то, что времени на подготовку было мало.

Быстрому созданию самой мощной на Воронежском фронте ударной группировки 40-й армии способствовали два первостепенной важности обстоятельства. Первое заключалось в том, что в наступательной операции с 12 по 24 января дивизии армии понесли весьма незначительные потери, сохранили боевую мощь и наступательный порыв. Второй, не менее значительный, фактор - уже упомянутое прибытие 4-го танкового корпуса и трех лыжных бригад.

Зато на 40-ю армию и задача была возложена чрезвычайно ответственная. Обсудив ее с членами Военного совета и начальником штаба, я принял решение перейти 24 января в наступление на всем 50-километровом фронте от Семидесятского до Городища. Главный удар наметил нанести на 30-километровом участке. Оперативное построение армии определил в два эшелона. Первому из них в составе пяти стрелковых дивизий, стрелковой и двух танковых бригад была поставлена задача

разгромить противостоящие вражеские войска. Наступая в северном направлении, они должны были на четвертый день соединиться с идущими навстречу частями 13-й армии и совместно с ними замкнуть кольцо вокруг главных сил 2-й немецкой армии.

В создании внутреннего фронта окружения в районе Касторное предстояло участвовать 183-й стрелковой дивизии и 129-й стрелковой бригаде, действующим соответственно с 16-й истребительной и 192-й танковой бригадами, внешнего фронта - 25-й гвардейской, 309, 107-й и 340-й стрелковым дивизиям. 4-му танковому корпусу было приказано освободить к исходу первого дня наступления Горшечное и усиленным передовым отрядом овладеть Касторным. На следующий день корпус должен был занять станцию Нижнедевицк и нанести удар на Нижнюю Ведугу для содействия 60-й армии в выполнении ее задачи в Воронежско-Касторненской операции.

Соединения первого эшелона имели полосы наступления шириной от 6 до 12 км. Самыми узкими - 6 и 8 км - они были у 309-й и 107-й стрелковых дивизий, действовавших в центре оперативного построения армии. Это и было направление нашего главного удара.

Следует отметить, что, несмотря на это, ни 309-я, ни 107-я стрелковые дивизии не были усилены танками. Зато на их участках наступал и 4-й танковый корпус. Он действовал совместно со стрелковыми соединениями первого эшелона, так как оборона противника в полосе армии была слабо развита. Так или иначе, на 1 км фронта прорыва мы имели очень мало танков - в среднем по 8,2.

Недостаточной была сначала и артиллерийская плотность - около 40 орудий (и минометов) на 1 км фронта. Но затем она значительно возросла, так как к нам из 60-й армии в ходе операции возвратилась 10-я артиллерийская дивизия.

Наш второй эшелон составляли 305-я стрелковая дивизия, только что завершившая ликвидацию окруженных войск противника в районе Алексеевки и выведенная после этого в резерв армии, 4, 6-я и 8-я лыжные бригады. Две последние должны были с утра второго дня операции совместно с 340-й стрелковой дивизией наступать на Старый Оскол.

Политико-моральное состояние наших воинов было исключительно высоким. Началось массовое изгнание немецко-фашистских оккупантов и освобождение советских людей из фашистской неволи. Наши бойцы, видя разграбленные села и города, унижения и страдания народа, не находили слов для выражения своих чувств возмущения и переполнившей их сердца

ненависти, буквально рвались в бой.

II

Воронежско-Касторненскую наступательную операцию, как и предыдущую, Острогожско-Россошанскую, начала наша 40-я армия.

Утром 24 января 1943 г. поднялась метель. Дороги занесло. Мороз достигал 20°. Главное же, видимость была крайне ограничена. Начало наступления пришлось перенести на 12 часов. Но и к полудню метель не унялась. Тем не менее вновь отложить атаку значило бы вообще в этот день отказаться от нее. Поэтому в 12 час. 30 мин., несмотря на плохую видимость, пришлось начать артиллерийскую подготовку. Она продолжалась согласно плану 30 минут, но ее результат был незначителен. Артиллеристы не видели целей и потому не смогли подавить большую их часть. От авиационной подготовки в условиях сильной метели пришлось отказаться.

Все это осложнило действия нашей пехоты и танков. Пехота, приблизившаяся к переднему краю обороны противника на 300-350 м во время артиллерийской подготовки, немедленно после ее окончания, в 13 часов, вместе с танками атаковала вражеские позиции. Она была встречена артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. По всему фронту разгорелся ожесточенный огневой бой. Однако уже час спустя нам удалось на отдельных участках сломить сопротивление и начать продвижение вперед. Отразив контратаки врага, стрелковые дивизии к концу дня вклинились в оборону противника в районах Бочарова и Старо-Николаевской.

Еще успешнее действовал 4-й танковый корпус. Он сломил сопротивление частей 68-й немецкой пехотной дивизии, за два часа с боем продвинулся на 6-8 км и овладел районом Лебяжье. Далее ему предстояло наступать на Архангельское. Большие снежные заносы вынудили генерала А. Г. Кравченко выбрать кратчайший путь - через населенные пункты Старомеловое и Новомеловое.

Условия наступления были и здесь крайне тяжелыми. Попытки двигаться вне дорог с целью обхода населенных пунктов, приспособленных противником к круговой обороне, ни к чему не привели. Танки застревали в глубоком снегу, буксовали и расходовали большое количество горючего. Дороги также были во многих местах занесены снегом.

Несмотря на все эти трудности, корпус, посадив мотострелковую бригаду на танки, вышел к Новомеловому и Старомеловому, продвинувшись за день на 16 км. С наступлением темноты он освободил эти населенные пункты. Потери его при

этом были весьма значительными, так как из-за снежных заносов бригады вводились в бой поочередно и вынуждены были действовать только вдоль дороги,

Двигаться дальше к Горшечному кратчайшим путем не удалось. Разведка, посланная вечером в направлении населенного пункта Нижне-Гнилое, обнаружила там противотанковый опорный пункт. Противник готовился к отражению удара. Генералу Кравченко предстояло либо идти в лоб на врага, либо искать иного маршрута. Он предпочел последнее. Вновь посланная разведка доложила, что в населенном пункте Болото оборона организована значительно слабее. Это и предопределило дальнейшие действия корпуса.

Утром 25 января он перешел в наступление на Болото, уничтожил там вражеский гарнизон и подошел к Горшечному с той стороны, откуда противник вообще не ожидал наступления. Фашисты были захвачены врасплох. Это способствовало тому, что вражеская оборона была быстро смята. Танковый корпус с ходу ворвался в Горшечное и овладел им.

Согласно плану корпус должен был развивать успех на Касторное. Но танки израсходовали горючее. Тылы же безнадежно отстали, и автоцистерны с горючим не могли пробиться сквозь снежные заносы.

Тем временем стрелковые дивизии, используя успех 4-го танкового корпуса, на всем фронте прорвали оборону противника. Они устремились на север и северо-запад, в глубь вражеской обороны, отрезая пути отхода основным силам 2-й немецкой армии.

Лучше других действовала 25 января 25-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П. М. Шафаренко. Продолжая развивать наступление, она совместно с 96-й танковой бригадой под командованием генерал-майора танковых войск В. Г. Лебедева продвигалась вслед за 4-м танковым корпусом и в середине дня вышла к Старомеловому и Новомеловому. К исходу дня ее части продвинулись на 18 км, разгромили до батальона пехоты 68-й пехотной дивизии противника в Нижне-Гнилом и овладели этим населенным пунктом, превращенным гитлеровцами в опорный пункт сопротивления. Мелкие вражеские группы бежали в северном направлении.

183-я стрелковая дивизия генерал-майора А. С. Костицына и 129-я стрелковая бригада (командир полковник И. И. Ладыгин) в этот же день продвинулись до 12 км. Исключение составляли лишь их части на смежных флангах, действовавшие у разграничительной линии с 60-й армией, которые продвинулись вперед всего на 2-3 км. Это объяснялось тем, что расположенный

на смежных флангах двух армий населенный пункт и узел дорог Синие Липяги был превращен 57-й пехотной дивизией противника в мощный опорный пункт. Его гарнизон мешал продвижению войск армии. Наступающие части 183-й стрелковой дивизии он контратаковал силами до двух батальонов, а подразделения 129-й стрелковой бригады встретил мощным фланкирующим огнем артиллерии, минометов и пулеметов.

Даже когда наши части обошли и блокировали этот опорный пункт, противник продолжал оказывать упорное сопротивление. Только после того, как наступающие войска 40-й армии начали продвигаться на Нижнедевицк, гарнизон Синих Липяг предпринял несколько попыток прорваться на север. Но было поздно. Отразив все его атаки и нанеся ему большой урон, советские воины вскоре освободили этот населенный пункт, и вражеский гарнизон прекратил существование,

Поняв, что 2-я немецкая армия находится в "мешке" и что выход из него будет перекрыт в ближайшие дни, фашистское командование, надо полагать, отнюдь не пришло в восторг. От захваченных в плен офицеров мы узнали, что их частям приказано начать с утра 26 января отход на запад. Стало также известно, что накануне, 25 января, в восточной зоне дуги противник уже отвел свои войска за Дон, оставив в районе Воронежа только сильное прикрытие. Часть высвободившихся таким образом сил он перебрасывал на Нижнедевицк, где намеревался использовать их для сковывания наступающих соединений 40-й армии.

В этом, собственно, и заключалась тактика, при помощи которой враг рассчитывал вырваться из "мешка". В соответствии с ней он оставлял, подобно тому, как это было в Синих Липягах, сильные подвижные арьергарды на выгодных рубежах, узлах дорог и в населенных пунктах, стремясь под их прикрытием отвести на запад свои главные силы.

Однако прошли времена, когда противник был в состоянии парировать удары на своих флангах. Во-первых, паши действия стали более умелыми. Во-вторых, в конце января 1943 г. солдаты и офицеры врага уже хорошо знали, что если они попадут в окружение, то им неоткуда будет ждать помощи. Этому научили Сталинград, а также только что закончившаяся Острогожско-Россошанская наступательная операция советских войск. Вот почему немецко-фашистская захватническая армия, уже увидевшая перед собой призрак неминуемого поражения, больше всего теперь боялась действий на флангах.

В этом отразился глубокий внутренний надлом, который произошел в немецко-фашистской армии в период описываемых

событий. Куда только девалась напускная храбрость гитлеровского воинства. Каждый в отдельности и все вместе страшились приближавшейся расплаты. И при малейшей угрозе на фланге, а часто даже одном лишь появлении каких-либо "подозрительных" признаков они бросали тяжелое оружие и налегке стремились побыстрее отскочить назад. Мы же именно поэтому широко применяли тактику блокировки арьергардов врага, чем и срывали его замыслы.

Так было и в тех же Синих Липягах. Противник яростно контратаковал и всеми иными способами стремился сковывать наши войска, но лишь до тех пор, пока не был блокирован. А как только это произошло, он, не рассчитывая на помощь извне, направил все свои усилия на то, чтобы вырваться из кольца окружения. Но тщетно. Ускользнуть ему не удалось.

В целом в западной части дуги после освобождения Горшечного и Нижне-Гнилого у противника к 26 января оставался лишь один выход на запад - в районе Касторного. Да и тот был под угрозой, так как к нему вскоре устремился сводный отряд 4-го танкового корпуса во главе с командиром 45-й танковой бригады подполковником П. К. Жидковым.

Немецко-фашистское командование, видимо, решило не только не уступить Касторное, но и расширить выход из "мешка". С этой целью оно подбросило свежие силы и вновь захватило Нижне-Гнилое. Однако 27 января вражеские войска были окончательно выбиты оттуда частями 25-й гвардейской стрелковой дивизии. К исходу того же дня сводный отряд подполковника Жидкова овладел железнодорожной станцией Касторная Новая. Утром 28 января отряд ворвался в г. Касторное. Здесь противник сопротивлялся с особой ожесточенностью, однако в конечном счете был разбит сводным отрядом и подоспевшими к концу дня частями 13-й и 38-й армий.

С освобождением этого города основные силы 2-й немецкой армии были окружены восточное рубежа Горшечное - Касторное.

В кольце наших войск оказались семь немецких (57, 68, 75, 88, 323, 340-я и 377-я) и две венгерские (6-я и 9-я) дивизии. Они сосредоточились восточное Горшечное, готовясь к прорыву и западном и юго-западном направлениях, но осуществить это намерение им не удалось. 29 января началась ликвидация окруженной группировки противника. Со всех сторон на нее обрушились удары наших войск. Территория, занимаемая вражескими войсками, быстро уменьшалась.

III

Воронежско-Касторненская наступательная операция была проведена советскими войсками в сложных условиях. В районе

боевых действий разыгралась многодневная пурга, она сопровождалась резким похолоданием и большими снежными заносами. Наши дивизии находились все время в поле, а противник мог обогреваться в населенных пунктах, откуда ему было легко оборонять подступы к ним.

Личный состав наших войск с большим трудом передвигался по снежной целине. Колесный транспорт почти совсем остановился. Перевозки можно было осуществлять только на санях. Несмотря на все это, советские войска в короткий срок осуществили разгром окруженной группировки.

Изо дня в день росло число пленных. Необычайно велико было и количество захваченного вооружения, транспорта и различного военного имущества. Пленные и трофеи брались в каждом населенном пункте. Например, только сводный отряд подполковника Жидкова в пути от Горшечного до Касторного взял в плен около 2 тыс, вражеских солдат и офицеров, захватил 12 танков, 60 орудий, 80 минометов, 50 мотоциклов, восемь железнодорожных составов с паровозами под парами, до тысячи автомашин и свыше 3 тыс. лошадей.

Кстати, часть трофеев, в особенности лошади, использовались нами немедленно и весьма успешно. Всего их было отбито у противника более 12 тыс. Они хорошо послужили нам, главным образом для подвоза боеприпасов, продовольствия и горючего, а во многих случаях также для переброски войск. В условиях бездорожья и снежных заносов это позволило обеспечить высокую подвижность и маневренность стрелковых дивизий.

Итак, 2-я немецкая армия была разгромлена. Из семи дивизий, попавших в окружение, лишь 6-7 тыс. солдат и офицеров сумели вырваться из кольца и бежать на запад. Знаменательно, что это происходило как раз в те дни, когда Красная Армия под Сталинградом завершала уничтожение 6-й немецкой армии. Так бесславно закончили существование две некогда грозные армии, считавшиеся лучшими в гитлеровском вермахте. Вместе с ними почти полностью были разгромлены войска сателлитов гитлеровской Германии, брошенные в угоду ей на Восточный фронт тогдашними фашистскими правителями Италии, Румынии, Венгрии.

Мрачным было для руководителей фашистского блока начало 1943 г. Вместе с катастрофой под Сталинградом к ним одно за другим поступали невеселые для них известия об успешных действиях войск Воронежского фронта.

Вот как писал об этом впоследствии бывший гитлеровский генерал фон Бутлар: "Итог, который немецкому командованию

пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 г., был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий "Б" была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й (итальянской.- К. М.) армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков. От остальной части соединений уцелели только жалкие остатки. Из числа немецких войск, действовавших в полосе 8-й итальянской армии, остались лишь потрепанные остатки нескольких немецких дивизий, которым удалось спастись за рекой Оскол. Связь с группой армий "Центр" и с группой армий "Дон" была потеряна, стыки находились под угрозой"{161}.

Пожалуй, трудно что-либо добавить к этому перечню итогов двух наступательных операций советских войск - Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской. Что касается оценки действий 40-й армии, о которой здесь рассказывается, то следует лишь напомнить, что в обеих этих операциях она играла ведущую, основную роль. В результате и накопленный ею в тот период боевой опыт представлял собой значительную ценность. Он, в частности, отражал и усложнившиеся тогда задачи наступающих войск. Как уже было отмечено, в Острогожско-Россошанской операции 40-я армия но существу действовала тремя группировками войск: одна обеспечивала правый фланг от возможных контрударов противника, другая создавала внешний фронт окружения, а третья, в составе которой были главные силы, одновременно окружала и уничтожала вражескую группировку.

Воронежско-Касторненская операция имела свою отличительную особенность. Она была первым ярким примером успешного перехода от одной крупной наступательной операции к другой без оперативной паузы. Войска 40-й армии изготовились к ней в ограниченные сроки в ходе завершения предыдущей операции. Характерным для Воронежско-Касторненской операции являлись и действия танкового корпуса совместно со стрелковыми дивизиями первого эшелона при прорыве обороны врага, а гакже его последующие стремительные удары в оперативной глубине по подходившим резервам противника и узлам сопротивления.

Этот опыт, будучи определенным вкладом в развитие советского оперативного искусства, быстро распространялся и усваивался войсками. Так, примеру успешного применения 12 января передовых батальонов, переросшего в наступление 40-й армии, уже 25 января последовала 38-я армия.

Характерным было также творческое использование

артиллерии в наступлении. Исключительно эффективным оказалось сочетание огня с закрытых позиций и из орудий прямой наводки, находящихся в боевых порядках пехоты и танков. Такое построение было, в частности, при ликвидации опорного пункта противника в Синих Липягах. Здесь благодаря тесному взаимодействию артиллерии с пехотой удалось изолировать вражеский гарнизон в нескольких отдельных домах, после чего он был уничтожен в ходе решительной атаки. Та же участь постигла несколько дней спустя и фашистский гарнизон в г. Старый Оскол.

Говоря о боях за Старый Оскол, не могу не отдать дань героизму и самопожертвованию наших воинов. Эти высокие качества стали в советских войсках обычными, повседневными в тот период, как, впрочем, и в течение всей войны. И героический эпизод, о котором я хочу здесь рассказать, был одним из многих.

Это произошло 31 января 1943 г. Гарнизон противника в г. Старый Оскол, насчитывавший свыше двух полков 26-й немецкой пехотной дивизии, усиленных артиллерией, упорно оборонялся, стремясь сковыванием наших сил содействовать прорыву на запад окруженной восточное Горшечное группировки. С этой же целью вражеское командование послало гарнизону города крупное подкрепление, которое должно было прорваться в город со стороны железнодорожного разъезда Набокино.

Осуществление этого замысла привело бы к значительному усилению обороны противника, затяжке боев за г. Старый Оскол. Это понимали 15 бойцов и 2 командира из 409-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, занимавшие рубеж у разъезда Набокино. Решив сорвать замысел врага, они окопались у будки путевого обходчика Майсюка, позже названной Майсюковой будкой, и в смертельной схватке отстояли рубеж.

Отряд противника численностью свыше 500 человек с пулеметами и минометами на санях не смог прорваться в город и вскоре был разгромлен подоспевшим подкреплением. В этом бою из семнадцати смельчаков остались в живых четверо Т. П. Бабков, А. Бутбаев, В. И. Кукушкин и П. Е. Рябушкин. Тринадцать заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант В. А. Плотников, командир взвода младший лейтенант В. Л. Бондаренко, С. А. Башев, П. И. Виноградов, М. Ф. Дроздов, А. Е. Золотарев, Н. М. Литвинов, П. В. Николаев, Г. Е. Опарин, Т. А. Саввин, П. П. Толмачев, У. Чажабаев, М. С. Яблоков - пали смертью храбрых.

После освобождения Старого Оскола от гитлеровцев они были похоронены с воинскими почестями на Советской площади. В последний путь их провожали многие тысячи жителей города. С глубоким волнением слушали они слова заместителя командира

дивизиона но политической части капитана Мирошкина, обращенные к погибшим героям.

- Друзья мои! - говорил он.- У вашего гроба стоят жители города, за свободу которого вы сложили свои головы. Они пришли, чтобы дать вам клятву в том, что ваши имена они запомнят навечно, что кровь, пролитая вами, будет ежечасно звать на новые подвиги.

Все семнадцать были отмечены высокой правительственной наградой. Одна из улиц Старого Оскола названа именем 17-ти героев. Их братскую могилу и поныне свято чтут жители города.

Старый Оскол был освобожден частями 107-й стрелковой дивизии полковника П. М. Бежко. Произошло это 5 февраля, когда главные силы 40-й армии в составе войск Воронежского фронта осуществляли уже следующую наступательную операцию на харьковском направлении.

IV

Начало 1943 г. ознаменовалось блестящими победами советского оружия на полях сражений Великой Отечественной войны. Советские войска прорвали блокаду Ленинграда, была завершена ликвидация армии Паулюса в Сталинграде, очищен от фашистов почти весь Северный Кавказ. Красная Армия изгнала врага с Нижнего и Среднего Дона, восточной части Донбасса и ряда районов Украины. От немецко-фашистских захватчиков была освобождена вся территория, захваченная ими на юге летом и осенью 1942 г. Снова над Воронежем, Ворошиловградом и Ростовом развевались красные флаги.

В двух январских операциях - Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской - советские войска в течение 20 дней ликвидировали две вражеские группировки, расширили брешь в обороне противника от Валуек до Ливен. Эти операции не только обогатили советское военное искусство теорией и практикой окружения и разгрома крупных сил противника. Они создали условия для дальнейших успешных наступательных действий Красной Армии как на Воронежском и Брянском, так и на других фронтах.

К концу января 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования, располагая сведениями о тяжелом состоянии немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта, решила использовать благоприятно сложившуюся обстановку и завершить разгром врага на курском, харьковском и донбасском направлениях. В этих районах гитлеровское командование не располагало крупными оперативными резервами, а подбрасывало их из глубины, намереваясь сорвать наступление Красной Армии, захватить

инициативу в свои руки и взять реванш за поражения под Сталинградом и на Дону.

Нельзя было предоставлять врагу даже небольшого выигрыша времени, ибо это позволило бы ему закрепиться и уплотнить оборону за счет прибывающих резервов. Поэтому Ставка приняла решение продолжать развитие наступательных операций Красной Армии без оперативных пауз. Таким путем можно было сорвать планы гитлеровцев и принудить их к вводу резервов в бой по частям по мере их прибытия.

В связи с этим войска Юго-Западного и Южного фронтов, громившие немецко-фашистскую группу армий "Дон", получили задачу разбить противостоящего врага и освободить Донбасс. Армии Воронежского фронта должны были, используя свое выгодное положение, наступать на курском и харьковском направлениях и завершить разгром остатков войск группы армий "Б".

40-й армии задача на подготовку новой наступательной операции была поставлена еще 28 января. В тот день мы только что освободили Касторное и этим завершили окружение 2-й немецкой армии. Таким образом, предстояло ликвидацию попавшего в "мешок" врага сочетать с одновременной подготовкой новой наступательной операции.

Характерная особенность момента состояла в том, что эти две задачи были тесно связаны одна с другой, взаимозависимы. Чем дальше на запад мог отодвинуться фронт в результате нашего наступления, тем меньше надежд на спасение оставалось у окруженных. В то же время разгром 2-й немецкой армии являлся одним из условий успеха дальнейших наступательных действий советских войск. Особенно это относилось к соединениям 40-й армии, находившимся к западу от окруженной группировки, как раз там, где противник предпринимал отчаянные попытки вырваться из кольца.

Сложившаяся ситуация требовала рассредоточить усилия армии на Двух фактически противоположных направлениях - западном и восточном. Поэтому Военный совет армии, собравшийся в один из последних дней января, сосредоточил внимание на поисках путей для решения поставленной перед нами задачи. Его участники, не жалуясь на трудности, выражали глубокое удовлетворение и радость по поводу того, что нам предстояло участвовать еще в одной наступательной операции. Все говорили о высоком наступательном порыве в частях и подразделениях.

Это заседание ярко отразило огромный энтузиазм, величайший подъем, царившие в войсках армии. Вместе с тем на

нем обсуждались и конкретные вопросы, высказывались разумные и полезные предложения. Многие из них касались наиболее острой темы - относительно предстоявшего поворота фронта армии на новое направление. Этого потребовали поставленные нам задачи в дальнейшей операции по овладению Белгородом и Харьковом.

План наступательной операции, получившей условное наименование "Звезда", имел некоторые особенности. Своим названием он был обязан тому, что намечал концентрический удар на Харьков но сходящимся направлениям.

Освобождение Харьковского промышленного района должны были осуществить армии центра и левого крыла Воронежского фронта - 40-я, 69-я (сформированная в тот период на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса) и 3-я танковая. Причем их фронт, вначале весьма широкий, охватывающий обширную территорию, изрезанную глубокими оврагами и руслами рек, сужался по мере приближения к городу. Все армии наносили удар с рубежа р. Оскол. Но 69-я наступала на Харьков с северо-востока через Волчанск, 3-я танковая - с востока через Печенеги, Чугуев, Люботин и частью сил (обходом) с юго-запада, 40-я - с северо-запада и запада.

А для того чтобы нанести такой удар, 40-я армия и должна была в начале февраля повернуть фронт наступления с северного и северо-западного направлений на юго-западное. Далее ей предстояло обойти оборонительный рубеж противника на Северном Донце. Только после этого она могла выйти к Харькову с северо-запада и запада, с тем чтобы оттуда штурмовать город.

В связи с этим следует вновь подчеркнуть, что 40-я армия играла важную роль в зимних операциях Воронежского фронта. Отчасти это объяснялось тем, что она располагалась в центре оперативного построения фронта. Поэтому, например, в Острогожско-Россошанской операции левого крыла фронта именно ей было "с руки" осуществлять совместно с 3-й танковой армией окружение противостоящей группировки и одновременно правым флангом обеспечивать отражение возможного контрудара противника со стороны Воронежа. По той же причине и при проведении Воронежско-Касторненской наступательной операции правого крыла фронта участие 40-й армии в окружении и разгроме 2-й немецкой армии носило решающий характер.

Легко представить, что такая напряженность накладывала большую ответственность в первую очередь на меня как командующего армией, на ее Военный совет и штаб. И могу с гордостью сказать: мы справились с поставленными задачами, причем в немалой степени потому, что все звенья армейского

руководства четко взаимодействовали, своей деятельностью дополняли друг друга.

Не могу отказать себе в удовольствии еще раз вспомнить добрым словом членов Военного совета армии К. В. Крайнюкова и И. С. Грушецкого, начальника штаба З. З. Рогозного, начальника политотдела полковника П. В. Севастьянова, командующих родов войск, которые проявили себя с самой лучшей стороны в период наступательных операций - Острогожско-Россошанской, Воронежско-Касторненской, Белгородско-Харьковской. Высокие личные качества и боевой опыт, накопленный за полтора года войны и умело применяемый в боях с врагом, были вкладом каждого из них в успешное выполнение поставленных армии задач.

О себе скажу тоже.

Начиная с битвы под Москвой, мне почти все время пришлось командовать войсками в наступлении. Исключение составлял лишь период с конца мая до середины июля - примерно полтора месяца,- когда возглавляемая мною 38-я армия с тяжелыми боями отступала сначала к р. Оскол, затем через всю большую излучину Дона. До того я участвовал в нескольких наступательных операциях Юго-Западного фронта. Те из них, которые проводились в начале 1942 г., не дали решительных результатов. Последняя же - майская Харьковская наступательная операция вообще окончилась катастрофически для сил Юго-Западного фронта. Под Сталинградом возглавляемые мной 1-я танковая и 1-я гвардейская армии своими наступательными действиями совместно с другими армиями спутали карты врага, сорвали его планы, однако тогда это также но привело к решительному разгрому противостоявших войск.

Незавершенные или неудачные наступательные операции, конечно, оставили горький след в душе тех, кто в них участвовал. Но также очевидно, что этих людей, в числе которых был и я, не могла не обогатить немалым опытом такая серия наступательных операций, проведенных в разных условиях, различными силами и с неодинаковыми задачами. Что касается меня, то впервые широко применить накопленный опыт организации и ведения наступательной операции мне довелось лишь в январе 1943 г., во время боевых действий по окружению и уничтожению острогожско-россошанской и воронежско-касторненской группировок противника. И они стали первыми операциями, в ходе которых были не только успешно выполнены задачи, поставленные Ставкой и фронтом, но и полностью реализованы мои собственные оперативные решения, принятые в интересах достижения намеченных целей. Иначе говоря, опыт стал богаче и,

кроме того, он прошел суровую проверку. И многое из того, что еще недавно казалось неясным, таящим опасности, теперь становилось привычным делом.

В ходе подготовки к наступлению на Харьков так обстояло, в частности, с перегруппировкой и перенацеливанием армии на это направление. Командование и штабы соединений успешно осуществили поворот оси наступления на 90-120°. Они сделали это в чрезвычайно сложных условиях, оставив у себя в тылу окруженную, яростно пытающуюся прорваться на запад крупную группировку противника.

V

К концу января в состав 40-й армии входили восемь стрелковых дивизий, танковый корпус, стрелковая бригада и части усиления, Пять дивизий - 100,183, 305,309-я и 340-я были переключены на подготовку новой наступательной операции.

В результате лишь часть сил армии (107, 303-я, 25-я гвардейская стрелковые дивизии, 129-я стрелковая бригада и 4-й танковый корпус) продолжала действия по ликвидации окруженной группировки. Поэтому процесс этот затянулся. Правда, окруженного противника громили и другие армии. Но их войска находились к востоку от неприятеля. Соединения же 40-й армии действовали в районе западнее Горшечного, где гитлеровцы предпринимали самые отчаянные попытки прорваться на запад.

Там сосредоточилось наибольшее число окруженных войск, действовавших в составе трех групп.

Об одной из них уже упоминалось. То был гарнизон Старого Оскола, превративший этот город в мощный узел сопротивления. Поскольку он предназначался для сковывания войск нашей армии, то сюда были стянуты крупные силы пехоты и артиллерии. Даже после того как этот гарнизон был разгромлен 107-й стрелковой дивизией полковника П. М. Бежко и потерял большую часть своего личного состава, число уцелевших, взятых в плен, достигало почти 2 тыс. человек.

Еще более многочисленной была группировка противника, которая пыталась из района Горшечного прорваться на запад. Впрочем, она значительно уменьшилась под ударами 25-й гвардейской и 303-й стрелковых дивизий.

Таким образом, окруженному врагу ни в том, ни в другом случае не удалось осуществить свои намерения. Однако затяжка ликвидации воронежско-касторненской группировки противника привела к тому, что 107-я и 25-я гвардейская стрелковые дивизии (последняя была сменена частями 38-й армии) лишь 5- 6 февраля получили возможность присоединиться к остальным силам

армии, наступавшим уже на харьковском направлении.

4-й танковый корпус смог сделать это еще позднее -8 февраля. П вот почему.

В ночь на 2 февраля одна из групп противника прорвала внутренний фронт окружения и устремилась на запад, в направлении населенного пункта Богатыреве. Именно в этом районе сосредоточивалась для движения на белгородское направление 102-я танковая бригада 4-го танкового корпуса. Встретив противника огнем и нанеся ему тяжелый урон, она отразила его попытки прорваться дальше на запад.

Затаившись и выждав до следующей ночи, противник пошел другим путем, надеясь прорваться там. В ночной мгле он приблизился к Ястребовке. Но здесь его ждало еще большее разочарование. В районе этого населенного пункта сосредоточивались 45-я и 64-я танковые бригады. Обнаружив врага, танкисты открыли по нему огонь из пушек и пулеметов.

Нужно пояснить, что на Ястребовку фашисты двигались несколькими плотными колоннами. Встретив отпор, они, вероятно, решили, что натолкнулись на тыловую часть и что им удастся прорваться, подавив ее своей численностью. Поэтому они и но лезли вперед орущей, обезумевшей от ярости массой. Но на их пути непреодолимой стеной стояли танкисты. Они вели огонь, теперь уже шквальный, до тех пор, пока не рассеялись вражеские колонны. Утром за околицей Ястребовки были подобраны и захоронены тысячи окоченевших трупов фашистских солдат и офицеров.

Но и на этом не кончились попытки врага прорваться из окружения на этом участке. Его атаки следовали одна за другой в течение следующих нескольких дней. Но они привели лишь к гибели еще многих тысяч окруженных.

Так 4-й танковый корпус оказался связанным в боях под Горшечным. Поэтому он и не смог выполнить поставленную ему задачу в начавшемся 3 февраля наступлении главных сил 40-й армии в юго-западном направлении. А как нужен был нам в те дни танковый корпус для броска вперед и развития успеха стрелковых дивизий!

Пришлось создать небольшой сводный танковый отряд. В его состав вошли 116-я танковая бригада и три отдельных танковых полка.

Сводный отряд, которым командовал мой заместитель по бронетанковым и механизированным войскам полковник В. Г. Романов, сыграл существенную роль в операции. Но, конечно, заменить танковый корпус он не мог.

69-я и 3-я танковая армии начали Харьковскую

наступательную операцию 2 февраля. Сутки спустя, в 9 часов утра, как уже упоминалось, перешли в наступление в юго-западном направлении и главные силы 40-й армии. Они были построены вновь в два эшелона. Впереди наступала ударная группировка в составе 309, 340, 305-й и 100-й стрелковых дивизий. Им была поставлена задача продвинуться к исходу третьего дня на 70 км и достичь рубежа Гнездиловка Казачье - Шеино - Купино. За ними двигался второй эшелон - 183-я стрелковая дивизия и сводный танковый отряд.

Наступление развивалось успешно. Враг оказывал упорное сопротивление. Приспосабливая к обороне населенные пункты, подрывая мосты и лед на переправах, минируя и разрушая дороги, он делал все возможное, чтобы задержать натиск советских войск. Пожалуй, ему помогали в этом продолжавшиеся метели с большими снежными заносами, сильные морозы. К тому же ограниченное число дорог увеличивало для наступающих трудности в маневрировании и в своевременном обеспечении всем необходимым для жизни и боя. Несмотря на все это, наши дивизии, ломая сопротивление, продвигались вперед, и даже быстрее, чем намечалось по плану операции.

Больший успех сопутствовал правофланговым дивизиям, которым была отведена важнейшая роль. Ведь именно им предстояло в дальнейшем наступлении на Харьков обойти этот город с запада. Особенно успешно продвигалась одна из них - 309-я. Ее командир генерал-майор М. И. Меньшиков отлично понимал роль своей дивизии в предстоящем освобождении Харькова и до предела использовал санный транспорт для стремительного продвижения вперед. В результате за четыре дня наступления дивизия генерала Меньшикова не только выполнила ближайшую задачу, но и продвинулась на 20 км западнее заданного ей рубежа. Уже 6 февраля она преодолела Северный Донец, овладела крупным населенным пунктом и станцией Гостищево, расположенной на железной дороге Курск - Харьков в 18-20 км севернее Белгорода.

Быстро продвигалась вперед и 340-я стрелковая дивизия генерал-майора С. С. Мартиросяна. Она содействовала также ускорению наступления левофланговых 100-й и 305-й стрелковых дивизий на корочапском направлении. Там противник силами пехоты, поддержанной артиллерией и авиацией, стремился остановить продвижение наших войск, превратив г. Короча в сильный опорный пункт. Осуществить это ему не удалось, так как 340-я стрелковая дивизия обошла город севернее, а 100-я под командованием генерал-майора Ф. И. Перхоровича - южнее. В результате двустороннего охвата, грозившего окружением,

противник поспешно отступил в направлении Шебекино, Волчанок. 305-я стрелковая дивизия полковника И. А. Даниловича, наступавшая с фронта, 7 февраля освободила г. Корочу.

Однако важнейшие события, связанные с освобождением Белгорода и Харькова, происходили на правом фланге 40-й армии, где осуществлялся обход вражеской группировки.

Еще 4 февраля, как только в полосе наступления 309-й стрелковой дивизии обозначился успех, с целью его развития я направил туда сводный танковый отряд. Вслед за этим и 183-й стрелковой дивизии генерал-майора А. С. Костицына, находившейся во втором эшелоне, было приказано продвигаться вперед за правым флангом 309-й и быть в постоянной готовности развить ее успех во взаимодействии со сводным танковым отрядом.

В решении развить успех дивизии генерала Меньшикова имелся определенный риск. Ведь правый фланг армии был открыт, и на десятки километров к северу советских войск не было. Только далеко в тылу, в районе Горшечного и Старого Оскола, тогда еще шли ожесточенные бои по ликвидации остатков окруженной группировки врага. Однако в данной обстановке иного решения быть не могло, ибо, во-первых, враг после ударов последних недель не располагал здесь крупными силами и, во-вторых, стало ясно, что именно в полосе 309-й стрелковой дивизии решался успех всей операции.

Командование 40-й армии предприняло ряд мер по обеспечению правого фланга армии, где наступление получило наибольший успех, артиллерией и авиацией. Туда же направлялись по мере высвобождения 107-я и 25-я гвардейская стрелковые дивизии и, наконец, 4-й танковый корпус.

Все эти соединения и части составили сильную ударную группировку, которую мы нацелили на освобождение Белгорода и дальнейшее наступление в обход Харькова. В ее составе было пять стрелковых дивизий, все танки 40-й армии и значительная часть артиллерийских средств усиления. И уже 6-7 февраля, хотя тогда эта ударная группировка была еще не в полном составе, на правом фланге армии был достигнут новый успех.

После освобождения Гостищево наиболее целесообразным представлялось наступать на Белгород с трех сторон. Соответственно этому решению 309-я стрелковая дивизия получила приказ продвигаться к городу вдоль железной дороги, т. е. с севера, 340-я - с востока. Одновременно была введена в бой 183-я стрелковая дивизия с задачей наступать с северо-запада и отрезать вражескому гарнизону пути отхода из Белгорода на

запад и юго-запад.

Дальше события развертывались стремительно. 8 февраля в 5 часов 183-я стрелковая дивизия с частью сил танкового отряда полковника Романова овладела западной частью Белгорода и оседлала все дороги к северо-западу, западу и югу от него. Тогда же 309-я стрелковая дивизия совместно со 192-й танковой бригадой заняла его северные, восточные и южные окраины. Вслед за тем наши части начали планомерно очищать город от захватчиков. А в это время 340-я стрелковая дивизия уничтожала противника на восточных подступах к Белгороду.

Сломив отчаянное сопротивление врага, войска 40-й армии к утру 9 февраля освободили Белгород. В боях за город они уничтожили полностью до двух полков противника, захватив свыше тысячи пленных. Вырваться из города удалось не более чем батальону немецкой пехоты с танками и обозом, но и он был разгромлен в районе железнодорожной станции Болховец частями 183-й стрелковой дивизии.

VI

Впереди был Харьков. Вторая столица Украины подобно магниту притягивала к себе наши войска. И этот порыв не могли сдержать ни сопротивление противника, ни продолжавшая свирепствовать пурга.

Лично меня с Харьковом связывало многое. В этом городе мне довелось побывать еще в юношеские годы. Уже тогда меня, крестьянского паренька, Харьков поразил строгой красотой улиц и площадей, кипучей жизнью крупного индустриального и культурного центра. Там в начале 20-х годов я окончил объединенную школу красных командиров и получил первичное командирское звание. Приезжая в Харьков и позднее, каждый раз примечал в нем новые, необычайно красившие его черты. То был бурный рост, охвативший тогда, в годы предвоенных пятилеток, все города страны,

Потом пришла война. Осенью 1941 г. в Харьков, в управление Юго-Западного фронта, прибывали многие из тех, кто вырвался из окружения. Тогда я впервые увидел этот город в военном обличье. По улицам шли войска, в составе которых было много харьковчан. Они отправлялись на фронт. Туда же двигались колонны новеньких боевых машин. Их тоже посылал на врага Харьков, обративший всю свою индустриальную силу на обеспечение Красной Армии вооружением и военной техникой.

И наконец, зимой и весной 1942 г., когда Харьков был уже в руках у фашистских захватчиков, я совсем близко подходил к нему во время наступательных операций 38-й армии. Увы, у войск Юго-Западного фронта тогда не хватило сил освободить город, а

их майское наступление привело к большой неудаче. С тех пор фронт отодвинулся на многие сотни километров к востоку. И каким далеким казался Харьков в дни обороны Сталинграда!

Но теперь вот он, перед нами. Мы вернулись, чтобы освободить его из плена, очистить от коричневой чумы.

Чем ближе подходили наши дивизии к Харькову, тем ожесточеннее сопротивлялись эсэсовские дивизии. Особенно возросла активность вражеской авиации, наносившая массированные удары по дорогам и населенным пунктам.

Под одну из таких бомбежек попал заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор В. Д. Иванов и был тяжело ранен. Он прибыл к нам в первых числах января 1943 г. и все время находился в армии. Генерал Иванов не сидел в штабе, а находился все время со мной на вспомогательном пункте управления и в войсках, поддерживал связь с А. М. Василевским и был информирован о положении советских войск на других фронтах и о замыслах Верховного Главнокомандования. Неоднократно он помогал мне высококвалифицированным советом или выезжал в ту или иную дивизию помочь командирам разобраться в обстановке.

Гитлеровское командование упорно цеплялось за Харьков. Оно понимало, что, потеряв его, не сможет удержать в своих руках и Донецкий угольный бассейн. Поэтому в район Харькова был переброшен из Франции танковый корпус СС в составе трех отборных дивизий - "Адольф Гитлер", "Рейх" и "Мертвая голова". На них немецко-фашистское командование возлагало большие надежды.

И действительно, названному танковому корпусу удалось затормозить наступление 69-й и 3-й танковой армий с северо-востока и востока. На рубеже р. Северный Донец он навязал им тяжелые бои, принявшие особенно затяжной характер на переправах. Только 6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу генерал-майора С. В. Соколова, использовавшему успех 6-й армии Юго-Западного фронта, удалось прорваться южнее Харькова и создать угрозу обхода действовавшей здесь группировки противника. Но его сил было явно недостаточно для этого. Тем более что они состояли из кавалерии, которой пришлось действовать против танкового корпуса СС.

В создавшейся обстановке значительную роль должна была сыграть 40-я армия. Она находилась в районе Белгорода на западном берегу Северного Донца. Таким образом, рубежи обороны противника восточное Харькова были ею обойдены с севера. Это значило, что ее удар по городу и в обход последнего с северо-запада и запада мог оказать решающее содействие и

войскам 69-й и 3-й танковой армий, тогда еще продолжавшим вести тяжелые бои восточное Харькова. 40-й же армии благоприятствовало и то, что все ее дивизии были сосредоточены на небольшом пространстве западнее Северного Донца, где они стремительно двигались на Харьков. Присоединился к ним наконец и 4-й танковый корпус.

Итак, наступил последний, самый ответственный этап операции "Звезда". Главные силы армии начали наступление в южном направлении. Напомню, что до сих пор основной удар армия наносила правым флангом. Теперь же в связи с поворотом фронта надо было обезопасить ударную группировку от неожиданностей с запада. Поэтому основные усилия армии переместились на войска, сосредоточенные в центре ее оперативного построения.

Здесь ударную группировку армии теперь составили 25-я гвардейская, 340-я, 183-я, 305-я стрелковые дивизии и 4-й танковый корпус. Они получили задачу наступать вдоль шоссейной и железной дорог на юг, обходя Харьков с запада.

303-я стрелковая дивизия, ранее направленная на Обоянь, прикрывала ударную группировку армии с севера, 107-я -с запада, 309-я - с юго-запада. При этом дивизии полковника Бежко было приказано наступать на Томаровку, Борисовку, Грайворон, а дивизии генерал-майора Меньшикова - на Богодухов.

Я отдавал себе полный отчет в трудности выполняемой задачи. Особенность ее заключалась прежде всего в том, что предстояло штурмовать крупный город, в котором враг давно и основательно окопался, намереваясь обороняться всеми имевшимися у него силами. Кроме того, нельзя было не учитывать, что основу противостоявших войск составлял эсэсовский танковый корпус, не только обильно оснащенный лучшей немецкой техникой, но и укомплектованный, как мы знали, отборными гитлеровскими головорезами.

Мне, да и многим из нас, до тех пор приходилось иметь дело с отдельными моторизованными дивизиями СС. А вот с целым танковым корпусом этого типа нам предстояло сразиться впервые. Можно было лишь догадываться, что он представлял собой мощную ударную силу. Следовательно, и действовать против него нужно было продуманно, быстро и решительно. Основным условием успеха, несомненно, являлся глубокий обход Харькова крупными силами. Это должно было привести - в случае попытки противника обороняться в данном районе наличными силами - к окружению и ликвидации всей его харьковской группировки.

Немецко-фашистское командование, видимо, также понимало, чем грозил его войскам обходный маневр 40-й армии. Поэтому как только наша ударная группировка направилась к районам, расположенным северо-западнее и западнее Харькова, противник забеспокоился. Он сразу же начал отводить свои войска в полосе 69-й, а затем и 3-й танковой армий.

Это позволило первой из них овладеть Волчанском, форсировать по льду Северный Донец и выйти к оборонительному обводу в 18-20 км от Харькова. 3-я танковая армия также получила возможность переправиться на правый берег той же реки, освободить г. Чугуев и приблизиться к Харькову.

По принятым врагом мерам тогда еще нельзя было судить о его дальнейших намерениях. Для того ли он отводил к Харькову свои войска, в том числе и танковый корпус, чтобы усилить сопротивление непосредственно на ближних подступах к городу?

Или это было начало общего отхода противника из Харьковского промышленного района с целью избежать окружения? Ответ на оба вопроса мог дать лишь дальнейший ход событий. Мы, однако, стремились устроить врагу независимо от его намерений еще один "котел", и действовали соответственно этому.

Войска 40-й армии стремительно наступали с севера на Харьков и одновременно обходили его с северо-запада и запада. Первую из этих задач мы выполняли силами своей ударной группировки, вторую - наступлением 107-й стрелковой дивизии на Грайворон и 309-й - на Богодухов.

Имелось в виду, что будут также перерезаны пути отхода противника на юго-запад. Это могло быть достигнуто выходом поиск фронта к Мерефе. Пока на этом направлении по-прежнему действовал лишь 6-й гвардейский кавкорпус, но возможности его усиления, казалось, улучшились в связи с ускорившимся наступлением 3-й танковой армии.

Войска армии в это время продолжали безостановочно продвигаться вперед. Ударной группировке 40-й армии пытались оказать сопротивление части двух дивизий противника - 163-й пехотной и эсэсовской моторизованной "Великая Германия" (не входившей в состав упоминавшегося выше танкового корпуса СС) -с танками и самоходными орудиями. Но они были разгромлены.

12 февраля в бой вступил 4-й танковый корпус генерала Кравченко. К тому времени он был преобразован в 5-й гвардейский танковый корпус за выдающиеся успехи в разгроме фашистских войск в районе Сталинграда и под Воронежем. Сообщение об этом было получено как раз накануне его ввода в бой для наступления на Харьков.

Командование 40-й армии от души поздравило генерала Кравченко и его славных танкистов. В бригадах корпуса состоялись короткие митинги. Сразу же после их окончания гвардейцы-танкисты с еще большим воодушевлением устремились на противника, и тут же на деле доказали, что вполне заслужили гордое имя советский гвардии.

С вводом в бой корпуса генерала Кравченко темп наступления ударной группировки армии еще более увеличился. Она продвигалась теперь уже на ближних подступах к Харькову, и командиров дивизий и бригад так и тянуло повернуть к городу. Впрочем, такое желание все время владело и мной. Еще бы!

Ведь всем нам хотелось поскорей освободить вторую столицу Украины. Но приходилось сдерживать и себя и других, ибо наша задача состояла в том, чтобы поглубже охватить город с запада.

Беспредельна была радость освобождаемого из-под фашистской оккупации населения сел и городов. Мужчины брали

в руки оружие и вливались в ряды Красной Армии. Женщины, подростки и старики, все без исключения выходили на очистку дорог от снега, чтобы хоть чем-нибудь помочь нашим бойцам. Повсюду навстречу нам выходили партизаны. Их помощь в бою подчас оказывалась весьма существенной. Расскажу об одном из таких эпизодов, особенно мне запомнившемся.

Было это 13 февраля в полосе наступления 340-й стрелковой дивизии, двигавшейся с северо-запада. Ее 1140-й стрелковый полк под командованием капитана Д. Д. Бойко, приблизившись к Харькову, приготовился проникнуть в город. Сделать это скрытно ему помогли партизан А. Г. Дрегуляс и три девушки харьковчанки - Наташа Жеретина, Люба Алехина и Нина Сиденко, впоследствии представленные к правительственным наградам. Зная расположение вражеских сил, они указали безопасный путь через лесок в районе Холодной горы. Благодаря этому полк капитана Бойко без единого выстрела проник в город. Заняв несколько улиц и использовав расположенную на одной из них церковь в качестве наблюдательного пункта, они открыли внезапный огонь по противнику. Застигнутые врасплох фашисты в панике начали отступать.

На их плечах 340-я стрелковая дивизия генерал-майора С. С. Мартиросяна первой ворвалась в Харьков. Ее полки овладели Южным вокзалом, проникли в центр города, очистили от фашистов площади Дзержинского и Тевелева, а также здание, в котором в свое время помещался ЦИК УССР. Над ним группа автоматчиков 1142-го стрелкового полка во главе с младшим лейтенантом Шевченко водрузила красное знамя.

С другого направления сюда же вышли полки 183-й стрелковой дивизии генерала Костицына. А в течение следующих двух дней, когда противнику были отрезаны пути отхода на запад через Олыпаны и Люботин, в бои за город включились 25-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии, 6-я гвардейская мотострелковая бригада, часть танков 5-го гвардейского танкового корпуса и сводного танкового отряда.

К 17 часам 15 февраля войска 40-й армии очистили от противника юго-западную, западную и северо-западную части города. А в ночь на 16 февраля решительной атакой со всех сторон войска 40-й, 69-й и 3-й танковой армий полностью освободили Харьков.

Таким образом, честь освобождения Харькова в феврале 1943 г. принадлежит трем названным армиям. Их войска, наступая с разных сторон, совместно нанесли поражение противнику и заставили его покинуть город. Видимо, поэтому командование фронта тогда задалось целью определить, какая же из трех армий

внесла наибольший вклад в успех этой операции.

Последовал разбор операции, после чего командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков заявил: "40-я армия представляла основную силу маневра в Харьковской операции... Развернутая в районе города Старой Оскол, она была двинута по оси Скородное, Белгород, Казачья Лопань, Дергачи, с тем чтобы РЫЙТИ на город Харьков с северо-запада и запада, как это и было фактически осуществлено... Решающую роль во взятии Харькова сыграла 40-я армия"{162}.

От себя добавлю, что в составе армии особо отличились 5-й гвардейский танковый корпус генерал-майора А. Г. Кравченко, 340-я, 25-я гвардейская, 183-я, 309-я, 100-я стрелковые дивизии генералов С. С. Мартиросяна, П. М. Шафаренко, А. С. Костицина, М. И. Меньшикова, Ф. И. Перхоровича.

Население Харькова вместе с советскими бойцами торжествовало избавление от немецко-фашистского ига. 17 февраля состоялся митинг трудящихся и воинов Красной Армии. В нем приняли участие секретари областного и городского комитетов партии В. М. Чураев и А. И. Смирнов, командный состав армий, освобождавших город, писатели Александр Корнейчук и Ванда Василевская.

Жители города радовались освобождению. Мужчины призывного возраста вступали в ряды Красной Армии.

VII

Нам не удалось окружить и полностью уничтожить харьковскую группировку немецко-фашистских войск. Это произошло в значительной мере потому, что Мерефа не была занята 6-м гвардейским кавкорпусом: своих сил у него для этого не хватало, а усиление от 3-й танковой армии он так и не получил. Противник воспользовался этим единственным оставшимся у него выходом на запад (пути на Полтаву перекрыли войска 40-й армии) и бежал в направлении Красноград.

Уже после войны мне стало известно из воспоминаний Манштейна, что Гитлер приказал своим войскам "во что бы то ни стало удержать Харьков, потеря которого могла отразиться на престиже Германии, как своего рода новый Сталинград". Но ограничившись этим, он 13 февраля издал еще один строгий приказ, в котором требовал "при всех обстоятельствах удерживать Харьков"{163}, что, несомненно, означало и оборону в условиях окружения.

Почему не был выполнен этот дважды повторенный приказ Гитлера? Манштейн, в чьем подчинении находилась харьковская группировка немецко-фашистских войск, в тех же послевоенных воспоминаниях свалил вину за это на командира танкового

корпуса СС. Более того, он задним числом даже упрекнул Гитлера в том, что этот эсэсовец не был предан суду. Будь виновником армейский генерал, пояснял Манштейн, то он-де непременно был бы осужден.

Возможно, все так и было. Однако объяснения Манштейна касаются в сущности только следствия одного из тех замалчиваемых им процессов, которые происходили тогда в фашистской армии.

Я имею в виду следующее. Советские войска наступали на Харьков спустя неделю после окончания траура, объявленного п Германии по случаю гибели 6-й армии, уничтоженной в районе Сталинграда. Фашистам впору было продолжать и дальше похоронный колокольный звон - по тем армиям, которые также были разгромлены на Среднем Дону, в районе Острогожска и Россоши, Воронежа и Касторного. Эта серия мощных ударов Красной Армии так основательно напугала гитлеровских вояк, что они теперь приходили в ужас при одной мысли о грозящем им окружении. Эсэсовцы и их генералы, видимо, не составляли исключения, поэтому и бегству эсэсовского танкового корпуса из полуокруженного Харькова не приходится удивляться.

Другое дело, можно пожалеть о том, что корпусу это удалось, ибо, останься он выполнять приказ фюрера, все три его дивизии - "Адольф Гитлер", "Рейх" и "Мертвая голова", не сомневаюсь, тогда же прекратили бы свое существование. Кто знает, быть может, из этого и исходил Гитлер, когда решил не отдавать под суд командира эсэсовского корпуса.

Да и мог ли он поступить иначе, если, несомненно, по его указанию, пресса фашистской Германии скрыла от немецкого народа сам факт освобождения Харькова Красной Армией! В то время как весть об этом событии облетела весь мир, германское информационное бюро еще 18 февраля утверждало, будто в Харькове продолжаются бои. Гитлеровцы боялись сказать правду немецкому народу, так как потеря Харькова была для них весьма чувствительным ударом, тем более, что она произошла буквально сразу же после поразившей их катастрофы под Сталинградом и разгрома фашистских войск на Дону.

При освобождении Харькова геройски погиб командир 86-й танковой бригады подполковник В. Г. Засеев. Я знал его еще с довоенных времен, когда мы вместе служили на Дальнем Востоке. Он был осетин по национальности, горец, сын мудрого и отважного народа, коммунист, пламенный патриот нашей социалистической Родины. Говорят, кавказцы - люди горячие. Таким был и Виктор Георгиевич Засеев. Но вместе с горячим сердцем у него была огромная выдержка, ясная голова. Он

исключительно умело действовал со своей танковой бригадой в Острогожско-Россошанской, Воронежско-Касторненской операциях, при освобождении Харькова. На одной из улиц этого города подполковник Засеев и погиб в подожженном фашистами танке. Вечная память герою!

Воины 40-й армии отомстили за него врагу. Взять хотя бы тот же эсэсовский танковый корпус. Хотя он и сбежал, все же в ходе боев в Харькове мы нанесли ему чувствительный урон. Только 40-я армия уничтожила около 3 тыс. вражеских солдат и офицеров, подбила и сожгла до 60 танков и самоходных орудий, до 5 тыс. автомашин. Да и самим эсэсовцам пришлось сжечь немало своих боевых машин, так как они бежали настолько поспешно, что многие из них не успели произвести заправку горючим. В одном только месте они, как было зафиксировано очевидцами, собрали 20 исправных танков и подорвали их{164}.

Успех Харьковской наступательной операции в феврале 1943 г. был достигнут в условиях, когда противостоящая вражеская группировка была резко ослаблена в предшествующих операциях советских войск. Но последнее обстоятельство явилось лишь одной из предпосылок освобождения Харькова. Важнейшую роль сыграло то, что здесь удалось достичь оперативной внезапности. Наступление началось без оперативной паузы и осуществлялось тем же составом войск, что и предыдущие операции. Таким образом, противник не мог располагать данными о подготовке нового удара.

Правда, вышеупомянутый битый гитлеровский фельдмаршал Манштейн в книге, написанной после войны, тщился уверить в обратном. С этой целью он утверждал, что догадывался о возможной "попытке" советских войск "разгромить находящуюся еще в стадии формирования группу Ланца"{165}, т.е. харьковскую группировку фашистских войск.

Нелишне заметить, что эта группировка, которая, по словам Манштейна, была "еще в стадии формирования", обладала, однако, достаточными силами, чтобы сдерживать некоторое время наступление двух советских армий - 69-й и 3-й танковой - к востоку от Харькова. Ведь отходить она начала лишь после показанного выше обходного маневра войск 40-й армии, грозившего этой группировке окружением.

Что же касается "догадок" Манштейна относительно намерения нашего командования разгромить группу Ланца, т. е. наступать на Харьков с целью его освобождения, то бывший гитлеровский фельдмаршал явно придумал их. Это видно из содержания документов немецко-фашистского командования, относящихся к концу января и началу февраля 1943 г. Некоторые

из них действительно касались боев в районе северо-восточнее Харькова. Но речь в них шла отнюдь не об угрозе атаки Красной Армии с этого направления в самые ближайшие дни.

Так, предложения Манштейна, сделанные им Б разговоре по телефону с начальником генштаба Цейтцлером 19 января, а затем в телеграмме от 31 января, относились к планам собственных наступательных действий немецко-фашистских войск в этом районе. Суть же этих планов выясняется при ознакомлении со стенограммой совещания Гитлера и Цейтцлера 1 февраля 1943 г. Последний при обсуждении вариантов "удержания Донбасса" доложил фюреру о создании "наступательной группировки в районе Харькова", подчиненной Манштейну. Далее он заявил буквально следующее: "Для того чтобы нормализовать и облегчить положение в этом районе, мы подготовились здесь к нанесению удара с севера на юг"{166}.

Итак, удар на юг, причем "вспомогательный"{167}, из района северо-восточнее Харькова с целью содействовать удержанию Донбасса. В этом и состояло предложение Манштейна. Но ясно, что такой план, если бы даже он был осуществлен, ни в какой мере не относился к наступлению Красной Армии на Харьков из района Воронежа. Более того, выполнение этого плана намечалось на весьма неопределенный период, во всяком случае на конец зимы - "еще до начала распутицы"{168}. Все эти факты - лучшее свидетельство того, что наступление войск Воронежского фронта на Харьков явилось для противника совершенно неожиданным.

Можно допустить, что фашистское командование имело сведения о составе войск, окруживших 2-ю немецкую армию. В частности, ему, несомненно, было известно, что в районе Горшечного и Старого Оскола действовала наша 40-я армия. Но ведь это была общевойсковая армия. Вот почему неожиданным для противника оказалось ее использование для наступления из указанного района непосредственно на Харьков, да еще в обход города с северо-запада и запада. Поскольку противнику, видимо, и в голову не приходила такая возможность, то его силы на этом направлении ограничивались лишь войсками, отступившими незадолго до того за р. Оскол.

Таким образом, 40-я армия появилась там, где враг ее никак не ждал. Он явно просчитался. Мы же воспользовались этим и осуществили свои замыслы согласно плану. Ни сопротивление противника, ни снежные заносы и свирепствовавшая 6-10 февраля пурга не помешали нашему стремительному наступлению. За несколько дней армия прошла с боями свыше 180 км и ударом во фланг и в тыл противника обеспечила освобождение Харькова

поисками Воронежского фронта.

* * *

Высокие темпы наступления войск 40-й армии были достигнуты в основном благодаря подготовительным мерам, подобным тем, которые мы провели перед началом Воронежско-Касторненской операции. И на этот раз каждая дивизия и бригада имела достаточное количество лошадей и саней. Она могла успешно пользоваться ими не только для подвоза материальных средств, но и для ускоренной переброски войск. Всем этим, в частности, объясняется и тот факт, что 40-я армия подошла к Харькову значительно раньше 3-й танковой, хотя последней для этого пришлось преодолеть всего лишь 110 км, т. е. на 70 км меньше.

Интересны и сравнительные данные о темпах наступления армий Воронежского фронта в целом за период проведения трех наступательных операций в январе-феврале 1943 г. Самыми высокими (14,5 км в сутки в среднем) они были у 40-й армии, достигшей также наибольшей глубины проникновения на обороняемую противником территорию (670 км по оси движения) {169}.

Этим я ни в коей мере не хочу умалить значение действий 3-й танковой и 69-й армий, отразивших удар главных сил танкового корпуса СС и не допустивших его маневра в сторону Белгорода. Речь идет о том, что в условиях снежных заносов сани легко мчались там, где с трудом проходили машины. В заслугу командованию дивизий и бригад 40-й армии следует поставить то, что они позаботились обеспечить себя конно-санным транспортом.

Февральская операция по освобождению Харькова явилась новым ярким свидетельством высоких моральных и боевых качеств войск Красной Армии, которые в трудных условиях зимы проявили массовый героизм и личную отвагу при выполнении поставленных задач. К сожалению, дальнейший ход событий привел к тому, что вторая столица Украины вновь оказалась в руках врага, правда ненадолго.

Глава XIV. Образование южного фаса Курской дуги

I

Противнику вскоре удалось не только опять захватить Харьков, но и несколько потеснить войска Воронежского фронта к северо-востоку. Это обстоятельство не оказало существенного влияния на стратегическую обстановку в целом и не приостановило начавшийся под Сталинградом поворот хода войны в нашу пользу. Тем не менее об этих событиях не следует

забывать хотя бы для того, чтобы не повторять ошибок, ибо как раз тогда снова, быть может в последний раз в таком широком масштабе, дала себя знать та недооценка сил врага, которая прежде не раз приводила к отрицательным последствиям.

Вот как это было.

Еще 12 февраля, во время боев на ближних подступах к Харькову, 40-я армия получила следующий боевой приказ:

"1. Армии по взятии Харькова, не позднее 13 февраля 1943 г. приступить к перегруппировке и выполнению повой операции - наступлению в направлении Грайворон, Ахтырка с фронта Казачья Лопань, Дергачи. Ближайшая задача - не позднее 17. 2. 1943 г. выйти главными силами на рубеж Краснополье, Славгород, Пожня, Спорное. Дальнейшая задача-к 21 февраля выйти на линию города Лебедин.

2. Боевой состав армии - прежний, кроме 303-й стрелковой дивизии, которая переподчиняется 38-й армии с выходом последней на рубеж Обоянь, Верхопенье...

5. 5-й гвардейский танковый корпус иметь на левом фланге, которому не позднее 19 февраля овладеть городом Ахтырка..."{170}

Так мы узнали, что нам нужно провести четвертую за период с 12 января наступательную операцию. Как и прежде, ее следовало готовить в ходе завершения предыдущей операции, без какой-либо оперативной паузы и снова с поворотом фронта наступления армии. На Харьков мы наступали в юго-западном направлении, а после овладения им должны были выводить войска на север и наступать в северо-западном направлении - на Лебедин.

Задачи, поставленные командованием Воронежского фронта 40-й, а также и другим армиям, вытекали из его далеко идущих планов наступления на Киев и Чернигов. Отвечали ли эти задачи сложившимся в тот момент условиям обстановки, а также возможностям войск фронта?

Позади у нас были три успешно проведенные наступательные операции. Войска фронта стремительно прошли в трудных условиях много сотен километров. Больше месяца они непрерывно вели напряженные бои. Все это не могло не сказаться на их состоянии, тем более, что в ходе наступления фронт не получал усиления. Численность личного состава его войск в результате потерь, особенно ранеными, значительно сократилась. В дивизиях насчитывалось по 3,5-4 тыс. человек{171}. Войска нуждались хотя бы н кратковременном отдыхе, с тем чтобы заодно восполнить понесенные потери в живой силе и вооружении, подтянуть отстававшие тылы и подвезти боеприпасы

и горючее. Словом, самое лучшее, что мы могли сделать, это приостановить наступление, закрепиться на достигнутых рубежах и как следует приготовиться к нанесению новых ударов по врагу.

Но командование фронта приняло иное решение. Быть может, оно рассчитывало на прибытие крупных резервов Ставки?

Я, например, в этом тогда не сомневался. Ведь по моим представлениям командующий фронтом не мог не знать, что армии ослаблены в предыдущих операциях и что по этой причине фронт не имел резервов и его войска уже на Харьков наступали в одноэшелонном построении.

Очевидно было и то, что Харьковскую наступательную операцию, в отличие от Воронежско-Касторненской и тем более Острогожско-Россошанской, мы провели с большим напряжением сил. А тут предстояло начать новое большое наступление на глубину свыше 150 км без передышки, не получив пополнения, не подтянув тылы и не создав необходимых материальных запасов.

Следовательно, думалось мне, да, вероятно, и другим командармам, мы только начнем, основную же роль в новой наступательной операции сыграют свежие силы, стоящие наготове где-то невдалеке. По моим предположениям они должны были составлять одну-две общевойсковые армии, два-три танковых корпуса и мощные артиллерийские средства.

Отсутствие таких дополнительных сил выявилось очень скоро. Причину их отсутствия я узнал лишь впоследствии, ознакомившись с одним из документов того времени. Это - донесение \439 - схема; 440\ Верховному Главнокомандующему, посланное 16 февраля 1943 г. из только что освобожденного Харькова. В нем говорилось:

"Войска Воронежского фронта, ведя непрерывные бои с противником в течение месяца, имеют ощутительные потери в живой силе и военной технике. Фронтом принимаются необходимые меры для своевременного выхода войск фронта на рубеж для выполнения очередной боевой задачи, имея в виду наступление на Киев, Чернигов. Однако принимаемых мер силами фронта мало для того, чтобы все части армий иметь в совершенстве боеспособными в смысле их численности и оснащенности танками и авиацией.

Прошу рассмотреть просьбу Воронежского фронта о следующем:

1. Фронт необходимо усилить тапками в количестве 300 штук для восстановления танковых корпусов и бригад.

2. 2-ю воздушную армию, работающую на фронт, усилить самолетами: истребителей - два полка, бомбардировщиков - три полка и штурмовиков - два полка.

3. Для кавкорпуса Соколова дать зенитную артиллерийскую дивизию.

4. Приказать НКПС более форсированными темпами продвинуть направленное фронту пополнение личным составом (речь шла о 19 тыс. человек, выделенных тогда фронту, из которых в феврале поступило только 1600 человек{172}.- К. М).

16 февраля 1943 г. Василевский, Голиков, Кузнецов"{173}.

Эта оценка имела примерно ту же основу, что и сделанная около года назад командованием Юго-Западного фронта. Как и тогда, силы и возможности противника были недооценены. Больше того, если весной 1942 г. командование Юго-Западного фронта полагало, что враг обессилен, то теперь командование Воронежского фронта к тому же посчитало его отступление из Харькова началом бегства за Днепр. Если бы это было так, то и тогда для наступления на Киев и Чернигов не хватило бы имевшихся у нас сил. Но дело обстояло хуже. Командование Воронежского фронта очень скоро убедилось в глубокой ошибочности своих выводов о состоянии войск противника и намерениях руководства врага.

Огромную роль в успехе наступления советских войск на Харьков в феврале 1943 г. сыграло, как уже отмечалось, то, что мы застигли противника врасплох. По этой причине он не сумел подтянуть крупные силы и попытаться остановить наш натиск. Силы же такие у него в то время имелись. Это подтверждается всем дальнейшим ходом событий.

Могут возразить: ведь то был дальнейший ход событий... Отвечу на это напоминанием о широко известном и само собой разумеющемся условии успешного руководства - умении предвидеть развитие событий. Это качество необходимо вообще, для военачальника оно тем более обязательно. Он должен учитывать все имеющиеся данные и по ним судить о силах и намерениях противника. Без этого успешно воевать невозможно.

Какие же имелись данные или признаки, которыми можно было бы объяснить убежденность командования Воронежского фронта в том, что противник "бежит за Днепр"? Пожалуй, никаких.

В районе Харькова, правда, к моменту его освобождения оказалась лишь так называемая группа генерала Ланца (вскоре Ланц был заменен Кемпфом). Ее ядро составлял уже упоминавшийся танковый корпус СС. И он, а также остальные соединения этой группы, не выдержав массированного удара войск Воронежского фронта, действительно бежали на запад и юго-запад от Харькова. Но понесенные ими при этом потери, хотя они и были немалыми, не означали, однако, разгрома ни

эсэсовского танкового корпуса, ни в целом группы, в которую он входил. Следовательно, не приходилось сомневаться, что еще предстояло иметь дело с этой вражеской группировкой.

Но и это еще не все. Штаб фронта мог, конечно, не знать, что уже тогда командование группы армий "Юг" с участием прибывшего на фронт Гитлера разработало план контрнаступления, в котором значительная роль отводилась именно этому эсэсовскому танковому корпусу. Однако то, что последний из Харькова бежал лишь до тех пор, пока ему грозило окружение, не должно было оставаться секретом для штаба фронта. И поскольку эсэсовский танковый корпус, выйдя за пределы опасного района, остановился и начал приводить себя в порядок, это, безусловно, следовало расценивать как угрозу левому крылу Воронежского фронта и его стыку с Юго-Западным фронтом.

Напомню, что уже 19 февраля противник нанес удары крупными силами танков по правому крылу войск Юго-Западного фронта. Следовательно, сосредоточение этих сил для ударов он начал в районе южнее Харькова как раз в те дни, когда командование Воронежского фронта ставило своим ослабленным армиям задачи на наступление.

Остается лишь считать, что у штаба Воронежского фронта в середине февраля не было ясного представления о противнике. Это и привело к решению на наступление ослабленными, нуждавшимися в отдыхе и пополнении войсками. Разумеется, оно не могло увенчаться успехом в условиях, когда противник сосредоточивал войска и жаждал реванша за Сталинград, за все свои поражения в зимней кампании 1942/43 г.

Но приказы полагается выполнять. Поэтому и в ходе боев за Харьков 40-я армия частью сил продолжала наступление на запад.

В тот период было получено еще одно распоряжение командующего фронтом. Дело в том, что еще 4 февраля 1943 г. мы слышали переданное по радио следующее сообщение Совинформбюро:

"30 января из пункта формирования отправилась на один из участков советско-германского фронта чехословацкая воинская часть, сформированная из чехословацких граждан, находившихся на советской территории к моменту вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР. Чехословацкой воинской частью командует полковник Свобода".

И вот теперь часть полковника Людвика Свободы направлялась в оперативное подчинение нашей армии{174}. Это воинское формирование, которое выросло в дальнейшем в крупное соединение, составившее основное ядро вооруженных

сил социалистической Чехословакии, в описываемое время представляло собой отдельный батальон. Его личный состав с нетерпением ждал возможности принять участие в вооруженной борьбе с немецко-фашистскими войсками.

И уже вскоре он получил боевое крещение, действуя в составе 25-й гвардейской стрелковой дивизии. Это произошло в марте, когда названная дивизия, переданная нами 3-й танковой армии для защиты южных подступов к Харькову, оборонялась западнее Змиева в районе населенного пункта Тарановка. Отдельному чехословацкому батальону был отведен для обороны участок на р. Мжа.

Там, у украинского села Соколове, он и получил боевое крещение. Воины чехословацкого батальона, сражаясь вместе с гвардейцами генерала Шафаренко, проявили величайшую доблесть. Они геройски дрались против фашизма, поработившего их родину, за ее освобождение. Батальон понес тяжелые потери, но с честью выполнил боевой приказ, не допустив переправы противника через р. Мжу. Так в огне, дыму и грохоте орудий Великой Отечественной войны рождалась дружба советских и чехословацких воинов и ковалась наша совместная победа над фашизмом.

О подвиге чехословацких воинов в бою под Соколовом написано немало. Хочу ко всему сказанному добавить нижеследующий документ, составленный после боя командиром батальона полковником Л. Свободой:

"Хозяйство Свобода

8 марта 1943 г. 23. 50

Командиру 25-й гвардейской стрелковой дивизии

Боевое донесение

Оборону Соколово держала 1-я усиленная рота 1-го отдельного батальона чехословацкой военной части в СССР.

Оборону составляло: 4 орудия ПТО, 3-76 мм орудия, 8 ПТР, 24 ДП, 3 миномета 82 мм, 3 миномета 50 мм, 6 станковых пулеметов. Подступы были заминированы.

Состав группы обороны - 350 человек.

В 13. 00 около 60 танков, 15-20 бронетранспортеров, около батальона мотопехоты в маскхалатах проникли постепенно на северо-западную окраину Соколове и оттуда к церкви двумя колоннами. Немцы оперировали танками "Рейнметалл", открывали сильный огонь из орудий и пулеметов, а также массово применяли огнеметы, которыми сожгли поселок. Танки разбили постройки, занимаемые нашими воинами, и уничтожили все дзоты со станковыми пулеметами.

Вражеская пехота вела сильный минометный огонь. В 16. 00

пехота и автоматчики проникли в поселок с хутора Куряче и Прогоня на юго-восточную окраину поселка. Бой продолжался в окружении, в церкви и в окопах возле нее. В результате боя враг занял Соколове. Реку Мжу не перешел.

Подбито и сожжено 19 танков, 4-6 транспортеров с автоматчиками. Враг потерял убитыми около 300 человек.

Наши потери: все противотанковые средства, кроме 2 ПТР, 5 станковых пулеметов, 3-82 мм минометов, 2-50мм минометов, 16 ручных пулеметов.

К 23.00 количество убитых и пропавших без вести около 200 солдат и офицеров. 60 раненых, которые были вынесены или самостоятельно вышли. Среди убитых командир 1-й роты (начальник обороны) надпоручик Ярош и его заместитель надпоручик Лом (командир пулем. роты). В случае поддержки обороны - хотя бы 10 танками - Соколово было бы удержано.

К 9 марта 1943 г. батальон занимает оборону: Миргород, Артюховка. Промежуток между Миргородом и Артюховкой обороняется четырьмя танками 179-й танковой бригады и артдивизионом.

Полковник Свобода Л. И."{175}.

Танков у противника на этом участке, действительно, оказалось намного больше, чем у наших войск. Еще бы, ведь для создания превосходства сил он сосредоточил тогда к югу от Харькова больше двух танковых армий...

Однако вернемся к тем дням, когда мы еще только освободили Харьков и даже не помышляли о том, что противнику так скоро удастся захватить его вновь.

II

В первой половине дня 17 февраля 40-я армия освободила Грайворон и Богодухов. К тому времени на этот рубеж вышли главные силы армии. Безо всякой паузы они произвели перегруппировку в новую полосу и тут же начали наступление, с тем чтобы не позднее 20 февраля достичь рубежа Краснополье Славгород - Пожня - Ахтырка, а к 24 февраля - линии г. Лебедин.

Выполняя указание штаба армии, дивизии не ввязывались в бои за отдельные опорные пункты, а блокировали их, устремляясь главными силами на запад. Уничтожением блокированных гарнизонов противника занимались вторые эшелоны.

В первые дни наступление в основном развивалось по плану. Только левофланговая 25-я гвардейская дивизия продвигалась медленно, так как враг на рубеже Старый Мерчик - Люботин встретил ее ожесточенными контратаками. В них участвовали значительные силы пехоты с танками. Это был первый сигнал о готовящемся контрнаступлении немецко-фашистских войск. Но

на главном направлении армии мы продолжали теснить на северо-запад остатки разбитых вражеских дивизий.

Вслед за Грайвороном и Богодуховым были освобождены Готня, Большая Писаревка, Красная Яруга, Краснополье, Боромля, Тростянец и др. Дивизии стремительно продвигались к р. Псёл, на западный берег которой поспешно отходили вражеские войска.

Тем временем 19 февраля противник перешел в контрнаступление силами 1-й и 4-й танковых армий против правого крыла Юго-Западного фронта, наступавшего на днепропетровском направлении. Удар из района Красограда наносил тот самый танковый корпус СС, который несколько дней назад бежал из Харькова. Теперь он наступал в направлении Павлограда во фланг и тыл 6-й армии Юго-Западного фронта.

Войска Юго-Западного фронта стали отходить. В связи с этим Ставка приказала Воронежскому фронту оказать помощь левому соседу. 69-я армия должна была нанести удар на Карловку, а 3-я танковая - на Красноград, во фланг и тыл немецко-фашистским войскам, действовавшим против 6-й армии Юго-Западного фронта.

Даже это не привело к пересмотру командованием Воронежского фронта своих планов наступления на Киев и Чернигов. Однако подобные планы уже явно не могли быть осуществлены. Ведь и без того ограниченные возможности войск фронта еще более уменьшились, после того как 69-я и 3-я танковая армии были перенацелены на новое направление. Кроме того, все явственнее обозначавшийся успех контрнаступления противника угрожал войскам не только Юго-Западного фронта, но и Воронежского.

Тем не менее командование фронта все еще пыталось реализовать свои прежние планы, причем делало это таким образом, что продвижение даже наиболее успешно наступавшей 40-й армии вскоре значительно замедлилось.

Произошло это так.

Выполняя приказ фронта, 40-я армия 23 февраля освободила города Лебедин и Ахтырку. К этому времени она продвинулась на 130-140 км от Харькова. Ее главная группировка выходила на рубеж р. Псёл. В тот день командующий фронтом дал высокую оценку действиям армии. Одновременно я получил новую директиву (No 130/ОП) следующего содержания:

"1. Армии, выйдя главными силами на рубеж Сумы, Межиричи, Лебедин, Будылка, Камыши, Должик, Опошня, привести части в порядок, подтянуть артиллерию и тылы, пополнить запасы и быть в готовности к дальнейшим наступательным действиям.

2. Для обеспечения выгодного исходного положения для дальнейшего наступления усиленными передовыми отрядами овладеть узлами дорог Степановка, Марковка, Штеповка, Александровка, Каменное, Морозовщина и Зеньков...

4. В связи с некоторым отставанием правого соседа на вас возлагаю ответственность за обеспечение стыка с ним и, кроме того, приказываю оказать содействие в овладении Суджа ударом из района Сумы через Хотень на Суджа с запада...

Командующий войсками фронта

генерал-полковник Голиков

Начальник штаба фронта

генерал-майор Пилипенко"{176}

Надо сказать, что за два дня до этого командующий фронтом в связи с поворотом левого крыла на юг приказал нам прикрыть своими силами прежнюю полосу наступления 69-й армии. Для этого мне было предписано направить форсированным маршем на левый фланг армии две стрелковые дивизии. Кроме того, требовалось создать подвижный резерв пехоты с танками и артиллерией, которому предстояло быть в готовности к действиям в южном направлении{177}.

Уже это распоряжение ослабило ударную группировку армии и сделало невозможным выполнение первоначальной задачи в кратчайший срок. Но я не подозревал тогда, что оно было только началом целой серии трудновыполнимых приказов. Продолжением ее и являлась вышеприведенная директива фронта от 23 февраля. Так в течение двух суток полоса наступления 40-й армии решением командующего фронтом была значительно расширена вправо и влево.

Однако нужно пояснить, почему в директиве фронта от 23 февраля содержалось требование нанести удар из района Сумы на Суджу. Накануне было получено сообщение о том, что этот город, находившийся в полосе наступления 38-й армии, освобожден. Я, конечно, обрадовался и - благо было недалеко - решил проехать в Сумы. Ко мне присоединился член Военного совета армии К. В. Крайнюков. Но уже в м. Боромля, где был оборудован вспомогательный пункт управления армии, выяснилось, что Сумы находятся в руках противника. Я тотчас же сообщил об этом по телефону начальнику оперативного отдела штаба фронта полковнику Д. А. Федорову и с удивлением услышал спокойный ответ:

- Ничего, к вечеру город все равно будет взят...

При такой самоуверенности начальника оперативного отдела не удивительно, что он, как потом выяснилось, решил "несколько опередить события", причем донесение об освобождении г. Сумы

было в тот же день передано в Москву и Совинформбюро сообщило об этом. На основе этих ошибочных данных командующий фронтом принял и решение относительно удара силами 40-й армии "из района Сумы через Хотень на Суджа", наложенное в его директиве от 23 февраля.

В тот же день окончательно выяснилось, что г. Сумы нами не РЗЯТ. Полковник Д. А. Федоров был отстранен от должности. Однако это мало помогло делу. Командующий фронтом очень хотел исправить досадную ошибку. И вот, поскольку 38-я армия несколько отстала, а ответственность за обеспечение стыка с нею все равно уже была возложена на 40-ю, то нам в ночь на 24 февраля и было приказано: "Быстрее овладеть г. Сумы"{178}.

Это указание содержалось в специальном дополнении к предыдущей директиве. В нем ставились новые задачи не только правофланговым дивизиям нашей армии, по и левофланговым. Вот что говорилось по этому поводу в упомянутом дополнении: "В связи с замедлением продвижения Казакова (командующий 69-й армией.- К.М.} на юг и юго-запад вам (т. е. 40-й армии.- К.М.) быстрее овладеть Котельва, Опошня и удерживать район за собой..."{179}

К тому времени наступление 3-й танковой, а также 69-й армий действительно было остановлено противником. Немецко-фашистское командование, уже значительно оправившееся после ряда крупных поражений, сконцентрировало на южном крыле советско-германского фронта значительные силы. Создав превосходство на решающих направлениях, оно с помощью сильных танковых ударов остановило наступающие советские войска и вскоре начало оттеснять их на восток и северо-восток.

Всего этого я в то время не знал, так как не имел полной информации об обстановке в полосах Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Поэтому меня сначала обеспокоило лишь то, что мероприятия фронта непомерно усложняли задачи 40-й армии. Но, думалось мне, они, вероятно, все же отражают какой-то вполне реальный план. Да и была надежда на то, что 69-я и 3-я танковая армии помогут Юго-Западному фронту разгромить противника и затем возвратятся в свои полосы, после чего и наша 40-я вздохнет свободнее.

Однако содержание директив фронта все более настораживало. Ведь в одной говорилось о некотором отставании 38-й армии, в другой - о замедлении продвижения 69-й. Все это происходило справа и слева от нас и потому не могло не учитываться при определении характера дальнейших боевых действий 40-й армии, ибо даже ее фланги не были обеспечены. Вследствие указанных причин справа и слева образовались

разрывы, достигавшие к 25 февраля примерно 50 км каждый.

Тем не менее по мере изменения обстановки командование фронта продолжало ставить 40-й армии все новые и новые наступательные задачи. 25 февраля в штаб армии поступило еще одно боевое распоряжение командующего фронтом: "С выходом Кравченко и Меньшикова (командиры 5-го гвардейского танкового корпуса и 309-й стрелковой дивизии.- К.М.) в район Опошня создаются благоприятные условия для захвата Полтавы с севера и северо-запада не в ущерб выполнения моей основной директивы No 130/ОП. Это дает возможность не только овладеть Полтавой, но и отрезать значительные силы противника, начавшего отход из района Валки, Ковяги, Коломак на Полтаву, и поможет Казакову быстрее справиться с задачей и выйти к Полтаве"{180}.

Целая серия боевых распоряжений с новыми дополнительными задачами внезапно хлынула в армию, поставив ее Военный совет, штаб, возглавляемый к тому времени генерал-майором В. С. Бенским, и войска в весьма затруднительное положение. Полоса наступления армии росла с неимоверной быстротой. За пять дней она перевалила за 200 км и теперь включала часть полосы 38-й армии, всю полосу 69-й, а с получением задачи на овладение Полтавой- еще и часть полосы 3-й танковой.

В таких условиях войска 40-й армии начали буквально расползаться. Силы ее были распылены на выполнение отдельных задач на широком фронте, фланги по-прежнему не были обеспечены. Кроме того, нам самим пришлось определять последовательность выполнения задач, так как все распоряжения содержали требование "быстрее овладеть", но сроки в них не указывались.

Нет слов, замыслы командования фронта были хорошие, но, к сожалению, нереальные. Они не могли быть осуществлены имевшимися в наличии силами и средствами. В составе 40-й армии были тогда ослабленные в продолжительных боях шесть стрелковых дивизий и один танковый корпус. Нечего было и думать о том, чтобы этими силами успешно наступать в такой широкой полосе и притом обеспечивать стыки на обоих флангах.

Да и проблема подтягивания тылов и пополнения запасов продовольствия, фуража, боеприпасов и горючего к тому времени еще больше обострилась. Тылы армии базировались на железнодорожную станцию Валуйки, от которой мы ушли уже более чем на 300 км. Автотранспорта для перевозок на такое расстояние не хватало. И чем дальше продвигались наши войска на запад, тем хуже становилось снабжение. Мы испытывали

большую нужду во всем необходимом.

Последнее, конечно, объяснялось и тем, что внимание командования фронта было приковано к действиям 69-й и 3-й танковой армий, где назревал кризис.

Да, теперь уже не осталось никаких оснований полагать, что немецко-фашистское командование собиралось отводить свои войска за Днепр. Наоборот, оно перебрасывало дивизии из Западной Европы и стремилось во что бы то ни стало удержать в своих руках Донбасс. В ходе боев обстановка для войск в полосе Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронта изо дня в день ухудшалась. Там противник явно стремился разгромить советские войска и снова овладеть Харьковом, без которого он не смог бы удержать Донбасс.

Не стоит, пожалуй, гадать о том, как в целом действовало бы командование Воронежского фронта при правильной оценке обстановки. Но что касается задач, поставленных 40-й армии, то, уверен, они в этом случае были бы иными. К сожалению, даже в условиях резко усилившегося давления противника с юга и юго-запада командование фронта продолжало верить в то, что к западу и северо-западу от Харькова он отводил свои войска за Днепр. Это видно хотя бы из того же боевого распоряжения от 26 февраля, требовавшего от 40-й армии максимального продвижения на запад, овладения г. Сумы и затем г. Полтава.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, 40-я армия продолжала наступление в указанных ей направлениях. К 1 марта мы вышли на рубеж Сумы - Межиричи Лебедин - Опошня, а частью сил на участке от Сум до Лебедина форсировали р. Псёл и овладели плацдармом глубиной 15-25 км. Южнее нами после освобождения г. Гадяч был захвачен еще один плацдарм. Передовые отряды дивизий вышли на р. Хорол, а местами даже на р. Сулу в ее верхнем течении.

К тому времени сопротивление врага войскам 40-й армии резко усилилось. До сих пор он отходил в западном направлении, ведя арьергардами сдерживающие бои. В последних же числах февраля начал контратаковать на отдельных участках, сначала силами роты, батальона с танками, а затем и больше. Наиболее упорные бои велись в районе Сум, Зенькова и Опошни. Было отмечено появление новых соединений и частей, прибывших из состава группы армий "Центр".

В частности, в районе г. Сумы уже несколько дней действовала свежая 332-я немецкая пехотная дивизия. Как стало известно из показаний пленных, она направлялась в Павлоград для усиления наступавшей оттуда группировки. Уже в пути ее перенацелили против 40-й армии. Подтверждение тому дал после

войны и Манштейн, который даже выразил сожаление по поводу того, что ОКХ вынуждено было повернуть эту дивизию на г. Сумы{181}.

Кстати, Манштейн, командовавший тогда группой армий "Юг" и руководивший контрнаступлением против войск Юго-Западного и Воронежского фронтов, в воспоминаниях подробно изложил свою оценку обстановки тех дней. Так, касаясь периода конца февраля, он писал: "...Главное теперь состояло в том, что мы наконец находились на пути к овладению инициативой. В сравнении с этим было бы не так уже важно, если бы за это время (т. е., вероятно, за время, которое должно было понадобиться для оттеснения за Северный Донец советских войск к югу от Харькова.-К. М.) противник несколько продвинулся в направлении на Киев и севернее его"{182}.

Несколько ниже он продолжал: "К 1 марта стало ясно, что русские ввиду своего поражения в районе между Донцом и Днепром и перед северным фронтом 1-й танковой армии ослабили свое сопротивление и что наша армия вновь сможет овладеть рубежом по Донцу". Вследствие этого немецко-фашистское командование рассчитывало "последовать за противником через еще скованный льдом Донец, чтобы потом зайти ему в тыл у Харькова и западнее его"{183}. И далее: "Мы намеревались нанести удар по южному флангу противника, чтобы потеснить его с юга или - если это окажется возможным - позже ударить ему в тыл с востока"{184}.

В этих не в меру хвастливых высказываниях гитлеровского фельдмаршала содержится, однако, и нечто заслуживающее внимания при оценке наступательных действий к западу от Харькова, предпринятых войсками Воронежского фронта в феврале-марте 1943 г. Во-первых, мы видим, что поскольку они проводились явно недостаточными силами, то и не могли повлечь за собой серьезной угрозы для противника. Во-вторых, центр тяжести боев войск Воронежского фронта еще 19 февраля начал перемещаться на юг, куда направлялось больше всего войск. Это обстоятельство в сочетании с ничем не объяснимым упорным стремлением командования фронта частью сил продолжать наступление на запад привело к тому, что эти соединения по существу все больше выключались из борьбы на решающем участке фронта, отдалялись от него и в конце концов оказались под угрозой обхода с флангов.

К сожалению, именно таков был результат наступления после овладения Харьковским промышленным районом. Конечно, и на командующих армиями, в том числе и на мне, лежит ответственность за это. Я, например, столь усердствовал в

продвижении вперед, что ослабленные, не получавшие пополнения и усиления войска 40-й армии ушли далеко на запад, оторвавшись от соседних армий на обоих флангах. Очень уж хотелось всем нам быстрее изгнать фашистов. Не эта ли поспешность явилась причиной ошибок и высшего командования?

Несколько позднее, в конце марта, когда командный пункт армии находился уже в населенном пункте Бутово, к нам прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Ознакомившись с событиями предшествующих недель, он высказал порицание решению выйти на р. Днепр, принятому при наличии таких ограниченных возможностей, какими располагал Воронежский фронт во второй половине февраля 1943 г. Представитель Ставки придерживался того мнения, что после взятия Харькова надо было занять оборону, закрепиться. В этом случае, по мнению Г, К. Жукова, противник, перейдя в контрнаступление, был бы не в состоянии овладеть Харьковом.

Досталось от него и мне за то, что исполнял недостаточно обоснованные решения, вырвался со своей армией далеко вперед. Вежливых слов он не подбирал. Но я не обиделся: сказанное им было правдой.

Возвращаясь к событиям конца февраля и начала марта 1943 г., должен сказать, что решения командования фронта действительно наиболее успешно выполнялись 40-й армией, и именно это поставило ее в трудное положение. Я уже говорил о разрывах, образовавшихся на стыках с 38-й и 69-й армиями. Так вот как раз там к началу марта и возникла угроза. На правом фланге армии, в районе г. Сумы, активизировалась одна пехотная дивизия противника, а на левом, в районе Котельвы,- другая, переброшенная из Голландии.

До 1 марта нам не было известно о появлении в районе г. Сумы 332-й немецкой пехотной дивизии. Поэтому мы пытались освободить этот город силами небольшой подвижной группы под командованием П. К. Жидкова.

Полковник Жидков возглавлял лучшую в корпусе генерала Кравченко 20-ю гвардейскую танковую бригаду. И сам был лучшим в корпусе командиром. В бою он успевал на своем танке побывать везде, где дрались подразделения и части его бригады, в самых жарких местах. И не только потому, что был беззаветно храбр, но и потому, что там он мог непосредственно руководить боевыми действиями соединения. Руководил же он своими отважными танкистами умело, грамотно, был для них примером во всем. Особенно ярко проявил себя полковник Жидков в январе 1943 г., когда во главе передового отряда корпуса первым

ворвался в Касторное.

Энергично атаковала противника его подвижная группа и под Сумами. Но теперь, после почти полуторамесячных непрерывных боев, ее силы были невелики. В состав группы входили, как и прежде, 20-я танковая бригада, но уже без танков, а также 59-й танковый и 4-й гвардейский истребительно-противотанковый артиллерийский полки. Противостояла же им пехотная дивизия со всеми средствами усиления.

О составе противостоявших войск полковник Жидков узнал от пленных, взятых в первом же бою. Это подтвердили и данные, полученные к тому времени армейской разведкой. Одновременно было отмечено усиливающееся давление противника на стыках как с 38-й, так и с 69-й армиями.

Создавалось впечатление, что немецко-фашистское командование стремится взять в клещи, окружить выдвинувшуюся далеко вперед 40-ю армию. Так оно и было на самом деле. И происходило это в то время, когда войска правого крыла Юго-Западного фронта под ударами превосходящих сил противника отходили на р. Северный Донец, что вело к обнажению всего левого крыла Воронежского фронта и грозило выходом главных сил противника на тылы фронта и его левофланговых армий. Там назревали грозные события.

III

После тщательного анализа обстановки Военный совет 40-й армии на заседании во второй половине дня 1 марта высказался за то, чтобы приостановить наступление и занять оборону. Это было правильно, и я принял решение приступить к оборудованию обороны по западному берегу реки Псёл от Сум до населенного пункта Каменное, а оттуда к юго-востоку - на Зеньков, Опошня. Кроме того, я считал необходимым оставить усиленные передовые отряды на речке Грунь (правый приток Псёла), а разведку выслать к р. Сула. Командующий фронтом утвердил это решение.

На первый "звонок" об опасности мы среагировали своевременно. Но этого оказалось мало.

4 марта группировка противника, в состав которой входил и танковый корпус СС, из района Красноград нанесла удар по войскам 3-й танковой армии в направлении г. Мерефа. Ослабленная предыдущими боями армия не смогла сдержать натиск врага и вынуждена была отходить. Этим она оголила фланг 69-й армии, которая также после овладения противником Валки начала отход. Одновременно противник атаковал правый фланг 69-й армии и ее стык с 40-й армией, которую он намеревался отрезать ударом через Краснокутск, Большая

Писаревка, Грайворон и далее на Белгород.

Чтобы предотвратить эту опасность, командующий Воронежским фронтом приказал мне вывести в резерв 107, 183 и 340-ю стрелковые дивизии, оперативно подчинив их 69-й армии для нанесения контрудара в общем направлении на Богодухов, Ольшаны с целью сомкнуть фланги 40-й и 69-й армий.

В завязавшихся кровопролитных боях нам не удалось соединить фланги. Слишком большим было превосходство противника, особенно в танках и авиации. Учитывая наметившуюся тенденцию более глубокого удара противника - на Белгород, Курск и не имея резервов для его парирования, командующий фронтом приказал мне начать отвод войск левого фланга теперь уже сильно ослабленной армии (вместо трех взятых у нас дивизий мы получили обратно одну, а также стрелковую бригаду).

В те дни нависла непосредственная угроза над Харьковом. Однажды, когда я был у себя на командном пункте в Тростянце, в 100-120 км от Харькова, мне позвонил генерал-полковник Ф. И. Голиков. Он сообщил, что только что говорил по ВЧ со Сталиным и тот спрашивал, какую роль в обороне Харькова играет 40-я армия и лично Москаленко. По словам Ф. И. Голикова, он сообщил Верховному Главнокомандующему, что 40-я армия без трех дивизий, переданных 69-й армии для прикрытия белгородского направления, находится на рубеже городов Сумы Лебедин - Зеньков - Котельва, далеко к северо-западу от Харькова, который и не входит в ее полосу. Выслушав, Сталин рекомендовал Голикову срочно направить меня в Харьков для ознакомления с обстановкой и выяснения возможностей участия 40-й армии в его обороне.

Раздумывать не приходилось. После разговора с командующим фронтом я с небольшой оперативной группой выехал в Харьков.

Там в это время назначенный комендантом города заместитель командующего Воронежским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов пытался организовать оборону силами немногочисленного гарнизона. Противник, потеснив ослабленные 69-ю и 3-ю танковую армии превосходящими силами, вел бои уже на юго-западной и южной окраинах Харькова. Вражеские танки и пехота яростно рвались к центру города.

Поздно! Попытку удержать город, усилив его оборону частью сил 40-й армии, нужно было делать значительно раньше. Теперь нечего было и думать о переброске войск и организации обороны в те считанные часы, которые оставались в нашем распоряжении. Так я и доложил командующему фронтом. Он согласился с тем,

что удержать город уже невозможно, и приказал мне вернуться в свою армию, чтобы принять меры против попыток противника обойти ее левый фланг.

Я возвратился в Грайворон, куда переехал штаб армии, и с ходу включился в непосредственное руководство боем.

Противник словно ждал моего приезда: на следующее утро 35 вражеских бомбардировщиков совершили налет на Грайворон. Удару с воздуха подвергся командный пункт и узел связи, причем несколько вражеских самолетов произвели прицельную бомбежку и обстрел из пушек и пулеметов с высоты 200-300 м. Управление войсками было под угрозой, но нам удалось переместить командный пункт в район Крюково.

Обстановка усугублялась еще и тем, что одновременно противник, отбросив части 69-й армии и выйдя на наш левый фланг, перешел в наступление силами пехотной и танковой дивизий с приданными частями. Танки и пехота неприятеля подошли к Грайворону. На южной окраине города завязался тяжелый бой. 400-й, 309-й стрелковым дивизиям и 5-му гвардейскому танковому корпусу удалось с наступлением темноты организованно отойти, однако при этом Грайворон и Большая Писаревка были захвачены врагом.

Направления ударов противника определились: одно - Грайворон, Борисовка, Томаровка, другое - вдоль шоссе Харьков-Белгород. Первое из них мы прикрыли силами дивизий, отошедших от Грайворона. В Головчино, что на полпути между Грайвороном и Борисовкой, организовали противотанковый опорный пункт. Враг упорно пытался овладеть им, но каждый раз откатывался с потерями.

Здесь боем непосредственно руководил командующий артиллерией армии полковник И. М. Снегирев. Таранному удару немецких тяжелых танков он противопоставил гибкое и эффективное применение всей имевшейся в районе Головчино артиллерии. Две трети ее Иван Михайлович Снегирев, лично возглавлявший расстановку огневых средств, поставил на прямую наводку. Артиллеристы нанесли тяжелый урон эсэсовским танковым частям. Особенно отличился в этом бою 4-й гвардейский истребительно-противотанковый полк, который и прежде не раз наносил врагу весьма чувствительные удары.

Под Головчино мы понесли тяжелую утрату. Здесь смертью храбрых пали полковник Снегирев и старший помощник начальника оперативного отделения штаба артиллерии армии капитан М. В. Давыдов.

В последующие дни, когда наши части отошли от Головчино, ожесточенные бои развернулись сначала в районе Борисовки, а

затем в районе Томаровки. Там на усиление к нам прибыл 3-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-майора И. А. Вовченко. Танки и все имевшиеся у нас силы были до предела использованы для разгрома наступающего противника. Даже зенитная артиллерия была поставлена на прямую наводку и применялась против вражеских танков и автоматчиков.

Против 40-й армии действовали крупные силы противника, оснащенные новейшим вооружением. Именно там мы впервые встретились с танками "тигр" и "пантера", самоходными орудиями "фердинанд".

Помню, под Борисовкой пришел ко мне генерал Вовченко и доложил, что его танки не пробивают лобовую броню немецких танков. Я удивился, так как ничего подобного до тех пор не было. Заинтересовались случившимся также приехавший к нам член Военного совета фронта генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов и член Военного совета армии полковник И. С. Грушецкий. Все вместе мы и отправились на наблюдательный пункт генерала Вовченко и убедились, что он прав. В бинокли мы увидели, что снаряды наших танковых пушек высекают сноп искр на лобовых частях немецких танков и рикошетируют в сторону.

Эту "загадку", однако, разгадали вскоре наши артиллеристы. Они учли, что лобовая броня у новых немецких танков была действительно мощной, и решили, что раз так, то нужно бить их не в лоб, а в борт или в корму. Это, конечно, совсем не одно и то же, так как требовало не только иной расстановки орудий в противотанковых опорных пунктах, но и величайшей силы духа. Ведь теперь нужно было сначала пропускать немецкие танки мимо себя, а уже потом бить по ним. Но, как известно, и силы духа, и отваги у советских воинов достаточно. Поэтому "тигры" горели не хуже, чем все остальные фашистские танки.

В ожесточенных боях воины 40-й армии уничтожили основную массу танков наступавшего противника. В течение нескольких дней враг понес такие потери, что ему уже нечем было атаковать на нашем направлении. 22 марта его наступление здесь выдохлось. Прекратили и мы свои контратаки и контрудары. В разрыв между флангами 40-й и 69-й армий подошла 21-я армия генерал-лейтенанта И. М. Чистякова, а вслед на ней - 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М. Е. Катукова. Жаль, что они не прибыли раньше, быть может, в этом случае противнику не удалось бы ни вновь захватить Харьков, ни вообще потеснить советские войска на юге.

До конца марта обе стороны вели бои местного значения по улучшению передовых позиций, а затем перешли к обороне. На

линии Краснополье Солдатское и далее к северу от Борисовки, Томаровки и Белгорода фронт стабилизировался. Образовался южный фас Курской дуги, где в июле и августе 1943 г. произошла решительная битва летней кампании 1943 г.

* * *

В зимней кампании 1942/43 г. немецко-фашистская армия понесла тяжелое поражение. Сталинградская битва ознаменовала начало коренного перелома в ходе войны. Северный Кавказ, Верхний и Средний Дон, Воронеж, часть Донбасса, Великие Луки и территория ржевско-вяземского плацдарма были навсегда освобождены от оккупантов, прорвана блокада Ленинграда. Мощными ударами Советских Вооруженных Сил была надломлена военная мощь гитлеровской Германии. Наша же армия становилась день ото дня сильнее. В этих условиях ничего уже не могло изменить предпринятое противником контрнаступление в районе Харькова. Оно велось силами отборных дивизий, собранных со всех театров военных действий и участков советско-германского фронта. На эти дивизии, более других насыщенные боевой техникой и вооружением, немецко-фашистское командование возлагало большие надежды.

Однако дело не пошло дальше взятия Харькова и Белгорода. Вражеское контрнаступление разбилось о непоколебимую стойкость и непревзойденное мужество советских воинов.

На этом и закончился фашистский "реванш" за Сталинград. Тщетными оказались огромные усилия немецко-фашистского командования, вновь пытавшегося нанести поражение Красной Армии. Понесенные в этих боях вермахтом большие потери еще основательнее подорвали военную мощь Германии и моральный дух ее армии.

О победах Красной Армии восторженно отзывалось все прогрессивное человечество, в том числе и народы западных стран, наших союзников по антигитлеровской коалиции. Вспоминая то время, я, к сожалению, должен сказать и о других существовавших тогда концепциях. Так, некоторые органы печати союзников стремились преуменьшить значение подвигов Красной Армии. Вероятно, это было связано с тем, что армии других членов антигитлеровской коалиции к тому времени не внесли существенного вклада в общую победу над фашизмом, и поэтому в прессе распространялись слухи о переброске гитлеровским командованием войск с советско-германского фронта на Запад. По этой версии получалось, что войска перебрасывались из районов, где они терпели поражение, туда, где не существовало никакой опасности.

То была логика фальсификаторов. Сообщения военных

обозревателей ведущих газет США и Англии находились в вопиющем противоречии с действительностью. Известно, что немецко-фашистское командование производило перегруппировку войск, но не с Востока на Запад, а в обратном направлении. Совинформбюро в своих публикациях от 31 января и 15 февраля 1943 г. назвало номера тридцати одной дивизии, переброшенных на советско-германский фронт с конца ноября 1942 г.

Обо всем этом не стоило бы упоминать, однако вздорные сообщения о якобы имевшей место в тот период переброске немецко-фашистских войск с Восточного фронта на Запад получили распространение и в послевоенное время. Делается это, разумеется, для обоснования беспочвенных заявлений о ведущей роли США и Англии во второй мировой войне.

Оценивая итоги зимней кампании, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в юбилейном приказе в связи с 25-й годовщиной Красной Армии указал: "Она научилась бить врага наверняка и с учетом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука. Сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия... Десятки тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск. Они научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя...

Нельзя считать случайностью и тот факт, что командование Красной Армии не только освобождает от врага советскую землю, но и не выпускает врага живым с нашей земли, осуществляя такие серьезные операции по окружению и ликвидации вражеских армий, которые могут послужить образцом военного искусства. Это, несомненно,- признак зрелости наших командиров..."{185}

Эта характеристика относилась и к 40-й армии, которая, как гласят документы Воронежского фронта, "в период наступления все время была ведущей и решающей армией фронта"{186}.

С переходом к обороне в конце марта 1943 г. советские войска продолжали наращивать силы и совершенствовать свое мастерство.

Впереди были решающие битвы лета 1943 г., за которыми последовала целая серия победоносных наступательных операций Советских Вооруженных Сил. В них принимала участие и 40-я армия. Но об этом - в другой книге.

Примечания

{1}Особая Краснознаменная Дальневосточная армия.

{2}Укрепленные районы находились в стадии строительства.

{3}Позже выяснилось, что судьба этой дивизии сложилась не

так. Соответственно мобилизационному плану, она ушла из г. Владимир-Волынского в район г. Ковель, но по пути следования попала в болотистую местность, застряла там и не смогла выполнить поставленную задачу. Командир дивизии полковник П. П. Павлов был за это отстранен от должности.

{4}В немецкую 6-ю армию в то время входили: 9, 44, 56, 57, 62, 75, 111, 168, 297, 298, 299-я пехотные и 213-я охранная дивизии; в 1-ю танковую группу - 9, 11, 13, 14 и 16-я танковые дивизии, а также моторизованные- 16, 25-я, СС "Викинг" и СС "Адольф Гитлер".

{5}Архив МО СССР, ф.229, оп.157, д.7/2, л.442.

{6}Рассказ В.А. Овечкина подтверждается архивными документами (Архив МО СССР, ф.229, оп.166, д.56, л.134)

{7}Архив МО СССР, ф.229, оп.166, д.56, лл.21-22; д.75, лл.1-4, 15-16

{8}Архив МО СССР, ф.33, оп.682524, д.473, лл.91-92

{9}Там же

{10}Ныне полковник И.М. Панфиленок проходит службу в штабе Закавказского военного округа.

{11}"Красная Звезда", 28.III 1965.

{12}См. Архив МО СССР, ф.1, оп.1, д.50, лл.39-40

{13}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.166, лл.16

{14}А. Филиппи. Припятская проблема. М., 1959, стр. 81. 48

{15}Архив МО СССР, ф.229, оп.213, д.25, лл.31

{16}Там же, оп.166, д.29, л.84

{17}Там же, оп.213, д.11, л.85

{18}Архив МО СССР, ф.229, оп.213, д.25, лл.27-31

{19}А.М. Василевский, Маршал Советского Союза. Начало коренного поворота в ходе войны.- "Битва за Москву". М., 1968, стр.12

{20}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.10, лл.1-4

{21}А.Филиппи. Указ. соч., стр.78, 104.

{22}"Совершенно секретно! Только для командования!". М., 1967, стр. 323.

{23}H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951, S.183-184

{24}Сформирована 10 августа 1941 г. на базе управления Киевского укрепленного района.

{25}Архив МО СССР, ф.229, оп.213, д.11, л.145

{26}А.Филиппи. Указ. соч., стр.134.

{27}"Kampftruppen", 1967, N 2

{28}Ibid., S.67-69

{29}Архив МО СССР, ф.202, оп.5, д.63, л.58

{30}2-й кавалерийский корпус с Южного фронта был

направлен через Полтаву не на Путивль, а на Ромны, но было уже поздно.

{31}Командующий 26-й армией.

{32}Архив МО СССР, ф.251, оп.646, д.466, лл.109, 110

{33}Там же, л.92

{34}Там же, л.108

{35}И.Х. Баграмян. Город-воин на Днепре. М., 1965, стр.145

{36}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.103, л.86

{36}H. Guderian. Op. cit., S.204; Бутлар. Война в России.- Мировая война 1939-1945. М., 1957, стр.172; "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", т.2, М., 1961, стр. 111

{37}"Военно-исторический журнал", 1967, No 2, стр.82

{38}H. Guderian. Op. cit., S.236

{39}Архив МО СССР, ф.361, оп.6079, д.6, л.29-30

{40}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.106, л.12

{42}Архив МО СССР, ф.361, оп.6079, д.23, л.125

{43}Там же, д.6, лл.38, 39

{44}Труп фон Кохенгаузена был нами обнаружен на поле боя после разгрома окруженной группировки. Тогда мы считали его погибшим в бою. Сообщение В. Кунце дает основание предположить, что предприимчивые подчиненные выбросили труп своего командира из машины, желая, видимо, прорваться на ней из окружения.- К. М.

{45}Архив МО СССР, ф.15, оп.11600, д.1066, лл.1-12.

{46}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.106, л.19.

{47}Архив МО СССР, ф.15, оп.11600, д.1066, л.6.

{48}Архив МО СССР, ф.202, оп.5, д.19, лл. 84-85.

{49}Архив МО СССР, ф.361, оп. 6079, д.11, л.265.

{50}Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963, Aufzeichnung von 12.XII.1941.

{51}"История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945". т.1, стр. 254

{51}Свою оценку Елецкой операции Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко впоследствии изложил так: "Елецкая операция, энергично проведенная войсками правого крыла Юго-Западного фронта, имела немалое значение в общем плане контрнаступления под Москвой. Разгромив елецко-ливенскую группировку врага, войска фронта сорвали намерение немецко-фашистского командования прорваться за Дон, очистили от врага участок железнодорожной рокады Москва - Валуйки протяженностью 170 километров от Волова до Долгорукова и оттянули па себя часть сил 2-й танковой армии. Создались благоприятные условия для разгрома 2-й танковой армии

войсками левого крыла Западного фронта южнее Тулы" (С. К. Тимошенко, Маршал Советского Союза. Юго-Западный фронт в битве за Москву."Битва за Москву", стр. 102).

{51}Брянского, Юго-Западного и Южного.

{52}Архив МО СССР, ф.251, оп.646, д.92, лл.17-19.

{53}Генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский 24.XII 1941 г. был назначен на должность командующего войсками Южного фронта.

{54}Архив МО СССР, ф.251, оп.646, д.521, лл.54-55.

{55}Г.К. Жуков, Маршал Советского Союза. Воспоминания командующего фронтом.- "Битва за Москву". М., 1968, стр.81

{56}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.800, лл.281-282.

{57}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.794, л.64.

{58}Архив МО СССР, ф.393, оп.8973, д.85, лл.96-97.

{59}Архив МО СССР, ф.220, оп.220, д.18, лл.135-137.

{60}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.77

{61}Архив МО СССР, ф.251, оп.646, д.145, лл.35-36.

{62}"Совершенно секретно! Только для командования!". М., 1967, стр. 380.

{63}Архив МО СССР, ф.251, оп.646, д.145, лл.34-60.

{64}Архив МО СССР, ф.251, оп.646, д.145, л.186.

{65}З. Вестфаль, В. Крейпе и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 116.

{66}Архив МО СССР, ф.15, оп.11600, д.1105, л.2.

{67}"Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны", вып. 5. М., 1951, стр. 18, 19.

{68}З. Вестфаль, В. Крейпе и др. Указ. соч., стр. 117.

{69}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.794, л.64.

{70}Командующим 57-й армией в то время был генерал-лейтенант К. П. Подлас, членом ее Военного совета - бригадный комиссар А. И. Попенко, начальником штаба - генерал-майор А. Ф. Анисов, 9-й армии - соответственно генерал-майор Ф. М. Харитонов, дивизионный комиссар К. В. Крайнюков, генерал-майор Ф. К. Корженевич.

{71}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.23

{72}Архив МО СССР, ф.220, оп.220, д.1, лл.351-353.

{73}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.793, лл.242, 243.

{74}Там же, л.244.

{75}В. Адам. Трудное решение. М., 1967, стр. 40

{76}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.794, лл.73-78.

{77}Архив МО СССР, ф.15, оп.11600, д.1308, лл.2-3.

{78}9-й армией в то время командовал генерал-майор П.М. Козлов, с 5 июня 1942 г. - генерал-майор В.Н. Гордов, с 18 июня - генерал-майор Д.Н. Никишин, с 24 июня - генерал-лейтенант А.И. Лопатин.

{79}"Совершенно секретно! Только для командования!", стр. 366, 367.

{80}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.799, лл.54-55.

{81}Архив МО СССР, ф.15, оп.11600, д.1308, л.3.

{82}Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963, Aufzeichnung von 22.VI.1942.

{83}Архив МО СССР, ф.220, оп.220, д.1, л.478.

{84}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.793, л.376.

{85}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.793, л.371.

{86}Генерал-майор, командующий 28-й армией с 4 июля 1942 г.

{87}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.793, л.377.

{88}Архив МО СССР, ф.229, оп.161, д.793, л.365.

{89}В. Адам. Трудное решение. М., 1967, стр. 51, 56.

{90}Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М., 1957, стр. 29, 30.

{91}"Военно-исторический журнал", 1965, No 10, стр.15

{92}"История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945". т.2, М., 1965, стр. 429

{93}"Сталинградская эпопея", стр.79

{94}Архив МО СССР, ф.96, оп.2011, д.22, л.107.

{95}Там же, л.108.

{96}Архив МО СССР, ф.341, оп.5312, д.9, лл.62, 63.

{97}Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963, Aufzeichnung von 30.VII.1942.

{98}Боевой приказ 1-й танковой армии от 28.7.1942 г. (Архив МО СССР, ф.300, оп.677292, д.3, лл.13, 14).

{99}Архив МО СССР, ф.300, оп.677292, д.1, л.246.

{100}Архив МО СССР, ф.15, оп.11600, д.1380, лл.1, 3.

{101}Там же, л.4.

{102}В. Адам. Трудное решение. М., 1967, стр. 71-72.

{103}"Великая победа на Волге". М., 1963, стр. 108-109.

{104}Архив МО СССР, ф.220, оп.220, д.86, л.11.

{105}"Военно-исторический журнал", 1965, No 10, стр.16-17

{106}Архив МО СССР, ф.220, оп.451, д.3, л.2.

{107}Архив МО СССР, ф.230, оп.568, д.8, л.9.

{108}Архив МО СССР, ф.220, оп.451, д.54, л.8.

{109}Архив МО СССР, ф.229, оп.258, д.7, л.67.

{110}Архив МО СССР, ф.300, оп.6914, д.14, л.41.

{111}Архив МО СССР, ф.300, оп.6911, д.34, л.5.

{112}"Великая победа на Волге". М., 1963, стр. 123.

{113}Архив МО СССР, ф.300, оп.6914, д.17, л.9.

{114}Там же, оп.6928, д.10, лл.140, 141.

{115}Там же, оп.6914, д.16, л.5.

{116}Архив МО СССР, ф.25, оп.11600, д.1311, лл.1-12.

{117}Архив МО СССР, ф.300, оп.258, д.7, л.70.

{118}"Битва под Сталинградом". М., 1944, стр. 29.

{119}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.31

{120}Архив МО СССР, ф.220, оп.451, д.26, лл.195-196.

{121}Там же, л.205.

{122}Там же, лл.202-204.

{123}Архив МО СССР, ф.300, оп.6914, д.17, лл.129-130.

{124}Там же, л. 146.

{125}Там же.

{126}З. Вестфаль, В. Крейпе и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 174, 184.

{127}З. Вестфаль, В. Крейпе и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 193.

{128}Архив МО СССР, ф.300, оп.6914, д.17, л.146.

{129}Архив МО СССР, ф.132-А, оп.2642, д.13, л.21.

{130}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.33

{131}Архив МО СССР, ф.220, оп.451, д.54, лл.56-57.

{132}Там же, лл.51-52.

{133}П.А. Ротмистров. Танкисты в боях под Сталинградом. - "Сталинградская эпопея", стр. 608.

{134}Там же, стр.608-609.

{135}Превосходство немецко-фашистских войск под Сталинградом вынужден был признать и английский историк второй мировой войны А. Кларк, далеко не друг Советского Союза. Он писал: "Попытки Паулюса и Гота взять Сталинград штурмом в августе и сентябре не увенчались успехом, несмотря на троекратное превосходство в людях, шестикратное - в танках и полное господство авиации в воздухе" (A. Klark. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941-1945. London, 1966, p. 199).

{136}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.33

{137}"Великая победа на Волге". М., 1963, стр. 157.

{138}Архив МО СССР, ф.220, оп.226, д.19, лл.258-262.

{139}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.35

{140}Сталинградская эпопея. М., 1968, стр.609

{141}Архив МО СССР, ф.300, оп.6927, д.10, л.85.

{142}Там же, л.11.

{143}И. Видер. Катастрофа на Волге. М., 1965, стр. 52

{144}Ф.В. Меллентин. Танковые сражения 1939-1945 гг. М., 1957, стр. 148

{145}Архив МО СССР, ф.32, оп.11306, д.89, лл.106, 163-154.

{146}Архив МО СССР, ф.32, оп.11306, д.57, лл.71-72.

{147}Там же, д.89, лл.225-226.

{148}Там же, д.57, лл.72, 95.

{149}Архив МО СССР, ф.229, оп.643, д.2, лл.79.

{150}Архив МО СССР, ф.395, оп.9136, д.42, лл.228-230.

{151}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.7, лл.209.

{152}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.412а, лл.16-18.

{153}Один из псевдонимов Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Упоминаемые также в донесении генерал-майор П. М. Зыков, генерал-майор П. С. Рыбалко, генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов, генерал-полковник Н. Ф. Ватутин командовали тогда соответственно 18-м стрелковым корпусом. 3-й танковой армией, 6-й армией, Юго-Западным фронтом. Далее, Филиппов - псевдоним командующего Воронежским фронтом генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова, генерал-майор Ф. Е. Боков был заместителем начальника Генштаба по организационным вопросам, генерал А. В. Хрулев - начальником тыла Красной Армии. Константинов и Михайлов - псевдонимы заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Г. К. Жукова и начальника Генерального штаба генерал-полковника А. М. Василевского.

{154}Архив МО СССР, ф.203, оп.2777, д.58, лл.427-429.

{155}Там же, оп.2843, д.28, лл.168.

{156}Архив МО СССР, ф.1296, оп.1, д.5, лл.14, 15.

{157}Архив МО СССР, ф.395, оп.9138, д.61, л.21.

{158}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.508, лл.19, 20.

{159}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.290, л.14.

{160}Архив МО СССР, ф.236, оп.2673, д.120, л.75.

{161}"Мировая война 1939-1945", М., 1957, стр. 206.

{162}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.412а, л.41.

{163}Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1957, стр. 405, 406.

{164}Архив МО СССР, ф.953, оп.9136, д.134, л.22.

{165}Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1957, стр. 403.

{166}"Совершенно секретно! Только для командования!". М., 1967, стр. 457.

{167}Там же, стр. 456.

{168}Там же, стр. 457.

{169}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.412а, л.49.

{170}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.304, л.2.

{171}Архив МО СССР, ф.203, оп.2777, д.66, л.35.

{172}Архив МО СССР, ф.203, оп.2777, д.66, л.57.

{173}Там же, д.66, л.356.

{174}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.301, л.98.

{175}Архив МО СССР, ф.1102, оп.1, д.4, л.155.

{176}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.304, л.24.

{177}Архив МО СССР, ф.203, оп.2777, д.68, л.68.

{178}Архив МО СССР, ф.203, оп.2777, д.68, л.195.

{179}Там же.
{180}Там же, л.245.
{181}Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1957, стр. 413.
{182}Там же.
{183}Там же, стр. 414.
{184}Там же, стр. 415.
{185}"Правда", 23.II.1943
{186}Архив МО СССР, ф.203, оп.2843, д.412а, л.49.